

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

52566

8/19
Ad -

Corberon, M. D. B.
//

ИНТИМНЫЙ ДНЕВНИКЪ

шевалье де-КОРБЕРОНА,

французскаго дипломата при дворѣ
Екатерины II.

(Изъ ПАРИЖСКАГО ИЗДАНИЯ).

Издание О. И. Булакова.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія К. К. Стефанскаго. Гороховая, 12.

1907.

Digitized by Google

DK169
C6A317

Отъ переводчика.

Мари-Даніэль Бурра, кавалеръ, а прекрасный танцоръ, актеръ-любитель, впоследствии баронъ де-Корберонъ, поэтъ, пѣвецъ и Донъ-Жуанъ, онъ сынъ президента Парижскаго Парламента, родился въ 1748 году, и прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ гвардіи короля Людовика XV, перешелъ на дипломатическое поприще. Сначала, въ 1778 г., онъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Кассель, при маркизѣ де-Веракѣ, тамошнемъ французскомъ посланникѣ, а потомъ въ 1775 г., зачисленъ на ту же должность при своемъ дядѣ, маркизѣ де-Жюиньѣ (de-Juigné) который тогда отправлялся посланникомъ ко двору Екатерины II, на смѣну Г. Дюрану.

Пробывъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ августа 1775 по октябрь 1780 г., онъ затѣмъ состоялъ короткое время французскимъ посланникомъ въ Цвейдрикенѣ потомъ вышелъ въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Парижѣ, улузѣ и Авиньонѣ. Во время террора его отецъ, братъ, племянникъ и зять погибли на эшафотѣ, а самъ онъ избѣгъ этой участи только потому, что былъ арестованъ и привезенъ въ Парижъ уже послѣ термидорскаго переворота. Какъ и гдѣ онъ жилъ потомъ, лишившись семьи и имущества, покрывъ мракомъ неизвѣстности, но умеръ онъ, не оставивъ потомства, въ декабрь 1810 г. въ Парижѣ.

Начало его дипломатической карьеры не редвѣшало, однакожъ, такого печальнаго конца. Въ Россію онъ пріѣхъ 27 лѣтъ отъ роду, блестящимъ моднымъ человѣкомъ, умнымъ, веселымъ, наблюдательнымъ и, по тогдашнему, прекрасно образованнымъ. Пропитанный идеями энциклопедистовъ, филозофъ, массонъ, сильно интересовавшійся „герметическими“ и оккультическими науками, а вмѣстѣ съ тѣмъ

Въ „Дневникѣ“ его, поэтому, нельзя искать какихъ-нибудь важныхъ политическихъ открытій, но за то этотъ „Дневникъ“ представляетъ собою вѣрный фотографическій снимокъ съ интимной жизни тогдашняго „свѣта“ и двора Императрицы Екатерины II. День за день, съ небольшими перерывами, авторъ записывалъ всѣ факты, интриги, сплетни и слухи, такъ или иначе ставшіе ему извѣстными, освѣщая все это съ точки зрѣнія не особенно глубокаго, но бойкаго, образованнаго и наблюдательнаго француза. Для русской публики, „Дневникъ“ Корберона долженъ представлять, поэтому, особенный интересъ, какъ взглядъ посторонняго человѣка на нравы и образъ жизни тогдашняго правящаго слоя въ Россіи и на характеры нашихъ общественныхъ дѣятелей конца XVIII столѣтія.

Но кромѣ того этотъ „Дневникъ“ является и превосходнымъ „человѣческимъ документомъ“, въ которомъ

авторъ, обсуждая чужія достоинства и недостатки, помимо своей воли выдаетъ свои, собственные.

Какъ бы ни были ошибочны его взгляды на русскую жизнь, и какъ бы ни были пристрастны сужденія о характерахъ окружающихъ лицъ, они во всякомъ случаѣ обладаютъ достоинствомъ полной искренности, такъ какъ „Дневникъ“ былъ написанъ не для публики, не для потомства, и даже не для знакомыхъ или друзей автора, а для собственнаго удовольствія, просто по привычкѣ, образовавшейся съ дѣтства, хотя и представляетъ собою какъ бы рядъ писемъ къ брату, къ невѣстѣ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

Почему авторъ придалъ своему дневнику такую эпистолярную форму—сказать трудно; но что письма эти, въ дѣйствительности, не были никому посылаемы и даже не предназначались къ отсылкѣ, видно уже изъ того, что „Дневникъ“, по показанію издателя его Labande'a, представляетъ собою шесть переплетенныхъ книжекъ, сплошь исписанныхъ неразборчивымъ почер-

комъ (иногда даже шифромъ) и переполненныхъ черезъ-чуръ интимными замѣтками, стихами, анекдотами и объяснительными замѣтками на поляхъ.

Выбросивъ все слишкомъ интимное, всё непонятныя мѣста, а также стихи и разсужденія о „герметическихъ“ наукахъ, издатель напечаталъ лишь то, что имѣетъ общественный интересъ, а мы, въ свою очередь, выключили изъ него тѣ мѣста, которыя относятся къ пребыванію автора во Франціи (начало „Дневника“) и касаются личностей, для русскаго читателя неинтересныхъ, то есть родныхъ и знакомыхъ де-Корберона. Изъ множества выносокъ, въ которыхъ авторъ приводитъ общезвѣстныя въ Россіи подробности о лицахъ, упоминаемыхъ въ „Дневникѣ“ (ихъ генеалогія, служебное положеніе и проч.), мы оставили только тѣ, въ которыхъ содержится что-либо новое.

Въ руки издателя „Дневникъ“ попалъ изъ Авиньонской городской бібліотеки (Музей Кальвэ), въ которую былъ пожертвованъ, въ 1899 г. генеральнымъ викаріемъ Клэрогъ.

Дневникъ шевалье де-Корберона

1775 годъ.

Съ 14 по 20 іюля.

Мы *) выѣхали изъ Дрездена въ часъ ночи, причемъ пришло вновѣ упаковывать вещи, распакованныя только на одинъ день. Очень жалѣли, что не могли остаться подольше. Ночь была лунная. Я сидѣлъ въ английской каретѣ съ маркизомъ. Желая завязать съ нимъ политическій разговоръ, я сталъ говорить о торговлѣ Россіи съ Англіей и о преимуществахъ, которыми пользуется послѣдняя по сравненію съ нами. Маркизь отвѣчалъ неопредѣленно, какъ человекъ, желающій скрыть свое мнѣніе или не успѣвшій себѣ его оставить; можетъ быть даже то и другое вмѣстѣ. Затѣмъ мы стали говорить о посланникахъ короля при разныхъ дворахъ, причемъ маркизь хорошо отзывался только о двухъ: о баронѣ де-Бретейлѣ и графѣ Монморейлѣ. Замѣчательно, что маркизь де-Жюинье хвалитъ именно тѣхъ лицъ, которые дурно объ немъ отзываются: де-Бретейля, открыто говорившаго въ Вѣнѣ, что маркизь ни на что не способенъ, и графа Барбансона, который хотя и не былъ посланникомъ, но, по мнѣнію маркиза, больше всѣхъ другихъ способенъ быть таковымъ.

Съ этого дня мы ѣхали не останавливаясь до самой Варшавы, такъ что ничего почти не могли видѣть. Проѣхали мы черезъ Бунцлау, гдѣ подвергались таможенному осмотру прусскихъ властей. Я мимоходомъ замѣтилъ, что прусскія таможи не строже прочихъ и что съ помощью денегъ да нѣкоторой ловкости отъ нихъ можно

благополучно отдѣлаться. Въ Бреславлѣ, гдѣ чинились наши экипажи, мнѣ удалось заснуть часа два на кровати, хотя и не раздѣваясь. Въ этомъ городѣ мы видѣли много французовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время послѣдней войны. Они очень скучаютъ по родинѣ и стремятся вернуться.

Изъ Бреславля путь идетъ на Вартенбергъ, гдѣ лежитъ граница между Пруссіей и Польшей. По дорогѣ къ Наравичу (Nagawicz) мы провели очень утомительную ночь. Почта тамъ ходитъ на заморенныхъ еврейскихъ клячахъ. Эти несчастныя животныя все время ташили насъ шагомъ, тѣмъ болѣе что дорога идетъ лѣсомъ и ночь была настолько темна, что намъ пришлось зажечь факелы изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей. Горятъ они очень ярко и мы устроили изъ нихъ, ради удовольствія, очень красивую иллюминацію. Но эта ужасная ночь все же насъ утомила. Часа въ четыре утра, мы пріѣхали въ Вельжи (Wielgie), а оттуда, черезъ Черновицы, пробрались въ Варшаву.

Ужасная страна! Ели да песокъ. Городами тамъ называются простыя деревушки, состоящая изъ деревянныхъ хибарокъ, проколченныхъ дымомъ и покрытыхъ пылью, что, кромѣ убожества, придаетъ имъ видъ крайней нечистоплотности. Обыватели, по большинству евреи, дополняютъ печальную картину, тѣмъ болѣе что, не смотря на бѣдность и гнѣтъ, въ которыхъ живутъ, они повидимому не чувствуютъ своего несчастія: рабы, нищія, а между тѣмъ кажутся довольными. Привычка скрашиваетъ, должно быть, ужасъ невольничества, но она за то унижаетъ

*) То есть авторъ «Дневника», съ маркизомъ де-Жюинье, маркизомъ Шонсеггеномъ (вторымъ секретаремъ), аббатомъ Дефоржемъ и другими членами посольства.

людей, лишаетъ ихъ характера. Наши служители били этихъ несчастныхъ, что однакожь заставляло ихъ только смѣяться да удваивать свое усердіе. Но въ то-же время они не упускали случая въ украсть у насъ, что могли. Мнѣ кажется ударъ палкой и мелкая монета производятъ на нихъ одинаковое впечатлѣніе; они одинаково смѣются и одинаково благодарятъ за то и за другое Души ихъ, угнетенныя продолжительнымъ рабствомъ, потеряли уже способность чувствовать оскорбленіе. Удивительно ли послѣ этого, что люди, настолько лишенные понятія о своихъ правахъ, могутъ подчиняться первой попавшейся силѣ?

Къ такимъ печальнымъ философскимъ выводамъ привела меня, между прочимъ, одна тяжелая сцена, которой я былъ свидѣтелемъ. Мы были въ Равѣ (Rava), небольшомъ городкѣ, больше похожемъ на деревню. Желая дать лошадямъ отдыхъ, мы пробывли тамъ около трехъ часовъ. Во время обѣда, одна изъ служившихъ намъ дѣвушекъ разбила тарелку, стоящую не болѣе четырехъ или пяти польскихъ флориновъ, то есть одно зекю. Хозяйка гостинницы побила эту несчастную и кромѣ того приговорила ее къ уплатѣ стоимости разбитой тарелки. Надо знать, какое ничтожное жалованье получаетъ польская прислуга, чтобы понять горе дѣвушки; она пришла къ намъ заливаясь слезами, такъ что всѣ мы были тронуты. Маркизь де-Жюинье тотчасъ же рѣшился заплатить за тарелку, и когда аббатъ *), по его приказанію, передалъ дѣвушкѣ деньги, то я помню, какая перемѣна произошла въ выраженіи ея лица: радость и удивленіе сдѣлали ее неподвижной. Но скоро она пришла въ себя и, бросившись къ ногамъ маркиза, стала со слезами цѣловать его руки. „Чѣмъ я заслужила такую милость со стороны этого добраго господина?“ говорила она. Самъ маркизь прослезился, но у меня слезы не пошли въ виду слѣдующаго соображенія: „Этотъ человекъ, по природѣ, добръ“ — думалъ я — „и

остался бы добрымъ, если бы не былъ скупъ. Вотъ онъ теперь заплатилъ зекю, чтобы доставить своей душѣ радость, а лудора то, пожалуй, для такой цѣли не пожертвовалъ бы“.

Только что я это подумалъ, какъ въ комнату вошла маленькая депутація отъ мѣстныхъ школъ, въ лицѣ трехъ монаховъ, принесшихъ на поклонъ Его Превосходительству корзину съ грушами и связавшихъ привѣтвенную рѣчь на плохомъ латинскомъ языкѣ. Маркизь вышелъ изъ этого испытанія не съ такимъ блескомъ какъ изъ предъидущаго. Попробовавъ груши и задавъ монахамъ нѣсколько пустыхъ вопросовъ, онъ сталъ пить кофе, даже не предложивъ его имъ, такъ что депутаты принуждены были уйти съ пустыми руками. Это меня очень огорчило; да и не меня одного. Я вспоминалъ о своемъ соображеніи и нашелъ его вполне справедливымъ.

Четвергъ, 20.

Въ Варшаву мы прибыли въ десять часовъ утра, и часа два должны были ожидать, пока намъ найдутъ недорогое помѣщеніе, такъ какъ маркизь, по экономическимъ соображеніямъ, заранѣе позаботился только объ одномъ себѣ. Въ концѣ концовъ мы помѣстились въ домѣ герцога Карла Курляндскаго, котораго въ это время въ Варшавѣ не было. Управляющій его уступилъ намъ нѣсколько комнатъ. Надо замѣтить, что тѣмъ, кто ѣдетъ въ Польшу, слѣдовало бы заранѣе запастись квартирою, такъ какъ польскіе магнаты относятся гостепріимно только къ своимъ знакомымъ и друзьямъ, а гостинницъ очень мало и онѣ дороги. За помѣщеніе нашей компаніи, напримѣръ, съ маркиза просили сто дукатовъ въ день; какъ мы ни торговались — ничего не помогло и, если бы не управляющій герцога Курляндскаго, намъ пришлось бы плохо.

Что касается самаго маркиза, то другъ его, великій гетманъ (Grand-général) Литовскій, графъ Огинскій, прислалъ своего адъютанта, барона Гейкинга, съ предложеніемъ помѣститься у него (на что маркизь и расчитывалъ).

*) Дефоржъ, капелланъ маркиза де-Жюинье, сопровождавшій его въ Россію.

Мы съ Пюнсегуромъ пошли прогуляться по городу, а потомъ отправились въ театръ, гдѣ давалась опера-буффъ, *Le Chevalier de la Vieille-Roche*, доставившая мнѣ большое удовольствіе. Возвратившись домой, мы нашли приглашеніе графа Огнискаго останавиться у него, чѣмъ тотчасъ же и воспользовались. Маркизь представилъ насъ, съ обычной для него неловкостью. Наконецъ то мы получили то, чего такъ долго были лишены: хорошій ужинъ и хорошую постель; за то и выспались какъ слѣдуетъ.

Пятница, 21.

У меня сегодня были съ визитомъ очень многіе и между прочимъ Гейкингъ, котораго я назвалъ человѣкомъ, умнымъ и не лишеннымъ философскихъ идей. За обѣдомъ присутствовали двѣ дамы, которыя мнѣ показались весьма милыми. Одну изъ нихъ называли старостихой (*stargostica*), потому что мужъ ея былъ староста, то есть губернаторъ. Это—молодая женщина, лѣтъ двадцати, съ фигурой, достойной Роксоланы. Пюнсегуръ тотчасъ же пристроился къ ней въ роли Сулеймана. Другую даму называли подскарбьной (*podscarbina*), что значитъ—жена казначея; настоящихъ именъ этихъ дамъ я не знаю. Последняя была настолько же нѣжна и деликатна, насколько первая бойка и кокетлива. Говорили, что она очень добродѣтельна и холодна. Эти два эпитета въ Польшѣ всегда совмѣщаются, потому что въ этой странѣ большинство женщинъ очень соблазнительны и легко доступны. Жаль только, что главнымъ условіемъ нѣжныхъ отношеній тамъ часто является золото. Поэтому страсти въ Польшѣ такъ же рѣдки, какъ и сложныя интриги. Тамъ не любятъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, а сговариваются. Старостиха слыла тогда фавориткой графа Огнискаго; выйдя два года тому назадъ замужъ за старосту, которому было запрещено пользоваться супружескими правами, она черезъ нѣсколько времени разошлась съ нимъ и въ ранней молодости стала пользоваться свободой и прерогативами вдовы.

Суббота, 22.

Утромъ я былъ у гетмана; это очень любезный человѣкъ, по вкусу и по привычкѣ посвятившій себя свободнымъ искусствамъ, къ которымъ онъ очень способенъ, особенно къ страстно любимой имъ музыкѣ. Онъ очень хорошо играетъ на скрипкѣ, на кларнетѣ, на клавесинѣ, на арфѣ и на гармоникѣ. Мнѣ онъ рассказывалъ объ арфѣ, которую изобрѣлъ и къ которой будетъ приспособлена флейта. Теперь онъ сочиняетъ оперу на польскомъ языкѣ, очень къ тому пригодномъ; я съ удовольствіемъ прослушалъ одинъ пассажъ изъ этой оперы. Характеръ графа Огнискаго проявляется во всѣхъ его поступкахъ не столько энергичнымъ, сколько нѣжнымъ и мягко-чувственнымъ. Этимъ объясняется оклонность его къ частной жизни и къ музыкѣ. Онъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ монархіи, чѣмъ въ республикѣ; поэтому то конфедераты, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрять въ окружающихъ его лицъ, чѣмъ въ него самого. На дѣлѣ имъ руководитъ графъ Коминскій, человѣкъ тонкій, развязный, обладающій дѣльнымъ, повелительнымъ характеромъ.

Передъ обѣдомъ мы сѣдали визитъ вице-канцлеру. Послѣ кофе, явился русскій посолъ, графъ Штакельбергъ. Я видѣлъ его одну только минутку, но все-таки онъ мнѣ показался человѣкомъ ловкимъ, тонкимъ, много повидавшимъ и знающимъ людей. Затѣмъ баронъ Гейкингъ предложилъ намъ прогуляться въ Саксонскомъ саду, очень красивомъ; мы съ Пюнсегуромъ согласились. Тамъ было много дамъ, очень красивыхъ, и въ томъ числѣ публичныя женщины, болѣе привлекательныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной изъ нихъ мы разговорились и она насъ очень позабавила.

Воскресенье, 23.

Въ полдень, всѣ мы, вмѣстѣ съ маркизомъ, представлялись королю, находившемуся тогда у обѣдни, въ дворцовой церкви, очень простенькой. Да и вообще весь дворецъ некрасивъ.

Есть въ немъ нѣсколько довольно большихъ залъ, какъ та, напримѣръ, въ которой развѣшены портреты всѣхъ польскихъ королей, затѣмъ—бальная или концертная, и наконецъ та, гдѣ мы ждали возвращенія короля изъ церкви. Народу было много; почти столько же, сколько бываетъ въ Ойльде-Бефъ, въ Версали. Когда король вернулся, то насъ пригласили въ соседнюю комнату, довольно большую, но темную, гдѣ мы и были представлены. Король стоялъ опершись на каминъ, онъ высокъ ростомъ, красиво сложенъ, обладаетъ прекрасными чертами и благороднымъ, полнымъ достоинства и доброты лицомъ. Онъ принялъ маркиза весьма милостиво, а нашъ посоль казался очень сконфуженнымъ и смотрѣлъ въ землю. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Его Величество взглянулъ на насъ, какъ бы желая, чтобы насъ ему представили, но посоль этого не понялъ и уже вице-канцлеръ догадался исполнить желаніе короля. У Пюнсегюра король спросилъ, не родственникъ ли онъ маршалу Пюнсегюру, писавшему о военномъ искусствѣ, а у меня—не бретонецъ ли я (въ виду перваго слога моего имени).

Маркизъ могъ бы воспользоваться этимъ, чтобы сказать, что я—его племянникъ и родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, сообщить о моемъ положеніи въ посольствѣ и мѣстѣ, которое занималъ мой отецъ. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ, что меня, признаться сказать, очень обидѣло. Черезъ нѣсколько минутъ король со свитой удалился. Такое смѣшеніе французскихъ обычаевъ съ польскими довольно оригинально. Пышные мундиры, и при нихъ—длинные усы, бритые головы; намъ это не понравилось: точно два столѣтія соединены въ одно. Новыя моды, однакожъ, берутъ верхъ надъ старыми; дамы и иностранцы предпочитаютъ французскій костюмъ, да и король тоже.

Вечеромъ мы ѣздили въ его загородный дворецъ, Лазенки, гдѣ онъ проводитъ все лѣто; очень красивое мѣсто. Домъ тамъ маленький и окруженъ водою, но сады очаровательны своей

безъ искусственности. Есть въ нихъ цвѣтники и много тѣни.

Понедѣльникъ, 24.

Мы съ Гейкингомъ говорили о политикѣ; онъ сказалъ, что много работалъ подъ руководствомъ своего дяди, графа Сакена, министра иностранныхъ дѣлъ при электорѣ Саксонскомъ. А кстати Гейкингъ передалъ мнѣ слѣдующую записку, съ просьбой воспользоваться ею, когда представится случай:

Записка барона Гейкинга.

„Хотя принцъ Карлъ Саксонскій долженъ былъ уступить герцогство Курляндское отцу нынѣ царствующаго герцога *), но мой отецъ, дроссаръ (drossard) Гейкингъ, въ виду двойной присяги принцу Карлу, заохотѣлъ остаться ему непоколебимо вѣрнымъ. Эта вѣрность была наказана конфискаціей его имущества и балъжей.

„Такъ какъ законы Курляндіи запрещаютъ конфискаціи такого рода, то мой отецъ жаловался королю и всей націи. Процессъ шелъ много лѣтъ, до тѣхъ поръ пока князь Репнинъ **), русскій посланникъ, тронутый несчастнымъ положеніемъ моего отца, не вступился за него и не убѣждалъ герцога Эрнеста-Иоганна дать ему въ вознагражденіе за убытки Виндавское дроссарство (drossarderie) и Нейгаузенскій балъжай.

„Будучи увѣренъ въ покровительствѣ Ея Величества, Императрицы Всероссийской, мой отецъ вступилъ во владѣніе этими имѣніями, но здоровье его, подточенное горемъ, не выдержало и онъ скончался, только что пріѣхавъ въ Курляндію. Герцогъ Эрнестъ-Иоганнъ поэтому счелъ себя свободнымъ отъ обязательства и отнялъ у насъ имѣнія, лишивъ, такимъ образомъ, всего, чѣмъ мы были обязаны покровительству Ея Величества. Живя вдали отъ родины и будучи слишкомъ молодъ для того,

*) Бирона.

***) Николай Васильевичъ, будущій фельд-маршалъ, племянникъ Панина.

тобы настаивать на своихъ справедливыхъ требованіяхъ, я вытерпѣлъ адѣсь все, что бѣдность заключаетъ въ себѣ тяжелаго, противопоставляя суровому року только безупречное поведеніе и прилежныя занятія науками. Достигнувъ теперь чина майора, командира атакельономъ 1-го Литовскаго пѣхотнаго полка, я вижу, что получаемое мною скромное жалованье будетъ неостаточнымъ для удовлетворенія моихъ нуждъ, если царствующій герцогъ не удостоитъ дать мнѣ нѣкоторую пенсію, въ видѣ ли скромной пенсіи на нѣсколько лѣтъ, или въ видѣ единовременнаго вспоможенія, или, наконецъ, въ видѣ какого-нибудь балжа“.

„Его Превосходительству, маркису де-Жюинье, было бы легко получить отъ графа Панина *) рекомендательное письмо на этотъ счетъ къ Его Высочеству, царствующему герцогу.

Подписано: „Баронъ Гейкингъ, камергеръ и майоръ 1-го Литовскаго полка“.

Вечеромъ мы были въ оперѣ, а потомъ гуляли съ Гейкингомъ, причѣмъ говорили о массонствѣ. Завтра онъ поведетъ меня къ главѣ ложи „Истинной Дружбы“ который записалъ меня въ число ея членовъ.

Вторникъ, 25.

Вечеромъ король былъ съ визитомъ гр. Огинской. Онъ оставался съ полчаса, а потомъ мы съ великимъ германомъ были на свадьбѣ въ одной городской семьѣ. Было много народа. Религіозная церемонія происхо-

*) Никиты Ивановича, о которомъ де-Корбонъ, въ депешѣ своей къ де-Вержену, зывается такъ: «Графъ Панинъ—старѣйшій изъ министровъ этого двора. Онъ безсиленъ передъ фаворитами, какъ и всѣ прочіе; вліяніе не имѣетъ никакого. Сластолюбивый по натурѣ и лѣнивый по привычкѣ, онъ даже и заботится о томъ, чтобы имѣть вліяніе на ударыню». Еще раньше, Сабатье де-Кабрь говорилъ о немъ въ 1772 г.: «Безпечность и глупость его невыразимы. Онъ проводитъ всю жизнь со лестницами и второстепенными куранками. Дѣла, даже самыя важныя, лежатъ на немъ безъ движенія; мало образованъ и самъ своими напоминаетъ молодого, избалованнаго женщинами развратника».

дила въ залѣ, гдѣ былъ поставленъ временной алтарь. Я не замѣтилъ большой разницы съ процедурой вѣнчанія у насъ, кромѣ того что здѣсь она нѣсколько короче. Послѣ вѣнца, всѣмъ роднымъ, высокопоставленнымъ лицамъ и иностранцамъ роздали по цвѣтку изъ букета и по куску подвязки новобрачной. Я тоже получилъ свою долю. Затѣмъ былъ большой ужинъ, послѣ котораго новобрачную повели въ спальню, а въ залѣ начались тосты. Ихъ было безчисленное количество, но такъ какъ вино оказалось очень хорошимъ, то никто на это не жаловался, а въ томъ числѣ и я. Вернулись мы домой, чтобы тотчасъ же ѣхать далѣе, но такъ какъ Пюисегюру хотѣлось остаться, то онъ и подстроилъ препятствіе — лошади оказались не готовы. Поэтому намъ пришлось уступить просьбамъ графа и графини Огинскихъ и провести у нихъ еще одну ночь.

Отъ 26 до 29.

Утромъ въ среду у меня перебыло много народа: г. Фагонъ, французскій офицеръ на русской службѣ, пользующійся въ Польшѣ очень плохой славой; шевалье де-Сентъ-Круа, служившій у конфедератовъ, взятый въ плѣнъ, сосланный въ Сибирь и т. д.; г. Боно, неглупый малый, хотя немножко жеманный. Онъ семь лѣтъ былъ личнымъ секретаремъ примака, раньше того путешествовалъ по Италіи, а теперь желалъ получить мѣсто секретаря посольства.

Всѣ эти прощальныя визиты предвѣщали нашъ скорый отъѣздъ и потому были мнѣ пріятны, такъ какъ я очень былъ недоволенъ своимъ представленіемъ королю и тѣмъ, что маркизъ со всѣмъ не поручалъ мнѣ никакихъ дѣлъ. Я даже только случайно узналъ, что онъ писалъ о чемъ-то министру и что Розуа *) снималъ копіи съ какихъ-то очень важныхъ бумагъ.

Выѣхали мы изъ Варшавы въ семь часовъ вечера, да потомъ еще долго провозились съ переправой на паро-

*) Второй секретарь.

мѣ черезъ Вислу, которая очень широка и быстра. Страна, по которой мы затѣмъ два дня ѣхали, оказалась болѣе красивой и богатой, чѣмъ по ту сторону Варшавы.

Въ восемь часовъ вечера, въ пятницу, мы прибыли въ Вѣлостоку, къ графинѣ Браницкой, вдовѣ великаго гетмана и сестрѣ короля Станислава Понятовскаго. Жюинье и Пюнсегюръ, ѣхавшіе въ англійской каретѣ, тотчасъ же отправились въ замокъ, причѣмъ Пюнсегюръ даже не успѣлъ переедѣться, такъ какъ маркизъ никого не предупредилъ о предстоящемъ визитѣ. Меня послали искать, но я не хотѣлъ являться къ графинѣ въ дорожномъ костюмѣ и тѣмъ далъ маркизу почувствовать его небрежность.

Суббота, 29.

Вставши утромъ, я наскоро одѣлся, чтобы идти съ визитомъ въ замокъ. Дорогою осматривалъ городъ, который намѣлъ очень красивымъ: широкія, прямыя улицы; крытыя черепицей, однообразные домики съ мансардами; передъ каждымъ изъ нихъ—дворъ и троттуаръ. Дворецъ или замокъ гр. Браницкой великолѣпенъ; комнаты въ немъ огромныя и прекрасно меблированы. Вошли мы къ графинѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, который забылъ меня представить, такъ что я долженъ былъ представиться самъ. Графиня приняла меня прекрасно. Затѣмъ мы у ней обѣдали; за обѣдомъ присутствовала одна француженка, м-мъ Люлье. Послѣ обѣда гуляли по саду, который хорошъ, но ничего необыкновеннаго собою не представляетъ.

Уѣхали мы въ семь часовъ вечера, обильно снабженные всякаго рода провизіей. Между прочимъ графиня велѣла намъ дать вѣчто вродѣ желѣзной корзинки на палкѣ; въ эту корзинку кладутся еловые или сосновые лучинки и зажигаются ночью, вмѣсто фонаря. Мѣстные крестьяне освѣщаютъ такими лучинками свои дома.

Съ 30-го по 31-ое включительно.

Проѣхавъ ночью черезъ Куреницу и другіе городки, похожіе на тѣ, кото-

рыя встрѣчались намъ передъ Варшавой, въ одиннадцать часовъ утра приѣхали мы въ Гродно. Этотъ городъ когда-то, какъ мнѣ говорили, очень богатый, теперь точно разрушенъ неприятелемъ. Онъ уступами поднимается Нѣманомъ, который течетъ внизю. У дома, занятаго маркизомъ, оказался почетный караулъ, присланный литовскимъ подскарбіемъ (trésorier), графомъ Тизенгаузомъ, который здѣсь командуетъ. Вскорѣ и самъ онъ явился пригласить насъ къ обѣду. Этотъ магнатъ очень красивъ, образованъ и обладаетъ живымъ воображеніемъ. Онъ насъ угостилъ очень обильнымъ, но плохимъ обѣдомъ; вино тоже было плохо. За обѣдомъ было много гостей, одѣтыхъ по польски, что производило довольно внушительное впечатлѣніе. Послѣ обѣда мы слушали домашній оркестръ хозяйна, очень хорошій. Были также пѣвцы и пѣли по итальянски. Всего интереснѣе то, что эти пѣвцы и музыканты суя рабы, которыхъ учили съ раннихъ лѣтъ и успѣли научить всему, что дается человѣку, не обладающему особой гениальностью. Затѣмъ хозяинъ, гордившійся своимъ хозяйствомъ, показлъ намъ устроенныя имъ фабрики различныхъ тканей, суконъ, бархата, парчи, кружевъ, а также экипажей разнаго рода. Во главѣ этихъ фабрикъ стоятъ три француза. Но я не думаю, чтобы эти фабрики оправдывали свое назначеніе и приносили какую-нибудь пользу: устроены они плохо, издержекъ требуютъ громадныхъ, доходъ приносятъ не большой, такъ что только однимъ чванствомъ можно объяснить ихъ существованіе. При осмотрѣ хозяйства гр. Тизенгауза, я не могъ не смѣяться надъ Розуа, который ежеминутно приходилъ въ восторгъ и сыпалъ техническими словами, за неимѣніемъ настоящихъ техническихъ знаній. Его всѣ называли „господномъ секретаремъ“, что заставляло его пыжиться и пить какъ заправскій полякъ, вызывая этимъ похвалы со стороны послѣднихъ. Кончилось это, однакожъ, не очень красиво, такъ какъ пьяный Розуа поссорился съ Пюнсегюромъ, пославшимъ его къ чорту. А затѣмъ онъ поссорился и съ аббатомъ, такъ

что присутствующіе поляки говорили: „Однако г. секретарь не особенно вѣжливъ, для француза“.

Выѣхали мы изъ Гродно въ семь часовъ, на лошадахъ Тизенгауза и съ его конюхомъ, что заставило маркиза ворчать, такъ какъ ему пришлось давать на водку, „ни за что ни про что“, какъ говорилъ маркизъ. Послѣдній и тутъ, впрочемъ, выгадалъ, такъ какъ заплатилъ меньше, чѣмъ стоила бы почта. Согласно обычаю, мы ѣхали всѣ ночью, причѣмъ выдержали сильную грозу.

Съ 1-го по 7-е августа.

Обѣдали мы на фермѣ Тизенгауза, на берегу Нѣмана. Оттуда проѣхали черезъ Новогрудокъ, Корелише и Миръ. Страна довольно красивая; большія равнины, покрытыя прекрасными лѣвами. Несчастный Розуа, благодаря которому мы ѣдемъ на Смоленскъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Петербургъ, чего мы хотѣли, подвергается теперь всеобщимъ насмѣшкамъ. Но за то онъ ухаживаетъ за маркизомъ, которому это нравится. Въ Мирѣ у меня съ нимъ произошла стычка, кончившаяся любовнымъ предложеніемъ съ моей стороны непробовать моей палки. Не вмѣшайся пасторъ, такъ онъ бы ее и попробовалъ.

Изъ Мира мы пріѣхали въ Минскъ, гдѣ я встрѣтилъ очень хорошихъ двѣшекъ, которыхъ очень смѣшилъ и которыя вознаградили меня за дорожную скуку. Изъ Минска я поѣхалъ въ одной кибиткѣ съ Пюнсегуромъ, который также, какъ и я, недоволенъ маркизомъ и прямо мнѣ это высказалъ. Дорогой сломалась у насъ ось, исправленіе которой задержало насъ на нѣсколько часовъ въ одной деревушкѣ. Ѣхавши затѣмъ день и ночь, мы 6-го числа прибыли въ Толочинъ (Tolotzin), первый русскій городъ со стороны Польши. Тутъ состоялся таможенный осмотръ болѣе поверхностный, чѣмъ мы ожидали. Надо замѣтить, что, въ виду этого ожиданія, мой лакей (Гарри, занимавшійся торговлей) просилъ меня принять на свой счетъ нѣкоторые товары, которые онъ везъ съ собою. Я безирекословно согласился и взялъ

болѣе, чѣмъ на пять тысячъ ливровъ разныхъ вещей, но эта предосторожность оказалась ненужной — насъ почти не осматривали.

Замѣчу по этому поводу, что мы съ маркизомъ Жюнье держались различныхъ принциповъ въ отношеніяхъ къ прислугѣ. Маркизъ думалъ, что она не должна наживаться, пользуясь его положеніемъ, что конечно очень стѣснимо его лакеевъ. А я думалъ наоборотъ, что мы должны содѣйствовать ихъ обогащенію, насколько это совмѣстно съ порядочностью. Но мы не въ одномъ этомъ расходимся съ маркизомъ; чѣмъ болѣе я изучаю этого человѣка, тѣмъ менѣе его понимаю. Поведеніе его кажется мнѣ непослѣдовательнымъ. Онъ, напримѣръ, сочувствуетъ принципу свободы торговли и въ то же время одобряетъ таможенную систему и ввозныя пошлины. Въ Мирѣ мы, по этому поводу, вели споръ. Маркизъ не любитъ политическихъ споровъ. Мнѣ кажется, что онъ вообще о многомъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а придерживается чужихъ, которыя часто противорѣчатъ его инстинктамъ. Его Превосходительство — человѣкъ довольно такъ ограниченный.

Изъ Толочина, переправившись черезъ Днѣпръ, мы поѣхали далѣе. Страна здѣсь гораздо лучше той, которую мы только что покинули. Со всѣхъ сторонъ видны плодородныя и покрытыя всѣми родами хлѣбовъ пашни. Это — одна изъ лучшихъ провинцій Польши, потому то ее и отняли.

Вторникъ 8.

Въ Смоленскъ мы прибыли въ три часа пополудни, при громѣ пушекъ. Маркизу приготовлено помѣщеніе, у воротъ котораго выставленъ почетный караулъ по крайней мѣрѣ въ 45 человекъ. Губернаторъ тотчасъ же явился къ намъ съ визитомъ, который мы ему отдали. Маркизъ согласился здѣсь переночевать, но насъ положили спать на снѣгъ съ червями. Начали мы съ плохого обѣда, окрашеннаго только хорошимъ аппетитомъ, а затѣмъ Комбсъ, Пюнсегуръ и я пошли осматривать городъ. Онъ представляетъ собою группу

деревянныхъ домиковъ съ садиками и окруженъ глубокимъ, сухимъ рвомъ, черезъ который проложенъ деревянный мостъ. Посрединѣ города находится огромная площадь, служащая мѣстомъ для прогулокъ. Съ этой площади мы пошли въ одну улицу, съ которой слышалась музыка, и когда остановились передъ тѣмъ домомъ, гдѣ она играла, то хозяинъ попросилъ насъ зайти и принять участіе въ танцахъ. Балъ былъ во всемъ разгарѣ. Я тамъ встрѣтилъ очень хорошенькую женщину, съ которой много говорилъ. Уходя я далъ себѣ слово разыскать ее зимою, въ Москвѣ или Петербургѣ.

Съ 9 по 12.

Изъ Смоленска мы выѣхали въ пять часовъ утра, тоже подъ громъ пушекъ—честь, которая оказывается обыкновенно посламъ, но не вредитъ и посланникамъ. Во всякомъ случаѣ она доказываетъ вѣжливость обывателей Смоленска и служитъ для насъ хорошимъ предзнаменованіемъ.

Три послѣдніе дня мы ѣхали не останавливаясь и ничего необыкновеннаго не произошло. Страна теперь опять стала похуже, много необработанныхъ земель, мало селеній и домовъ. Да и холодъ начинаетъ быть чувствительнымъ—видно, что мы двигаемся къ сѣверу.

Съ 12 по 26.

Въ Москву мы приѣхали въ 10¹/₂ часовъ вечера, сдѣлавъ громадный кругъ по этому дьявольски—большому городу, который при лунномъ свѣтѣ, показался мнѣ чрезвычайно безобразнымъ. Сомнѣваюсь, чтобъ и днемъ онъ былъ красивѣе.

Приѣмъ, оказанный намъ г. Дюраномъ¹⁾, былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Я полагаю, что Дюрану надоѣло ждать маркиза, а такъ какъ послѣдній и самъ не былъ ни любезенъ, ни разговорчивъ, то двумъ нашимъ министрамъ, черезъ четверть часа, не объ чемъ было

больше и разговаривать. Хорошо, что ужинъ выручилъ ихъ изъ затрудненія и пришелъ на помощь нашему отчаянному голоду. По окончаніи ужина, заговорили о снѣ и мы съ Пюнсегюромъ были очень удивлены, узнавъ, что намъ отведено помѣщеніе верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома, занимаемаго начальствомъ Карета, однакожъ, была готова, и люди г. Дюрана проводили насъ въ какой-то не то кабакъ, не то вертепъ, въ которомъ не оказалось ни одной кровати. Нѣкій Дофина, содержатель этого трактира, далъ намъ изъ милости матрасы, на одномъ изъ которыхъ я и растянулся не раздѣваясь. Положимъ, я былъ привыченъ спать такимъ образомъ, но все же не ожидалъ отъ маркиза такой забывчивости. Было бы нѣсколько вѣжливѣе съ его стороны позаботиться о нашихъ нуждахъ или хотя предупредить насъ заранѣе. Въ этомъ и заключается настоящая вѣжливость, а не въ томъ, чтобы пропустить васъ первымъ въ дверь, что маркизъ постоянно дѣлаетъ. А когда заговоришь о кровати, то онъ весьма тонко замѣчаетъ, что „въ арміи еще хуже бываетъ“.

Съ приѣзда сюда, у меня не было времени хорошенько анализировать различныхъ лицъ, съ которыми я познакомился. Первый изъ нихъ г. Дюранъ. Онъ мнѣ показался тонкимъ наблюдателемъ, съ первого взгляда оцѣнивающимъ людей, и я сильно ошибаюсь, если онъ не успѣлъ уже оцѣнить нашего маркиза. Секретарь его, Мальво, не глупъ, и подъ холодной, вѣжливой внѣшностью скрываетъ слое тщеславіе и желаніе быть тонкимъ; но мнѣ не нравится фатовской оттѣнокъ всѣхъ его рѣчей. Онъ претендуетъ на званіе секретаря посольства, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. За обѣдомъ я видѣлъ нѣкоего князя Одоевскаго, который, какъ большинство русскихъ, отличается официальной вѣжливостью; въ сущности это пустой, фальшивый и не пользующійся уваженіемъ человекъ. Онъ—хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Дюранъ и будетъ жить маркизъ де-Жюинье.

Приходилъ Роланъ, французъ, гу-

¹⁾ Французскій посоль. Дворъ и дипломатическій корпусъ были тогда въ Москвѣ.

вернеръ пажей, хотя и не говорить по-русски. Это—добрый и забавный малый, игрокъ и болтунъ. Говорятъ, что онъ прѣхалъ въ Россію исвать мѣсто повара; проживъ тридцать лѣтъ, онъ, должно бѣть, умѣлъ себя вести и порядочно нажитья: большого богатства не нажилъ, но пользуется достаткомъ и ведетъ пріятную жизнь.

Первымъ иностраннымъ посланникомъ, котораго я видѣлъ, былъ графъ Сольмсъ ¹⁾. Съ виду холодный и простодушный, онъ однакожъ очень хитеръ; за пятнадцать лѣтъ пребыванія въ Россіи онъ научился русскому языку, что даетъ ему возможность выходить въ различные кружки. Онъ—кавалеръ прусскаго ордена Чернаго Орла и русскаго—Александра Невского.

Очаровательный человѣкъ, который не долго здѣсь останется, это великій гетманъ, графъ Браницкій ²⁾. Удивительно любезенъ; говоритъ о женщинахъ, о дѣлахъ, объ удовольствіяхъ, какъ настоящій французъ, и при томъ свѣтскій человѣкъ. Это одинъ изъ тѣхъ милыхъ прожигателей жизни (*goués*), которыхъ всѣ такъ любятъ! Графъ Браницкій прѣхалъ сюда по дѣламъ ³⁾ и я увѣренъ, что онъ ихъ успѣшно кончитъ: такіе люди какъ будто созданы для этой страны.

Общественныхъ развлеченій въ Москвѣ немного. Есть комическая опера, не особенно важная, хотя театральныи залъ хорошъ. Я тамъ видѣлъ *Юлію*, сыгранную довольно плохо. Есть талантливый актеръ, по имени Дюгэ, также какъ и актриса м-мъ Дефуа, съ которой онъ живетъ. Прежде они играли въ Брюсселѣ. А помимо ихъ двухъ, талантливыхъ актеровъ мало. Тоже можно сказать и о м-ше *Pincemaille*, которая, однакоже, высока, молода и красива.

На другой или на третій день было гулянья въ Вокзалѣ, на которомъ я

присутствовалъ. Вокзалъ, это большой садъ, принадлежащій какому-то магнату и отдаваемый имъ внаймы антрепренеру гуляній. Садъ кончается ирудомъ, около котораго играетъ музыка. Кромѣ того въ отдѣльныхъ боскетахъ помѣщены маленькіе оркестры, изъ коихъ одинъ состоялъ изъ духовыхъ инструментовъ, дающихъ только одинъ тонъ. Выходить нѣчто въ родѣ плохого органа, напоминающаго музыку савойаровъ на парижскихъ улицахъ. По вечерамъ садъ освѣщался фонариками, а въ большомъ залѣ танцуютъ и играютъ въ карты. Входъ стоитъ рубль и гулянье продолжается до двухъ часовъ ночи.

Познакомился я съ графомъ Лясси, испанскимъ посланникомъ, человѣкомъ очень умнымъ и обладающимъ благородной осанкой. Въ воскресенье я у него обѣдалъ, а послѣ обѣда мы смотрѣли ученье гусарскаго полка, состоящаго подъ командой Потемкина Лощади въ этомъ полку всѣ съ Украйны, маленькія, но сильныя и быстрыя. Въ общемъ полкъ предѣлывалъ маневры хорошо.

Есть здѣсь нѣкто шевалье де-Порталіесъ, провансалецъ; онъ ко мнѣ заходилъ, но не засталъ дома. Не знаю, кто это такой.

Мелочность маркиза де-Ж. все растеть и растеть. Даже въ разговорахъ она проглядываетъ, и такъ какъ онъ скрывать ничего не умѣетъ, то всѣ видятъ его недостатки. Мнѣ и Пюнсегюру онъ не даетъ ни мебели, ни постелей. Правда онъ не обязанъ дѣлать это, но вѣдь нужно же быть вѣжливымъ. Что касается меня, то посмотримъ, какія условія онъ мнѣ предложитъ. Кстати онъ нашелъ средство уменьшить расходы—каретный ящикъ будетъ служить намъ для храненія шифра. Одной шкатулкой меньше, и маркизъ въ восторгѣ! Я помню, что онъ какъ-то разъ высказалъ, въ видѣ общаго правила, что „въ хозяйствѣ нѣтъ пустяковъ“. Къ несчастію, это правило давно известно. Я былъ очень удивленъ, когда Мальво мнѣ сказалъ, что маркизу не повезетъ въ этой странѣ, что здѣсь уже знаютъ о промахахъ, сдѣланныхъ имъ въ Польшѣ, о

¹⁾ Прусскій посланникъ.

²⁾ Францискъ-Ксаверій, внослѣдствіи женившійся на племянницѣ Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, и окончательно продавшійся Россіи.

³⁾ Просить отозванія русскаго посла въ Варшавѣ. Штакельберга.

нашемъ представленіи королю и о поведеніи маркиза въ разговорѣ съ послѣднимъ. Я былъ удивленъ, откуда они знаютъ такія подробности, но оказалось очень просто: въ одномъ здѣшнемъ домѣ, должно быть у графа Браницкаго или у князя Адама Чарторижскаго, за обѣдомъ кто-то разсказалъ, что Птакельбергъ видѣлъ въ Варшавѣ французскаго посланника, и что это „человѣкъ невѣжественный, однимъ словомъ дуракъ“. Вотъ какъ оцѣнили человѣка еще до его прибытія; измѣнится ли эта оцѣнка теперь?

Вотъ уже нѣсколько дней какъ насъ съ Пюнсегуромъ помѣстили рядомъ съ посольствомъ, въ трехъ комнатахъ, которыя маркизъ нанялъ для насъ до отъѣзда г. Дюрана. У меня было на этой квартирѣ довольно забавное приключеніе. По одной со мною лѣстницѣ жила тамъ хорошенькая молодая женщина, знакомая домовладѣльца. Я сталъ ее преслѣдовать, когда она поднималась или спускалась по лѣстницѣ, но такъ какъ мы говорили на разныхъ языкахъ и другъ друга не понимали, то столкнуться было довольно трудно. Глаза ея, однакожь, доказывали, что она меня понимаетъ. Вслѣдствіе этого, я однажды попробовалъ пожать ея ручку, а потомъ, видя, что могу объяснить только жестами, сталъ ихъ разнообразить. Приходилось, однакожь, быть осторожнымъ, чтобы не погубить всего дѣла, такъ какъ мы были окружены аргусами. Образецъ моихъ дѣйствій, очевидно, понравился моей сосѣдкѣ. При слѣдующей встрѣчѣ я уже подѣловалъ ее довольно выразительно; она отнеслась къ этому, какъ настоящая французженка, почему я и послѣдовалъ за нею въ ея комнату. Тамъ, конечно, начались новыя объятія, но дальше я идти не посмѣлъ, боясь, чтобы насъ не захватили. Пришлось изъ благоразумія разстаться. Я уже думалъ, что на этотъ день ничего не предстоитъ новаго, и вечеромъ, раздѣваясь, сталъ придумывать планъ на завтрашній день, какъ вдругъ слышу, что кто-то босыми ногами спускается съ лѣстницы, отворяю дверь и вижу мою сосѣдку... Это приключеніе продолжалось два дня, а затѣмъ моя

нимфа уѣхала въ деревню, оставивъ меня вдовцомъ, не знающимъ даже кто она такая. Впослѣдствіи, я узналъ, что это была жена какого-то офицера.

Суббота, 26.

Маркизъ былъ представленъ Императорицѣ въ ея кабинетѣ, а насъ она въ этотъ день принять не захотѣла. Послѣ обѣда Пюнсегуръ, Комбсъ и я были въ Воспитательномъ Домѣ. Царствующій тамъ порядокъ, выкармливаніе дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть это учрежденіе подробно.

Воскресенье, 27.

Маркизъ далъ мнѣ прошифровать депешу, послѣднюю отъ имени г. Дюрана; она датирована 28 числомъ.

Вечеромъ я гулялъ въ городскомъ саду; онъ недурень. Единственная аллея, по которой гуляютъ, не широка; налѣво отъ нея — прудъ, къ которому спускаются по лѣстницѣ. Нижняя часть сада устроена на англійскій манеръ, что дѣлаетъ ее разнообразной и красивой. Все время прогулки было у меня занято разговоромъ съ шевалье де-Порталистъ; онъ ожидалъ, что графъ де-Верженъ *) напишетъ объ немъ маркизу. Я узналъ, наконецъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Сначала онъ служилъ подпоручикомъ въ Турэнскомъ полку и вышелъ оттуда, надѣясь получить роту въ одномъ изъ колониальныхъ полковъ, что ему было обѣщано. Между тѣмъ имуществомъ дѣла заставили его отправить на Мартинику или въ Санъ-Доминго, а по возвращеніи оттуда въ 1774 г. онъ уже опоздалъ получить назначеніе, да кстатѣ еще влюбился въ жену Ивана Чернышева, за которой и послѣдовалъ въ Россію. Проживъ здѣсь нѣтъ недѣль и не имѣя рекомендательнаго письма къ Дюрану, онъ былъ у послѣдняго только одинъ разъ

*) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

и остался недоволенъ холоднымъ пріемомъ. Онъ желалъ бы сойтись поближе съ маркизомъ и быть представленнымъ Императрицѣ. Сомнѣваюсь, чтобы ему это скоро удалось.

Среда, 30.

Маркизь далъ мнѣ прошифровать депешу. Это была первая наша депеша, хотя и носила № 2, потому что Жюинье еще раньше писалъ министру письмо, увѣдомлявшее о нашемъ прибытіи въ Москву. Переписывалъ это письмо Мальво, причемъ возникъ вопросъ, долженъ ли маркизь, въ своихъ письмахъ къ министру, титуловать послѣдняго *Monseigneur*'омъ, какъ это дѣлалъ Дюранъ? На это я сталъ представлять маркизу, что его положеніе значительно рознится отъ положенія Дюрана, что вообще министровъ не принято такъ титуловать, и что де-Веракъ не давалъ этого титула даже герцогу д'Эгильону, предшественнику де-Вержена. Но маркизь сказалъ, что существуетъ правило, по которому только одни полномочные послы имѣютъ право не давать министру такого титула. Я не сталъ спорить, но боюсь, что надъ маркизомъ будутъ смѣяться, какъ въ канцеляріи, такъ и повсюду, гдѣ про это узнаютъ.

Четвергъ, 31.

Ночью Дюранъ увѣждаетъ и потому я спѣшу отправить съ нимъ письма къ отцу, къ матери, къ брату, которому посылаю шифръ, къ сестрамъ и ко многимъ знакомымъ.

Дюранъ заходилъ ко мнѣ сегодня утромъ на минутку и сказалъ, что, при моемъ стремленіи учиться, здѣсь я научусь многому. Кромѣ того онъ общалъ сообщить министру о впечатлѣніи, которое я на него произвелъ.

Суббота, 2 сентября.

Де-Порталисъ сообщилъ мнѣ, что на нашихъ лакеевъ жалуются, что они поколотили полицейскихъ и дали убище человѣку, арестованному за долги.

Скажу объ этомъ маркизу. За ужиномъ былъ новый французскій консулъ, надъ которымъ всѣ смѣялись. Это нѣкій Лессепсъ *), который прежде былъ въ Гамбургѣ. За отсутствіемъ ума, онъ легко поддается насмѣшкѣ, а здѣсь этимъ умѣютъ пользоваться.

Воскресенье, 3.

Я обѣдалъ у князя Степана Курякина. Мы были приняты просто и любезно. Этимъ талантомъ русскіе обладаютъ въ совершенствѣ, а кромѣ того они больше, чѣмъ кто-либо стараются подражать намъ въ манерахъ. Возвращаясь, мы прошла черезъ садъ, гдѣ было много красивыхъ женщинъ и между прочимъ дѣвица Корсакова, красота которой меня прямо поразила. Пюнсегюръ остался гулять съ г-жей Шуваловой **), а мы съ Порталисомъ вернулись домой!

Суббота, 9.

Сегодня мы съ маркизомъ являлись ко Двору, по настоянію Пюнсегюра и противно моему совѣту, такъ какъ я хотѣлъ подождать приглашенія. И лучше бы было подождать, такъ какъ намъ отказали въ пріемѣ.

Шевалье де-Порталисъ отъ меня не отходитъ. Онъ желаетъ, чтобы я уговорилъ маркиза представить его Императрицѣ, но маркизь не хочетъ и по причинамъ весьма основательнымъ. Многіе купцы, на которыхъ Порталисъ ссылается, приходили къ маркизу справляться, кто онъ такой, и говорили, что онъ имъ долженъ, а Порталисъ говорить, что онъ не занималъ ни у кого, кромѣ негоціанта Грелена.

Воскресенье, 10.

Въ полдень мы, Пюнсегюръ и я, были представлены Ея Величеству вице-канцлеромъ, графомъ Остерма-

*) Мартинъ, прадѣдъ строителя Суэскаго канала.

**) Женой камергера и сенатора Андрея Петровича.

номъ 1), причеиъ цѣловали ея руку. Императрица возвращалась изъ церкви, гдѣ слушала обѣдню въ честь орденскаго праздника Александра Невскаго. Эта государыня очень величественна, на лицѣ ея написаны благородство, доброта 2) и любезность.

Теперешній дворецъ, недавно выстроенный, представляетъ собою совокупность многихъ отдѣльныхъ, деревянныхъ и каменныхъ домовъ, весьма искусно соединенныхъ. Входъ украшенъ колоннами; за прихожей слѣдуетъ большой залъ, а за нимъ—другой, гдѣ Ея Величество принимаетъ иностранныхъ пословъ. Затѣмъ слѣдуетъ залъ, еще большой, занимающій всю ширину здания и раздѣленный колоннами на двѣ части: въ одной—танцуютъ, въ другой—играютъ въ карты.

Маркизъ представилъ насъ графинѣ Румянцовой 3), матери знаменитаго фельдмаршала, которая въ восемьдесятъ лѣтъ пользуется цвѣтущей старостью, радуясь успѣхамъ своего сына и внука 4). Мы были представлены также двумъ графинямъ Чернышевымъ (женамъ Ивана и Захара), мужу послѣдней изъ нихъ, и всѣмъ фрейлинамъ 5).

Затѣмъ мы присутствовали при орденскомъ обѣдѣ въ тронной залѣ, причеиъ Императрица и всѣ участвовавшіе были въ костюмахъ, присвоенныхъ

1) Иванъ Андреевичъ, сынъ канцлера Императрицы Анны.

2) Позднѣе, въ депешѣ 9 Апр. 1778 г. Корберонъ говоритъ объ Императрицѣ слѣдующее: «Екатерина II, болѣе умная женщина, чѣмъ великая правительница, поняла духъ народа, которымъ правитъ. Эта удивительная личность, являющаяся то законодательницей, то завоевательницей, но всегда женщиной, представляетъ собою неслыханную и странную смѣсь твердости и слабости, рѣшительности и нерѣшительности. Проходя поочередно, черезъ самыя противоположныя крайности, она представляется наблюдателю съ разныхъ точекъ зрѣнія, такъ что онъ, сбитый съ толку, принужденъ бываетъ признать ее скорѣе великой актрисой, чѣмъ великой государыней».

3) Жена Александра Ивановича, бывшая фаворитка Петра I.

4) Николай Петровичъ, впоследствии министръ иностранныхъ дѣлъ Александра I.

5) Которыхъ авторъ вездѣ называетъ *cerles*. (Прим. перев.)

ордеун—зрѣлище очень внушительное. За обѣдомъ играла музыка и превосходно пѣлъ одинъ кастратъ.

Обѣдали мы у графа Лясси. Какъ только я вошелъ, хозяинъ отвелъ меня въ сторону, чтобы сообщить, что онъ получилъ письмо отъ де-Вержена, въ которомъ министръ говоритъ обо мнѣ съ большимъ интересомъ. Къ этому Лясси прибавилъ, что я могу распоряжаться его домомъ какъ своимъ собственнымъ и что онъ готовъ мнѣ служить чѣмъ можетъ. Это мнѣ доставило большое удовольствіе, такъ какъ Лясси самый лучший изъ здѣшнихъ представителей дипломатическаго корпуса и я именно имѣлъ въ виду сойтись съ нимъ. Онъ обладаетъ благородной внѣшностью, умомъ, непринужденностью въ обращеніи и весьма вѣжливъ.

Императрица его очень любитъ.

Послѣ обѣда мы представлялись наследнику и его супругѣ 1). Великій князь малъ ростомъ и худъ, но весьма недуренъ. Фигура у него дѣтская, а манера держаться такая, какая бываетъ у очень молодыхъ людей, не отвыкшихъ еще слушаться совѣтовъ своего учителя танцевъ. Великая княгиня не показывалась, потому что ей сегоднѣ изъ предосторожности, пускали крѣ она беременна.

Балъ начался по прибытіи Императрицы; открылъ его великій князь. Ея Величество, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на танцующихъ, сѣла играть въ карты. Между прочимъ она тутъ же обручила дѣвицу Волконскую 2) съ княземъ Голицынымъ. Церемонія обрученія состоитъ въ томъ, что женихъ съ невестой мѣняются кольцами, причеиъ Императрица сама снимаетъ и надѣваетъ послѣднія на ихъ пальцы. Я танцевалъ съ очень хорошенькими фрейлинами, Бибиковой 3) и Бутурлиной. Онѣ принадлежать къ числу тѣхъ 12—15 фрейлинъ, которыя живутъ при дворѣ и содержатся въ большой строгости, съ тѣхъ поръ

1) Натальѣ Алексѣевнѣ, первой женѣ Павла Петровича.

2) Екатерина Бибикова, предсѣдательница комитета по изданію законовъ.

какъ одна изъ нихъ забеременела отъ англійскаго посланника. Вообще фрейлины получаютъ по 2000 р. въ годъ, а при выходѣ замужъ 20000 приданого. Кромѣ фрейлинъ, при дворѣ есть еще статсъ-дамы; онѣ замужнія и носятъ на груди портретъ Императрицы, а фрейлины—шифръ. Эти знаки достоинства даются имъ на всю жизнь.

Понедѣльникъ, 11.

День отправки депешъ; я шифровалъ одну. Маркизъ обѣдалъ у графа Лясси, гдѣ долженъ былъ быть и Иванъ Чернышевъ, но Императрица оставила его обѣдать у себя. Онъ входитъ въ милость и, по слухамъ, можетъ замѣнить Панина. У насъ обѣдалъ Мартинъ, при которомъ Розуа устроилъ сцену Фортэну и Сенъ-Полю, очень надъ нимъ насмѣхавшимся. Я забылъ упомянуть объ этихъ господахъ, въ общемъ они добрые и милые люди, но Фортэнъ немножко вѣтренъ. Сенъ-Поль былъ секретаремъ при шевалье д'Эгремонъ *), въ Германіи и де-Верженъ рекомендовалъ его маркизу.

Послѣ обѣда мы дѣлали визиты Потемкину, графинѣ Румянцевой и проч. Затѣмъ маркизъ и Пюнсегюръ отправились въ Вокзалъ, а я вернулся домой, легъ въ постель и съ удовольствіемъ читалъ письмо Клемана къ Вольтеру. Ложась я слышалъ, какъ Розуа поетъ и хохочетъ съ тѣми самыми господами, которые смѣялись надъ нимъ за обѣдомъ. Чѣмъ больше я на него смотрю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ его низости и иезуитизмѣ.

Вторникъ, 12.

День сценъ и переворотовъ. Утромъ я былъ у маркиза для того, чтобы поговорить о предполагаемой чахоткѣ у моего камердинера, вслѣдствіе которой послѣднему воспрещенъ входъ въ посольство, что его, конечно, очень огорчаетъ, такъ какъ неприятно же считается зараженнымъ. Маркизъ отвѣчалъ, что ему дѣйствительно про-

тивно видѣть моего лакея, потому что Розуа считаетъ его больнымъ. Я воспользовался упоминаніемъ о Розуа и сообщилъ маркизу, что онъ то именно и виноватъ во всемъ, такъ какъ изобрѣлъ болѣзнь моего лакея изъ мести, въ чемъ самъ сознавался управляющему Дюрана, говоря, что намѣренъ мстить этимъ своимъ спутникамъ. Для того, чтобы установить этотъ фактъ окончательно, я просилъ маркиза пригласить Розуа, и я при немъ повторю свои обвиненія. Маркизъ не согласился. Тогда я сталъ описывать ему этого человѣка какъ низкаго, фальшиваго, безхарактернаго шпіона, лишеннаго всякаго образованія и пользовавшагося техническими выраженіями, чтобы пускать ими пыль въ глаза и проч. и проч. Этотъ длинный обвинительный актъ, подкрѣпленный фактическими доказательствами, не понравился маркизу.

Онъ слушалъ меня съ видимой досадою и я долженъ былъ уйти, сказавъ на прощанье, что желалъ бы ему убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, но на это не рассчитываю и очень жалѣю, что человѣкъ, всѣми презираемый, пользуется его довѣріемъ. Розуа входилъ во время этого разговора, но маркизъ его выславъ, не смотря на мои просьбы. Выйдя отъ маркиза, я засталъ Розуа въ залѣ, и сказалъ ему, что желалъ бы имѣть его свидѣтелемъ моего разговора съ посланникомъ и прошу вѣрить, что все мною сказанное послѣднему готовъ повторить, когда угодно.

Два часа спустя, у Розуа вышла схватка съ Фортэномъ, который схватилъ его за горло и чуть было не задушилъ. По окончаніи обѣда они оба вышли какъ бы для того, чтобы драться на дуэли, но Розуа, будучи влобавокъ ко всѣмъ своимъ достоинствамъ еще и трусомъ, убѣжалъ.

Фортэнъ потомъ жаловался на Розуа маркизу; аббатъ и Сенъ-Поль были призваны въ свидѣтели и, послѣ долгаго разбирательства маркизъ рѣшилъ отослать и Розуа и Фортэна, о чемъ вечеромъ мнѣ и сообщилъ. Жаль бѣднаго Фортэна, но Розуа давно слѣдовало бы прогнать.

*) Посланникъ при ландграфѣ Гессенъ-Кассельскомъ и электорѣ Трирскомъ.

Воскресенье, 14.

Мы были при дворѣ; видѣлъ Алексѣя Орлова, покорителя Крыма. Очень красивый человекъ, напоминающій бога Марса: физиономія его столь-же благородна, сколь пріятна.

Обѣдали по обыкновенію у Лясси. Тамъ я видѣлъ г. Нормандеца¹⁾, секретаря посольства, только позавчера вернувшася въ Петербургъ. Это очень милый малый, простой и любезный. Онъ рассказывалъ о неудачѣ, постигшей Фальконэ²⁾ при литьѣ статуи Петра I. Не согласившись поручить это литье страсбургскому литейщику, Фальконэ взялся отлить самъ, и хотя употребилъ на это четыремя тысячами ливровъ металла больше, чѣмъ считалъ нужнымъ, но голова статуи все-таки не вышла. Говорятъ, растопленная масса вытекала черезъ какую-то незамѣченную щель въ воронкѣ. Фальконэ и многіе изъ присутствовавшихъ были слегка обожжены; но онъ и безъ того, я думаю, чувствовалъ себя плохо благодаря этой неудачѣ. Полагаютъ, впрочемъ, что голову можно будетъ придѣлать послѣ. А другіе говорили, что не только голова Петра не вышла, но также и голова лошади. Теперь это еще трудно знать навѣрное.

Среда, 20.

Сегодня утромъ Порталисъ пришелъ звать меня гулять. Мы вышли въ четверть девятаго и прошли до какого-то монастыря за городомъ. Погода была удивительная—сухо и прохладно, какъ у насъ во Франціи, въ началѣ ноября. Дорогою мы говорили о здѣшнемъ обществѣ. Порталисъ, совершенно справедливо, считаетъ его неустановившимся и вмѣстѣ съ тѣмъ надобливо требовательнымъ; у Шуваловыхъ, напримеръ, надо или бывать всякій день, или ужъ поссориться. Затѣмъ Порталисъ рассказывалъ мнѣ о своихъ любовныхъ похожденияхъ и о стычкахъ въ Америкѣ съ графомъ Гамиль-

тономъ и нѣкимъ Кальеръ-де-ля-Ту-ромъ, которые, нося мундиръ, занимались торговлею. Онъ дрался съ обоими и писалъ объ этомъ въ иностранныхъ газетахъ, въ январѣ 1774 г. Потомъ онъ рассказывалъ о русскомъ врачѣ Соболинскимъ (Sobolinski), очень хорошемъ натуралистомъ, съ которымъ встрѣтился въ Любекѣ.

Между прочимъ, Порталисъ сообщилъ, что здѣсь есть одна дама или дѣвица, желающая попасть на содержаніе къ маркизу(!). Онъ обѣщаетъ свести меня къ ней и къ другимъ(!), но одного, потому что Пюнсегюра онъ считаетъ слишкомъ гордымъ.

Больше ничего интереснаго не произошло. За ужиномъ былъ у насъ баронъ Нолькенъ.

Съ 24 по 29.

Въ половинѣ четвертаго мы выѣхали въ Ярославль, за 280 верстъ отъ Москвы. Я не описываю этого путешествія, которому велъ особый дневникъ¹⁾.

Воскресенье, 1 октября.

Сегодня большой балъ при дворѣ по поводу рожденія Наслѣдника Императрица, однакожь, не выходила, она нездорова. Я не танцовалъ и ушелъ раньше конца бала.

Вторникъ, 3.

День коронаціи. Опять большой балъ и опять Императрица на немъ не присутствовала по нездоровью. У нея лихорадка. Обѣдали мы у вице-канцлера графа Остермана. Вечеромъ, на балу, маркизъ игралъ въ карты съ великой княгиней, потомъ былъ ужинъ.

Пятница, 6.

Маркизъ катался верхомъ съ Лясси и обѣдалъ у него, а вернувшись сказалъ, что мой ярославскій дневникъ очень нравится всѣмъ, кромѣ барона Нолькена (Nolken)²⁾, который хотя и

¹⁾ В послѣдствіи былъ испанскимъ посломъ въ Россію, а потомъ сошелъ съ ума.

²⁾ Французскій скульпторъ, строившій памятникъ Петру I.

¹⁾ Къ сожалѣнію этотъ дневникъ, кажется, потерянъ.

²⁾ Шведскаго посланника.

хвалилъ этотъ дневникъ, но замѣтилъ, что ему было-бы прятнѣе, еслибъ тамъ не упоминалось объ немъ. Никто, впрочемъ, не нашелъ въ этомъ упоминавша ничего обиднаго.

Маркизь совѣтовалъ мнѣ повидаться съ Лясси, что я тотчасъ же сдѣлалъ. Лясси прекрасно меня принялъ и очень смѣялся надъ огорченіемъ барона Полькена, кототому не совѣтовалъ ничего говорить по этому поводу, надѣясь, что обида пройдетъ сама собой. Меня это положительно разсердило: неужели нельзя пошутить, чтобы шутку сейчасъ же не приняли въ серьеъзъ и не заподозрили въ васъ желаніе написать энциграмму? Я уже дорогою составилъ себѣ мнѣніе объ Полькенѣ; онъ слабохарактеренъ, мелоченъ и подозрителенъ. Теперь это мнѣніе подтвердилось

Воскресенье, 8.

Утромъ—большой выходъ при дворѣ и цѣлованіе руки Императрицы. Вечеромъ—музыка и карточная игра. Маркизь игралъ съ Императрицей.

Пюнсегюръ, по его словамъ, боится влюбиться въ маленькую Нелединскую, жену камергера, потому что въ нее до сумасшествія влюбленъ графъ Андрей Разумовскій¹⁾. Такая рыцарская заботливость о соперникѣ пахнетъ, по моему, фатовствомъ; поэтому я порядочнотаки надъ нимъ посмѣялся—слишкомъ ужъ много претензій у голубчика.

Понедѣльникъ, 9.

Маркизь вмѣстѣ Лясси и графомъ Сольмомъ уѣхалъ сегодня въ Гіаропольснѣ имѣніе фельдмаршала, Захара Чернышева, который пригласилъ великаго князя. Тамъ будутъ спектакли и проч.

Среда, 11.

У насъ обѣдалъ Мартинъ. Онъ мнѣ сообщилъ подъ секретомъ, что князь Михаилъ Долгорукій состоитъ въ связи

съ женою фельдмаршала Чернышева, и въ послѣднее время сталъ очень безпокоенъ; это потому, должно быть, что Лясси успѣлъ его замѣнить, какъ кажется. Я показалъ Мартину мой ярославскій дневникъ, очень ему понравившійся. Онъ говоритъ, что нравы описаны вѣрно и что Императрица прочла-бы дневникъ съ удовольствіемъ, если-бы кто-нибудь ей объ немъ сказалъ. Затѣмъ мы говорили о дѣлахъ. Онъ вновь разсчитывалъ стать вице-консуломъ, и показывалъ мнѣ письмо изъ Петербурга, въ которомъ его извѣщаютъ, что генеральный консулъ, Лессенсъ, приметъ его въ свои помощники съ удовольствіемъ. Но онъ хотѣлъ бы получать жалованье отъ двора(?) и просить 2000 рублей. Дюранъ, считавшій вице-консульство въ Москвѣ необходимымъ, долженъ показать министру докладную записку Мартина по этому поводу. Маркизь тоже будто бы собирался писать объ немъ де-Вержену, но отъ меня онъ это почему то скрываетъ.

Вечеромъ былъ Порталисъ и прочелъ мнѣ письмо, написанное имъ къ своей возлюбленной, но письмо это никуда не годится и онъ желаетъ, чтобы я ему помогъ.

Воскресенье, 15.

Сегодня утромъ я забавлялся музыкой. Маркизь вернулся ночью и очень доволенъ своей поѣздкой. Рассказывалъ о великомъ князѣ и его женѣ. По его словамъ, характеръ перваго еще не сложился, что сразу видно; великая княгиня обладаетъ большимъ характеромъ, но оба не любятъ русскихъ и плохо скрываютъ это, почему и въ свою очередь не пользуются особенной любовью. Маркизь сказалъ еще, что не вѣритъ, чтобы графиня Чернышева была особенно хорошаго мнѣнія о Порталисѣ, но я думаю, что онъ ошибается. Онъ увѣренъ также, что слухи о связи Чернышевой съ княземъ Михаиломъ Долгорукимъ и о замѣнѣ послѣдняго испанскимъ посланникомъ несправедливы. Нашъ маркизь недоумѣваетъ въ этомъ отношеніи; онъ судитъ по себѣ.

¹⁾ Сынъ Кирилла, впоследствии посолъ при разныхъ дворахъ. Умеръ въ Вѣнѣ, принявъ католичество.

Когда я пришелъ къ себѣ, то засталъ аббата, очень испуганнаго и пришедшаго спросить у меня, слышалъ-ли я пушечный выстрѣлъ при заходѣ солнца. Я отвѣчалъ, что слышалъ что-то такое, но не обратилъ вниманія. Онъ тогда сказалъ, что это похоже на какой-то сигналъ, что въ народѣ замѣтно сильное броженіе, ропщутъ противъ Императрицы и Потемкина, что воры, которыхъ ежедневно ловятъ, суть остатки шайки Пугачева. Это можетъ быть и правда, но что Пугачевъ не пойманъ, какъ увѣряетъ аббатъ, этому я не вѣрю. Аббату кто-то сказалъ, что вѣбро Пугачева взять и казненъ одинъ изъ его партизановъ. Говорили также аббату о проектѣ войны между Россіей, Австріей и Швеціей. Этому я также не вѣрю. Императрица достаточно тщеславна, чтобы завидовать Маріи-Терезіи, но слишкомъ горда и умна для того, чтобы начинать войну при настоящихъ обстоятельствахъ.

Понедѣльникъ, 16.

Сегодня я съ утра одѣлся для того, чтобы идти къ барону Нолькену, объясниться съ нимъ насчетъ моего ярславскаго дневника и, если нужно, то хоть подрасть, да кончить это дѣло. Я былъ готовъ на все. Объясненіе наше, съ самаго начала, приняло натянутый характеръ, что мнѣ не хотѣлось. Наконецъ, видя, что онъ начинаетъ завираться, я сказалъ, что готовъ ему дать какое онъ хочетъ удовлетвореніе, но во всякомъ случаѣ желаю кончить это дѣло шуткой или чѣмъ-либо серьезнымъ. Не знаю, понялъ ли онъ меня, но на этомъ мы кончили. Я отправился къ Лясси, далъ ему отчетъ во всемъ происшедшемъ и попросилъ возвратитъ мнѣ дневникъ, чтобы я могъ послать его Нолькену для сожженія. Лясси не согласился. Не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Получилъ депешу для шифровъки. Маркизъ говоритъ, что въ воздухѣ носится что-то такое, чего онъ никакъ не можетъ вынести. Вѣдь сегодня въ одномъ домѣ, гдѣ его при-

сутствіе видимо стѣсняло, но узнать ничего не могъ.

Среда, 18.

Сегодня мы съ маркизомъ и Июнсегюромъ смотрѣли домъ, приготовленный для турецкаго посольства (гр. Вутурлиной). Онъ хорошъ и меблированъ по восточному, то есть диванами и подушками. Оттуда мы отправились въ домъ нѣкаго Загрязскаго, чтобы видѣть вѣвѣдъ посланника. Онъ вѣхалъ верхомъ, окруженный свитой. Самое замѣчательное—лошади, приведенныя для подарка Императрицѣ. Въ общемъ—ничего особенно великолѣпнаго; свита, однакожъ, человекъ въ пятьсотъ по крайней мѣрѣ.

Четвергъ, 19.

Мы съ Июнсегюромъ смотрѣли приемъ турецкаго посла у Панина. Онъ пріѣхалъ въ придворной каретѣ, съ экспортомъ гусаръ, и вошелъ въ комнату поддерживаемый подъ руки двумя турками. По лѣстницѣ всюду расставлены лакеи въ ливреяхъ министра иностранныхъ дѣлъ; приемная также полна ими. Вторая приемная занята чиновниками министерства, а Панинъ былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и принималъ посла со шляпой на головѣ, такъ какъ и посоль не снялъ своей чалмы. Въ глубинѣ кабинета были поставлены два одинаковыхъ кресла, на которыхъ собесѣдники и сидѣли. Съ обѣихъ сторонъ наговорено много любезностей. Турокъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, говоритъ очень вѣжливо и даже умно; его угостили фруктами и вареньемъ, послѣ чего онъ ушелъ, передавъ Панину два письма великаго визиря—одно къ Императрицѣ, а другое къ министру—и двѣ шали (mouchoires) для тѣхъ же лицъ.

За обѣдомъ у насъ были гости. Вечеромъ я отправился въ театръ, а оттуда въ клубъ, гдѣ прослуцалъ до 11-ти часовъ. Сегодня была депеша къ Лессенсу, но мнѣ некогда было ее шифровать, такъ что этимъ занялся Комбсъ.

Князь Михаилъ Долгорувій говорилъ Порталису, что маркизъ Жюинье прослылъ глупымъ и что Пюнсегюръ его не уважаетъ; видя его орломъ и не считалъ. Не дальше какъ сегодня онъ сдѣлалъ нѣчто, чему очень радуется—самъ покупалъ утромъ рыбу на рынокъ. Смѣшно, разумѣется, но вполне соотвѣтствуетъ его характеру.

Суббота, 21.

Я вышелъ утромъ въ половинѣ одиннадцатаго, чтобы отправиться во дворецъ смотрѣть приемъ турецкаго посла. Намъ пришлось ждать довольно долго. Приемъ состоялся въ Грановитой Палатѣ (Salle aux Piliers du Kermelin?), въ которой поставленъ тронъ. Императрица со свитою вошла въ половинѣ второго. Посланникъ былъ введенъ церемоніймейстеромъ графомъ Брюсомъ (Яковомъ Александровичемъ). Войдя въ залъ, его турецкое превосходительство Абдуль—Керимъ Эффенди, Бейлербей Румелийскій, сдѣлалъ первый поклонъ въ шести шагахъ отъ трона, затѣмъ—второй нѣсколько поближе, и подойдя къ самому трону, сталъ говорить рѣчь, продолжавшуюся минутъ 5—7; Толмачъ переводилъ эту рѣчь по русски. Императрица милостиво отвѣчала; потомъ принесли подарки, то есть шали, пахучія эссенции и проч. Все это положили на столъ, находившійся справа отъ трона. Съ этой стороны, на ступеняхъ послѣдняго стоялъ вице-канцлеръ Остерманъ, а съ лѣвой—оберъ-мундшенкъ Нарышкинъ. Потемкинъ стоялъ подале и Императрица ему повременамъ улыбалась. Изъ дворца мы отправились къ г-жѣ Солсвой (Solot) *), но тамъ ужъ пообедали, такъ какъ церемонія кончилась въ четыре часа.

Я забылъ сказать, что на приемъ турка статсъ-дамы и фрейлины стояли справа отъ трона, а рядомъ съ ними, около Ея Величества—иностранные послы. Митрополитъ Московскій Платонъ, съ духовенствомъ, стоялъ слѣва.

*) Мадемуазель Бреланъ, француженка, любовница русскаго, г. Солова.

Ихъ Величества, Наслѣдникъ съ суругой, смотрѣли какъ изъ ложи изъ внутренняго окна, продѣланнаго въверху залы.

Воскресенье, 22.

Сегодня утромъ я не былъ при дворѣ, пришлось шифровать одну депешу, но вечеромъ туда отправился. Былъ балъ и такъ какъ на немъ присутствовалъ турецкій посланникъ, почему всѣ дамы были въ русскихъ костюмахъ, то есть безъ фижмъ (rapiers), то танцевали только контрадансы. Когда мы прибыли, балъ уже начался, но, не смотря на большую тѣсноту, мы успѣли пробраться къ танцующимъ. Я очутился около Нарышкиной (Наталья, дочь оберъ-штаб-мейстера), младшей изъ фрейлинъ, очень хорошенькой и обладающей искренностью первой молодости. Она спросила, буду ли я танцевать, я отвѣчалъ, что да, если только съ нею. Она общалась. Во время танцевъ я замѣтилъ, что мое скромное ухаживанье нравиться, а поэтому и самъ почувствовалъ нѣкоторый интересъ, который могъ бы перайти въ любовь, если бы поддерживался. Къ тому же воображеніе мое было уже подготовлено маркизомъ и Пюнсегюромъ, которые очень хвалили эту молодую дѣвушку. А кромѣ того, я припомнилъ, что въ день нашего представленія Императрицѣ и фрейлинамъ, Нарышкина особенно внимательно на меня смотрѣла и потомъ, на первомъ же или на второмъ балу, прислала Александра *) Куракина пригласить меня танцевать съ нею. Признаюсь, что все это заставило меня пожелать завести съ нею интригу, и что эта идея разлила радость въ моемъ сердцѣ, печальномъ и ноющимъ, такъ сказать, со дня отъѣзда изъ Франціи. Это сердце слѣшкомъ нуждается въ привязанности и женщины, я полагаю, необходимы для моего существованія. Избранница никогда мною не будетъ позабыта; та, кото-

*) Борисовича, камеръ-юнкера, лучшаго друга и соученика великаго князя. Впослѣдствіи онъ былъ вице-канцлеромъ и посланникомъ въ Парижѣ.

рую я любилъ такъ нѣжно, никогда не покинетъ моего сердца!

Понедѣльникъ, 23.

Мы съ Комбсомъ говорили о Порталисѣ и о его любви къ гр. Чернышевой. Онъ хочетъ, чтобы я ему составилъ письмо и мнѣ пришло въ голову послать это письмо со своимъ лакеемъ. Этимъ я услужу графинѣ, избавивъ ее отъ какой-нибудь нелѣпой выходки Порталиса, потому что влюбленные часто бываютъ нескромны по излишней горячности и неблагоразумію.

Вторникъ, 24.

Утромъ мы съ Портализомъ были съ визитомъ у кн. Степана Куракина и у Измайлова. Я сообщилъ Порталису свой планъ относительно его любовныхъ дѣлъ. Онъ былъ въ восторгѣ и обѣщалъ представить меня гр. Нарышкину, отцу хорошенькой фрейлины, оберъ-штальмейстеру *).

Среда, 25.

Утромъ мы осматривали Крепленскую сокровищницу (Оружейную палату?). Много тамъ богатыхъ вазъ, украшеній, шитыхъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Видѣли превосходную чашу (потиръ?), которую сама Императрица поставила на престолъ, въ видѣ жертвы по поводу заключенія мира. Она золотая, и самый кубокъ греческой формы поддерживается тремя каріатидами, составляющими ножку. Все осыпано драгоценными камнями, въ особенности рубинами. Видѣли Евангеліе, покрывка котораго великолѣпно украшена брилліантами. Но что меня особенно заинтересовало, такъ это коллекція стариннаго оружія и сбруи. Послѣдняя шита жемчугомъ и камнями, по восточному обычаю. Видѣли также серебрянный тронъ, стоящій въ одной изъ залъ. Въ 1862 г. онъ служилъ двумъ братьямъ, Петру и Иоанну Алексѣевичамъ, царствовавшимъ вмѣстѣ. Въ спинкѣ трона видно

*) Льву Александровичу.

отверстіе, сдѣланное для ихъ сестры, честолюбивой и властолюбивой царевны Софьи. Черезъ это отверстіе она шептала царямъ-своимъ совѣты.

Обѣдали мы у гр. Сольма, прусскаго посланника. Баронъ Нолькенъ просилъ меня разъяснить нѣкоторые французскіе обороты рѣчи, что ему нужно для разсказа о путешествіи въ Гіерополисъ, написаннаго стихами и прозой, по образцу моего ярославскаго дневника. Надѣюсь, что его разсказъ помирить насъ, какъ мой дневникъ поссорилъ. Нолькенъ обѣщалъ прочесть мнѣ его съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ поправки, какія найду нужными. Завтра, я съ этой цѣлью отправляюсь къ нему обѣдать.

На спектаклѣ былъ турецкій посланникъ и задушилъ насъ табачнымъ дымомъ.

Четвергъ, 26.

Обѣдалъ у барона Нолькена, читали его разсказъ о путешествіи въ Гіерополисъ, который очень хорошо написанъ для не-француза. Я сдѣлалъ нѣкоторые маленькія поправки и съ удовольствіемъ увидалъ, что ссора наша кончилась.

Былъ съ визитомъ у гр. Шувалова и его жены; приняли превосходно. Графъ прочелъ мнѣ экспромтъ Вольтера во сто строкъ и разсказъ въ прозѣ, который доставилъ мнѣ большее удовольствіе. Хотѣли оставить меня ужинать, но клубъ помѣшалъ мнѣ остаться. Танцевалъ до часу ночи.

Пятница, 27.

Маркизъ обѣдалъ у Алексѣя Орлова для того, чтобы видѣть Souharas (?). Вернулся онъ въ семь часовъ и вошелъ въ ложу графини Чернышевой, гдѣ я въ то время находился, чтобы поговорить съ графиней о дѣлахъ моего камердинера. Маркизъ помѣшалъ этому разговору, но, выходя изъ ложи, я предложилъ графинѣ руку и просилъ ея протекціи для распродажи товаровъ, привезенныхъ моимъ лакеемъ. Я обѣщалъ прислать ихъ къ

ней. Она поблагодарила, но не общала ничего опредѣленнаго. Вернувшись домой, я сказалъ Порталису, что пошла завтра къ ней Гарри, который, вмѣстѣ съ кружевами и блондами, передастъ ей и его письмо.

Затѣмъ меня потребовалъ маркизъ, заявившій желаніе, чтобы я познакомился съ г. Обри, французомъ, служащимъ въ министерствѣ Панина.

Суббота, 28.

Сегодня я завтракалъ у князя Александра *). Онъ принялъ меня дружески.

Передъ уходомъ изъ дома, я послалъ своего лакея къ графинѣ Чернышевой съ товарами и запечатанной въ конвертъ книжкой романа, въ которую были вложены два письма: одно—отъ Порталиса, а другое—отъ меня, съ объясненіями и извиненіями по поводу странной выходки, на которую рѣшаюсь.

Когда пришелъ лакей, графиня садилась въ карету. Съ товарами она велѣла ему придти послѣ, но книжку взяла и лакей видѣлъ, какъ она читала письма, сидя въ каретѣ. Передача книжки, однакожъ, очень ее удивила.

Обѣдалъ у г. Панина и очень много говорилъ съ кн. Василюмъ Долгорукимъ **), съ которымъ мы рядомъ сидѣли за столомъ. Послѣ обѣда представился Обри, съ которымъ у насъ оказались общіе знакомые. Но я былъ очень остороженъ и рассыпался въ любезностяхъ, говоря, что очень хотѣлъ съ нимъ познакомиться, такъ какъ слышалъ объ немъ много хорошаго.

Воскресенье, 29.

Утромъ былъ при дворѣ. Императрица не появлялась; народу было не много. Видѣлъ маленькую Нарышкину и говорилъ съ ней до прибытія великаго князя. Она была очень любезна и сообщила, въ чьей ложѣ будетъ во время спектакля. Я не сталъ

разспрашивать подробностей, но знаю, что это ложа директора театровъ *) (directeur des spectacles), что соответствуетъ камеръ-юнкеру (gentilhomme de la Chambre) у насъ во Франціи. Послѣ обѣда былъ вмѣстѣ съ Пюнсегюромъ у гр. Шереметева **), гдѣ встрѣтилъ Обри, который, какъ говорятъ, часто тамъ бываетъ. Я ему говорилъ о предудительности, съ которой здѣсь относятся къ англичанамъ, и выразилъ мое удивленіе по этому поводу. Онъ отвѣчалъ, что это результатъ привычки. Маркизу очень хочется узнать, что изъ себя представляетъ этотъ чепухъ.

Четвергъ, 2 ноября.

Клубный день. Раньше я сдѣлалъ визитъ графинѣ Шереметевой (comte. Piègre?), а оттуда отправился танцовать. На балу познакомился съ дѣвицей Нарышкиной, невѣстой кн. Александра Куракина и родственницей той фрейлины, о которой говорилъ выше. Порталисъ сообщилъ мнѣ, что въ послѣднюю влюбленъ Измайловъ, очень красивый кавалергардскій офицеръ, который ревнуетъ ее ко мнѣ, такъ какъ видѣлъ, что мы съ ней много танцовали. Измайловъ, въ самомъ дѣлѣ, на этомъ же балу говорилъ со мною о московскихъ красавицахъ и спрашивалъ, какая изъ нихъ мнѣ больше нравится. Я отвѣчалъ неопредѣленно, но онъ все-таки былъ задумчивъ весь вечеръ. Не нравится мнѣ это соперничество; боюсь, какъ бы оно не помѣшало моимъ намѣреніямъ.

Пятница, 3.

Утромъ мы съ Порталисомъ отправились смотрѣть упражненія артиллеріи, но они были отложены. Встрѣтили гр. Чернышеву.

Вечеромъ былъ на спектаклѣ. Давали „Le Tableau parlant“ и „Annette et Lubin“; первую пьесу я всю пробылъ въ ложѣ гр. Черны-

*) Александръ Борисовичъ Куракинъ.

**) Покорившимъ Крымъ въ 15 дней (1771) и получившимъ за это названіе «Крымскаго».

*) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

**) Петра Борисовича, оберъ-камергера.

шевой, которая приняла меня очень холодно. На вторую пьесу я поэтому вышелъ въ залъ. Порталисъ очень безпокоится, хотя графиня часто поглядывала въ его сторону послѣ того, какъ я вышелъ изъ ложи; это подаетъ нѣкоторую надежду и позволяетъ приступить къ новымъ попыткамъ.

Суббота, 4.

Мы съ Порталисомъ обѣдали у автеровъ. Дюгэ гадала ему на картахъ и предсказала всякія бѣдствія, если онъ останется въ Россіи. Мнѣ она, напротивъ, сдѣлала самыя блестящія предсказанія, но только по части самолюбія.

Вернувшись, дешифровалъ громадную депешу изъ Версали, а потомъ послушалъ немножко концерты любителей.

Воскресенье, 5.

Утромъ былъ при дворѣ, но поговорить съ фрейлиной Нарышкиной не могъ, такъ какъ она была дежурною и ходила за Ея Величествомъ.

Маркизъ, Пюссегюръ и я обѣдали у гр. Лясси. Нолькенъ просилъ меня постороже проредактировать его разсказъ о поѣздѣ въ Гіррополисъ и потомъ прочесть его у Шуваловыхъ; я обѣщала.

Вечеромъ опять былъ при дворѣ. Маленькая Нарышкина опять держалась около Императрицы и я говорить съ ней не могъ, но стоялъ такъ, чтобы она меня видѣла. Измайловъ влюбляется все болѣе и болѣе. Съ нимъ раскланиваются, но вѣдь онъ же бываетъ въ ихъ домѣ. Это большое преимущество предо мною. Ужиналъ у Шуваловыхъ съ Андреемъ Разумовскимъ. Говорили о комедіяхъ и трагедіяхъ, просили Шувалову играть, но я не думаю, чтобы крайняя ея застѣнчивость это дозволила. Въ ожиданіи, будемъ репетировать нѣкоторыя сцены изъ „Магомета“; я беру роль Зогира.

Вторникъ, 7.

За обѣдомъ у насъ было много народа. Адмиралъ Варбалъ (V a r b a l)

былъ въ первый разъ. Должны были присутствовать князь Михайлъ Долгорукій и Александръ Буракинъ, но не явились. Послѣдній пришелъ уже послѣ обѣда. Былъ гр. Шуваловъ и очень пенялъ мнѣ за то, что я наканунѣ не остался ужинать. Вновь предлагалъ мнѣ распоряжаться своимъ домомъ и проч. Удивительный онъ человекъ; характеръ его настолько страненъ, что дѣлаетъ ненадежными всякія съ нимъ отношенія. Сегодня вы ему другъ, а завтра онъ васъ и знать не хочетъ. Жена его дѣйствительно милая женщина, добрая, простая, деликатная и чувствительная.

Четвергъ, 9.

Обѣдали у гр. Потемкина. Онъ намъ показывалъ тульскія стальныя издѣлія, дѣйствительно превосходныя какъ по выдѣлкѣ стали, такъ и по позолотѣ, украшеніямъ и проч. Случайно меня посадили за столомъ рядомъ съ оберъ-штабмейстеромъ Нарышкинымъ, котораго я не зналъ, но передъ которымъ разыгрался въ любезностяхъ, когда узналъ, что онъ отецъ фрейлины, такъ мнѣ понравившейся. Онъ тоже былъ со мной очень любезенъ и пригласилъ бывать, чѣмъ я, конечно, воспользуюсь.

Смотрѣли ученье артиллеріи, прошедшее очень хорошо, не смотря на сильный снѣгъ. Испытывали скорость огня одной пушки, которая давала, по часамъ, 29 выстрѣловъ въ минуту (!).

Воскресенье, 12.

Былъ при дворѣ, рассчитывая увидать маленькую Нарышкину, но ея не было. Въ субботу утромъ дѣлалъ визитъ ея отцу, но не засталъ дома. Утромъ мы цѣловали руку Императрицы и разговаривали съ великой княгиней, которая отнеслась ко мнѣ весьма милостиво.

Обѣдалъ у Лясси. Гр. Брюль *), герцогъ Ангальтъ и князь Одоевскій тол-

*) Карлъ Адольфъ, съ которымъ Корберонъ постоянно переписывался о герметическихкихъ наукахъ.

ковали со мною о массонствѣ. Послѣдній сказалъ, что въ Авиньонѣ есть особая ложа, хранящая тайны массоновъ. Онъ узналъ это изъ бумагъ барона Штейна (Steen), убитаго при осадѣ Бендеръ. Между прочимъ онъ беретса разбирать іероглифы и показывалъ мнѣ свое искусство.

Вторникъ, 14.

Обѣдалъ у Изчайлова. По поводу массонства онъ мнѣ сказалъ, что вступаетъ въ Швейцарскую ложу. Я ему намекнулъ, что состою на одной изъ высшихъ степеней, имѣю право принимать въ массонство и сообщать свои знанія, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Я хотѣлъ такимъ образомъ приобрести себѣ друга и отклонить предубѣжденіе противъ себя. А кромѣ того репутація таинственнаго челоувѣка быстро распространяется и очень помогаетъ при сношеніяхъ съ женщинами.

Получилъ приглашеніе въ Швейцарскую ложу. Былъ тамъ съ кн. Одоевскимъ, Ангальтомъ и гр. Брюлемъ. Остался не особенно доволенъ, но видѣлъ приѣмъ новопосвященнаго. Нашъ пароль былъ „Альфаи Омега“. Гр. Брюль опять говорилъ мнѣ о великомъ дѣланіи; онъ въ это серьезно вѣритъ.

Четвергъ, 16.

Утромъ былъ у Одоевского: говорили о массонствѣ. Онъ мнѣ показавъ дипломъ (grade) барона Штейна, а также медальонъ, носимый послѣднимъ на груди и найденный на немъ послѣ смерти. Я сниму съ него модель, чтобы заказать себѣ такой же. Одоевскій опять говорилъ мнѣ объ Авиньонѣ; дипломъ Штейна подписанъ въ этомъ городѣ. Затѣмъ онъ мнѣ сообщилъ многое, что я запишу для себя.

Былъ въ клубѣ; вышелъ оттуда въ 9 часовъ, чтобы идти ужинать къ гр. Шуваловой. Мужъ ея продекламировалъ нѣсколько отрывковъ изъ трагедій, но съ большими претензіями. Мы согласились разучить. „Смерть Цезаря“; я взялъ роль Антонія.

Суббота, 18.

Я вѣрно замѣтилъ, что Пюксегюръ очень перемѣнился. Онъ мнѣ признался сегодня, что тоскуетъ и плохо себя чувствуетъ. Причины этого не знаю, но думаю, что онъ влюбленъ въ маленькую Нарышкину, такъ какъ мѣсяцъ тому назадъ онъ ее очень расхваливалъ на придворномъ балу и былъ сильно смущенъ мной за нею ухаживаньемъ.

Ужиналъ у гр. Шуваловой, гдѣ была графиня Пушкина *), очень любезная и хорошенькая. Былъ также кн. Голицынъ и рассказалъ намъ остротѣ датскаго посла въ Неаполѣ: слушалъ онъ не особенно хорошую игру на скрипкѣ какого-то артиста, и кто-то, чтобы похвалить послѣдняго, сказалъ, „не правда ли какая трудная соната?“ — „Да, отвѣчалъ посолъ, но я бы желалъ, чтобы она была совсѣмъ неисполнима“.

Воскресенье, 19.

Утромъ былъ при дворѣ. По случаю праздника св. Мартина, Императрица слушала обѣдню въ большой церкви, а не въ часовнѣ. Маленькая Нарышкина была дежурной; я съ ней раскланялся, она отвѣтила.

Вечеромъ былъ балъ при дворѣ; я сдѣлалъ видъ, что не танцую и помѣстился противъ стола Императрицы, за которою стояла Нарышкина. Отецъ ея говорилъ со мною и спрашивалъ, почему я не танцую; я отвѣтилъ, что не хочется. Нарышкина прекрасно замѣтила, что я на нее смотрю, и сама на меня часто взглядывала; кн. Михайлу она потомъ говорила, что я, должно быть, надѣюсь кѣмъ-нибудь насмѣхаться, потому что я дѣйствительно смѣялся, разговаривая съ Порталисомъ.

Графъ Иванъ Чернышевъ тутъ же представилъ меня фельдмаршалу Разумовскому, Кириллу Григорьевичу **).

*) Жена гр. Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, впоследствии фельдмаршала и оберъ-гофмейстера двора Цесаревича.

**) Гетману, брату Алексѣя, морганатическаго супруга Императрицы Елизаветы, и отцу Андрея, о которомъ здѣсь часто упоминается.

который пригласил меня ужинать. Я согласился и къ великому моему удивленію, а также удовольствію, встрѣтился съ Нарышкиной. Она спросила, танцовалъ ли я, я отвѣтилъ, что нѣтъ; затѣмъ мы сѣли рядомъ. Князь Ангальтъ упорно за нею ухаживаетъ. Начались танцы; она много съ нимъ танцевала, а меня попросила взять ея сестру, что я и сдѣлалъ. За ужиномъ, Ангальтъ сѣлъ рядомъ съ ней; я пошутилъ надъ этимъ и совсѣмъ не сѣлъ за столъ, чтобы сохранить возможность подходить къ ней. Ангальтъ это замѣтилъ и сказалъ Нарышкиной. Они стали шутить на мой счетъ, а я рекомендовалъ имъ не потѣшаться надъ отсутствующимъ.

Четвергъ, 23.

Былъ въ клубъ; встрѣтилъ тамъ чудака, адъютанта фельдмаршала Чернышева. Это человѣкъ страшно самолюбивый, злой съ виду, сплетникъ по привычкѣ и никого не любящій, потому что слишкомъ ужъ любить себя самого. Онъ мнѣ наговорилъ много дурного обо всѣхъ, даже о присутствующихъ, за исключеніемъ фельдмаршала, котораго очень хвалилъ за доброту, но въ такихъ выраженіяхъ, чтобы заставить считать его глухимъ и во всемъ подчиняющимся своему адъютанту. Имя этого господина—шевалье де-Мезбергъ.

Пятница, 24.

Обѣдалъ у гр. Лясси, а вечеромъ сдѣлалъ визитъ князю Волконскому, отцу невѣсты кн. Голицина, который былъ убитъ какимъ-то Лавровымъ и котораго завтра хоронятъ. Это очень запутанная и странная исторія. Нѣсколько времени тому назадъ, кн. Голицинъ побилъ палкой, въ строю, одного офицера Шепелева. Тогда этотъ господинъ смолчалъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышелъ изъ полка, въ которомъ служилъ, и пріѣхалъ въ Москву къ кн. Голицину требовать отъ него удовлетворенія, причемъ далъ ему пощечину. Князь вытолкалъ его вонъ, на томъ дѣло и остановилось.

Всѣ удивлялись, почему князь въ свою очередь не требуетъ удовлетворенія, но онъ говоритъ, что не можетъ драться съ субалтернъ-офицеромъ. По этому поводу состоялся судъ, приговорившій Шепелева къ удаленію отъ двора, а Голицина — къ выходу въ отставку. Послѣдній сталъ распространять слухи, что потребуетъ отчета отъ Лаврова, который будто бы подстрекалъ Шепелева на драку. Лавровъ явился къ нему за объясненіемъ, а князь отвѣчалъ такъ невѣжливо, что получилъ вызовъ на дуэль, которая должна была быть на пистолетахъ. Передъ дуэлью, во время заряжанія, почему-то тянувшася очень долго, Лавровъ сталъ оправдываться и отрицать обвиненія кн. Голицина, а послѣдній, взбѣшенный медленностью процедуры, не вытерпѣлъ и бросился на Лаврова съ обнаженной шпагой, но, не успѣвъ нанести удара, самъ былъ дважды раненъ, послѣ чего и умеръ черезъ нѣкоторое время.

Принцъ Ангальтъ, рассказавшій мнѣ эту исторію, совершенно справедливо замѣтилъ, что страшное общественное неравенство, обусловленное образомъ правленія въ Россіи, душитъ идею чести, и что кн. Голицинъ, человѣкъ отличившійся въ арміи, не понималъ своихъ обязанностей по отношенію къ Шепелеву, хотя и стоявшему ниже его по рожденію, но все же офицеру. Это мнѣ напомнило черту изъ жизни великаго Кондэ, который, оскорбивъ офицера, не отказалъ ему въ удовлетвореніи.

Воскресенье, 26.

При дворѣ состоялся великолѣпный маскарадъ. Была турецкая кадрили, въ которой участвовали Императрица и Потемкинъ; послѣдній танцовалъ изнѣженно и вяло. Нарышкина тоже была, и тутъ я убѣдился, что дѣйствительно влюбленъ: мнѣ было очень непріятно, что она не узнала меня подъ маской. А когда я снялъ маску и она со мной раскланялась, то моя досада сразу прошла и я, какъ настоящій влюбленный, почувствовалъ себя совершенно воскресшимъ. Но что мнѣ

еще болѣе доставило удовольствіе, такъ это то, что Комбсъ замѣтилъ, какъ маленькая Нарышкина долго ходила съ какой-то подругой, какъ бы кого-то отыскивая, а когда встрѣтила меня, то остановилась и сдѣлала знакъ подругѣ, что та больше не нужна и можетъ идти. Это что-нибудь да значить. Нарышкина въ свою очередь тоже, должно быть, замѣтила, что Порталисъ мой повѣренный, такъ какъ засмѣялась, когда онъ меня толкнулъ, проходя мимо нея.

Пятница, 1 декабря, 2 ч. дня.

Мы съ маркизомъ ѣдемъ въ Тулу; сейчасъ садимся въ экипажъ.

Суббота, 2.

Въ Тулу пріѣхали въ 11^{1/2} часовъ; остановились у богатаго купца, любезнѣйшаго въ мірѣ человѣка. Маркизу дали кровать, а я легъ на диванѣ. Въ 9 часовъ утра, отправились съ визитомъ къ губернатору или коменданту города; это—толстый человѣкъ, не говорящій по-французски, но веселый, добродушный и искренній на старый манеръ. Онъ насъ проводилъ на заводъ, занимающій большое мѣсто на берегу рѣки Уны (Ора), которая, какъ говорятъ, приводитъ въ движеніе машины. Издѣлія завода очень красивы и похожи съ виду на англійскія, но сталь менѣе крѣпка и полировка ее, при внимательномъ разсмотрѣніи, недостаточно совершенна. Въ складѣ особенно хорошихъ вещей нѣтъ, но мы все-таки видѣли шпагу, предназначенную для Ивана Чернышева, и превосходную по тонкости ордѣлки. По приказанію Потемкина, маркизу самому предоставили выбрать, что ему понравится; онъ выбралъ карабинъ.

По выгодѣ изъ мастерскихъ, мы были въ церкви, очень хорошей и въ своемъ родѣ прекрасно расписанной. Тамъ въ это время служили благодарственный молебенъ (Te deum) по поводу годовщины привитія осы Императрицѣ. Былъ пушечный салютъ и проч.

Обѣдали у губернатора; было много народу, и между прочимъ епископъ, при своемъ входѣ благословлявшій каждого въ отдѣльности, причемъ у него всѣ цѣловали руку, даже двѣ дамы, бывшія въ числѣ приглашенныхъ.

Хозяинъ любитъ пожить и похожъ на нашихъ старыхъ дворянъ, что касается добродушной веселости; но я замѣтилъ, что манеры его болѣе изысканны, а привычки отличаются той роскошью, которая особенно свойственна русской національности, единственной, кажется, въ которой даже крестьянки бѣлятся и румянятся.

Обѣдъ по старымъ обычаямъ сопровождался тостами за здоровье Императрицы и ихъ императорскихъ высочествъ. Кромѣ епископа, былъ еще архимандритъ или аббатъ, завѣдующій монахами, который не сказалъ ни слова, но не пропустилъ ни одного тоста.

Въ пять часовъ мы вернулись домой, гдѣ губернаторъ отдалъ намъ визитъ. Къ счастью, онъ просидѣлъ не долго и въ 6 часовъ мы выѣхали обратно въ Москву.

Понедѣльникъ, 4.

Утромъ мы съ Порталисомъ гуляли, а потомъ обѣдали у итальянцевъ Мочениго и Мари. Первый, ужъ не знаю, какъ попалъ на русскую службу, но репутація его не завидна; впрочемъ онъ родственникъ Дожа, другой—добрый малый, очень образованный и путешествующій какъ философъ, для собственнаго удовольствія. Я потому стремился съ ними сойтись, что они знакомы съ оберъ-штальмейстеромъ.

Четвергъ, 7.

При дворѣ парадъ, по случаю праздника св. Георгія. Императрица учредила военный орденъ имени этого святого, на подобіе нашего ордена св. Людовика. Не знаю, сколько уже имѣется вообще кавалеровъ, но первой степени только четыре. Императрица

*) Дожемъ былъ тогда Альвизіо Мочениго.

предсѣдательствовала на парадномъ обѣдѣ. Принцъ Ангальтъ тоже сегодня принять въ число кавалеровъ, чего едва-ли заслуживаетъ.

Я попалъ ко двору только поадно вечеромъ, по причинѣ отправки курьера.

Пятница, 8.

При дворѣ состоялся маскарадъ; я былъ съ Порталисомъ. Онъ разговаривалъ съ своей графиней, а я танцевалъ съ Нарышкиной, которая сама объ этомъ просила. Она видѣла, что я съ нея глазъ не спускаю на балахъ.

Комбсъ замѣтилъ, что, когда я прѣхалъ, то она сдѣлала знакъ дамѣ, съ которой разговаривала, та взглянула на меня и потомъ обѣ продолжали говорить, улыбаясь. За полчаса до отбѣда, я говорилъ съ маленькимъ Волконскимъ, стоявшимъ недалеко отъ нея.

Мой соперникъ, Измайловъ, видѣлъ, я полагаю, мое ухаживанье за Нарышкиной. Мы съ нимъ разговаривали и, передъ концомъ бала, онъ признался, что имѣетъ большое горе и съ чувствомъ нѣсколько разъ повторилъ это.

Суббота, 9.

Утромъ я былъ у кн. Михаила Долгорукаго, которому рассказалъ исторію своего знакомства съ Порталисомъ и про любовь послѣдняго къ графинѣ. Князь былъ очень удивленъ посылкой писемъ и проч. Затѣмъ пришелъ самъ Порталисъ и Долгорукій посовѣтовалъ ему поступить на морскую службу, о чемъ ходатайствовать черезъ меня у графа Андрея *). Вечеромъ я былъ у послѣдняго, но еще не для того, чтобы просить о Порталисѣ, а только для того, чтобы заручиться вмѣ для своихъ цѣлей. Мы очень сошлись; онъ говорилъ о своемъ проектѣ описать, въ стихахъ любовь—въ 18 лѣтъ и въ 24.

Былъ съ визитомъ у графини Шереметевой **), и такъ какъ моя карета

*) Разумовскаго.

**) Вѣроятно, такъ какъ авторъ вездѣ употребляетъ французскую манеру обозначать женъ именами мужей: comtesse Pierre, princesse Joaи и проч. (Прим. перев.).

уѣхала въ виду того, что я останусь ужинать, то мнѣ пришлось ѣхать къ гр. Шуваловой въ саняхъ. Тамъ я засталъ принца Ангальта; онъ былъ въ мечтательномъ настроеніи и спросилъ, что я предпочитаю, Альзиру или Заюру. Я отвѣчалъ, что первая пьеса хороша въ чтеніи, а вторая—на сценѣ и кромѣ того я предпочитаю Заюру въ качествѣ любовницы. Это ему очень понравилось и онъ вполне со мной согласился.

Понедѣльникъ, 11.

При дворѣ—праздникъ св. Андрея. Утромъ я тамъ былъ. Нарышкина опять дежурная, какъ я и думалъ. Вечеромъ я танцевалъ съ ней менуэтъ и сказалъ, что нахожу его слишкомъ короткимъ. Потомъ она заставила меня танцевать съ дѣвицей Корсаковой. Шутилъ съ гр. Андреемъ по поводу его именинъ, говоря, что если бы зналъ это, то прислалъ бы ему поздравительные стихи.

Вторникъ, 12.

Послѣ обѣда разговаривалъ съ гр. Брюлемъ о здѣшнемъ обществѣ, графъ говоритъ, что здѣсь трудно завязывать пріятныя интриги, потому что барышни тотчасъ же заговариваютъ о бракѣ, какъ только вы скажете имъ какую-нибудь любезность. Затѣмъ онъ говорилъ о чувствительности принца Ангальта, о его любви къ дѣвицѣ Плещеевой (Pléchef), самой красивой и добродѣтельной во всей Москвѣ. Однажды, у гр. Разумовскаго, слушая тріо изъ Земиры и Азора, принцъ Ангальтъ сталъ печальнымъ и расцѣпаннымъ. Увидѣвъ это, гр. Брюль сдѣлалъ ему знакъ, напомнившій Плещееву (?), тогда принцъ вдругъ вдрогнулъ и конфузливо попросилъ избавить его отъ такихъ напоминаній. Эта застѣнчивость и конфузливость даетъ понятіе о чувствительности его сердца и заставила меня питать къ нему истинную дружбу.

Среда, 13.

Утро прошло безъ приключеній. Вечеромъ былъ у гр. Андрея Разу-

мовскаго, который съ каждымъ днемъ становится со мною любезнѣе. Ужинали вмѣстѣ у гр. Шуваловой, дорогой я просилъ за Порталиса. Графъ отвѣчалъ очень любезно и откровенно, обѣщая сдѣлать что можетъ, но посоветовалъ мнѣ попросить еще графа Ивана Чернышева, какъ морского министра, такъ какъ Порталисъ хочетъ поступить въ морскую службу.

Приѣхавъ къ гр. Шуваловой, мы тамъ застали принца Ангальта. Шуваловъ продекламировалъ мнѣ нѣсколько стиховъ изъ сочиняемаго имъ посланія къ человѣку, призванному къ дѣламъ изъ отставки. Довольно легко написано, есть хорошіе стихи.

За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ принцомъ Ангальтомъ. Мы говорили о чувствахъ и дружбѣ между женщинами. По этому поводу онъ мнѣ привелъ въ примѣръ дружбу Плещеевой и другой дѣвицы. У одной изъ нихъ случился пожаръ; она прежде всего бросается спасать шкатулку съ письмами подруги, не обращая вниманія ни на что другое; а подруга, узнавъ о пожарѣ, вскакиваетъ съ постели и, въ ночномъ костюмѣ, хочетъ бѣжать справиться о судьбѣ своего друга.

Суббота, 16.

Все утро я просидѣлъ дома, гдѣ и обѣдалъ. Послѣ обѣда у меня былъ маленькій кн. Долгорукій, а потомъ явился Порталисъ. Мы говорили о графинѣ, я былъ очень веселъ и шутилъ надъ нимъ, а онъ отпустилъ мнѣ сообщеніемъ, что, по словамъ Шереметева, Пюсегюръ тоже влюбленъ въ Нарышкину. Это на меня подѣйствовало, я сталъ угрюмъ и грустенъ. Къ довершенію неудовольствія, Пюсегюръ проихло меня похвалить съ нимъ къ генералу Сохтынову *). Дорогой я старался вывѣдать отъ него, уѣдетъ ли онъ весною, но ничего не добился. Судя по многимъ признакамъ, по его склонностямъ и поведенію, я думаю, однакоже, что онъ влюбленъ въ Нелединскую.

*) Николаю Ивановичу, оберъ-гофмейстеру двора Наслѣдника.

Воскресенье, 17.

Вечеромъ мы были въ театрѣ. Порталисъ ничего не сказалъ своей графинѣ, хотя собирался говорить съ ней въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы. Выходя изъ театра, онъ получалъ суровый выговоръ отъ гр. Чернышевой, жены Захара, которую нечаянно толкнулъ въ толпѣ. Это самая злая женщина въ мірѣ и по временамъ очень нахальная. Это одна изъ тѣхъ мужинообразныхъ женщинъ, о которыхъ говоритъ Дидро, и которыя особенно противны мужчинамъ.

Понедѣльникъ, 18.

Сегодня, въ 8 часовъ утра, я былъ у гр. Андрея, который ѣдетъ съ великимъ княземъ въ Петербургъ. Мы обѣщали писать другъ другу и разстались очень дружелюбно.

Въ 10 часовъ былъ у меня принцъ Ангальтъ. Отъ имени одной дамы онъ просилъ у меня стиховъ, написанныхъ мною для гр. Андрея, въ день его именинъ. Я думаю, что эта дама подруга дѣвицы Плещеевой. Затѣмъ онъ говорилъ о кн. Лобковичѣ, австрійскомъ послѣ, и его соперничествѣ съ гр. Ляссеп, гордость котораго не можетъ перенести первенствующаго положенія Лобковича. Я при этомъ подумалъ о положеніи нашего маркиза, немножко подчиняющагося гордому испанцу и потому находящемуся между двухъ огней. Постараюсь сдѣлать такъ, чтобы онъ взялъ верхъ, что вполне возможно благодаря его богатству, достаточному, чтобы держаться на высотѣ положенія.

Принцъ Ангальтъ предложилъ мнѣ обѣдать у гр. Панина, съ кн. Екатериной Романовной Дашковой. Я сказалъ объ этомъ маркизу, который былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ; мы отправились всѣ вмѣстѣ. Я съ большимъ интересомъ наблюдалъ эту женщину, прославившуюся той ролью, которую она играла при революціи ¹⁾, своимъ характеромъ и честолюбіемъ, посорившимъ ее съ Им-

¹⁾ Воцареніи Екатерины.

ператрицею. За обѣдомъ она говорила мало, можетъ быть потому, что мы тутъ были—она терпѣть не можетъ французовъ. Англичанъ она, напротивъ, очень любитъ. Она часто ѣздитъ въ Ирландію, гдѣ проводитъ нѣсколько времени съ своимъ сыномъ, воспитаніе котораго поручило Юму ¹⁾. За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ принцемъ Ангальтомъ и, говоря о вкусахъ княгини Дашковой, о любви ея къ англійской литературѣ, вспомнили о *сантиментальномъ путешествіи* Юрика, которое ей особенно нравится. Принцъ обѣщалъ перевести мнѣ нѣсколько страницъ изъ одного нѣмецкаго журнала, по этому поводу.

Ужиналъ у Нелединской, гдѣ много говорилъ съ кн. Волковской, съ которой недавно танцевалъ въ клубѣ. Это—одна изъ близкихъ знакомыхъ кн. Одоевскаго, одна изъ обожаемыхъ имъ женщинъ.

Вторникъ, 19.

Приходилъ Порталисъ и сказалъ, что былъ у гр. Шереметева. Они много говорили о любви и дѣлали другъ другу признанія. Шереметевъ такъ расчувствовался, что плакалъ; такая чувствительность дѣлаетъ ему честь и выкупаетъ, на мой взглядъ, замѣтный недостатокъ разума. Между прочимъ они говорили о любовныхъ чувствахъ Пюнсегюра, и Шереметевъ думаетъ, что предметомъ ихъ теперь является Нелединская. Извѣстно навѣрное, что Пюнсегюръ уѣдетъ раньше насъ. Онъ хотѣлъ меня увѣрить, что нуждается въ леченіи, но я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Вечеромъ мы съ нимъ долго толковали и онъ увѣрялъ, что не влюбленъ, но довольно слабо. Такъ какъ онъ долженъ выѣхать въ одинъ день съ Нелединской, то я, чтобы узнать его намѣренія, совѣтовалъ выѣхать днемъ раньше или позже. Онъ ничего не сказалъ, но, кажется, ему это понравилось.

Маркизь, съ которымъ мы теперь

¹⁾ Давиду, знаменитому философу и историку.

въ хорошихъ отношеніяхъ, пришелъ ко мнѣ поболтать четверть часика; онъ ѣдетъ ужинать къ граф. Шереметевой. Я принялъ его не одѣваясь, запросто, у камина.

Среда, 20.

Принцъ Ангальтъ и гр. Брюль пригласили меня вмѣстѣ обѣдать. Принцъ въ очень горячихъ выраженіяхъ говорилъ о своей любви. Вчера онъ тамъ провелъ цѣлый день съ гр. Брюлемъ: читали мое посланіе къ гр. Андрею и разсуждали по этому поводу. Меня больше всего радуетъ возрастающая интимность между принцемъ и мною.

За столомъ говорили о разныхъ обычаяхъ. Въ Россіи, напримѣръ, пьютъ водку (*chole?*) передъ обѣдомъ и ѣдятъ десертъ въ гостиную, уже вышедши изъ-за стола. Въ качествѣ десерта подаются обыкновенно варенья разныхъ сортовъ и ихъ берутъ той же ложечкой, которой ѣдятъ, не вытирая ее. По праздникамъ тосты пьются опять-таки всѣми изъ одного бокала, причемъ вѣжливость обявываетъ только оставить въ этомъ бокалѣ немного вина и выплеснуть его куда-нибудь, прежде чѣмъ передать бокалъ сосѣду. Принцъ Ангальтъ разсказывалъ, что въ Польшѣ, въ нѣкоторыхъ домахъ, при прибытіи или удаленіи гостя объ этомъ громогласно объявляютъ нѣсколько лакеевъ.

Четвергъ, 21.

Былъ фейерверкъ въ честь турецкаго посланника. Мы, съ прочими иностранными послами, смотрѣли его изъ дома Императрицы, куда были приглашены. Тамъ я встрѣтилъ оберъ-штабмейстера Нарышкива, который меня обнялъ и возобновилъ приглашеніе бывать у него въ Петербургѣ. Не знаю, къ чему клоняты всѣ эти любезности, но приглашеніемъ воспользуюсь съ удовольствіемъ. Что касается фейерверка, который я плохо видѣлъ, то я замѣтилъ только дерево прекраснаго зеленого пѣвта. Это ис-

кусство процвѣтаетъ въ Россіи; имъ занимаются артиллеристы.

Затѣмъ мы направились въ клубъ. Тамъ я встрѣтилъ Потгенполя *) который былъ очень ласковъ со мною и настоятельно просилъ часто видѣться съ нимъ въ Петербургѣ. Не знаю, откуда онъ знаетъ о моей склонности къ Нарышкиной, но довольно прозрачно шутилъ на этотъ счетъ.

Назначили наконецъ русскаго посланника въ Константинополь — нѣкоего Стахѣва (*Stachief*); для него это большое счастье—будетъ получать 40000 рублей жалованья.

Пятница, 22.

Утромъ мы съ маркизомъ были у турецкаго посланника. Онъ спросилъ, французъ ли я; маркизь отвѣчалъ, что я принадлежу къ посольству и назначенъ королемъ. Онъ могъ бы прибавить, что я прихожусь ему племянникомъ, но не прибавилъ этого. Съ четверть часа поговорили, а затѣмъ невольники принесли разныя сласти и подавали ихъ намъ, стоя на колѣняхъ; послѣ сластей, такимъ же порядкомъ они подали намъ превосходный кофе, снабдивъ предварительно, вмѣсто салфетокъ, шелковыми платками. Подъ конецъ визита насъ угощали еще очень вкусными шербетомъ, подавали розовую воду для мытья рукъ, жгли разныя куренья, и все на колѣняхъ. На прощанье намъ поднесли подарки: маркизу—шалъ для жены и муслиновый галстукъ (*cravate?*), шитый по краямъ шелкомъ и золотомъ, а намъ съ Пюнсегюромъ—по галстuku. Таковъ, сказали намъ, восточный обычай.

Вечеромъ присутствовали на балетѣ, исполненномъ воспитанниками и воспитанницами Воспитательнаго Дома, притомъ такъ хорошо, какъ только можно желать. Кто-нибудь спросить, пожалуй, зачѣмъ бѣдныхъ сиротъ дрессируютъ въ танцевальномъ искусствѣ? Я не нашелъ бы отвѣта на этотъ вопросъ, но можетъ быть роскошь, царствующая теперь во всѣхъ госу-

дарствахъ Европы, заставляетъ готовить учениковъ современныхъ школъ ко всѣмъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ. Любопытно, къ какимъ результатамъ это приведетъ. Балетъ мы смотрѣли послѣ того, какъ прошли по всѣмъ мастерскимъ Воспитательнаго Дома. Никогда не забуду оригинальной фигуры нѣкоего г. Демидова, котораго мы тамъ видѣли. Этотъ странный субъектъ, похожій на арлекина, обладаетъ, однакоже, большимъ достоинствомъ—онъ очень богатъ и умѣетъ съ пользою тратить свои богатства: онъ пожертвовалъ Воспитательному Дому 100000 рублей, т. е. полмилліона франковъ.

Суббота, 23.

Въ 4 часа вечера, Пюнсегюръ уѣхалъ въ Петербургъ, съ своимъ новымъ лакеемъ, похожимъ на дѣвочку. Уѣзжая онъ мнѣ сказалъ, что вчера, изъ его комнаты, кто-то укралъ 27 рублей. Это насъ очень огечалило, въ виду подозрѣній, которыя поневолѣ возникаютъ.

Воскресенье, 24.

Часть дня я провелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Затѣмъ мы съ маркизомъ были у московскаго губернатора, кн. Волконскаго, у фельд-маршала Румянцева, и проч. Дорогой разговаривали. Маркизь сказалъ, что нельзя разрушать въ народѣ религію, не имѣя чѣмъ замѣнить ее, и что въ этомъ лежитъ причина безчестности простого народа. Петръ I, унижая духовенство, котораго боялся, понизилъ его нравственное достоинство; теперь въ этомъ сословіи царствуетъ посредственность—нѣтъ у него ни знаній, ни вдохновенія, а потому и народъ не получаетъ воспитанія. Такъ думаетъ маркизь и я полагаю, что онъ правъ во многихъ отношеніяхъ. Надо однакожъ знать, насколько нравственными принципами сдерживаютъ грубые люди, руководящихся только инстинктами; на нихъ можетъ дѣйствовать только угроза наказаніемъ и обѣщаніе награды. Нельзя не признать, что че-

*) Негоціанта, основавшагося въ Россіи.

стность здѣсь явленіе рѣдкое и даже не всеми понимается, такъ какъ многіе не скрываютъ отрицательнаго своего къ ней отношенія. Недавно одинъ офицеръ ходатайствовалъ передъ начальствомъ объ орденѣ св. Георгія, приводя вполне достаточный къ тому поводъ. „Нѣтъ, отвѣчало начальство, я воспользуюсь этимъ поводомъ ради такого-то“. Такая откровенность доказываетъ, что начальство понятія не имѣло о чести и справедливости. Лучше бы ужъ оно сфальшивило и постыдилось признаваться въ безчестномъ дѣлѣ.

Изъ этого я заключаю, что и здѣсь, какъ посюду, люди руководствуются личными интересами; но такъ какъ здѣшнее общество еще не сложилось, такъ какъ о народѣ никто не заботится и всѣ его развращаютъ, то здѣсь и не могъ еще установиться сословный духъ, основанный на законныхъ чести, не можетъ пользоваться уваженіемъ и честность, не приносящая никакихъ личныхъ выгодъ.

Со вторника 26 по субботу 30.

Я простился со всеми моими знакомыми въ Москвѣ и съ самымъ гордымъ, котораго, вѣроятно, никогда болѣе не увижу.

Выѣхавъ изъ Москвы въ 4^{1/2} часа, мы ѣхали до самаго Петербурга, останавливаясь только на часъ или полтора въ сутки, чтобы пообѣдать. Ничего интереснаго на этомъ пути не случилось. Всего мы проѣхали 735 верстъ, коихъ нужно немножко больше четырехъ, чтобы составить одно французское лье. Каждая верста отмѣчена придорожнымъ столбомъ съ цифрою.

По Россіи вообще лучше ѣхать, не останавливаясь и днемъ и ночью, потому что тамъ нѣтъ такихъ пристанищъ, какъ во Франціи; постели вы нигдѣ не найдете и тѣ домики, въ которыхъ мы останавливались для обѣда, снабжали насъ только посудой. Это неудобство обуславливается манерой русскихъ вельможъ путешествовать—они всегда берутъ съ собою все необходимое: кухню, постели и

пр. Гостиницы становятся поэтому ненужными. По дорогѣ отъ Москвы къ Петербургу есть, однакожъ, двѣ довольно оносныхъ; одна—въ Твери, другая въ Новгородѣ. Кромѣ того крестьяне очень гостепріимны, и пускаютъ въ свои дома всѣхъ, желающихъ остановиться, причемъ остаются довольны всѣмъ, что вы захотите имъ дать.

Для приѣзда Императрицы, заранѣе готовятъ дома, въ которыхъ бы можно было остановиться съ большимъ удобствомъ, чѣмъ у крестьянъ, помѣщенія которыхъ совершенно невыносимы для француза, по причинѣ страшной жары, которая въ нихъ царствуетъ. Тогда и лошадей можно найти сколько угодно; до Новгорода, за нихъ платится по копѣйкѣ на лошадь и версту, а съ Новгорода—вдвое. Но и это очень не дорого. Кучерамъ даютъ сколько угодно, начиная съ пяти су; отъ этого зависить скорость ѣзды.

Годъ 1776.

Понедѣльникъ, 1-го янв. 1776 г.—Къ М-ель Брескюль.

Изъ-за пятисотъ лье, мой дорогой и милый другъ, поздравляю васъ съ Новымъ Годомъ, который проведу, вѣроятно, безъ васъ. Увы! Жалко бы васъ видѣть, но не могу на это надѣяться. Въ карьерѣ, мною избранной, нельзя знать куда попадешь. Могу ли я рассчитывать, что увижу свою семью, друзей и знакомыхъ, которыхъ оставилъ во Франціи? Но я не хочу останавливаться на такихъ печальныхъ мысляхъ, онѣ убиваютъ бодрость, которая мнѣ теперь такъ нужна. Въ томъ уединеніи, въ которомъ находится теперь мое сердце, я хотѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, почаще вспоминать о томъ, что мнѣ дорого, и питаться надеждою вновь пережить когда-нибудь тѣ блаженные минуты, которыя я проводилъ съ вами.

Вотъ уже два дня, мой другъ, какъ я живу въ одномъ изъ лучшихъ городовъ Европы, по отзыву географовъ и путешественниковъ. Я не могу еще пока сказать, что объ немъ думаю, но придетъ и мой чередъ, когда я выска-

жусь можетъ быть иначе: всякій волею имѣть свое мнѣніе.

Вторникъ, 2.—Къ моему брату.

Пробываніе въ Москвѣ не было для меня такъ плодотворно, какъ я надѣялся. Мнѣ слѣдовало изучить итальянскій и нѣмецкій языки, но я ничего этого не сдѣлалъ. Зато я приобрѣлъ нѣсколько знакомыхъ, которыхъ опишу тебѣ впоследствии; они мнѣ будутъ полезны и доставятъ удовольствіе. Вообще я очень люблю частныя знакомства и жертвую имъ необходимою вращаться въ свѣтѣ; въ этомъ отношеніи мнѣ слѣдуетъ исправиться.

Приѣхавъ въ Петербургъ, я рѣшилъ вести себя иначе: хочу видѣть свѣтъ, не бросая своихъ занятій. Я положилъ себѣ за правило каждый день прочитывать по ступа страницъ, а вечеромъ записывать все, что увижу въ обществѣ интереснаго. Начну съ «Исторіи министерства Вальпола» и думаю сдѣлать изъ него конспектъ. Думаю также поступить съ историческими сочиненіями аббата Милло, и проч. Излагать буду въ формѣ писемъ, чтобы не было сухо.

Очень пріятно пообѣдать у барона Нолькена. Насъ было 8 или 10 человекъ, между прочими знаменитый портретистъ Ролэнъ и гр. Штейнбокъ, капитанъ кавалергардовъ, прекрасно играющій на клавесинѣ и очень милый въ обществѣ. За столомъ моимъ сосѣдомъ былъ Ролэнъ, обладающій простотою и скромностью настоящаго таланта. Это въ самомъ дѣлѣ великій художникъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ живописцевъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что пейзажи въ Швеціи замѣчательно красивы, какъ благодаря живописности мѣстоположенія, такъ и вслѣдствіе замѣчательной чистоты воздуха, дѣлающей все цвѣта болѣе живыми. Было бы интересно взглянуть на нихъ, и я надѣюсь, по отъѣздѣ изъ Россіи, провести нѣсколько дней въ Стокгольмѣ. Тогда я опишу то, что увижу.

Среда, 3.—Къ нему же.

Каждый день, мой другъ, являются новыя лица. Начинаю съ Лессепа, французскаго консула, переведеннаго сюда въ юль изъ Гамбурга. Онъ мнѣ показался

порядочнымъ человекомъ, немножко болтуномъ можетъ быть и не особенно умнымъ, хотя внѣшность у него пріятная. Благодаря этимъ двумъ недостаткамъ, въ связи съ нѣкоторой претенціозностью, онъ нажилъ себѣ здѣсь враговъ. Но я надѣюсь, что при ближайшемъ знакомствѣ его оцѣнять, такъ какъ онъ, въ сущности, добрый малый; по крайней мѣрѣ, показался мнѣ таковымъ.

Въ то же утро я видѣлъ двухъ французскихъ негоціантовъ, гг. Рэмбера и Мишеля. Первый былъ вице-консуломъ; онъ человекъ образованный, умный и дѣятельный, а кромѣ того экономистъ. Что касается Мишеля, то онъ корчитъ изъ себя барина; онъ дѣйствительно богатъ, но я предпочитаю ему Рэмбера.

Четвергъ, 4.—Къ г-жѣ Брессоль.

Вы любите живопись, мой милый другъ; какъ жаль, что васъ не было со мною сегодня въ мастерской Ролэна, которую я осматривалъ! Вы бы пришли въ восторгъ отъ того, что я тамъ увидѣлъ. Между прочимъ я любовался портретами князя и княгини Голицыныхъ *); первый особенно хорошъ. Тѣнь, напимѣръ, передающая пустоту между голубой лентой и сукномъ мундира—кажется, что туда можно палецъ просунуть! Этотъ Ролэнъ, весьма искусный художникъ, онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ въ своихъ картинахъ, такъ что отдѣлка подробностей увеличиваетъ сходство. Я очень былъ доволенъ взглянуть на его работы, но все искалъ въ мастерской еще чего-то и только потомъ догадался, что ищу вашего портрета. Впрочемъ, если бы онъ и былъ тамъ, то мнѣ все-таки не доставало бы оригинала; нельзя быть счастливымъ вдали отъ того, кто необходимъ нашему сердцу.

Часть дня я провелъ въ питьѣ и ѣдѣ, какъ пьютъ и ѣдятъ только въ кабакахъ. Но мы и въ самомъ дѣлѣ были въ одномъ изъ нихъ. Вы должны знать, милый другъ, что однимъ изъ немногихъ удовольствій въ этой странѣ являются пикники. Бдутъ на саняхъ въ трактиръ, такимъ же образомъ оттуда возвращаются и думаютъ,

*) Александръ Митайловичъ, фельдмаршалъ и вице-капитанъ, женатый на Дарьѣ Алексѣевнѣ Гагаринѣ.

что хорошо провели время. Въ двухъ верстахъ отъ Петербурга, на Невѣ, есть очень красивый островокъ, называющійся Каменнымъ. Великій князь, которому онъ принадлежитъ, намѣренъ тамъ строятся. Французскій рестораторъ, по имени Готье, получилъ позволеніе держать тамъ трактиръ, въ которомъ мы и были. Хорошій обѣдъ стоилъ намъ четыре рубля три четверти (около лудора), но было очень холодно—19 градусовъ. Больше всего мнѣ доставила удовольствіе ѣзда по льду Невы. Эта прекрасная рѣка, по крайней мѣрѣ, вдвое шире Сены и очень украшаетъ столицу Россійской Имперіи.

Возвратясь, я пилъ чай у шведскаго посланника; мы съ нимъ протолковали до вечера, то-есть часовъ до трехъ. Я очень былъ польщенъ этимъ, потому что видѣлъ съ его стороны дружеское участіе, къ которому я всегда былъ очень чувствителенъ. Баронъ Нолькенъ въ высшей степени любезенъ и къ достоинствамъ ума присоединяетъ достоинства сердца. Но онъ очень подозрителенъ, вслѣдствіе ея обижаетъ. Его надо знать и прощать ему маленькія слабости, обусловленные слабымъ здоровьемъ. Вы знаете, мой другъ, какъ мы съ нимъ поссорились изъ-за шутки, изъ-за составленнаго мною, въ стихахъ и прозѣ, описанія поѣздки въ Ярославль. Онъ на меня долго за это сердился, и признаюсь, что теперешнія проявленія дружбы и довѣрія съ его стороны очень меня удивляютъ, хотя въ то же время и лстятъ. Я стараюсь отыскать своекорыстный мотивъ такого ко мнѣ отношенія, потому что вѣдь всѣ люди, болѣе или менѣе своекорыстны, хотя бы и въ деликатной формѣ. Въ данномъ случаѣ, я полагаю, мотивомъ служить желаніе Нолькена имѣть повѣреннаго, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить горе и радость, а потому выборъ, имъ сдѣланный, очень мнѣ лстятъ, тѣмъ болѣе, что и мои интересамъ соответствуетъ: я, мой другъ, буду говорить съ нимъ о васъ.

Онъ мнѣ показалъ письмо, написанное имъ къ шведскому королю Густаву III, когда тотъ еще былъ наслѣднымъ принцемъ. Письмо поучительно, хорошо написано и дѣлаетъ честь имъ обоимъ. Король питаетъ къ нему большую дружбу. Если Нолькенъ когда-либо пріѣдетъ во Францію, то я его познакомлю съ вами.

Суббота, 6.—Къ моему брату.

Я еще не говорилъ тебѣ, мой другъ, о Нормандецѣ, секретарѣ испанскаго посольства. Это весьма порядочный малый и очень не глупый; онъ, повидимому, желаетъ сойтись со мной, что мнѣ очень пріятно. Благодаря плохому здоровью, онъ нѣсколько меланхоличенъ, но я стараюсь вылѣчить его своимъ уходомъ и развлечениями. Такъ пріятно оказывать услугу хорошему человѣку!

Сегодня утромъ онъ былъ у меня, мы вмѣстѣ сдѣлали нѣсколько визитовъ и потомъ обѣдали у Мишеля, который насъ очень хорошо принялъ и угощалъ превосходнымъ калабрскимъ виномъ. Вечеромъ мы отправились къ Штелину, вретарю Академіи, которому я долженъ былъ передать книгу доктора Жибелет. Объ этомъ человѣкѣ я составилъ хорошія мнѣнія; онъ большой оригиналъ, обладающій весьма смутными знаніями, но въ общемъ большой говорунъ и хорошій человѣкъ. Говоруны всегда бываютъ хорошими людьми.

Говорятъ о назначеніи камергера Нарышкина губернаторомъ въ Бѣлоруссію. Императрица подписала это назначеніе сегодня, тотчасъ по прибытіи въ Петербургъ. Говорятъ также о смерти аббата Буазенона и о томъ, что Вольтеръ умираетъ. Изъ Франціи доходятъ также интересныя новости; отмѣна Нантскаго эдикта доставляетъ мнѣ большое удовольствіе, такъ какъ доказываетъ, что духовенство лишилось вліянія и что въ министерствѣ господствуетъ философскій духъ, весьма плодотворный для человѣчества. Маркизь со мной не согласенъ, и я съ тяжелымъ чувствомъ вижу, что онъ, единственный изъ французовъ и вообще иностранцевъ, не радуется этой новости.

Воскресенье, 7.—Къ нему же.

Сегодня мы были во дворцѣ, милый другъ, для цѣлованія руки ея величества. Петербургскій дворецъ довольно обширенъ, но въ его внѣшности болѣе великолѣпія, чѣмъ вкуса. Передъ нимъ—большая площадь. Что меня особенно удивило, такъ это то, что намъ пришлось очень высоко подниматься по лѣстницѣ. Подробности опишу тебѣ въ слѣдующій разъ.

Черезъ Нормандца, очень дружески и душенько, но замѣтивъ, что онъ и въ Петербургѣ, какъ въ Москвѣ, старается жить подальше отъ города и поближе къ полю, что въ его квартирѣ царствуетъ искусство и что при всемъ этомъ въ немъ незамѣтно никакой претенциозности, я долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе. Кромѣ того, объ немъ говорятъ какъ о хорошемъ наблюдателѣ, умѣющемъ оцѣнивать характеры выдающихся лицъ. Я хочу сойтись съ этимъ человѣкомъ и посмотрѣть, соответствуетъ ли его характеръ тому понятію, которое я теперь немъ себѣ составилъ.

Въ четыре часа я вышелъ отъ барона Нольбена для того, чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ. Былъ у Фальконэ и проговорилъ съ нимъ часа два. Онъ упомянулъ о своемъ переводѣ Плинія, который такъ раскритиковали. Фальконэ съ большою твердостью защищался отъ критиковъ, но въ то же время исправилъ ошибки, на которыя они ему указали. Онъ далъ мнѣ, для прочтенія, экземпляръ книги съ собственноручными пометками. Думаю, что онъ выпуститъ новое изданіе. Когда прочту, то сообщу тебѣ свое мнѣніе объ этомъ переводѣ.

Понедѣльникъ, 8.—Къ нему же.

Сегодня утромъ, мой другъ, я видѣлъ человѣка не совѣмъ обыкновеннаго; это баронъ Савенъ, саксонскій посланникъ при здѣшнемъ дворѣ. Я встрѣчался съ нимъ въ обществѣ, не обращая на него особеннаго вниманія, но теперь, благодаря различнымъ отзывамъ о его характерѣ, мнѣ захотѣлось познакомиться съ нимъ поближе. Съ перваго взгляда онъ кажется простымъ, холоднымъ и вѣжливымъ человѣкомъ; довольно высокій ростъ, красивая и характерная фигура, а особенно произношеніе, тотчасъ же обличаютъ въ немъ нѣмца. Въ разговорѣ его нѣтъ ничего пикантнаго; уединеніе онъ предпочитаетъ обществу, можетъ быть, потому, что наводитъ на всѣхъ скуку. Признаюсь, что въ качествѣ молодого человѣка я такъ объ немъ до сихъ поръ

и думалъ. Но замѣтивъ, что онъ и въ Петербургѣ, какъ въ Москвѣ, старается жить подальше отъ города и поближе къ полю, что въ его квартирѣ царствуетъ искусство и что при всемъ этомъ въ немъ незамѣтно никакой претенциозности, я долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе. Кромѣ того, объ немъ говорятъ какъ о хорошемъ наблюдателѣ, умѣющемъ оцѣнивать характеры выдающихся лицъ. Я хочу сойтись съ этимъ человѣкомъ и посмотрѣть, соответствуетъ ли его характеръ тому понятію, которое я теперь немъ себѣ составилъ.

Въ четыре часа я вышелъ отъ барона Нольбена для того, чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ. Былъ у Фальконэ и проговорилъ съ нимъ часа два. Онъ упомянулъ о своемъ переводѣ Плинія, который такъ раскритиковали. Фальконэ съ большою твердостью защищался отъ критиковъ, но въ то же время исправилъ ошибки, на которыя они ему указали. Онъ далъ мнѣ, для прочтенія, экземпляръ книги съ собственноручными пометками. Думаю, что онъ выпуститъ новое изданіе. Когда прочту, то сообщу тебѣ свое мнѣніе объ этомъ переводѣ.

Вторникъ, 9.—Ему же.

Часть дня я провелъ за письмами. Сегодня отправлю тебѣ мой № 7. Написалъ также къ матушкѣ, къ м. де-Жюинье и въ Москву, къ кн. Долгорукову, камергеру Императрицы. Это очень достойный и порядочный человѣкъ, отъ котораго я получилъ много безбесностей. Онъ обладаетъ кроткимъ и добрымъ характеромъ, потому что влюбленъ! Ты знаешь, мой другъ, что для меня достаточно такого доказательства. Предметомъ его любви является супруга Захара Чернышова, злая и некрасивая, такъ что я ему не завидую.

Покончивъ съ письмами, я провелъ вечеръ у гр. Лясси. Тамъ встрѣтилъ гр. Сакромозо, который сообщилъ мнѣ новость о смерти Мальтійскаго Гросмейстера и о замѣнѣ его Руанскимъ Балли. Только это еще не навѣрно.

Помнишь, мой другъ, о знаменитомъ камнѣ, привезенномъ въ Петербургъ изъ Финляндіи. Этотъ громадный камень, предназначенный для пьедестала статуи

*) Фридрихъ, женатый на Шарлоттѣ Менцель.

**) Шарлотта, будущая жена шев. де-Корберона.

Петра I, не должно было обтачиваться, а между тѣмъ Фальконэ нашелъ его слишкомъ большимъ для статуи, и велѣлъ уменьшить. Изъ этого вышли сплетни. Говорятъ, что Фальконэ боится, какъ бы пьедесталъ не привлекъ къ себѣ большаго вниманія зрителей, тѣмъ самая статуя. Я не вѣрю, чтобы онъ былъ способенъ на такую мелочность.

Послѣ ужина Нормандецъ говорилъ мнѣ о своей любви къ Шарлоттѣ Бемеръ. Онъ желалъ бы избавиться отъ этой любви, такъ какъ Шарлотта кокетка. Ему не понравилось бы, однакоже, я полагаю, если бы кто-нибудь отбилъ ее у него. Это та самая дѣвица, которую я видѣлъ прошлый разъ и нашелъ похожей на м-ель Гурнэ. Нормандецъ самъ признается, что онъ ревнивъ, такъ что онъ просто ее ревнуетъ. Правда, что и онъ даетъ поводъ къ ревности, расхваливая мнѣ третью сестру, которую я еще не видалъ. Вотъ, мой другъ, канва для приключеній; но ты знаешь мои московскіе проекты и я подожду, чѣмъ они кончатся, прежде чѣмъ переходить къ чему-нибудь другому. Кромѣ того, я не хочу серьезныхъ связей, а это можетъ кончиться чѣмъ-нибудь серьезнымъ.

Среда, 10.—Ему же.

Вернулся отъ Лессепа, гдѣ ужиналъ. Это очень милые люди; тонъ у нихъ нѣсколько буржуазный — мы пѣли за столомъ — но зато весело, а это главное. Былъ одинъ молодой испанецъ, который мнѣ сообщилъ, что Нормандецъ каждый вечеръ бываетъ у Бемеръ; значить, я не ошибся, считая его влюбленнымъ.

Сегодня утромъ у меня былъ маленький, толстенькій, старенькій человѣчекъ, ботгунъ и очень живой. Это нѣкій Дюмениаль, французъ, которыхъ здѣсь множество. Онъ состоитъ учителемъ у кн. Трубецкого, много путешествовалъ и хвастаетъ большими познаніями въ медицинѣ.

Четвергъ, 11.—Къ м-ель де-Брессоль.

Вы—мой другъ, моя повѣренная и я вамъ хочу сообщить о двухъ новыхъ моихъ знакомыхъ. Первая—м-ель Пти, дочь француженки гувернантки въ домѣ гр. Штейнбока; она сегодня обѣдала вмѣстѣ со мною у бар. Нолькена. Это очень

молоденькая, свѣженькая и миленькая дѣвушка, которой я старался понравиться, такъ какъ не могу жить безъ привязанности. Думаю пойти къ ней, чтобы отнести кое-какіе рисунки, въ которыхъ она нуждается.

Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я проведъ прекрасный вечеръ у Бемеръ. Видѣлъ третью дочь, но все-таки предпочитаю вторую. Она пѣла итальянскія пѣсенки, причѣмъ становилась еще привлекательнѣе. Хорошій голосъ—это вѣдь очаровательный даръ! Было довольно весело; съ одной стороны—было много народа, съ другой—мы занимались музыкой, а съ третьей — передавая свѣчу, я воспользовался случаемъ поцѣловать ручку, которую у меня не отняли. Будь я влюбленъ, такъ смѣлости бы не хватило.

Пятница, 12.—Къ маркизѣ Брэанъ.

Вы, сударыня, вѣроятно желали бы узнать о состояніи моего сердца, котораго прежде были повѣренной и вновь будете, такъ какъ я не боюсь экзамена. Вы знаете, какъ я страдалъ, расставаясь со всѣмъ, что люблю. Меланхолія моя продолжалась во все время путешествія и пребыванія въ Москвѣ.

Меня старались встряхнуть, излѣчить мою тоску развлечениями, но возможно ли это безъ друга, безъ возлюбленной? Эти два ресурса явились, наконецъ, и я признаюсь вамъ, что жадно ими воспользовался. Молодая Нарышкина и гр. Андрей доставили мнѣ утѣшеніе, котораго можно ждать отъ любви и дружбы. Но черная давала пищу только моему воображенію, такъ какъ на смутныхъ соображеніяхъ ничего основать нельзя. Въ такомъ положеніи было мое сердце, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ.

Сегодня я видѣлъ Нарышкину при дворѣ, гдѣ былъ балъ по случаю Новаго года. Во время танцевъ мы съ ней разговаривали. Я ушелъ раньше всѣхъ, чтобы повидаться со Штелинымъ, секретаремъ Академіи. У него я встрѣтилъ сестру фрейлины Нарышкиной съ гувернанткой м-ель Немиръ и чудачкомъ, живущимъ у оберъ-шталмейстера, нѣкимъ шевалье де-Менвиллье. Этотъ вечеръ для меня не прошелъ даромъ, вы увидите, къ чему с

Суббота, 13.—Къ той же.

Сегодня мы были на прекрасномъ спектаклѣ въ Смольномъ монастырѣ. Воспитанницы представили *L'indiscret* Вольтера, *Le Sorcier* и *Le Coq du Village*. Эти три пьесы и балетъ, данный въ концѣ, прошли очень хорошо. Последняя пьеса была особенно пикантна, потому что въ ней играли пяти, шести и семилѣтнія дѣвочки. Я только не совсѣмъ доволенъ тѣмъ направлениемъ, которое дается такимъ маленькимъ дѣтямъ; вкусъ къ удовольствіямъ и таланты, которые имъ прививаютъ, могутъ быть скорѣе вредными, чѣмъ полезными для счастья небогатыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Но меня примирила съ этимъ доброта Императрицы и радость воспитанницъ. Всѣ онѣ казались одной семьей, а Императрица — матерью, ласкающею своихъ дѣтей. Это вамъ должно доставить удовольствіе.

Понедѣльникъ, 15.—Къ той же.

Сегодня я видѣлъ знаменитую конную статую Петра I. Это лучшая изъ всѣхъ подобныхъ, которыя мнѣ извѣстны. Вы знаете споры, брань и насмѣшки, ею вызванныя; могу васъ увѣрить, что она заставить забыть все это. Я еще нѣсколько разъ пойду смотрѣть на нее, и только тогда дамъ вамъ подробный отчетъ.

Вечеромъ я часа два просидѣлъ у Бемеръ. Положительно—младшая сестра прехорошенькая! Одно меня приводитъ въ смущеніе: есть молодой человекъ, который въ нее влюбленъ, который меня ей представилъ и съ которымъ мы пріятель. Какъ быть? Онъ очень ревнуетъ ее ко мнѣ, хотя и не признается въ этомъ. Неужели отказаться отъ пріятнаго знакомства? Или разорвать съ человекомъ, котораго я уважаю? О женщины, женщины! Всегда-то вы служите причиною нашихъ дурныхъ поступковъ прежде чѣмъ составить наше счастье!

Вторникъ, 17.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, въ Петербургѣ происходила съ большою помпой весьма смѣшная церемонія благословенія рѣки Невы греческимъ духовенствомъ *). Прежде сама Императрица присутствовала

при этомъ потѣшномъ обрядѣ, всѣ гвардейскіе полки въ парадной формѣ и при оружіи участвовали, вообще значеніе ему придавалось огромное. Народъ толпами бросался купать дѣтей въ только что освященной водѣ, и эти несчастные становились, конечно, мучениками, такъ какъ въдь въ это время морозы стояли здѣсь страшные. Сегодня, напримѣръ, было—25°. Говорятъ, что церемонія эта установлена въ память крещенія Иисуса Христа въ Иорданѣ.

Вечеромъ сегодня при дворѣ ничего не было, другъ мой, поэтому я отправился въ нѣмецкій театръ, доставившій мнѣ большое удовольствіе хорошей игрой актеровъ, которыхъ здѣшняя нѣмецкая колонія выписала на свой счетъ. Прекрасное развлеченіе, играютъ комедіи и комическія оперы.

Четвергъ, 18.—Къ брату.

Сегодня были большія похороны; хоронили вдову канцлера Воронцова *). Ты знаешь, мой другъ, церемонію врученія паспорта мертвецу—паспорта, который долженъ быть представленъ св. апостолу Петру—эта церемонія еще продѣлывается здѣсь съ точностью. Поэтому ты можешь судить о процвѣтаніи философіи въ Россіи, не дальше ушла она и по части нравственности.

Утромъ у меня перебивало много народа, и между прочимъ французовъ. Когда-нибудь я тебѣ дамъ отчетъ объ нихъ, но заранее предупреждаю, что этотъ отчетъ не будетъ особенно лестнымъ для нашей національности. Удивительно сколько сюда понаѣхало различныхъ проходивцевъ изъ Франціи, они портятъ нашу репутацію и, взаимно обличая другъ друга, заставляютъ насъ прикрывать ихъ мошенничество. Я еще не могу на это жаловаться, но долженъ соблюдать осторожность.

Суббота, 20.—Къ брату.

Время здѣсь идетъ несравненно скорѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Общество въ Петербургѣ разнообразнѣе и связи въ немъ

*) Крещенскій парадъ.

*) Урожденную Скавронскую, рожденницу императрицы Елизаветы.

больше, такъ какъ здѣсь много иностранцевъ и артистовъ. Мы, поэтому, не принуждены убивать время въ разговорахъ другъ съ другомъ. Я хочу развлекаться, въ этомъ состоитъ также и цѣль общества. Если оно этой цѣли не достигнетъ, то я предпочту жить въ одиночествѣ.

Семья Бемеръ даетъ мнѣ очень многое. Отецъ съ матерью—добрые люди, живущіе по добрымъ старымъ обычаямъ. Въ семьѣ, три дочери, дѣлающія ее пріятною. Младшая очень красива и обладаетъ естественными манерами, свойственными нѣмецкой націи. Вотъ у русскихъ нельзя встрѣтить ничего подобнаго; ихъ вѣжливость, манеры, свѣтскій тонъ, все это—обезьяничаніе, нѣтъ у нихъ ничего своего.

Другимъ ресурсомъ служить для меня англичанинъ Пирротъ (Perrault), котораго я встрѣчаю у Бемеръ, онъ меня научитъ своему языку.

Воскресенье, 21.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, проклиналъ лѣнь, помѣшавшую мнѣ изучить нѣмецкій языкъ. Былъ я при дворѣ, встрѣтилъ тамъ маленькую Нарышкину, которая сообщила, что ѣдетъ въ нѣмецкій театръ, я, конечно, отправился туда же, но Нарышкиной тамъ не было, также какъ не было и оперы, а играли только двѣ комедіи и я страшно скучалъ, не понимая языка.

Оттуда отправился къ Штелину, гдѣ надѣялся по крайней мѣрѣ встрѣтить гувернантку (м-ель Немпръ), и опять ошибся въ расчетѣ. Познакомился съ сыномъ Штелина, очень хорошимъ мальчѣмъ. Мы толковали о рисункахъ, гравюрахъ и проч. Онъ показалъ мнѣ рисунокъ маркиза Блоссэ *), сдѣланный тушью. Мы рѣшили вмѣстѣ работать, онъ мнѣ покажетъ свой способъ, а я ему—свой, и, такимъ образомъ, оба мы усовершенствуемся.

Прощай, мой другъ, иду ужинать къ Ивану Чернышову, гдѣ всегда скучаю: вельможи утомляютъ.

*) Тогдашній французскій посланникъ въ Португаліи.

Вторникъ, 23.—Маркизъ де-Бреанъ.

Вы можете быть думаете, сударыня, что въ Россіи заботятся только о подготовленіи воиновъ и хорошихъ хозяевъ? Вы полагаете, вѣроятно, что въ этой новой странѣ начинаютъ съ примѣненія великихъ принциповъ воспитанія, съ того, чтобы внушить молодымъ людямъ обою пола великія нравственныя добродѣтели, а затѣмъ свѣтская жизнь и путешествія даютъ имъ тотъ лѣсъ, который необходимъ для жизни? Я думалъ также, но, сударыня, я ошибался. Сегодня я видѣлъ, какъ молоденькія воспитанницы монастыря, подобнаго нашему Сентъ-Сирскому, представляли комедію и комическую оперу не хуже нашихъ парижскихъ дамъ. Хорошія музыкантши, хорошія актрисы, прекрасныя танцовщицы, очень мило поддерживающія разговоръ, онѣ уже ничему больше не могутъ научиться въ свѣтѣ. Но на приобрѣтеніе всѣхъ этихъ совершенствъ нужно много времени, такъ что вы, пожалуй, подумаете, что воспитанницы монастыря предназначаются къ жизни исключительно свѣтской, разсѣянной. Я справился на этотъ счетъ и узналъ, что онѣ напротивъ того всѣ очень не богаты, и что ихъ такимъ воспитаніемъ думаютъ вознаградить за недостатокъ средствъ. Хорошо вознагражденіе—привить вкусъ къ удовольствіямъ тому, кто не въ состояніи будетъ ими пользоваться!

Среда, 24.—Къ брату.

Хоть я и дипломатъ по профессіи, но не могу же я сдѣлаться таковымъ до мозга костей и стать равнодушнымъ даже къ скукѣ. Сегодня я обѣдалъ у гр. Ивана Чернышова и чуть не умеръ съ тоски. Жена его пожелательно глупа, а самъ онъ хотя не глупъ, но хуже того: онъ—въ полномъ смыслѣ слова придворный и потому въ ихъ домѣ царствуетъ невозможная натянутость, хорошо, что гр. Андрей, сидѣвшій рядомъ со мною, нѣсколько скрашивалъ мое глупое положеніе. Мы съ нимъ много говорили и составили проектъ совмѣстной жизни въ Парижѣ, черезъ нѣсколько лѣтъ. Вечеромъ онъ меня сводилъ къ очень милой дамѣ, г-жѣ Зиновьевой, ^{бы}женѣ русскаго

посла въ Испанію *). Я думаю воспользоваться этимъ знакомствомъ; она умна и обладаетъ, я полагаю, впечатлительнымъ характеромъ.

Пятница, 26.—Къ брату.

Наконецъ я, какъ и всѣ, заплатилъ дань климату, мой другъ—вернулся додой сильно простудившись. Сегодня у насъ 21° мороза; это такой холодъ, о которомъ во Франціи не имѣютъ понятія. Я вышелъ въ полдень, чтобы сдѣлать нѣсколько визитовъ и потомъ отправиться на обѣдъ въ кадетскій корпусъ къ Рибасу **), итальянцу, очень хорошему и весьма образованному молодому человеку, управляющему этимъ учрежденіемъ. Послѣ обѣда пришло много молодыхъ людей его учениковъ, очевидно хорошо воспитанныхъ и развлекавшихъ насъ музыкою. Боюсь только, какъ бы множество предметовъ, ими изучаемыхъ, не мѣшали другъ другу, и какъ бы изыщная часть воспитанія не вредила существенной. Между прочимъ видѣлъ одного двадцатилѣтняго кадета, который говорятъ, будто бы прекрасно играетъ, хорошій актеръ, превосходно рисуетъ и притомъ замѣчательно скромнѣй. Я постараюсь узнать имя этого молодого человека, такъ же какъ и другого, котораго считаютъ сыномъ Императрицы ***).

Суббота, 27.—Къ брату.

Было много посѣтителей и между прочимъ былъ шевалье Козимо Мари, итальянецъ изъ Пизы, путешествующій для

собственного удовольствія. Наружность его проста, но разговоръ богатъ содержаниемъ. Сразу видно, что онъ итальянецъ (ты смѣлся, но вѣдь это правда)—большой носъ и главнымъ образомъ акцентъ выдаютъ его. Онъ близокъ съ Орловыми и особенно съ Алексѣемъ, откуда извлекаетъ выгоду. Мы говорили о счастьѣ, возвысившемъ Орловыхъ, и о неразрывной связи, которая ихъ соединяетъ и поддерживаетъ.

Ты помнишь, милый другъ, что въ 1771 г. Григорій Орловъ *), тогдашній фаворитъ, благодаря кознямъ гр. Панина, былъ деликатно удаленъ отъ двора и впалъ бы окончательно въ немилость, если бы братъ его, Иванъ, не сдѣлалъ бы всего, что было въ силахъ, для того, чтобы оправдать его въ глазахъ Екатерины II и опровергнуть внушенные ей несправедливыя предубѣжденія на его счетъ. Тогда она самымъ любезнымъ образомъ вернула его ко двору (мнѣ обѣщали достать письмо ея по этому поводу). Вернувшись въ концѣ 1771 г., Орловъ осыпалъ своихъ враговъ милостями: Панина сдѣлалъ фельдмаршаломъ и проч.; но для того, чтобы восстановить разстроенное здоровье, онъ принужденъ былъ вновь уѣхать за границу—(въ Италію, въ Германію) и ѣздить до сихъ поръ, хотя долженъ вернуться скорѣе, чѣмъ думаютъ. Вотъ, мой другъ, что рассказалъ мнѣ шевалье Козимо Мари. Къ этому онъ прибавилъ, что Григорій Орловъ женатъ на Императрицѣ, что фаворъ его еще не кончился и что фаворъ Потемкина — его креатуры, и креатуры неблагодарной—продолжительнымъ быть не можетъ. Потемкинъ, однакоже, недавно получилъ отъ Императри-

*) Стевана Степановича, женатаго на Меньшиковой.

**) Жозефъ Бужонъ (Boujon), извѣстный подъ именемъ Рибаса, сынъ испанца, родившійся въ Неаполѣ, былъ авантюристъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Алексѣю Орлову, вывезшему его въ Ливорно. Сначала былъ директоромъ кадетскаго корпуса, потомъ адмираломъ, причѣмъ командовалъ Черноморской флотіей, подъ начальствомъ Потемкина. Маркизъ Жюльенъ и генералъ Ланжеронъ прекрасно объ немъ отзываются. Послѣдній считаетъ его „хорошимъ полководцемъ, отличнымъ negociаторомъ и даже честнымъ человекомъ“. Въ этомъ нозовительно усумниться. Онъ уредилъ масонскую ложу въ корпусѣ.

***) Гр. Бобринскій, сынъ Екатерины и Григорія Орлова, родившійся черезъ мѣсяцъ до смерти Елизаветы. Одно время хотѣлъ призвать его наследникомъ, вмѣсто великаго князя Павла.

*) Позже, въ одной изъ своихъ депешъ, де-Корберонъ отзывался о немъ такъ: «Князь Орловъ былъ единственнымъ изъ фаворитовъ Императрицы, способнымъ давать ей смѣлые и честные совѣты. Пограбивъ въ эгонимѣ, онъ кончилъ тѣмъ, однакоже, что сталъ жить исключительно собою. Не имѣя, кромѣ того, никакихъ позаній въ дѣлѣ администраціи, онъ оставался въ невѣжествѣ, свойственномъ его странѣ, и сдѣлался совершенно для нея бесполезнымъ». Дюранъ говорилъ о немъ слѣдующее: «По прирдѣ онъ простой русскій мужикъ и остался такимъ до конца... Онъ любитъ такъ же, какъ ѣсть, и можетъ довольствоваться калмычкой или чухонкой такъ же, какъ самою красивою придворной дамой. Бурлакъ онъ былъ, бурлакомъ и остался».

цы 16.000 душъ крестьянъ, что можетъ дать ему ежегодно по пяти рублей съ души. Говорятъ, однакожъ, что это подарокъ есть признакъ отставки. Ужъ не знаю, мой другъ, долженъ ли я вѣрить всему, что рассказывалъ мнѣ мой итальянецъ, другъ Орловыхъ. Поживемъ—увидимъ.

Понедѣльникъ, 29.—Къ брату.

Гр. Сакромозо вчера откланялся Ея Величеству, которая подарила ему превосходную табакерку, осыпанную брилліантами, и кромѣ того 5.000 рублей, сумму, получаемую всѣми посланниками, хотя Сакромозо и не игралъ никакой политической роли. Онъ немедленно уѣзжаетъ въ Варшаву. Это очень достойный и любезный человекъ, весьма образованный, философъ и чрезвычайно пріятный въ общеніи.

Сегодня пріѣхалъ Штакельбергъ, русскій посланникъ—а за послѣдніе шесть мѣсяцевъ уже посолъ — въ Польшѣ. Должно быть дѣло идетъ о какихъ-нибудь соглашеніяхъ съ поляками, если только не помѣшаетъ пріѣздъ принца Генриха *), такъ какъ Императрица питаетъ наилучшія намѣренія и готова поступиться той частью Польши, которая досталась ей по раздѣлу. Король Пруссій **) будетъ тогда въ большомъ затрудненіи.

Вторникъ, 30.—Къ брату.

Я все-таки сижу дома изъ-за своей простуды, но зато, мой другъ, меня стараются развлекать визитами. Есть здѣсь вѣкій Дюбрейль, французскій дворянинъ, настоящее имя котораго — д'Аржье. Онъ занимается лѣченіемъ зубовъ. Исторія этого человека—дѣлный романъ. По бумагамъ онъ принадлежитъ къ хорошей фамилии, но не совѣтъ благоразумное поведеніе заставило его уѣхать съ родины. Дѣло въ томъ, что онъ, прокутивъ большую часть своего состоянія, пошелъ въ монахи, или по крайней мѣрѣ въ послушники, а затѣмъ бѣжалъ въ Голлан-

дію, гдѣ нашъ посланникъ, де-Ноайль, заставилъ его выучиться ремеслу зубного врача, которымъ онъ здѣсь и промышляетъ. Наивнѣйшимъ образомъ рассказавъ мнѣ всѣ свои дурачества, сообщивъ (подъ секретомъ) настоящее имя, онъ привелъ ко мнѣ еще одного господина, учителя у Неплюевыхъ (Néplouéviouf). Этого зовутъ Браанъ-де-Фурнель; онъ служилъ къ королевской лейбъ-гвардіи, потомъ былъ лейтенантомъ въ пѣхотномъ полку, откуда перешелъ въ Польшу, гдѣ познакомился съ ген. Бибиковымъ, который и привезъ его въ Россію. Де-Фурнель — человекъ высокаго роста. Худой, очень развязный, но вполне приличный. Онъ хорошо говоритъ и можетъ быть мнѣ полезенъ. Онъ замѣтилъ, что я увлекаюсь фрейлиной Нарышкиной и шутилъ надъ ней по этому поводу. Она добродушно отшучивалась и велѣла мнѣ кланяться и передать, что замѣтила мое отсутствіе на куртагѣ. Не правда ли, этотъ де-Фурнель—преполезный человекъ?

Среда, 31.—Къ брату.

Я былъ правъ, мой другъ, обращаясь съ Фальконэ осторожно. Съ притязательными людьми нельзя иначе; надо дѣйствовать на ихъ слабую сторону, то есть на тщеславіе, что я и дѣлалъ. Имѣя дѣло съ неглупымъ человекомъ, однакоже, я понемножку забиралъ его въ руки. Сначала говорилъ съ нимъ объ искусствѣ; потомъ взялъ на прочтеніе его переводъ Плинія, доставившій мнѣ большое удовольствіе; хотя читалъ я его вовсе не ради этого, а ради того, чтобы могъ говорить о немъ, что мнѣ и удалось. Вотъ Пюнсегюръ тоже прочелъ эту книгу, но не воспользовался ею такимъ же образомъ, а потому наслушался отъ автора очень неприятныхъ вещей! Этотъ Фальконэ—большой оригиналъ, ужасно требователенъ и ужъ не пощадитъ колъ ему попадешся. Претензіи свои онъ прикрываетъ скромностью, какъ Діогенъ лохмотьями свою философскую гордость.

Четвергъ, 1 февраля.—Къ брату.

Сегодня утромъ у меня былъ шевалье де-Сарестъ, живущій у князя Трубецкого. Это тоже французъ, которыхъ здѣсь раз-

*) Третій сынъ короля Фридриха — Вильгельма I, который былъ уже въ Россіи въ 1770 году, ради подготовки раздѣла Польши. Теперь вновь его ждутъ.

**) Фридрихъ Великій.

велось столько же, сколько насѣкомыхъ въ жаркихъ странахъ. Затѣмъ пришли итальянцы, Мочениго и Козимо Мари. Причемъ я съ грустью узналъ, что послѣдній тотчасъ же уѣзжаетъ. Впрочемъ мы еще успѣемъ потолковать до его отъѣзда.

Къ обѣду явился бар. Нолькенъ; онъ рассказывалъ о простотѣ шведскаго двора, особенно въ деревнѣ — всѣ имѣютъ право садиться при королѣ и королевѣ. Вообще простота, введенная теперешнимъ королемъ, равно какъ и его личный характеръ, дѣлаютъ, должно быть, жизнь очень пріятной.

Сойдя къ себѣ, я былъ очень удивленъ появленіемъ Порталиса. Мои московскія связи съ нимъ, его романтическія приключенія, въ которыхъ и я участвовалъ, слухи, которые здѣсь о немъ ходятъ, все это дѣлало мое положеніе затруднительнымъ и я нашелъ средство отъ него избавиться. Я далъ понять Порталису, что онъ напрасно пріѣхалъ въ Петербургъ и что я попрошу бы его не пріѣзжать, если бы не было уже поздно. Онъ понялъ меня съ перваго слова и заявилъ, что готовъ уѣхать и сдѣлаетъ это завтра же, оставивъ мнѣ сто рублей для уплаты нѣкому Роже-де-Фревилю, особенно дурно о немъ отзывающемуся. Я, признаюсь, не ожидалъ такого счастливаго исхода, выгоднаго для меня и для него, такъ какъ дѣла его пойдутъ отъ этого лучше. Кромѣ того, благодаря такой рѣшительности, я сталъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ она всегда служитъ доказательствомъ сильнаго характера.

Онъ рассказывалъ, что въ Москвѣ ходятъ слухи объ удаленіи Потемкина и возвращеніи Григорія Орлова.

Суббота, 3.—Къ брату.

Говорятъ, что Бецкій *) жалуется на Фальконэ за то, что тотъ обтесалъ знаменитый камень, предназначенный для пьедестала статуи Петра I. А дѣло въ томъ, что этотъ громадный монолитъ,

по прибытіи въ Петербургъ, оказался длиною въ двадцать футовъ и притомъ по формѣ не соответствовалъ идеѣ Фальконэ. Въ натуральномъ видѣ онъ не могъ служить статуѣ пьедесталомъ, не убивая ее своей величиною. Кромѣ того вершину его слѣдовало превратить въ наклонную плоскость, а на ней, еще до перевозки, говорятъ будто бы отъ удара молнии, образовалась косая трещина. Фальконэ воспользовался этой трещиной для того, чтобы образовать наклонную плоскость, и снятый съ вершины кусокъ притесалъ къ задней части камня, кончавшагося некрасивой впадиной. Все это и подало поводъ клеветать на Фальконэ, говоря, что онъ уменьшилъ камень на зло Бецкому. Вотъ какъ клеветаютъ, особенно въ этой странѣ! Я хотѣлъ разъяснить это дѣло, въ чемъ и успѣлъ, по крайней мѣрѣ, передъ шевалье де-Ласкарисомъ *), который добылъ камень и которому, стало быть, принадлежитъ вся честь, а вовсе не Бецкому. Да Ласкарисъ и не былъ въ претензіи на Фальконэ, съ которымъ онъ въ большой дружбѣ. Я съ нимъ говорилъ; онъ напротивъ того негодуетъ на злбу и несправедливость, заѣдающія здѣсь иностранные таланты, безъ которыхъ русскіе не могутъ обойтись, но къ которымъ они относятся съ ненавистью, по причинѣ своей зависти и мелочности.

Фальконэ долженъ рассказать мнѣ всѣ гадости Бецкаго, который, не смотря на созданныя имъ учрежденія, на свою спесь, все-таки ничтожный человѣкъ.

Воскресенье, 4.—Маркизъ Брэнъ.

Пѣтъ, сударыня, что бы вы ни говорили, я не влюбленъ. Ну, конечно, я не претендую на полный индифферентизмъ къ красотѣ и граціи, точно такъ же, какъ не желаю казаться равнодушнымъ къ впечатлѣнію, которое самъ произвожу на лица, мнѣ нравящіяся. Но, я васъ

*) «Самый дрянной авантюристъ» — по словамъ Екатерины — который заставлялъ себя ненавидѣть какъ паука, и который, по протекціи Бецкаго, получилъ мѣсто директора Кадетскаго Корпуса и Академіи Художествъ (*surintendant des beaux arts*). Этотъ Ласкарисъ опять — такъ итальянецъ, сынъ неаполитанца, торговавшаго бакалейными товарами на островѣ Кефалоніи, по имени Карбури». (Валншовскій, *Autour d'un Trône*).

*) Позднѣе, Корберонъ отзывался о Бецкомъ какъ о «глупомъ невѣжественномъ старикѣ, вся заслуга котораго состоитъ въ низкой лести».

спрашиваю, развѣ этого достаточно, чтобы считать меня влюбленнымъ? Это просто нѣкотораго рода кокетство по отношенію къ вышеупомянутымъ лицамъ. Какъ женщина, вы меня понимаете, конечно и прекрасно знаете, что такое позволительное кокетство, общее намъ съ прекраснымъ поломъ, очень еще далеко отъ любви. Таковы чувства, сударыня, которыя я испытываю къ Шарлоттѣ Бемеръ и Натальѣ Нарышкиной (я ее буду называть просто Натальей, если придется говорить о ней съ вами). Въ моихъ отношеніяхъ къ послѣдней, есть, пожалуй, нѣчто болѣе пикантное, зависящее отъ самолюбія, но Шарлотта внушаетъ мнѣ чувство болѣе глубокое, болѣе нѣжное и болѣе похожее на дружбу. Но есть вѣдь и другое чувство, хотя болѣе опредѣленное, но и труднѣе опредѣлимое; это чувство также мнѣ знакомо, я его забыть не могу... Это чувство я питаю къ вашей сестрѣ, къ избранницѣ, и его я храню въ глубинѣ души моей.

Сегодня, сударыня, я вновь нашелъ друга, оставленнаго мною въ Москвѣ; онъ сегодня пріѣхалъ. Это—принцъ Ангальтъ. Я нарисую вамъ его портретъ, такъ какъ привыкъ искать соотношенія между внѣшнимъ видомъ и душою лицъ, которыхъ люблю; фізіономіи, по моему, вовсе не случайны. Ангальту 34 года; онъ средняго роста, но хорошо сложенъ, очень ловокъ, обладаетъ благородной, военной осанкой и головою, похожей на голову принца Конде. Липомъ онъ не красивъ, но лучше всякаго красавца, потому что лицо его очень выразительно. Привычка жить въ свѣтѣ сдѣлала его искуснымъ болтуномъ съ женщинами. Съ вами, сударыня, онъ былъ бы болѣе глубоокъ, чѣмъ блестящъ. Въ мужской средѣ онъ говоритъ о политикѣ и военномъ дѣлѣ, составляющемъ ремесло, которымъ онъ вполне владѣетъ. Такая универсальность дѣлаетъ его годнымъ для всякаго общества и всѣмъ онъ нравится. Изучая его характеръ, я нашелъ въ немъ болѣе философскаго настроенія, чѣмъ ожидалъ встрѣтить, болѣе естественности, чѣмъ свѣтскій человекъ можетъ сохранить, что и заставляетъ меня думать о немъ, какъ о человѣкѣ, обладающемъ мужскимъ величіемъ души при впечатлительности и чувствительности нѣжной женщины.

Я забылъ, сударыня, что долженъ еще дать вамъ отчетъ о моемъ времяпрепровожденіи. Сегодня я обѣдалъ у гр. Потемкина; онъ намъ показывалъ картинную галерею Императрицы, въ которой много картинъ, но онѣ плохо расположены. Галерея слишкомъ узка, такъ что не хватаетъ мѣста для того, чтобы хорошо видѣть, затѣмъ свѣтъ идетъ не сверху, не такъ, какъ въ Кассельской галереѣ, а черезъ обыкновенныя окна. Между прочимъ, я нашелъ тамъ Грезовскаго *Паралитика*; онъ выцвѣлъ, потерялъ весь эффектъ и теперь ничего не стоитъ. Затѣмъ намъ показали Эрмитажъ; это маленькіе интимные апартаменты Ея Величества, въ которыхъ, во время ея тамъ пребыванія, царствуютъ полнѣйшая простота и свобода—всякій садится, гдѣ хочетъ; правила свободнаго поведения написаны даже на особой доскѣ, при входѣ въ Эрмитажъ, но они носятъ такой авторитерный характеръ, что поневолѣ должны стѣснятъ свободу. Впрочемъ, вы знаете, сударыня, что дѣйствительность вообще часто замаскировывается иллюзіями. На каминѣ, въ одной изъ комнатъ Эрмитажа, я съ удовольствіемъ увидѣлъ мраморный бюстъ Дидро работы м-ель Колло, ученицы Фальконэ; онъ очень похожъ и хорошо выполненъ. Рядомъ съ Эрмитажемъ имѣется зимній садъ. Послѣ осмотра, мы слушали концертъ, въ которомъ участвовалъ знаменитый Ноллэ, приглашенный сюда за 400 р. въ годъ. Игра этого виртуоза удивительна, но онъ не трогаетъ, и это ужъ не въ моемъ вкусѣ.

Для того, чтобы отдохнуть отъ величія, я отправился вечеромъ къ Бемеръ, гдѣ видѣлъ г-жу Зиновьеву, у которой мы должны быть въ слѣдующій четвергъ. Была тамъ также нѣкая фонъ-Визина (von Viesen), молодая женщина, мужъ которой, повидимому, очень образованъ.

Понедѣльникъ, 5.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, я водилъ къ Фальконэ кавалера Казимо Мари. Статуя ему очень понравилась, а сужденіемъ итальянца пренебрегать нельзя. Увидавъ голову лошади Марка Аврелія, слѣпокъ которой стоитъ въ мастерской Фальконэ, тотъ же итальянецъ осуждалъ

это произведение искусства, которое столько людей восторженно хвалят. На этот счет я въ сущности согласенъ съ Фальконе, когда у него хватаетъ смѣлости критиковать античную скульптуру*); мнѣ хотѣлось бы только исправить его насмѣшливый тонъ, не подходящий къ данному случаю.

Были мы на большомъ званомъ обѣдѣ у гр. Сольмса; видѣли тамъ двухъ поляковъ, прѣхавшихъ со Штакельбергомъ, русскимъ посломъ въ Польшѣ, котораго недавно сдѣлали графомъ Римской Имперіи (Saint-Empire). Одинъ изъ этихъ поляковъ, графъ Пшездецкий (Pizedzlocki) — очень достойный молодой человекъ, а другой, графъ Уврухъ (Unguch) — кавалеръ русскаго ордена Св. Анны 1-й степени, что уже ясно показываетъ его образъ мыслей. Былъ еще какой-то камергеръ, имени котораго я не знаю. Самъ Штакельбергъ очень любезенъ; онъ обладаетъ свѣтскими манерами и, не смотря на свой малый ростъ и толстоту, весьма презентабеленъ.

Среда, 7.—Къ брату.

Я полонъ энтузіазма и почтенія, мой милый другъ! Знаешь ли ты, что я видѣлъ, къ чему прикасался? Къ шпагѣ Петра II! Я видѣлъ восковое изображение этого героя, этого великаго человека, управлявшаго дикарями. Какъ бы онъ былъ удивленъ, найдя, что они, за семьдесятъ три года, такъ мало подвинулись впередъ! Изображеніе Петра Великаго находится въ Петербургской Академіи Наукъ, которую онъ построилъ. Царь представленъ сидящимъ въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ давалъ аудіенціи, и въ своей обычной позѣ — высоко поднимая голову, руки на подлокотникахъ кресла, а на лицѣ выражается величіе и энергія, свойственныя монарху и гениальному человеку. Изображеніе, какъ я уже говорилъ, выгнано изъ воска и моделировано по его трупу. На немъ надѣтъ парикъ, сдѣланный изъ собственныхъ волосъ Петра, и голубой, градетуровый, шитый серебромъ костюмъ — единствен-

ный парадный костюмъ, который онъ когда-либо носилъ, вышитый фрейлинами его двора. Поверхъ костюма — серебряный поясъ; ноги — въ красныхъ чулкахъ и въ такихъ грубыхъ башмакахъ, что наши слуги, въ праздникъ, ихъ бы не надѣли. Мнѣ показывали будничные его шерстяные чулки, заштопанные на пяткахъ. Я видѣлъ также матросскій костюмъ, который Петръ носилъ въ голландскихъ корабельныхъ мастерскихъ; и я пожалѣлъ Россію за то, что великій ея государь былъ болѣе властителемъ, чѣмъ философомъ, и не постарался создать націю прежде, чѣмъ сдѣлать ее цвѣтушею; но въ тѣ времена вся Европа заботилась болѣе о величіи, чѣмъ о философіи; онъ раздѣлялъ ошибки своего вѣка: царствованіе Людовика XIV ослѣпило и обмануло его.

Я вхожу въ такія подробности, милый другъ, потому, что считаю важной всякую мелочь, напоминающую о великомъ человекѣ. Пойдемъ далѣе. Въ этой Академіи, которую я сегодня утромъ осматривалъ вмѣстѣ съ Козимо Мари, много различныхъ залъ. Мы начали съ библиотеки, немножко низковатой. Въ ней 40000 томовъ, изъ которыхъ 14600 отняты у кн. Радзивила*) въ Польшѣ. Намъ показывали первую книгу, напечатанную въ Москвѣ въ 1562 году. Печатали сами русскіе; шрифтъ ихъ довольно чистъ и краска хороша, но прекрасная, плотная бумага выписана изъ Англіи, какъ мнѣ говорили. Намъ показывали также первую историческую лѣтопись Россіи, написанную однимъ кіевскимъ монахомъ въ концѣ десятаго столѣтія. Въ ней встрѣчаются сдѣланныя перомъ разноцвѣтныя виньетки, по красотѣ рисунка удивительныя для того времени, когда искусство было въ упадкѣ даже въ Италіи. Кажется, Жераръ, изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. Авторомъ этой лѣтописи, написанной должно быть по-славянски, былъ монахъ, по имени Несторъ.

Обѣдалъ я съ маркизомъ, и замѣтилъ, что Пюсежеръ съ нимъ въ ладахъ. Они о чемъ-то петихоньку разговаривали. Я этой интимности не завидую и она меня

*) Фальконе страстно критиковалъ греческихъ и римскихъ скульпторовъ, которые, по его словамъ, не умѣли гнать лошадей. Особенно онъ нападалъ на голову лошади Марка Аврелія.

*) Карла-Станислава, палатина Влеченскаго, котораго Екатерина II везла въ ссылку за любовь къ родинѣ.

не беспокоить, такъ какъ разговоры такихъ лицъ не могутъ быть особенно интересными. Но это все-таки прибавляетъ маленькую черточку въ изображенію характера маркиза: онъ меня уважаетъ, даже, пожалуй, боится, такъ какъ, передавая другимъ, никогда не выбираетъ меня въ свои повѣренные. Да и въ самомъ дѣлѣ, какое довѣріе можетъ существовать между двумя лицами, до такой степени отличающимися другъ отъ друга по характеру, вкусамъ и чувствамъ? Мы съ тобой болѣе сходимся, милый другъ, и на этомъ основана наша дружба, которая умереть только вмѣстѣ со мною.

Четвергъ, 8.—Къ брату.

Принцъ Ангальтъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, мой другъ, далъ мнѣ слѣдующее доказательство своего довѣрія.

Я уже тебѣ говорилъ о его московской любовной исторіи. Его очень интересовала молодая Плещеева, но онъ ей не открывалъ своихъ чувствъ и полагаетъ, что они ей неизвѣстны. Между тѣмъ подруга этой дѣвицы влюбилась въ принца и, подозрѣвая его любовь къ Плещеевой, сдѣлалась задумчива и печальна. Ангальта объ этомъ предупредили и онъ сталъ обращаться съ нею дружески, конечно, больше изъ состраданія, чѣмъ по чувству. Но любовь сильна; дѣвица подумала, что принцъ ее любитъ и молчитъ только изъ скромности. Между тѣмъ ему пришлось ухвать, что вызвало съ ея стороны нервныя припадки. М-ель Плещеева говорила съ принцемъ о своей подругѣ, упрекала его въ обманѣ, въ стараніи зажечь въ ея сердцѣ бесплодную страсть. Принцъ не сказалъ ей настоящей правды и ухвалъ изъ Москвы въ убѣжденіи, что Плещеева не только не раздѣляетъ его чувствъ, но даже считаетъ его легкомысленнымъ и фальшивымъ человѣкомъ, играющимъ женщинами. Онъ боится потерять даже ея дружбу. Между тѣмъ княжна Дашкова, которая любитъ Ангальта, стала ревновать, что еще увеличило недоразумѣніе. Эта путаница довольно забавна, но дѣйствующимъ лицамъ отъ того не легче. Я былъ очарованъ довѣріемъ, которое оказалъ мнѣ принцъ въ данномъ случаѣ. Затѣмъ мы потолковали о масонствѣ, причемъ онъ мнѣ со-

общилъ главное слово (*mot principal*). Во всей Германіи только три ложи, поочередно поставляющія гротмейстеровъ. Послѣ обѣда былъ у кн. Голицина, гдѣ происходила репетиція; мнѣ дали роль графа д'Ольбанъ. Много разговаривалъ съ графиней Матюшкиной (*Matoushkin*) и княжной Трубецкой, которая очаровательна. Подъ видомъ дружбы, онѣ терпѣть не могутъ другъ друга. Воображаю, какъ это будетъ забавно. Часть вечера пробылъ у Зиновьевой, а ужиналъ у Бемерь.

Пятница, 9.—Къ Маркизѣ де-Брэанъ.

Какъ я предвидѣлъ, сударыня, довѣріе барона Нолькена имѣло своекорыстную подкладку, онъ не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Нолькенъ влюбленъ и нуждается въ повѣренномъ, которому могъ бы открыть свою душу. Предметъ его страсти—особа лѣтъ семнадцати, не болѣе; ея здѣсь нѣтъ, но онъ расчитываетъ на ней жениться. Вчера онъ съ восторгомъ объявилъ мнѣ, что увѣрился теперь въ ея любви. Желаю ему быть счастливымъ, потому что онъ очень хорошій человѣкъ. Только я его всегда считалъ слабымъ, а это можетъ помѣшать счастью.

Обѣдалъ самымъ буржуазнымъ образомъ у м-мъ Пти. Вечеромъ былъ на придворномъ спектаклѣ; давали *Нанину*, по-русски. Я все время проговорилъ съ княжной Трубецкой, очень любезной, молодой и хорошенькой особой. Такъ какъ я ни въ кого здѣсь не влюбленъ и не желаю влюбиться, то ишу интрижекъ; онѣ забавляютъ сердце и такимъ образомъ удовлетворяютъ часть его потребностей.

Суббота, 10.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, въ другой разъ былъ въ Академіи Наукъ. Намъ показывали медали и монеты. Послѣднихъ особенно много. Между ними много арабскихъ. Видѣли медаль, выбитую въ Парижѣ, въ честь Петра I, когда онъ былъ на монетномъ дворѣ. Видѣли много медалей съ изображениями патриарховъ.

Есть превосходные антики, найденные въ татарскихъ гробницахъ, въ сѣверной

части Сибири, между Камой и Самарой. Послѣ этихъ рѣдкостей намъ показали превосходный кубокъ, подаренный женѣ Петра I датской королевою, сдѣланный изъ чистаго золота и украшенный дорогими каменьями, рѣзными камнями и прекрасными антиками. Осматривали также коллекцію естественной исторіи—мраморы, камни и руды сибирскіе. Есть тамъ кусокъ серебряной руды изъ Норвегіи, подаренный Петру I. Этотъ кусокъ такъ хорошъ, что изъ него прямо штамповали монету, не переплавляя — до того чистъ металлъ.

Окончили мы свой осмотръ глобусомъ одиннадцати футовъ въ діаметрѣ. Внутри онъ пустъ, и въ этой пустотѣ можетъ помѣститься до двѣнадцати человекъ. Мы всѣ входили и насъ вращали, подражая движенію земли.

Вечеромъ, или лучше сказать, послѣ обѣда, я былъ у Бемеръ и у голландскаго резидента (Сюарта). Затѣмъ былъ ужинъ у маркиза и репетиція двухъ пьесъ, которыя пойдутъ на его домашнемъ театрѣ, въ присутствіи великаго князя. По этому поводу вышла исторія. Маркизь пригласилъ къ ужину всѣхъ дамъ какъ актрисъ, такъ и прочихъ, мужчинъ же только тѣхъ, которые въ пьесѣ участія не принимали, для того чтобы они пріѣхали только на ужинъ, на репетицію же не попали. Между тѣмъ мужчины-актеры овазались приглашенными только на репетицію, а объ ужинѣ въ ихъ билетахъ упомянуть позабыли. Эта неловкость не помѣшала, конечно, большинству актеровъ остаться ужинать, но двое изъ нихъ, Кошелевъ и Мятлевъ, обидѣлись и уѣхали. Графиня Матюшкина тоже не была, потому что мать ее не пустила, боясь сближенія съ Кошелевымъ, въ котораго, говорятъ, молодая графиня страстно влюблена. Ихъ роли были прочтены другими и репетиція все-таки состоялась. Затѣмъ очень весело поужинали. Я ухаживалъ за княжной Трубецкой, хорошенькой, любезной и очень разговорчивой.

Воскресенье, 11.—Къ брату.

Утромъ были при дворѣ. Я тамъ видѣлъ новаго фаворита, кабинетъ-секре-

таря Завадовскаго *). Онъ красивѣе Потемкина, а самымъ существеннымъ обладаетъ въ высшей степени (*le plus essentiel il le possède éminemment*). Фаворъ его, однакоже, не рѣшенъ окончательно. Правда, таланты его были уже испытаны въ Москвѣ, но Потемкинъ, который, говорятъ, гораздо лучше распоряжается временемъ, все еще въ силѣ. Не дальше какъ сегодня, Ея Величество съ нимъ перемигивалась (*a fait des mines d'intelligence*), а что еще важнѣе—онъ получилъ командованіе полкомъ. Завадовскій, стало быть, только игрушка.

Забылъ тебѣ сказать, что сегодня утромъ я былъ очень удивленъ визитомъ г. Сэреста, мужа гувернантки вн. Трубецкой. Онъ мнѣ наговорилъ множество комплиментовъ отъ имени этой молодой особы, какъ она хорошо провела время за ужиномъ, какъ я былъ веселъ и любезенъ съ нею и проч. Затѣмъ онъ прибавилъ, что я могу видѣться съ нею у его жены и что это будетъ очень пріятно. Я тоже такъ думаю и не замедлю воспользоваться предложеніемъ.

Среда, 14.—Къ брату.

Вмѣсто ужина съ танцами, какъ предполагалось, завтра у насъ будетъ настоящій балъ, даже съ фрейлинами, что ужъ изъ ряда вонъ, такъ какъ маркизь не имѣетъ жены; но Императрица сказала, что онъ не ребенокъ и что она съ удовольствіемъ позволитъ своимъ фрейлинамъ потанцевать у него.

Сегодня утромъ былъ приемъ у великаго князя по поводу ордена сего праздника св. Анны. Народу было немного. Маркизь ограничился тѣмъ, что послалъ меня. А тѣмъ временемъ съ Шюнсегоромъ случилась исторія: экипажъ его заѣхалъ въ какое-то запретное мѣсто; лакеи взяли на гауптвахту; Шюнсегоръ вышелъ, нашумѣлъ и даже сталъ драться. Въ концѣ концовъ онъ далъ денегъ и дальнѣйшихъ послѣдствій исторія не имѣла.

*) Петра Васильевича, украинца по происхожденію, состоявшаго суфлеромъ въ придворномъ театрѣ, а затѣмъ сдѣлавшагося директоромъ канцеляріи малороссійскаго губернатора, гр. Румянцева. Это былъ человекъ умный, образованный и дѣловой. (Валишевскій).

Обѣдалъ у французскаго консула и проскучалъ ужасно. Кромѣ его жены, никого не было. Не зная о чемъ съ ней говорить, я сталъ разспрашивать о Гамбургѣ, гдѣ она прежде жила, и узнать, что это очень хорошій городъ, что тамъ двадцать тысячъ жителей и общество чисто-вупеческое, а французскій консулъ получаетъ тридцать тысячъ франковъ и проч. Вечеръ провелъ у Бемерь, гдѣ передразнивалъ Комбса. Когда мы приѣхали, тамъ былъ Нормандецъ, который ушелъ черезъ три четверти часа. При этомъ я замѣтилъ, что Шарлотта при немъ была очень сдержанна, а потомъ развеселилась. Это доказываетъ, что его шадятъ. Она мнѣ подарила портретъ или изображеніе Императрицы, сдѣланное изъ фарфора, въ родѣ медальона.

Четвергъ, 15.—Къ женѣ брата.

Сегодня утромъ мы съ принцемъ Ангальтомъ ѣздили по городу. Онъ говорить, что Императрица дала Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой *), бывшей любовницѣ Петра III, 45.000 р. для уплаты долговъ, очень любезно попрекнувъ послѣднюю за то, что она, будучи въ нуждѣ, не обратилась прямо къ ней. Даже выкупила за 15.000 ея заложенные брилліанты. А въ то же время Екатерина отказалась дать двѣсти душъ ея сестрѣ, Екатеринѣ Романовнѣ, княгинѣ Дашковой, которой была обязана короною.

У насъ въ посольствѣ былъ балъ. Двадцать семь танцующихъ барышень, а кромѣ того ихъ матери. Все прошло прекрасно и я очень веселился. Ухаживалъ за кн. Трубецкой, самой хорошенькой и любезной изъ здѣшнихъ дѣвицъ. Я былъ удивленъ, дорогая сестра, ея сходствомъ съ вами. Я танцевалъ почти только съ ней одной, а во время ужина стоялъ за ея стуломъ и забавлялъ разговорами. На балу, фрейлина Наталья

*) По смерти Петра, она вышла замужъ за сенатора Полянскаго. Французскій посолъ, де-Брестейль, видѣвшій ее еще при жизни Императора, говорить, что она похожа на служанку изъ плохого трактира. Безобразная, грубая, глупая, злая и невѣжественная, она бранилась, какъ солдатъ, воняла и плевалась при разговорѣ (Валишевскій, «Le roman d'une Impératrice»).

Нарышкина, въ которую я—долженъ вамъ признаться—былъ нѣсколько влюбленъ, замѣтила мое ухаживанье за Трубецкой, и это меня очень поразило. Во время танцевъ она меня выбирала, за ужиномъ просила подавать то то, другое, но эти маленькія отступленія не задерживали меня надолго и я возвращался къ Трубецкой, такъ какъ былъ бы очень радъ завязать съ ней интрижку, что, по видимому, не невозможно. Не сердитесь, я вѣдь не влюбленъ и потому мнѣ позволительно быть непостояннымъ.

Долженъ вамъ сказать, что здѣсь есть одна семнадцатилѣтняя особа, которая отъ всей души желаетъ мнѣ добра. Объ имени ея я умолчу, но не хочу дѣлать тайны изъ благосклонности, которую она мнѣ оказываетъ. Между нами говоря, благосклонность эта не заключается въ себѣ ничего пикантнаго, потому что особа некрасива. Между тѣмъ, я не упускаю случая ухаживать за нею. Правиться женщинамъ очень полезно. Ухаживанье за одною привлекаетъ къ вамъ сердца многихъ. Это правило не въ вашемъ вкусѣ, дорогая сестра, но я еще разъ повторяю, что не влюбленъ!

Пятница, 16.—Къ брату.

На балу мы не очень устали, милый другъ, такъ какъ танцы кончились въ часъ. У фельдмаршала Голицина была репетиція. Я тамъ обѣдалъ рядомъ съ тѣмъ семнадцатилѣтнимъ божествомъ, о которомъ писалъ твоей женѣ, и ужъ конечно не потерялъ времени! Она меня пригласила къ себѣ и я думаю, что дѣло скоро будетъ сдѣлано. Послѣ обѣда репетировали «Нанину»; вышло плоховато, а между тѣмъ хотятъ играть въ поне-дѣльникъ.

Ужиналъ у гр. Чернышовой; за ужиномъ мужъ ея говорилъ о величественномъ видѣ Императрицы, когда она надѣваетъ парадный костюмъ; это по поводу портрета, который теперь пишетъ Роланъ. Говорятъ, что осенью, во время аудіенціи турецкому послу, на платьѣ Императрицы, помимо драгоценныхъ камней, было 4,200 крупныхъ жемчужинъ прекрасной воды. Чернышовъ говорилъ также о дворѣ Петра Великаго и о знаменитомъ Лефорть, который—по его мнѣ-

нью, только тѣмъ и отличился, что познакомилъ царя съ нѣкимъ Циммерманомъ, булочникомъ, кажется, который когда-то работалъ на голландскихъ верфяхъ, гдѣ, между прочимъ, построилъ маленькое парусное судно, посланное затѣмъ въ Петербургъ и ваявшееся на чердакѣ. Циммерманъ его исправилъ, или выстроилъ другое по той же модели. Сначала это суденышко было испробовано на Измайловскомъ озерѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, а потомъ переведено въ Ростовъ, куда Петръ отправлялся подъ предлогомъ богомолья, такъ какъ тогда приходилось тратить три недѣли на поѣздку, которая теперь совершается въ пять дней.

Это суденышко сохраняется въ особомъ домѣ; для того, чтобы его видѣть, надо изъ уваженія оставлять въ прихожей шпаги, шляпы и палки. Оно помѣщается въ жестяномъ ящикѣ; а когда, при разныхъ торжествахъ, его спускаютъ на воду, то въ немъ ѣдетъ сама Императрица, а гребуть только первенствующие въ государствѣ лица. Эта помпа и этотъ національный энтузіазмъ, проявляемый въ дѣлахъ, интересующихъ всю націю, мнѣ очень нравится, милый другъ; но какъ все-таки эта нація далека отъ того возвышеннаго и благороднаго энтузіазма, который мы видѣли во Франціи, и которому удивляемся въ Англіи!

Гр. Иванъ Чернышовъ рассказывалъ, по поводу воскового изображенія Петра I, стоящаго въ Академіи, что кадеты, по собственному почину, спасли эту драгоценность отъ пожара, вынеся ее на ледъ Невы и окруживъ плотной цѣпью.

Суббота, 17. — Къ брату.

Сегодня я превосходно пообѣдалъ у Рэмбера. Онъ живетъ здѣсь уже около двадцати лѣтъ и содержитъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ, французскихъ, торговыхъ домовъ. Я кажется говорилъ тебѣ о немъ. Онъ не простой негоціантъ, а философъ, политикъ и поклонникъ литературы; изъ этого описанія ты можешь видѣть, что Рэмберъ не ханжа. Онъ давно уже живетъ съ женщиной, которая прежде была его любовницей, а теперь осталась его другомъ. Прежде ее звали Бильо, а теперь зовутъ м-мъ Бувильонъ. Когда-то

она была очень хороша, а теперь это очень веселая дама, хорошая хозяйка и прекрасно знаетъ городъ, то-есть, гдѣ что можно найти и проч. Отъ нихъ я заѣхалъ къ шев. де-Сарестъ, съ его хорошенькой женой. Онъ меня представилъ вн. Трубецкому, который принялъ меня въ халатъ и ночномъ колпакѣ. Это добрый малый, не интриганъ, не гордецъ, не придворный, не кабинетный человекъ и не свѣтскій; живетъ для того, чтобы жить, и больше ничего. Уже по наружности видно, что онъ такое: толстый, съ большимъ брюхомъ и самой обыденной физиономіей; по простотѣ одежды, по маленькой косичкѣ, падающей на широкую спину, его сзиди можно принять за небогатаго нормандскаго помѣщика; а когда онъ повернется лицомъ, то по голубой лентѣ ордена св. Андрея вы увидите, что это—русскій вельможа. Приходится пожелать, чтобы и всѣ другіе вельможи на него походили, такъ какъ онъ—прямой, честный и благородный человекъ.

Вторникъ, 27. — Къ брату.

Вечеромъ 21-го, у вн. Голицина давали комедію. Я изъ любезности игралъ графа д'Ольбана. Въ числѣ зрителей присутствовалъ великій князь съ женой. Нѣтъ ничего милѣе этой пары. Великій князь сказалъ мнѣ, что надѣется на мой переходъ въ его труппу. Я бы не прочь, пожалуй, но думаю, что Императрица, у которой нужно просить позволенія, не разрѣшитъ. Гр. Андрей предупредилъ меня объ этомъ и сказалъ, что ихъ высочествамъ будетъ очень досадно, если дѣло не состоится.

Въ пятницу былъ балъ. Я много разъ танцевалъ съ княжной Трубецкой, разговаривалъ и почти весь вечеръ провелъ съ нею. Меня считаютъ влюбленнымъ, а я нахожу ее очень милой, живой и пикантной; особенно хорошъ у нея звукъ голоса, а также нѣжный взглядъ.

Прошное воскресенье при дворѣ былъ маскарадъ, на которомъ я также очень долго пробылъ съ нею, а при разѣздѣ уступилъ ей свою карету, почему долженъ былъ оставаться до самаго конца бала, и вышедши послѣднимъ вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ, съ которымъ, къ счастью, знакомъ. Это былъ Измайловъ.

Онъ меня провелъ на гауптвахту, «туда же, во дворѣ; она очень напоминала гауптвахты французской гвардіи въ Версали.

Забывъ тебѣ сказать, что въ четвергъ 22 мы съ Пюнсегюромъ были приглашены къ великому князю на спектакль, причѣмъ ужинали за однимъ столомъ съ ихъ высочествами. Играли «La coquette corrigée» и «L'Anglomanie». Тотъ же спектакль былъ повторенъ 24. Въ воскресенье 25, которое у русскихъ является послѣднимъ днемъ карнавала, мы присутствовали на маленькомъ праздникѣ, который былъ данъ Ивановъ Чернышовымъ для ихъ высочествъ. Наши декорации были перенесены на этотъ случай въ домъ Чернышова, гдѣ ихъ помѣстили въ темной комнатѣ, отдѣленной отъ зала перегородкою, покрытой картинами. По данному сигналу, перегородка эта раздвинулась и открыла освѣщенную сцену. Давали «L'Esprit de contradiction», гдѣ я игралъ роль Тибодуа, и съ большимъ успѣхомъ, противъ ожиданія, такъ какъ ты знаешь, милый другъ, что эта роль не изъ моего репертуара. Но я вспомнилъ, какъ ты ее играешь, и насмѣшилъ всѣхъ. На мнѣ былъ надѣтъ одинъ изъ костюмовъ маркиза, шитый золотомъ по старинному, большая подушка играла роль брюха и я сталъ неузнаваемъ; только по голосу и отличали. Послѣ пьесы мы дали послювицу Кармонтеля: «La rose rouge», гдѣ Пюнсегюръ прекрасно сыгралъ живописца, а я—скупца, настолько же худого, насколько былъ толстъ въ предыдущей пьесѣ. Ихъ высочества наговорили мнѣ много комплиментовъ. За пословицей послѣдовали прехорошенькіе куплеты, сочиненные Комбсомъ; они тоже имѣли большой успѣхъ и авторъ былъ представленъ великой княгинѣ, у которой цѣловалъ руку. Вообще премилый вышелъ праздникъ; ихъ высочества были такъ милостивы, что всѣхъ очаровали.

Русскій карнавалъ кончился, однакоже, только для русскихъ, а иностранцы праздновали еще понедѣльникъ и вторникъ; для нихъ былъ устроенъ публичный маскарадъ у Бертолотти; понятно, что и русскіе не воздержались отъ посѣщенія этого маскарада, но они были въ маскахъ, во избѣжаніе штрафа въ 20 рублей.

Князь Григорій Орловъ уже восемь

дней какъ пріѣхалъ сюда. Это очень красивый мужчина. Императрица сохранила къ нему дружбу. Въ качествѣ фаворита (бывшаго), онъ носитъ, въ петлицѣ портретъ Ея Величества, такъ же, какъ Потемкинъ и всѣ тѣ, которые пользовались этимъ титуломъ и исполняли функции, дающія на него право. Не нравится мнѣ это публичное доказательство отношеній, которыя должны оставаться только подозрѣваемыми. На второмъ спектаклѣ у великаго князя, гдѣ были Императрица, Орловъ и Потемкинъ вмѣстѣ, я съ большимъ любопытствомъ наблюдалъ за ними. Очень это было пикантно для зрителей. Я замѣтилъ, что царствующій фаворитъ не обладаетъ такой увѣренностью, какъ тотъ, который ужъ пересталъ царствовать.

Ты, вѣроятно, воображаешь, мой другъ, что люди, такъ много суетящіеся ради удовольствія, стремятся отдохнуть или по крайней мѣрѣ попользоваться удовольствіями менѣе суетливыми. Ты жестоко ошибаешься. Тщеславіе, всѣмъ здѣсь управляющее, заставляетъ, помимо суеты публичной, принимать на себя еще частную. У великаго князя былъ спектакль, такъ надо, чтобы и у насъ тоже онъ былъ. Я не знаю наци, болѣе подражательной чѣмъ русская, и нигдѣ не видалъ такихъ придворныхъ, какъ при русскомъ дворѣ. Графъ Иванъ Чернышовъ намѣренъ составить труппу и предложилъ мнѣ въ ней участвовать. О выполненіи этихъ новыхъ проектовъ я тебѣ дамъ отчетъ.

Вторникъ, 5 марта.—Къ брату.

Опять пропускъ въ моей корреспонденціи—не писалъ съ прошлаго вторника, съ 27 февраля. На другой день я ужиналъ у Петра Чернышова, гдѣ говорили о г-жѣ Муслиной-Пушкиной, женѣ русскаго посла въ Англій, только что выдержавшей операцію рака. Дѣлалъ нѣкій Тоди, и очень удачно. Удивительно храбрая дама. Она скрыла день операціи отъ мужа, отъ друзей, отъ всѣхъ, кто интересуется ея здоровьемъ. Пока все идетъ хорошо, но окончательные результаты выяснятся только черезъ шесть недѣль. Маркизъ, мать котораго умерла отъ этой болѣзни, говорить, что въ возрастѣ г-жи Пушкиной всего можно бояться; по его

словамъ, хорошо еще то, что у нея не было дѣтей, но плохо то, что ей уже 37 лѣтъ. Ракъ у нея сдѣлался два года тому назадъ, отъ толчка, полученнаго при лондонскомъ дворѣ.

Всѣ четверги, пятницы и субботы я ужиналъ у Бемеръ. Разговаривали о слухахъ про наши спектакли. Русскіе насъ жестоко осуждаютъ и Альбертина, вторая дочь Бемеръ, предостерегала меня насчетъ этихъ сплетенъ, которымъ я, однакожъ, никакой важности не придаю. Они доказываютъ только зависть и бессильную злобу русскихъ; но все-таки я рѣшился бы отказаться отъ игры, чтобы не давать пищи этимъ мильнымъ качествамъ, если бы не боялся казаться побѣжденнымъ. Я буду продолжать играть, но постараюсь быть индифферентнымъ къ тому, что про меня говорятъ. Пюнегюръ, очень горячо къ этому отнесшійся, такъ же, какъ гр. Андрей, удивляются моему хладнокровью, а я имъ сказалъ, что нахожу пріятнымъ сыграть что-нибудь мимоходомъ, но не хочу смотрѣть на игру, какъ на серьезное занятіе. Отвѣтъ мой только увеличилъ ихъ удивленіе, что и заставило меня объясниться съ гр. Андреемъ, которому я сказалъ, что знаю сплетни, возникшія по этому поводу, и презираю ихъ; что я нивогда ни къ кому не подслуживался; что Чернышовъ, увѣряющій, будто бы мы уговаривали его дать спектакль, ошибается, такъ какъ у насъ есть занятія и развлечения болѣе интересныя; что я, наконецъ, за себя, отказываюсь отъ участія въ его спектакляхъ. Тѣмъ болѣе, что онъ любитъ лесть, прибавилъ я. «Это правда, отвѣчалъ гр. Андрей, самъ онъ всю жизнь былъ льстецомъ, а теперь желаютъ, чтобы ему льстили». «Можетъ быть, сказалъ я, но ему придется узнать, что есть люди никому не льстящіе, и что я изъ ихъ числа».

Боюсь, милый другъ, какъ бы это откровенное объясненіе не охладило ко мнѣ гр. Андрея. Пусть оно будетъ пробою, которой я подвергаю его дружбу и образъ мыслей. Надѣюсь, что онъ выдержитъ эту пробу; слишкомъ уважаю его, чтобы думать противное, къ тому же онъ кажется понялъ мои доводы и оправдалъ ихъ.

Сюда прибыли посоль императора кн.

Лобковичъ и гр. Браницкій, великій гетманъ польскій. Послѣдній привезъ съ собою гр. Потоцкаго *), который кажется очень образованнымъ и любезнымъ.

Въ воскресенье утромъ былъ выходъ при дворѣ, а вечеромъ, вмѣсто куртага, то есть бала или концерта, состоялась игра въ карты, такъ какъ по причинѣ поста другія развлечения не допускаются. Императрица находилась не въ галлерей, а въ той залѣ, гдѣ происходитъ цѣлованіе руки. Въ этотъ день я ужиналъ у Ивана Чернышова, а на другой день у гр. Петра.

Забылъ тебѣ сказать, что въ среду былъ въ ложѣ, управляемой генераломъ Меллисино; онъ слыветъ за человѣка, обладающаго высшими знаніями.

Шевалье Козимо Мари доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о Барнаульскихъ копяхъ въ Сибири:

«Барнаульскіе, серебряные и золотые пріиски находятся на Змѣиной горѣ. Чтобы добыть 1200 пудовъ чистаго золота или серебра, нужно употребить миллионъ пудовъ руды. Жила идетъ диагонально, на глубинѣ 120 аршинъ. Число рабочихъ на пріискахъ доходитъ до 40000; на расплату съ ними идетъ мѣдь, добываемая изъ руды. Для этой цѣли тамъ устроенъ монетный дворъ, чеканящій ежегодно на 300.000 мѣдной монеты, изъ коей 200.000 идутъ на уплату рабочимъ, а остальные 100.000, такъ же, какъ все золото и серебро, поступаютъ въ пользу казны. Но куда дѣваются эти металлы, ни въ Петербургѣ, ни въ Барнаулѣ никто не знаетъ».

Ужиналъ у Бемеръ. Шарлотта была очаровательна; хотя она и не совсѣмъ здорова, но природная веселость беретъ у нея верхъ надъ болѣзнью. Мы пѣли; за столомъ я сидѣлъ рядомъ съ нею и дружески разговаривалъ. Послѣ ужина, зашла рѣчь о гаданіи; я заявилъ, что буду гадать вмѣстѣ съ принцемъ Ангальтомъ и гр. Брюлемъ; она спросила, зачѣмъ такая компанія и развѣ я не собираюсь гадать для себя отдѣльно; я отвѣтилъ, что непременно буду. Затѣмъ я предложилъ погадать на ея счетъ, она согласилась, но не рѣшилась задать во-

*) Станислава—Феликса, впоследствии бывшаго маршаломъ Тарговицкой конфедерации.

проса, боясь, что «это будетъ слишкомъ ясно». Затѣмъ мы немножко полюбезничали. Я сидѣлъ рядомъ съ нею, держалъ ея руку въ своихъ и мы обмѣнялись нѣжными взглядами, но Шарлотта, не желая, должно быть, выказать своей чувствительности, вдругъ встала. Я послѣдовалъ за нею и мы стали разговаривая ходить по комнатѣ, причемъ я узналъ, что въ свитѣ принца Генриха прусскаго есть одинъ офицеръ, который въ нее влюбленъ, но котораго она не любитъ, и что скорое его прибытіе очень ее беспокоитъ. Въ слѣдующій разъ постараюсь это выяснитъ, но думаю, что Шарлотта читаетъ ко мнѣ дружбу; по крайней мѣрѣ очень бы желалъ этого. Желалъ бы, пожалуй, и большаго, мой другъ, потому, что въ этой молодой особѣ все меня привлекаетъ.

Среда, 6.—Къ брату.

Опять любовь, мой другъ, опять интересныя объясненія и съ другой особою! Что ты скажешь? Не думай, однако, что я хочу похвастаться побѣдами, а прежде выслушай. Пообѣдавъ у гр. Панина я отправился къ великому князю, куда былъ приглашенъ на дѣтскій спектакль. Играли *Alzige* и *l'Indiscret*, что мнѣ не понравилось, такъ какъ совсѣмъ не подходитъ къ дѣтскому возрасту. Послѣ спектакля былъ ужинъ. Я сидѣлъ рядомъ съ княжной Трубецкой, которую хвалили въ своихъ къ тебѣ письмахъ, находя, что она похожа на твою жену. Мы съ ней все время проговорили. Эта молодая особа очень интересна, у нея живой, восприимчивый умъ. Говорили мы о характерахъ; она, мнѣ кажется, обладаетъ характеромъ чувствительнымъ и деликатнымъ, но до сихъ поръ развивала больше свой умъ, чѣмъ сердце. Не знаю, что она думаетъ о чувствахъ, но думаю, что остерегается ихъ. Тѣмъ не менѣе она замѣтила, что я за ней ухаживаю, и, кажется, не особенно этимъ недовольна. Между прочимъ она мнѣ сказала: «Думаю, что вы меня не любите, потому что заставляете очень много говорить, и я увѣрена, что насъ уже осуждаютъ». Ты не удивишься, милый другъ, если узнаешь, что вечеръ показался мнѣ очаровательнымъ. Но я уже

вижу, какъ ты считаешь мои измѣны. Подожди, мой другъ, не осуждай такъ поспѣшно. Шарлотта внушаетъ мнѣ любовь, интересъ и желанія; кромѣ того, она похожа на избранницу. Княжна Трубецкая похожа на твою жену и напоминаетъ мнѣ ее; она очень умна, обладаетъ нѣжными глазками и красивымъ личикомъ. Ну, что ты теперь скажешь? Я люблю все, что достойно любви.

Четвергъ, 7.—Къ брату.

Мы съ Комсомъ превосходно пообедали у Рэмбера. Толстая Бильо меня потѣшала; но, надо признаться все-таки, что она умная женщина. Они недовольны Лессепсомъ и вполне основательно: это упрямый, ограниченный человекъ, которымъ командуетъ жена. Говорили мы о Бэнарѣ Дюпли. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Пруссіи съ различными проектами.

Пятница, 8.—Къ брату.

Мнѣ передали очень удачную остроу нашего военнаго министра, гр. Сень-Жермена; не знаю только, вѣрно ли, это тебѣ лучше знать. Однажды, во время ужина съ его величествомъ, королева стала, будто бы, бросать хлѣбными шариками въ короля. Послѣдній, обратившись къ военному министру, спросилъ у него, что бы онъ сдѣлалъ, если бы въ него стали стрѣлять ядрами. «Я заклепалъ бы пушку», — отвѣчалъ Сень-Жерменъ.

Знавалъ ли ты, мой другъ, гр. Ранцау*), который написалъ оригинальные мемуары и который самъ стоитъ того, чтобы на него взглянуть? Я его разыскиваю; говорятъ, что онъ здѣсь.

Въ 4 часа у меня были принцъ Ангальтъ и графъ Брюль; я нарочно вернулся отъ Панина, чтобы вистѣть съ ними отправиться къ аббату Паскени, гдѣ мы много говорили о герметическихкихъ наукахъ.

Суббота, 9.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, я былъ съ визитомъ у г-жъ***, о которыхъ пл-

*) Шведскій государственный человекъ.

салъ тебѣ недавно. Засталъ одну дочь, матери не было дома. Играли на клавишинѣ, пѣли дуэты, разговаривали. Тонъ здѣшнихъ дѣвицъ совсѣмъ не такой, какъ у насъ во Франціи; здѣсь говорятъ откровенно, и мнѣ заявили, что желаютъ выйти замужъ за богатаго старика, который бы умеръ поскорѣе и оставилъ жену свободною. А передъ этимъ расхваливали французовъ и говорили, что очень ихъ любятъ. Вообще, прямая атака, но я сдѣлалъ видъ, что не понимаю. Пришла мать и стала хвалить свою дочь. Впрочемъ, это очень добрая женщина; она глупа и слабохарактерна, но вѣдь и доброты чего-нибудь стоитъ, мой другъ, особенно здѣсь, гдѣ она встрѣчается такъ рѣдко. Кромѣ того, дочь, повидимому, получила хорошее воспитаніе, особенно по отношенію къ талантамъ: она хорошо играетъ на клавишинѣ, поетъ и говоритъ по-итальянски, знаетъ англійскій языкъ и любитъ литературу.

Четыре или пять мѣсяцевъ тому назадъ, я говорилъ тебѣ о гр. Браницкомъ, великомъ гетманѣ польскомъ, который пробылъ въ Москвѣ только три недѣли послѣ нашего прѣзда. Я тебѣ отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, преданномъ удовольствіямъ, и сказалъ, кажется, что онъ, благодаря неловкой, по обыкновенію, рекомендаціи маркиза, принялъ меня очень холодно. Теперь онъ живетъ здѣсь уже дней пятнадцать и я у него былъ. По пріему видно, что онъ перемѣнилъ мнѣніе обо мнѣ, и я тѣмъ болѣе былъ польщенъ, что русскіе, по его словамъ, наговорили ему про меня много хорошаго. Можешь судить, какъ мнѣ это было пріятно. Отъ него я отправился къ г-жѣ Нелединской, которая при ближайшемъ знакомствѣ много выигрываетъ. И физически и нравственно пріятная женщина.

Воскресенье, 10.—Къ м-ль де-Брессоль.

Я здѣсь со многими познакомился. Сегодня меня представили кн. Щербатову*), у котораго я и обѣдалъ. Князь, кабинетный человѣкъ, литераторъ, пишетъ исторію Россіи. Онъ очень образованъ и, по всей вѣроятности, философъ; поговорить

*) Михайлу Михайловичу, написавшему исторію Россіи.

съ нимъ весьма интересно. Оба они, съ женою, люди слабого здоровья; жена едва успѣла оправиться отъ цѣлаго ряда родовъ. Это не дѣлаетъ домъ ихъ веселымъ; но съ ними живетъ замужняя дочь, г-жа Спиридова (Spiritof), которая согрѣваетъ семью своимъ присутствіемъ. Пообѣдавъ у нихъ, я отправился въ Смольный монастырь — учебное заведеніе для дѣвицъ, вродѣ нашего Сенъ-Сирскаго, съ той только разницей, что здѣсь помимо аристократическаго отдѣленія есть и буржуазное. Первое раздѣляется на классы, отличающіеся цвѣтомъ платья: коричневая, синія, сѣрая и бѣлая — самая старшія. Каждый цвѣтъ носится по три года, такъ что дѣвочки живутъ въ монастырѣ 12 лѣтъ. Въ торжественные дни, онѣ танцуютъ другъ съ другомъ, а публика смотритъ изъ-за балюстрады, не мѣшающей, однакожъ, разговаривать съ ними. Только въ это время и можно ихъ видѣть, даже родителямъ. Ничего еще не могу сказать вамъ о воспитаніи, которое онѣ получаютъ: самъ хорошенько не знаю.

Ужиналъ у кн. Голицыной, гдѣ развлекался разговоромъ съ м-ль Матюшкиной, знаменитой красавицей. Вы, мой другъ, такая скромная, такая сдержанная, удивились бы, услышавъ, какъ бойко русскія дѣвицы говорятъ о любви, кокетствѣ, любовникахъ и проч., точно модныя парижскія дамы. Разговоръ нашъ продолжался часа два и очень меня заинтересовалъ. Матюшкина весела, любезна, красива и ей всего 20 лѣтъ! Она претендуетъ на чувствительность, а я ей доказывалъ, что она всего только кокетка, лишняя чувства, и что будетъ такою еще десять лѣтъ.

Понедѣльникъ, 11 и вторникъ, 12.—
Къ брату.

Маркизь говорилъ мнѣ о вновь здѣсь возникающемъ старомъ проектѣ выдѣлывать коньякъ изъ астраханскихъ винъ. Это лишило бы Францію экспорта въ 150,000 анкерковъ коньяка, которые она высылаетъ сюда ежегодно. Но противъ проекта нельзя спорить, онъ исполнѣнъ основателемъ. По этому поводу, маркизь сегодня шифровалъ депешу вѣсть съ Комбсомъ. Уже не въ первый разъ отъ меня дѣлаютъ тайны.

Ужинали мы у гр. Чернышовой и слушали очень интересные анекдоты о Петрѣ Великомъ. Этотъ монархъ больше всего любилъ морское дѣло. Адмиралтейство было любимымъ его мѣстопробываніемъ и складочнымъ магазиномъ всего, чѣмъ онъ интересовался; туда онъ посылалъ всѣ свои покупки и тамъ искалъ всего, что ему было нужно. Тамъ онъ присудилъ къ смертной казни адмирала Крейца. Генералъ-адмираломъ былъ Апраксинъ, а самъ царь носилъ титулъ простого адмирала. Этимъ титуломъ подписалъ онъ и приговоръ Крейца. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Петръ не хотѣлъ выступать въ роли монарха, онъ подписывался «Петръ Михайловъ» (Michaelitz). Когда подъ приговоромъ Крейцу подписался весь совѣтъ, а въ томъ числѣ и адмиралъ Петръ Михайловъ, то царь (кн. Иванъ разсказывалъ это со слезами на глазахъ) взялъ вновь перо и написалъ: «Знаю вину Крейца, но прощаю ему. Петръ». Эта простота, соединенная съ добротою, восхитительны, мой другъ, и служатъ признакомъ великой души. По дарованіи помилованія, произошелъ очень интересный и оригинальный споръ. Во время суда Петръ занималъ въ совѣтѣ мѣсто Крейца; а когда послѣдній явился, то, поблагодаривъ монарха за помилованіе, сталъ требовать своего мѣста и возбудилъ противъ Петра обвиненіе въ незаконномъ его занятіи. Императоръ сталъ защищаться, говоря, что приговоренный къ смерти лишается чиновъ и мѣста. Начался судъ по всѣмъ правиламъ; Петръ выигралъ дѣло, а затѣмъ, возстановивъ Крейца во всѣхъ его чинахъ и должностяхъ, занялъ мѣсто ниже его. Этимъ царь далъ примѣръ субординаціи, за поддержаніемъ которой строго слѣдилъ. Онъ первый ввелъ въ русской арміи дисциплину, которая привилась такъ, какъ трудно было ожидать отъ русскаго человѣка. Вотъ, напримѣръ, черта, которою я восхищался бы и въ одномъ изъ нашихъ старыхъ капраловъ. Въ адмиралтействѣ есть дверь, черезъ которую можетъ входить только одинъ генералъ-адмиралъ, для чего къ ней и приставленъ часовой. Между тѣмъ Петръ, какъ я тебѣ говорилъ, былъ простымъ адмираломъ и, слѣдовательно, не имѣлъ права проходить черезъ эту дверь. Разъ, ночью, императору сообщили, что жена

его родила мальчика; онъ спѣшить къ ней и, для скорости, хочетъ пройти черезъ запрещенную дверь. Часовой не пускаетъ, не смотря на то, что знаетъ царя въ лицо. Тогда Петръ говоритъ ему: «Другъ мой, ты меня знаешь; я не сталъ бы настаивать въ другихъ случаяхъ, но теперь императрица родила сына и я хочу его видѣть». «Вы правы, государь,—отвѣчалъ часовой,—пусть меня завтра повѣсятъ, все равно, входите!»

Среда, 13.—Къ брату.

Вечеромъ, мой другъ, я убѣдился въ чувствѣ Шарлотты ко мнѣ и хочу теперь имъ похвастаться. Она такъ искренно поцѣловала мою записку, что я пришелъ въ восторгъ. Мы долго говорили и я могу быть доволенъ. Пришлось признаться Альбертинѣ, которая отнеслась къ этому признанію дружелюбно. Не знаю, что будетъ дальше, но я совсѣмъ рѣшился.

Четвергъ, 14.—Къ брату.

Жизнь моя продолжаетъ быть очень бурной. Обѣдалъ у испанскаго негодянта Кронца (Cronz), гдѣ надо мной шутили по поводу Нормандца и его ко мнѣ ревности, которой я былъ невинною причиною. Ты знаешь, мой другъ, что я бываю очень веселъ, когда ловко себя чувствую. Такъ было и у Нелединской. Она увлеклась моею веселостію, но тутъ же присутствовали двое въ нее влюбленныхъ: одинъ—счастливый, гр. Андрей Разумовскій, а другой—несчастный, нашъ Пюнсегюръ; они занимались музыкой, но видѣли наши шалости, и надулись, что отозвалось и на репетиціи. Нелединская вдругъ стала печальна; я приписалъ это плохому ея здоровью и, для того, чтобы развеселить, продолжалъ дурачиться, смѣшилъ, цѣловалъ ей руки и проч. Да еще вдобавокъ, сказалъ на ухо гр. Андрею, съ которымъ мы очень близки и который постоянно ее расхваливаетъ, что теперь я вполне съ нимъ согласенъ. Этимъ я думалъ доставить ему удовольствіе. Репетиція прошла плохо; я потомъ поѣхалъ ужинать къ Бемеръ, а вечеромъ узналъ отъ Комбса и Дюга, что между гр. Андреемъ и Нелединской произошло бурное объясненіе; что несчастная женщина пла-

кала; что всё успѣли ухватить, между прочимъ и Пюнсегюръ... Представь себѣ, мой другъ, мое удивленіе!

Пятница, 15 и суббота, 16.—Къ мар-
визѣ Брэанъ.

Вчера я получилъ о васъ свѣдѣнія, сударыня. Братъ, съ которымъ я переписываюсь такъ же, какъ и съ отцомъ, сообщилъ мнѣ, что избранница удивлена моимъ молчаніемъ.

Я общалъ писать вамъ, сударыня, обо всемъ, что касается интересовъ моего сердца. Я долженъ, поэтому, сказать, что подчинился склонности, которая, можетъ быть, серьезно поссорить меня съ Нормандеомъ, секретаремъ испанскаго посольства, влюбленнымъ въ ту же молодую особу и введшемъ меня въ ихъ домъ. Это та нѣмка, о которой я вамъ писалъ. Я имѣлъ счастье понравиться также отцу и матери. О, госпожи французѣнки! Не во гнѣвъ вамъ сказать: не умѣете вы любить искренно! Это, можетъ быть, не особенно галантно по отношенію къ вамъ, сударыня, но мы оба знаемъ, какъ относиться другъ къ другу въ этихъ случаяхъ.

Отъ 17 по 20.—Къ ней же.

Я только-что ушелъ отъ моей нѣмочки, сударыня, и очень о ней беспокоюсь. Ей пускали кровь и она лежитъ въ постели. Сестра ея, наша общая повѣренная, провела меня къ ней, а тѣмъ временемъ въ сосѣдней комнатѣ капитанъ Эйлеръ, сынъ знаменитаго геометра*), разливался въ рѣчахъ и вздохахъ по поводу своихъ неудачъ въ любви. Бѣдная больная была хороша, какъ ангелъ; я пробылъ у ея кровати съ четверть часа и закончилъ свой визитъ поцѣлуемъ. Что за прекрасная штука—поцѣлуй!

Кстати, по поводу любовныхъ исторій: есть здѣсь молодая дѣвушка, графиня Матюшкина, очень хорошенькая и обладающая романтическими наклонностями. Она вообразила себѣ, что любитъ нѣ-

*) У котораго было три сына: Іоганнъ-Альбертъ, впоследствии директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ; Карлъ — придворный врачъ и профессоръ медицины; Христофоръ — майоръ артиллеріи и директоръ Сестротѣкаго орудіянаго завода.

кого Кошелева (Cochélof), отчаяннаго фата, и я намѣренъ побороть въ ней эту склонность. Вотъ уже два раза мы, за ужиномъ, вели съ ней разговоры о самыхъ нѣжныхъ чувствахъ. Я открыто критиковалъ ея избранника, и мы разстались съ виду поссорившись, но она должна была признаться, что и сама думаетъ то же. Какъ вы думаете, сударыня, не имѣли ли права начать такую кампанію? Теперь всякія лиги и крестовые походы не въ модѣ, но если бы они возобновились, то я началъ бы походъ противъ людей индифферентныхъ и, главнымъ образомъ, противъ фатовъ вродѣ Кошелева.

Четвергъ, 21.—Къ брату.

Сегодня я имѣлъ совѣщаніе съ нѣкими Пиктэ, долгое время состоявшимъ при кн. Орловѣ. Это—человѣкъ, не пользующійся хорошей репутаціей, но очень образованный. Теперь онъ работаетъ надъ мемуаромъ относительно вывоза украинскихъ табаконъ во Францію — проектъ, провалившійся при Елизаветѣ, благодаря стараніямъ ея фаворита Шувалова, изъ личныхъ его видовъ.

Вмѣстѣ съ двумя поляками, которые оба скоро уѣзжаютъ, я былъ сегодня въ Академіи Наукъ. А затѣмъ, послѣ буржуазно-веселаго обѣда у французскаго консула, отправился было къ кн. Трубецкой, которая меня наканунѣ пригласила, но не засталъ дома—какія-то семейныя дѣла заставили ее ухватить.

Ты не знаешь, мой другъ, что у меня вчера вышла ссора изъ-за этой молодой особы. Мы репетировали двѣ пьесы у Чернышовыхъ, затѣмъ ужинали, все шло очень весело. За ужиномъ я сидѣлъ рядомъ съ княжной и очень за ней ухаживалъ, что видимо нравилось. Мало-помалу Чернышова стала пристально смотреть на насъ и шептаться съ маркизомъ, сидѣвшимъ около нея и тоже глазъ съ меня не спускавшимъ. «Насъ осуждаютъ»,—сказала мнѣ княжна въ полголоса; и дѣйствительно, къ концу ужина гр. Иванъ сталъ видимо придирается къ ней. Это насъ обоихъ очень разсердило и я ушелъ изъ этого дома очень недовольный хозяиномъ и хозяйкой. Первый—низкій, фальшивый и вѣщеславный

человѣкъ, а послѣдняя—дура, осуждающая любовныя интриги и цинически отдающаяся своему лакею, какъ всѣ говорить. Это меня окончательно оттолкнуло отъ дома, въ которомъ я и прежде очень скучалъ. Вѣжливость русскихъ состоитъ въ томъ, что они надоѣдаютъ поклонами, пошлыми комплиментами, обѣдами и проч., а настоящей тонкой деликатностью, составляющей всю прелесть общенія, они не обладаютъ.

Пятница, 22.—Къ брату.

Приятные дни рѣдко повторяются, мой другъ, въ нашемъ обществѣ. Только-что почувствуешь себя удовлетвореннымъ, какъ уже приходится бояться за будущее. Пять или шесть недѣль я провожу здѣсь время очень весело; думалъ, что и сегодня весь день будетъ занятъ, какъ вдругъ получаю ужасное извѣстie: М-мъ де-Веракъ умерла въ Копенгагенѣ 27 февраля, въ 11 часовъ утра. Можешь судить, милый другъ, о моемъ удивленіи и горѣ. Жаль бѣднаго маркиза де-Веракъ, и я сильно боюсь за него. Какое тяжелое положеніе! Не знаю, что онъ будетъ дѣлать; съ нетерпѣніемъ жду извѣстій; при его впечатлительности нельзя не бояться.

Прощай! Забылъ тебѣ сказать, что гр. Потемкинъ получилъ вчера датскій орденъ Слона. Говорять, его хотять сдѣлать княземъ священной Римской Имперіи. Забавно, что богомольная Императрица Австрійская награждаетъ фаворитовъ далеко не богомольной Императрицы Всероссийской.

Суббота, 23.—Къ брату.

Сегодня перебивало множество народа, что мнѣ ужасно надоѣло и привело меня въ дурное расположеніе духа, такъ какъ я еще недостаточно дипломатъ, чтобы постоянно носить маску. Между прочимъ, заходилъ Козимо Мари; онъ мнѣ сообщилъ, что Рибасъ произведенъ въ майоры кадетскаго корпуса, что даетъ ему чинъ подполковника арміи. Что жъ—онъ стоитъ того. Бѣдиль поздравлять и обѣдалъ у него. Видѣлъ тамъ молодого человѣка, о которомъ какъ-то писалъ тебѣ и котораго считаютъ сыномъ Императрицы. О

воспитаніи его сильно заботятся; мнѣ показывали его учебныя тетради; онъ изучаетъ языки, геометрію, исторію, музыку, естественную исторію. Характеръ его, черезчуръ живой и впечатлительный, сталъ сдержаннѣе подъ вліяніемъ Рибаса. Вѣроятно, мы увидимъ этого молодого человѣка во Франціи, такъ какъ путешествіе входитъ въ планъ его воспитанія. Онъ можетъ выйти превосходнымъ человѣкомъ; теперь ему 13 лѣтъ и онъ носитъ фамилію графа Бобринскаго.

Послѣ обѣда сдѣлалъ нѣсколько скучныхъ визитовъ, между прочимъ, къ Чернышовой. Дочь ея будетъ очень умна. Этотъ ребенокъ вознаграждаетъ меня за скуку, наводимую матерью.

День мой кончился у Бемеръ; я имѣю счастье, мой другъ, быть любимымъ по-нѣмецки, то есть искренно и безъ кривляній. Шарлотта очень чувствительна и покорить ея душу—завидная участь. Она мнѣ говорила о портретѣ одного пруссака, котораго она никогда не любила, но за котораго должна была выйти замужъ. Пріѣздъ его сюда, въ свитѣ принца Генриха, долженъ будетъ рѣшить это дѣло, но Шарлотта не хочетъ, чтобы это измѣнило нашу взаимную привязанность.

Воскресенье, 24.—Къ брату.

Нѣсколько дней тому назадъ я вмѣшался въ одно дѣло, касающееся Фальконэ. Ты, можетъ быть, слышалъ о неудачной отливкѣ статуи. Онъ сваливаетъ отвѣтственность за это на Помеля, литейщика, помогавшаго ему отливать, а Помель написалъ записку, обвиняющую Фальконэ. Такъ какъ я—другъ послѣдняго, то маркизъ поручилъ мнѣ разобрать дѣло. Выслушавъ обѣ стороны, я взялъ съ Помеля обѣщаніе не печатать его записки, а Фальконэ съ своей стороны, не предупредивъ меня, обращался къ Императрицѣ, которая приказала цензору не пропускать такого рода памфлетовъ. Я остался этимъ поступкомъ недоволенъ, такъ какъ не вижу въ немъ прямоты, которою Фальконэ хвастается. Я даже сказалъ ему это въ лицо. Цѣль моего вмѣшательства состояла въ томъ, чтобы уговорить Фальконэ выдать Помелю аван-

сомъ 15000 ливровъ изъ 80000, которыя ему обѣщаны, хотя это и было бы особой милостью, такъ какъ Фальконэ обязался платить только по окончаніи работы. Я провелъ это утро у него, и онъ мнѣ доказалъ, что ничего не можетъ сдѣлать, потому что Бецкій, въ отвѣтъ на его письмо по этому поводу (я видѣлъ письмо), весьма скаречно сообщаетъ, что плата можетъ быть выдана только послѣ удачнаго окончанія отливки. Да кромѣ того и самъ Фальконэ слишкомъ недоволенъ Помелемъ, чтобы дѣлать ему снисхожденіе, если бы даже и могъ. Я думаю, что Помель дѣйствительно виновенъ, но и Фальконэ нельзя слишкомъ вѣрять, потому что онъ очень себялюбивъ и прямолинеенъ.

Обѣдалъ у гр. Потемкина. Говорятъ, что акціи его падаютъ, что Завадовскій все болѣе и болѣе входитъ въ фаворъ, такъ какъ ему покровительствуютъ Орловы, кредитъ которыхъ очень великъ. Увѣряютъ, что кн. Григорій отдѣливается свой здѣшній домъ. Это плохо вѣдется съ намѣреніемъ его путешествовать.

Послѣ обѣда я былъ въ кадетскомъ корпусѣ на ассамблеѣ, почти такой же, какъ въ Смольномъ монастырѣ.

Вторникъ, 26.—Къ брату.

Ужиналъ у Бемеръ. Шарлотта говорила, что вчера Пюнсегуръ игралъ у нихъ на арфѣ и пробовалъ ухаживать за нею. Она смѣется надъ этимъ и обѣщаетъ рассказывать мнѣ обо всемъ, что между ними произойдетъ; тогда мы посмѣемся вмѣстѣ. Не вообрази, мой другъ, что этотъ новый соперникъ меня беспокоитъ; его можно только пожалѣть. Я теперь совершенно увѣренъ, мой милый, что меня любятъ искренно. Прощай.

PS. Говорятъ, что кн. Орловъ получилъ отъ Императрицы, въ видѣ подарка на свои именины, 10000 имперіаловъ, то есть 100000 р. Это возбуждаетъ ропотъ среди людей, которымъ она должна.

Четвергъ, 28.—Маркизъ Брэнъ.

Я уже, кажется, говорилъ вамъ, сударыня, что самыми порядочными людьми въ здѣшнемъ обществѣ, какъ и повсюду, являются негоціанты. Они ведутъ болѣе

правильную и пріятную жизнь, что отзывается на ихъ страстяхъ и нравахъ. Я сегодня обѣдалъ у м-мъ Шуэ, жены одного испанца и лучшей изъ женъ въ свѣтѣ. Былъ тамъ нѣкій Круцъ, пріѣхавшій за покупкой разныхъ товаровъ для Кадикса. Ужасно люблю эту буржуазную среду и съ большимъ удовольствіемъ бываю въ ней отъ времени до времени. Отъ нихъ я отправился къ моимъ итальянцамъ, къ Паскини. Засталъ только одного живописца, который называетъ себя кавалеромъ, а на самомъ дѣлѣ сынъ фермера гр. Сакромозо. Мы говорили о философскомъ камнѣ и кабалистикѣ. Аббатъ дастъ мнѣ, можетъ быть, потерянныя рукописи касательно этихъ вопросовъ.

Открытіе, сдѣланное мною въ этотъ вечеръ, дастъ вамъ понятіе о моей наблюдательности: женщины стоятъ положительно выше мужчинъ. Онѣ гораздо развитѣе, способнѣе къ воспріятію чувства, къ деликатности, ко всемъ отгнѣкамъ и тонкостямъ отношеній, соблазняющимъ сердце и пріятнымъ для ума. Многія изъ здѣшнихъ женщинъ навели меня на это открытіе. Къ нимъ принадлежатъ, на примѣръ: княжна Трубецкая, дѣвица 18 лѣтъ; г-жа Зиновьева, жена русскаго посланника въ Испаніи; гр. Шувалова; г-жа Загряжская, сестра Андрея Разумовскаго; г-жа Нелединская, очаровательная женщина, и проч. У послѣдней я ужиналъ сегодня. Но самой любезной изъ всѣхъ является первая.

Пятница, 29.—Къ брату.

Сегодня—день курьера, мой другъ, но депешъ никакихъ нѣтъ; въ дѣлахъ наступило затишье. Говорятъ, возникъ вопросъ о легализаціи постоянного совѣта въ Польшѣ. Этимъ займется предстоящая Діета.

Ходилъ пѣшкомъ обѣдать въ кадетскій корпусъ. Сверхъ мундира на мнѣ было надѣто лишь пальто изъ мольтона (molleton), а между тѣмъ у насъ теперь около 12° мороза. Идя пѣшкомъ черезъ Неву, я ее измѣрилъ шагами; оказалось 330 моихъ шаговъ, а увѣрили, что ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ равняется 151 сажени.

Послѣ обѣда, я, вмѣстѣ съ Бозимо Мари, былъ у одного итальянца, майора

Бертольяти, хорошаго рисовальщика по гражданской и военной архитектурѣ. Это весьма галантный человекъ, прекрасно воспитывающій своихъ дѣтей. У него ихъ двое, дѣвочка и мальчикъ 12—13 лѣтъ. Они хорошо говорятъ и пишутъ по-французски, по-итальянски, по-нѣмецки и по-русски; послѣдній языкъ они предпочитаютъ. Эта маленькая семья очень интересна. День кончился очень приятно для меня: я ужиналъ у княгини Щербатовой, съ ея дочерью, г-жей Спиридовой, молоденькой и хорошенькой. Но у меня была мигрень, все испортившая.

Суббота, 30.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, у меня былъ Пиктэ, бывшій женеvскій адвокатъ и уроженецъ Женеvы. Это человекъ, обладающій довольно неприятной внѣшностью—гигантскимъ ростомъ и рѣзкими, отталкивающими чертами лица. Онъ живетъ здѣсь уже лѣтъ 15 и состоялъ при кн. Григоріѣ Орловѣ, во дни его фавора. Это дало ему возможность хорошо узнать ту страну, въ администраціи которой онъ работалъ, а кромѣ того сдѣлало его свидѣтелемъ замѣчательныхъ происшествій. Говоря о смерти Петра III, онъ увѣрялъ меня, что Императрица ея не желала и узнала о ней только тогда, когда все уже было кончено. Это—единственное преступленіе, лежащее на совѣсти Григорія Орлова, да и то было необходимымъ, прибавилъ Пиктэ, такъ какъ иначе и Екатерина и Орловы погибли бы. Онъ думаетъ, между прочимъ, что послѣдняя болѣзнь Орлова (съ мѣсяцъ тому назадъ), которую приписываютъ параличу, на самомъ дѣлѣ зависѣла отъ отравы.

И онъ не одинъ такъ думаетъ; подозрѣваютъ Потемкина. Въ этой странѣ принято отдѣлываться такимъ образомъ отъ неприятныхъ людей. Говорятъ, что жена Панина была отравлена такъ же, какъ первая жена гр. Строганова (Александра Сергѣевича, президента академіи художествъ) и м-ель Воронцова, въ смерти которой обвиняютъ кн. Трубецкого. Графъ Строгановъ любитъ свою падчерицу, фрейлину, и женился на ней по смерти матери (?).

Россія считаетъ себя могущественной;

у нея въ десять разъ больше земли, чѣмъ у насъ, и считая только тѣ земли, которыя удобно обитаемы и годны къ обработкѣ, она можетъ прокормить сто милліоновъ обывателей, а у нея ихъ только семнадцать милліоновъ. Если бы этому народу рабовъ и невольниковъ была дана свобода, если бы частная собственность въ этой странѣ существовала и охранялась законами, если бы жители ея имѣли какія-нибудь понятія о торговлѣ и промышленности, то она могла бы теперь же достигъ того процвѣтанія и величія, которое ее ждетъ развѣ только въ 2440 году. Пиктэ составляетъ меморіи, которыя могли бы очень его выдвинуть, если-бъ Орловъ былъ еще у власти и если бы идеи его были послѣдовательнѣе. Пиктэ объѣхалъ и изслѣдовалъ берега Волги, по которой ходятъ громадныя барки, перевозящія соль, руды и проч. Эти барки снабжены многочисленнымъ, а потому дорого стоящимъ экипажемъ *); но экипажъ этотъ необходимъ, такъ какъ барки приходится часть пути тянуть канатомъ, что замедляетъ путь и увеличиваетъ составъ экипажа. Надо бы было, вдоль береговъ рѣки, проложить дороги, идя по которымъ, барку могли бы тянуть быки или лошади. Въ то же время надо бы было разставить по берегамъ отряды войскъ, обезопасить перевозку отъ разбойниковъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, товары стали бы дешевле, или, лучше сказать, они продавались бы по цѣнамъ болѣе низкимъ, чѣмъ привозные изъ другихъ странъ—Швеціи, Америки—а потому и спросъ на нихъ возросъ бы. Но правительство не хочетъ обращать вниманія на эти выгоды, и аббатъ Рейноль, во второмъ томѣ своей исторіи Россіи, совершенно справедливо на него за это нападаетъ: картина, имъ нарисованная, вполне вѣрна.

Затѣмъ, милый другъ, мы говорили о прибываніи принца Генриха, за которымъ послано уже одиннадцать лошадей. Пиктэ думаетъ, что королю прусскому понадобилась Померанія; принцъ Генрихъ человекъ ловкій, посмотримъ, что онъ получитъ.

Шель разговоръ о другихъ предметахъ, напримѣръ о гр. Сень-Жерменѣ *), котораго Пиктэ знавалъ, и который много разсказалъ ему о его семейныхъ дѣлахъ такъ же, какъ и маркизу Гуффе. Пиктэ считаетъ его великимъ химикомъ, знающимъ секретъ какъ придавать плохимъ брилліантамъ потерянный ими блескъ. Пиктэ знаетъ это потому, что тесть его, ювелиръ Маньянъ, всегда откладывалъ брилліанты, лишеныя блеска, для гр. Сень-Жермена.

Проговоривъ со мною больше двухъ часовъ, Пиктэ пригласилъ меня заходить къ нему раза два въ недѣлю и ушелъ. Съ удовольствіемъ воспользуюсь приглашеніемъ; онъ человѣкъ интересный и поговорить съ нимъ очень приятно.

Вечеръ мы съ Комбсомъ провели у кн. Трубецкой, гдѣ было очень весело. Она говоритъ, что при первомъ удобномъ случаѣ должна мнѣ очень многое сообщить; думаю, что это касается нашихъ съ ней отношеній, такъ какъ она очень мила и обладаетъ чувствительнымъ сердцемъ. Она мнѣ призналась, что боится этой чувствительности, отъ которой пострадала года три назадъ. Но Шарлотта, Шарлотта всегда будетъ стоять у меня на первомъ мѣстѣ; о ней то вѣроятно и хотеть говорить со мной Трубецкая. Будущіе маскарады все рѣшатъ и тебя, конечно, обо всемъ увѣдомлю.

Воскресенье, 31.—Къ брату.

Гр. Ляси сегодня откланялся Императрицѣ. Онъ ѣдетъ на воды лѣчиться; здѣшній климатъ ему вреденъ. Нормандецъ остается повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Обѣдалъ сегодня у Сюрта, голландскаго резидента. Это человѣкъ достойный и опытный. Наши хорошенькія женщины находятъ его чересчуръ голландцемъ, и онѣ правы, но онъ надъ этимъ смѣется, и еще болѣе правъ, конечно. Сюртъ ужъ не молодъ, у него есть жена, которую онъ любитъ и которая за нимъ ухаживаетъ. Столъ у него очень хорошій, хотя и безъ роскоши. Не будучи музыкантомъ, онъ любитъ слушать хорошую музыку и часто это себя по-

зволяетъ, за деньги, конечно. Онъ не веселится, не жуируетъ по нашему, но ему этого и не нужно, онъ и такъ доволенъ. Я спросилъ его о Пиктэ; оказалось, что Сюртъ считаетъ его очень знающимъ и рекомендуетъ мнѣ почаще съ нимъ видѣться. «О немъ дурно говорятъ—прибавилъ Сюртъ—его братья, но всё ему подаютъ руку и принимаютъ», Дѣло въ томъ, что онъ человѣкъ очень умный и знающій, поэтому его цѣнятъ и боятся.

Сюртъ составилъ проектъ торговли по Черному морю и общалъ дать мнѣ его прочесть. Почтенный голландецъ самъ, должно быть, сдѣлалъ много замѣтокъ объ этой странѣ и ссужаетъ ими Пиктэ для его работы о Россіи. Я тутъ тоже кое-чѣмъ попользуюсь.

Понедѣльникъ, 1 Апрѣля — Къ брату.

Пюнсегюръ далъ мнѣ прочесть комическую оперу своего сочиненія; она дѣйствительно очень комична, потому что представляетъ собою стихи, лишеныя размѣра и даже рифмъ. Если бы въ ней былъ ужъ хоть не то что умъ, а остроуміе, то еще куда бы ни шло, но—увы!

Къ несчастію, талантъ у него открылся именно въ Россіи, а плохой климатъ не содѣйствуетъ развитію поэтическихъ способностей.

Послѣ обѣда былъ у Бемеръ и засталъ тамъ Перро, который разошелся съ Бецеимъ. Люблю его за характеръ, мой другъ; онъ твердъ духомъ и чувствителенъ сердцемъ. Онъ подозрѣваетъ о нашихъ съ Шарлоттой отношеніяхъ, но достаточно деликатенъ, чтобы намекать мнѣ на нихъ очень рѣдко и крайне вѣжливо.

Ужиналъ у кн. Голициной, жены фельдмаршала, гдѣ было довольно весело. Князь Хованскій (Kawanski), адъютантъ Голицина, много говорилъ мнѣ о квяжнѣ Трубецкой, его кузинѣ, которая, будто бы, очень меня любитъ. Я посмѣялся надъ такой наивностью, но она все же привела меня въ замѣшательство. Затѣмъ онъ мнѣ сообщилъ, что фрейлина Библикова страстно влюблена въ принца Ангальта; должно быть она знаетъ, что мы съ нимъ пріятели, и поэтому хотеть сойтись со мной. А я, при-

*) Знаменатый пскатель приключеній, предшественникъ Каліостро.

знаюсь, не считалъ ее способной на глубокое чувство, теперь вижу, что ошибся и очень радъ этому.

Вообще, мой другъ, я замѣчаю, что женщины вездѣ чувствительнѣе и деликатнѣе мужчинъ. Въ Россіи, гдѣ мужчинамъ эти добродѣтели неизвѣстны, женщины все же инстинктивно ими обладаютъ, и если онѣ, живя въ свѣтѣ, не освобождаются отъ нихъ до старости, то только потому, что остаются вѣрны природѣ, не смотря на воздѣйствіе господствующихъ обычаевъ и предрасудковъ.

Вторникъ, 2.—Къ брату.

Ѣздилъ поздравлять Потемкина, который сдѣланъ княземъ Священной Имперіи. Кромѣ того, говорятъ, что онъ получить званіе генералиссимуса, весьма рѣдко здѣсь даваемое. Не знаю только, правда ли это.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, другъ мой, что бѣдные французы и француженки такъ стремятся въ Россію—возможность внезапно обогатиться и безнаказанность мошенничества, вполнѣ объясняютъ такое стремленіе. Быстрое обогащеніе очень обыкновенно въ странахъ, не успѣвшихъ еще прочно установиться, какова Россійская Имперія, но за то и быстрое разореніе здѣсь не рѣдкость—многія семьи упали съ вершины благосостоянія до крайней бѣдности въ этомъ отношеніи. Иностранцы гораздо выгоднѣе поставлены: какъ только они наживутся, такъ и уѣдутъ. Въ Россіи они любятъ только деньги, которыя тамъ легко можно приобрести.

Сегодня у профессора Штелина репетировали знаменитый *Stabat* Перголезе, который завтра будетъ исполненъ въ музыкальномъ клубѣ, куда я получилъ билетъ. Репетиція, мой другъ, доставила мнѣ большое удовольствіе, хотя пьеса исполнена была посредственно. Я полагаю, что удовольствіе это менѣе зависѣло отъ самой пьесы—хотя она превосходна—чѣмъ отъ воспоминаній о родинѣ, куда она меня перенесла въ эту весеннюю пору, такую очаровательную во Франціи, а здѣсь почти неизвѣстную.

Среда, 3.—Къ брату.

За обѣдомъ у насъ были гости. Я сидѣлъ рядомъ съ г. д'Энвиллемъ, кото-

рый путешествуетъ для составленія кабинета естественной исторіи, по порученію принца Карла Лотарингскаго *). Это очень достойный человекъ; онъ уже три раза Ѣздилъ въ Сибирь, вплоть до Кяхты (*Tialka?*), лежащей на границѣ Россіи и Китая. Тамъ именно и производится мѣновая торговля между двумя государствами, безъ посредства серебряныхъ или золотыхъ денегъ. Европейцы не могутъ ѣхать далѣе границы и даже жены русскихъ посланниковъ остаются въ Кяхтѣ, такъ что посланникъ одинъ ѣдетъ въ Пекинъ, гдѣ можетъ жить не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Онъ долженъ составлять для себя караванъ, что даетъ ему громадныя выгоды. Все это я узналъ отъ графини Чернышовой, мужъ которой, графъ Иванъ, недавно былъ назначенъ посланникомъ въ Китай, но посольство не состоялось.

Четвергъ, 4.—Къ брату.

Пиктэ рассказалъ мнѣ объ Орловыхъ слѣдующее: старшій изъ нихъ, Григорій, былъ адъютантомъ гр. Петра Разумовскаго (дѣда Андрея), состоявшаго въ связи съ вн. Куракиной **), матерью Александра и Степана Куракиныхъ, съ которыми я знакомъ. Такъ какъ здѣсь въ обычаѣ употреблять адъютантовъ на посылки, какъ во Франціи лакеевъ, то Григорію Орлову приходилось носить любовныя записочки Разумовскаго. Орловъ былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобы ограничиться ролью повѣреннаго любовныхъ тайнъ, а Куракина была достаточно опытна, чтобы тотчасъ же открыть счастливыя особенности Орлова. Она ими и воспользовалась. Молодой адъютантъ былъ красивъ, силенъ и неутомимъ, а притомъ обладалъ настоящимъ характеромъ, который выказалъ во всемъ блескѣ послѣдствіи. Графъ Разумовскій запретилъ ему бывать у Куракиной, а Орловъ не согласился обѣщать это и былъ за то посаженъ въ

*) Гросмейстера Тевтонскаго ордена генералъ-губернатора Голландіи и основателя Брюссельской бібліотеки.

**) Это не вѣрно. Любовникомъ Куракиной былъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, братъ фаворита Императрицы Елизаветы, дѣда же гр. Андрея звали не Петромъ, а Григоріемъ.

тюрьму. Увидавъ, что и тюрьма не въ состояніи укротить строптиваго адъютанта, его послали воевать въ Германію. Тамъ онъ, въ маленькомъ городкѣ, встрѣтился съ одной принцессой, родственницей великой княгини (будущей Екатерины II), которая и содѣйствовала его возвращенію въ Россію, гдѣ онъ, черезъ нѣсколько времени, получилъ роту въ артиллеріи. Связь Орлова съ Екатериной II началась въ послѣдній годъ царствованія Елизаветы. Орловъ жилъ противъ дворца и видѣлъ въ окно великую княгиню, брошенную мужемъ и работавшую въ одиночествѣ. Онъ нарочно по цѣлымъ днямъ сидѣлъ дома, чтобы смотрѣть на Екатерину. Она, наконецъ, это замѣтила, такъ же, какъ то, что Орловъ былъ молодъ и красивъ. Скоро, при помощи нѣкоего лакея Шкурна *), прежде бывшаго истопникомъ во дворцѣ, и горничной великой княгини, Екатерины Ивановны, между молодыми людьми завязалась интрига. Орловъ тогда же поклялся своей возлюбленной, что возведетъ ее на престоль, и сталъ набирать себѣ сторонниковъ.

Разсказъ о сверженіи Петра III я пропускаю. Подробности передамъ тебѣ когда-нибудь послѣ. Извѣстно, однакоже, навѣрное, что убили его одни Орловы, а Императрица расплакалась, когда Григорій сообщилъ ей о смерти мужа. Она этого не приказывала. Возвращаюсь къ Григорію Орлову. Пользуясь интимностью Екатерины, онъ готовъ былъ потребовать себѣ и соотвѣствующихъ правъ. Бывшій канцлеръ Бестужевъ, сосланный Петромъ III и возвращенный Екатериною, доказывалъ ему, что женщина не можетъ обладать авторитетомъ, достаточнымъ для управленія Россіей. Самой Императрицѣ онъ совѣтовалъ вступить въ бракъ, причѣмъ прибавляя, что не знаетъ челоуѣка болѣе способнаго къ роли принца, супруга, чѣмъ гр. Орловъ (онъ тогда сдѣланъ былъ графомъ). Бестужевъ настоялъ на томъ, чтобы сенатъ предложилъ Императрицѣ выбрать себѣ супруга, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ былъ русскій по происхожденію. Бракъ

Григорія Орлова съ Императрицей былъ рѣшенъ, и Орлову выхлопотали дипломъ князя священной римской имперіи. Передъ бракомъ его собирались произвести въ фельдмаршалы. Между тѣмъ у Орлова были враги, къ числу которыхъ принадлежали: гр. Панинъ, канцлеръ Воронцовъ и гр. Захаръ Чернышовъ. Ихъ было предположено выслать въ имѣнія, для чего приготовили уже кареты, и Пиктэ долженъ былъ конвоировать Захара Чернышова. Въ одиннадцать часовъ вечера всѣ высылаемые собрались во дворецъ. Императрица, очень возбужденная, большими шагами ходила по своему кабинету, разговаривая съ кн. Орловымъ, который стоялъ опершись на каминь. Черезъ два часа, кареты приказано отложить, Императрица ушла къ себѣ, а Орловъ къ себѣ, сказавъ Пиктэ—«Что вы думаете о Екатеринѣ второй?»—Пиктэ отвѣтилъ ему стихомъ:

«Elle flotte, elle hésite, en un mot elle est femme *)»

Ну, а что ты, милый другъ, скажешь объ этой революціи. Орловъ долженъ былъ сдѣлаться супругомъ одной изъ величайшихъ монархинь Европы; будучи первымъ подданнымъ, онъ все-таки пользовался бы властью. Дворъ его былъ уже устроенъ по примѣру императорскаго: назначены пажи, камергеры и проч. Все предвѣщало ему великую будущность... и вдругъ, одинъ разговоръ съ Воронцовымъ—съ этимъ слабымъ и безхарактернымъ Воронцовымъ—опрокидываетъ всѣ проекты. Женщины всегда такъ! Смѣлая, быстро понимающія, одаренная богатымъ воображеніемъ, онъ... становятся жертвами этого воображенія, дѣлающаго ихъ нерѣшительными въ минуту дѣйствія.

Пиктэ оказалъ, между прочимъ, большую услугу Россіи. Дѣло шло о привилегіяхъ дворянства, о которыхъ Императрица собиралась издать указъ. Для этой цѣли она создала комиссію, секретаремъ которой былъ назначенъ Тепловъ (Григорій Николаевичъ, статсъ-секретарь). А такъ какъ члены комиссіи мало смыслили въ дѣлахъ, то Тепловъ представилъ имъ на разсмотрѣніе весьма

*) Шкуринъ потомъ былъ камергеромъ двора Императрицы (?) и ему были поручены заботы о Бобринскомъ, сынѣ Екатерины и Орлова.

*) Она сомѣвается, колеблется, однимъ словомъ она — женщина.

соблазнительный проект, по которому дворянство въ Россіи получило бы такой же вѣсъ, какой оно имѣетъ въ Польшѣ (*dans le resultat aurait été le gouvernement de Pologne*). Сама Императрица соблазнилась и указъ уже почти былъ готовъ. Между тѣмъ она дала его на просмотръ Григорію Орлову, а тотъ поручилъ Пиктѣ. Надо замѣтить, что онъ самъ уже создавалъ опасность проекта и потому, подкрѣпленный въ своемъ мнѣніи запиской Пиктѣ, показалъ эту записку Императрицѣ и скоро успѣлъ ее отклонить отъ подписанія указа, причѣмъ Екатерина поручила ему убѣдить и другихъ членовъ комиссіи. Орловъ дѣятельно принялся за исполненіе порученія и одинъ разъ они съ Пиктѣ дѣлюю ночью проспорили объ указѣ съ Панинымъ и фельдмаршаломъ Разумовскимъ, причѣмъ выяснилось, что Орловъ не отступитъ.

Пиктѣ, между прочимъ, рассказывалъ о тиранніи губернаторовъ въ провинціяхъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, казанскій, влюбившись въ какую-то армянку, силой похитилъ ее у мужа, которому запретилъ выѣзжать изъ города. Вскорѣ послѣ этого, губернатору пришлось ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ. Пользуясь его отсутствіемъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и армянинъ, съ цѣлью подать жалобу на губернатора. Но послѣдній его предупредилъ, и когда несчастный купецъ явился къ генераль-прокурору, то ему было внушено сидѣть смирно, если онъ дорожить жизнью.

Помнишь ли ты Вомаля *) французъ, который былъ секретаремъ Дюплэ **) (*Dupleix*), и привезъ извѣстіе о взятіи Пондишери? Этотъ господинъ, изъ очень хорошей фамиліи, былъ монахомъ, потомъ разстригся, уѣхалъ въ Индію, затѣмъ вернулся во Францію, откуда, будучи узнавъ, бѣжалъ въ Италію и, проживъ все свое состояніе, пріѣхалъ въ Россію, былъ секретаремъ Потемкина, который ему не платилъ, бросилъ Потемкина и теперь состоитъ при оберъ-шталмейстерѣ.

*) Вомаля де-Фажъ, учитель Потемкина, приставленный къ нему Екатериной, и оставшійся при немъ въ качествѣ секретаря.

**) Губернаторъ французскихъ колоній въ Индіи.

Во время послѣдней войны, весь успѣхъ на морѣ былъ приписанъ Алексѣю Орлову, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Россія имъ обязана Эльфинстону, англійскому моряку, состоявшему адмираломъ въ русскомъ флотѣ, человѣку энергичному и талантливому. Онъ сжегъ турецкій флотъ при Чесмѣ и хотѣлъ идти къ Константинополю, но ему помѣшали *). Вотъ въ это-то время онъ разжаловалъ въ лейтенанты одного капитана, отказавшагося исполнить его приказаніе. Этотъ справедливый, но строгій поступокъ, а главное успѣхи и заслуги Эльфинстона возбудили противъ него зависть. Онъ былъ посланъ въ Италію, чтобы дождаться тамъ русскаго флота и обмануть турокъ. Узнавъ, что въ Петербургѣ подъ него подкапываются и бранятъ даже въ газетахъ, онъ тотчасъ же ѣдетъ въ Россію и проситъ суда надъ собой, а такъ какъ ему въ этомъ отказали, то подаетъ въ отставку и въ тотъ же день надѣваетъ мундиръ англійскаго капитана. Получивъ отставку не въ достаточно почетной формѣ, онъ отсылаетъ ее обратно и добивается такой, какой хотѣлъ. Получивъ въ это же время приглашеніе на обѣдъ отъ Ивана Чернышова, который вредилъ ему, чѣмъ могъ, Эльфинстонъ разорвалъ приглашеніе и отдалъ клочки адъютанту, прося его передать графу, что онъ къ такимъ людямъ обѣдать не ходитъ. Говорятъ даже, что отвѣтъ былъ письменный. Эта исторія напоминаетъ мнѣ, что Перро могъ бы посвятить меня въ подробности устройства морского дѣла въ Россіи. Постараюсь также разузнать и о сухопутной арміи. Что касается милиціи (рекрутскихъ наборовъ?), то я уже знаю, что тамъ идетъ ужасное воровство: каждый солдатъ стоитъ своей деревнѣ не менѣе двухсотъ рублей, въ среднемъ.

Оканчиваю это объемистое письмо новостью, которую только что узналъ: говорятъ, что для Франціи куплено здѣсь четыреста тысячъ пудовъ пеньки за 600000 рублей. На этой покупкѣ Рэмберъ, говорятъ, нажилъ тысячу двадцать.

*) Помѣшали именно Алексѣй Орловъ и адмиралъ Спиридовъ. Но Эльфинстонъ успѣлъ форсировать Дарданеллы и одинъ изъ его кораблей бросилъ даже якорь передъ Константинополемъ.

Пятница, 5.—Къ брату.

Сегодня во дворцѣ выходъ по случаю кавалергардскаго праздника. Императрица въ мундирѣ полка обѣдала съ офицерами и тосты сопровождались пушечной пальбой; что многихъ обмануло, такъ какъ ждали разрѣшенія отъ бремени великой княгини, которое тоже должно быть возвѣщено пушечнымъ салютомъ. Я въ это время обѣдалъ у Нелединской и тоже былъ обманутъ, хотя только что вернулся изъ дворца, гдѣ видѣлъ всю церемонію.

Суббота, 6.—Къ женѣ брата.

Пишу вамъ, дорогая сестра, подъ впечатлѣніемъ дня, проведеннаго съ одной изъ самыхъ милыхъ дѣвицъ въ Петербургѣ, съ княжной Трубецкой, которая такъ на васъ похожа, что я, въ ея присутствіи, постоянно васъ вспоминаю. Мы съ Комсомъ провели у нея время такъ пріятно, какъ только можно проводить его въ избранномъ обществѣ. Г-жа Нелединская много мнѣ объ ней поразсказала; этой бѣдной дѣвушкѣ пришлось испытать горе, живя съ развратникомъ отцомъ, который заставлялъ ее обѣдать съ своими любовницами, отказывалъ ей въ необходимомъ и прожилъ состояніе матери, которую она имѣла несчастье потерять въ дѣтствѣ. Скромность и благородство поведенія этой молодой дѣвушки дѣлають ее еще болѣе интересной и достойной уваженія, но въ данномъ случаѣ возбуждаемый ею интересъ можетъ стать очень опаснымъ, такъ какъ она чрезвычайно мила. Мнѣ кажется, что я ей нравлюсь, дорогая сестра; надъ ней даже шутятъ по этому поводу, но Нелединская обѣщала мнѣ замазать ротъ гр. Матюшкиной, которая особенно этимъ отличается, потому что ревнуетъ Трубецкую и завидуетъ.

Воскресенье, 7.—Къ ней же.

Вы помните, что я вамъ писалъ вчера, дорогая сестра; вы увидите теперь, что я не ошибался. Пріѣзжаю сегодня во дворецъ, встрѣчаю тамъ гр. Матюшкину, которая мнѣ публично дѣлаеть сцену за то, что я будто бы сказалъ Нелединской,

что желалъ бы ужинать у нея, вмѣстѣ съ Трубецкою, вмѣсто того, чтобы ужинать у Голицыныхъ, вмѣстѣ съ Матюшкиной; что она видѣла письмо, въ которомъ я называю Трубецкую Лапинькой *); и въ концѣ концовъ она мнѣ заявила, что терпѣть меня не можетъ. Я конечно только посмѣялся надъ этимъ, но мнѣ все же было непріятно, дорогая сестра, публичное упоминаніе о Лапинькѣ, въ которую я будто бы влюбленъ. Нелединская говоритъ, что гр. Матюшкина не любитъ кн. Трубецкую за то, что она хороша и мила; всякое ухаживанье за Лапинькой сердить ее. Я надѣюсь, однакожь, что все уладится. Я боюсь только сплетень—мы вѣдь здѣсь живемъ какъ въ провинціальномъ городкѣ.

Вамъ извѣстно, дорогая сестра, о моихъ отношеніяхъ къ Шарлоттѣ. Вы знаете, какъ я люблю ее за нѣжность и искренность. Но Шарлотта немножко ревнива, она думаетъ, что я ухаживаю за всеми русскими красавицами, и въ особенности опасается г-жи Спиридовой, молоденькой и хорошенькой женщины. Эта г-жа Спиридова задумала дать спектакль и приглашаетъ меня въ свою труппу. Шарлотта, которая тоже приглашена, еще не рѣшилась окончательно, и такъ какъ я ей играть не совѣтую, заподозрила меня въ желаніи нѣчто скрыть отъ нея. Это создало между вами легкую размолвку; Шарлотта заявила, что недовольна мною и желала бы, чтобы я самъ отгадалъ причину ея недовольства. Въ концѣ концовъ она призналась во всемъ. Я постарался ее разубѣдить, давъ слово, что не буду играть безъ нея. Всѣ эти маленькія глупости смѣшавъ меня такъ же, какъ и васъ вѣроятно. Пріятно примѣшивать къ любви немножко ревности, она льститъ и заинтересовываетъ. Шарлотта часто доставляетъ мнѣ это удовольствіе; она считаетъ меня влюбленнымъ и въ гр. Матюшкину, и въ Лапиньку, и во многихъ другихъ! Я былъ бы очень огорченъ, если бы это оттолкнуло ее отъ меня, но маленькая тревога только доказываетъ большую любовь и питаетъ ее. Не правда ли вы съ этимъ согласны, дорогая

(*Интимное прозвище Трубецкой.

сестра? Вы смѣтеесь! Но вѣдь это тоже отвѣтъ. Прощайте.

Понедѣльникъ, 8.—Къ брату.

Утромъ въ субботу я осматривалъ ковровую мануфактуру. Во главѣ ея стоитъ нѣкто Брессанъ, итальянецъ. Я съ нимъ говорилъ, и узналъ, что на его фабрикѣ работаютъ 200 человекъ. Я должно быть не все видѣлъ, но былъ въ двухъ огромныхъ мастерскихъ, по двадцати оконъ въ длину и въ два свѣта. Работа распредѣлена въ большемъ порядкѣ и мастеря можетъ однимъ взглядомъ окинуть всю комнату. Мнѣ показывали образчики ковровъ, которые мнѣ не показались особенно красивыми: узоры плохи, какъ по рисунку, такъ и по цвѣтамъ; въ тому же ковры очень дороги. Постараюсь изучить дѣло въ подробностяхъ. Брессанъ не особенно хорошій мастеръ, мнѣ кажется; знанія его весьма ограничены, но онъ за то ловокъ, много болтаетъ и беззаастѣнливо льститъ, а такими средствами здѣсь всего можно достигнуть.

Многіе меня спрашиваютъ о мѣховой торговлѣ въ Россіи. Думаютъ, что мѣха должны быть здѣсь дешевле, и очень ошибаются. Они, правда, гораздо лучше, чѣмъ въ Парижѣ, но выдѣлка здѣсь плохая. Это мнѣ дало мысль собрать точныя свѣдѣнія о цѣнахъ на соболя и горностаи разныхъ сортовъ. Рэмберъ сообщил слѣдующія:

«Соболя (*Martes Zibelines*), отъ десяти до ста рублей за пару; куница (*Martes Communes*) — отъ 90 коп. до 9 рублей за пару; связка въ 40 горностаевыхъ шкурахъ — отъ 8 до 16 рублей».

Надо послать эту записку въ Копенгагенъ, Кальяру, который передастъ и г-жѣ де-Буажеленъ *).

Вторникъ, 9.—Къ брату.

Сегодня мы получили огромную депешу, мой другъ; дѣло идетъ опять о несчастной Польшѣ, которую разныя партіи разрываютъ на части. Великій гетманъ Браницкій желалъ бы противо-

*) Женѣ французскаго посланника при герцогѣ Пармскомъ.

дѣствовать учрежденію Постояннаго Собранія, которое, по его словамъ, должно вызвать множество споровъ и затрудненій. Не знаю, зачѣмъ сюда ѣдетъ принцъ Генрихъ Прусскій *). Мнѣ кажется, что его прибитія не особенно желаютъ. Нѣкоторые думаютъ, что онъ хочетъ получить Курляндію, подъ тѣмъ предлогомъ, что Прусскій король въ качествѣ гротмейстера Тевтонскаго ордена имѣетъ на нее права. Желаютъ, чтобы онъ удовольствовался Данцигомъ, и ждуть, что изъ всего этого выйдетъ. Принцъ Генрихъ везетъ Потемкину ленту Чернаго Орла **), а Потемкинъ на дняхъ еще ходатайствовалъ, черезъ Нолькена, о вышемъ шведскомъ орденѣ. Не думаю, чтобы ему отказали, разъ у него есть уже датская и прусская ленты. Я даже думаю, что для шведовъ было бы опасно отказать ему въ настоящую минуту, когда отношенія между дворами и безъ того натянуты. Отказу здѣсь пожалуй бы обрадовались, какъ поводу къ разрыву, а это, по моему, не желательно.

Я сообщилъ де-Верженну нѣсколько моихъ сообщеній о Россіи. По моему, между нравами Москвы и Петербурга существуетъ большая разница; въ первомъ изъ этихъ городовъ рѣзче выраженъ національный характеръ, а въ Петербургѣ такъ много иностранцевъ, что коренные жители менѣе держатся своеобразія въ образѣ жизни. Я ихъ нахожу болѣе пустыми и поверхностными, потому что они болѣе гоняются за новостями. Но въ сущности и они обладаютъ хитростью, себялюбіемъ и рабьей ловкостью, помогающими имъ вознаграждать себя за лишенія скорѣе инстинктивнымъ, чѣмъ разумнымъ путемъ. Я въ то же время замѣтилъ — и мое замѣчаніе разсмѣшило маркиза — что женщины здѣсь развитѣе мужчинъ, менѣе слѣпы, менѣе предубѣждены въ пользу своей родины, которую онѣ вовсе не предпочитаютъ чужимъ странамъ. Я думаю, что у нихъ вообще больше такта, больше деликатности и это замѣчаніе относится

*) Видимымъ, хотя и неожиданнымъ результатомъ его поѣздки была женитьба В. К. Павла на принцессѣ Вюртембергской.

***) По словамъ м. де-Жюппье, Потемкинъ, получивъ отставку отъ фавора, просилъ у Императрицы корону Курляндіи, въ обладаніи польской.

Выше я говорилъ, что Прусскій король претендуетъ на Курляндію въ качествѣ гротмейстера Тевтонскаго ордена. Гротмейстеръ то, собственно, принцъ Карлъ Лотарингскій, но король, владѣющій, по Петербургскому договору, Оливскимъ аббатствомъ, которое прежде принадлежало ордену вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями Курляндіи, претендуетъ на то, чтобы эти части вновь были присоединены къ аббатству.

Прежде чѣмъ уйти, я поднялся къ маркизу; мы съ нимъ говорили о Польшѣ, такъ какъ идеи Браницкаго кажутся мнѣ не совсѣмъ ясными. Маркизь сообщилъ мнѣ, что король Франціи посылалъ эскадру въ Балтійское море, но что англичане, подъ рукою, стараются помѣшать его проектамъ. Кромѣ того, маркизь объяснилъ мнѣ разницу между торговыми правами Франціи и Испаніи въ этой странѣ: первая платитъ 16 рублей съ бочки вина, а послѣдняя — 4.

Среда, 10.—Къ брату.

Сегодня я имѣлъ новой разговоръ съ Пиктэ. Онъ мнѣ разсказалъ свою исторію. Пиктэ—женевецъ, онъ уѣхалъ изъ Женевы, проживъ въ ней 30 лѣтъ безъ восьми дней, почему и лишился права вступить въ Совѣтъ Ста, для чего нужно ровно 30 лѣтъ. Будучи въ Парижѣ, онъ взялся сопроводить одного русскаго — забылъ его имя — въ путешествіи, въ теченіе трехъ лѣтъ. Съѣхаться они уговорились въ Вѣнѣ. Но тамъ русскій получилъ отъ своего правительства приказаніе занять должность секретаря при посольствѣ, во главѣ котораго стоялъ гр. Иванъ Чернышовъ. Пиктэ тогда предложено было остаться первымъ секретаремъ *), на что онъ и согласился. Въ это то время онъ познакомился съ кн. Орловымъ, взявшимъ его съ собою въ Россію. Тутъ онъ встрѣтился съ negociантомъ Маньяномъ, женился на его сестрѣ и сдѣлался его компаньономъ по торговлѣ, вмѣстѣ съ нѣкимъ Демарэ. Этотъ Демарэ предложилъ имъ аферу съ шелковыми тканями, но Пиктэ отказалъ, рассчитывая вести торговлю табакомъ, на которую Маньянъ имѣлъ привиле-

нію. Демарэ уѣхалъ въ Парижъ и увлекъ своими проектами тамошнюю фирму Маньяна — брата, которая снабдила его двумястами тысячъ франковъ на покупку тканей. Провезя эти ткани контрабандой, Демарэ явился въ Петербургъ, гдѣ петербургскій Маньянъ долженъ былъ принять участіе въ сбытѣ контрабанднаго товара, причѣмъ Пиктэ, безъ всякой для себя выгоды, помогаль ему сбывать этотъ товаръ двору. Къ несчастію, таможенное мошенничество было открыто и Демарэ попалъ въ тюрьму. На допросѣ онъ признался, что поддѣлывалъ печать Императрицы ради безплатнаго ввоза своихъ товаровъ, а такъ какъ Пиктэ былъ близокъ ко двору, то подозрѣніе пало и на него, хотя онъ виноватъ и не былъ.

Вотъ исторія несчастій Пиктэ. Изъ всего своего состоянія, онъ успѣлъ сохранить только 544 ливра ренты. Теперь желанія его ограничиваются увеличеніемъ этой ренты до полныхъ ста пистолей, чего ему будетъ вполне достаточно. Тогда онъ намѣренъ вернуться во Францію и поискать тамъ мѣсто секретаря при провинціалномъ интендантѣ или какомъ-нибудь другомъ должностномъ лицѣ. Я обѣщаль заинтересовать его судьбой де-Верженна, а онъ, въ свою очередь, обѣщаль дать мнѣ, какія пожелаю, объясненія насчетъ этой страны (Россіи). Мы будемъ прилежно и систематично работать надъ этимъ.

Четвергъ, 11.—Къ брату.

Сегодня, во Франціи, четвергъ Святой недѣли, другъ мой, а здѣсь только четвергъ Страстной. При дворѣ состоялась большая церемонія, которою всѣ здѣсь восхищаются, но въ которой я не нахожу ничего особеннаго. Въ срединѣ придворной церкви (очень хоршенькой) была устроена эстрада, дюймовъ въ 8 вышиною, покрытая ковромъ. На этой эстрадѣ поставили по шести стульевъ съ каждой стороны, а въ срединѣ, противъ алтаря, одно кресло. На креслѣ помѣстился епископъ или архіепископъ, а на стульяхъ—священники, представлявшіе 12 апостоловъ, тогда какъ епископъ игралъ роль Иисуса Христа. Начали читать Евангеліе, причѣмъ епископъ раздѣвается, беретъ тазъ, салфетку, и начинаеть исполнять

*) Вѣроятно личнымъ (Прим. перев.).

на дѣлѣ то, что, по словамъ Евангелія, дѣлалъ Иисусъ Христосъ, то-есть, моетъ ноги священниковъ, вытираетъ ихъ и, въ заключеніе, цѣлуетъ. Эта послѣдняя церемонія заставила меня уйти. Въ общемъ, греческая церковь демонстративнѣе католической; поютъ у нихъ гораздо лучше. Но, увы, мой другъ! есть вещи, изъ которыхъ даже лучшія ничего не стоятъ.

Съ субботы, 13, до вторника, 16.—
Къ брату.

Наканунѣ Пасхи, мой другъ, здѣсь повторяется та же церемонія, что и наканунѣ Рождества—служать обѣдню въ полночь. Императрица слушаетъ эту обѣдню въ придворной церкви. Всѣ въ парадныхъ мундирахъ; женщины богато разодѣты. Но нужно простоять не менѣе двухъ или трехъ часовъ на ногахъ, и это обстоятельство помѣшало мнѣ удовлетворить свое любопытство. Послѣ обѣдни можно цѣловать всѣхъ женщинъ, говоря имъ: «Christos was Christ». Въ этотъ день Императрица цѣлуетъ со всѣми часовыми, встрѣчающимися на пути.

Потомъ всѣ ужинаютъ, какъ подѣ Рождество; а утромъ всѣ дѣлаютъ другъ другу визиты, какъ на Новый годъ. Въ простомъ народѣ всѣ цѣлуются, мѣняясь яйцами, и наши мужики не забыли принести намъ яицъ, чтобы получить на водку. Порядочные люди также мѣняются яйцами, картинками и проч.

Принцъ Генрихъ Прусскій пріѣхалъ сюда въ субботу вечеромъ. До понедѣльника онъ не явится ко двору, а потому сегодня всѣ были у него. Онъ остановился во дворцѣ Воронцова, на Невскомъ. Этотъ принцъ пользуется репутаціей справедливаго, гуманнаго, умнаго и воинственнаго челоуѣка. Онъ принималъ всѣхъ очень вѣжливо и съ большимъ достоинствомъ. Онъ малъ ростомъ, одѣтъ въ статское платье прусскаго фасона, взглядъ его производитъ непріятное впечатлѣніе (ужасно косъ), но психическія его достоинства заставляютъ забывать о физическихъ недостаткахъ.

Сегодня, во вторникъ, обычный куртажъ при дворѣ, но народу было больше, чѣмъ обыкновенно. Вообще, говорятъ,

самымъ блестящимъ баломъ на Цасхѣ бываетъ третій.

Среда, 17.—Къ брату.

Принцъ Генрихъ привезъ съ собой большую свиту, и между прочимъ г-дѣ Врейхъ (Vreich), которые мнѣ, какъ и всѣмъ, очень нравятся. Это, мнѣ кажется, дѣлаетъ имъ честь. Я съ ними ужиналъ у Бемеръ, гдѣ гр. Вахмейстеръ говорилъ мнѣ о своемъ проектѣ перейти на французскую службу. Я очень боюсь за его сестру, бѣдную Пушкину, у которой, послѣ операции, ракъ груди опять возобновился.

Послѣ обѣда у гр. Андрея, мы съ Комбсомъ отправились смотрѣть альбомъ Фальконэ. Есть прекрасные рисунки; особенно де-Бушэ и его сына, которые работаютъ съ большимъ вкусомъ.

Фреронъ*), стало быть, умеръ. Бѣднякъ давно, говорятъ, страдалъ подагрой и умеръ внезапно, получивъ извѣстіе о запрещеніи его газеты. Это запрещеніе было слѣдствіемъ его неаккуратности въ уплатѣ пенсій изъ доходовъ съ газеты. Правда ли, что его сынъ, съ помощью двухъ бывшихъ иезуитовъ, работавшихъ вмѣстѣ съ Фрерономъ, вновь получилъ право издавать газету?**) Желая имъ продолжать съ тѣмъ же успехомъ, какимъ пользовался покойный.

Четвергъ, 18.—Къ брату.

Опять, мой другъ, имѣлъ разговоръ съ Пиктэ. Я ему передалъ списокъ вопросовъ, которые тиетно задавалъ Дидро; онъ обѣщалъ отвѣтить. Онъ мнѣ далъ уже двѣ записки по этимъ вопросамъ, и разсчитываетъ давать по двѣ каждую недѣлю, причемъ мы будемъ ихъ сообща обсуждать, чтобы не забыть чего-либо, относящагося къ дѣлу.

Я его спросилъ объ одномъ балѣ, на который онъ сопровождалъ Императрицу; оказалось, что это былъ балъ у Ивана Чернышова, въ годъ коронаціи. Чернышова тогда подозрѣвали въ участіи въ

* Бывшій иезуитъ, сдѣлавшійся журналистомъ и литературнымъ критикомъ, въ качествѣ какового прилепъ на себя гилье Вольтера.

**) Дѣйствительно издавалъ «l'Année litteraire», а впоследствии членомъ конвента.

какомъ-нибудь революціонномъ заговорѣ, и императрица остерегалась его, но не желая показать боязни, явилась къ нему на званый маскарадъ въ сопровожденіи вооруженной свиты, скрывавшей оружіе подъ маскарадными костюмами. Пикетъ былъ въ этой свитѣ и ея величество собственноручно кормила его конфетами. Онъ состоялъ тогда въ связи съ гр. Брюсь, большимъ другомъ императрицы и ровесницей ея, старшей всего на нѣсколько мѣсяцевъ, чему трудно повѣрить.

Послѣ обѣда былъ у кн. Трубецкой, которая попрежнему очень любезна. Вечеромъ былъ у кн. Куракина, гдѣ и поужиналъ очень весело, въ холостой компаніи. Былъ тамъ гр. Шереметьевъ, поразсказавшій мнѣ о Порталіѣ нѣчто такое, что заставляетъ меня относиться подозрительно къ этому молодому человѣку. Я разсказалъ бы тебѣ все сейчасъ же, но хочу прежде собрать свѣдѣнія, а потомъ уже передать тебѣ всю исторію моихъ сношеній съ этимъ французомъ.

Пятница, 19.—Къ брату.

Не знаю, мой другъ, производятъ ли твердость и мудрость нашего правительства такое же впечатлѣніе во Франціи, какъ за границей. Сомнѣваюсь въ этомъ, на основаніи того, что ты мнѣ сообщилъ, а также въ виду всегдашняго недовольства людей тѣмъ, что они имѣютъ. Кромѣ того, во Франціи есть столько людей, интересы которыхъ противоположны настоящей системѣ, что козни противъ нея нисколько не удивительны. Но здѣсь всѣ относятся сочувственно къ французской націи. Англичанъ это не радуетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ они вообразили, что мы намѣрены позаботиться о развитіи нашей торговли. Два торговыхъ судна (*Gabares*), которые должны придти сюда, подъ начальствомъ лейтенантовъ, заставляютъ ихъ бояться какъ бы наши суда не повадились ходить въ Балтійское море. Возникъ вопросъ о регулированіи пріема этимъ двумъ судамъ въ здѣшнемъ портѣ. Знаменитая эскадра въ 25 кораблей, долженствующая идти отсюда въ Данію, сведена теперь къ 20-ти судамъ и, по словамъ Маркиза, будетъ заниматься только эволюціями, хотя снабжена провіантомъ, по обыкно-

венію, на шесть мѣсяцевъ. Секретарю Прусскаго посольства говорили даже, что послано будетъ всего десять кораблей, и что гр. Иванъ Чернышовъ, который ими командуетъ, намѣренъ идти въ Парижъ. Кстати, по поводу морского дѣла, говорятъ, что кн. Репнину его миссія не удалась. Онъ долженъ былъ добиться отъ турокъ права свободного прохода черезъ Босфоръ какъ для иностранныхъ торговыхъ судовъ, идущихъ въ Россію, такъ и для русскихъ; ему отказали.

Ужиналъ сегодня у Бемеровъ. Шарлотта была нѣжна и грустна; мои къ ней отношенія оттолкнули отъ меня Нормандца, что мнѣ очень жаль. Онъ жалуется на мое поведеніе по отношенію къ нему; хотѣлось бы поправить дѣло, если возможно. Вижу, что онъ теперь сходитъ съ Пюнсегюромъ.

Императрица подарила принцу Генриху пудъ ревеня. Ты знаешь, мой другъ, что это наилучшій ремень въ Европѣ, и что онъ представляетъ собою, для Россіи, значительную отрасль торговли.

Суббота, 20.—Къ брату.

Я, кажется, говорилъ тебѣ, мой другъ, о визитѣ, который я недавно сдѣлалъ кн. Трубецкой. Мы говорили о романѣ Руссо: *Юлія*, который я предложилъ ей прочесть. Сначала она не хотѣла, но потомъ, по совѣту Комбса, который меня поддержалъ, согласилась. На другой день я воспользовался одной оказіей, чтобъ послать ей первый томъ *Новой Элоизы*, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, изящно нѣжнымъ такъ же, какъ книга, которую оно сопровождало. Представь себѣ, мой другъ, каковъ былъ отвѣтъ: письмо къ Комбсу, въ которомъ книжна распространяется обь опасности для нея читать подобныя книги, и о томъ, что несмотря на это она, по его совѣту, прочтетъ ихъ, но боится какъ бы не проникнуться гибельнымъ энтузіазмомъ, которымъ онѣ проникнуты. Она приписываетъ нѣсколько строчекъ и ко мнѣ лично, прося Комбса прислать мнѣ ея письмо, что онъ въ точности и исполнилъ, оставляя за собой право на отвѣтъ. Комбсъ думаетъ, что это съ ея стороны маленькое кокетство, чтобы завлечь меня.

Былъ у жены голландскаго резидента

и встрѣтился тамъ съ Нормандцемъ. Онъ говоритъ, что Потемкинъ находится въ критическомъ положеніи, исхода котораго всѣ ждутъ. Пиктэ, съ которымъ мы тоже встрѣтились у президента, рекомендовалъ мнѣ врача, открывшаго секретъ лечить бѣшеныхъ животныхъ, и желающаго быть представленнымъ Маркизу, чтобы открыть ему этотъ секретъ для Франціи. Имя врача—фонъ-Венгель (*Woengel*). Затѣмъ я былъ у г-жи Пушкиной, здоровье которой поправляется. У нея встрѣтилъ вице-канцлера; говорили о налогахъ (*impositions*) въ Голландіи и Англии; Пушкинъ, состоящій русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, увѣряетъ, что въ Англии налоги равняются 32%, а въ Голландіи — 43%.

Воскресенье, 21.—Къ брату.

Говорятъ, что принцъ Генрихъ строитъ козни (*cabale*). Маркизь предупредилъ меня, что онъ старается отдалить гр. Андрея отъ великаго князя. Я говорилъ объ этомъ гр. Андрею такъ же, какъ и о томъ, что его упрекаютъ за манеру вести себя. Онъ далъ мнѣ прекрасный отвѣтъ — разумный, благородный и философскій, прибавивъ, что не любитъ интригъ, не отвѣтитъ на сплетни и будетъ жить покойно, не увлекаясь самолюбіемъ. Я съ нимъ спорилъ, говоря, что не желать оправдываться въ глазахъ Великаго Князя, который такъ молодъ, что его могутъ обманывать, было бы слишкомъ высокоумно. Онъ очень хорошо принялъ мои доводы и даже, кажется, былъ убѣжденъ ими.

Понедѣльникъ, 22.—Къ брату.

Фаворъ Потемкина кончается. Уже въ Москвѣ случилось что-то такое, что его пошатнуло, а здѣсь кризисъ возобновился съ новой силою. Орловы, и въ особенности князь, опять начинаютъ пользоваться довѣріемъ. Я тебѣ писалъ о болѣзни кн. Орлова и о подозрѣніяхъ, которыя были ею вызваны. Еще вчера мнѣ опять объ этомъ говорили; утверждаютъ, что кн. Григорій былъ отравленъ на ужинѣ у оберъ-штаймейстера Нарышкина. Этотъ Нарышкинъ принадлежитъ къ древнему роду, но человекъ онъ безхарактерный, придворный по призванію и по низости душевной. Императрица и

весь дворъ называютъ его дуракомъ *). Это одинъ изъ тѣхъ людей, про которыхъ не говорятъ ничего дурного, потому, что и хорошаго о нихъ сказать нечего.

Обѣдалъ у кн. Голициною, вмѣстѣ съ гр. Матышкиной; она очень шутила надъ моею склонностью къ княжнѣ Лапильнѣ, и совѣтовала ей этого не показывать, такъ какъ она кокетка и любитъ командовать, а потому, чтобы обуздать ее, нужно стараться быть съ нею похолоднѣе. Говоря это, графиня смотрѣла мнѣ въ глаза, желая узнать что я думаю. Я предоставилъ ей думать, что влюбленъ въ Лапильну. Затѣмъ я спросилъ какую страсть испытала она три года тому назадъ, какъ когда то говорила мнѣ; она отвѣчала, что была влюблена въ одного поляка, который теперь женатъ. Потомъ стала увѣрять, что не любитъ Кошелева и никогда его не любила, и что говорить это вовсе не съ досады. Она только что была у Нелединской, которая передала ей нашъ послѣдній разговоръ и прочла одно изъ моихъ писемъ. Мнѣ нравится, мой другъ, кружить головы этимъ дамамъ, которыя все-таки очень милы и забавны.

Вторникъ, 23.—Къ брату.

О родахъ Великой Княгини ничего еще не слышать. Говорятъ, что это запозданіе задерживаетъ окончательное паденіе Потемкина. Гр. Брюль увѣренъ, что императрица поручила кн. Орлову увѣдомить Потемкина, что онъ можетъ ѣхать въ свою губернію. Всѣ этому будутъ рады; высокоуміе его всѣмъ надобно, тѣмъ болѣе, что онъ не стѣснялся даже съ Императрицей. На Пасхѣ, между ними произошла очень грязная сцена, благодаря тому, что она отказала ему въ томъ, чего онъ просилъ. Теперь Орловъ опять въ фаворѣ у Екатерины II, которая смотритъ на него какъ на настоящаго друга; но онъ не хочетъ больше играть другой роли, а такъ какъ Императрицѣ нуженъ любовникъ, то таковымъ будетъ Завадовскій. Говорятъ, онъ

*) *Dourack*, по-русски, значить глупый человекъ. Это у русскихъ страшно обидное слово, болѣе обидное, чѣмъ ударъ палкой.

не пользуется влияніемъ; возможно ли это, однако, для человѣка, котораго любить?

Я говорилъ съ гр. Брюлемъ о Разумовскомъ. Его попрежнему упрекаютъ по поводу отношеній къ Великому Князю, отъ котораго Панинъ отдалилъ всѣхъ благоразумныхъ людей, приближенныхъ къ нему Разумовскимъ; такихъ, напри- мѣръ, какъ Эппинъ (*Eppin*?) (человѣкъ очень умный, но льстецъ, какъ я слышалъ), Николаи и Ля-Фермьеръ *). Последній, говорятъ, человѣкъ очень знающій, но по внѣшности это—педантъ, и мнѣ онъ не нравится. Затѣмъ гр. Андрея обвиняютъ въ томъ, что онъ приблизилъ къ великому князю нѣкоего Дюфура, который прежде былъ лакеемъ, а теперь сталъ секретаремъ, къ которому Его Высочество очень благоволяетъ, что даетъ ему возможность смѣяться надъ всѣми, какъ увѣряетъ гр. Брюль. Потомъ мнѣ сообщили, что этотъ Дюфуръ былъ помощенъ самимъ Панинымъ, четырнадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и что причиною благоволенія къ нему является искренняя преданность къ Великому Князю и внимательный уходъ за нимъ во время его болѣзни. Изъ этого я заключаю, что нельзя всему вѣрять, что говорятъ.

Кажется я писалъ тебѣ, мой другъ, о русскомъ посланникѣ въ Англию; Пушкинъ говоритъ о переводѣ его въ Швецію, откуда отзываютъ Симолина. Это, повидимому, должно благопріятствовать миру. Пушкинъ—человѣкъ прямодушный, толковый и простой. По манерамъ онъ напоминаетъ де-Верженна, и я считалъ бы его честнымъ и откровеннымъ человѣкомъ, если бы не зналъ, что онъ—русскій.

Среда, 24. Къ брату.

Сегодня утромъ Пиктэ рассказала мнѣ исторію Рэмбера и Бильо. Рэмберъ родомъ изъ Ліона и основался въ Россіи ради торговли, которая приноситъ ему большія выгоды, благодаря комиссіонерству, которымъ онъ давно уже занима-

*) Въ качествѣ чтеца Ля-Фермьеръ былъ кромѣ того бібліотекаремъ; онъ же устраивалъ спектакли и имѣлъ большое влияние на великаго князя.

ется. Бильо, его сожительница и сотрудница, родомъ изъ Бургони. Она была замужемъ за Бильо, лавочникомъ, торговлю котораго расширила, благодаря энергіи, и теперь ее не покидающей. Но она обладала и еще однимъ достоинствомъ—была хороша какъ день, такъ что одинъ изъ приказчиковъ мужа, нѣкій Муаньяръ страстно въ нее влюбился. Она тоже, какъ водится, нашла его болѣе достойнымъ любви, чѣмъ мужъ. Но у любовника скоро явились соперники, и въ томъ числѣ мѣстный Кюрэ, который однакожь не понравился, за что и рѣшился мстить. Въ качествѣ священника, онъ принялъ сторону мужа, и возбудилъ процессъ за скандальное поведеніе жены. Любовники бѣжали въ Женеву. Пиктэ, служившій въ тамошней полиціи, познакомился съ ними по этому случаю, говорилъ объ ихъ дѣлѣ съ Вольтеромъ и успѣлъ какимъ то образомъ временно примирить м-мъ Бильо съ мужемъ. Но связь ея съ Муаньяромъ не прекратилась, и въ одно прекрасное утро любовники бѣжали въ Вѣну. Тамъ они завели торговлишку, повидимому не совсѣмъ чистую съ точки зрѣнія общественной нравственности, такъ какъ императрица-мать, не любившая, чтобы сбивали съ толку ея дамъ и дѣвицы, приказала имъ выѣхать за границу государства. Бильо распродала свои товары и уѣхала въ Россію. Здѣсь она встрѣтилась съ Рэмберомъ, который въ нее влюбился; они вмѣстѣ съѣздили въ Парижъ и вернулись въ Петербургъ съ товаромъ. Бильо, подъ именемъ М-мъ Муаньяръ, стала помогать Рэмберу, ввязалась въ интриги высокопоставленныхъ людей и начала играть крупную роль. Между тѣмъ Муаньяръ, имя котораго она носила, не замедлялъ отыскать ее спустя нѣсколько времени, но нашелъ, что она совершенно измѣнилась и занять мѣсто въ ея сердцѣ уже не могъ. Черезъ годъ она его сплвила куда то, заплативъ десять или пятнадцать тысячъ рублей, а сама продолжала жить съ Рэмберомъ до смерти своего мужа. Тогда она опять переименовала себя въ м-мъ Бильо и выписала дѣтей, которыхъ стала воспитывать. Это—умная женщина и съ характеромъ, а къ дурному ея тону можно привыкнуть. Не знаю, почему она не любила Пюисегюра, надѣюсь, что она будетъ мнѣ здѣсь очень полезна.

Четвергъ, 25.—Къ брату.

Забылъ тебѣ сказать, другъ мой, что, по словамъ Пиктэ, для Франціи и для Россіи было бы выгодно, ради экспортной торговли завести коммерческія конторы въ Парижѣ и Лионѣ. Русскіе купцы не были бы обманываемы комиссіонерами, съ которыми имѣють дѣло, а французскіе избѣгли бы опасности нести большія потери отъ банкротствъ. Говорятъ, что за текущее столѣтіе они потеряли такимъ образомъ двадцать пять милліоновъ ливровъ.

Я узналъ, что мои сношенія съ Пиктэ обратили на себя вниманіе кого слѣдуетъ и что объ нихъ говорятъ. Не знаю какъ быть, но своего поведенія не измѣню; этотъ человекъ можетъ быть мнѣ очень полезенъ. Кромѣ того я знаю, что виконтъ де-Лявонъ прибѣгалъ къ нему во многихъ случаяхъ; также буду дѣлать и я. Я про силъ его доставить мнѣ списокъ здѣшнихъ негодянковъ съ ихъ характеристикой; онъ общался.

Кстати, по поводу торговли, здѣсь говорятъ, что Лями хлопочетъ передъ Панинымъ о преимуществахъ для испанцевъ. Онъ хочетъ, во-первыхъ, чтобы торговля дѣла велась коммерческой компаніей, а не обыкновенными судами и чтобы испанцы получили такія же права что и англичане, которые платятъ пошлину рублями, а не рейхсталерами, что дастъ имъ полтора процента выгоды. Если Испанія добьется этого права, то и мы должны хлопотать о томъ же.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ тебѣ, или къ матушкѣ, я говорилъ о беременности Великой Княгини. Уже съ мѣсяць начали говорить о предстоящихъ родахъ, но боли начались только въ прошлую субботу. На другой день Императрица не показывалась, такъ какъ была у Великой Княгини. Съ часу на часъ всё ждали салюта, такъ какъ здѣсь въ обычаѣ давать 300 пушечныхъ выстрѣловъ при рожденіи принца, и полтора часа при рожденіи принцессы. Но ни на другой, ни на третій день ничего не было. Начали беспокоиться, потому что вторникъ—послѣдній срокъ. Въ этотъ день я встрѣтилъ принца Генриха (у Ивана Чернышова),

который сказалъ что по словамъ Императрицы беспокоиться нечего, что ребенокъ лежитъ правильно и проч. Еще черезъ день, то есть въ среду, я обѣдалъ у кн. Щербатова, гдѣ мнѣ сказали что ребенокъ мертвъ, но Великая Княгиня еще не разрѣшилась, очень страдаетъ и за нее сильно боятся. Боюсь, мой другъ, какъ бы она не умерла, да и всё здѣсь ждутъ того же. Вотъ завтра увидимъ.

Нева сегодня вскрылась, но изъ пушекъ не стрѣляли въ виду болѣзни великой княгини. Здѣсь принято стрѣлять съ крѣпости во время переѣзда коменданта съ докладомъ къ Императрицѣ, которая вознаграждаетъ его за это личной суммой.

Пятница, 26.—Къ брату.

Не даромъ боялись за Великую Княгиню, мой другъ. Эта несчастная принцесса умерла сегодня не могши родить. Она сдѣлалась жертвой невѣжества этой націи и, если вѣрить слухамъ, даже варварства, которое весьма возможно въ странѣ, въ которой ужасы очень обыкновенны.

Около великой княгини не было никого кромѣ плохой бабки изъ Страссбурга, которая жила здѣсь всего 18 мѣсяцевъ и никакой практики не имѣла. Говорятъ ее рекомендовалъ Крузе (Krouse), врачъ великаго князя. Этотъ племянникъ знаменитаго Боэргавы не любитъ своего дѣла, а занимается больше фабриками и проч. Онъ только теоретикъ, изучившій сочиненія своего дяди. Акушерка, съ его согласія, позвала хирурга только въ понедѣльникъ. Хирургъ, нѣкій Тоди, предложилъ наложить шипцы, что вѣроятно и слѣдовало сдѣлать тотчасъ же, хотя еще наканунѣ смѣялись надъ другимъ врачомъ, говорившимъ что положеніе великой княгини ненормально. Между тѣмъ, несмотря на эти предупрежденія, протолковали объ операціи до четырехъ часовъ среды, когда ее и начали. Тотъ же Тоди безъ всякаго толка работалъ кто говорить—4 часа, а кто—8. Великая Княгиня наконецъ попросила оставить ее въ покоѣ, какъ какъ была совершенно измучена. Ее перенесли на кровать, а окружавшія лица ушли тоже совершенно выбившимся изъ силъ. Я забылъ тебѣ ска-

*) Внослѣдствіи графъ Монморанси.

зять что еще раньше Императрица упрекала бабу, говоря что она отвѣтитъ за послѣдствія. Въ ту же ночь, съ среды на четвергъ, былъ позванъ Моро, который просидѣлъ во дворцѣ шесть часовъ сряду, не выдавъ больной, а только слушая рассказы о ея положеніи. Наконецъ онъ разсердился и сказалъ, что обо всемъ этомъ думаетъ. Тутъ Императрица заявила, что надо выслушать мнѣніе Сената если за успѣхъ не ручаются. Наконецъ позвали архіепископа Платона, который явился исповѣдовать больную подъ тѣмъ предлогомъ что таковъ обычай. Но Великую Княгиню это не обмануло; она сказала что сама этого желаетъ, такъ какъ давно уже чувствуетъ что должна умереть и не говорила объ этомъ потому, что не хотѣла никого беспокоить. Исполнивъ всѣ религіозныя обязанности, она захотѣла со всѣми проститься, подавая каждому руку для цѣлованія, по-русскому обычаю. Эту трогательную и печальную сцену она провела со всею возможной твердостью, и каждому что-нибудь сказала. Кн. Куракину, напримеръ, она сказала: «Если вы хотите, князь, передать что-нибудь вашей покойной тетускѣ, такъ я за это берусь, мы съ ней скоро увидимся». Затѣмъ она долго, наединѣ, говорила съ Императрицей о Россіи, о дворѣ, о ней самой, прибавивъ что обо всемъ этомъ можно свободно говорить только на краю могилы. Съ мужемъ она также долго говорила наединѣ, но раньше публично просила его поскорѣе забыть объ ней и вновь жениться, такъ какъ это необходимо для блага Имперіи и народа. Говорятъ даже, что она указала ему невѣсту. Эта просьба и эти совѣты, высказанные безъ всякихъ grimасъ и ходульности, всѣхъ растрогали до слезъ—говорятъ, всѣ кругомъ рыдали. Наконецъ, утромъ въ пятницу, принцъ Генрихъ прислалъ ей своего врача, съ которымъ она говорила о Берлинѣ, какъ будто и больна не была. Новый докторъ тоже ничѣмъ помочь не могъ, такъ какъ было уже поздно, а къ кесарскому сѣченію приступать не хотѣли, потому что Императрица требовала, чтобы отвѣчали за жизнь больной. Между тѣмъ началась гангрена. Великая княгиня встала, однакожь, съ кровати, сѣла на кушетку и выпила чашку кофе. Врачу, состоявшему

при ней, она сказала что къ вечеру умретъ, такъ какъ ребенокъ не вышелъ. Затѣмъ она вновь легла на постель и отъ времени до времени разговаривала о разныхъ пустякахъ, въ родѣ того, напримеръ, что рѣка разошлась и что очень приятно кататься на лодкѣ. Въ комнатѣ стоялъ отвратительный запахъ, что помѣшало Великому Князю оставаться въ ней. Великая княгиня часто спрашивала объ немъ передъ смертью, такъ же какъ объ Императрицѣ, которой велѣла передать собственноручно написанный списокъ лицъ, особенно ею рекомендуемыхъ ея величеству. До самой смерти при ней оставались только горничная, нѣмка, вывезенная ею изъ Дармштадта, и Дюфуръ, камердинеръ великаго князя. Умерла она, по словамъ Андрея Разумовскаго, въ пять часовъ безъ восемнадцати минутъ. Я былъ у него въ шесть часовъ, когда онъ лежалъ уже въ кровати. Камердинеръ сказалъ что онъ спитъ, но меня все-таки впустилъ. Какъ только гр. Андрей меня увидѣлъ, такъ зарыдалъ, причемъ и я не могъ удержаться отъ слезъ. «Ахъ, какой ужасъ, какой ужасъ!—воскликнулъ онъ.— Вы не знаете, мой другъ, кого мы потеряли». Я попробовалъ его утѣшить и онъ продолжалъ: «Какую твердость, какую доброту она проявила! Она сама всѣхъ утѣшала, и такъ какъ я всегда имѣлъ честь пользоваться ея вниманіемъ, то мнѣ послѣднему она сказала: «Мы съ вами увидимся когда-нибудь, мы созданы для того чтобы увидаться». Затѣмъ онъ опять сталъ плакать, и такъ какъ въ это время вошла его сестра, то ей уступилъ свое мѣсто. Черезъ часъ я опять къ нему заѣхалъ, но г-жа Загряжская увезла его къ себѣ, такъ что я просилъ только передать ему отъ меня нюхательную соль.

Вотъ печальная исторія, мой другъ, и я горюю вмѣстѣ со всѣми. Великому Князю пускали кровь; онъ съ матерью уѣхалъ въ Царское Село. За ними поѣхали Потемкинъ и графиня Брюсъ—въ экипажѣ, а князь Орловъ—верхомъ. Увѣряютъ, что Потемкинъ, наванунѣ печальнаго происшествія, когда всѣ плакали, игралъ въ вистъ и проигралъ 3000 рублей. Да и вообще горе въ этой странѣ непродолжительно. А я, мой другъ, я долго сохраню въ душѣ своей память объ этой не-

счастной принцессѣ и о сожалѣніи, которое она успѣла всѣмъ внушить.

Суббота, 27.—Къ брату.

Сегодня я послалъ узнать о здоровьѣ гр. Андрея Разумовскаго. Мнѣ отвѣчали, что онъ еще плохо себя чувствуетъ, а какъ поправится такъ уѣдетъ въ Царское Село. Такой неопредѣленный отвѣтъ заставилъ меня самого отправиться навѣстить больного, но я уже засталъ его уѣзжающимъ, чему очень былъ радъ. Бильо, къ которой я потомъ заѣхалъ, сообщила мнѣ, что сестра гр. Андрея, Загряжская, распорядилась пустить ему вровъ и что потому-то онъ уѣхалъ въ Царское Село только сегодня, а не вчера. Между тѣмъ враги могутъ воспользоваться этимъ временемъ для того чтобы очернить его въ глазахъ Великаго Князя. Ужъ и теперь говорятъ, что гр. Андрей потому такъ убивается, что покойная Великая Княгиня была съ нимъ въ связи. Говорятъ даже, что Императрица предупреждала объ этомъ великаго князя еще въ Москвѣ. Въ виду такихъ сплетенъ, я несколько не удивлюсь если Разумовскаго успѣютъ отдалить отъ двора, тѣмъ болѣе что и принцу Генриху приписываютъ такое намѣреніе*). Кончина Великой Княгини можетъ ускорить его выполнение, такъ какъ принципъ все это время не отходить отъ Великаго Князя; и теперь онъ въ Царскомъ Селѣ. Между нами говоря, мой другъ, я знаю, что Великая Княгиня предпочитала гр. Андрея весьма многимъ; думаю даже, что между ними существовала живая и нѣжная дружба; это вполне естественно, такъ какъ оба они были молоды и достойны любви. Но только такой злой и развратный дворъ можетъ подозревать въ такихъ отношеніяхъ что-либо грязное.

Я узналъ отъ Бильо, что Загряжская далеко не такъ сильно любитъ брата, какъ старается показать. Она его полюбила только съ тѣхъ поръ какъ онъ попалъ въ милость. Да и теперь, несмотря на политику, она иногда старается во всемъ ему противорѣчить и очень не любитъ, чтобы онъ бывалъ у насъ. Моя дружба

*) Что очень вѣроятно, въ виду пристрастія гр. Андрея къ французамъ.

съ гр. Андреемъ ей тоже конечно не нравится, но я смѣюсь надъ этимъ.

Сегодня обѣдалъ съ Моро, сыномъ парижскаго Моро, который въ Hôtel-Dieu. Онъ очень опытный хирургъ. Онъ не хотѣлъ присутствовать при вскрытіи тѣла Великой Княгини, потому что еще раньше откровенно высказалъ свое мнѣніе придворнымъ врачамъ и хирургамъ, которые рѣшили, что она родить не можетъ и не должна имѣть дѣтей, въ виду недостатковъ своего тѣлосложенія. Моро даже не пригласили на вскрытіе; приходили пробовать почву, но онъ держалъ себя очень холодно, и хорошо сдѣлалъ. Мнѣ онъ сказалъ, что пошлетъ отчетъ во Францію и что считаетъ придворныхъ врачей ослами. Великую княгиню, по его мнѣнію, можно было спасти. Да и въ самомъ дѣлѣ, мой другъ, удивительно какъ это не приняли мѣръ заранее, даже для великой княгини! Она была слишкомъ достойна любви и слишкомъ любима, а это, въ Россіи, большой порокъ, особенно для лицъ, стоящихъ на такомъ мѣстѣ. Народъ очень раздраженъ, онъ плачетъ и ропщетъ. Вчера и сегодня, въ лавкахъ говорили: «Вотъ молодыя женщины умираютъ, а старыя бабы живы!» Къ кн. Орлову приходила толпа крестьянъ спрашивать, правда ли что Великая Княгиня умерла, и когда имъ сказали что правда, то они горько заплакали. Они хоть и рабы, а любятъ своихъ монарховъ, тогда какъ въ Англии народъ свободенъ, а королей ненавидитъ. Французы же и не рабы и монарха своего обожаетъ, что же это за чувство такое?

Сегодня вечеромъ, у Бемеровъ я видѣлъ врача Принца Генриха, который былъ приглашенъ Императрицей на вскрытіе тѣла покойной Великой Княгини. Онъ говоритъ то же, что и придворные врачи, но сообщилъ мнѣ, что ребенокъ былъ мужскаго пола и очень великъ: двадцати трехъ дюймовъ въ длину и восьми въ ширину.

Воскресенье, 28.—Къ брату.

Я былъ во многихъ домахъ, мой другъ, вездѣ говорятъ объ одномъ и томъ же. Разговоръ вертится на судьбѣ несчастной принцессы. Но горе здѣсь не бываетъ ни глубокимъ, ни прочнымъ, имъ

просто развлекаются, какъ и всякими другими ощущеніями. И горе, и радость—здѣсь все только развлекаетъ на нѣсколько минутъ, ничто глубоко не задѣваетъ. Среди соболѣзнованій вдругъ берутъ альманахъ, чтобы прискаты новую невѣсту для Великаго Князя. Правда, что это необходимо, но горе, казалось бы, должно заставить забыть о политикѣ. Я долженъ однакожь отдать справедливость нѣкоторымъ лицамъ, которыя, по душѣ, какъ будто бы и не принадлежать къ числу русскихъ. Такимъ лицомъ является, напримѣръ, Нелединская, которая захворала отъ огорченія. Я ее сегодня видѣлъ и мы говорили исключительно о покойной, вспомнили всѣ случаи, въ которыхъ намъ приходилось съ ней разговаривать, вспомнили ея доброту и благородство. Я никогда не забуду, что три раза ужиналъ съ несчастной принцессой, два раза—у нея, и одинъ—у Ивана Чернышова, гдѣ я игралъ комедію. Какъ она была ко мнѣ добра и сколько любезностей наговорила по этому поводу! Нелединскую она особенно любила и допускала ее въ свой интимный кружокъ, въ которомъ та имѣла возможность любоваться на взаимную любовь велико княжеской четы. И вотъ такой-то почтенный и трогательный союзъ хотѣли разрушить сплетнями, но онъ выдержалъ и былъ разрушенъ только неумолимой смертью! Нелединская—внучка той Лапушкиной (Lapouchkin), которая, при Елизаветѣ, была публично высѣчена кнутомъ за нескромное выраженіе. Она была молода и красива; однажды, при выходѣ ея изъ театра подъ руку съ влюбленнымъ въ нее австрійскимъ посломъ, кто-то шепнулъ ей на ухо, что Императрица можетъ быть этимъ недовольна. «Почему же она не позволить мнѣ имѣть одного любовника, когда у самой были тысячи?»—громко отвѣтила Лапушкина. Эта фраза ее и погубила *).

Маленькая княжна Трубецкая въ отчаяніи. Правда, она потерпѣла больше, чѣмъ кто-нибудь другой, потому что лишилась друга и покровительницы, такъ

*) Правда, что она, въ то же время, была замѣшана въ заговорѣ маркиза Ботты, который пытался свергнуть Елизавету и воцарить Юанна.

что теперь отецъ можетъ безвозвратно угнетать ее и заставлять обѣдать съ своими мерзавками (coquines). Великая Княгиня, очень ею интересовавшаяся, часто приглашала ее на свои интимные вечера; теперь этого уже не будетъ.

Ты знаешь, мой другъ, что люди къ самымъ простымъ происшествіямъ всегда примѣшиваютъ что-нибудь чудесное. Простой народъ говоритъ, что Великая Княгиня умерла, потому что за нее не молились и пригласили къ ней иностранныхъ врачей. Въ русскомъ народѣ вообще распространено мнѣніе, что при родахъ непременно должна помогать русская женщина, а иностранцевъ онъ не любитъ. Такая ненависть къ иностранцамъ очень невыгодна для Принца Генриха; въ народѣ говорятъ, что онъ, въ первый свой пріѣздъ (1781 г.) завезъ чуму въ Москву, а во второй—былъ причиною смерти Великой Княгини. Но чудеса этимъ еще не кончаются: мой аббатъ Паскини предсказалъ ея смерть съ помощью каббалы; онъ же угадалъ, что Великая Княгиня должна произвести на свѣтъ принца.

Понедѣльникъ, 29.—Къ брату.

Ужиналъ у фельдмаршала Голицина, гдѣ видѣлъ гр. Матюшкину, находящуюся въ меланхолическомъ настроеніи; она уже не любитъ болѣе Кошелева, да и никого любить не хочетъ. Намъ было очень весело, и никто не предвидѣлъ, что имперія скоро потеряетъ всѣми любимую принцессу. Говорятъ, что она вспомнила передъ смертью о гр. Чернышовой и о гр. Шуваловой, которыя обѣ беременны, и велѣла имъ кланяться. Первую изъ нихъ я видѣлъ, она, видимо, искренно огорчена и сказала мнѣ, что у большинства горе скоро пройдетъ. Полагаю, что она не ошибается, такъ какъ хорошо знаетъ свою родину.

Вторникъ, 30.—Къ брату.

Мои подозрѣнія относительно судьбы Андрея Разумовскаго оказались вполне основательными; по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется. Вчера мы съ Комсомъ его встрѣтили. Онъ вернулся изъ Цар-

скаго и смотреть совѣмъ убитымъ. Отправился было я къ нему, но не засталъ дома, тогда попробовалъ написать и сегодня вечеромъ получилъ отвѣтъ: онъ желаетъ меня видѣть. Но меня очень беспокоятъ слова гр. Брюля. Говорятъ, будто бы Великій Князь подозрѣвалъ любовь своей жены къ гр. Андрею и дней пятнадцать тому назадъ сказалъ кн. Голицину: «Надѣюсь, что эта глупость пройдетъ; подожду, что будетъ дальше». Передъ смертью, говорятъ, она во всемъ призналась мужу, который, даже въ эту торжественную минуту не переставалъ записывать свои разговоры съ женою. У ея гроба онъ, говорятъ, былъ необыкновенно сдержанъ. Замѣтили, что кн. Гагаринъ остался въ Царскомъ Селѣ, а графъ Андрей вернулся въ городъ. Принцъ Генрихъ не покидаетъ Великаго Князя и кажется подтверждаетъ мои подозрѣнія относительно козней противъ Разумовскаго. Не знаю, мой другъ, правду ли говорить Брюль, но онъ увѣряетъ, что Великій Князь признался многимъ лицамъ, и въ томъ числѣ женѣ фельдмаршала Румянцова. Меня удивляетъ такое поведеніе со стороны покойной Великой Княгини, которая была умной женщиной, а что касается Великаго Князя, то это доказываетъ лишь то, въ чемъ я никогда не сомнѣвался, то есть, что онъ человѣкъ безхарактерный.

Графу Брюлю предложили остаться здѣсь, сохраняя за собой такое же положеніе, каковъ онъ имѣлъ на родинѣ. Я думаю, что Великій Князь подаль ему даже какія-то особенныя надежды. Онъ, конечно, не могъ поступить лучше какъ привязавъ къ своей особѣ такого честнаго человѣка, какъ Брюль, но одной честности недостаточно для того, чтобы съ выгодой для Великаго Князя пользоваться его интимнымъ довѣріемъ.

Среда, 1 мая.—Къ брату.

Сегодня утромъ былъ у меня г. Брюль, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ гр. Андрею, котораго застали въ угнетенномъ настроеніи. При Брюлѣ, мы не могли свободно разговаривать; гр. Андрей сказалъ мнѣ только, что оставаясь въ Петербургѣ, за невозможностью ѣздить

въ Царское Село, онъ устранился отъ большого свѣта; что сестра настоятельно предлагаетъ поселиться у нея, и что онъ принялъ это предложеніе, съ условіемъ, чтобы быть свободнымъ, и чтобы его никто не беспокоилъ; наконецъ, что онъ радъ будетъ меня видѣть, и что мы будемъ гулять вмѣстѣ. «Мнѣ очень приятно будетъ потолковать съ вами»,—прибавилъ онъ по уходѣ Брюля. Назначивъ другъ другу свиданіе на завтра, мы разошлись, причемъ онъ просилъ никому не говорить, что мы видимся частнымъ образомъ. Я тебѣ дамъ отчетъ о результатѣ нашихъ разговоровъ.

Пятница, 3.—Къ брату.

Я тебѣ еще не говорилъ, мой другъ, о нашей вчерашней прогулкѣ съ гр. Андреемъ Разумовскимъ. Поѣхали мы въ каретѣ за городъ, а тамъ пошли бѣшкомъ. Я предложилъ ему начать объясненіе, къ которому онъ скоро и приступилъ. «Вы знаете,—спросилъ онъ», о чемъ говоритъ весь городъ?—Догадываюсь,—отвѣчалъ я, но не могу вѣрить, чтобы Великій Князь такъ внезапно отъ васъ отстранился.—Моя связь съ Великимъ Княземъ,—продолжалъ гр. Андрей,—началась уже давно. Мнѣ было тогда десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я учился въ Страсбургѣ, жилъ въ Англии *) и проч., но по возвращеніи нашелъ его попрежнему ко мнѣ расположеннымъ и расположеніе это продолжало расти съ тѣхъ поръ. Смерть Великой Княгини, которую я такъ жалѣю, которую я имѣю основаніе жалѣть, потому что горе мое законно—измѣнила мои отношенія къ Великому Князю; нашлись люди, которые сумѣли воспользоваться его растерянностью, чтобы овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ его не покидаютъ. Утромъ въ тотъ день, когда я выѣхалъ изъ Царскаго Села, мы съ нимъ видѣлись; онъ меня обнялъ, но тутъ вошла Императрица и мнѣ пришлось уѣхать въ городъ. Я вамъ, подѣ большимъ секретомъ, покажу письмо, которое я написалъ Великому Князю по приѣздѣ сюда. Салтыковъ въ первый

*) Онъ былъ въ Страсбургскомъ университетѣ, а затѣмъ служилъ въ англійскомъ флотѣ.

разъ отвѣчалъ мнѣ, что у Великаго Князя лихорадка, и онъ мнѣ писать не можетъ, а во второй просто сообщил о здоровьѣ Великаго Князя. Я теперь рѣшился; ѣду путешествовать по Франціи, по Италіи и, главнымъ образомъ по Англіи; мнѣ нужно учиться». Я постарался укрѣпить его въ этомъ намѣреніи, въ виду того, что путешествіе дастъ ему знанія, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Графъ Андрей молодъ—ему всего 24 года, будучи внукомъ пастуха, онъ не можетъ опираться на свое происхождение, а стало быть долженъ собственными заслугами сдѣлать себя необходимымъ. Великій князь слабъ, и можетъ забыть о немъ, но вѣдь можетъ же и вспомнить, такъ что будущая роль Разумовскаго въ Россіи можетъ быть гораздо важнѣе теперешней.

Обѣдалъ сегодня у гр. Брюля, который мнѣ сообщилъ, что Румянцеву подозреваютъ въ участіи въ интригѣ Великой Княгини съ Разумовскимъ и что она боится послѣдствій этого дѣла. Другіе говорятъ, что найдена переписка Великой Княгини, изъ которой все и открылось. Едва ли это, однако же, вѣрно: женщины не такъ просты.

Получилъ письмо отъ Гейкинга; лѣтомъ онъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Онъ сообщаетъ, что принцъ Генрихъ намѣренъ добиваться Курляндіи для одного изъ шведскихъ принцевъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Швеція уступила Пруссіи Померанію.

Суббота, 4.—Къ брату.

Утромъ написалъ гр. Андрею записку, которую Комбсъ передастъ черезъ Бильо. Боюсь, другъ мой, какъ бы этотъ молодой человѣкъ дѣйствительно не попалъ въ немилость. Всѣ говорятъ объ этомъ и обращаются съ вопросами ко мнѣ, и, между прочими, баронъ Нолькенъ, которому до всего есть дѣло. Онъ засыпалъ меня вопросами, но отвѣты получалъ неопредѣленные. Были мы у князя Лобковича, австрійскаго посла, пригласившаго меня къ обѣду; гр. Брюль тоже былъ тамъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что къ неприятностямъ, посыпавшимся на гр. Андрея, прибавилась еще одна:

его упрекаютъ въ продажности, говоря, что онъ бралъ деньги отъ испанскаго посла, гр. Лясси; въ эту аферу замѣшанъ будто бы и баронъ Нолькенъ, который служилъ посредникомъ при сдѣлкѣ; но я въ это не вѣрю. Рассказываютъ еще, что на почтѣ перехвачено шифрованное нисьмо Лясси къ Разумовскому, которое теперь дешифрируется. Трудно повѣрить въ эти рассказы, такъ какъ если и было что-нибудь, то Лясси слишкомъ ловокъ и опытенъ, чтобы дѣйствовать неосмотрительно.

Послѣ обѣда мы были у св. Александра Невскаго. Это—монастырь, расположенный въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города, въ концѣ Невскаго проспекта; тамъ, съ четверга, лежитъ на парадномъ катафалкѣ тѣло покойной Великой Княгини. Тамъ же, какъ говорятъ, лежало и тѣло Елизаветы. Я былъ оскорбленъ и опечаленъ бѣдностью обстановки; точно, будто бы, почести оказываются великой княгинѣ нехотя, и смерть ея не удовлетворила ненависти, возбужденной покойною въ сердцѣ кого-то, кто сильнѣй ея. Пускаютъ народъ; каждый, поднявшись на двѣ ступеньки катафалка, цѣлуетъ руку покойной и уходитъ. Офицеръ, стоящій у гроба, приглашалъ поклониться праху и насъ, но такъ какъ никто изъ посланниковъ не отозвался на приглашеніе, то и я послѣдовалъ ихъ примеру. За катафалкомъ стоятъ стулья и скамейки для придворныхъ дамъ, дежурящихъ по цѣлымъ суткамъ, такъ же какъ и камергеры. Собственная свита покойной будетъ дежурить постоянно, вплоть до похоронъ, которыя назначены на вторникъ. Изъ залы мы вышли въ капеллу, въ которой, направо, около алтаря, вырыта могила для великой княгини. Въ верхнемъ этажѣ—церковь Александра Невскаго, очень богатая серебряная гробница котораго ничѣмъ особенно не замѣчательна; она устроена по приказанію Петра I.

Выйдя изъ монастыря, мы, съ гр. Брюлемъ, отправились гулять въ Лѣтній садъ, который хорошъ только своимъ положеніемъ—по берегу Невы, въ концѣ прекрасной набережной. Есть тамъ плохія подражанія версальскимъ боскетамъ; есть плохія мраморныя статуи, съ большими издержками привезенныя изъ Италіи;

подъ каждой написано, кого она изображаетъ.

Разставшись съ Брюлемъ, я отправился къ Бемеру. Тамъ опять мнѣ говорили о гр. Андрѣ, о его паденіи и о томъ, что онъ рѣшилъ дѣлать. Повидимому, мнѣніе о Великой Княгинѣ окончательно установилось. Одни говорятъ, что эта несчастная принцесса, передъ смертью, сама созналась мужу въ любви къ гр. Разумовскому; другіе говорятъ, что все дѣло открылось черезъ Дюфура, камердинера Великаго Князя, на основаніи подозрѣній котораго, кн. Куракину поручено было рассмотреть къ средѣ бумаги повойной, между которыми нашлась переписка ея съ гр. Андреемъ, обусловившая окончательное его паденіе, такъ какъ онъ, будто бы, ужь сосланъ въ Ригу. Брюль къ этому прибавляетъ, что Ляси давалъ Разумовскому деньги, и что шифрованное письмо его перехвачено на почтѣ. Мнѣ трудно повѣрить, другъ мой, этой послѣдней новости; невѣроятно, чтобы такой умный и опытный дипломатъ, какъ гр. Ляси, довѣрился неосмотрительному молодому человѣку. Но мнѣ объ этомъ уже два раза говорили; вотъ почему и я тебѣ это вновь рассказываю.

Забылъ тебѣ сказать, что гр. Андрей прислалъ мнѣ, черезъ Комбса, письмо, въ которомъ приглашаетъ меня къ себѣ завтра, въ 8 часовъ утра. Вернувшись домой, я нашелъ другое письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что дѣла заставляютъ его рано уѣхать, и что я его уже не застану. Безпокоятъ меня слухи о ссылкѣ въ Ригу; поэтому я приказалъ разбудить меня завтра пораньше, чтобы повидаться съ гр. Андреемъ прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ.

Воскресенье, 5.—Къ брату.

Сегодня я всталъ раньше семи часовъ. Засталъ графа дома. Онъ очень былъ удивленъ, когда я заговорилъ объ Ригѣ, хотя сказалъ, что я не namного ошибаюсь, такъ какъ онъ, по приказанію Императрицы, переданному черезъ фельд-маршала Голицина, долженъ выѣхать въ Ревель, черезъ 24 часа послѣ похоронъ великой княгини. «Меня успокаивали, прибавилъ онъ, относительно послѣдствій этой ссылки, и я бы не безпо-

коился, еслибъ не зналъ здѣшнихъ обычаевъ. Просилъ, впрочемъ, позволить мнѣ ѣхать къ отцу, въ Украину, а оттуда—за границу».

Сибирь пугаетъ здѣсь всякаго, ввпашаго въ немилость, и Разумовскій, въ разговорѣ, намекнулъ мнѣ, что подозрѣваетъ кое-что, а потому, прѣхавъ въ Ревель, постарается бѣжать моремъ. Пока мы разговаривали, онъ приводилъ въ порядокъ свои бумаги, а затѣмъ мы вмѣстѣ отправились изъ дома его сестры въ его собственный. Тамъ онъ опять принялся разбирать бумаги и между прочимъ показалъ мнѣ тетрадь, писанную рукою Великой Княгини, датированную на поляхъ и озаглавленную: «Начато 11 мая 1745 г.». Это—мысли Сенеки, переписанныя несчастной принцессой нарочно для гр. Андрея. Я прочелъ кое-что, и съ удивленіемъ замѣтилъ полное отсутствіе ошибокъ въ языкѣ и орфографіи. Сказать по правдѣ, удивительно хорошо владѣютъ иностранцы нашимъ языкомъ!

Говорилъ я съ Разумовскимъ о предполагаемой перепискѣ его съ Ляси; онъ на это только разсмѣялся. Говоря о своемъ положеніи, онъ заявилъ, что нисколько не жалѣетъ о дворѣ, лишь бы ему позволили путешествовать. Не жалѣетъ онъ также ни о комъ, кромѣ Великаго Князя, и убѣжденъ, что все идетъ отъ императрицы. Затѣмъ гр. Андрей опять повторилъ, что въ понедѣльникъ утромъ, въ день отъѣзда его изъ Царскаго Села, ему помѣшали войти къ Великому Князю въ обычное время, то-есть, когда тотъ вставалъ съ постели, но когда онъ былъ наконецъ допущенъ, то Великій Князь его обнялъ и со слезами говорилъ о своей женѣ. Вскорѣ вошла Императрица, причѣмъ онъ долженъ былъ уйти, получивъ отъ Ея Величества пакетъ на имя фельд-маршала Голицина, съ словеснымъ приказаніемъ послѣднему немедленно исполнить заключающееся въ пакетѣ распоряженіе. Разумовскій, узнавъ еще въ Петербургѣ, что дѣло идетъ о его ссылкѣ, тотчасъ же написалъ письмо къ Великому Князю, которое мнѣ тутъ же и показалъ. Письмо это, въ высшей степени твердое и благородное, кажется написаннымъ скорѣе отъ друга къ другу, чѣмъ отъ подданнаго къ принцу. Въ немъ Разумовскій говоритъ, что не знаетъ, по

желанію ли Великаго Князя его удаляютъ или нѣтъ; затѣмъ вкратцѣ упоминаетъ о своей многолѣтней привязанности къ великовняжеской четѣ, и кончаетъ заявленіемъ о своемъ нежеланіи спизойти до обсужденія тайныхъ причинъ и мотивовъ немилости, которая его постигла.

Вчера онъ получилъ приказъ ѣхать въ Ревель, черезъ 24 часа послѣ похоронъ, но такъ какъ Императрица съ сыномъ вскорѣ ѣдетъ туда же, то Разумовскій думаетъ, что ему позволить отъправиться въ Украину, а оттуда — въ заграничное плаваніе. Гр. Иванъ Чернышовъ обѣщалъ увѣдомлять его обо всемъ, что будетъ происходить при дворѣ, но интересно бы было также завязать сношенія съ Великимъ Княземъ, такъ какъ Салтыковъ, можетъ быть, и не передалъ ему вышеупомянутаго письма. Объ этомъ Салтыковъ хорошаго не говорятъ, да и, кромѣ того, онъ — придворный до мозга костей. Разставаясь съ Разумовскимъ, я обѣщалъ писать ему, и сдержу свое обѣщаніе; да мы, можетъ быть, еще и увидимся передъ отъѣздомъ. Не знаю, замѣшана ли жена Румянцева въ это дѣло, но говорятъ, что она теперь очень весела и покойна; это сильно удивляетъ нашихъ сплетниковъ.

Маркизь, съ которымъ я имѣлъ разговоръ передъ уходомъ изъ дома, говоритъ, что гр. Иванъ увѣдомилъ его о встрѣчѣ, какая будетъ сдѣлана нашимъ двумъ судамъ. Салатовать имъ будутъ крѣпость и сторожевой фрегатъ, а таможенный осмотръ произойдетъ на борту. Отвѣтъ этотъ — официальный, и идетъ отъ вице-канцлера, Остермана, который, повидимому, входитъ въ милость. Гр. Брюлю совѣтуютъ представить ему мемуаръ, написанный мною для Императрицы и поданный Потемкину, который не далъ никакого отвѣта. Гр. Брюля увѣряли, что такимъ путемъ мемуаръ навѣрно попадетъ въ руки Императрицы и доставитъ ей удовольствіе.

Панинъ все хвораетъ; у него, говорятъ, водянка яичка, и нужно сдѣлать маленькій проколъ. Онъ очень скрываетъ свою болѣзнь. Не знаю, въ какой степени онъ пользуется расположеніемъ императрицы, но положеніе его прочно, если судить по тому, что кн. Куракинъ — его племянникъ, и кн. Гагаринъ — его

родственникъ, все время остаются въ Царскомъ Селѣ, при Великомъ Князѣ. Они, правда, не видятся съ его высочествомъ, но онъ все время проводитъ съ Императрицей и принцемъ Генрихомъ.

Завадовскій попрежнему состоитъ при Императрицѣ, такъ же какъ Потемкинъ; но царству послѣдняго пришелъ конецъ, хотя онъ и старается скрыть это. Военнымъ министромъ, по слухамъ, будетъ назначенъ гр. Алексій Орловъ. Князь — его братъ — въ величайшей милости. Идемъ крупныхъ новостей.

Мнѣ такъ много нужно было передать тебѣ, мой другъ, серьезныхъ вещей, что ужъ не остается больше времени для разговора о моихъ личныхъ дѣлахъ. Я не пишу тебѣ о Шарлоттѣ вовсе не по забывчивости или равнодушію. Нѣтъ, мой другъ, я ее люблю больше, чѣмъ когда-либо. Почти всѣ вечера я провожу съ нею, и только въ ея обществѣ пользуюсь прелестями жизни, если можно называть жизнью пребываніе среди разодѣтыхъ дикарей, прикрывающихъ нашими модами и обычаями природную жестокость своего характера. Среди нихъ можно жить только забывая про нихъ, только стараясь обманываться на ихъ счетъ.

Понедѣльникъ, 6. — Къ брату.

Каждый день, мой другъ, совершаются новыя гадости. Сегодня утромъ я сидѣлъ и писалъ, какъ вдругъ приходитъ Комбсъ и говоритъ, что Лормуа, конюшій Великаго Князя, получилъ отставку, подъ предлогомъ какихъ-то преобразованій. Съ нимъ, впрочемъ, хорошо обошлись и обѣщали подарокъ отъ его высочества. Но онъ требуетъ возвращенія пятнадцати или шестнадцати тысячъ рублей, которыя ему должны. Лормуа собирается уѣхать; то, чему онъ былъ свидѣтелемъ, не внушило ему желанія остаться, и какъ только онъ пріѣдетъ во Францію, такъ разрѣшитъ себя отъ молчанія, которое хранилъ здѣсь. Но и тутъ онъ уже говоритъ достаточно сильныя вещи, напримѣръ: великій князь не только слабохарактеренъ, а совсѣмъ лишенъ характера; онъ грубъ и жестокъ по натурѣ, а доброта его есть лишь результатъ трусости. Онъ ненавидитъ свою мать, которая его пре-

зирает и считает недостойнымъ занимать то мѣсто, къ которому онъ назначенъ. Да и происхождение его не таково, какъ думаютъ. Отецъ его не Петръ III, а Салтыковъ *). Это обстоятельство, въ связи съ возвращеніемъ Орловыхъ, заставляетъ думать, что Екатерина II намѣрена оставить престолъ кому-нибудь изъ своихъ незаконныхъ дѣтей. Вотъ, въ кадетскомъ корпусѣ, у Рибаса, есть, напримѣръ, маленький Бобринскій, которому теперь 12—13 лѣтъ, и Рибасу дали понять, что это не простой ребенокъ, а съ большимъ будущимъ. Онъ — сынъ Императрицы, отъ Орлова. Прежде чѣмъ Лормуа уѣдетъ, я съ нимъ поговорю.

Заѣзжалъ на минутку гр. Брюль. Онъ говоритъ, что принцъ Генрихъ подарилъ, на-дняхъ, Потемкину свой портретъ, осыпанный брилліантами. Очевидно, онъ желаетъ поддержать Потемкина, въ ущербъ Орловымъ, которые не любятъ пруссаковъ. Орловъ, почти увѣренный въ своемъ фаворитѣ, пренебрегаетъ настоящимъ фаворитомъ и преслѣдуетъ его злыми эпиграммами.

Сдѣлавъ, вмѣстѣ съ маркизомъ, нѣсколько визитовъ, я ужиналъ у Бемеровъ, и видѣлъ тамъ барона Нолькена, который говоритъ, что гр. Андрей Разумовскій будетъ командовать черноморской эскадрой въ пять кораблей. Нолькенъ смотритъ на это, какъ на милость, а я думаю, что такое порученіе, по слѣдствіямъ, къ которымъ оно поведетъ, есть не что иное, какъ только расчитанное мщеніе. Черное море пользуется дурной славою; русскіе — плохіе моряки, а сама экспедиція совсѣмъ не привлекательна, такъ какъ имѣетъ цѣли только коммерческія. Если она не удастся, то виноватымъ окажется гр. Андрей, который дорого за это заплатитъ. Какъ бы то ни было, положеніе друга моего, Разумовскаго, весьма плохо.

Вторникъ, 7.—Къ брату.

Буду продолжать отчетъ въ наблюденіяхъ, которыя я сдѣлалъ надъ этой странкою. Я положительно думаю, что, видя вокругъ себя одну только злобу, я

и самъ стану злою, если не поберегусь. Тутъ люди зубами рвутъ другъ друга, клеветаютъ другъ на друга, и у нихъ, какъ сказалъ мнѣ одинъ русскій, нѣтъ постепеннаго перехода между двумя совершенно противоположными состояніями души: отъ опьяненія удовольствіями они перескакиваютъ къ самой черной злобѣ.

Сегодня утромъ былъ я на похоронахъ Великой Княгини. Мы пріѣхали въ 9 часовъ; пришлось ждать Императрицу. Какъ только она стала на свое мѣсто, началась служба. Тѣло покойной, въ гробу, попрежнему лежитъ на катафалкѣ; гробъ покрытъ золотой съ серебромъ парчею, а надъ нимъ бѣлая и черная страусовья перья. Вмѣсто параднаго зала, въ которомъ гробъ стоялъ прежде, онъ перенесенъ теперь въ капеллу, въ которую надо спускаться на двѣ ступени. Спустившись, Императрица стала на правой сторонѣ, а фрейлины и статсъ-дамы — на лѣвой; тамъ же стояли и мы, только подалеже къ углу, около лѣстницы, ведущей въ церковь Александра Невскаго. Служба продолжалась два часа, послѣ чего епископъ Платонъ произнесъ рѣчь, заставившую плакать всѣхъ присутствующихъ, однихъ — искренно, а другихъ — изъ лицемерія. Церемонія кончилась опусканіемъ гроба въ могилу, вырытую около алтаря. Подробности этой церемоніи ужасно тяжелы, особенно для того, кто лично зналъ покойную. Вотъ въ чемъ онъ состоитъ: духовникъ читаетъ вслухъ разрѣшительную молитву и прощаетъ покойнику грѣхи, присоединя къ этому свой послѣдній поцѣлуй; затѣмъ покойника посыпаютъ солью и даютъ ему въ руки паспортъ, въ которомъ оцѣнивается его нравственность; послѣ этого нѣсколько священниковъ снимаютъ съ гроба покровъ, поливаютъ трупъ масломъ, что обозначаетъ послѣднее помазаніе, и закрываютъ его навсегда; потомъ нѣсколько свѣтскихъ людей приносятъ крышку гроба, а простой рабочій, безъ всякаго траура, начинаетъ ее привинчивать. Видъ этого послѣдняго субъекта прямо меня возмутилъ — настоящій посланникъ смерти! Во время этой печальной сцены Императрица представлялась плачущею; но я не вѣрю въ ея слезы: она слишкомъ суха для этого. Кн. Орловъ стоялъ около нея и держался очень прилично. Графъ

*) Сергій Васильевичъ.

Иванъ Чернышовъ—истый придворный—сдѣлалъ ему три глубокихъ реверанса, а Потемкину едва поклонился. Послѣдній, говорятъ, тотчасъ же ушелъ.

Обѣдалъ я у Нолькена, который потомъ поѣхалъ къ своей невѣстѣ, а я отправился на Васильевскій островъ, къ Бемерамъ. Бѣдная Зиновьева плохо себя чувствуетъ; мы съ ней говорили о гр. Андрѣ. Для того, чтобы видѣть послѣдняго, я поѣхалъ къ Нелединской, но ея не оказалось дома. Между тѣмъ въ квартирѣ гр. Разумовскаго, куда я оттуда отправился, мнѣ сказали, что онъ у Нелединской. Тогда я опять къ ней вернулся и послалъ графу записочку, но мнѣ ее вернули безъ отвѣта. Отправившись затѣмъ къ Загряжской, я узналъ, что братъ отъ нея уѣхалъ и что я остану его, можетъ быть, у Брюля. Но у Брюля я видѣлъ только барона Сакена, который сообщил мнѣ, что Разумовскому дано новое приказаніе—уѣхать черезъ шесть часовъ и что онъ уже выслалъ впередъ свои экипажи. Мы поговорили объ этомъ приказаніи, очевидно рассчитанномъ на то, чтобы надѣлать шума. Сакенъ увѣряетъ, что немилость къ Разумовскому началась уже давно, еще съ Москвы; что сближеніе его съ Потемкинымъ было причиною, оттолкнувшею отъ него Великаго Князя. Другіе говорятъ о Дюфурѣ, который на него насплетничалъ, увѣривъ всѣхъ въ существованіи связи его съ Великой Княгиней; если судить по мѣрамъ, принятымъ противъ гр. Андрея, то это толкованіе надо признать вѣроятнымъ. Можетъ быть и принцъ Генрихъ участвовалъ въ этой интригѣ; онъ поддерживаетъ Потемкина, чтобы помѣшать кредиту Орловыхъ, которые терпѣть не могутъ пруссаковъ. Онъ былъ бы радъ, конечно, купить у Потемкина Россію, которую тотъ продаетъ съ удовольствіемъ. Посмотримъ.

Сакенъ сообщил мнѣ также, что маркизъ де-Веракъ получилъ отпускъ во Францію. Ужиналъ я у саксонскаго посланника съ гр. Брюлемъ, который приѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго и предложилъ мнѣ отправиться въ Краснабакъ (*Crasnabac*?), чтобы повидаться тамъ съ Разумовскимъ, за которыми слѣдятъ и который ѣдетъ подъ конвоемъ офицера. Вернувшись домой, я нашелъ записку

отъ гр. Андрея. Онъ увѣдомляетъ, что отказался отъ удовольствія проститься со мною изъ предосторожности, не желая подвергать меня преслѣдованіямъ, что за нимъ слѣдятъ и что онъ не знаетъ, когда мы увидимся. Мнѣ дѣйствительно говорили, мой другъ, что при Елизаветѣ одинъ кавалеръ изъ шведскаго посольства при такихъ же обстоятельствахъ былъ сосланъ въ Сибирь и вернулся только въ царствованіе Петра III.

До свиданья. Все это омрачаетъ мою душу и я начинаю вздыхать по Франціи; это, впрочемъ, испытываютъ всѣ иностранцы, пріѣхавшіе сюда по дѣламъ.

Среда, 8.—Къ брату.

Дѣло гр. Андрея, мой другъ, говорятъ, будетъ имѣть послѣдствія. По словамъ однихъ—онъ останется въ Ревелѣ, по словамъ другихъ—будетъ сосланъ въ Архангельскъ, а оттуда до Сибири ужъ не такъ далеко. Говорятъ также, что кн. Куракинъ арестованъ сегодня ночью, но это мало вѣроятно.

Былъ у маленькой Нелединской, которая меня укрѣпила въ моемъ мнѣніи о Загряжской. Говорили также о сплетняхъ насчетъ Разумовскаго: въ шкатулкѣ Великой Княгини найдены будто бы его любовныя письма, въ которыхъ имѣется проектъ договора съ Великимъ Княземъ, компрометирующій и маркиза де-Жюинье *). Нелединская очень бы желала, чтобы Разумовскому позволили ѣхать путешествовать, но этому воспротивится, можетъ быть, его отецъ, несогласяющійся платить долги сына. Всѣхъ долговъ у него 20000 рублей. Онъ надѣялся заплатить ихъ изъ тѣхъ двухсотъ тысячъ, которыя Императрица обѣщала подарить Великой Княгинѣ послѣ ея родовъ. Ты помнишь, мой другъ, что еще въ Москвѣ Великій Князь собирался платить долги Разумовскаго; вотъ это когда началось. Отецъ гр. Андрея очень богатъ, однакоже, и если путешествіе будетъ зависѣть только отъ него, то я

*) Повѣдѣніи историка подтверждаютъ справедливость этихъ слуховъ. Гр. Андрей дѣйствительно былъ въ связи съ великой княгиней и дѣйствительно продался посланникамъ Франціи и Испаніи, желавшимъ разрушить согласіе между дворами Россіи, Австріи и Пруссіи.

полагаю, что оно состоится. Онъ дастъ сыну 5000 руб. въ годъ, а этого достаточно, чтобы путешествовать безъ расточительности.

Говорятъ, Дюфура прогнали; я этому не вѣрю: Не даромъ онъ служилъ шпиономъ Императрицѣ и Панину, какъ увѣрлялъ Комбса кто-то, бывший свидѣтелемъ переговоровъ по этому поводу. Тотъ же Дюфуръ, когда беременность Великой Княгини стала извѣстна, искренно или злобѣ говорилъ актеру Дюгэ: «Этотъ ребенокъ, мой другъ, не отъ Великаго Князя, а отъ гр. Андрея».

Четвергъ, 9.—Къ брату.

Я, кажется, писалъ тебѣ, мой другъ, что Лормуа, конюшій Великаго Князя, получилъ отставку. Для того, чтобы уѣхать, онъ ждетъ только уплаты 15000 руб., которыя ему должны. Обѣщали дать ему подарокъ, но еще не уплативши долга перестали выдавать жалованье. На русскихъ, мой другъ, нельзя полагаться! По словамъ Лормуа, Великій Князь безхарактеренъ, слабъ, подозрителенъ, жестокъ, несправедливъ и развратенъ отъ бездѣлья; онъ обладаетъ всѣми пороками малодушныхъ людей и не имѣетъ ни одной добродѣтели; не вѣря въ честность, онъ презираетъ всѣхъ окружающихъ и часто говорилъ Лормуа, что его придворные—негодяи. По мнѣнію Лормуа, Великій Князь не дѣлалъ исключенія и для гр. Андрея, такъ что послѣдній напрасно считалъ его своимъ другомъ. Ко всѣмъ недостаткамъ этого принца нужно прибавить еще невообразимую скудость и большую долю чванства. Прислугѣ своей онъ плохо платитъ, а постороннимъ раздаетъ; между прочимъ, велѣлъ спорить галуны съ ливрей, чтобы сдѣлать попоны.

Что касается Императрицы, то она вчера, передъ похоронами, завтракала у м-мъ Ляфонъ *) большимъ ломтемъ ветчины, а послѣ церемоніи вернулась туда же обѣдать, причѣмъ одна воспитанница пѣла ей какія-то глупости, для того, чтобы развлечь и заставить смѣяться. Эта цѣль была достигнута; Императрица ласкала пѣвицу и сказала м-мъ Ляфонъ:

«Люблю эту дѣвочку, потому что она похожа на меня: плачетъ и смѣется одновременно». Хитрая она женщина, кромѣ того, и чувствуетъ свое превосходство надъ Великимъ Княземъ, который ее ненавидитъ. Боятся этой ненависти она не можетъ, потому что онъ слабъ, малодушенъ, извѣденъ золотухой и геморроемъ, вообще недолговѣченъ... А кромѣ того, все дворянство его презираетъ. Лормуа сообщилъ мнѣ, что, кромѣ маленькаго Бобринскаго, Императрица воспитываетъ по-великовняжески еще одного своего незаконнаго сына, которому теперь 10—11 лѣтъ. Я спросилъ, откуда онъ знаетъ все это, но онъ отвѣчалъ, что не можетъ говорить здѣсь, а вотъ когда повидается съ де-Верженномъ, то пришлетъ на мое имя письмо. Я не сталъ настаивать, но буду очень радъ узнать отъ него подробности. Онъ, кажется, хорошо изучилъ Великаго Князя и думаетъ, что гр. Андрей жестоко въ немъ ошибся. Этотъ принцъ принадлежитъ къ числу людей, которые никого любить не могутъ. Имѣя въ виду, что Лормуа весьма много болтаетъ, несмотря на то, что отказался говорить, я спросилъ его о Салтыковыхъ, состоящихъ при Великомъ Князѣ. «Ни мужъ, ни жена ничего не стоить»,—отвѣчалъ онъ мнѣ:—«гофмейстеръ—человѣкъ низкій, а жена его—злая женщина». Онъ же сообщилъ мнѣ о судьбѣ акушерки, состоявшей при великой княгинѣ: она куда-то исчезла и Лормуа увѣренъ, что она, вмѣстѣ съ Крузо, преднамѣренно погубила покойную, сдѣлавшуюся жертвой ревности и страха. Великая Княгиня слишкомъ воодушевляла и подкрѣпляла своего мужа, а Императрицѣ этого не требуется... Не думаю, чтобы ему легко было еще разъ жениться.

Кстати, по поводу политики Лормуа думаетъ, что нашего маркиза продалъ кто-нибудь изъ прислуги. Подозрѣнія падаютъ на Антона (Antoine), въ виду нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ Лормуа по поводу Дюфура, съ которымъ онъ былъ знакомъ. Кромѣ того, я знаю, что этотъ мерзавецъ хвастался гр. Шереметеву своей близостью съ маркизомъ и Дираномъ, которые, будто бы, совѣтовались съ нимъ о дѣлахъ. Мнѣ очень тяжело подозрѣвать также аббата Дефоржа,

*) Директриссы Смольнаго монастыря.

но онъ говоритъ по-русски, лицомъ, хитрецъ и обладаетъ особеннымъ талантомъ льстить, ради личной выгоды, и преимущественно иностранцамъ.

Черезъ Лормуа я узналъ нѣкоторыя подробности объ Азонѣ (Azon), бывшемъ французскомъ консулѣ въ Петербургѣ во времена владычества Дюбарри. Когда Лормуа былъ въ Лондонѣ, братъ этой Дюбарри *) прѣхалъ туда ради обычныхъ закупокъ для короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался, при помощи Азона, заработать себѣ денегъ какимъ-нибудь путемъ. Одна сводня увѣдомила ихъ, что въ тюрьмѣ сидитъ нѣкій негодянтъ, обвиненный въ распутствѣ, и что, выхлопотавъ ему прощенье, можно очень пользоваться. Вслѣдствие этого, сводня завлекаетъ къ себѣ герцога Кумберландскаго **) и знакомитъ его съ молоденькой, хорошенькой женщиной, одѣтой въ трауръ и разыгрывающей роль жены негодянта. Эта женщина овладѣваетъ глупымъ и сластолюбивымъ герцогомъ, а черезъ него добивается помилованія негодянта. Когда послѣднее состоялось, сводня увѣряетъ помилованнаго, что онъ обязанъ своей свободой заступничеству высокопоставленнаго француза, гр. Дюбарри. Негодянтъ очень благодаренъ и приглашаетъ своего избавителя обѣдать вмѣстѣ съ Азономъ. Эти господа привозятъ съ собою вино, напиваютъ негодянта и обыгрываютъ его въ карты на 10000 гиней. Между тѣмъ настоящая жена негодянта открываетъ это мошенничество, но уже поздно—деньги получены и раздѣлены между участвующими, которые разѣхались.

Ты можешь себѣ представить, мой другъ, что и меня стараются замѣшать въ исторію Разумовскаго. Говорятъ, что я порицаю то обращеніе, которому онъ подвергся, и это конечно правда; но не правда то, что я будто бы вмѣшиваюсь не въ свое дѣло. Я сожалѣлъ объ его участи, находилъ неловкимъ и неблагоприятнымъ со стороны Великаго Князя, даже непочтительнымъ къ памяти его жены, наказывать Разумовскаго за ошибку—пожалуй за преступленіе—которое должно бы быть скрыто, еслибъ даже

дѣйствительно было совершено. Но что же мнѣ за дѣло до глупостей, которыя дѣлаетъ русское правительство, въ его распоряженія я ни коимъ образомъ не вмѣшиваюсь. Между прочимъ, говорятъ, что фельдмаршалъ, кн. Голицынъ, получилъ отъ Императрицы письмо, съ дозволеніемъ гр. Андрею, въ виду заслугъ его отца, отправиться въ Украину. Въ письмѣ этомъ, однакожь, о Разумовскомъ говорится очень сухо: его считаютъ заслуживающимъ строгаго наказанія.

Суббота, 11.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, обѣдалъ у Рэмбера, а оттуда отправился въ Монастырь. Я уже тебѣ говорилъ, кажется, что въ этомъ воспитательномъ учрежденіи молодыхъ дѣвицы дѣлятся на три класса, изъ коихъ въ каждомъ обязаны пробыть три года. Выходятъ они черезъ девять лѣтъ и вотъ сегодня происходили публичныя раздачи наградъ. Эта церемонія совершалась въ томъ же залѣ, гдѣ даются балы. Воспитанницы были одѣлены балюстрадой отъ громадной толпы собравшейся на торжество. Въ срединѣ предназначеннаго для нихъ пространства, былъ поставленъ столъ, за которымъ сидѣли, посрединѣ—м-мъ Ляфонъ, а по бокамъ—Бецкій и Минихъ. *) Маленькимъ—М-мъ Ляфонъ раздавала ножички, ножницы, серги и т. под. Какой то господинъ вызывалъ ихъ по списку, на русскомъ языкѣ. Затѣмъ наступила очередь большихъ. Имъ роздали двѣнадцать золотыхъ и серебряныхъ медалей, а восемь дѣвицъ получили шифръ Императрицы, изъ нихъ пять приняты въ число фрейлинъ. На медаляхъ, съ одной стороны—портретъ Императрицы, а съ другой—роза и виноградныя вѣтви съ какой то надписью. Мнѣ все это показуя, такъ же какъ и работы дѣвицъ, которыя выйдутъ изъ монастыря въ понедѣльникъ.

На церемонію смотрѣть было интересно, но судьба многихъ дѣвицъ, въ ней участвовавшихъ, достойна сожалѣнія. Таланты едва ли къ чему нибудь послужатъ тѣмъ изъ нихъ, которыя принуждены

*) Графъ Жанъ дю-Барри-Серезъ.

***) Сынъ Георга II и братъ Георга III.

*) Братъ фельдмаршала, директоръ Таможенъ, а воздѣ президентъ торговой Коллегіи.

похоронить себя въ снѣгахъ Сибири; для помощи сиротамъ Императрица даетъ однакоже, 100000 рублей, что конечно пойдетъ имъ на пользу.

Воскресенье, 12.—Къ брату.

Сегодня, по русскому календарю, 1-е мая; согласно здѣшнему обычаю, мы ѣздили кататься въ Екатерингофъ, недурной паркъ, въ которомъ аллея, служащая для катанья, напоминаетъ Лонданскую. Было много народа какъ пѣшкомъ, такъ и въ экипажахъ, но такого движенія, какъ у насъ на парижскихъ бульварахъ, не замѣчалось. Здѣсь нѣтъ того духа свободы и веселья, который царствуетъ во Франціи; нѣтъ здѣсь такой смѣси разнообразныхъ народностей и нѣтъ нашей непринужденности, которой, однакожъ, стараются подражать.

Чѣмъ болѣе я изучаю эту націю, тѣмъ нахожу болѣе труднымъ опредѣлить ее. Это какая то смѣсь лицъ, мало подходящихъ другъ къ другу, между которыми вы не найдете градацій и отбѣнокъ; послѣдовательности въ ходѣ ихъ идей, принциповъ и системъ вы не откроете! Съ перваго взгляда вы увидите дикій народъ и просвѣщенное дворянство, обладающее вѣжливыми, привлекательными манерами. Но посмотрите поближе и вы поймете, что это дворянство есть не что иное какъ тѣ же дикари, только разодѣтые и разукрашенные, отличающіеся отъ простаго народа только внѣшностью. Изъ этого общаго правила можно сдѣлать лишь нѣсколько счастливыхъ исключеній, которые благодаря частымъ сношеніямъ съ иностранцами или другимъ какимъ-нибудь причинамъ избѣгли общей участи.

Видѣлъ я работы воспитанницъ Смольнаго Монастыря, выставленныя въ большомъ залѣ: тетради, планы, рисунки, картины, ноты и проч. Особенно выдающагося ничего нѣтъ, но все же это чего нибудь да стоитъ. Окончившия курсъ вышли въ среду, и многіе изъ нихъ поступили компаньонками къ придворнымъ дамамъ. Нелединская взяла себѣ одну дворянку, и хочетъ взять еще одну, изъ буржуазнаго сословія.

О судьбѣ гр. Андрея Разумовскаго ничего положительнаго неизвѣстно. Одни ду-

маютъ, что онъ пойдетъ Сибирь, другіе говорятъ что онъ сосланъ въ Архангельскъ, а есть и такіе, которые увѣряютъ что его пошлютъ командовать эскадрой, стоящей въ Архипелагѣ.

Понедѣльникъ, 20.—Шарлоттѣ Бемеръ.

Въ твоё сердце, мой милый другъ, хочу я складывать горе и радость, мнѣ въ жизни встрѣчающіяся; ты одна будешь повѣренной моей души, тебя одну нахожу я достойной моего полнаго довѣрія.

Сегодня утромъ я получилъ письмо отъ гр. Андрея Разумовскаго; оно мнѣ доставлено изъ Ревеля хирургомъ его отца, сопровождавшимъ бѣднаго изгнанника, который, даже въ несчастіи, сохранилъ то честное и благородное сердце, тотъ здоровый, философскій умъ, которые привлекали меня къ нему во дни счастья. Поэтому, дорогая Шарлотта, я не измѣню своего о немъ мнѣнія, я не буду такимъ вѣтрянымъ, какъ фортуна. Ты знаешь, мой другъ, какую тѣнь хотѣли набросить на мое поведеніе. Императрицѣ донесли, что я провожалъ Разумовскаго за три станціи, тогда какъ, въ день его отъѣзда, я преспокойно сидѣлъ у бар. Нолькена, откуда тщетно разсчитывалъ видѣть какъ онъ поѣдетъ. Мнѣ это не удалось. Многіе имѣли даже глупость увѣрять, что мы съ Комбсомъ также арестованы и сосланы. Эти сплетни, мой другъ, доказываютъ только, что Разумовскаго можно любить, и что французы способны не покидать своихъ друзей въ несчастіи. Я цѣлое утро тщетно гонялся за нимъ; былъ, между прочимъ, у Нелединской, которая несмотря на горячую любовь къ гр. Андрею, успѣла уже кажется позабыть его.

Видѣлъ сестру его, Загрязскую, которая собирается ѣхать въ Ревель. Говорятъ, что онъ скоро оттуда уѣдетъ за границу; говорятъ даже, что онъ будетъ назначенъ русскимъ посломъ въ Португалию.

Вторникъ 21.—Къ брату.

Новости за новостями. Паденіе Потемкина, возрождающійся фаворъ Орловыхъ, отъѣздъ принца Генриха—который, го-

ворять, будетъ сопровождать въ Берлинъ Великаго Князя, гдѣ послѣдній познакомится со своей будущей женой, принцессой Вюртембергской, теперь помолвленной съ братомъ покойной Великой Княгини *)—всѣ эти готовыя совершиться происшествія возбуждаютъ пропасть разговоровъ и умозаключеній. Я никакихъ не дѣлаю, а жду что будетъ.

Сегодня была раздача наградъ въ кадетскомъ корпусѣ, церемонія очень похожая на ту, которая происходила въ монастырѣ. Кончили курсъ только двѣнадцать или четырнадцать молодыхъ людей. Фельдмаршалъ кн. Голицинъ раздавалъ имъ серебряныя и золотыя медали разныхъ величинъ; получившій золотую медаль посылается на нѣсколько лѣтъ за границу, на счетъ ея величества.

Ужиналъ у Нелединской, которая сказала, что кн. Трубецкая не прѣдетъ, причѣмъ показала письмо послѣдней, въ которомъ я ничего не понималъ. Между тѣмъ, по словамъ Нелединской, тамъ говорится обо мнѣ. Постараюсь разъяснить этотъ фактъ, который кажется мнѣ очень интереснымъ.

Среда, 22.—Къ брату.

Былъ у гр. Головиной, **) гдѣ танцевалъ до половины десятаго. Было много воспитанницъ монастыря, не считая м-ель Дугни (Dougni?) и Глинской, которыя живутъ у Нелединской и Головиной. Первая—очень веселая дѣвушка, и, по наивности или по какой другой причинѣ, позволяетъ себѣ говорить двухсмысленныя вещи. Другая—натура болѣе тонкая и деликатная. Не знаю ужъ достаточно-ли онѣ обѣ умны. Ужиналъ у жены фельдмаршала Голицына, которая весьма любовно упрекала меня за то, что рѣдко бываю. Была тамъ Матюшкина и сидѣла между мною и молодымъ кн. Голицынымъ, который за нею ухаживаетъ. Говорили о будущей Великой Княгинѣ, какъ будто бы она уже была тутъ, а прежней никогда не существовало. Тебя это удивляетъ, мой другъ, а меня—уже нѣтъ. Таковы русскіе! Я начинаю ихъ узнавать.

*) Людовикомъ, наслѣднимъ принцемъ Гессенъ-Дармштатскимъ.

**) Мать г-жи Нелединской.

Четвергъ, 23.—Къ брату.

Сегодня мы съ Комбсомъ были у Леруа. Онъ намъ прочелъ свое послѣднее письмо о Россіи, касающееся здѣшнихъ законовъ, нагроможденныхъ другъ на друга и совершенно неудовлетворительныхъ. Леруа хорошо пишетъ; онъ отчетливо излагаетъ свои идеи и въ безъ труда, но съ большимъ удовольствіемъ, слѣдите за ихъ развитіемъ. Собраніе такихъ писемъ, въ которыхъ будутъ описаны подробности здѣшней администраціи, пороки и недостатки, которыми она страдаетъ и проч., составитъ очень поучительную книжку.

Послѣ обѣда я ѣздилъ съ Бемерами за городъ. Шарлотта была печальна; она думаетъ, что я влюбленъ въ Спиридову, какъ ей кто-то сказалъ. Передъ разставаньемъ мы имѣли объясненіе по этому поводу; я, насколько могъ, увѣрилъ ее что всѣ слетни на мой счетъ ложны. Отъ Бемеровъ я отправился къ Зиновьевой, гдѣ напелъ княжну Трубецкую и Серестъ (Céreste), съ которыми мы очень весело поужинали. Я сидѣлъ между хозяйкой и княжной, рассказывая имъ всякія глупости, надъ которыми онѣ очень смѣялись. Послѣдняя нѣсколько разъ исподтишка взглядывала на меня и улыбалась, какъ бы давая понять, что видитъ меня насквозь. Послѣ ужина, съ ней нѣсколько времени разговаривалъ Комбсъ, причѣмъ я замѣтилъ, что Серестъ смотритъ на него, стараясь понять о чемъ идетъ разговоръ. Такимъ образомъ, другъ мой, я вижу, что княжна вовсе не предубѣждена противъ меня и что весь шумъ поднять отцомъ и гувернанткой.

Гр. Панинъ все хвораетъ. Ему уже сдѣлали два прокола, но кажется придется прибѣгнуть ко вскрытію сумки. Здѣсь много хирурговъ, способныхъ произвести такую операцію, такъ что рѣшаются выписать очень искуснаго француза, бѣжавшаго въ Англію. Только Панинъ слишкомъ истощенъ, благодаря распутству, и слишкомъ слабъ для того, чтобы выдержать операцію, и потому положеніе его очень опасно.

Мнѣ сообщили, что гр. Петръ Разумовскій *) собирается жениться на молодой

*) Братъ гр. Авдрея.

вдовѣ, которая была или продолжаетъ быть любовницей Великаго Князя, встрѣчавшагося съ нею у Панина. Отецъ его, фельдмаршалъ, очень противится этой женитьбѣ, а Великій Князь сдѣлалъ уже свадебный подарокъ въ 3000 рублей.

Пятница, 24.—Къ брату.

Я послалъ тебѣ сегодня письмо съ Лормуа, бывшимъ конюшимъ Великаго Князя, выгнаннымъ въ отставку, какъ всѣ, состоявшіе при Великой Княгинѣ. Съ нимъ поступили возмутительно; не заплатили ему 15.000 р. долга, не прислали обещаннаго подарка, и дали всего 500 р. Ну и воспѣваетъ же онъ имъ хвалебныя пѣсни за это! Онъ мнѣ совѣтуетъ продолжать вести себя съ русскими попрежнему весело, но ни въ чемъ имъ не вѣрить, а кромѣ того остерегаться Гибала (Quibal) и Буассона, агентовъ Дюфура. Послѣдній, служившій лакеемъ у гр. Андрея, французъ по происхожденію; онъ часто ходитъ къ моему Гарри, но я несколько не беспокоюсь о томъ, что онъ можетъ подсмотреть и подслушать. Лормуа увѣряетъ, что послѣ Великой Княгини остался долгъ въ 3.000.000 р.; онъ это знаетъ изъ вѣрнаго источника.

Суббота, 25.—Къ брату.

Лормуа уѣхалъ сегодня вечеромъ, и безъ помощи маркиза не могъ бы этого сдѣлать. маркизъ далъ ему 175 р., которые Лормуа пришлось внести по поручительству за одного француза и безъ которыхъ ему не хватило бы денегъ на дорогу. Такая своевременная щедрость со стороны маркиза меня несколько не удивляетъ; я тебѣ уже много разъ говорилъ, что онъ скупъ, но честенъ и справедливъ. Мы съ нимъ дѣлали визиты, между прочимъ—къ Зпновьевой и кн. Щербатовой, которымъ я его представилъ. У Щербатовой намъ показывали медаль, даваемую воспитанницамъ монастыря, при выходѣ. Я тебѣ говорилъ, что медали эти бываютъ золотыя и серебряныя, но я ошибся: онѣ всѣ золотыя, только разной величины. Съ одной стороны на нихъ выбито изображеніе Императрицы, съ ея именемъ русскими буквами, а съ другой—вѣтви винограда разныхъ величинъ, освѣ-

щенные лучами солнца, въ срединѣ котораго помѣщена роза—эмблема императрицы; вверху—надпись: «Вотъ какъ онѣ воспитываются» (C'est ainsi qu'ils s'elevent), а внизу—другая надпись, въ которой значится что медаль служитъ наградою за добродѣтель и заслуги. Кромѣ того, на каждой медали выбито имя получившей и годъ выдачи.

День я кончилъ очень скучно, у гр. Чернышевой, у которой ужиналъ. Я тебѣ уже нѣсколько разъ говорилъ про эту даму, что она настоящая русская и сегодня она мнѣ это доказала. Начала она съ изысканной вѣжливости и особеннаго за мной ухаживанья; меня это удивило, но не надолго. Вскорѣ оказалось, что ей нуженъ девизъ для кольца на кошелекъ, который она посылаетъ гр. Штапельбергу. Я ей понадобился, вотъ она за мной и ухаживаетъ. Общавъ составить девизъ, я внутренно рѣшилъ не исполнять своего обѣщанія. Людямъ надо платить тою же монетою, которою они сами расплачиваются.

Воскресенье, 26.—Къ брату.

Во вторникъ Великій Князь ѣдетъ на Каменный островъ класть первый камень своего дворца. Поездка его въ Берлинъ еще не рѣшена окончательно, а можетъ быть ее пока не хотятъ объявлять, по политическимъ причинамъ. Горе свое онъ давно позабылъ. Говорятъ, его развлекаетъ одна изъ фрейлинь Императрицы. Опять начали устраивать частныя спектакли. Фельдмаршалъ Голицынъ строить театръ; о спектакляхъ говорятъ и у Головинныхъ, и у Спиридовой; я приглашенъ повсюду.

Вторникъ, 28.—Къ брату.

Мы съ маркизомъ обѣдали у кн. Щербатова. Чѣмъ болѣе я бываю въ этомъ домѣ, тѣмъ болѣе остаюсь имъ доволенъ. Это одинъ изъ тѣхъ домовъ, въ которыхъ менѣе всего придерживаются національныхъ предрасудковъ. Хозяйка дома очень умна и знаетъ свѣтъ. Она недовольна монастыремъ и взяла оттуда свою дочь, ничему хорошему, по ея словамъ, не научившуюся. Къ тому же здоровѣе дочери пострадало отъ плохой пи-

щи, такъ какъ въ монастырѣ царствуетъ безобразное скряжничество. Воспитаніемъ она тоже не особенно довольна, а что касается образованія, то дочь ея, получившая медаль, писать правильно не умѣетъ. Впослѣдствіи мы узнаемъ больше—воспитанницы, привыкшія притворяться, не говорятъ пока всего, что думаютъ и не рассказываютъ обо всемъ, что видѣли. Вотъ уже два года какъ ихъ жалобы стараются заглушить всякими развлеченіями, но очарованіе разсѣивается, онѣ перестаютъ бояться м-мъ Ляфонъ, а когда совѣмъ про нее забудутъ, то заговариваютъ. Кн. Щербатова очень боится за другую свою дочь, которая еще въ монастырѣ. Она отдала туда своихъ дѣтей надѣясь на кн. Долгорукую *), которая тогда управляла монастыремъ, обладая всеми нужными для того качествами; но м-мъ Ляфонъ, съ помощью Бецкаго, сумѣла выжить Долгорукую и сѣла на ея мѣсто. Въ виду рассказовъ объ умѣ и достоинствахъ Бецкаго, ты можешь вообразить, мой другъ, что эта м-мъ Ляфонъ какая-нибудь особенная женщина, по крайней мѣрѣ одаренная талантами и знаніями. Но ты ошибешься: ничего подобнаго. Всѣ ея заслуги состоятъ въ умѣньи осѣдлатъ Бецкаго, этого глупаго и тщеславнаго старика, всю жизнь работавшаго болѣе для себя чѣмъ для родины. Я не буду говорить о происхожденіи м-мъ Ляфонъ; она, говорятъ, дочь здѣшняго торговца винами, и образованіе не заставило ее забыть винную лавку, — но что вполне вѣрно и о чемъ всѣ здѣсь говорятъ, такъ это то, что у ней нѣтъ никакихъ принциповъ, никакой системы. Я самъ читалъ, мой другъ, наставленія, которыя она давала выходящимъ изъ монастыря дѣвцамъ, и могу сказать что въ нихъ нѣтъ никакой основы, никакой связи, и что даже написаны они на плохомъ французскомъ языкѣ, съ орфографическими и стилистическими ошибками, такъ что представляютъ собою нѣчто плачевное какъ по мысли, такъ и по формѣ. Орфографическія ошибки зависятъ можетъ быть отъ плохой переписки, но онѣ во всякомъ случаѣ доказываютъ крайнюю небрежность въ надзорѣ за работами воспитанницъ, даже

тогда, когда онѣ работаютъ не для себя лично, а для публики. У меня хранится цѣлая тетрадь этихъ наставленій, которую я велю переписать для тебя со всеми ошибками; ты тогда самъ будешь судить о справедливости тѣхъ безбожныхъ похвалъ, которыя расточаются подобнымъ учрежденіямъ и ихъ творцамъ.

Проведя часть вечера у Бемеровъ, гдѣ читалъ одинъ романъ, я отправился ужинать къ гр. Головиной, гдѣ была Нелединская, надъ которой я шутилъ по поводу отношеній къ Андрею Разумовскому и ея непостоянства. Она говорила, что это ей не нравится, увѣряла, что не бываетъ отсутствующихъ, а въ то же время давала понять, что не оттолкнетъ утѣшителя. Къ такому предложенію не слѣдовало быть глухимъ, но я остался глухъ, потому что надо же быть нравственнымъ, и хоть я—цыганъ, но сердце мое мнѣ склонно къ инымъ сдѣлкамъ чѣмъ умъ. Эта дама увезла меня въ своей каретѣ, къ себѣ, и я даже посидѣлъ у нея, но вышелъ столь же чистъ, какъ и вошелъ.

Среда, 29.—Къ брату.

Сегодня я, мой другъ, съ аббатомъ и молодымъ кн. Щербатовымъ *) ходилъ по лавкамъ. Видѣлъ тульскіе клинки, очень не дорогіе; вполне отдѣланная шпага, съ португесей, цѣпочками и проч. стоила мнѣ пять рублей. Молодой князь—полное ничтожество—ни идей, ни живости, ни деликатности. Затѣмъ мы отправились къ Бильо. Бѣдная женщина въ горѣ: сынъ ея, жившій въ Москвѣ, бѣжалъ въ Украину съ тремя тысячами рублей, принадлежавшихъ брату, который живетъ здѣсь. Этотъ молодой человекъ былъ любимцемъ матери, но игра заставила его уже надѣлать много глупостей. Между прочимъ Бильо жаловалась мнѣ на глупости, которыя дѣлаетъ Лессепсъ; завтра я объясню тебѣ въ чемъ дѣло. Все это послѣдствія малолетія нашего консула и его тщеславія.

Ты будешь смѣяться, когда я расскажу тебѣ объ очаровательномъ обѣдѣ вдвоемъ, который я имѣлъ сегодня. Я обѣдалъ съ однимъ англичаниномъ... У насъ было

*) Женеу посла въ Берлинъ.

*) Иваномъ Михайловичемъ.

одно только блюдо, но за то превосходное; а главное—некому было мѣшать. Шекспиръ былъ, впрочемъ, третьимъ среди насъ, и мы веселились по-деревенски, такъ какъ это происходило у Перро. Поѣвши, поговоривши, почитавши Шекспира, мы занялись политикой, но не по образцу Нормандеца, который всюду вноситъ неприятную сухость, а какъ мудрые граждане и философы. Перро сказалъ мнѣ, что англійскіе ройялисты очистили Бостонъ, что Испанія вооружается, Англія—тоже, и что семейный договоръ (Pacte de famille) можетъ вызвать ссору; желаю, чтобы ничего этого не случилось. Баронъ Савенъ, котораго я видѣлъ передъ обѣдомъ, увѣряетъ, что дѣла Разумовскаго плохи, такъ какъ открыта систематическая его переписка съ Дармштадскимъ дворомъ, и въ этомъ состоитъ главная его вина. Затѣмъ—Великій Князь кажется не поѣдетъ въ Берлинъ, такъ какъ Орловы тому препятствуютъ, а ихъ вліяніе усиливается, въ ущербъ Потемкину. Что касается той фрейлины, которая состоитъ будто бы въ связи съ Великимъ Княземъ, то это едва ли вѣрно. Мнѣ говорили только, что черезъ три дня по смерти Великой Княгини его свели съ какою-то дѣвочкой, чтобъ утѣшить. Это средство подѣйствовало—слезы его высохли, если когда-нибудь текли.

Четвергъ, 30.—Къ брату.

Часть по полуночи, а-солнце уже встаетъ. Россія—положительно страна крайностей: то солнце не сходитъ съ горизонта, а то совсѣмъ не хочетъ надъ нимъ подниматься.

Сегодня былъ у меня Жилляръ (Gillard). Онъ не любитъ Рибаса изъ кадетскаго корпуса, и говоритъ, что этотъ Рибасъ ввелъ тамъ сократовскую любовь со всѣми ея сальностями. Не хочется этому вѣрить.

Пятница, 31.—Къ брату.

Я тебѣ говорилъ, мой другъ, о фальшивомъ характерѣ русскихъ. Въ обществѣ это только стѣсняетъ и сердитъ, но въ дѣлахъ—прямо губитъ. Несчастенъ тотъ, кому приходится дѣлать съ русскими. Дамъ

ненависть этихъ людей къ намъ и ихъ несправедливость вообще.

Есть здѣсь нѣкій Дэмарэ, купецъ, которому одинъ изъ Салтыковыхъ много долженъ. По происшествіи долгаго времени, получивъ нѣсколько отгазовъ, Дэмарэ идетъ къ своему должнику и требуетъ немедленной уплаты. Салтыковъ отвѣчаетъ, что ничего не долженъ, и рекомендуетъ обратиться къ своему опекуну. Дэмарэ настаиваетъ, Салтыковъ грозитъ его выгнать, а когда первый сказалъ: «Фи, графъ, неужели Салтыковъ такъ долженъ платить свои долги?», то послѣдній приказалъ своимъ лакеямъ избить его до крови. Несчастный и теперь боленъ, а правосудію нѣтъ никакого дѣла.

Другой Салтыковъ, Сергѣй *), задолжавъ 4.000 рублей нѣкому Годэну, французскому купцу, живущему здѣсь уже двадцать лѣтъ и слывущему честнымъ человѣкомъ, предлагаетъ ему получить въ уплату вексель г жи Грибоѣдовой на 10.000 р. съ тѣмъ, чтобы 6.000 взять отъ него товаромъ. Годэнъ принимаетъ вексель, такъ какъ сама Грибоѣдова его признала, но онъ предлагаетъ дать только 4.000 драгоцѣнностями, а остальные 2.000 внести деньгами. Согласились. Мѣсяца два спустя, полиціймейстеръ Архаровъ (Акагоf) зоветъ къ себѣ Дэмарэ, чтобы узнать подробности сдѣлки, и безъ всякаго суда засаживаетъ его, въ кандалахъ, въ погребъ, гдѣ тотъ и сидитъ теперь со 2-го февраля. Марквизу обѣщали освободить этого человѣка, но до сихъ поръ обѣщанія не исполнили. Вотъ, мой другъ, легкій очеркъ русскаго правосудія и честности, встрѣчаемой нашими купцами въ этой странѣ.

Не знаю, какъ повернутся дѣла. Испанія вооружается, Англія—тоже, такъ что и мы, пожалуй, не останемся простыми свидѣтелями. Мы здѣсь закупаемъ большіе запасы пеньки; пріѣхалъ нѣкій Трэнъ (Train) для закупки лѣса. Лессепсъ заранѣе разгласилъ о пріѣздѣ этого господина. Нѣкій Сэнъ-Валь сообщилъ эту новость англійской колоніи, что не можетъ быть полезнымъ при настоящихъ

*) Бывшій фаворитъ Екатерины, когда она была еще великой княгиней, и предполагаемый отецъ Павла I.

обстоятельствахъ. Тѣмъ болѣе, что и въ самой Россіи несомнѣнно спокойно, нѣкоторые народы взбунтовались (?); турки недовольны заключеннымъ миромъ. Эти волненія скорѣе задержать, чѣмъ ускорять ходъ нашихъ дѣлъ.

Говорятъ, что Великій Князь далеко не такъ сердитъ на Разумовскаго, какъ можно было думать. Онъ не вѣрять сплетнямъ на счетъ отношеній гр. Андрея къ Великой Княгинѣ. Это мнѣ кажется очень удивительнымъ, такъ какъ онъ—человѣкъ слабый и подозрительный. Вѣрно лишь то, что возвращаясь съ Каменнаго острова, гдѣ произвелъ закладку новаго дворца, онъ не заѣхалъ къ гр. Панину и даже не присылалъ справляться объ его здоровьѣ.

Князь Орловъ далеко не пользуется такимъ довѣріемъ, какъ говорили. Онъ очень грубъ и не годится для женскаго общества, за исключеніемъ извѣстныхъ случаевъ. Здѣсь есть г-жа Зиновьева, которая, будучи фрейлиной во время перваго фавора Орлова, имѣла отъ него ребенка. Онъ тотчасъ же выдалъ ее замужъ за Зиновьева, посланника въ Испанію *). Эта милая и любезная женщина была тогда въ такихъ же отношеніяхъ съ императрицей, въ какихъ состоитъ теперь графиня Брюсъ. Однажды, прогуливаясь съ Ея Величествомъ, она уступила ласкамъ послѣдней и призналась ей въ своей связи съ Орловымъ. Это признаніе ее погубило: приславъ на другой день 10.000 р., Императрица запретила ей показываться ко двору. Теперь, въ виду разстройства своихъ дѣлъ и возрастающаго довѣрія императрицы къ Орлову, она обратилась къ нему за помощью, но тщетно: находя ее постарѣвшей и непривлекательной, онъ ей наотрѣзъ отказалъ.

У Бемеровъ былъ большой ужинъ; присутствовали пруссаки, и кн. Лобковичъ. Говорятъ, что Великій Князь окончательно рѣшилъ 25 числа ѣхать въ Берлинъ, гдѣ встрѣтится въ принцессой Виртембергской, невѣстой принца Дармштадтскаго, который прислалъ сюда свой отказъ отъ нея. Принцъ Генрихъ остается еще здѣсь, а Великаго Князя будетъ сопровождать фельдмаршалъ Румянцевъ.

Пріѣхалъ сюда генералъ Панинъ **); вотъ еще загадка, объ этомъ слѣдуетъ подумать.

Суббота, 1 іюня.—Къ брату.

Не знаю, что и думать объ одной женщинѣ, поведеніе которой удивительно странно и непоследовательно. Я говорю о Нелединской, которая, въ Москвѣ, показала мнѣ очень вѣтряной, здѣсь, сначала—нѣжной, потомъ—опять вѣтряной, но всегда кажется хорошею и любезной. Она довольно серьезно была привязана къ гр. Андрею, но отъѣздъ его повидимому нисколько ее не опечалилъ; меня это очень удивило. Однажды я сказалъ ей все, что объ этомъ думаю, но она упрекала меня за недовѣріе. Между тѣмъ на другой же день она очень меня расхваливала гр. Вахмейстеру, который думаетъ, что я за ней ухаживаю, и ошибается. Вчера я ее встрѣтилъ у гр. Головиной, и мы вмѣстѣ гуляли. Она говорила о гр. Андрѣе, но въ очень смутныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, причѣмъ дала мнѣ понять, что имѣетъ право жаловаться на него, и до такой степени за мной ухаживала, что я не знаю, что думать. Она сдѣлала все, что могла, чтобъ удержать меня, но я не уступилъ, такъ какъ обѣщалъ быть у Голицыной, куда и отправился. Послѣ ужина, мы пошли гулять по набережной, служащей общимъ мѣстомъ встрѣчъ; тамъ я опять нашелъ Нелединскую, подаль ей руку и мы вновь поговорили. Посмотримъ, что все это значить, а пока я постараюсь вывѣдать отъ нея, чѣмъ ее обидѣлъ гр. Андрей; посмотримъ чѣмъ это кончится. Вернулся я къ себѣ въ половинѣ второго; ночь была дивная, удивительно свѣтлая, въ 12 часовъ можно читать газеты. А черезъ мѣсяцъ будетъ еще свѣтлѣе. Но за это маленькое удовольствіе приходится платить очень дорого; я не безъ основаній говорилъ тебѣ, что живу въ странѣ крайностей какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ.

Воскресенье, 2 іюня.—Къ брату.

У маркиза обѣдалъ гр. Шереметевъ, наговорившій мнѣ много любезностей и

*) Это не вѣрно, личности перепутаны.

**) Петръ Ивановичъ, братъ Никиты (Nitika).

упрековъ за то, что рѣдко видимся. Мнѣ очень пріятны эти любезности, но другомъ его я все же не буду. Это заставило меня подумать о себѣ: я, какъ и всѣ, люблю похвалы и меня легко поймать на эту удочку, но есть люди, которымъ это никогда не удастся, съ которыми я никогда не сойдуся. Шереметевъ, по общему отзыву, добрый малый, то есть не имѣетъ особенныхъ недостатковъ; Пюсегюръ, въ Москвѣ, находилъ его даже очаровательнымъ человѣкомъ. Но мы съ маркизомъ думали и думаемъ о немъ иначе. Это человѣкъ русскій, лишенный разума; человѣкъ, котораго путешествія не развили и которому богатство не даетъ счастья, потому что онъ не умѣетъ имъ пользоваться. Онъ подозрителенъ какъ всѣ мелкія души и слабые умы; онъ не умѣетъ ни любить, ни ненавидѣть; чувства его неопредѣленны, а привязанности обращаются чаще всего на льстецовъ и на лакеевъ. Въ его внѣшности и обращеніи есть что-то непоследовательное. Блестящая роскошь одежды, каретъ, ливрей, и никакой представительности въ собственной особѣ, никакихъ приемовъ. Прибытіе его возвышается скороходами (*coureurs*), но прибываетъ онъ, со своимъ блестящимъ кортежемъ, въ весьма немногіе дома и очень рѣдко. Вообще Шереметевъ мало бываетъ въ свѣтѣ; онъ предпочитаетъ сидѣть дома, окруженный компаніей, которой платитъ и которою командуетъ. Онъ ни русскій по манерамъ, ни французъ по ходу идей; онъ любитъ все французское кромѣ самихъ французовъ, а къ русскимъ примыкаетъ только по національному характеру. По богатству, онъ былъ бы первымъ человѣкомъ въ Россіи, еслибъ обладалъ тонкостью въ обращеніи, чувствительнымъ сердцемъ и философскимъ умомъ. Онъ завладѣлъ бы всѣми женщинами, раздавилъ бы всѣхъ мужчинъ, всѣ бы его боялись, любили, уважали.

Ѣздилъ съ Комбсомъ кататься въ Екатеринбургѣ. Было много экипажей и толпа народа. Эти рабы, эти мужики, замѣняющіе здѣсь народъ, представляютъ удивительный контрастъ съ образованной частью націи. Съ одной стороны вы здѣсь видите роскошь, почти такую же, какъ въ Парижѣ, богатство, хорошія

манеры, а рядомъ—грубые мужики пляшутъ и поютъ тѣ же пѣсни, которыя вы услышите отъ извозчиковъ (*schwachtiks*), на всѣхъ дорогахъ Имперіи. Цивилизація—съ одной стороны, и варварство—съ другой, всегда удивляютъ иностранцевъ. Точно будто два народа, двѣ различныхъ націи живутъ на одной и той же территоріи. Вызаранѣ чувствуете себя и въ XIV и въ XVIII столѣтіи.

Проѣхавшись нѣсколько разъ, мы, по обыкновенію, отправились въ Лѣтній Садъ, а оттуда къ гр. Головиной, гдѣ встрѣтили княжну Трубецкую. Послѣ ужина я опять гулялъ по набережной, вмѣстѣ съ Потѣ, который занимаетъ въ кадетскомъ корпусѣ мѣсто, приносящее ему 600 р. въ годъ. Онъ тамъ играетъ роль завѣдующаго развлеченіями репетитора и режиссера спектаклей. Потѣ пріѣхалъ сюда по торговымъ дѣламъ, но любовь къ театру, отвлекая его отъ этихъ дѣлъ, заставила взять мѣсто въ корпусѣ, тѣмъ болѣе, что они давнишніе пріятели съ Рибасомъ, который въ это время занялъ тамъ мѣсто директора. Однакоже хитрый итальянецъ, вошедшій въ милость, не могъ ужиться съ нашимъ добродушнымъ Потѣ; Рибасъ хотѣлъ сдѣлать изъ него домашняго шпіона, а Потѣ не согласился, такъ что теперь они очень охладѣли другъ къ другу, и Потѣ уже подумываетъ объ отставкѣ. Ему предлагали въ Москвѣ мѣсто на тысячу рублей, съ готовой квартирой, отопленіемъ, освѣщеніемъ и даже пищей, причемъ онъ долженъ будетъ управлять вокзаломъ, который учреждается какимъ-то обществомъ. Этотъ Потѣ наговорилъ мнѣ много хорошаго о Щербатовыхъ, о которыхъ я тебѣ писалъ нѣсколько разъ, и онъ же сообщилъ мнѣ причину сумасшествія бѣдной княгини, такъ какъ она дѣйствительно сошла съ ума.

Среди ея родныхъ есть нѣкій кн. Прозоровскій, успѣшно дравшійся съ Пугачовымъ; этотъ господинъ обладалъ слишкомъ крупными преимуществами, по сравненію съ мужемъ княгини, для того, чтобы нослѣдняя могла остаться къ нему равнодушною, и не осталась. Желая, однакожъ, задуть опасную страсть, она употребила на это всѣ усилія своей воли, и вышла изъ борьбы чистою, но

потерявшей рассудокъ. Сколько дамъ, на ея мѣстѣ, предпочли бы его сохранить!

Говорятъ что горничная покойной Великой Княгини получила отставку и двѣ тысячи рублей, да нѣсколько платьевъ, которые Императрица велѣла ей отдать; а между тѣмъ врачамъ и хирургамъ, невѣжество и небрежность которыхъ были причиною смерти бѣдной принцессы, дано 10.000 р.

Р. 8. Только что узналъ отъ одного русскаго, что тотъ Шереметовъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, не что иное какъ человѣкъ очень ограниченный, помирившійся съ отсутствіемъ ума и предпочитающій хорошему обществу какую-то французскую потаскушку, которую содержать и отъ которой почти не выходить. Другіе мнѣ говорили, что это самый богатый, но въ то же время и самый дрянной человѣкъ въ Европѣ.

Понедѣльникъ, 3.—Къ брату.

Сегодня у меня былъ гр. Брюль и мы говорили о дѣлахъ, которыя не двигаются. Ему совѣтуютъ повидаться съ кн. Орловымъ, который самъ желаетъ его видѣть, но онъ боится, какъ бы князь не предложилъ ему жениться на Зиновьевой. Ты знаешь, мой другъ, что эта фрейлина, племянница князя, имѣла отъ него ребенка, за что онъ ей назначилъ 100.000 р. и настолько же бриллиантовъ; но нужно найти мужа, а Брюль не желаетъ быть таковымъ. Ему можетъ быть предложить здѣсь мѣсто, но я и того брать не совѣтую—вмѣшательство кн. Орлова поставитъ его въ неловкое положеніе.

Вторникъ 4.—Къ Альбертинѣ Бемеръ.

Сегодня я ужиналъ у г-жи Спиридовой, которая такъ беспокоитъ вашу сестру, боящуюся, чтобы она меня не соблазнила. Спиридова очень мила, но пуста, и съ претензіями. Ея красивая и граціозная фигура дѣйствительно могла бы быть опасной для меня, если бы соединялась съ образованіемъ и постоянствомъ. Мы съ ней говоримъ о стихахъ, о литературѣ, о маленькихъ, пустынькихъ рассказцахъ и проч. Она теперь переводитъ съ русскаго на французскій

языкъ нѣмецкую поэму Гесснера: Потопъ. Въ тотъ же день я обѣдалъ у кн. Щербатовой, которая пригласила меня ужинать, вмѣстѣ съ ея дочерью, но я отказался, потому что не хочу ссориться съ Шарлоттой.

Вы знаете Биржу, это хваленое мѣсто прогулокъ, которое дѣйствительно могло бы назваться хорошимъ, если бы не было лучшихъ. Я тамъ былъ сегодня утромъ. Видъ приходящихъ и уходящихъ коммерческихъ судовъ доставляетъ мнѣ удовольствіе; я люблю это зрѣлище, но здѣсь оно лишь слабо напоминаетъ мнѣ Амстердамъ, черезъ который я проѣзжалъ въ октябрѣ 1774 г. Въ тамошнемъ портѣ стояло тогда 3000 судовъ, да ожидалось еще 5000. Ну а здѣсь ихъ и всего то бываетъ нѣсколько сотенъ, включая барки. А говорятъ о видѣ! Это справедливо лишь для того, кто не видалъ ничего другого. Все въ мірѣ относительно, все другъ съ другомъ связано. Абсолютной цѣнностью обладаютъ только честные и твердые люди, для такихъ же честныхъ и твердыхъ, какъ они. Вы, мой другъ, принадлежите именно къ числу такихъ людей; но вы и Шарлотта, кромѣ того, еще и достойны любви. Судите же сами, прочна ли моя въ вамъ дружба, основанная на такихъ непоколебимыхъ принципахъ.

Среда, 5.—Къ брату.

Есть здѣсь, мой другъ, нѣкій гр. Нессельроде, который прежде состоялъ на прусской службѣ и былъ очень близокъ къ королю, а потомъ перешелъ на службу ландграфини дармштадтской. *) Онъ пріѣхалъ сюда въ надеждѣ получить мѣсто при Великой Княгинѣ, а она тѣмъ временемъ умерла. Это очень умный, остроумный и разговорчивый человѣкъ. Онъ много рассказывалъ о прусскомъ королѣ и начертилъ мнѣ, однимъ почеркомъ пера, его профиль, говорятъ, очень похожій. Я бы его награвировалъ. Гр. Нессельроде дасть мнѣ прочесть письмо Вольтера къ королю прусскому.

Четвергъ, 6.—Къ брату.

Мы съ маркизомъ ѣздили сегодня

*) Матери первой жены великаго князя.

смотреть фарфоровый заводъ, находящійся въ 12 верстахъ отъ города. Директоромъ его состоитъ одинъ финляндецъ, живущій здѣсь съ женой, которая очень не дурна. Заводъ плохо обставленъ, хорошихъ работниковъ въ немъ мало, а продукты слишкомъ дороги. Самое зданіе, о 19 окнахъ по фасаду, стоитъ въ глубинѣ двора, засаженнаго деревьями, на берегу Невы, другой берегъ которой, въ этомъ мѣстѣ, принадлежитъ уже Швеціи.

Ничего особенно хорошаго я тамъ не видалъ. Рисунки посредственны, а тѣсто, не совсѣмъ бѣлое, наклонно къ остеклѣнію. Намъ показывали глину, изъ которой оно готовится; она привезена изъ Оренбурга и я взялъ себѣ кусочекъ на образецъ. Очаги, въ которыхъ производятъ обжиганіе, устроены не такъ какъ въ Саксоніи: тамъ огонь помѣщенъ вверху, а здѣсь онъ на одномъ уровнѣ съ издѣліями. Правда, здѣсь употребляютъ болѣе уголь чѣмъ дрова, а его, по словамъ директора, требуется гораздо меньше.

Вечеромъ былъ большой концертъ у жены фельдмаршала, кн. Голицыной. Матюшина еще утромъ, черезъ моего лакея, рекомендовала мнѣ быть на этомъ концертѣ, и я послушался. Концертъ былъ очень хорошъ. У меня тамъ завязалось маленькое приключеніе. Проходя въ одну изъ боковыхъ комнатъ, мы съ Вахмѣстеромъ встрѣтили дочь полицейскаго чиновника, Зыбину и молодую Теплову. Я имъ загородилъ дорогу и, задержавъ Зыбину, сталъ говорить ей о любви и даже поцѣловалъ. Она несколько не противилась, глазки у нея заблестѣли, и я думаю, что будь, мы одни, дѣло этимъ бы не кончилось.

Пятница, 7.—Къ брату.

Итакъ, мой другъ, Тюрго и Мальзербъ *) остались за флагомъ. Первый палъ жертвой коварства, а послѣдній самъ подалъ въ отставку. Будучи способенъ къ службѣ, онъ не хотѣлъ сидѣть сложа руки, что ему пришлось бы благодаря кознямъ враговъ. Желаю, что-

бы Г. Г. де-Клюньи и Амло *) оказались способными замѣнить ихъ, но боюсь, что они не имѣютъ опредѣленной системы и что это поведетъ къ нѣкоторой революціи особаго рода.

Маркизу говорили, что гр. Андрей настаивалъ Великую Княгиню противъ пруссаковъ, что это не нравилось Императрицѣ; гр. Лясси, будто бы, внушилъ ему эти идеи.

Великій князь, вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ, ѣдетъ въ Берлинъ 21-го. Нѣкоторые полагаютъ, что накануне отъѣзда онъ захвораетъ, чтобы остаться здѣсь. Между тѣмъ всѣ распоряженія по конюшнѣ почти уже сдѣланы. Одна карета предназначена для великаго князя, двѣ—для свиты, и шесть—для прислуги.

Суббота, 8.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, Пюссегуръ прочелъ мнѣ сумасшедшее письмо своего отца, завятаго экономиста, относящагося къ дѣлу со всѣмъ фанатизмомъ и ходульной фразистостью, свойственными такимъ людямъ. Я не вѣрю въ его знанія и думаю, что у него больше словъ чѣмъ мыслей. Онъ принадлежитъ къ числу людей, которые только роняютъ экономическую науку. Ты знаешь, мой другъ, что я настолько же уважаю принципы экономистовъ, насколько возмущаюсь дутымъ энтузіазмомъ и сектантской манерой многихъ изъ нихъ, притомъ именно наименѣе образованныхъ.

Вчера, въ Царскомъ селѣ состоялась свадьба Рибаса съ Анастасіей Соколовой **) горничной Императрицы. Обѣдъ состоялся при дворѣ, въ присутствіи Великаго Князя; молодые получили подарки. Этотъ Рибасъ, неаполитанецъ, хитеръ какъ всѣ люди этой національности. Я тебѣ рассказывалъ, какъ онъ объѣхалъ Бецкаго и получилъ мѣсто директора въ Гадетскомъ корпусѣ. Теперь бракъ послужитъ къ его дальнѣйшему возвышенію. Ея Величество дала 10.000 р. ему и 15.000—его женѣ, которая была прежде любовницей Бецкаго ***), а этотъ безум-

*) Первый министр финансовъ, послѣдній—министръ двора, подали въ отставку 12 мая 1776 г.

*) Назначенные вмѣсто Тюрго и Мальзербъ.]

**) Незаконной дочерью Бецкаго.

***) Это, какъ оказалось, не правда.

ный старикъ, выдавая ее замужъ, прибавилъ еще домъ и тридцать или сорокъ тысячъ. Вотъ, мой другъ, какъ здѣсь составляются состоянія. Рибасъ ничего не имѣлъ, когда сюда прѣхалъ, но благодаря своей ловкости, приобрѣлъ очень много. Онъ, конечно, талантливый молодой человѣкъ, но не безупречный, и даже очень. Это не помѣшало ему сдѣлаться директоромъ корпуса. Я тебѣ говорилъ о дружбѣ его съ Нормандецомъ; я думаю, что она зиждется на хитрости одного и глупости другого. Рибасъ, желая прослыть испанцемъ и пользоваться покровительствомъ Гр. Лясси, ухаживаетъ за Нормандецомъ, который рассчитываетъ имъ пользоваться, не понимая, что хитрый итальянецъ смѣется надъ нимъ внутренно. Перро не любитъ ни того ни другого изъ нихъ, но ужь особенно испанца, потому что тотъ напѣлъ на него Бецкому и помѣшалъ получить мѣсто инспектора (*directeur des études*).

Воскресенье, 9.—Къ брату.

Давно уже я ничего не писалъ тебѣ, мой другъ, о гр. Андреѣ Разумовскомъ. Сегодня я получилъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія косвеннымъ путемъ, черезъ Зиновьеву, которой онъ писалъ, что самъ не знаетъ, что съ нимъ будетъ. Одни говорятъ что онъ будетъ возвращенъ, а другіе, въ томъ числѣ гр Брюль, этого не думаютъ. Последнее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ.

Женитьба Рибаса надѣлала шума. Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ посаженнымъ отцомъ Рибаса (*a conduit à la cérémonie nuptiale*), а Императрица—посаженой матерью Соколовой. Дидро воспользуется, вѣроятно, случаемъ восхвалять доброту Ея Величества, которая бѣситъ русскихъ и заставляетъ умныхъ людей пожимать плечами. Но Дидро прекрасно знаетъ что дѣлаетъ. Ему нужно издавать Энциклопедію и сундуки ея величества будутъ къ его услугамъ. Я тебѣ не говорилъ, каково было воспитаніе Анастасіи Соколовой? Ее воспитывала м-мъ Клэранъ, по рекомендаціи какого-то русскаго вельможи, который хотѣлъ сдѣлать ее актрисой своего театра, но Клэранъ отказала ему въ этомъ въ виду дурной его славы. Буду-

чи дочерью кучера и одной бѣдной женщины, изъ милости живущей въ домѣ Бецкаго, какимъ образомъ достигла она того, что теперь имѣетъ? Колесо фортуны, мой другъ, вертится въ этой странѣ скорѣй чѣмъ гдѣ либо, и совершенно незамѣтно подняло Рибаса съ женой на теперешнюю ихъ высоту.

У маркиза былъ большой обѣдъ. Онъ вполне основательно любитъ хорошо накормить гостей и соответствующимъ образомъ оплачиваетъ повара. Но меня бѣситъ, что онъ, передъ своими секретарями, получающими отъ него не болѣе ста пистолей, рассказываетъ о 1200 ливрахъ, которые платитъ повару. И онъ это дѣлаетъ вовсе не потому, чтобы не понималъ разницы въ ихъ положеніи, какъ иной откупщикъ, платящій повару больше чѣмъ учителю, потому что обѣдъ для него важнѣе книги. Пѣтъ, мой другъ, маркизъ—человѣкъ честный и просвѣщенный, но онъ скупъ, онъ любитъ деньги и тратитъ ихъ насколько возможно меньше.

Штелинь, секретарь академіи, о которомъ я, въ виду мѣста имъ занимаемаго, имѣлъ преувеличенное мнѣніе, оказывается просто сыномъ лакея или даже самъ служилъ въ лакеяхъ. Онъ здѣсь состоитъ еще и президентомъ петербургскаго экономическаго общества, въ которое предложилъ вступить и мнѣ. Я не далъ положительнаго отвѣта—надо еще посмотреть, что это такое.

На набережной встрѣтилъ Зиновьеву, съ княжной Грузинской; князь Орловъ подходилъ къ ихъ каретѣ и сказалъ, что влюбленъ въ одну изъ только что выпущенныхъ воспитанницъ Монастыря. Онъ гулялъ съ ними въ Лѣтнемъ саду. Не люблю я, мой другъ, самодовольнаго фатовства, которымъ отличается этотъ князь. Оно совсѣмъ не идетъ къ той крупной роли, которую сыгралъ Орловъ и еще намѣревается играть. Наши вельможи ведутъ себя иначе; они, можетъ быть, и дѣлами не занимаются, и женщины любить больше чѣмъ русскіе, но они никогда не роняютъ своего достоинства.

Говорятъ, Орловъ уже выбралъ для своихъ забавъ четырехъ дѣвицъ, кончившихъ курсъ въ Монастырѣ; въ Россіи всегда такъ поступаютъ.

Не знаю, почему Леруа не совѣтуетъ мнѣ довѣриться фрейлинѣ Ефимовской, которая всегда ко мнѣ хорошо относится; ее считаютъ глупенькой, но отнюдь не злой.

Понедѣльникъ, 10.—Къ брату.

Здѣсь часто заболѣваютъ перемежающейся лихорадкой, а нѣкоторые даже злокачественной и гнилой; у барона Савена, саксонскаго посланника, недавно двое людей умерли. Я очень боюсь за гр. Брюля, у котораго колотье въ груди и ознобъ. Ты знаешь, мой другъ, какъ я люблю этого милаго малаго; я нахожу, что онъ похожъ на тебя характеромъ и прямою, а потому онъ имѣетъ еще больше правъ мнѣ нравиться. Сегодня я у него обѣдалъ, чтобы узнать о здоровьѣ, и нашелъ, что оно не измѣнилось со вчерашняго дня. Послѣ обѣда мы ѣздили въ загородный домъ оберъ-штальмейстера, находящійся въ 5 или 6 верстахъ отъ Петербурга, и называющійся Ахъ! Ахъ! (Ah! Ah!), по причинѣ удивленія, которое онъ вызываетъ при первомъ взглядѣ. Ничего тебѣ не скажу о домѣ, потому что, къ стыду моему, я его не видѣлъ. Сады меня больше заинтересовали; но и то не надолго. Во-первыхъ, почва тамъ, какъ и повсюду подъ Петербургомъ, болотистая, хотя и осушается канавами. Эти каналы образуютъ нѣсколько островковъ, хорошо содержимыхъ и потому красивыхъ. Есть тамъ цвѣтники, кіоски, китайскія бесѣдки, и повсюду разставлены удобныя садовыя скамейки. На острова проложены мостки, настоящіе и плавучіе (паромы?). Хорошенькая, золоченая шлюпочка готова для прогулокъ по водѣ, и вообще ничто не упущено изъ виду для того, чтобы доставить гуляющимъ удобство и развлеченіе. Странный контрастъ представляютъ собою китайскіе костюмы садовниковъ и англійскій нарядъ лакеевъ. Меня однакожь нисколько не удивила эга рабская подражательность, царствующая въ Россіи повсюду. Ничего своего, никакого воображенія, ни крошки сердца—на всемъ лезть рабства. Влюбленный отвернется, человѣкъ со вкусомъ соскучится, а русскій—доволенъ, тщеславіе его удовлетворено.

Я ошибся, мой другъ, посаженными на свадьбѣ Рибаса были Бедей и Минихъ, а Соколова, говорятъ, незаконная дочь Бецаго; по крайней мѣрѣ, все такъ думаютъ.

Мнѣ рассказывали, что Пюссегюръ, желая сблизиться съ одною изъ воспитанницъ Монастыря, попробовалъ выдать себя за учителя игры на арфѣ, и отправился къ своей избранницѣ въ сопровожденіи одного музыканта. Но музыкантъ этотъ былъ такъ плохо принятъ, что Пюссегюръ, ожидавшій за дверью, предпочелъ ретироваться. Приключеніе это—если только рассказъ вѣренъ, за что я не ручаюсь—легко объясняется скудоуміемъ и тщеславіемъ главнаго дѣйствующаго лица. Но что вѣрно, и что тоже меня нисколько не удивляетъ, такъ это желаніе аббата Дефоржа, чтобы маркизь представилъ его Бемерамъ. Последнихъ не было, однако же, дома, чему они, вполне основательно, радуются. Этотъ аббатъ обладаетъ всѣми недостатками своего сословія: онъ мягокъ, вкрадчивъ и льстивъ по наружности, а на самомъ дѣлѣ эгоистъ, интриганъ и гордецъ. Ты понимаешь, что такой человѣкъ не можетъ быть моимъ другомъ. Онъ-то бы, пожалуй и хотѣлъ, но этого никогда не будетъ. Онъ слишкомъ за мною ухаживаетъ, чтобы я могъ его полюбить; я его даже не уважаю.

Бѣдный Роджерсонъ, врачъ Императрицы, очень боленъ гнилою горячкою, а можетъ быть и воспаленіемъ мозга; сегодня вечеромъ онъ былъ особенно плохъ. Мнѣ бы очень было его жаль; онъ пользуется здѣсь хорошей репутаціей какъ врачъ, всѣми любимъ, уважаемъ, и будучи тридцати лѣтъ отъ роду, можетъ сдѣлать хорошую карьеру. Я пожалѣлъ бы его и какъ хорошаго, образованнаго, умнаго человѣка, такъ какъ такіе люди очень рѣдки; такъ какъ здѣсь привыкли къ отравленіямъ, то говорятъ, что и Роджерсонъ отравленъ своими собратіями. Я этому не вѣрю.

Графъ Панинъ тоже не поправляется; хирурги въ безпокойствѣ.

Вторникъ, 11.—Къ брату.

Я кажется говорилъ тебѣ, мой другъ, о нѣкоемъ Потѣ, директорѣ удоволь-

ствій въ кадетскомъ корпусѣ, французѣ по происхожденію. Сначала онъ былъ другомъ Рибаса, но когда тому повезло, то онъ совершенно отшатнулся отъ Потэ, такъ какъ послѣдній отказался служить ему шпиономъ. По случаю женидбы Рибаса, среди кадетъ возникла мысль устроить ему праздникъ, и самъ Рибасъ, подъ рукою, подстрекалъ кадетъ поручить устройство Потэ. Послѣдній былъ поставленъ этимъ въ затруднительное положеніе, такъ какъ генералу Пурпру (Pourpre?), полиціймейстеру корпуса (directeur du Corps quant'à la police) праздникъ былъ бы непріятенъ, потому что ему, своему главному начальнику (?), нивогда такихъ лестныхъ знаковъ вниманія кадеты не оказывали. Какъ бы то ни было, составили дивертисментъ, подъ названіемъ «Вѣнецъ Цитеры», просмотрѣть который поручено было намъ съ Пюиссежуромъ, хотя я не зналъ, что послѣдній также получилъ это порученіе. Имѣя понятіе о козняхъ и сплетняхъ, царствующихъ въ корпусѣ, я туда не ходилъ, репетицій пьесы не видалъ и не желалъ видѣть. Между тѣмъ Пюиссежуръ, страшно расхвалившій эту плохую компиляцію изъ комическихъ оперъ и пасторалей, очень хотѣлъ попасть на самое представленіе. Ему посоветовали одѣться такъ, чтобы быть принятымъ за купца.

Вчера утромъ, мой другъ, я получаю отъ него приглашеніе пожаловать вмѣстѣ съ нимъ къ 3 часамъ въ кадетскій корпусъ къ Перро. Я ничего не зналъ, ни о чемъ не просилъ, и потому отвѣтилъ, что не знаю пойду или нѣтъ, но справлюсь пойдетъ ли маркизъ. Оказалось, что маркизъ не пойдетъ, а я привыкъ слѣдовать его примѣру. Только что я принялъ это рѣшеніе, какъ получаю письмо отъ Потэ, въ которомъ онъ, отъ имени Перро, проситъ насъ не прѣзжать. Это вполне согласовалось съ моими намѣреніями и я послалъ письмо Потэ къ Пюиссежюру, съ указаніемъ на сдѣланный имъ ложный шагъ. Онъ посмѣялся надъ этимъ, и я тоже. А все-таки очень непріятно компрометировать себя участіемъ въ глупости. Самъ Рибасъ, говорятъ, не хотѣлъ, чтобы мы съ Пюиссежуромъ попали на его праздникъ—чувствовалъ, должно быть, смѣшную сто-

рону послѣдняго; и я не буду удивленъ, если это ему было подсказано Нормандцемъ, большимъ пріателемъ Пюиссежюра. Онъ самъ-то былъ тамъ, вмѣстѣ съ Бемеромъ. Удивительно мелочный человекъ этотъ Нормандецъ!

Вздилъ къ Загряжской, она была дома, но не приняла меня. Бильо послѣ говорила, что я не долженъ удивляться такому обращенію, что это вполне въ русскомъ вкусѣ.

Опять стали говорить о возвращеніи гр. Андрея. Положительнаго ничего не извѣстно, но онъ писалъ великому князю изъ Ревеля и получилъ отвѣтъ.

Ужинали мы съ маркизомъ у кн. Щербатова; князь говоритъ что м-мъ Ляфонъ сдѣлала его дочери строгій выговоръ за то, что въ домѣ ея родителей критикуютъ воспитаніе, даваемое въ монастырѣ. Онъ писалъ по этому поводу письмо къ м-мъ Ляфонъ, очень хорошее письмо, которое, однакожъ, было бы еще лучше, еслибъ не содержало въ себѣ крупныхъ орфографическихъ ошибокъ. Между прочимъ я былъ удивленъ тѣмъ, что князь, потомокъ Рюрика, титулуетъ ее «превосходительствомъ», и вообще относится къ ней съ уваженіемъ. Но у него, въ монастырѣ, дочь, зависящая отъ м-мъ Ляфонъ, и въ этомъ лежитъ ключъ къ разгадкѣ. Говорятъ, что м-мъ Ляфонъ но особенно прочна на своемъ мѣстѣ, и что Рибасъ, который ее не любитъ, всѣми мѣрами старается осмѣивать ее и находить недостатки въ ея дѣятельности.

Среда, 12—Къ брату.

Все понемногу открывается, милый другъ, и чаще при помощи случая тѣмъ благодаря старательнымъ изысканіямъ. Въ странѣ интригъ полезно все знать, ни къ чему нельзя относиться индифферентно, но если самъ думаешь и поступаешь прямодушно, то съ трудомъ замѣчаешь всякія тонкости и даже относишься къ нимъ презрительно.

Ты помнишь, мой другъ, что я писалъ тебѣ о княгинѣ Трубецкой, о предпочтеніи, которое я ей оказывалъ и къ которому она относилась съ удовольствіемъ. Ты помнишь также одинъ ужинъ у гр. Чернышовой, гдѣ эта женщина под-

вергла насъ глупѣйшему допросу; я тебѣ рассказывалъ, какъ отношеніе кн. Трубецкой ко мнѣ измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ трудно мнѣ стало видѣться съ нею и проч. Запутанныя рѣчи ея гуворнантки, м-мъ Серестъ, принужденность княжны съ нею, полуобъясненіе, которое я имѣлъ у Бемеровъ и Нелединской, когда убѣдился, что Трубецкая отдаетъ мнѣ справедливость, все это теперь почти открылось благодаря моему разговору съ ше-валье де-Серестомъ. Я ему прямо высказалъ мои сомнѣнія и заявилъ, что они меня очень беспокоятъ. Онъ отвѣтилъ, что я былъ слишкомъ довѣрчивъ, что насчетъ моихъ отношеній къ княжнѣ возникли сплетни; что одинъ Андреевскій кавалеръ оказалъ мнѣ плохую услугу, распустивъ слухъ, что я человѣкъ рѣзкій, злорадный, никого не щадящій и пишущій на всѣхъ эпиграммы, правда—не глупыя. Я хотѣлъ узнать отъ него имена, но онъ отказался сообщить ихъ мнѣ, говоря, что это можетъ повести къ ссорамъ, такъ какъ сколько бы честныхъ словъ я ни давалъ, а моя живость и вспыльчивость возьмутъ верхъ и дадутъ мнѣ средства отомстить моимъ хулителямъ. Мнѣ не хотѣлось, однакоже, упустить добычу, и я пригласилъ Сереста вмѣстѣ пообѣдать, на что онъ согласился. За обѣдомъ я возобновилъ разговоръ и два часа сряду старался вывѣдать отъ него что возможно, но онъ постоянно отказывался назвать мнѣ имена. Но когда я упомянулъ о нашемъ разговорѣ съ княжной, въ воскресенъе, за ужиномъ, причемъ она мнѣ сказала, что знаетъ всѣ сплетни, распускаемыя на нашъ счетъ, то Серестъ воскликнулъ! «О: это она говорила про другое», то есть ужъ про что то новое. Наконецъ, мой другъ, онъ взялъ съ меня слово не видѣться съ княгиней до понедѣльника, когда общалъ объяснить мнѣ все. Ты можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этого объясненія, желая знать, какія еще новыя сплетни распускаются на мой счетъ. Впрочемъ, во время нашего загадочнаго разговора, Серестъ намекнулъ, что я во всемъ этомъ играю далеко не плохую роль, что женщины любятъ оказываемое имъ предпочтеніе, но не желаютъ, чтобы оно проявилось слишкомъ рѣзко, и что, вромѣ того, боль-

шинство сплетенъ обусловливается завистью.

Четвергъ, 13—Къ брату.

Кадетъ, о которомъ я тебѣ часто говорилъ, (?) мой другъ, называется Ахвердовъ (*Acvedof*); онъ живетъ у Бецкаго, и состоитъ въ первомъ батальонѣ.

Баронъ Гриммеръ, русскій уполномоченный въ Польшѣ, возвращается въ Варшаву.

Суббота, 15—Къ брату.

Сдѣлавъ множество визитовъ, я ужиналъ у Голицинныхъ. Матюшкина просила меня написать ей эпитафію, на подобіе той, которую я написалъ, въ Касселѣ, для самого себя. Вотъ эта эпитафія:

*C'y—gst qui toujours eût vécu,
S'il avait toujours eu maîtresse;
Mais l'âge éteignant la tendresse,
Il cessa d'aimer et mourut, *)*

Я ей сказала, что сначала нужно жить, а потомъ уже претендовать на эпитафію, но она настаивала, и я общалъ. За ужиномъ присутствовалъ одинъ очень богатый голландецъ, по имени Хансвитъ (*Hansvit*), по крайней мѣрѣ, такъ это имя произносится. Ты видишь, насколько оно удобно для шутокъ и надъ нимъ дѣйствительно шутили. Затѣмъ привялнсь шутить надъ рогами мужьями (*socus*), и это слово показалось такимъ невиннымъ и милымъ, что съ удивительной для француза легкостью переходило изъ устъ въ уста; мнѣ казалось, что я присутствую на представленіи *Школы мужей* Мольера. Поистинѣ мой другъ, я не перестану говорить, что русскіе занимались у насъ все самое дурное; нашу вѣжливость они замѣнили гримасничаньемъ, а сальности и глупости принимаютъ ими за свободу въ обращеніи и хорошій тонъ.

Воскресенъе 16.—Къ брату.

Поѣздка великаго князя въ Берлинъ рѣшена; въ будущую субботу онъ ѣдетъ

*) «Здѣсь лежитъ тотъ, кто жаль бы вѣчно, если бы вѣчно могъ имѣть любовницъ; но такъ какъ годы потушили въ немъ страсть, то онъ пересталъ любить и умеръ».

въ Ригу, гдѣ подождетъ отъѣзда принца Генриха, соединится съ нимъ въ Мемель и вмѣстѣ поѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ король Прусскій можетъ держать его сколько захочетъ. Русскіе плохо понимаютъ свои интересы, а все таки громко осуждаютъ этотъ проектъ. Князь Орловъ сильно противъ него возсталъ, но онъ рѣдко показывается при дворѣ, предпочитая ухаживать за воспитанницами монастыря. Гр. Панинъ, здоровье котораго все еще плохо, не былъ увѣдомленъ о предположеніяхъ двора относительно путешествія Наслѣдника.

Сегодня я ужиналъ у кн. Щербатова, который занимался пустой декламацией; онъ знаетъ русскую исторію, у него есть идеи, но въ немъ, мой другъ, есть также и большая доля педантизма!... Была дочь его, Спиридова, критиковавшая всѣхъ и все. Упрекая другихъ въ злорѣчьи, они сами оказываются злорѣчивѣе прочихъ. Такъ устроенъ міръ!

Суббота, 22.—Къ брату.

Я наконецъ, открылъ, другъ мой, въ чемъ состоятъ сплетни, распущенныя на мой счетъ, оттолкнувшія отъ меня кн. Трубецкого и обусловившія сдержанность его дочери.

Серестъ сообщилъ мнѣ, что андреевскій кавалеръ, говорившій, что я очень рѣзокъ и что меня слѣдуетъ остерегаться, есть нѣкій Пассекъ. Но это еще не все; увѣряютъ, что я, въ мужскомъ обществѣ, гдѣ трунили надъ моими отношеніями къ княжнѣ, нетолько будто бы разсыпался въ похвалахъ ей, но и признался въ своей любви, и призналъ княжну своей любовницей! Сама княжна, впрочемъ, этого не знаетъ, она отдаетъ мнѣ полную справедливость.

Ты видишь, мой другъ, какія низкія клеветы распространяются въ этой странѣ на человѣка, который никому не сдѣлалъ зла. Говорятъ, что это изъ ревности, потому что княжна не обращаетъ никакого вниманія на клеветниковъ, а меня нѣсколько отличаетъ. Можетъ быть и такъ, но все-таки не тяжело ли быть предметомъ глупыхъ и злостныхъ сплетенъ? Серестъ беретъ примирить меня съ княземъ, а что касается княжны, то она, по его словамъ, и такъ не вѣритъ

сплетнямъ, презираетъ ихъ и сумѣетъ оцѣнить мое поведеніе.

Воскресенье, 23.—Къ брату.

Ужиналъ у кн. Щербатова. Маленькая Спиридова передавала намъ новости, сообщенныя ей мужемъ изъ Царскаго Села, гдѣ онъ теперь находится. Великій князь ѣдетъ завтра; его провожаютъ: Куракинъ, Гагаринъ, Нарышкинъ, Румянцовъ и другіе, которыхъ я не знаю. Можетъ быть завтра узнаю, такъ какъ приглашенъ на проводы въ 11 час. утра. Эта Спиридова, мой другъ, очаровательна и далеко не такъ сильно любитъ своего мужа, какъ старается показать; говорию тебѣ это не съ вѣтра.

Понедѣльникъ, 24.—Къ брату.

Я уже говорилъ тебѣ, мой другъ, что всѣ русскіе суть, въ глубинѣ души, нечто иное какъ простые мужики. Правда, они выработали себѣ изящную внѣшность, но натура все-таки беретъ верхъ и «какъ только маска падаетъ, такъ остается человѣкъ, а герой исчезаетъ».

Князь Вяземскій, о которомъ я тебѣ нѣсколько разъ говорилъ какъ о плохой копій съ нашихъ отпѣтыхъ кутилъ, произвелъ у себя въ лагерѣ дебошъ, совершенно немислимый даже для послѣднихъ. Составивъ проектъ гомерической попойки, онъ набралъ пріятелей и отдалъ приказъ никого не выпускать изъ лагеря. Въ этой кампаніи былъ Нелединскій, напившійся какъ извозчикъ, и между прочимъ Потѣ изъ кадетскаго корпуса. Послѣдняго тоже рѣшили напоить и велѣли не давать ему ничего кромѣ водки, но лакей, французъ, подмѣнилъ водку чаемъ. Тогда компанія постановила лить ему въ горло пушкъ насильно. Разсерженный Потѣ отнесся къ нимъ какъ къ канальямъ и сталъ драться, что только усилило любовь къ нему съ ихъ стороны.

Сегодня утромъ былъ у г-жи Спиридовой, которая показала мнѣ свои письма, написанныя къ мужу еще тогда, когда онъ былъ женихомъ. Написаны они по французски, и очень недурно. По одному изъ нихъ можно судить о духѣ, царствующемъ въ средѣ фрейлинъ: сплетни, за-

висть, интриги—вотъ этотъ духъ. Были между ними двѣ кузины, Синявина (Sinevin) и Зиновьева, обѣ никуда негодныя, по отзыву кн. Гагарина и другихъ. Первая была влюблена въ Спиридова передъ его женитьбой и потому ревновала Щербатову и завидовала ей. Какъ это печально для человѣчества, другъ мой, что мужчины или женщины, собранныя вмѣстѣ, почти всегда портятъ другъ друга!

Баронъ Нолькенъ уѣхалъ сегодня въ Дерптъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ обѣдали. Была тамъ г-жа Пушкина, которую мнѣ очень было жалъ, такъ какъ здоровье ея плохо и она ужасно печальна. Всѣ надѣются на ея выздоровленіе, но я думаю, что напрасно. Послѣ обѣда мы съ Пюиссегиоромъ уѣхали въ загородный домъ Гр. Чернышевой.

Прибыли мы туда въ 7 часовъ. Домъ этотъ находится въ 13 верстахъ отъ города, влѣво отъ Петровской дороги, стоитъ на возвышеніи и очень хорошъ. Зданіе красиво и удобно; оно построено въ формѣ креста, причемъ средній залъ, освѣщенный сверху, очень похожъ на салонъ въ Марли. Распределеніе комнатъ очень удобно, такъ что помѣщеній оказывается гораздо больше, чѣмъ можно думать съ перваго взгляда. Сада нѣтъ, но окрестности очень красивы. Противъ дома начинается каналъ, ведущій къ довольно широкому озеру, съ правой стороны котораго есть островокъ, а на этомъ островкѣ—прекраснѣйшая бесѣдка, въ которой можно бы было проводить вдвоемъ время самымъ восхитительнымъ образомъ. Между тѣмъ теперь въ этой бесѣдкѣ царствуетъ скука и натянутость, а я, кромѣ того, былъ подвергнутъ въ ней инквизиторскому допросу. Чернышева злонамѣренно заговорила со мной о княжнѣ Трубецкой, и нарочно стала настаивать на этомъ разговорѣ; я немножко покраснѣлъ, она меня въ этомъ обличила, чѣмъ заставила покраснѣть еще больше. По истинѣ, мой другъ, не могу я переносить эту женщину!

Вторникъ, 25.—Къ брату.

Великій Князь, вчера, въ коляскѣ, съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ, уѣхалъ въ Берлинъ. За экипажемъ не было даже, кажется, лакея; это по прусской модѣ.

Поѣдетъ онъ тихо, употребить 24 дня на дорогу и 14 дней на остановки въ разныхъ мѣстахъ. Свиту Его Высочества составляютъ: Румянцевъ, Куракинъ—уѣхавшій больнымъ, оберъ-гофмейстеръ Соминовъ (?), псковской губернаторъ Нарышкинъ, чтець Николай, хирургъ, камердинеръ Дюфуръ и проч. Гагаринъ, о которомъ прежде говорили, остался дома.

Принцъ Генрихъ долженъ ѣхать сегодня послѣ обѣда. Вниманіе этому принцу было оказано неслыханное. Говорятъ, Великій Князь признался ему даже, что получилъ отъ своей жены рога. Затѣмъ, Принцъ получилъ много подарковъ: шкатулку, шпагу, сапфировыя украшенія на мундиръ и шляпу и проч. Русскіе говорили, что все это стоитъ тысячъ шестьдесятъ, да и не мудрено—Императрица всегда дѣлаетъ богатые подарки: подкупъ здѣсь вошелъ въ систему.

Среда, 26.—Къ брату.

Маркизъ уѣхалъ съ Пюиссегиоромъ къ Гр. Чернышевой на два дня. Эта дама очень мною недовольна, по словамъ маркиза, котораго она надуваетъ. Письмо, написанное мною для Порталиса, очень ее разсердило, а также предостереженіе, которое я ей сдѣлалъ у жены Захара Чернышева, хотя за него она бы должна быть мнѣ благодарна. Я рѣшилъ не отказываться отъ своихъ правъ на ея уваженіе и признательность; если она захочетъ, такъ я ей это докажу въ присутствіи мужа. Въ сущности ей просто досадно, что я знаю ея исторію съ Порталисомъ, авансы, которые она ему дѣлала, и фальшивое, безчестное поведеніе по отношенію ко мнѣ. Мнѣ, конечно, все равно, что она думаетъ; я презираю такихъ женщинъ, которыя не обладаютъ даромъ даже забавлять меня. Поэтому буду являться къ ней возможно рѣже,

Четвергъ, 27. Къ брату

Сегодня утромъ сдѣлалъ визитъ Эйлерамъ, у которыхъ давно не былъ. Невѣстку стараго геометра нашель окруженной дѣтьми; это мнѣ понравилось. На этихъ дняхъ представляю Эйлерамъ шевалье де Лилль, у котораго есть письмо къ старику,

Я тебѣ говорилъ о поѣздѣ къ Головинымъ; я къ нимъ попалъ въ четвертомъ часу, благодаря тому, что мой извозчикъ пропутался два часа сряду. У Головиныхъ я нашелъ большую кампанію: тамъ были воспитанницы монастыря съ м-мъ и м-ель Ляфонъ. Первая очень приличная и добродушная съ виду женщина, но если она угодна Бецкому, который боится противорѣчій и привыкъ чтобы его водили за носъ лестью, то едва ли она годна, чтобы стоять во главѣ учрежденія. Послѣ обѣда, сервированнаго въ двухъ залахъ, всѣ вышли въ садъ и тамъ танцевали. Забылъ тебѣ сказать, что передъ танцами, происходившими въ аллеѣ, которую замостили досками и окружили занавѣсами, м-ель Дугни (Dougni) помирилась съ м-мъ Ляфонъ. Произошло это очень быстро, съ обѣихъ сторонъ пролиты слезы, можетъ быть и неподдѣльныя, какъ это обыкновенно бываетъ. Воспитанницы держали себя недурно; въ ихъ глазахъ блещетъ желаніе повеселиться и свѣтъ имъ кажется, я полагаю, очень соблазнительнымъ. Я танцевалъ съ дѣвицей Симоновой, молоденькой, хорошо сложенной и обладающей тонкимъ благороднымъ профилемъ. Въ 8 часовъ балъ кончился, такъ какъ въ 9 надо быть въ постели. Еще забылъ тебѣ сказать, что дочь м-мъ Ляфонъ представляетъ собою полную противоположность матери. Ея живая и рѣшительная фizioномія свидѣтельствуетъ объ умѣ и современномъ настроеніи. Она очень любезна, хорошо поддерживаетъ разговоръ и легко отбивается отъ нѣсколькихъ спорщиковъ сразу. Претендуетъ на умъ и удачно поддерживаетъ эту претензію. Остатокъ вечера прошелъ въ прогулкахъ, танцахъ и вѣдѣ. Я говорилъ съ Нелединской о Гр. Андрѣѣ. Она вспоминаетъ о немъ съ грустью и жалуется на обиды, нанесенныя ей передъ отъѣздомъ, на которыя всякая другая женщина отвѣчала бы ненавистью, «а въ моемъ сердцѣ они вызываютъ печаль» — говорила она. — «Если бы я только потеряла его! Мое горе гораздо тяжелѣе!»

Не знаю, какія это такія тяжелыя обиды; конечно, ужъ не сплетни насчетъ покойной великой княгини. Можетъ быть его склонность къ Бяратинской? Вліяніе женщины Нелединская сама отрицала, что же касается Бяратинской, то не думаю — онѣ

до сихъ поръ друзья. Мнѣ не хочется очень спрашивать, такъ какъ она всегда плачетъ при этихъ разговорахъ. Чтобы развлечь, я заговорилъ о ея предполагаемомъ путешествіи. Она ждетъ продажи своего имѣнія, причемъ, за уплатой долговъ, у ней останется 12,000 р. дохода. Но надо подождать пока операція будетъ кончена. У русскихъ такъ мало взаимнаго довѣрія, они такъ опасаются другъ друга, что не смѣютъ, какъ у насъ во Франціи, поручить кому-нибудь окончаніе своихъ дѣлъ въ своемъ отсутствіи. Небрежность и мошенничество суть два неудобства, съ которыми здѣсь постоянно и послѣдовательно встрѣчаешься.

Передъ отъѣздомъ, я долженъ былъ оказать вниманіе матери Нелединской, гр. Головиной. Это — добродушная старушка лѣтъ пятидесяти, глухая и болѣзненная, но не тяготящаяся своимъ положеніемъ. Она хорошо принимаетъ гостей и я хотѣлъ заявить ей мою благодарность, посвятить нѣсколько времени разговору съ нею, что всегда нравится старикамъ.

Суббота, 29. — Къ брату.

Въ полдень приходилъ Серестъ, прочитавшій мнѣ письмо отъ Пиктэ, который, въ виду неудачи своего ходатайства передъ кн. Орловымъ, ждетъ помощи только отъ пистолета, которымъ завтра и проситъ снабдить его. Онъ проситъ Сереста пріѣхать въ Царское Село. Я сталъ искать средства спасти этого чловѣка отъ самоубійства, къ которому онъ способенъ прибѣгнуть. Серестъ говоритъ, что всѣ двери передъ нимъ закрыты, даже дверь голландскаго резидента. Я поѣхалъ къ послѣднему, чтобы уговорить его сжалиться и снабдить несчастнаго суммой, нужной для того, чтобы уѣхать моремъ потихоньку. Но Сьюартъ сдѣлалъ мнѣ весьма основательное возраженіе, состоящее въ томъ, что Пиктэ, по своему отношенію къ колоніальнымъ дѣламъ, является государственнымъ преступникомъ, и что въ нашемъ положеніи было бы очень не тактично доставлять ему средства къ побѣгу, такъ какъ этотъ чистогуманный поступокъ былъ бы приписанъ русскими какимъ-нибудь корист-

нымъ мотивамъ. Такимъ образомъ мы порѣшили, что Серестъ долженъ завтра отправиться въ Питтъ и уговорить его въ послѣдній разъ попытаться счастья у кн. Орлова, а въ случаѣ неудачи, мы посмотримъ какъ поступить.

Эта исторія, мой другъ, омрачила мою душу, а веселость безшабашной Билы вновь разсѣяла мракъ. Я обѣдалъ у нея съ нѣсколькими капитанами только-что прибывшихъ судовъ. Послѣ обѣда я заставилъ ее разболтаться, такъ какъ она всегда знаетъ какія-нибудь новости. По ея словамъ, поѣздка въ Берлинъ, очень обезпокоившая народъ, окажется, пожалуй, для великаго князя гибельною, если прусскій король вздумаетъ задержать его. Кромѣ того, она увѣряетъ, что принцъ Генрихъ выполнить порученіе своего брата, возобновивъ союзъ между нимъ и Императрицей, союзъ выгодный для него и который чуть было не былъ разрушенъ великой княгиней, къ ихъ удовольствію скончавшейся. Другіе думаютъ, что принцъ Генрихъ не достигъ своихъ цѣлей. Каковы бы онѣ ни были, но онъ можетъ еще вознаградить себя въ Берлинѣ, гдѣ великій князь останется до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно его прусскому величеству.

Татары бойко работаютъ; говорятъ, что они умертвили 2000 русскихъ. Турки предложили кн. Репнину смягчить одинъ изъ параграфовъ трактата, относящійся къ татарамъ; Совѣтъ и Сенатъ будто бы согласились и только одна Императрица, изъ тщеславія, не утвердила ихъ мнѣнія, что и было причиною вышеупомянутой войны. Я ни за что не ручаюсь, но вѣрю въ возможность этого. Кн. Потемкинъ отказался отъ дома, который Императрица ему предложила; говорятъ, что онъ не нашелъ этотъ домъ достаточно хорошимъ, но дѣлаетъ видъ, что совершенно доволенъ.

Воскресенье, 30.—Къ брату.

Я еще не говорилъ тебѣ, мой другъ, о шевальѣ д'Ілѣ, который былъ въ Копенгагенѣ, а теперь проведетъ нѣсколько времени здѣсь. Это очень порядочный малый, искусный въ своемъ ремеслѣ моряка и очень его любящій. Сегодня я его представилъ Штелину, Эйлеру и ба-

рону Сакену, а дорогой мы все время разговаривали. Онъ меня спросилъ о нѣкоемъ мичманѣ (enseigne de vaisseau) Капонѣ (Caron), называющемъ себя здѣсь кавалеромъ Капони. Д'Іль знакомъ съ нимъ и потому интересуется его судьбою, но онъ не зналъ, что этого Капона прислали сюда родители, за дурное поведение, какъ мнѣ сообщилъ маркизъ.

Я узналъ новость, которая требуетъ подтвержденія: Ревель и Рига заложены (sont hypothéqués) голландцамъ за русскіе долги. Это, еще мѣсяцъ тому назадъ, говорили д'Ілю въ Стокгольмѣ. Надо справиться въ чемъ дѣло. Д'Іль увѣряетъ, что англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ имѣлъ много неприятностей по поводу исторіи съ королевой*). А англичане продолжаютъ терпѣть неудачи въ своихъ дѣлахъ, въ Америкѣ**).

Сакенъ, русскій посолъ въ Данію, пользуется тамъ большимъ вліяніемъ; повидимому ея величество начинаетъ смотрѣть на Данію, какъ на провинцію своего государства. Характеръ датчанъ, такъ же, какъ и шведовъ, по словамъ шевалье д'Іля, видѣвшаго и тѣхъ, и другихъ, чрезвычайно подозрителенъ. Они насъ ненавидятъ, боятся и все-таки намъ подражаютъ.

У гр. Андрея Разумовскаго, отъ котораго я получилъ сегодня письмо, перекосило, говорятъ, ротъ на сторону. Апплексическій ударъ! Въ его-то годы! Мы, во Франціи, называемъ это результатомъ отравы, и мы правы. Меня безпокоитъ судьба гр. Андрея; я хотѣлъ бы поскорѣ видѣть его выѣхавшимъ изъ этой страны, гдѣ убійства, отравленія и пр. столь обыкновенны.

Р. S. Гр. Головкинъ назначается, говорятъ, въ Дрезденъ, вмѣсто Бѣлозерскаго; онъ очень порядочный человѣкъ.

Понедѣльникъ, 1 іюля.—Къ брату.

Протекло уже, мой другъ, шесть мѣсяцевъ этого года, который я не раз-

*) Каролиной-Матильдой, сестрой Георга III англійскаго и женой Христіана VII датскаго, обвиненной въ связи съ министромъ Струэнзе, разведенной и изгнанной въ Ганноверъ.

***) Въ эту минуту засѣдалъ уже филадельфійскій конгрессъ, провозгласившій независимость Соединенныхъ Штатовъ.

считывалъ сплошь провести вдаль отъ тебя, а между тѣмъ, надеждѣ на наше свиданіе не суждено; должно быть, исполниться и въ продолженіе шести слѣдующихъ мѣсяцевъ. Конца моего здѣсь пребыванія не видать и—признаться ли тебѣ, другъ мой?— я начинаю менѣе желать его, такъ какъ съ Петербургомъ меня теперь связываютъ такіа нѣжныя чувства, какихъ я не ожидалъ имѣть. Я тебѣ часто говорилъ о милой дѣвушкѣ, съ которой я познакомился вскорѣ по прїѣздѣ сюда и которая тогда же показала мнѣ опасной для моего спокойствія. Опасность эта, съ теченіемъ времени, возрастала, а теперь уже я могу сказать, что та привязанность, которая служила для меня сначала пріятнымъ развлеченіемъ, превратилась теперь въ деснотическое чувство, вполне мною овладѣвшее. Я теперь покоя не имѣю отъ радости видѣть себя любимымъ и отъ страха потерять эту любовь, пасть въ глазахъ той, которую люблю. Ты знаешь, мой другъ, крайнюю мою живость, впечатлительность и чувствительность, а стало-быть можешь себѣ представить, что я испытываю. Шарлотта молода и красива; тысячи людей желали бы ей понравиться; она предпочла меня, я вполне счастливъ, но кто знаетъ, на долго ли?

Обѣдалъ у Голицыной, въ ея загородномъ домѣ, въ 18 верстахъ отъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ. Мѣсто-положеніе прекрасное, сады очень хороши, хотя не подстрижены, и самый домъ не дуренъ. Изъ столовой видно море и вообще видъ великолѣпный. Была тамъ Матюшкина; играли въ пословицы. Ужинать я отправился въ Бемерамъ.

Вторникъ, 2.—Къ брату.

Сегодня мы были съ маркизомъ въ монастырѣ для малолѣтнихъ дѣвицъ. Бецкій предупредилъ насъ, что мы явимся нечаянно, и что онъ нарочно выбралъ этотъ день, чтобы видѣть учрежденіе безъ всякой подготовки. Мы, въ самомъ дѣлѣ, были въ это время у Бецкаго, на набережной, а потомъ, вмѣстѣ съ нимъ поѣхали въ монастырь; сначала въ квартиру м-мъ Ляфонъ. У нея мы нашли нѣсколькихъ воспитанницъ, которыя насъ потомъ и водили повсюду. Несмотря на

предполагася нечаянность нашего визита, насъ ждали, какъ сообщила мнѣ одна изъ дѣвицъ. Благодаря этому, вѣроятно, мы повсюду нашли порядокъ, что, говорятъ, не всегда бываетъ.

Видѣлъ я тамъ м-ль Ляфонъ, о которой говорилъ тебѣ раньше. Она мнѣ не показалась такъ хороша, какъ въ первый разъ. У нея много претензій, не идущихъ ни къ ея положенію, ни къ фигурѣ. Можетъ быть мнѣ это только кажется, въ силу предубѣжденія, такъ какъ я кое-что объ ней слышалъ. Говорятъ, что она веселаго характера и, по видимому, не ошибаются. Была она влюблена въ Денона и устраивала для него очень пріятные ужины. Рибасъ, узнавшій про эти маленькія развлеченія, нашелъ ихъ неподходящими, а такъ-какъ онъ—правая рука Бецкаго, то кредитъ м-ль Ляфонъ значительно понизился.

Забылъ тебѣ сказать, что, осматривая очаровательный домъ старика Бецкаго, мы были и въ томъ домикѣ, въ концѣ сада, который онъ подарилъ Рибасу съ женой. Рибасъ принялъ меня очень любезно и просилъ посѣщать его.

Среда, 3.—Къ брату.

Утро провелъ въ академіи наукъ, вмѣстѣ съ шевалье д'Алемъ. Не стану тебѣ рассказывать, что я тамъ видѣлъ, упомяну только о штанахъ изъ женской кожи, которые намъ показывали; кожа толстая и плотная.

Фаворитъ, обвѣшанный всѣми своими лентами, уѣхалъ, наконецъ; провожали его всеобщими проклятіями, но онъ зато увезъ много денегъ. Говорятъ, онъ получилъ шестьдесятъ или семьдесятъ пять тысячъ пенси, да 20,000 единовременно. Ѣдетъ онъ прямо въ свое губернаторство.

Вторникъ, 16.—Къ брату.

Съ 3-го числа, мой другъ, ты не получалъ отъ меня писемъ и я не имѣлъ ни силы, ни смѣлости писать тебѣ. Въ воскресенье, 7-го, я былъ при дворѣ, въ Петергофѣ, прекрасномъ загородномъ дворцѣ Императрицы, на берегу моря, съ очень хорошими садами и фонтанами. Но лучшее его достоинство состоитъ въ мѣстоположеніи. Въ этотъ день мы пред-

ставляли ко двору многихъ французовъ, какъ моряковъ, пришедшихъ на «Тампонитъ», подъ командою Вердена, такъ и другихъ, прїѣхавшихъ по сухому пути, какъ напримѣръ: де-Мэма, Вассэ, д'Аттильи, а также испанца маркиза де-ля-Жамайкъ *). Удивительно, что изъ всей этой компаніи, самыми приличными по тону и манерамъ оказались моряки. Особенно одинъ, по имени Маркери, человекъ очень достойный, хорошій танцоръ и весьма просвѣщенный экономистъ. Мы встрѣтились съ болѣшимъ удовольствіемъ и я былъ столь же очарованъ, сколько польщенъ этимъ знакомствомъ. Вечеромъ, возвращаясь съ гр. Брюлемъ изъ Петергофа въ Петербургъ, то-есть, проѣхавъ около 30 верстъ, я очень утомился. Это утомленіе, соединенное, должно быть, съ простудою, заставило меня прохворать восемь дней.

Лежа въ своей комнатѣ, я узналъ о приключеніи, совершившемся въ Петергофѣ, и служащемъ не къ чести русскихъ, особенно главнаго дѣйствующаго лица. Въ среду былъ балъ при дворѣ, причемъ кто-то распространилъ, подъ рукою, что Вассэ прекрасно танцуетъ. Гр. Иванъ Чернышевъ донесъ объ этомъ Императрицѣ, и Вассэ заставили протанцовать, какъ на театрѣ, менуэтъ, контрдансъ и аллемандъ. Ты достаточно хорошо знаешь, мой другъ, завистливость русскихъ, чтобы угадать, что произошло. Они со вниманіемъ слѣдили за танцами, но только для того, чтобы ихъ раскритиковать. Когда Вассэ кончилъ, Иванъ Чернышевъ опять обратился къ Императрицѣ съ просьбою дозволить произвести сравненіе французской ловкости съ русскою, причемъ вызвать молодого гр. Миниха, который, дѣйствительно, хорошо танцуетъ. Хотя этотъ молодой человекъ еще передъ баломъ заявилъ императрицѣ о смерти своего дяди, Скавронскаго, и просилъ извиненія, что по этому случаю, танцовать не будетъ, но тутъ Иванъ Чернышевъ его уговорилъ постоять за славу Россіи. Уподобившись марionеткѣ, Минихъ согласился, и когда онъ кончилъ, то всѣ присутствовавшіе, съ Чернышевымъ во главѣ, воскликнули: «вотъ это танцы!».

*) Карлъ Фицъ-Джемсъ, называемый маркизомъ де-ля-Жамайкъ (de la Jamaïque).

А самъ молодой атлетъ, сияя радостью, сказалъ окружающимъ дамамъ: «я отомстилъ за честь Россіи!» Видаль ли ты, мой другъ, гдѣ-либо такое нахальство и фатовство? Не думаю, потому что ты не жила въ полярныхъ странахъ.

Другое обстоятельство меня гораздо болѣе занимаетъ и тревожитъ, это—письмо, написанное мнѣ Шарлоттой восемь дней тому назадъ. Она, подъ какимъ-то предлогомъ, прїѣхала съ матерью въ городъ и послала мнѣ письмо съ какимъ-то солдатомъ, который, вмѣсто меня, отнесъ письмо къ Нормандецу. Нормандецъ, возвратившись домой, находитъ это письмо, распечатываетъ его несмотря на чужой адресъ, находитъ слишкомъ нѣжнымъ и является на другой день къ Бемерамъ съ выговорами и жалобами. Шарлотта защищается какъ можетъ, а женщины умѣютъ защищаться!.. Прїѣзжаю я; мнѣ рассказываютъ всю исторію, говорятъ, что наши сношенія открыты, что весь свѣтъ объ нихъ говорить и что надо удвоить предосторожности. Признаюсь, эти дипломатическіе ходы мнѣ не нравятся, мой другъ; я разсердился, голова у меня пошла кругомъ, воображеніе настроилось на мрачный ладъ и я счелъ себя нелюбимымъ болѣе, несмотря на туть же данныя доказательства противнаго. На другой день пришло письмо отъ Брессона, упрекающее меня въ непостоянствѣ и пробудившее въ моемъ сердцѣ былыя чувства. А какъ я страдалъ! Какъ я проклинаю свою впечатлительность!

Среда, 17.—Къ брату.

Ужиналъ у кн. Щербатовой. Нашелъ всю семью въ саду, занятою приготовленіемъ кушанья. Каждый самъ себя готовилъ свое блюдо и можешь себя представить, было ли оно вкусно. Но было много смѣха, а веселость, какъ ты знаешь, есть лучшая приправа къ обѣду, даже самому изысканному. Спрашивалъ кто будетъ новымъ фаворитомъ (Шарлотта просила меня узнать объ этомъ), такъ какъ звѣзда Завадовскаго видимо закатывается—его повысили, сдѣлали генералъ-аншефомъ, а это вѣрный признакъ отдаленія. Замѣстителя его зовутъ Безбородовымъ (*Besborodof*); это—украин-

скій полковникъ, по росту, силѣ, жизненной энергіи вполне достойный новаго поста...

Суббота, 20.—Къ брату.

Недавно видѣлъ г-жу Нолькенъ, жену шведскаго посланника, только-что вышедшую за него замужъ и прибывшую сюда два дня тому назадъ. Она недурна, но страшно застѣнчива. Былъ у Щербатовыхъ, гдѣ узналъ о милостяхъ, дарованныхъ въ четвергъ флоту Императрицею. Эволюцій, впрочемъ, никакихъ не было, а потому и я не присутствовалъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нездоровится. Церемонія, однакожъ, была, говорятъ, красивая, а главное — шумная, такъ какъ сопровождалась пальбою. Ея величество пожаловала адмиралу Грейгу ленту Александра Невскаго и раздала морякамъ 345000 р. деньгами.

Я много разлѣзжаю и очень скучаю. Вчера ужиналъ у оберъ-мундшенка; у него прекрасный садъ и хорошіе огороды, много фруктовъ и цвѣтовъ. Это въ пяти верстахъ отъ Петербурга.

Бильо сообщила мнѣ оригинальную новость. Она увѣряетъ, что здѣшняя колонія дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы добиться замѣщенія маркиза де-Жюинье графомъ Адамаромъ, нашимъ посланникомъ въ Брюсселѣ. Маркизь будто бы не пользуется достаточнымъ влияніемъ; про него говорятъ только, что онъ «добрый человекъ». Ему вредитъ пристрастіе къ Чернышовымъ. Бильо прибавила, что я за то здѣсь преуспѣваю; очень бы желалъ этого. Говорятъ, что я остеръ и насмѣшливъ, но вѣдь съ этими людьми иначе нельзя: они любятъ только того, кого боятся.

Воскресенье, 21.—Къ брату.

Мы думали, что въ Петергофѣ будетъ куртагъ и сильно ошиблись. Графъ Брюль, собиравшійся везти меня туда, все-таки сдержалъ слово и мы отправились объѣхать къ Ивану Чернышову, но прежде я заѣхалъ къ Бемерамъ.

Тонъ Чернышовыхъ былъ сегодня болѣе милостивымъ. Я много говорилъ съ маркизомъ де-ла-Жамайе, который проникнуть массонскими идеями и ка-

жется очень интереснымъ. Я общалъ дать ему шифръ для переписки объ этихъ вопросахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ баронъ Дюбенъ (Düben), который по интригамъ Остермана и противъ воли покойнаго короля былъ шведскимъ посланникомъ въ Польшѣ. Этотъ человекъ, продавшійся Россіи, пріѣхалъ сюда искать службы; но онъ человекъ дюжинный и не опасенъ.

Пробовали надѣть свафандръ на одного мужика, и онъ очень хорошо держится подъ водою. Затѣмъ плавалъ маленкій негръ гр. Чернышовой и мы удивлялись его способности нырять и долго оставаться въ водѣ.

Часть общества ужинала у фельдмаршала Голицына, въ томъ числѣ были и мы съ Брюлемъ. Играли въ пословицы; Пюисегюръ игралъ на арфѣ, и засидѣлись такъ долго, что я легъ спать только въ половинѣ четвертаго.

Забылъ тебѣ сказать, что маркизь говорилъ мнѣ о торговой компаніи, образующейся среди русскихъ; онъ боится, какъ бы это намъ не повредило. А я думаю, что опасенія его неосновательны, такъ какъ русскіе не могутъ долго быть ни моряками, ни коммерсантами. Нашъ посланникъ хочетъ быть дальновиднымъ! Довольно бы было съ него и простого здравомыслія.

Среда, 24.—Къ брату.

Въ дѣлахъ — ничего интереснаго; фавориты — Орловъ, Завадовскій, Безбородовъ — всѣ на своихъ мѣстахъ. Второй изъ нихъ испытываетъ нѣкоторыя неудовольствія, но онъ держится за Орлова и потому положеніе его продолжаетъ быть прочнымъ. Говорятъ, что полицмейстеръ Архаровъ вызывается сюда изъ Москвы, чтобы получить свою долю фавора отъ монархини, которая уже даровала ему таковую въ Москвѣ. Вліяніе м-ель Брюсь, говорятъ, будто бы падаетъ. Слухи о назначеніи кн. Репнина военнымъ министромъ не прекращаются; скоро онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и тогда мы увидимъ, справедливы ли они.

Флотъ Императрицы, плавающій теперь въ Финскомъ заливѣ и долженствующій вернуться къ 14 августа, состоитъ изъ пятнадцати кораблей о 60—74 пушкахъ

и семи фрегатомъ; галеръ при немъ нѣтъ. Наши моряки съ *Тампоны* находятъ, что русскія суда плохо построены — въ нихъ слишкомъ много ели.

Наша габара (*gabare*) недавно ушла въ море съ марк. де-ля-Жамайкъ, де-Мэмомъ, д'Атилли, Вассэ и Пюисегюромъ. Они идутъ въ Копенгагенъ, отсюда *Тампонна* вернется въ Тулонъ. При дворѣ всѣмъ этимъ господамъ дали прозвища: Вассэ прозвали кавалеромъ Сердечкинымъ (*de Coeur*), д'Атилли — маркизомъ Вѣрнымъ (*de Foi?*), Жамайка — барономъ Невиннымъ (*Innocent*), а де-Мэма — тѣмъ же самымъ (*de Meme*). Таковъ, мой другъ, обычай въ этой странѣ: все смѣшное тотчасъ же подхватываютъ и забавляются. Игра Пюисегюра на арфѣ заслужила ему прозвище царя Давида. Думаю, что онъ вернется сюда къ сентябрю; по крайней мѣрѣ маркизъ того желаетъ и Чернышovy его поддерживаютъ, потому что онъ за ними ухаживаетъ, а они не хотятъ выпустить его изъ рукъ, что могло бы случиться, еслибъ онъ подпалъ моему влиянію. Всѣ думаютъ, что я только и жду отъѣзда Пюисегюра, чтобы начать дѣйствовать, то есть отвлекать маркиза отъ Чернышовыхъ, отъ которыхъ онъ не выходитъ. Всѣ объ этомъ говорятъ; русскіе говорятъ, что онъ поступилъ къ нимъ нахлѣбникомъ, что Чернышовъ его надуетъ. Говорятъ даже, что и теперь Чернышovy надъ нимъ смѣются, только онъ не замѣчаетъ этого. Я тамъ бываю очень рѣдко, несмотря на зыванья маркиза. Печально видѣть, что такіе люди овладѣли маркизомъ и слышать сплетни по этому поводу. Желаю, чтобы это не повредило ему въ Парижѣ, какъ вредитъ здѣсь. Въ Петербургѣ онъ не пользуется вниманіемъ. Говорятъ даже, что недолго и останется здѣсь. Французскіе моряки очень его осуждали. Его громко порицаютъ за слабость и смѣются надъ нею. Недавно онъ оправдалъ это мнѣніе, не заступившись за своего лакея, котораго поколотили. Вообще онъ всегда останется дюжиннымъ человѣкомъ.

Я познакомился съ двумя англійскими семьями; одна изъ нихъ купеческая: мужъ — базельскій негодантъ, мистеръ Вельдентъ, а жена — бывшая любовница Петра III, до сихъ поръ разыгрывающая императрицу, что въ ея положеніи до-

вольно смѣшно, но что всѣ терпятъ изъ-за ея дочери, дѣвицы очень милой, талантливой и образованной. Другая семья — здѣшняго англійскаго священника Таута (*Taught*). Это меня заставило заниматься англійскимъ языкомъ, и я теперь всякій день читаю по-англійски.

Былъ нѣсколько разъ у Головинныхъ и разговаривалъ съ Нелединской о гр. Андрѣ. Она все жалуется, плачетъ и старается его забыть. Ко мнѣ она выказываетъ большую дружбу, что и меня заставляетъ относиться къ ней дружески. Это не единственная куртизанка (*femme galante*), обладающая чувствительнымъ сердцемъ. У нея живетъ четырнадцатилѣтняя дѣвочка, Юрасова, которая со мной заигрываетъ (*fait des agaceries plaisantes*).

Воскресенье, 4 августа. — Къ брату.

Сегодня, мой другъ, былъ послѣдній куртажъ въ Петергофѣ. Сверхъ ожиданія и безъ всякаго предупрежденія, много танцевали. Говорятъ, что причиной этого была вѣсть о помолвкѣ великаго князя съ принцессой Виртембергской. Вѣсть эту привезъ сегодня Императрицѣ одинъ изъ офицеровъ полка его величества, получившій въ награду чинъ капитана и прекрасную табакерку.

Мы съ маркизомъ обѣдали у гр. Чернышовой, которая скоро переѣзжаетъ въ городъ. Я тамъ видѣлъ Загряжскую, очень повеселѣвшую и болѣе обыкновеннаго до вѣрчивую. Мы дружелюбно разговаривали и она нашла, что я обладаю особеннымъ талантомъ вызывать ее на разговоръ.

Нѣсколько дней тому назадъ мы съ гр. Брюлемъ ѣздили смотрѣть русскій флотъ на морѣ. Поѣхали мы на шлюпкѣ, изъ Петергофа въ Кронштадтъ, съ однимъ морскимъ офицеромъ. Выѣхали въ 8 часовъ вечера, а пріѣхали почти въ полночь. Отправившись на другой день, въ 8 часовъ утра, на парусномъ ботѣ, мы въ полтора часа доѣхали до стоянки флота, въ 20 верстахъ отъ Кронштадта. Вѣтеръ былъ довольно силенъ, насъ качало и даже нѣсколько разъ волны захлестывали палубу, но я морской болѣзни не испыталъ.

Флотъ, какъ я тебѣ уже говорилъ, состоитъ изъ четырнадцати кораблей по

60—80 пушекъ, и семи фрегатова. Адмиралъ Грейгъ, шотландецъ, принялъ насъ на борту своего корабля, откуда мы отправились объѣдать къ контръ-адмиралу Барчу (*Barch*), русскому, очень веселому и добродушному человѣку; говорить, что онъ получилъ мѣсто въ Морской Коллегіи, хотя предпочитаетъ, по видимому, оставаться на своемъ кораблѣ. Капитанамъ здѣсь отдають честь музыкой, играющей при прибытіи и отбытіи, а для пріема адмираловъ команда выстраивается и кричитъ *ура*; иногда корабль салютуетъ имъ пушечными выстрѣлами. Послѣ довольно хорошаго объѣда, мы вернулись къ адмиралу Грейгу и смотрѣли на примѣрный морской бой между двумя половинами флота, стоявшаго въ двѣ линіи. Бой продолжался семь минутъ, причеъ изъ каждой пушки было выпущено по 7—9 выстрѣловъ. Это зрѣлище очень меня заняло. Приготовленія къ бою и самый бой заняли около часу. Я не былъ удивленъ скоростью маневровъ, но любовался порядкомъ и крайней чистотою на судахъ, а также субординаціей, царствующею на борту. Мы бросили якорь и провели остатокъ дня въ ѣдѣ, питіи и слушаніи разговоровъ на русскомъ языкѣ, а затѣмъ легли спать. Кн. Гагаринъ уступилъ мнѣ койку въ своей каютѣ.

На другой день, во вторникъ, поднялся сильный туманъ, заставившій насъ остаться на якорѣ. Послѣ объѣда мы ѣздили на шлюпкѣ осматривать мортирный фрегатъ (*frégate à bombes*) или гальотъ. При насъ выпустили шесть бомбъ по 200 ливровъ. Выстрѣлы были такъ сильны, что пришлось затыкать уши; одинъ разъ я забылъ сдѣлать это и почувствовалъ въ правомъ ухѣ довольно сильную боль. При выстрѣлѣ, отъ толчка, судно погружается въ воду фута на два.

Утромъ мы осматривали пороховой погребеъ, гдѣ оставались съ полчаса. Этотъ погребеъ находится на самомъ днѣ судна, подъ водою. Онъ довольно обширенъ и освѣщается фонаремъ въ два квадратныхъ фута, установленнымъ на массивномъ пьедесталѣ и состоящемъ изъ толстыхъ, выпуклыхъ стеколъ, защищенныхъ проволоочною сѣткою. Въ фонарѣ горятъ нѣсколько свѣчей, зажигаемыхъ изъ другого помѣщенія, отдѣленнаго осо-

бой лѣстницей. Въ погребеъ помѣщается 700 боченковъ и 200 каргузовъ съ порохомъ. Для того, чтобы снабдить одинъ 74-хъ-пушечный корабль, по 50 выстрѣловъ на пушку, нужно 300 боченковъ пороха. Порядоъ, царствующій въ погребеъ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Адмиралъ Грейгъ говоритъ, что на англійскихъ судахъ въ пороховыхъ погребахъ устроены враны, дозволяющіе затопить ихъ водою въ случаѣ пожара. Послѣ ужина, по сигналу, всѣ суда были иллюминированы — на каждомъ изъ нихъ появился бѣлый фейерверочный огонь, дозволяющій видѣть все вокругъ, не смотря на темную ночь.

Справлялся я чѣмъ кормятъ матросовъ; пища хорошая, состоящая изъ овощей, затѣмъ четыре раза въ недѣлю—мясо, а остальные дни—соленая рыба и масло. Сухари изъ чернаго хлѣба, но очень хороши, я пробовалъ. Всякій день полагается по чаркѣ водки и свиное сало (*saucette*?) сколько угодно. Одежда вся, съ ногъ до головы, казенная, но жалованья полагается всего только по восьми рублей въ годъ, поэтому матросъ всегда нуждается въ деньгахъ.

Въ среду мы сдѣлали визиты нѣсколькимъ капитанамъ, на ихъ корабляхъ; на каждомъ пришлось выслушивать комплименты, закусывать соленымъ мясомъ и пить вино или ликеры, такъ что мы вернулись назадъ нагруженные пятью завтраками, сверхъ которыхъ положили еще объѣдъ. Послѣ объѣда я уѣхалъ на шлюпкѣ, а Бресоль остался.

Возвращеніе въ Петербургъ было довольно продолжительно; мы провели ночь въ морѣ и прибыли только на другой день, въ 8 часовъ утра, при сплошномъ туманѣ, мѣшавшемъ видѣть городъ. Приѣхавъ домой, я получилъ отъ тебя пакетъ, переданный мнѣ кн. Барятинской. Въ немъ было письмо отъ м-ель де-Бреанъ и нѣсколько милыхъ строчекъ отъ м-ель де Бриссоля. Послѣднія меня порадовали и опечалили, такъ какъ я живу далеко отъ нея, а ея чувствительная душа очень сходится съ моею. Шарлотта меня любитъ, другъ мой, въ этомъ я не сомнѣваюсь, но я желалъ бы быть любимымъ такъ, какъ самъ люблю, какъ Шарлотта любитъ не можетъ, потому что она даетъ мнѣ

только частичку того чувства, къ которому способно ея сердце, а мы этой частичкой удовольствоваться не можемъ. Вчера мы съ ней видѣлись, она высказала мнѣ довѣріе и привязанность; мнѣ не на что жаловаться, я могу быть доволенъ только самъ собой.

Пятница, 9.—Къ брату.

Употребивъ большую часть дня на писаніе, я отправился къ Нелединской. Повѣришь ли, мой другъ, что эта женщина, которую считают куртизанкой, успокоила мою душу, столь тревожную за послѣднее время? У этой женщины есть сердце; она понимаетъ самые тонкіе отгѣнки, ускользающіе отъ вниманія другихъ. Разговоръ съ нею мнѣ нравится, потому что мы сходимся во мнѣніяхъ и она внушаетъ мнѣ довѣріе. Она предложила мнѣ ѣхать въ театръ. Я все время сидѣлъ въ ея ложѣ, и мы разговаривали. Разговоръ начался съ гр. Андрея, а потомъ перешелъ на мнѣніе, которое Нелединская желаетъ, чтобы я имѣлъ о ней, на довѣріе и дружбу, которая она во мнѣ чувствуетъ, съ условіемъ, чтобы я былъ искрененъ. Мнѣ нужно было сдѣлать визитъ Щербатовымъ, послѣ чего я вернулся ужинать къ Нелединской. Она была одна; мы вновь начали прежній разговоръ, который я приправлялъ маленькими ласками, принимаемыми такъ, какъ будто имъ не осмѣливались вѣрить. Въ моемъ карманѣ нашлись стихи сочиненные мною для Разумовскаго, о которомъ мы говорили во время спектакля. Написаны они довольно горячо. Я ихъ прочелъ, и съ большимъ успѣхомъ. «Не могу говорить, какъ я тронута» — сказала мнѣ Нелединская, — «когда вы это сочинили?» Я отвѣчалъ, что, сочиняя, имѣлъ въ виду ее, что она внушила мнѣ тѣ чувства, которыми согрѣты мои стихи. По правдѣ, мой другъ, удивительно была соблазнительна эта женщина! Хорошенькіе глазки, устремленные на меня и горящіе страстью, которую я описывалъ; сладострастная улыбка; бѣлая, нѣжная шейка и отдающее молчаніе... Я припалъ къ ея руцѣ, и пошелъ бы, пожалуй, дальше, если бы мы не сидѣли у окна, не ждали

гостей и я не желалъ бы оставаться другомъ... Когда я кончилъ читать, пришелъ гр. Брюль и мы сѣли ужинать.

Суббота, 10.—Къ брату.

Приходилъ Фальконэ поговорить со мною о Помелѣ, напечатавшемъ свою записку въ *Энциклопедическомъ журналѣ*. Фальконэ, сильно занятый работою въ настоящее время, не можетъ отвѣчать ему въ газетахъ ничѣмъ, кромѣ простого опроверженія, которое и нанишетъ, когда будетъ посвободнѣе.

Бильо подтверждаетъ слухи объ отъѣздѣ маркиза. У Воронцовыхъ, кажется, ей говорили, что маркизъ уѣдетъ въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ Пюисегуромъ, который теперь путешествуетъ по Швеціи и Даніи, а къ тому времени вернется, я же останусь повѣреннымъ въ дѣлахъ. Очень хотѣлъ бы этого, но рассчитывать не смѣю, слишкомъ ужъ было бы хорошо. Къ сожалѣнію, на небрежность маркиза дѣйствительно всѣ жалуются: французы не находятъ у него поддержки, иностранцы его не уважаютъ и смѣются надъ тѣмъ, какъ его объѣхалъ Иванъ Чернышовъ. Отсутствие твердости, по отношенію къ дѣламъ французовъ, очень ему вредитъ. Самъ Остерманъ жалуется на медленность въ доставленіи отзывать, и на то, что маркизъ присылаетъ послѣдніе съ секретаремъ, вмѣсто того, чтобы переговорить лично. Все это вмѣстѣ вредитъ ему, а пристрастіе къ Лессепсу тоже не можетъ поправить дѣла.

Былъ у консула и встрѣтилъ тамъ Сереста, который говоритъ, что многіе русскіе и русскія хорошо меня рекомендовали кн. Бяратинской, и что если между мужчинами у меня и есть враги, то отношеніе ко мнѣ женщинъ должно меня въ этомъ утѣшить. Признаюсь, мой другъ, безъ всякаго тщеславія, что это меня очень порадовало, такъ какъ позволяетъ надѣяться на такое же пріятное существованіе какъ въ Касселѣ. Кромѣ того Серестъ не теряетъ надежды помирить меня съ княжной Трубецкой.

Въ воскресенье, 11.—Къ брату.

Съ Пягетъ, у Леруа. Сегодня утромъ и мы

проговорили часа два. Я поручилъ Пиктэ собрать справки насчетъ того, какъ ко мнѣ относятся высокопоставленные люди и свѣтъ вообще. Между прочимъ, разговоръ обо мнѣ шелъ на одномъ парадномъ ужинѣ, гдѣ были Воронцовъ и Шуваловъ. Послѣдній говорилъ и за и противъ меня, смотря по обстоятельству. Пиктэ думаетъ, что онъ и здѣсь, какъ въ Москвѣ, избѣгаетъ меня, потому что считаетъ влюбленнымъ въ его жену. Вообще, по справкамъ, собраннымъ Пиктэ, оказалось, что меня считаютъ способнымъ вносить напряженность въ общество, потому что я стремлюсь влезать въ душу каждаго, слишкомъ тонко это дѣлаю и беспощадно критикую все, что въ этой душѣ найду. Но все же за мною признають общительность, способность вести разговоръ, развлекать и проч. Вообще, говоря между нами, въ обществѣ дѣлають сравненія весьма для меня лестныя. Пиктэ совѣтуетъ познакомиться съ Воронцовымъ, знанія котораго помогутъ мнѣ разобратся въ коммерческихъ вопросахъ, такъ какъ онъ сторонникъ торговаго сближенія съ Франціей. Я кажется говорилъ тебѣ, мой другъ, о проектѣ удалить маркиза и оставить меня повѣреннымъ въ дѣлахъ. Пиктэ слышалъ отъ Воронцова, что Бакунинъ *) узналъ эту новость изъ канцеляріи Панина, которому кн. Барятинскій писалъ о ней въ одной изъ своихъ депешъ.

Видѣлъ Зиновьеву, которая вернулась въ городъ, но скоро разсчитываетъ уѣхать въ деревню. Здоровье ея все-таки плохо и грудь слаба; нарывъ, образовавшійся на груди, немножко облегчилъ ея страданія, но все же она меланхолично настроена. Мы много говорили о кн. Барятинской, которой она меня представила. У нея большіе проекты на эту зиму—хочетъ образовать у себя комитетъ, въ который и я, можетъ быть, буду принять, по крайней мѣрѣ, она меня объ этомъ просила.

Обѣдалъ у Нелединской, которая ко мнѣ попрежнему хорошо относится. Меня очень смущаетъ сомнѣніе, въ которомъ она находится по поводу моего образа

мыслей на ея счетъ. Иногда она считаетъ меня влюбленнымъ въ нее, а иногда ей кажется, что я только играю роль влюбленнаго—это выходитъ очень забавно. Послѣ обѣда я ей прочелъ конецъ (*l'Homme sensible*), что ей доставило удовольствіе. Мы говорили объ англоманствѣ; она убѣждена, что я не созданъ быть англичаниномъ и что мой сплинъ зимою пройдетъ.

Говорятъ, что Нелединская, которая была прежде любовницей кн. Барятинскаго, откровенно заявила ему, что не любитъ его больше. Онъ, говорятъ, былъ отъ этого въ отчаяніи, но утѣшился съ маленькой Клерофиль (*Clérophile*), которая больше ему подходитъ. Гр. Брюль думаетъ, что желаніе Нелединской ѣхать во Францію объясняется привязанностью къ Барятинскому, и что гр. Андрея она уже позабыла; а я думаю напротивъ, потому что она уже меня просила помирить ее съ послѣднимъ.

Вернувшись, я зашелъ пожелать доброй ночи маркизу. Онъ мнѣ сообщилъ, что въ Португаліи начались волненія, что португальцы вторглись въ испанскія владѣнія и произвели тамъ рѣзню.

Говорятъ, что на одномъ сеймикѣ въ Польшѣ также произошелъ бунтъ; ранили русскаго офицера, командовавшаго отрядомъ, а полякъ, зачинщикъ бунта, былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Передъ смертью онъ просилъ прощенія у офицера и сознался, что самъ былъ виноватъ. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ замѣшанъ Браницкій; онъ принадлежить къ числу недовольныхъ, такъ же, какъ Огинскій.

Американскія дѣла становятся интересными для всей Европы; какъ бы пожаръ не перекинулся изъ Новаго Свѣта въ Старый.

Понедѣльникъ, 12.—Къ брату.

Все утро, мой другъ, я употребилъ на писаніе писемъ. Обѣдалъ у маркиза. Послѣ обѣда ждалъ одного русскаго моряка, который обѣщалъ представить меня м-ель Бонафини, итальянской пѣвицѣ, недавно прѣхавшей сюда. Къ ней мы и отправились. Насъ встрѣтила женщина высокаго роста, около 23 лѣтъ отъ роду, довольно красивая, съ очень хорошими

*) Петръ Васильевичъ, начальникъ канцеляріи (*premier commis*) Панина.

глазами и превосходной косою. Она недурно говорить по-французски и разговаривать съ нею довольно пріятно, насколько объ этомъ можно было судить во время визита, продолжавшагося четверть часа. Говорятъ, она очень талантлива. Затѣмъ я поѣхалъ ужинать къ Бемерамъ. Засталъ тамъ большую кампанію: м-мъ Вельденъ, Г. Г. Вельденъ и Визенъ и пр. Дочь м-мъ Вельденъ очень мила; она пѣла по-итальянски, а потомъ — по-французски, дуэтъ со мною. Шарлотта также пѣла, и, если не обращать вниманія на произношеніе, лучше чѣмъ м-ель Вельденъ,

такъ и пахнетъ Парижемъ, изъ котораго вы пріѣхали!»

Удивительно, что Екатерина II, которую такъ расхваливаютъ въ Европѣ, способна къ такой мелочности. Парижъ ей покоя не даетъ; всѣ, кто тамъ побывалъ, ей не нравятся, и восторгъ, съ которымъ къ нему относятся, ее оскорбляетъ. Такъ же думаетъ и кн. Орловъ. Онъ насъ не любитъ и недавно, на придворномъ обѣдѣ, доказывалъ, что смѣшно, въ Россіи, изучать французскій языкъ и говорить на немъ. А князь Щербатовъ, который мнѣ это рассказывалъ, отвѣтилъ ему, что нужно же любить свою кормилицу.

Вторникъ, 13.—Къ брату.

Среда, 14.—Къ брату.

Я, мой другъ, написалъ много писемъ, чтобы отправить ихъ во Францію съ Пиктэ, который ѣдетъ на дняхъ. Обѣдалъ у консула. Бильо подтверждаетъ слухи объ отставкѣ маркиза и пр. Потомъ я поѣхалъ къ Матюшкинымъ; молодая графиня передала мнѣ утромъ, съ лакеемъ, что меня примутъ, а между тѣмъ ихъ не было дома. Поѣхалъ къ Нолькену, а оттуда домой, гдѣ мнѣ сказали, что маркизъ ждетъ меня у Барятинской; потомъ и я поѣхалъ туда. По внѣшности, она мнѣ понравилась: хорошенькая талія, красивое лицо, благородство, непринужденность и немножко претензіи. Княгиня наговорила мнѣ много любезностей по поводу моего драматическаго таланта, о чемъ ей рассказывали во Франціи и пр. Были тамъ Матюшкины, мать и дочь; послѣдняя опять говорила мнѣ объ эпитафії. Мы много разговаривали, и смѣялись надъ кн. Голицынымъ, съ которымъ она, по ее словамъ, вспоминала обо мнѣ въ деревнѣ; я сталъ его расхваливать и это ее насмѣшило. Ты знаешь, мой другъ, молодой князь влюбленъ въ нее; желалъ бы, чтобы они поженились и говорятъ, что такой проектъ уже существуетъ.

Говорилъ ли я тебѣ, мой другъ, о пріемѣ, оказанномъ Барятинскому Императрицею? Она ему, при первой встрѣчѣ, сказала: «Ахъ, Боже мой! А я думала, князь, что вы пополнѣли *)! Отъ васъ

Обѣдалъ на дачѣ оберъ-шенка, Нарышкина, гдѣ, кромѣ меня, не было никого постороннихъ. Разговаривали о моей поѣздкѣ къ эскадрѣ, что произвело впечатлѣніе и всѣмъ понравилось. Судя по слухамъ, я однакожъ думаю, что гр. Иванъ Чернышовъ недоволенъ этой поѣздкой. Кн. Лобковичъ желалъ также осмотрѣть флотъ, но онъ ужъ теперь въ гавани.

Послѣ обѣда я былъ у Вельденовъ. Засталъ тамъ дѣвицъ Ковеновъ; онѣ молоды, веселы и бойки. Молодая Вельденъ была очень любезна, мы съ ней проговорили и просмѣялись часа два; когда я сталъ прощаться, она велѣла мнѣ передать поклонъ туда, куда я ѣду, то есть Бемерамъ—женщины первыя замѣчаютъ эти вещи, и рѣдко ошибаются. Я дѣйствительно ѣхалъ къ Бемерамъ, Шарлотты однакожъ не засталъ, она отправилась съ Визенами гулять въ Петергофъ.

Читалъ рѣчь Г. Формэ *), (*Fermey*), произнесенную имъ въ Берлинской академіи, въ присутствіи великаго князя и Румянцева. Это—сплетеніе обшихъ мѣстъ, плоскостей и низостей. Говорятъ, что Формэ, въ этотъ самый день, потерялъ сына, и король велѣлъ на сутки задержать похороны. Великій князь, однакоже, приказалъ передать оратору, что онъ можетъ удѣлить академіи лишь нѣ-

*) *Enplumé*—тройной смыслъ: пополнѣли, обросли пухою, набили карманъ. (Примѣч. Перев.).

*) Сынъ французскаго протестанта, бѣжавшаго изъ Франціи послѣ отгнѣна Навтскаго Эдикта; сначала — членъ, а потомъ — непрѣмный секретарь Берлинской академіи.

сколько минутъ, почему Формэ пришлось сократить свою рѣчь, отъ чего она только выиграла. Въ концѣ ея онъ говорилъ о союзѣ дворовъ, прусскаго и русскаго, а также о дружбѣ соответствующихъ принцевъ, причемъ великій князь поцѣловался съ принцемъ Генрихомъ, и оба они поклялись въ вѣрности и неизблемости этой дружбы.

Увѣряютъ, что прусскій король, разговаривая съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ и генераломъ Лентулусомъ (*Lentulus*), сказалъ послѣднему, что Румянцовъ похожъ на него. Фельдмаршалъ замѣтилъ, что желалъ бы нравственно походить на человѣка столь достойнаго и оригинальнаго. «О! на этотъ счетъ вамъ желать нечего — воскликнулъ король — вы сами оригиналь».

Вечеромъ, у маркиза состоялся ужинъ съ гостями: были м-мъ Остервальдъ и м-мъ Нолькенъ, что вышло не особенно весело. Но мы, въ своемъ уголкѣ, смѣялись и рассказывали сказки.

Четвергъ, 15.—Къ брату.

Обѣдалъ у гр. Головиной; очень любезно упрекали въ томъ, что рѣдко бываешь. Это, какъ я тебѣ говорилъ, очень хорошая семья, у нихъ можно научиться добру. Была тамъ Нелединская, мы много говорили, она попрежнему относится ко мнѣ дружески. Я спросилъ правда ли, что она не любитъ больше Барятинскаго и заявила ему о этомъ. Она отвѣчала, что правда, что она писала ему объ этомъ девять мѣсяцевъ тому назадъ, но что она все-таки дружески къ нему расположена. Просили меня остаться ужинать, но я далъ слово маркизу быть у Щербатовыхъ, куда и прѣхалъ въ 9 часовъ: ужинъ уже начался. Вставъ изъ-за стола, репетировали нѣкоторыя сцены изъ *Glorieux*; я взялъ роль Геронта, которую такъ хорошо игралъ въ Труассерѣ *), и которую я играю также въ труппѣ Спиридовой. Я предпочитаю играть у нея эту роль, вмѣсто роли влюбленнаго, потому, что не хочу беспокоить Шарлотту, такъ какъ мнѣ ея жаль, хотя мотивъ ея беспокойства и льститъ самолюбю.

*) Замокъ его брата, маркиза де-Корберона, близъ Бове.

Пятница, 16.—Къ брату.

Актриса Дефуа, разрѣшившаяся мертвымъ ребенкомъ, чувствуетъ себя плохо; за нее боятся.

Пиктэ увѣжаетъ сегодня въ Кронштадтъ, а оттуда во Францію. Полиція позаботилась о томъ, чтобы кредиторы его не беспокоили. Я съ нимъ посылаю письмо къ тебѣ, къ де-Верженну, и проч. Увѣжая, онъ мнѣ оставляетъ нотату о податяхъ въ Россіи. Желаю ему большаго успѣха, чѣмъ здѣсь, гдѣ онъ пользуется плохой славою.

У маркиза, сегодня вечеромъ, собралось много народа къ ужину: Голицины, Матюшкины и кн. Барятинская, которая пользуется вниманіемъ мужчинъ и потому привлекаетъ на себя ревность со стороны женщинъ. Говорятъ, что она очень высокомерна, презрительна и не отдаетъ визитовъ; это не правда; ее просто хотятъ какимъ-нибудь образомъ опорочить.

Кн. Голицинъ много говорилъ мнѣ о своей любви; ему не идетъ быть влюбленнымъ, но онъ не можетъ этого скрыть. Онъ увѣряетъ, что Матюшкина неисправимо легкомысленна и недавно завела себѣ новаго любовника. Это—Салтыковъ, адъютантъ ея величества. Я не вѣрю, потому, что данный господинъ не обладаетъ нужными для того качествами.

Гр. Брюль, ночевавшій у меня, говоритъ, что Мальтицъ (*Maltitz*) послалъ письмо Матюшкиной черезъ кн. Хованскаго (*Kavanski*), адъютанта фельдмаршала Голицина. Письмо это открыли, и Матюшкина, чтобы оправдаться въ его полученіи, сказала, что оно ей передано Брюлемъ, хотя самъ Хованскій сознался въ передачѣ. Нелединская увѣряетъ, что Голицинъ на ней женится, но я не думаю—онъ считаетъ ее слишкомъ вѣтреной; посмотримъ, чѣмъ кончится эта комедія.

Вторникъ, 20.—Къ брату.

Никакихъ извѣстій отъ тебя, мой другъ, и никакихъ надеждъ отъ министра. Слухи насчетъ маркиза не подтверждаются; я попробовалъ зондировать его самого, но онъ ничего не говоритъ, да повидимому ничего и не знаетъ. Онъ

думаетъ, что де-Бретеиль не упускаетъ изъ виду мѣста министра иностранныхъ дѣлъ, и что де-Верженъ рано или поздно слетитъ; я бы этого не желалъ.

Говорятъ объ отставкѣ м-мъ Ляфонъ, потому, что Императрица узнала о безпорядкахъ въ Монастырѣ отъ той молодой дѣвушки, которую взяла къ себѣ. Увѣряютъ, что Бецкій тоже не прочесть и уйдетъ, если только его не стануть удерживать. Надѣюсь, что Ляфоновъ прогонятъ, для блага учрежденія. Говорятъ, что маменька порядочно нажилась на этомъ мѣстѣ, уплачивая расходы по учрежденію только разъ въ 18 мѣсяцевъ и пользуясь за это время двѣнадцатую процентами съ доходовъ, достигающихъ 150.000 въ годъ. Ей очичалось, такимъ образомъ, тысячь восемнадцать ежегодно. А дочка, говорятъ, просто потаскушка (*coduine*); она родила въ Монастырѣ, о чемъ знаютъ и воспитанницы. Сестра ея умерла отъ искусственнаго выкидыша. Какъ видишь — вся семья не представляетъ собою ничего поучительнаго для юности.

Къ обѣду у насъ собрались Рибасы, гр. Минихъ, Нолькены, и проч. Последній страшно ревнуетъ свою жену; онъ постоянно держится рядомъ съ нею и не любитъ, чтобы шутили на этотъ счетъ. Если такъ, то быть ему съ рогами! Да и состояніе-то его пошатнулось; двадцать тысячъ рублей приданаго еще не получены, а уже прожиты, остальные 3.000 будутъ выданы только по рожденіи перваго ребенка; между тѣмъ онъ, какъ говорятъ, нуждается, для этого, въ помощникѣ.

Среда, 21.—Къ брату.

Слухи объ отставкѣ маркиза могутъ зависть, мой другъ, отъ англо-американской распри. Говорятъ, что русскіе берутъ сторону англичанъ и посылаютъ имъ на помощь десять кораблей. Не знаю, насколько это вѣрно, но здѣсь, тѣмъ не менѣе, постоянно разоружаются (*on désarme*).

Обѣдалъ у Спиридовой, гдѣ говорили о спектаклѣ. Она предполагаетъ сыграть *le Glorieux* и *la Jeune Indienne* въ день именинъ ея матери, 26-го. Мнѣ поручено предложить старшей Бемеръ, Каролинѣ,

роль маркизы. Любезный и вкрадчивый Измайловъ участвовать не будетъ. Князь Голицинъ займетъ его мѣсто.

Спиридова должна ѣхать поздравлять одну только что разрѣшившуюся отъ бремени даму. По здѣшнимъ обычаямъ, она должна подарить родильницѣ букетъ. Я также собрался было исполнить этотъ обычай по отношенію къ женѣ Ивана Чернышова, но мнѣ сказали, что молодые люди обоого пола отъ исполненія его избавлены. Надо быть родственникомъ, или другомъ дома, или по крайней мѣрѣ, пожилымъ человѣкомъ, чтобы имѣть право поднести букетъ и поцѣловать родильницу, какъ обыкновенно дѣлается.

Послѣ обѣда, я ѣздилъ на дачу, къ Головинымъ. Нелединская больна и лежитъ въ постели. Боюсь, какъ бы она не отчаялась въ своемъ положеніи, такъ какъ сестра ея умерла отъ такой же болѣзни, и ей имѣли неблагоразуміе сказать это. Мы съ ней много говорили и смѣялись. Она находить, что я пересталъ быть англоманомъ и трунила надо мною по этому поводу. Передъ ужиномъ, когда мы остались одни, она много темныхъ фразъ наговорила обо мнѣ, о Матюшкиной, о моихъ сужденіяхъ по поводу ея характера, о моемъ непостоянствѣ и проч. Я стѣбчалъ, что ничего не понимаю. «Не такъ давно вы понимали и были гораздо интереснѣе,—сказала она,—вы вѣдь ужъ больше не англоманъ? Ахъ, какой непонятливый!». Тутъ я вспомнилъ, что мы съ ней толковали о чувствахъ, о любви, о дружбѣ, и поспѣшилъ перейти на вопросъ о гр. Андреѣ, причемъ замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, непостоянство ея, какъ и Матюшкиной, зависитъ скорѣе отъ постоянной потребности въ чувствѣ, чѣмъ отъ недостатка послѣдняго; что весьма многіе страдаютъ такимъ непостоянствомъ, и что я желаю ей скорѣйшаго успокоенія. Тогда лицо ея вдругъ измѣнилось, глаза покраснѣли, она заплакала и сказала: «Вы меня заставляете молчать, ну, такъ я ничего больше не скажу!».—«Боже мой,—сказалъ я,—что васъ такъ огорчило? Вы меня не поняли!».—«Да вы всегда меня огорчаете!».—«Можетъ ли это быть!—воскликнулъ я,—можетъ ли желать васъ огорчить человѣкъ, искренно васъ ува-

жающій и вашъ другъ! Это ваша подзрительность перетолковываетъ мои слова въ другую сторону; вы не хотите меня узнать, несправедливо меня судите». Ужинъ прервалъ этотъ разговоръ. Я пошелъ въ столовую, а Нелединская ужинала въ своей комнатѣ. Послѣ ужина, я опять вошелъ къ ней напустивъ на себя серьезность и сдержанность. Замѣтивъ это, она сказала: «Хотите взять мои цвѣты? Вы вѣдь ихъ любите». — «Благодарю васъ, отвѣчалъ я, — куда жъ я ихъ дѣну? Они изомнутся въ вазѣхъ. Зачѣмъ вы, — продолжалъ я, — меня подозреваете въ желаніи огорчить васъ? Вы дурно обо мнѣ судите и не правы». Съ этими словами я вышелъ и мы съ Брюлемъ уѣхали. Постинѣ, мой другъ, если бы мое сердце не было занято, если бы въ немъ не царствовала Шарлотта, то я думаю, что влюбился бы въ эту молодую женщину. Она нѣжна, она печальна, она плачетъ, а всякое чувство быстро покоряетъ тѣхъ, которые съ нимъ уже знакомы и его уважаютъ.

Четвергъ, 22.—Къ брату.

Я писалъ сегодня утромъ, другъ мой, когда пришелъ меня навѣстить кн. Голицинъ. Мы говорили о его любовныхъ дѣлахъ, которыя идутъ такъ плохо, что онъ готовъ отъ нихъ отказаться.

Я не обѣдалъ, потому что въ четыре часа долженъ былъ быть у Щербатовыхъ на репетици, и пробылъ тамъ до семи, поджидая актеровъ, а затѣмъ мы съ кн. Голицинымъ отправились къ Пушкиной, которая уже два дня какъ переехала въ домъ Строгоновыхъ, на Невскомъ. Ужиналъ у фельдмаршала; тамъ была молодая Головина, прическа и перья которой надѣлали шума въ Петербургѣ. Матюшеина очень печальна, такъ какъ у нея какое-то семейное горе; кромѣ того, мать ее преслѣдуетъ. Говорятъ, она увѣрила свою мать, что кн. Голицинъ, за столомъ, сдѣлалъ ей предложеніе, и затѣмъ публично заплакала. Князь мнѣ самъ это рассказывалъ, и онъ вѣритъ, хотя съ огорченіемъ видитъ въ этомъ притворство и лманье. Это Зыбина ему наговорила, а онъ, будучи влюбленнымъ, вѣритъ всему, какъ хорошему, такъ и дурному. На чувствующую душу все про-

изводитъ впечатлѣніе. Любовь сильна, но у нея, зато, большія уши.

Пятница, 23.—Къ брату.

Я сегодня далъ маркизу рѣчь, произнесенную въ Берлинской академіи г. Формэ, при великомъ князѣ. Эта рѣчь можетъ служить образчикомъ нахальства, низости и глузости.

Сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ визитовъ, заѣхалъ къ кн. Барятинской. Мы проговорили три четверти часа; она очень любезна и умѣетъ вести разговоръ. Я нахожу, что она, по тону, похожа на парижскихъ дамъ тридцатилѣтняго возраста; отгнѣнокъ философіи, примѣшанный къ чувству, дѣлаетъ этихъ дамъ очень опасными. Княгиня вполнѣ обладаетъ такого рода кокетствомъ, такъ какъ вѣдь это—кокетство. Говорили о гр. Андрѣѣ, котораго она очень любила и любить, и который къ ней былъ неравнодушенъ. Это очень милый малый, говорить она, только голова у него горячая.

Суббота, 24.—Къ брату.

Говоря о петербургскомъ обществѣ, я сказалъ тебѣ, что оно очень отличается отъ московскаго — оно болѣе подходит для иностранцевъ, встрѣчающихся въ немъ тѣ же нравы, что и въ остальной Европѣ. Въ Москвѣ болѣе своеобразія, болѣе азиатчины. Въ Петербургѣ живетъ больше иностранцевъ, ихъ здѣсь охотнѣе принимаютъ, съ ними чаще встрѣчаются. Но, что странно, такъ это то, что русскіе мало сообщаются другъ съ другомъ. У всякаго своя компанія, изъ которой онъ рѣдко выходитъ. Вы не увидите, даже въ самыхъ большихъ домахъ, того прилива и отлива публики, какой замѣчается, во Франціи, повсюду. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это очень приятно, и мнѣ нравится. Голицины, Чернышovy, Щербатовы и Головины живутъ именно такъ.

Сегодня я былъ на дачѣ у послѣднихъ. Я тамъ обѣдалъ съ Брюлемъ и актеромъ Дюгэ. Нелединская поправилась и была очень весела. Мы много говорили въ дружескомъ и довѣрчивомъ тонѣ. Имѣлъ я также очень пріятный разговоръ съ воспитанницей Монастыря, дѣвицей Дугни (Dougni), которая живетъ у нихъ. Эта молодая особа очень развилась физически

и нравственно. Теперь она и чувствительна, и благородна, и остроумна. Общество Нелединской послужило ей на пользу. Шутя, я предложил ей вопрос: въ какомъ видѣ она представляетъ себѣ человека, который бы могъ ей понравиться. Она очень свободно отвѣчала, что желаетъ видѣть въ немъ чувство, умъ, основательность и веселость въ обществѣ. Это, мой другъ, не похоже на застѣнчивый отвѣтъ дѣвушки, только что вышедшей изъ Монастыря. Три мѣсяца тому назадъ, она не могла бы поддержать такой разговоръ. Ты вѣдь представить себѣ не можешь, въ какомъ видѣ кончаютъ курсъ эти дѣвицы. Дугни и Глинская не имѣли никакого понятія о религiи, о катехизисѣ, и не могли сдѣлать сложенія (?). Гр. Брюль, который мнѣ это передавалъ, самъ училъ ихъ многому, чего онѣ, къ стыду своему, не знали. Дугни гораздо понятливѣе Глинской, что только подтверждаетъ мое о ней мнѣнiе.

Въ городъ я вернулся къ семи часамъ, и ужиналъ у Бемеровъ. Съ Альбертиной имѣлъ длинный разговоръ о способности вести себя съ женщинами; она во многомъ со мною согласилась. По ея мнѣнiю, эта наука мнѣ хорошо знакома, я обладаю ею во всѣхъ подробностяхъ. Разговоръ насъ позабавилъ, что и требовалось. Такого рода разговоры нравятся Альбертинѣ; она очень умна и въ то же время забавна.

Воскресенье, 25.—Къ м-ль де-Брессоль.

Кажется, я говорилъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, что мы рассчитываемъ зимою возобновить наши старые проекты развлеченiй—спектакли и проч. Я приглашенъ въ новую труппу вн. Щербатовой; дочь ея, Спиридова, будетъ главной актрисой. Она молода, красива, умна и желаетъ имѣть меня своимъ чичисбеемъ. Я долженъ былъ обѣдать у вн. Лобковича, вѣнскаго посла, но отказался, чтобы быть вмѣстѣ съ Шарлоттой, которая обѣдаетъ у Щербатовыхъ.

Она и дѣйствительно тамъ была, вмѣстѣ съ своими родителями. Спиридовой не было. Въ качествѣ друга дома, я прѣхалъ во фракѣ, а хозяева были еще не одѣты: князь—въ халатѣ и ночномъ

колпакѣ, княгиня—также въ колпакѣ, который дѣлаетъ ее похожей на поваренка. Когда прѣхали Бемеры, то меня послали принимать ихъ, а хозяйева бросились одѣваться и вскорѣ вернулись: князь—въ сюртукѣ, сапогахъ, парикѣ и съ ночнымъ (?) платкомъ на шеѣ, а княгиня—въ камлотовомъ капотѣ. По этому описанiю, сударыня, вы не скажете, чтобы мы въ Россiи любили роскошь. Но посмотрите на насъ во время парадовъ—не узнаете самыхъ близкихъ знакомыхъ: такое великолѣпiе. Послѣ обѣда задумали ѣхать къ Спиридовой, и застали тамъ ея свекра и свекровь въ такихъ же костюмахъ, въ какихъ я засталъ Щербатовыхъ. Здѣсь такая нечистоплотная распушенность въ нравахъ. Она была бы благородна, если бы только дѣло ограничивалось одной простотою и костюмы были чисты.

Понедѣльникъ, 26 и вторникъ, 27.—
Къ ней же.

Здѣсь строже, чѣмъ гдѣ-либо, соблюдается обычай празднованiя именинъ и дней рожденiя, когда принесенiе поздравленiй обязательно. По этому случаю, я сегодня приглашенъ къ Головинымъ на празднованiе дня рожденiя старшаго ихъ сына, гр. Степана, не того, котораго вы знаете.

Графъ Брюль заѣхалъ за мною и мы отправились въ шляпкѣ, съ музыкантами вн. Орлова, которыхъ нанялъ графъ. Рѣка была очень красива, вѣтеръ свѣжiй, мы поставили два паруса и, благодаря желанiю забрать больше вѣтра, чуть было не перевернулись. На дачѣ Головиныхъ собралось много народа; восемь или десять воспитанницъ Монастыря значительно оживляли общество. Мы обѣдали, потомъ танцовали въ саду, причемъ я выбралъ себѣ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, ту самую, съ которой я здѣсь и прежде танцовалъ—молодую Симонову, не особенно красивую, но обладающую выразительнымъ лицомъ и очень свѣжую. Это, конечно, не были вы, мой другъ, это не была Шарлотта, но вѣдь на миленькое личико всегда смотрѣть приятно. Натанцовавшись вволю, мы вернулись въ домъ. Въ восемь воспитанницы уѣхали и я имѣю

ный разговоръ, въ которомъ она, со слезами на глазахъ, упрекала меня за шутки по поводу ея вѣтренности. Эта диверсія, отъ веселья къ чувству, была очень пикантная, и я отдался ей, мой другъ, съ тою прямою душою, которую вы знаете и которая легко отдается всякаго рода развлечениямъ. Я шутилъ, рассуждалъ, читалъ наставленія, но кончилъ тѣмъ, что разчувствовался и просилъ прощенія, которое мнѣ наконецъ и было дано. Съ этой молодой женщиной, которую вы, можетъ быть, увидите въ Парижѣ, очень интересно познакомиться. Чувствительная душа, доброе сердце и довѣрчивость, съ которою она ко всѣмъ относится, привлекаютъ къ ней любовь каждаго.

Послѣ этой маленькой, плаксивой сценцы, мы вновь начали танцовать, только уже между собою, такъ какъ большая часть актрисъ тоже уѣхали. Потомъ былъ ужинъ, и я уѣхалъ только въ полночь. Вотъ какъ я провелъ день, мой очаровательный другъ, день, который вы бы очень украсили, если бы присутствовали при нашихъ развлеченияхъ, причѣмъ и сами бы повеселились въ прекрасной мѣстности, на берегу одной изъ лучшихъ рѣкъ, въ средѣ простыхъ и любезныхъ людей, которые заставляютъ забывать всѣ неприятности, испытываемыя иностранцами въ этой странѣ.

Четвергъ, 29.—Къ брату.

День прошелъ въ визитахъ, и кончился репетиціей у Спиридовой, да очень приятнымъ ужиномъ, на которомъ присутствовало много народа, притомъ, людей порядочныхъ и серьезныхъ. Молодой кн. Голицинъ, котораго я тамъ встрѣтилъ, говорилъ мнѣ о Матюшеиной и о своемъ намѣреніи отказаться отъ женитбы на ней. Причина этого отказа, конечно, ея кокетство, и до извѣстной степени князь правъ. Но я съ нимъ не согласенъ по отношенію предполагаемой ея любви къ Малицу. Голицинъ намѣревается образовать общество для приятнаго препровожденія вечеровъ. Не знаю, удастся ли это, и не вполнѣ раздѣляю его идеи.

Сегодня былъ большой обѣдъ у Кавенака, англійскаго коммерсанта. На него были приглашены Голицины и Головины,

съ цѣлью помирить ихъ другъ съ другомъ, такъ какъ они поссорились еще въ Москвѣ, изъ-за первенства на общественномъ спектаклѣ, состоявшемся при дворѣ. Примиреніе, однакожь, не состоялось, такъ какъ обѣ стороны отнеслись къ нему очень холодно. Ссора, говорятъ, будто бы, даже усилилась. Это и неудивительно, разъ она произошла по такому ничтожному поводу и поддерживается тщеславіемъ старыхъ бабъ. Говорятъ, что послѣднее подстрекается кн. Хованскимъ, человѣкомъ умнымъ, но мелочнымъ и суетнымъ.

Среда, 28.—Къ брату.

Говорилъ ли я тебѣ, мой другъ, что великій князь вернулся въ Царское Село въ воскресенье вечеромъ? Онъ остался очень доволенъ Берлиномъ, хотя Берлинъ едва ли остался доволенъ его щедростью: все, въ этомъ отношеніи, было сдѣлано ужасно скардно. Управляющему загороднаго дома принца Генриха, гдѣ великій князь прожилъ нѣсколько дней, онъ пожаловалъ, на примѣръ, сорокъ серебряныхъ дукатовъ. Къ человѣку вполнѣ порядочному, его высочество отнесся какъ къ лакею, да и тому заплатилъ плохо. Почетный караулъ ничего не получилъ. Не понимаю я, въ этомъ отношеніи, Императрицы, которая такъ любить выставять свою щедрость и великолѣпіе.

Многіе подозрѣваютъ Салтыкова, оберъ-гофмейстера Наслѣдника въ удержаніи подарковъ въ свою пользу, но это трудно предположить. Положимъ, что Салтыковъ — дрянной человѣкъ. Все это я знаю прямо изъ Берлина.

Забылъ тебѣ сказать, что, по увѣренію Поте, крупныя претензіи Рибаса не удались. Онъ желалъ получить для себя мѣсто генерала Пурпра, а для своей жены — мѣсто м-мъ Ляфонъ; но Пурпра поддерживаетъ кн. Голицинъ, а что еще важнѣе — кн. Орловъ.

Г. де-Веранъ рекомендовалъ мнѣ, черезъ Кальяра, одного молодого человѣка, нѣкоего Кюсси (Cussy), который ищетъ мѣсто въ кадетскомъ корпусѣ или при какомъ-нибудь русскомъ вельможѣ. Мѣста учителей въ корпусѣ очень хороши — такъ какъ даютъ 560 р. въ годъ, но

они рѣдѣи. Что касается мѣста секретаря, то я боюсь, что достать его будетъ еще труднѣе. Постараюсь сдѣлать все, что могу. Надо замѣтить, однакоже, что этотъ Кюсси показался мнѣ большимъ нахаломъ и хвастуномъ по отношенію къ своимъ талантамъ и знанію литературы. Я ему посоветовалъ вернуться въ Копенгагенъ; это лучшее, что онъ можетъ сдѣлать.

Пятница, 30.—Къ брату.

Маркизь показалъ мнѣ сегодня письмо, написанное имъ къ гр. Штакельбергу, по поводу одного очень деликатнаго обстоятельства. Французскія принцессы (*Mesdames de France*), по смерти Польскаго короля, получили наслѣдство въ видѣ земли, перешедшей теперь къ Россіи, по раздѣлу, котораго Франція не признаетъ. Земля была пожертвована принцессами иезуитамъ, на пользу просвѣщенія; но съ тѣхъ поръ какъ поляки захватили землю этого ордена, принцессы желаютъ возстановить свое право владѣнія, чтобы передать его въ благотворительный фондъ покойной королевы французской. Вотъ это чрезвычайно деликатное дѣло и поручено теперь маркизу. По правдѣ тебѣ сказать, мой другъ, я подозреваю, что это просто ловушка, ему подставленная, такъ какъ сомняваюсь, чтобы онъ успѣлъ чего-либо добиться по дѣлу, которое является смѣшнымъ въ виду печальнаго положенія Польши.

Суббота, 31.—Къ брату.

Пообѣдавъ у Головиныхъ, мы смотрѣли ученье пѣхотнаго полка, состоящаго подъ командой человека, который былъ адъютантомъ фельдмаршала Чернышова. Въ этомъ полку 1080 человекъ; онъ, говорятъ, принадлежитъ къ числу наилучше обученныхъ. Я не люблю ихъ манеры маршировать; они слишкомъ высоко поднимаютъ ноги, не чувствуютъ локтя, а потому ломаютъ фронтъ по недостатку опоры. Производили ихъ любимый маневръ—кара, при помощи котораго они побѣждали турокъ.

Воскресенье, 1 сентября.—Къ брату.

Ѣздилъ съ визитами, былъ въ корпусѣ и въ лѣтнемъ саду. Въ послѣднемъ было много народа, и я не могу сказать, чтобы скучалъ. Между прочимъ была Спиридова; она шутила по поводу моего сравненія ея театра съ табакеркой, а я продолжалъ шутку сравнивъ ее самое съ буфетомъ. Нѣсколько времени спустя прѣѣхала Нелединская, съ воспитанницами Монастыря. Послѣ обѣда я къ ней заѣзжалъ, но не засталъ дома и она меня попрекнула за то, что я ее позабылъ. М-эль Дугни, которая была тутъ же, смѣясь посоветовала мнѣ идти опять къ Спиридовой. Въ этомъ же кружкѣ, я встрѣтилъ Симонову, съ которой танцевалъ недавно. Она со мной поздоровалась, и мы поговорили. Вообще прогулка мнѣ очень понравилась; погода была дивная, хотя и холодно. Въ семь часовъ всѣ мы вышли изъ сада; я подаль руку Нелединской. Забылъ тебѣ сказать, что встрѣтилъ въ саду Загряжскую, которая шутила надъ моими новыми склонностями и въ особенности надъ ихъ объектомъ. Положительно не знаю, что она хотѣла сказать, мой другъ, а она не пожелала объясниться и сказала, что сдѣлаетъ это лишь тогда, когда все точно разузнаетъ. Полагаю, что она говоритъ о Нелединской, которую терпѣть не можетъ.

О гр. Андреѣ она, пять недѣль, никакихъ свѣдѣній не получала!

Изъ сада я зашелъ къ графу Матюшкину, справиться о его здоровьѣ. Здѣсь меня въ первый разъ приняли. Молодая графиня просила меня приходиться къ нимъ обѣдать и ужинать, а затѣмъ съ большимъ интересомъ говорили о кн. Голицинѣ. «Вы ему даете плохіе совѣты, прибавила она, и если это будетъ продолжаться, то мы поссоримся съ вами». Я отвѣчалъ, что мои совѣты согласовываются съ поведеніемъ, и что отъ нея зависитъ измѣнить ихъ. Проболтавъ, такимъ образомъ, съ полчаса, я отправился на репетицію къ Щербатовымъ. Тамъ было много гостей, репетировали *la Jeune indienne*. Мы не особенно отличились, но нѣкій Богдановичъ (*Bardanowitch*) такъ смѣшно игралъ квакера, что выходило очень комично,

тѣмъ болѣе, что онъ увѣренъ въ своемъ талантѣ и заранѣе хвастался имъ.

Понедѣльникъ, 2.—Къ м-ель де Брессоль.

Новая неприятность, сударыня, и по тому же поводу. Я хотѣлъ провести вечеръ и ужинать у Бемеровъ; таково было мое намѣреніе вчера, но, вернувшись домой въ часъ ночи, я засталъ лакея Головиныхъ, который ждалъ меня, чтобы предупредить, отъ имени своихъ господъ, что военныя упражненія, которыя я желалъ видѣть, вмѣсто девяти часовъ утра, назначены въ шесть вечера, и что поэтому Головины приглашаютъ меня обѣдать на дачу, а оттуда вмѣстѣ отправимся на ученіе. Обѣдать я обѣщалъ у Спиридовой, но не желая отказываться отъ ученія, назначеннаго ради меня, я послалъ ей сказать, что приѣду къ ужину. Какъ же быть съ Шарлоттой, да и съ самимъ собой, такъ какъ эти перемѣны были очень мнѣ неприятны? Тѣмъ болѣе, что Шарлотта, по словамъ моего лакея, Гарри, вчера жаловалась на меня. Я рѣшился ѣхать къ ней завтракать въ телѣжкѣ. Вы не знаете, сударыня, что такое представляеть собою этотъ національный экипажъ, удивительно нелѣпый. Представьте себѣ кабриолетный ходъ, на которомъ помѣщена очень маленькая, очень узенькая и очень высоко поставленная скамеечка *), всѣ неудобства фаятона и флакра вмѣстѣ взятыя. Взобрался я въ этотъ экипажъ, сзади меня сѣлъ бородастый мужикъ, и понеслись мы довольно скоро. Шарлотту я засталъ съ подвязанной щекой; она собиралась встрѣтить меня холодно, но я ее развеселилъ и все неудовольствіе кончилось тѣмъ, что она назвала меня шалуномъ какъ вы называете графа Степана. За два или три часа, которые я пробылъ у Бемеровъ, мы успѣли поговорить, погулять, посмѣяться и позавтракать. Въ самый разгаръ веселья, вдругъ явился сумрачный Нормандецъ, окончательно насъ заморозившій. Я пробылъ еще съ четверть часа и уѣхалъ обѣдать къ Спиридовой. Тамъ собралась

наша труппа и мы, безъ всякихъ претензій, очень весело провели время. Я особенно назираю на это и достоинства, которыя здѣсь не во всѣхъ кружкахъ встрѣчаются и которыхъ мнѣ очень недостаетъ, если только болѣе нѣжныя чувства не отвлекаютъ моего вниманія.

Уѣхалъ я въ четыре часа, чтобы отправиться къ Головинымъ, но на половинѣ пути встрѣтилъ гр. Степана и мы съ нимъ вернулись въ Петербургъ прямо на ученіе егерей Преображенскаго полка, въ которомъ императрица состоитъ полковникомъ, а Потемкинъ и Алексѣй Орловъ подполковниками. Это ученіе доставило мнѣ большое удовольствіе. Солдаты молоды, подвижны и ловки; одежда ихъ состоитъ изъ зеленого камзола, такихъ же брюкъ, сапогъ и кожанаго бивера, на манеръ англійскихъ, охотничьихъ, а вооруженіе изъ ружья и кортика, который служить также штыкомъ. Командуетъ егерями молодой Тепловъ, по протекціи своей матери, къ которой кое-кто изъ начальствующихъ лицъ полка неравнодушенъ. Этотъ молодой человекъ не приобрѣлъ еще навыка командовать, но такъ какъ подъ его командой состоятъ люди, хорошо уже обученные, то дѣло идетъ само собою. Ученіе производилось въ двѣ линіи—ихъ обычный строй. Самыя разнообразныя упражненія производились бѣглымъ шагомъ, причемъ то всѣ смѣшивались, то вновь быстро разбѣгались по своимъ мѣстамъ. Дрессировалъ ихъ капитанъ, раньше Теплова командовавшій этой ротой. Фельдмаршалъ Румянцевъ думаетъ, въ случаѣ войны, соединить егерей всѣхъ полковъ въ одинъ корпусъ. У нихъ у всѣхъ одинъ мундиръ, а полки отличаются только по эполетамъ.

Вторникъ, 3.—Къ ней-же.

Мы съ маркизомъ превосходно пообедали сегодня у Рембера, крупнѣйшаго изъ здѣшнихъ французскихъ негоціантовъ, обладающаго самымъ правильнымъ взглядомъ на торговлю. Тамъ былъ кн. Лобковичъ и гр. Чернышовъ. Послѣ обѣда я былъ на смотрѣ полка кн. Вяземскаго, довольно плохо упражнявшагося. Я былъ вмѣстѣ съ гр. Бахмистеромъ, братомъ Пушкиной. Этотъ моло-

*) Судя по описанію — финская рашка.

(Прим. перев.).

дой человекъ обладаетъ страннымъ характеромъ, который можетъ показаться фальшивымъ, если не узнать его хорошенько. Неувѣренность въ сужденіяхъ, легкость перехода отъ однихъ мнѣній къ другимъ, совершенно противоположнымъ, зависятъ у него не отъ лживости, а отъ слабости характера. Онъ былъ другомъ и сторонникомъ Бемеровъ, а теперь нападаетъ на нихъ, благодаря влиянію своей сестры и ея мужа, которые окончательно имъ завладѣли. На его нападки, касающіяся исключительно отца, старика Бемера, я отвѣчалъ, что не могу съ ними согласиться, такъ какъ считаю президента человекомъ хотя и не особенно любезнымъ, но честнымъ, твердымъ и надежнымъ.

Среда, 4.—Къ брату.

Обѣдалъ у кн. Щербатова. Я думалъ, что будетъ репетиція, но ея не было; я, поэтому, соскучился, уѣхалъ, сдѣлалъ одинъ визитъ и отправился къ Вельдену, английскому коммерсанту, гдѣ Бемеры должны были ужинать. Вечеръ прошелъ очень весело. У Вельденовъ двѣ дочери, очень любезныя, особенно одна, которую зовутъ Шамбреленой (Chambrelin), и о которой я тебѣ уже говорилъ нѣсколько разъ. Она пѣла по-итальянски, аккомпанируя себя на клавишѣ, и проч. Шарлотту тоже просили пѣть, но у нея насморкъ и она отказалась, что мнѣ было очень неприятно. Послѣ ужина, веселились еще болѣе, играли въ разныя игры, много смѣялись, даже цѣловались; Шамбрелена была въ прекрасномъ расположеніи духа, и я, пожалуй, слишкомъ ужъ былъ къ ней внимателенъ въ присутствіи Шарлотты.

Четвергъ, 5.—Къ брату.

Сегодня у насъ состоялась торжественная обѣдня въ честь св. Людовика. Аббатъ Дефоржъ, очень ревниво относящійся къ своимъ обязанностямъ, постарался сдѣлать службу возможно величавою, и успѣлъ въ этомъ. Боюсь говорить объ этомъ человекѣ, потому что не могу сказать про него ничего хорошаго. Онъ лживъ, интриганъ, мелоченъ, даже опа-

сень. Мы не симпатизируемъ другъ другу, какъ ты себя можешь представить, а это не поощряетъ моего благочестія. Кромѣ того, я узналъ, какими проповѣдями угостилъ онъ актрису Дефуа, добрую и некрасивую женщину, которую исповѣдывалъ послѣ родовъ. Довольно пошло было съ его стороны разыгрывать Филанта съ этой женщиной. Да его нельзя назвать и честнымъ человекомъ; не люблю я этой смѣси ханжества съ самымъ грязнымъ сластолюбіемъ.

Ужиналъ у Бемеровъ, видѣлъ тамъ гр. Нессельроде. Онъ мнѣ рассказывалъ о баронѣ де-Бретейлѣ, котораго Шуазель называетъ послѣднимъ христіанскимъ барономъ; ходятъ слухи о назначеніи его военнымъ министромъ. Нессельроде, впрочемъ, получилъ письмо изъ Парижа, въ которомъ говорится, что Бретейль уже назначенъ посланникомъ въ Вѣну. Маркизъ получилъ свѣдѣнія отъ своего брата *), который пишетъ, что паденіе Сентъ-Жермена неизбежно.

Послѣ ужина я имѣлъ маленькій споръ съ Альбертиной по поводу братьевъ Визетъ, которымъ она покровительствуетъ. Одинъ изъ нихъ не лишенъ образованія, но считаетъ себя очень умнымъ, въ чемъ ошибается. Другой, младшій, менѣе педагогиченъ и обладаетъ болѣе красивой, хотя лишенной выраженія физиономіей, но онъ лѣнивъ какъ азіатецъ, безцеремоненъ какъ султанъ и твердо убѣжденъ въ своемъ величіи. Вообще это два тупыхъ фата дурного тона, которыхъ я бы помѣстилъ: одного—въ храмъ Фемиды, а другого—въ какой-нибудь маленький провинціальныи сераль. Я дурно сдѣлалъ, высказавъ эти мои мнѣнія Альбертинѣ, но что дѣлать! Увлекся.

Пятница, 6.—Къ брату.

Обѣдалъ дома, а послѣ обѣда отправился съ маркизомъ къ кн. Щербатовой по случаю ея именинъ. Была тамъ Спиридова и показала мнѣ очень серьезной. Ужинать поѣхалъ къ женѣ Ивана Чернышова. Говорятъ, что гр. Захаръ назначенъ военнымъ министромъ и къ посланъ курьеръ; но этотъ фактъ подтвержденія. Князя

Решина ждутъ со дня на день; его тоже прочать на мѣсто военнаго министра, но есть люди, которые думаютъ, что этому помѣшаетъ удаленіе гр. Алексѣя Орлова.

Воскресенье, 8.—Къ брату.

Ты знаешь, мой другъ, наши проекты устройства спектаклей у Щербатовыхъ, а потому, имѣя понятіе о русскихъ нравахъ, ты можешь себѣ представить, что дѣло не обойдется безъ неприятностей. Это во вкусѣ всѣхъ здѣшнихъ кружковъ. Вотъ уже четыре дня, какъ мы съ кн. Голицынымъ аккуратно являемся къ Щербатовымъ или къ Спиридовой для того, чтобы участвовать въ репетиціи, и всякій разъ даромъ, потому что другіе актеры не являются. Не дальше какъ вчера насъ постигла та же участь. Спиридова рѣшила ограничиться одной только комедіей; мы стали шутить по этому поводу, а она замѣтила, что въ труппѣ есть лица, играющія только изъ любезности, и что нельзя же этой любезностью злоупотреблять. Такія слова могли относиться только къ Голицину и ко мнѣ, мы и отвѣчали на нихъ, какъ водится въ этихъ случаяхъ, то есть любезностями. Тѣмъ дѣло и кончилось. Сегодня мы опять были у Щербатовыхъ и говорили со Спиридовой, которая еще серьезнѣе, чѣмъ вчера. Она жалуется на то, что про нее распускаютъ слухи, будто бы она затѣяла играть комедіи для того, чтобы быть окруженной молодежью, не возбуждая ревности мужа. Тутъ шутки уже были неумѣстны, особенно въ виду тона, которымъ говорила Спиридова, и тѣмъ болѣе съ моей стороны, такъ какъ я и безъ того слышу насмѣшникомъ. Мнѣ поэтому пришлось напустить на себя серьезность и спросить у Спиридовой имена распускавшихъ такіе слухи. Возбужденный и сердитый видъ, который я при этомъ принялъ, произвелъ впечатлѣніе; Спиридова стала увѣрять, что не вѣрится этимъ слухамъ и просить меня успокоиться. Я тотчасъ же пересталъ настаивать, но сохранилъ задумчивую серьезность до самого конца. Замѣтивъ это, Спиридова нѣсколько разъ разговаривала со мной о томъ же, и изъ этихъ краткихъ, отрывочныхъ разговоровъ я вывелъ заключеніе, что всею виною былъ

пажъ, Спиридовъ. Я при немъ спросилъ кн. Ивана *), кто бы такіе могли быть низкіе распускатели такихъ слуховъ. Онъ ничего не отвѣтилъ, а минуто спустя я видѣлъ, какъ Спиридова горячо о чемъ-то говорила пажу и въ концѣ сказала, что ничего не хочетъ объ этомъ слышать. А пажъ во весь вечеръ относился ко мнѣ очень холодно. Репетиція началась поздно; въ 8 часовъ шелъ еще только второй актъ, послѣ котораго Голицинъ, ни съ кѣмъ не простившись, тотчасъ же уѣхалъ ужинать къ фельд-маршалу. Спиридова, должно быть, особенно его обвиняетъ, потому что почти съ нимъ не говорила. Къ тому же онъ вновь провинился, сѣвъ въ одной сценѣ между мною и ею. Въ началѣ четвертаго акта уѣхалъ и я (ужинать къ Бемерамъ), но передъ отъѣздомъ успѣлъ поговорить со Спиридовой.

Понедѣльникъ, 9.—Къ брату.

У насъ уже началась зима; по утрамъ морозъ доходитъ до 5—6 градусовъ, и вездѣ начали топить. Такова осень въ Россіи; во Франціи это называется зимою. Особенно неприятенъ быстрый переходъ отъ тепла къ холоду.

Вчера мнѣ сказали, что Нелединская нездорова. Мы съ кн. Голицынымъ собрались ее навѣстить. Въ полдень я за нимъ заѣхалъ и, припрядши его лошадей къ моимъ, мы, четверикомъ, отправились къ Головинымъ. Тамъ были гости, и между прочимъ жена оберъ-церемоній-мейстера, Семена Нарышкина, которая, по виду и манерамъ, похожа на престарѣлую куртизанку, такъ какъ, въ 50 лѣтъ, одѣвается какъ молодая женщина, желаящая жить. Да она таки и живетъ больше, чѣмъ многія другія, не нуждающіяся для этого въ нарядахъ. Нелединская лежала въ постели, страдая нервами, истериками и обмороками. Эта болѣзнь очень истощаетъ несчастную; она ничего не ѣстъ и чувствуетъ страшную слабость. Послѣ обѣда у ней опять былъ обморокъ. Мы всѣ вышли; но часъ спустя Брюль опять пригласилъ меня къ ней. Я нѣсколько времени просидѣлъ у ея постели, поддерживая подушки и почти не разговаривая, такъ какъ боялся упомянуть въ разговорѣ о чемъ-нибудь для

нея неприятномъ. Въ шесть часовъ прѣхали Кошелевъ и Вахмейстеръ, а въ семь мы съ Голицынымъ уѣхали. Голицинъ предложилъ мнѣ раздѣлится съ нимъ курицу, я согласился, и мы проболтали до полночи. Этотъ малый имѣетъ шансы и желаетъ ихъ увеличить; у него болѣе знаній солидныхъ, чѣмъ приятныхъ, болѣе ума, чѣмъ остроумія. Ему не хватаетъ вкуса и такта, дающихъ ту безбашность и деликатность, которыя женщины приобретаютъ раньше насъ и которыми обладаютъ въ большей степени.

Вторникъ, 10.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, въ Россіи большой праздникъ: св. Александра Невского. Будетъ процессія кавалеровъ ордена, въ которой, при хорошей погодѣ, участвуетъ сама Императрица. Не явившійся кавалеръ платитъ 30 р. штрафа въ пользу монастыря, потому что монахи изъ всего умѣютъ извлечь выгоду.

На этотъ разъ Императрица не присутствовала на церемоніи, что уменьшило мое любопытство, а потому и я тоже не былъ. Къ тому же мы сегодня отправляемъ курьера, есть кое-какія дѣла, и я обѣдалъ дома.

Среда, 11.—Къ брату.

Ужиналъ у маркиза; были гости, между прочимъ Щербатовы и Спиридовы. Последняя была очаровательна; сестра ея тоже хорошеетъ съ каждымъ днемъ. Передъ ужиномъ я имъ рассказывалъ сказки, но за столомъ мы сидѣли далеко другъ отъ друга, что и помѣшало нашему веселью. Г-жа Налькенъ кажется полнымъ ничтожествомъ передъ Спиридовой, съ которою г-нъ Налькенъ считаетъ меня состоящимъ въ связи, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Вотъ, мой другъ, какъ иногда составляются репутаціи. Прощай. Сегодня мы ждемъ принцессу Виртембергскую.

Четвергъ, 12.—Къ брату.

Собираюсь обѣдать у Нелединской, но попалъ, по обязанности, на обѣдъ къ маркизу. Видѣлъ тамъ молодого гр. Чернышова, мальчика 14 лѣтъ, не особенно развитаго, такъ какъ его послали путе-

шествовать слишкомъ рано. Гувернеръ его кажется совсѣмъ глупымъ: сухъ и рѣзокъ, вотъ всѣ его достоинства. Въ четыре часа, мы съ графомъ Брюлемъ были у Нелединской, которую нашли еще очень слабой. Меня сначала ввели въ китайскій кабинетъ, гдѣ графиня Матюшкина пряталась отъ тетокъ Нелединской, прѣхавшихъ ее навѣстить. Черезъ четверть часа я проводилъ графиню до кареты и пошелъ въ комнату Нелединской. Прѣхалъ ея мужъ изъ Царскаго Села; онъ рассказывалъ, что принцесса Виртембергская прѣхала вчера, тотчасъ же по прѣздѣ была принята Императрицей, причѣмъ бросилась ей въ ноги, а что дальше происходило — неизвѣстно, такъ какъ дверь успѣшили затворить. Но Ея Величество, кажется, осталась довольна своей будущей невѣсткой; она спрашивала у Нелединскаго, что онъ о ней думаетъ. Нелединскій отвѣчалъ такъ, какъ долженъ былъ отвѣчать, а можетъ быть и какъ думалъ. Намъ онъ сказалъ, что принцесса высокаго роста, хорошо — хотя слишкомъ — сложена, красива лицомъ, цвѣтъ котораго не имѣетъ себѣ подобнаго, ручки и ножки ея прелестны. Великій Князь долженъ былъ ѣхать, ей навстрѣчу, въ Ямбургъ (Lambourg); но онъ, проѣхавъ Нарву, всталъ изъ экипажа и пошелъ впередъ пѣшкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поровнялся съ поѣздомъ принцессы, причѣмъ последняя хотѣла тоже выскочить изъ кареты, но Румянцова ее удержала. Кареты остановились, принцесса вышла, поздоровалась съ женихомъ, и потомъ они вмѣстѣ сѣли въ его карету и такимъ образомъ прѣхали въ Петербургъ. Я узналъ всѣ эти подробности отъ Нелединскаго, который провожалъ сюда принцессу.

Послѣ нѣсколькихъ визитовъ, я отправился ужинать къ фельдмаршалу; тамъ мнѣ сказали что свадьба назначена 18-го числа этого мѣсяца (по старому стилю). Видѣлъ Головину; они, въ субботу, ѣдутъ въ Москву, откуда вернутся только будущей весной.

Пятница, 13.—Къ брату.

дня у Нелединской. Ея
це слаба. Говорилъ ли я

тебѣ, что она теперь погрузилась въ философію, и что Гельвецій не сходитъ у нея со стола? И это у нея не претензія, а подлинная необходимость въ ея положеніи. Я замѣтилъ что люди, которые много любили, но перестали любить за неимѣніемъ объекта, всегда обращаются къ метафизикѣ. Вотъ въ такомъ положеніи находится и Нелединская. Отъѣздъ Разумовскаго погрузилъ ее въ меланхолію, и промежутковъ между двумя страстями она наполняетъ философіей, которая, въ свою очередь, будетъ изгнана новой любовью. Общество ея, которое мнѣ очень нравится, можетъ, однакожь, быть опаснымъ для меня. Она относится ко мнѣ въ высшей степени дружески, и всѣ окружающіе ее увѣряютъ что у меня не можетъ быть лучшаго друга. Удивительно, между прочимъ, что она не вѣрится въ мое дружеское къ ней отношеніе. Всякій разъ когда я со свойственными мнѣ откровенностью и живостью, бросаюсь цѣловать ея руки или другимъ какимъ нибудь образомъ выказываю волнующія меня чувства, она восклицаетъ смѣясь: «Ахъ! шевалье, шевалье, какъ вы можете такъ притворяться!» Не дальше какъ вчера, и даже сегодня она сказала это, когда я ей читалъ то мѣсто изъ Гельвеція, въ которомъ идетъ рѣчь о страстяхъ. Я пропускаю эти слова мимо ушей, боясь, чтобы она въ самомъ дѣлѣ не подумала, что я ее обманываю. А все таки эта идея мнѣ нравится и я не стараюсь разувѣрить Нелединскую.

Печальная новость распространяется въ городѣ: говорятъ, что Разумовскій умеръ. Это могло случиться во время пребыванія его у отца, откуда, въ теченіи шести недѣль, не было о немъ никакихъ свѣдѣній. Одни говорятъ, что его отравили, другіе—что онъ умеръ съ горя, даже не добѣхавъ до отца. А я думаю, что его просто схватили на дорогѣ и согнали въ Сибирь. Это меня очень безпокоитъ.

Свадьба Наслѣдника состоится, говорятъ, раньше чѣмъ думали, а именно 16-го числа этого мѣсяца (по ст. ст.).

Воскресенье,—Къ брату.

Много говорятъ о будущей великой княгинѣ; она очень любезна, предупредительна и добра.

Гувернантка принцессы особенно расхваливаетъ ея характеръ. Она милостиво принимаетъ всѣхъ представляющихся и съ каждымъ разговариваетъ. Теперь она учится русскому языку и скоро будетъ говорить на немъ. Но вотъ внѣшность ея не особенно хвалятъ; говорятъ что она слишкомъ крупна и жирна, а кромѣ того зубы у нея черные. Я, впрочемъ, не видалъ ее до сихъ поръ и сузу по рассказамъ, изъ которыхъ нельзя вывести опредѣленнаго сужденія, такъ какъ они крайне разнорѣчивы.

Сегодня у Щербатовыхъ была репетиція. Кн. Голицынъ заставилъ себя ждать часа два, а потомъ явился съ извиненіями, въ фатовскомъ тонѣ.

Меня въ немъ очень сердитъ этотъ тонъ, неподходящій ни къ внѣшности, ни къ внутреннему его содержанію. Мнѣ кажется, что Щербатовы его портятъ—онъ отъ нихъ заимствуетъ внѣшній лоскъ свободного мыслителя, который дѣлаетъ его смѣшнымъ.

Понедѣльникъ, 16.—Къ брату.

Мы съ Брюлемъ обѣдали у гр. Головина, отца Нелединской. И онъ и жена—прекраснѣйшіе люди; послѣдняя, впрочемъ, немножко сплетница, какъ всѣ пожилыя маменьки. Говорили о намѣреніи Матюшкиныхъ ѣхать въ Москву. Графиня Головина думаетъ, что это фортель, который они съ успѣхомъ выкидываютъ отъ времени до времени, чтобы вытягивать у императрицы деньги. Послѣ обѣда принесли восьмимѣсячнаго ребенка, котораго графиня очень ласкала. Говорятъ, что это плодъ незаконной любви ея старшаго сына, который, тутъ же въ домѣ, открыто живетъ съ какою то крестьянкой. Не нравится мнѣ безцеремонность, проявляющаяся въ такомъ нарушеніи приличій, хотя оно, можетъ быть, и спасаетъ отъ горшихъ бѣдъ. Лучше бы было, мнѣ кажется, не дѣлать открыто нѣкоторыхъ вещей, достаточно и того, что ихъ терпятъ. Но таковы нравы въ этой странѣ, въ которой много азіатскаго.

Говорятъ, что домъ бывшаго фаворита Васильчикова купленъ императрицею

для фельдмаршала Румянцова ¹⁾, а другіе говорятъ, что для Захара Чернышова, называемаго военнымъ министромъ. Князь Репнинъ прѣхалъ. Это другой кандидатъ на то же министерство или на министерство иностранныхъ дѣлъ. Его, кажется, вообще боятся.

Вторникъ, 17.—Къ брату.

Сегодня утромъ я видѣлъ живописца Ролэна. Онъ показалъ мнѣ портретъ принцессы Виртембергской, начатый имъ на этихъ дняхъ, въ Царскомъ Селѣ. Круглое, свѣжее лицо, но безъ всякаго выраженія. Ее ждали въ театръ до семи часовъ, а когда она прѣехала съ Императрицей, то была встрѣчена пушечной пальбой въ адмиралтействѣ. Этотъ обычай,—встрѣчать монарховъ, при въѣздѣ и выѣздѣ ихъ изъ города, пушечными выстрѣлами—былъ установленъ при Елизаветѣ, а въ нынѣшнее царствованіе отмѣненъ. Екатерина возстановила его только для принцессы Виртембергской. Въ театрѣ собралось много народа, для того чтобы ее видѣть. Давали *Н а н и н у*, по русски. Ни аплодисментовъ, ни даже ропота одобренія здѣсь не допускается; только одни французы, мой другъ, по свойственной имъ живости и прямодушью, выказываютъ свою любовь къ монархамъ веселымъ шумомъ.

Занавѣсъ поднялся въ семь часовъ, а я уѣхалъ въ семь съ четвертью, такъ какъ мнѣ нужно было поздравить кн. Щербатова съ именинами.

Завтра будетъ концертъ у принцессы Виртембергской; въ четвергъ—парадный балъ; въ пятницу—спектакль; въ субботу—эрмитажный вечеръ; въ воскресенье—куртагъ и маскарадъ. Не знаю, что будетъ дальше, но кажется, что мы повеселимся.

Въ Москвѣ, мой другъ, есть невѣста изъ купеческаго круга, молоденькая, хорошенькая, говорящая по-французски, и обладающая приданымъ въ семнадцать милліоновъ деньгами и въ двадцать пять тысячъ душъ (?). Недурная партія!

¹⁾ Александра Семеновича, который самъ про себя говорилъ, что онъ: „былъ только содержанкой. Со мной и обращались какъ таковою—никому меня не показывали и ни у кого бывать не позволяли; просьбы мои не удовлетворяли, на вопросы мнѣ не отвѣчали“. (Велишскій, *Autour d'un trone*).

Среда, 18.—Къ брату.

Маркизь сказалъ сегодня, что Захаръ Чернышевъ прѣдетъ черезъ 15 дней. Одни говорятъ, что онъ будетъ президентомъ военной коллегіи, другіе прочать на это мѣсто вн. Репнина. Матюшкинъ говорилъ вчера, что Императрица предлагала Румянцеву быть президентомъ, съ жалованьемъ въ 60.000 р. и казеннымъ домомъ, но онъ отказался, потому что не можетъ жить въ Петербургѣ. Странный онъ человекъ, какъ говорятъ.

Обѣдалъ у Нелединской. Послѣ обѣда былъ у сестры Разумовскаго, которая передала письмо отъ него. Былъ также у Барятинскихъ и у Бемеровъ, гдѣ считывалъ ужинать, но Шарлотта велѣла мнѣ лучше придти въ другой день, такъ какъ онѣ заняты приготовлениями къ завтрашнему торжеству—представленію Ея Высочеству, принцессы Виртембергской. Я вернулся ужинать къ Нелединской. Она меня прямо балуетъ и я не остаюсь къ этому равнодушнымъ. Была тамъ Зубова, которая рассказывала намъ исторію своей любви и несчастій: это настоящій романъ, въ которомъ она играетъ страдательную роль. Мужъ, котораго она очень любила и для котораго всею пожертвовала, бросилъ ее для любовницъ и живетъ теперъ въ Москвѣ.

Четвергъ, 19.—Къ брату.

Сегодня состоялось представленіе Великой Княгини. Всѣ мы, члены дипломатическаго корпуса также, какъ многіе изъ придворныхъ, собрались въ большомъ залѣ дворца. Въ пять съ половиной часовъ къ намъ вышла принцесса Виртембергская, въ сопровожденіи Великаго Князя и жены фельдмаршала Румянцова, которая всѣхъ насъ ей представила. Каждый подходилъ къ Ея Высочеству и дѣлалъ поклонъ, не дѣлая руки; Румянцова называла фамилію представлявшагося, принцесса вкланялась и тѣмъ кончалось дѣло. Затѣмъ всѣ перешли въ галерею, гдѣ танцовали. Маркизь, не занятый на этотъ разъ карточной игрой съ Императрицей, стоялъ тутъ же. Какъ вдругъ приходятъ просить его танцовать съ Ея Высочествомъ, но такъ какъ эта честь была ему оказана уже послѣ гене-

раль-аншефовъ, то онъ отказался подь предложемъ старости и слабости. Императрица замѣтила его отказъ и говорила съ нимъ объ этомъ, но и ей онъ далъ тотъ же отвѣтъ, безъ сомнѣнй, вполне благодарумный.

Пятница, 30.—Къ брату.

Вчера я не хотѣлъ тебѣ сказать, мой другъ, моего мнѣнйя о Великомъ Князѣ, котораго не видалъ четыре мѣсяца. Первыхъ впечатлѣнйй слѣдуетъ остерегаться, и высказывать ихъ только провѣривъ чужими мнѣнйями.

Вообще, имъ кажется всѣ не особенно довольны. Поѣздка въ Берлинъ, если судить по внѣшности, придала ему больше самодовольства, чѣмъ онъ имѣлъ ранѣе. Аффектація, съ которою онъ появился, его натянутость, ненатуральность, смѣшныя попытки быть граціознымъ—все это заставляетъ меня признать въ немъ настоящаго провинціального петиметра. Таковъ онъ былъ и прежде, но послѣ поѣздки въ Пруссію сталъ еще хуже. Выходъ его къ намъ наполнилъ мнѣ комедію Криспэтъ, соперникъ своего господина и сцену съ лакеемъ въ *l'Nozze à voques fortunes*, гдѣ лакей, надѣвши платье своего господина, копируетъ его позы и мины. Принцесса и не красива, и не мила, но она проста и естественна. Несмотря на то, что ее и теперь уже упрекають въ отсутствіи той тонкости и той характерности, которыя были свойственны ея предшественницѣ, я увѣренъ, что она сыграетъ свою второстепенную роль при такой свекрови, какова Императрица.

У насъ новый пріѣзжій—Г. Гриммъ *). Мнѣнйя насчетъ его расходятся: одни считаютъ его очень умнымъ и еще болѣе хитрымъ человѣкомъ, а другіе говорятъ, что онъ простой болтунъ, что и похоже на правду.

Суббота, 21.—Къ брату.

Празднества, которыхъ мы ожидали по поводу свадьбы В. К., сведутся къ

*) Фредерикъ-Мельхюръ, корреспондентъ и фактоумъ Императрицы. Въ этотъ второй свой пріѣздъ въ Россію онъ получалъ чинъ статскаго совѣтника и ленту Св. Владіміра.

очень немногому. Великій Князь сказалъ, что она состоится 24-го, а переходъ принцессы въ православіе—15-го. Графиня Брюсъ говоритъ, что празднества будутъ происходить только три дня; это она слышала отъ Императрицы.

Я ѣздилъ смотрѣть представленіе осады Бендеръ, происходившее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Изъ раскрашенныхъ досокъ устроили декорацію крѣпости; понадѣлали вокругъ нея траншей, батарей и проч.; взорвали двѣ маленькихъ мины, дѣйствіе которыхъ было почти незамѣтно. Вообще эффектъ получился ничтожный. Противъ крѣпости, въ деревянной ложи, поднятой на нѣсколько ступенекъ, находился начальникъ артиллеріи, кн. Орловъ со своей свитой. Мы, иностранцы, тоже оттуда смотрѣли на эту жалкую комедію. Ждали Императрицу, но ни она, ни Великій Князь, не пріѣхали.

При этомъ случаѣ, мой другъ, проявилась та національная особенность русскихъ, которую Петръ I и Екатерина II направили на преждевременное пріобрѣтеніе государственнаго величія и которая, подь вліяніемъ невѣжества и скудоумія, выродилась въ романтическое ребячество и въ пустое тщеславіе. Вся свита Орлова восторгалась зрѣлищемъ и восклицала: «Ахъ какъ хорошо!» Этотъ глупый восторгъ зависитъ настолько же отъ необразованности, насколько отъ привычки льстить.

Мы, съ кн. Голицынымъ, поѣхали оттуда къ Щербатовымъ, гдѣ послѣ репетиціи ужинали. Голицинъ сообщилъ мнѣ, что кн. Хованскій, окончательно раззорившійся благодаря своей безумной расточительности, живетъ теперь на счетъ кн. Голициною. Онъ уменъ, зорѣчивъ и забавенъ, а этого-то и нужно доброй княгинѣ, которая, какъ всѣ женщины ея лѣтъ, любитъ сплетни и пересуды.

Воскресенье, 22.—Къ брату.

Утромъ—выходъ при дворѣ, вечеромъ—балъ. Послѣ обѣда посѣтилъ меня гр. Нессельродъ, такъ какъ я никуда не выходилъ. Говорили мы о разныхъ вещахъ и между прочимъ объ отставкѣ кн. Лобковича, который весною уѣзжаетъ. Замѣ-

стителемъ его называютъ кн. Кауница *), человекъ очень умнаго и любезнаго.

Коснувшись дѣль гр. Брюля и расположенія къ нему кн. Орлова, я сообщилъ слухъ о побѣдѣ послѣдняго въ Парижѣ вмѣстѣ съ Зиновьевой. Нессельродъ сказалъ, что эта фрейлина совсѣмъ завладѣла княземъ и желаетъ, чтобы онъ на ней женился, а если онъ на это рѣшится, несмотря на гнѣвъ Императрицы, то они уѣдутъ вдругъ и неизвѣстно куда. Не это ли, мой другъ, заставляеть Потемкина упорно оставаться при дворѣ, несмотря на то, что его старательно выпроваживаютъ? Если Орловъ уѣдетъ, то онъ можетъ надѣяться вновь попасть въ фаворъ. По внѣшности, онъ совершенно покоенъ и даже нахаленъ, что въ этой странѣ почти всегда служитъ вѣрнымъ доказательствомъ успѣха. Вотъ тебѣ характерная черточка. Въ прошлую пятницу онъ посылаеть чиновника военной коллегіи ко всѣмъ высшимъ генераламъ съ приглашеніемъ пожаловать къ нему въ полдень. Они пріѣзжаютъ, не застають Потемкина дома, узнають, что онъ обѣдаетъ и играетъ въ вистъ у графа Панина, но ждутъ. Отъ Панина Потемкинъ ѣдетъ во дворець, и оттуда присылаеть ординарца, то есть простого солдата, сказать собравшимся, что теперь ужъ поздно представляться Ея Высочеству (что было цѣлью собранія) и что они могутъ разѣзжаться.

Весь вечеръ я пробылъ у себя: Комбсъ вернулся съ бала въ 10 часовъ, и сообщилъ, что народу было не особенно много. Между тѣмъ роздано четыре или пять тысячъ билетовъ. Мы съ Комбсомъ, до полночи, разсуждали о моемъ политическомъ положеніи. Де-Бретейль, какъ ты знаешь, къ концу октября возвращается во Францію, и въ Вѣну больше не поѣдетъ. Если замѣна его можетъ доставить мнѣ мѣсто, то Комбсъ не знаетъ какъ бы ему отдѣлаться отъ маркиза, тѣмъ болѣе что подарокъ, недавно сдѣланный послѣднимъ, еще болѣе связываетъ ихъ другъ съ другомъ. Можетъ быть это и къ выгодѣ Комбса, если не къ его удовольствію. Но надо все-таки посмотрѣть, что будетъ со мною. Если въ Вѣнѣ будетъ вакансія, то на нее могутъ

перевести Шуазеля, изъ Турина, а Жюинье послать въ Туринъ. Но тогда закричатъ г.г. де-Понсъ, де-Веракъ, де-Монморанъ, де-Монтейнаръ, которые всѣ старше маркиза. Придется, стало быть, отозвать Цукмантеля изъ Венеци и послать туда де-Верака, де-Понса — въ Петербургъ, де-Монморана — въ Берлинъ, де-Монтейнара, — въ Копенгагенъ, а меня отправить въ Кобленцъ или Боннъ, если только въ намѣренія министра не входитъ оставить меня въ Петербургѣ, сначала повѣреннымъ въ дѣлахъ, а потомъ посланникомъ. Это былъ бы путь къ повышенію очень скучный, но очень быстрый. Прощай; пора спать, тѣмъ болѣе что я уже на яву вижу пріятные сны!

Понедѣльникъ, 23.—Къ брату.

Я вышелъ сегодня только послѣ четырехъ часовъ и не засталъ дома Нелединской, которая утромъ присылала справляться обо мнѣ. Былъ также у Зиновьевой, у которой сестра больна. Ея проекты сойтись съ кн. Барятинской отложены на январь. Леруа показалъ мнѣ часть своей работы надъ доходами Россіи, которая безконечно цѣннѣе тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ присылають. Но такъ какъ эта работа написана исторически, то изъ нея возьму, для маркиза, только тѣ точныя цифры, въ которыхъ онъ нуждается, а все сочиненіе Леруа пошлю весной къ де-Верженну.

Не заставъ дома гр. Чернышевой, я очень рано попалъ къ Бемерамъ. Тамъ надо мной стали шутить по поводу вчерашняго моего нездоровья; Шарлотта приписываетъ его политикѣ съ моей стороны: она говоритъ, что я сказался больнымъ, чтобы не попасть въ затруднительное положеніе, очутившись среди всѣхъ тѣхъ женщинъ, за которыми ухаживаю. Шутки вообще были очень добродушны и кончились приглашеніемъ остаться на ужинъ. Несмотря на то, что мнѣ очень хотѣлось ужинать у Голицыныхъ, я все-таки остался. Было много гостей, между прочимъ, Визенъ, протежэ его — Марковъ *), человекъ умный, но фать, и новый секретарь саксонскаго посольства, Клеандеръ. Бемерамъ онъ не

*) Сына знаменитаго государственнаго человека.

*) Аркадій Ивановичъ.

понравился, а я нашелъ его добрымъ малымъ, можетъ быть, благодаря тому, что онъ привезъ мнѣ поклонъ отъ барона Лейсина, котораго я очень люблю. Въ сущности, Клеандеру нужно еще немножко пообтерѣться въ свѣтѣ; онъ слишкомъ фамильяренъ, и принимаетъ этотъ недостатокъ знанія приличій за простоту и вѣжливую развязность. Вечеръ прошелъ очень пріятно: мнѣ было весело, Шарлотта была очень хороша, о чемъ я ей тутъ же заявилъ.

Вторникъ, 24.—Къ брату.

Вчера я обѣщалъ Леруа навѣстить его и отправился пѣшкомъ, вмѣстѣ съ Комбсомъ; погода была превосходнѣйшая. Леруа прочелъ намъ свои замѣтки о доходахъ Россійской имперіи. Они доходятъ до 31.000.000 р. и дѣлятся на семнадцать отраслей. Леруа одобрилъ голыя цифры своими историческими и критическими разсужденіями, отчего они потеряли свойственную имъ сухость. Я тебѣ, мой другъ, покажу его работу, когда увидимся.

Отъ Леруа я проѣхалъ къ Нелединской, которую нашелъ за туалетомъ. Она увѣряетъ, что Матюшкина собирается учиться пѣнію у Дюгэ. Я думаю, что мы изъ политики отъ спектаклей перейдемъ къ концертамъ, потому что жена фельд-маршала боится разсердить Дворъ.

Послѣ обѣда я сдѣлалъ много визитовъ, былъ у Бемеровъ, у Голицыныхъ, а ужиналъ у гр. Головиной. Нелединская встрѣтилась со мной, по обыкновению, дружески. Мы много говорили между прочимъ о кн. Репнинѣ, который недавно пріѣхалъ изъ Константинополя. Я нашелъ его очень самонадѣннымъ человекомъ. Говорятъ, онъ уменъ, но очень рѣзокъ; мнѣ кажется, что мужчины должны его любить меньше чѣмъ женщины. Нелединская увѣряетъ, что онъ способенъ тонко анализировать чувство, а такъ какъ я оспаривалъ нѣкоторые его принципы и согласился съ другими, то мы перешли къ разговору о наиболѣе выгодной, для любви, обстановкѣ. Я сказалъ, что такой обстановкой является уединеніе, что страсти чаще всего развиваются въ деревнѣ.

Среда, 25.—Къ брату.

Сегодня, мой другъ, принцесса Виртембергская отказалась отъ протестантизма и перешла въ греческую вѣру. Церемонія назначена была въ 10 ч. утра, и мы съ маркизомъ отправились ко Двору. Черезъ полчаса императрица прослѣдовала въ церковь, а за нею шель великій князь, подъ руку съ принцессой. Она была одѣта во все бѣлое, казалась печальной и очень блѣдною, такъ какъ не нарумянилась. Мы тоже, вмѣстѣ со всѣми, вошли въ церковь, но тамъ было такъ много народа, что я ничего не видалъ. Говорятъ, принцесса прочитала по-русски Символь Вѣры, и хорошо прочитала. Церемонія присоединенія была для нея сокращена—изъ древней формулы выкинули все унизительное, въ родѣ отказа отъ своихъ родителей, вхожденія въ церковь съ потушенной свѣчкой, и проч. Императрица сама показала будущей невѣстѣ какъ слѣдуетъ прикладываться къ иконамъ. Она вѣдь прекрасная актриса, наша Екатерина. Она въ высшей степени богомольна, благочестива, нѣжна, величественна, деликатна, любезна... а въ сущности всегда остается сама собою, то есть человекомъ, думающимъ единственно и исключительно о своихъ интересахъ, и надѣвающимъ, ради нихъ, какую угодно маску. Вновь подтвержденная принцесса приняла имя Маріи Феодоровны, вмѣсто своего прежняго, Софія-Доротея. Я уѣхалъ изъ дворца утомившись, соскучавшись и умирая съ голода, а обѣдать пришлось у маркиза, то есть весьма скучно, хотя и въ большомъ обществѣ. Между прочимъ тамъ былъ Гриммъ, о которомъ маркизъ говоритъ такъ много хорошаго, но который для меня не представляетъ никакого интереса: самый обыкновенный человекъ, да говорить еще болтуны, а я бы къ этому прибавилъ—высокомѣрный.

Послѣ обѣда молодой кн. Голицынъ заѣхалъ за мной, чтобы отправиться вмѣстѣ къ Нелединской. Тамъ мы репетировали нѣсколько сценъ изъ комедіи, танцевали, хохотали. Былъ Кошелевъ. Голицынъ, не лишенный самолюбія, считаетъ себя стоящимъ гораздо выше его, но онъ не вполнѣ правъ.

Четвергъ, 26.—Къ брату.

Празднества наши продолжаютъ, мой другъ. Сегодня утромъ въ присутствіи императрицы, состоялось обрученіе великаго князя. На эту церемонію смотреть здѣсь какъ на самую важную; разъ кольца надѣты — бракъ состоялся *). Послѣ обрученія былъ обѣдъ для первыхъ четырехъ классовъ государства. Императрица сидѣла на тронѣ. Я не былъ на этой церемоніи, потому что не совсѣмъ здоровъ, да и не стоитъ ходить, такъ какъ изъ-за множества народа ничего не увидишь. Вечеромъ былъ парадный балъ, куда я отправился захвативъ сначала взглянуть на Нелединскую, которая была очень красива. Во дворцѣ мнѣ передали пакетъ, адресованный на имя Гарри и распечатанный; въ немъ оказалась кокарда, присланная Шарлоттой, и я ее надѣлъ. Протанцовавъ нѣсколько менуэтовъ и полонезовъ, отправился ужинать къ Бемерамъ; Шарлотта была очаровательна въ своемъ дезабиле, съ волосами не завитыми, не напудренными, просто подвязанными платочкомъ, по-русски.

Я узналъ новость, которая можетъ ускорить наше съ тобой свиданіе. Князь Лобковичъ говоритъ, что Сэнъ-При **) уѣхалъ изъ Константинополя во Францію на суднѣ, которое самъ нанялъ. Гр. Нессельроде, съ своей стороны, сказалъ мнѣ, что Монтейнаръ отозванъ изъ Кельна. Вотъ тебѣ и вакантныя мѣста, такъ что можетъ быть и моя очередь придетъ наконецъ.

Пятница, 27.—Къ брату.

Сегодня утромъ—новая церемонія при дворѣ. Мы ѣздили поздравлять великую принцессу—такъ теперь называется жена великаго князя (?), получившаго титулъ императорскаго высочества, хотя еще не считается великой княгиней. Приемъ былъ весьма многочисленъ и блестящъ; были

даже старая графиня Чернышова (жена Петра Григорьевича) и графиня Головина, три года уже не появлявшіяся при дворѣ. Обѣдалъ я у послѣдней, вмѣстѣ съ дочерью ея, Нелединской, дружба которой становится мнѣ все болѣе и болѣе дорога. Затѣмъ мы съ гр. Вановичемъ отправились къ Бонафини, которую застали за репетиціей оперы Армида, идущей сегодня. Эта итальянка очень мила; у нея прекрасные глаза, нѣжный, выразительный голосъ и красивая фигура.

Понедѣльникъ, 30.—Къ брату.

Наши проекты насчетъ спектаклей трудно осуществимы. Должны были играть сегодня, а отложили на среду. Обѣдалъ у Щербатовыхъ, гдѣ наканунѣ была репетиція. Послѣ обѣда провелъ часа полтора у Зиновьевой. Говорили о смѣшныхъ поступкахъ кн. Барятинской, которая навезла изъ Парижа модныхъ вещей, вызывающихъ и критику, и подражаніе. Императрица терпѣть не можетъ ничего французскаго, и ей, конечно, вторять. Кстати объ императрицѣ; ты помнишь, что я говорилъ объ ея характерѣ; она удивительно непостоянна, легкомысленна и обладаетъ рѣдкимъ даромъ притворства, во всей Имперіи нѣтъ лучшей комедянтки. Я сообщалъ тебѣ уже нѣсколько характерныхъ для нея черточекъ; сообщу еще одну, о которой узналъ лишь недавно. Въ тѣ времена, когда кн. Орлову приходилось ѣхать на конгрессъ въ Букарестъ, императрица ужасно горевала въ виду необходимости разлуки. Въ день его отъѣзда, или наканунѣ, она отправилась въ Царское Село и дорогою, въ каретѣ, въ присутствіи ѣхавшихъ съ нею дамъ — Румянцовой, Зиновьевой и Брюсъ — отчаянно плакала. На другой день Ея Величество заперлась въ своемъ кабинетѣ, куда допускала только графиню Брюсъ; на третій день у нея сдѣлались колики, на четвертый колики продолжались, на пятый она вышла въ добромъ здоровьѣ и въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, а на шестой день объ Орловѣ не было и рѣчи—Васильчиковъ занялъ его мѣсто. Такова, мой другъ, этънная Государыня; увлекаетъ ми минуты, она

*) Авторъ очевидно смѣшиваетъ обрученіе съ венчаніемъ. *Прим. пер.*

**) Онъ былъ замѣненъ Шуазелемъ и посланъ въ Швейцарію, а послѣдствіемъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Три его сына поступили на русскую службу.

кажется непоследовательной, хотя, въ сущности, всегда идетъ по пути, указываемому ея страстями. Менѣе фальшивая, чѣмъ непостоянная и вѣтреная, она настойчиво стремится только къ удовольствіямъ и къ удовлетворенію своего самолюбія.

Зиновьева настоятельно просить дать ей мой ярославскій дневникъ, который она видѣла у Лясси. Она хочетъ показать его Барятинской. Я общалъ прислать, присоединивъ къ нему мое посланіе къ гр. Андрею Разумовскому, который былъ любовникомъ Барятинской. Эти двѣ женщины, можетъ быть, самыя умныя, любезныя, образованныя и тактичныя въ Россіи, задумали основать кружокъ. Можешь быть увѣренъ, мой другъ, что и я войду въ его составъ!

Вторникъ, 1 октября.—Къ брату.

Сегодня опять торжество, и это еще не конецъ. Былъ выходъ по поводу дня рожденія великаго князя. Ожидаютъ новыхъ производствъ, которыя еще не состоялись, хотя многіе высокіе посты вакантны. Молодой Голицынъ надѣется получить ключъ.

Обѣдалъ у гр. Шереметева; было много гостей. Пюсежуръ вернулся. Я тебѣ говорилъ, кажется, что онъ пріѣхалъ два дня тому назадъ въ добромъ здоровьѣ и очень довольный своимъ путешествіемъ по Даніи и Швеціи. Нелединская нашла, что онъ похудѣлъ, и даже сказала ему это, чѣмъ онъ, по ея словамъ, остался недоволенъ. Думаю, что онъ останется здѣсь на зиму, хотя видимо скучаетъ и говорилъ Комбсу, что можетъ тотчасъ же уѣхать въ Парижъ. У него новый проектъ — хочетъ заняться торговлей (*entrer dans les négociations*). Эта идея меня не удивляетъ, мой другъ; я давно уже предполагалъ нѣчто подобное и думаю, что ему нѣтъ другого выхода, если только онъ по натурѣ окажется способнымъ къ такому дѣлу, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Пюсежуръ — добрый малый, но онъ не особенно уменъ, мало образованъ, безтактенъ и не годится для свѣта. Его плохо учили; этимъ я не хочу сказать, что онъ не знаетъ латинскаго языка (хотя онъ его на самомъ дѣлѣ плохо знаетъ), такъ какъ не

въ томъ дѣло, но онъ не умѣетъ правильно писать и говорить по-французски, не умѣетъ хорошо выражаться. Ему недостаетъ также сдержанности, рѣшительности, твердости, которыя такъ важны въ данномъ ремеслѣ; недостаетъ способности разгадывать людей, безъ которой его постоянно будутъ обманывать.

Сегодня былъ парадный балъ. Я танцевалъ съ великимъ княземъ, который разговаривалъ со мною въ первый разъ со смерти своей жены.

Среда, 2.—Къ брату.

Наконецъ, сегодня мы играли нашу комедію *Le Glorieux*. Мой дебютъ въ роли Лизимона былъ такъ успѣшенъ, какъ только я могу желать. Спиридола играла очень хорошо, другіе — посредственно. У большей части изъ нихъ гасконскій акцентъ, что производитъ непріятное впечатлѣніе.

Пятница, 4.—Къ брату.

Не думай, мой другъ, что я здѣсь ограничиваюсь только изученіемъ общества и страны; я обогащаюсь и другими свѣдѣніями, болѣе существенными. Дѣло идетъ о превращеніи металловъ въ золото, и меня тотчасъ же посвящаютъ въ тайны, ведущія къ этому драгоценному знанію. Я тебѣ говорилъ о ложѣ генерала Мелиссино и о составляющихъ ее семи степеняхъ. Седьмая и послѣдняя изъ нихъ, которая называется Капитуломъ (*Charitre*), знакомитъ и съ первичной матеріей, и съ процессами, которыми она должна быть подвергнута для достиженія высшей дѣли. Правда, никто еще изъ членовъ Капитула не нашелъ того, чего всѣ ищутъ, но всѣ убѣждены въ существованіи искомаго, а это уже много значить. Я буду очень радъ сдѣлаться членомъ Капитула, какъ мнѣ это общали, и тогда передо мною будутъ открыты всѣ данныя по этому вопросу.

Суббота, 5.—Къ брату.

Были у меня гр. Нессельроде съ Брюлемъ, но послѣдній скоро ушелъ, а съ первымъ мы вели обычные разговоры. Онъ спрашивалъ меня, кто будетъ посланъ въ Кельнъ, чего я не знаю. Затѣмъ мы произвели смотръ нѣкоторымъ

изъ нашихъ посланниковъ. Говоря объ О'Дюннѣ (O'Dunne)*), который теперь въ Мангеймѣ, Нессельроде сообщилъ мнѣ, что въ 1763 г., во время переговоровъ о мирѣ по поводу уступки Флориды, гр. Шуазейль, не получая отвѣта отъ испанскаго посланника, командировалъ О'Дюнна въ Мадридъ, и ловкій ирландецъ уже черезъ 12 дней привезъ отвѣтъ, подписанный испанскимъ королемъ. Этотъ отвѣтъ былъ представленъ совѣту помимо испанскаго посланника, хотя и въ его присутствіи.

Обѣдалъ у Нелединской; она нездорова. Что это за очаровательная женщина, мой другъ! Но если ты соберешь во едино всѣ мои отзывы о ней, то найдешь, можетъ быть, что она часто бываетъ сама на себя непохожа. Это и я нахожу, другъ мой! Характеръ ея оказывается болѣе основательнымъ только при ближайшемъ разсмотрѣніи. Она, напримѣръ, гораздо болѣе постоянна въ любви, чѣмъ я думалъ. Гр. Андрей до сихъ поръ близокъ къ сердцу, и я, хотя въ ущербъ своему самолюбію, но все-таки съ удовольствіемъ вижу, что ея дружба ко мнѣ возникла въ виду моей дружбы къ Андрею. Я въ этой дружбѣ вполне увѣренъ, такъ какъ еще недавно, когда я говорилъ о привязанности ко мнѣ кн. Голицына, она замѣтила: «Но ужъ, конечно, онъ васъ далеко не такъ любить, какъ я». Маленькая Юрасова хороша; я говорилъ тебѣ о ней, такъ же какъ и о Дугни. Эти двѣ дѣвицы очень милы и чувствуютъ ко мнѣ довѣріе; вообще, въ этомъ домѣ все мнѣ нравится.

Вернувшись, я зашелъ къ маркизу. Онъ больше, чѣмъ когда-либо, увѣренъ, что Захаръ Чернышовъ не будетъ военнымъ министромъ и скоро вернется назадъ. Продолжаютъ говорить, что кн. Репнинъ купилъ у Чернышова тотъ домъ, въ которомъ помѣщается наше посольство, и что черезъ полгода намъ придется переѣзжать, а пока онъ помѣстился у своего дяди, гр. Панина.

Воскресенье, 6.—Къ брату.

У маркиза былъ обычный обѣдъ, послѣ котораго мы съ Брюлемъ отправились

*) Французскій посланникъ при Курфюрстѣ-Палатинѣ.

съ визитами къ оберъ-мундшенку и къ адмиралу Грейгу, которыхъ не застали дома. Затѣмъ мы поѣхали къ жонѣ Ивана Чернышова, гдѣ Тепловъ очень хорошо игралъ на гармонико-флютѣ (clavecin organisé?). Потомъ мы были у Нелединской, гдѣ застали Матюшкину. Последняя все еще печальнѣй обыкновеннаго, но это къ ней идетъ. Я наговорилъ имъ обѣимъ множество глупостей; отчего веселость моя не уменьшилась. Я думаю, что теперь моя душа наклоннѣй, чѣмъ когда-либо, къ живымъ и внезапнымъ впечатлѣніямъ. Затѣмъ мы посадили обѣихъ дамъ въ карету, причемъ я общалъ Нелединской ужинать у ея родителей, а Матюшкиной—заѣхать къ ея теткѣ. Онѣ хотѣли было посадить меня съ собою, но я отказался, такъ какъ долженъ былъ ѣхать къ Бемерамъ. Шарлотта тотчасъ же замѣтила, что у меня рыльце въ пушку, и стала шутить надъ этимъ. Вѣдь такая несчастная способность краснѣть! Всѣ видятъ, смѣются, а я еще больше краснѣю. Шарлотта требуетъ, чтобы я остался ужинать; я отвѣчаю, что общалъ Головиннымъ; мнѣ говорятъ, что я такъ часто у нихъ бываю, а въ концѣ концовъ приходится оставаться. Вернувшись, нашелъ у себя Комбса, который убѣжденъ, что меня въ Петербургѣ избалуютъ и что я погибну. А ты какъ думаешь?

По поводу празднествъ, которыя завтра начинаются, посылаю тебѣ ихъ программу, или по крайней мѣрѣ выписку изъ программы.

Во вторникъ, въ 10 ч.—поздравленіе ихъ высочествъ въ собственныхъ апартаментахъ; вечеромъ—балъ въ галлерей и ужинъ въ большой залѣ для особъ первыхъ четырехъ классовъ и дипломатическаго корпуса. Разсаживаются по порядку билетовъ.

Въ среду—отдыхъ.

Въ четвергъ, къ одиннадцати часамъ, собираются въ апартаментахъ ихъ высочествъ, а вечеромъ—куртагъ въ галлерей. Передъ обѣдомъ—народный праздникъ передъ дворцомъ.

Пятница—отдыхъ.

Суббота—тоже.

Воскресенье—итальянская опера.

Понедѣльникъ—отдыхъ.

Вторникъ—дворянскій маскарадъ.

Среда—французскій спектакль.

Четвергъ—отдыхъ.

Пятница—русскій спектакль и маскарадь для дворянства и купечества.

Суббота—отдыхъ.

Воскресенье—куртажъ вечеромъ.

Понедѣльникъ—отдыхъ.

Вторникъ—французскій спектакль.

Среда—народный балъ и ужинъ.

А въ заключеніе празднествъ будетъ пушенъ фейерверкъ, но такъ какъ для этого требуется хорошая погода, то день заранѣе назначить нельзя, а когда онъ наступитъ, то жители Петербурга будутъ увѣдомлены объ этомъ пятью пушечными выстрѣлами, въ полдень.

Вотъ, мой другъ, перечень нашихъ торжествъ, въ которыхъ, я полагаю, не будетъ ничего необыкновеннаго. Во дни отдыха, только кадеты да Бецкій станутъ развлекать насъ, что тоже, конечно, никакихъ чудесъ не обѣщаетъ.

Понедѣльникъ, 7.—Къ брату.

Когда мы съ маркизомъ пріѣхали во дворецъ, сигналъ изъ пяти пушечныхъ выстрѣловъ только что начался; мы пріѣхали первые. Затѣмъ начали съѣзжаться дамы, разодѣтыя и усыпанныя брилліантами. Надо побывать въ Петербургѣ, мой другъ, чтобы видѣть такое обиліе драгоценностей. Черезъ часъ вышла Императрица съ ихъ высочествами; мы поспѣшили въ церковь, чтобы занять тамъ сколько-нибудь сносныя мѣста. Духовенство встрѣтило высочайшихъ особъ при вхождѣ, и когда они вышли изъ алтаря, Императрица взяла ихъ высочества за руки и... но тутъ я пересталъ что-либо видѣть, такъ какъ колоссальная фигура барона Юбенъ (Ueben) заслонила отъ меня весь міръ. Мнѣ стало жарко, душно и я ушелъ. Но я тебѣ расскажу въ чемъ состояла церемонія, со словъ живописца Ролена, который все видѣлъ. Супруги приблизились къ алтарю и стали читать молитвы. Затѣмъ кн. Орловъ держалъ корону надъ головой великаго князя, а Бецкій держалъ другую надъ головой великой княгини. Князь часто перемѣнялъ руку, а Бецкій держалъ все время одною, хотя она у него сильно дрожала. Ну, а остальное не стоитъ описанія. Ты меня спросишь, можетъ быть, почему,

въ параллель кн. Орлову, выбрали для этой церемоніи Бецкаго. Это потому, мой другъ, что здѣсь незаконныя дѣти пользуются особымъ счастьемъ. Ты вѣдь знаешь, я думаю, что Бецкій или Бецкой—незаконный сынъ Трубецкаго. Незаконность происхожденія здѣсь не приноситъ безчестья, и незаконнымъ дѣтямъ даютъ обыкновенно часть своей фамиліи: Трубецкой—Бецкой, Голицынъ—Липинъ и т. д. А короны, во время вѣнчанія, обязательно должны держать холостяки.

Обѣдали мы у кн. Лобковича; затѣмъ я, сдѣлавъ визиты графинѣ Салтыковой и женѣ Петра Чернышова, отправился ко двору, гдѣ былъ парадный балъ. Я танцевалъ три полонеза. Балъ кончился въ 7 часовъ, такъ какъ всѣ устали и нуждались въ отдыхѣ.

Забылъ тебѣ сказать, что въ галлерей состоялся большой обѣдъ.

Императрица и ихъ высочество сидѣли подъ балдахиномъ, императрица посрединѣ, а молодые супруги по бокамъ. Сзади ея величества стояли оберъ-шенкъ и оберъ-штальмейстеръ—двое Нарышкиныхъ. Ея величество пила за здоровье иностранныхъ пословъ, причемъ мы всѣ встали, такъ какъ нашъ столъ стоялъ отдѣльно отъ другихъ и какъ разъ противъ балдахина. Въ остальныхъ частяхъ галлерей были поставлены четыре стола для особъ первыхъ четырехъ классовъ, мужчинъ и женщинъ. Хоры были полны зрителями, и тамъ же стояли музыканты, которыхъ не было слышно. Среди общаго шума и звука трубъ, при тостахъ, знаменитый Нолли (Nolly) старался даромъ. Столы были узенькіе и стояли въ одну линію, подъ апельсинными деревьями, осѣнявшими гостей и придававшими галлерей удивительно красивый видъ.

Производство никакихъ не было. Ожидали назначенія четырехъ статсъ-дамъ, но не дождались. Назначены только лица, долженствующія сообщить о бракѣ великаго князя иностраннымъ дворомъ. Въ Вѣну ѣдетъ молодой гр. Румянцовъ; въ Стокгольмъ—камеръ-юнкеръ кн. Куракинъ; въ Берлинъ—камеръ-юнкеръ и директоръ академіи наукъ, Домашневъ (Domachenev); въ Штутгартъ—Рахмановъ (Rokmanof).

Заѣзжалъ къ Бемерамъ, приняли меня, повидимому, холодно и натянуто, поэтому я скоро уѣхалъ къ Нелединской, которая пригласила меня ужинать у ея отца. Виѣсть съ нею мы поѣхали по городу смотреть иллюминацію. Наибольше богатая была у кн. Лобковича, а наибольше красивая у графини Брюсъ. Последняя представляла собою архитектурный фронтонъ, состоящій изъ четырехъ колоннъ, съ карнизами и вращающимися вазами надъ нимъ. Все это было усыяно зелеными, красными и синими лампочками, похожими на бокальчики съ налитой въ нихъ прозрачной жидкостью. Нелединская, которая бывала въ Константинополѣ, у кн. Репнина, говорить, что это по-турецки. Громадная толпа народа, множество экипажей, и весьма мало порядка—почти нельзя было двигаться. Особенно красива была набережная Невы. Крепость, находящаяся на той сторонѣ, была по архитектурнымъ линиямъ усыяна лампочками, что производило особый эффектъ. Это, по моему, было лучше всего.

Ужиналъ у Головиныхъ, Нелединская рассказывала мнѣ о Трубецкой, которую не любятъ за ея фальшивость; жаль, что эта молодая особа портится. Говорили мы также о графинѣ Салтыковой-Чернышевой, которая, по словамъ Нелединской, зла какъ чертъ и жена въ превосходной степени. Сунружеская вѣрность ея, однако же, не дорого стоитъ, потому что она безобразна. Маркизь очень ее расхваливаетъ; едва ли онъ правъ, если вѣрить слухамъ. Должно быть судьба его такова, чтобы лица, носящія фамилію Чернышевыхъ, вводили его въ заблужденіе.

Вторникъ, 8.—Къ брату.

Сегодня ихъ высочество принимали поздравленія. Говорятъ, что великій князь успѣлъ уже трижды доказать женѣ свою высочайшую любовь. Я былъ не совсѣмъ здоровъ и потому ко двору не ѣздилъ, что очень досадно, такъ какъ было много народа и у великой княгини цѣловали руку. Вечеромъ состоялся парадный балъ, на которомъ я хотя и присутствовалъ, но не танцевалъ. Мы съ Мятлевымъ (Métélef) вели длинный разговоръ о капитулѣ, въ который меня хотятъ принять, такъ какъ за меня

стоятъ даже Перфильевъ, самый строгій членъ капитула.

Послѣ бала, всѣ отправились смотреть апартаменты ихъ высочествовъ; богато, красиво и со вкусомъ меблировано. Нѣкоторые думаютъ, что кн. Куракинъ, отправляющійся въ Стокгольмъ, останется тамъ посланникомъ, а другіе полагаютъ, что туда вернется Симолинъ (Simolin).

Говорилъ съ Ролэномъ, у кн. Лобковича, о Даніи. Золотой вѣкъ наукъ и искусствъ въ этой странѣ зависѣлъ всецѣло отъ покойнаго короля *), а не отъ Струэнзе и не отъ Брандта **). Всѣ заслуги этихъ двухъ господъ состоятъ въ ихъ физической бодрости, а знанія послѣдняго ограничиваются медициной, которую онъ практиковалъ.

Графъ Сольмсъ не особенно доволенъ выборомъ Домашнева для послышки въ Берлинъ; хотъ онъ и камергеръ, а говорить—сынъ кучера.

Кн. Потемкинъ вчера претерпѣлъ великое униженіе отъ кн. Орлова, который взялъ его за плечо и отодвинулъ назадъ, для того, чтобы самому идти тотчасъ же за императрицей. Новоположанный князь промолчалъ, но сталъ грызть ногти съ досады.

Императрица, мой другъ, очень любить держать много собакъ. У нея ихъ дюжина, и одна лучше другой. Когда она идетъ обѣдать, то беретъ съ собою одну изъ своихъ любимицъ. Въ столовой есть кресло, назначенное для императрицы, но она на него никогда не садится, а сажаетъ собаку. Къ собакамъ приставленъ пажъ, обязанный покрывать ее платкомъ отъ мухъ и вообще подчиняться ея фантазіямъ. Вчера, одно изъ этихъ привилегированныхъ животныхъ пропало, и всю ночь цѣлый городъ искалъ его. Счастливецемъ оказался лакей Кошелева, получившій за находку сто рублей.

Среда, 9.—Къ брату.

Утромъ былъ у генерала Мелиссино и гр. Брюля. Перваго не засталъ дома, а со вторымъ видѣлся. Мы толковали о его ~~.....~~, о надеждахъ, которыя

* Брандтъ, другъ Струэнзе, дѣ-
во королевы.

ему здѣсь подаютъ, и о покровительствѣ, которое оказываетъ ему великій князь. Послѣдній, при случаѣ, даетъ понять, что у него теперь руки связаны, и что когда онъ будетъ царствовать, тогда найдеть средства помочь своимъ протеемъ. Между нами, мой другъ, я думаю, что онъ будетъ плохимъ государемъ. У него мало подъема въ душѣ, еще меньше философіи въ головѣ и мелочность во всемъ остальномъ. Вотъ тебѣ новое доказательство этого, которое ты можешь присоединить къ прочимъ.

Вчера, на куртагѣ, когда императрица удалилась къ себѣ, великій князь съ женой остались, и вокругъ нихъ образовался кружокъ. Маркизь, проходя сзади великаго князя, когда тотъ разговаривалъ съ гр. Брюлемъ, нечаянно толкнулъ его, самъ этого не замѣтивъ. Великій князь ничего не сказалъ, но Брюль сдѣлалъ знакъ маркизу, и тотъ отступилъ. Но такъ какъ великій князь при разговорѣ рѣзко жестиквулируетъ, а кружокъ, вокругъ него собравшійся, безпрестанно мѣнялся и передвигался, то маркизу пришлось вторично толкнуть его высочество и даже въ третій разъ. Тогда великій князь прервалъ разговоръ, и сказавъ гр. Брюлю, по-нѣмецки, «это ужъ слишкомъ!»—отступилъ шага на два назадъ, сильно толкнулъ локтемъ маркиза, а затѣмъ обернулся и сталъ извиняться. Приблизившись затѣмъ опять къ Брюлю, онъ сказалъ ему вполголоса, тоже по-нѣмецки: «вы замѣтили?» Брюль отвѣчалъ: «не думаете же вы, ваше высочество, что это было сдѣлано преднамѣренно».—«О! отвѣчалъ великій князь, три раза одно и тоже не дѣлается нечаянно. Но вы видите, что я сдѣлалъ?» вотъ, мой другъ, будущій замѣститель Екатерины II и Петра I!

Пообѣдавъ дома и сдѣлавъ нѣсколько визитовъ вмѣстѣ съ маркизомъ, я провелъ часа два у Голицина, съ которымъ много говорилъ о масонствѣ, о философіи и разныхъ другихъ вещахъ. Ужинать отправился къ Бемерамъ.

Четвергъ, 10.—Къ брату.

Сегодня утромъ былъ народный праздникъ, а вечеромъ куртагъ и третья иллюминація города. Собрались у Ихъ

Высочествъ, куда пришла и императрица. Въ 11^{1/2}, часовъ начался народный праздникъ.

Вотъ въ чемъ онъ состоялъ.

Передъ дворцомъ лежитъ огромная площадь, на которой можетъ помѣститься 30,000 человекъ. Посрединѣ этой площади былъ устроенъ квадратный, деревянный помостъ, возвышавшійся на нѣсколько ступенекъ. На помостѣ лежалъ жареный быкъ, покрытый краснымъ сукномъ, изъ котораго торчали голова и рога животного. Кругомъ стоялъ народъ, сдерживаемый полицейскими, которые бнутами отгоняли особенно нетерпѣливыхъ, какъ у насъ это дѣлается съ охотничьими собаками, ожидающими раздѣла затравленнаго ими оленя. На той же площади, по бокамъ помоста, были устроены два фонтана, въ видѣ сосудовъ, изъ которыхъ лилось вино и кислые щи (kinclisché?) По сигналу, данному выстрѣломъ изъ пушки, всѣ стали готовиться, а по такому же сигналу полиція отступила и народъ бросился къ быку. Въ эту минуту, грубый русскій народъ показался мнѣ еще болѣе варварскимъ и дикимъ чѣмъ обыкновенно. Но мотивомъ его, въ данномъ случаѣ, было не одно только обжорство: всѣ стремились захватить рогастую голову животного, потому что принесшій ее во дворецъ долженъ былъ получить сто рублей за свою силу и ловкость. Но сколько же было конкурентовъ на этотъ призъ! Сотни людей бросались, толкали, мяли, топтали другъ друга, чтобъ отбить добычу, и въ концѣ концовъ до трехсотъ этихъ несчастныхъ растащили быка по кусочку, и сто рублей были раздѣлены между ними. Не люблю я, мой другъ, такихъ дикихъ и варварскихъ зрѣлищъ, въ которыхъ ярче всего выступаетъ самая отталкивающая жадность. Если характеръ народа отражается на его развлеченияхъ, то по этому развлеченію русскаго народа нельзя высказать хорошаго мнѣнія о его характерѣ. Въ русскіхъ обычаяхъ нѣтъ и слѣда древняго благородства. Наши древніе обычаи получили свое начало или изъ религіознаго культа галловъ, или изъ доблести древняго Рима, или изъ насильническаго, но красиваго рыцарства нашихъ отцовъ. Я люблю, я уважаю даже эти странные обычаи, къ которымъ

просвѣщенные страны все-таки чувствуютъ нѣкоторую привязанность. Кто-нибудь скажетъ, пожалуй, что это тоже остатки варварства, но эти остатки прикрываютъ собою великія, исчезнувшія добродѣтели и потому заслуживаютъ почитанія. Правда, что русскій народъ не имѣлъ счастья внѣдриться въ другой, болѣе цивилизованный, какъ мы, французы. Онъ росъ отъ всѣхъ въ сторонѣ, вполнѣ самобытно. Онъ не вышелъ, подобно намъ, изъ своихъ скалъ и лѣсовъ для того, чтобы сѣсть на готовую уже цивилизацію. Ростъ и побѣды его совершались только на счетъ ближайшихъ сосѣдей, такихъ же дикихъ, какъ онъ самъ, и только длиннымъ путемъ постепеннаго прогресса можетъ онъ дойти до желанной цѣли. Они, римляне, находясь въ такомъ же положеніи, то есть возрастая самобытно, въ странѣ, до нихъ никѣмъ ни занимаемой, успѣли быстро цивилизоваться, и этой цивилизаціей они всецѣло обязаны своему энергичному и мудрому правительству. Они рано познали свободу и свои естественныя права, рано сдѣлались способными поддерживать то и другое.

Пробывъ нѣсколько минутъ при Дворѣ, я отправился къ Голицынымъ, гдѣ встрѣтилъ Матюшкину, которая мнѣ горько жаловалась на своего возлюбленнаго, оставляющаго ее, несмотря на то, что она теперь любитъ его больше чѣмъ прежде. Она настаиваетъ, чтобы я похлопоталъ за нее, такъ какъ не можетъ жить безъ Голицина съ тѣхъ поръ какъ онъ ее бросилъ. О женщины, женщины! Какъ непостоянно ваше сердце! Неужели нужно обманывать васъ, чтобы упрочить за собою вашу любовь?

Ужинать я отправился къ Головинымъ. Нелединская отвела меня къ сторонѣ, чтобы поговорить о Матюшкиной, о Трубецкой, о гр. Андрѣе и о самой себѣ. Затѣмъ она стала плакать, чѣмъ поставила меня въ неловкое положеніе. Потомъ сказала, что хранить у себя въ шкапулкѣ доказательство измѣны гр. Андрея. Должно быть, какая-нибудь женщина прислала ей письмо послѣдняго. Такъ какъ Нелединская сказала, что никто объ этомъ не знаетъ, то и я не сталъ просить дальнѣйшихъ объясненій. По правдѣ сказать, мой другъ, эта женщина

гораздо интереснѣе, чѣмъ думаютъ, и дружба ея мнѣ очень лѣтитъ. Но прощай, прощай, мой добрый другъ!

Пятница, 11.—Къ брату.

Сегодня я былъ приглашенъ къ обѣду Спиридовыми. Было много народа, плохой обѣдъ и мало занимательнаго. Но Спиридовы хорошіе люди, и въ ихъ обществѣ всегда хорошо себя чувствуешь. Послѣ обѣда я хотѣлъ ѣхать съ визитами, но меня удержали для того, чтобы ѣхать смотрѣть китайскія тѣни. Я когда-то видалъ ихъ въ Парижѣ, и теперь онѣ мнѣ напомнили родину. Какъ бы ни были хороши путешествія, а все-таки мнѣ часто вспоминается стихъ Байрона:

«Чѣмъ болѣе смотрю на иностранцевъ,
Тѣмъ сильнѣе люблю родину».

Послѣ этого маленькаго спектакля, надо было вернуться къ Спиридовымъ, чтобы завести мальчика, ихъ сына, ѣздившаго со мною. Это совсѣмъ ужъ разстроило мои предположенія. Заѣхавъ на полчаса къ консулу, я вернулся домой, гдѣ и ужиналъ у маркиза. Ужинъ этотъ былъ настолько веселъ, насколько могъ быть въ такомъ обществѣ. Занимались музыкой, что мнѣ не особенно понравилось, но за ужиномъ я сѣлъ рядомъ съ Брюлемъ и мы поговорили. Великій князь видимо къ нему милостивъ. Сегодня утромъ онъ говорилъ съ нимъ о дѣлахъ и приглашалъ къ себѣ на службу. Брюль не скрылъ отъ него двухъ неудобствъ, которыя онъ вполнѣ основательно видитъ въ этой службѣ. Во-первыхъ, законъ Петра Великаго, по которому, всякій иностранецъ, желающій служить въ Россіи, понижается на одну степень въ чинѣ, во-вторыхъ, громадная разстоянія, которыя приходится проѣзжать во время командировокъ. Съ первымъ неудобствомъ великій князь согласился, а что касается второго, то сказалъ, что Брюлю ѣздить не придется, потому что онъ желаетъ оставить его при себѣ. Все это очень лестно, но можно ли довѣряться чловѣку безхарактерному, сегодня отъезжающему отъ того, что онъ говорилъ вчера? Горячая дружба великаго князя къ Разумовскому, такъ внезапно измѣнившаяся, должна служить урокомъ для

каждаго, вступающаго на тотъ же путь. Говорятъ, что Разумовскій обманулъ его, связавшись съ покойной великой княгиней, но правда ли это? Мнѣ, дѣйстви-тельно, рассказывали, что въ Москвѣ, садясь на лошадь, великій князь сказалъ вн. Гагарину: «Побудьте съ великой княгиней и не оставляйте ее». Такое же приказаніе онъ отдалъ и бар. Николаю, а потомъ оба, придя къ великой княгинѣ, застали ее наединѣ съ Разумовскимъ. Она попробовала отъ нихъ отдѣлаться, но когда они заявили, что исполняютъ приказаніе его высочества, то она отошла съ Разумовскимъ къ окну, и тамъ разговаривала съ нимъ потихоньку. Гагаринъ и Николай, изъ скромности, вышли въ другую комнату. Вскорѣ вернулся великій князь, и, найдя свою жену наединѣ съ Разумовскимъ, спросилъ у Гагарина, почему тотъ не исполнилъ его приказанія. А когда Гагаринъ рассказалъ, какъ было дѣло, то великій князь замѣтилъ: «Надо было оставаться, какъ я васъ просилъ; у меня есть на это свои причины». Но что же все это доказываетъ? Что великій князь подозрителенъ, но это у него въ характерѣ. Я положительно не знаю, было ли что-нибудь между великой княгиней и Разумовскимъ. Да, она обладала достаточнымъ влияніемъ на мужа, чтобы заставить его подчиниться своей волѣ. Говорятъ, что она знала о намѣреніи мужа произвести революцію, и пользовалась этимъ какъ средствомъ держать его въ рукахъ. Она сама имѣла такое намѣреніе, и конечно была бы въ состояніи его выполнить, но только никакъ ужъ не въ пользу мужа, а въ свою собственную. Принцъ Вальдевъ говорилъ принцу Ангальту про великую княгиню: «Если ужъ эта не сдѣлаетъ революціи, то никто ее не сдѣлаетъ».

Суббота, 12.—Къ брату.

Можетъ быть я ошибаюсь, мой другъ, но я недоволенъ своими кистями. Я хочу рисовать людей, а подлинныя-то ихъ фizioноміи отъ меня ускользаютъ. Вмѣсто того, чтобы схватить общее, а потомъ отдѣлывать подробности, я привязываюсь къ одной какой-нибудь чертѣ, особенно мнѣ понравившейся, а на остальныя не обращаю вниманія. Я бы долженъ былъ

относиться къ моимъ замѣткамъ какъ политикъ и философъ, а отношусь какъ наблюдатель и чувствующій человекъ. Просматривая иногда написанную мною страничку, я упрекаю себя или за сухость газетчика, или за эпикурензмъ эгоиста. Кромѣ того, я слишкомъ рѣдко себя провѣряю и слишкомъ мало трачу времени на такую провѣрку. Но какое мнѣ до этого дѣло? Буду продолжать какъ началъ, не стѣсняясь.

Провелъ часа два у Голицина. Толковали о разныхъ разностяхъ, между прочимъ, о Домашневѣ. Онъ сынъ писателя, а не кучера; кучеромъ-то былъ его дѣдъ. Но отъ кого бы онъ ни происходилъ, а все-таки, по словамъ Голицина, онъ человекъ умный и знающій, даже недурной поэтъ (на русскомъ языкѣ). Вечеръ кончилъ у Бемеровъ.

Воскресенье, 13.—Къ брату.

Ничего интереснаго, мой другъ. Утромъ, по обыкновенію, былъ куртажъ. Великая княгиня много говорила, но ничего достопримѣчательнаго не сказала. Я считая ее ограниченной, но старающейся преуспѣть.

Понедѣльникъ, 14.—Къ брату.

Сегодня утромъ, мой другъ, Леруа доставилъ мнѣ свой трудъ о доходахъ Россійской Имперіи, которые достигаютъ 30.470,707 рублей. Я ему теперь поручилъ изучить расходы и такимъ образомъ мы пройдемъ черезъ все, что хотимъ знать.

Обѣдалъ у Щербатовыхъ и видѣлъ ихъ дочь, Спиридову, которая нездорова. Читали разные пьесы. Мать ея ужинала у великаго князя и возвратясь говорила, что теперешняя великая княгиня не похожа на прежнюю, да и вообще искренніе люди далеко не такъ ее хвалятъ.

Вторникъ, 15.—Къ брату.

Обѣдалъ по-англійски, у англиканскаго священника Таута (T a u g h t), на Галерной (G a l e r n h o f). Это оказалось не особенно весело. Визитъ къ Вельдену былъ болѣе занимателенъ; Шамбрелина мила попрежнему. До самаго маскарада,

то есть до семи часовъ, просидѣлъ у Бемеровъ. На маскарадѣ дѣлныхъ два часа проходилъ и протанцовалъ съ Юрасовой, которая никакъ не хотѣла отъ меня отвязаться. Она, впрочемъ, была хорошо одѣта и казалась очень хорошенькой; всё у меня спрашивали, кто это такая. Въ концѣ бала встрѣтилъ Шарлотту и Шамбрелину, съ которыми и прохаживался. Это мнѣ помѣшало поговорить со многими людьми, что было очень досадно. Въ полночь уѣхалъ къ Бемерамъ пить чай, а потомъ вернулся домой и легъ спать.

Среда, 16.—Къ брату.

Ахъ, мой другъ, любовь, источникъ наслажденій, является также источникомъ горестей! Во всѣхъ возрастахъ нужно ее оберегать. Комбсъ, какъ ты знаешь, влюбился здѣсь въ дочь актера Дюгэ. Этой двадцати или двадцатидвухлѣтней дѣвушкѣ онъ также понравился самымъ прочнымъ образомъ, такъ какъ она вполне искренна и благоразумна. Началась переписка, все шло какъ слѣдуетъ, и вдругъ одна нескромная подруга открыла тайну любовниковъ отцу. Скандалъ! Отецъ рветъ и мечетъ, дѣвица признается, во всемъ обвиняя Комбса, такъ какъ онъ обѣщалъ жениться. Сегодня утромъ я велъ переговоры съ Дюгэ, который ничего не хотѣлъ слышать, и требуетъ отъ Комбса, чтобы онъ или не смѣлъ показываться или женился, доказавъ, что можетъ имѣть тысячу экю дохода. Боюсь, какъ бы не узнали къ какой религій принадлежитъ Комбсъ, такъ какъ молодая дѣвушка вполне раздѣляетъ взгляды отца. Какъ бы то ни было, нашъ Корнишовъ очень огорченъ этой катастрофой. Не знаю, что будетъ дальше, какъ повернется дѣло.

Видѣлъ княжну Трубецкую; разговаривали попрежнему, только я ввернулъ нѣсколько колкостей, весьма удачныхъ.

Англія прислала, говорятъ, Императрицѣ просьбу о помощи противъ Американскихъ колоній, но просьба эта принята неблагосклонно.

Четвергъ, 17.—Къ брату.

Утромъ, въ теченіе получаса, занимался англійскимъ языкомъ съ Перро,

а затѣмъ говорилъ съ нимъ о Небри (Neubry). Онъ страшно влюбленъ въ эту дѣвицу, что очень жаль, такъ какъ она его обманываетъ и непремѣнно заставить сдѣлать какую-нибудь глупость. Она пользуется плохой репутаціей въ городѣ. Будучи учительницей у какого-то русскаго, она состояла съ нимъ въ связи. Домашневъ тоже пользовался ея благосклонностью — она ходила къ нему на свиданія по утрамъ. А Перро, вотъ уже годъ, какъ въ нее влюбленъ; разъ пять онъ собирался порвать съ нею, въ виду ея невозможнаго поведенія. Эта Небри очень странная дѣвушка; она обладаетъ живой душой, романтической головой, тонкимъ умомъ и испорченнымъ сердцемъ. Порочныя наклонности и безпорочное поведеніе заставляютъ ее искать себѣ ширмы, въ лицѣ мужа. Она хотѣла женить на себѣ Перро, но онъ старается избѣжать этой участи, и даже разъ, въ минуту ревности, сказалъ ей: «Вы будете днемъ — м-мъ Перро, а ночью — м-мъ Домашнева». Бардановичъ тоже чуть было на ней не женился, но, къ счастью, успѣлъ отдѣлаться. Я боюсь, что Перро этого не удастся. Говорятъ, что она рѣшилась отмстить за вышеприведенную фразу, осуществивъ ее. Перро это знаетъ, убѣжденъ, что она его не любитъ, и все-таки не въ состояніи уйти отъ нея. Каролина приходитъ отъ этого въ отчаяніе, но она не умѣетъ взяться за Перро; попробую помочь ей. Я ему говорилъ сегодня о дурномъ поведеніи Небри, онъ соглашается, но считаетъ возможнымъ передѣлать ее. Желаніе удостовѣриться въ ея продѣлкахъ побудило его захватить свѣсма, которая Небри запираетъ въ своемъ столѣ, но онъ въ нихъ ничего особеннаго не нашелъ. Что же это доказываетъ? Только то, что она очень ловка.

Пятница, 18.—Къ брату.

День маскарада, мой другъ, и многихъ происшествій. Обѣдалъ я у Нелединской, гдѣ назначилъ свиданіе Кошелеву. Юрасова сильно покрасѣла, когда я вошелъ, потому что передъ этимъ много шутила насчетъ ея отношеній ко мнѣ. За столомъ мы много смѣялись и шутили надъ Нелединской, по поводу ухаживаній за

нею кн. Репнина. Она защищалась, но очень слабо. Репнинъ, въ самомъ дѣлѣ, большой поклонникъ женщинъ, съ которыми обращается по-французски, то есть довольно легко, но къ этой легкости онъ прибавляетъ еще величавость вельможи. Это придаетъ его ухаживанью сворѣ оттѣнокъ небрежности богатаго человѣка, непривычнаго къ отказамъ, чѣмъ оттѣнокъ искренняго чувства. А кромѣ того онъ еще, говорятъ, и смѣется надъ Нелединской, повсюду рассказывая, что она лишена здраваго смысла. Ко всему этому надо прибавить, что Репнину 42 года, а на видъ и всѣхъ 50, и что онъ очаянный игрокъ. Рассказываютъ, что недавно, будучи у кн. Бярятинской, за которой тоже ухаживаетъ, онъ горько жаловался на затруднительное положеніе. Эти жалобы произвели эффектъ — княгиня сдѣлалась нѣжнѣе, что ободрило ухаживателя и онъ сталъ настойчивѣе. Но въ концѣ концовъ Бярятинской это надоѣло, что она и не замедлила показать Репнину. Тогда онъ вскочилъ и ушелъ, сказавъ на прощанье: «Вижу, что надо уходить; ничего не добьешься».

Я рассказалъ это Нелединской, которая отвѣчала, что все давно знаетъ. — И это васъ не пугаетъ? — спросилъ я. — Всѣ вы материалисты въ любви, — отвѣчала она, смѣясь и показывая мнѣ до самаго колѣна свою хорошенькую ножку, которую горничная обувала въ это время. — Согласитесь, однако-же, что безъ нѣкоторой дозы материализма нельзя обойтись, — сказалъ я, собираясь уходить. Но Нелединская задержала меня, чтобы показать письма гр. Андрея, уличающія его въ измѣнѣ. Оказывается, что они писаны къ Матюшкиной. Такое довѣріе очень мнѣ польстило, мой другъ, но я имъ злоупотреблять не буду и никакой выгоды изъ него не извлеку.

На балъ я пріѣхалъ въ половинѣ девятаго и, не намѣреваясь танцовать, сталъ прохаживаться по залѣ. Молоденькая Спиридова, о которой я тебѣ еще не говорилъ, просила меня танцовать съ ней контрдансъ; я съ полчаса отнѣкивался, но потомъ согласился.

Этой молодой особѣ всего четырнадцатъ лѣтъ, но она сложена какъ восемнадцатилѣтняя и притомъ очень гра-

циозна. Очень похожа на покойную Великую Княгиню, только помолодѣвшую и съ болѣе нѣжными глазами. Съ нѣкотораго времени я за ней, въ шутку, ухаживаю, что заставляетъ ее подтягиваться и очень красить. Желаніе нравиться вообще придаетъ лоскъ женщинамъ! Не знаю ужъ воспоминаніе ли объ одномъ нашемъ коротенькомъ разговорѣ, въ домѣ ея родителей, или о той встрѣчѣ, при которой я поцѣловалъ ея руку, придало особое выраженіе моему взгляду и особый оттѣнокъ моимъ манерамъ, но только этотъ взглядъ и эти манеры были замѣчены. И кѣмъ же, какъ ты думаешь? Шарлоттой, которая, въ костюмѣ летучей мыши, все время за мной слѣдила! Я наконецъ узналъ ее, хотѣлъ догнать, но толпа помѣшала, а тѣмъ временемъ ко мнѣ пристала Юрасова. Эта сумасбродка все время называла меня душенькой, жизненькой (*douchnica, gisninka*) и заставила танцовать съ нею. Шарлотта все это видѣла и, при встрѣчѣ, бросила мнѣ нѣсколько презрительныхъ словъ. Отдѣлавшись отъ Юрасовой, я побѣжалъ къ Шарлоттѣ. Встрѣтили меня очень сурово и Каролина шепнула мнѣ, что очень сердятся. Тщетно предлагалъ я свою руку — ее не приняли; захотѣли тотчасъ же уѣхать, чтобы не мѣшать мнѣ. И вѣдь дѣйствительно уѣхали! А я остался, досадуя, что огорчилъ того, кого люблю, но наслаждаясь этимъ огорченіемъ, какъ доказательствомъ любви. Вотъ такимъ то образомъ, мой другъ, провелъ я время на балу; вернулся домой въ три часа и не могъ заснуть до четырехъ.

Суббота, 19. — Къ брату.

Вчера на балу, я общалъ Спиридовымъ пріѣхать къ нимъ обѣдать, что и сдѣлалъ. Г-жа Спиридова шутила надъ моей задумчивостью; она полагаетъ, что я влюбленъ въ жену ея брата. Отъ Спиридовыхъ поѣхалъ къ Нелединской, у которой пробылъ съ часъ. Дугни сказала, что мнѣ должно быть очень нравятся маскарады, и что Юрасова чрезвычайно мила. Я отшучивался, такъ какъ всегда этимъ выигрываю и пріобрѣтаю друзей, которые мнѣ могутъ быть очень полезны даже въ сердечныхъ дѣлахъ.

Воскресенье, 20.—Къ брату.

Гатѣе, говорятъ, успѣлъ спасти отъ огня самыя цѣнныя вещи, а пожаръ дома послужилъ ему, пожалуй, на пользу. Дѣло въ томъ, что у него много долговъ, которые онъ не можетъ уплатить въ срокъ. Теперь уплата будетъ отложена, и можетъ быть и Великій Князь что-нибудь для него сдѣлаетъ.

Я справился о несчастномъ Паскѣе, который покушался на свою жизнь. Этотъ мягкій и простодушный человекъ съ нѣкотораго времени впалъ въ меланхолю, причинъ которой никто не знаетъ. Четыре дня передъ попыткой на самоубійство онъ не хотѣлъ ничего ѣсть, хотя его въ этому принуждали и совѣтовали пустить себѣ кровь. Въ виду того, однакоже, что у него разлилась желчь, докторъ прописалъ ему лекарство. Молодая женщина, живущая у Балле, утормъ хотѣла дать ему это лекарство, но Паскѣе отказывался и наконецъ выбросилъ его, и женщина ушла. Черезъ нѣсколько времени, услышали въ комнатѣ больного шумъ, который приняли за рвоту, но, войдя въ эту комнату, увидали Паскѣе около кровати, плавающимъ въ своей крови. Онъ два раза черкнулъ себя бритвой по горлу, причемъ въ первый разъ только оцарапался, а во второй нанесъ себѣ огромную рану, черезъ которую потерялъ много крови. Вскорѣ его перевязали, причемъ онъ пришелъ въ себя и очень раскаивался въ своемъ поступкѣ.

У маркиза былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ принцъ де-Шимэ*) (Chimay), только вчера прибывшій. Не знаю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, но останется здѣсь нѣсколько времени и будетъ жить у маркиза.

Понедѣльникъ, 21.—Къ брату.

Сегодня мы опять обѣдали въ нашемъ маленькомъ обществѣ съ принцемъ Шимэ. Это—высокій, сухой, серьезный человекъ, похожій на духовную особу. Да онъ и дѣйствительно былъ ду-

ховнымъ и довольно поздно вышелъ, чтобы поступить на военную службу. Потому-то онъ, въ 40 лѣтъ слишкомъ, только въ полковничьемъ чинѣ. Его длинная фигура украшена лентой ордена св. Гумберта, которая дается только принцамъ крови. Онъ принадлежитъ къ древней фландрской фамиліи Боссю. Объ умѣ его ничего тебѣ не могу сказать; онъ очень выбираетъ выраженія и потому кажется претенціознымъ, а я этого не люблю. Должно быть онъ получилъ такую отдѣлку въ домѣ м-мъ Жоффренъ, у которой, какъ говорятъ, часто бывалъ.

Несчастный Паскѣе умеръ сегодня въ 9 часовъ. Къ самоубійству его побудило разстройство дѣлъ. Говорятъ онъ былъ банкротомъ, причемъ погубилъ очень многихъ, вознаградить ихъ ничѣмъ не могъ, мученія совѣсти довели его до меланхолии, а послѣдняя—до самоубійства.

Вторникъ, 22.—Къ брату.

Интрига кн. Репнина съ Нелединской надѣлала шума. Близость между ними установилась и всѣ удивляются выбору молодой женщины. Одни говорятъ, что ее ослѣпило высокое положеніе Репнина, а другіе—что она просто хотѣла отбить его у Барятинской, которая охотно бы сдѣлалась его любовницей. А я думаю, что это иллюзія со стороны Нелединской: необходимость любить, вмѣстѣ съ ухаживаніемъ князя, возбудили въ ней нѣкоторую склонность къ нему, которая долго не продержится. Я ей это говорилъ сегодня, пока она дѣлала свой туалетъ и получилъ отвѣтъ очень дружескій. Пріѣхалъ я къ ней, чтобы возвратить два письма гр. Андрея къ Матюшкиной. Въ этихъ письмахъ, съ которыхъ я снялъ копи, выражается самая страстная любовь, что и огорчило Нелединскую до глубины души. Андрей даже не скрывалъ передъ нею своей любви къ Матюшкиной, но послѣдняя, должно быть, ему не отвѣчала, такъ какъ рѣшилась отдать его письма Нелединской. Этого я понять не могу. Или гр. Андрей былъ очень неловокъ, или онъ преднамѣренно желалъ огорчить женщину, которая его любила. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ заслуживаетъ осужденія.

*) Филиппъ-Габріэль - Морисъ Эвель-Льетаръ, принцъ Шимэ, 1 класса, зять герцога Фицц-д'Же

Опять начали говорить о женитьбѣ кн. Орлова на Зиновьевой, которая беременна. Такъ какъ она родня князю, и самъ Синодъ не можетъ разрѣшить брака между родственниками, то говорятъ будто бы князь представить свидѣтелей, которые подъ присягой покажутъ, что Зиновьева не дочь своего отца и своей матери. «Nihil mortalibus arduum est», какъ справедливо сказалъ Горацій.

Это внесетъ нѣкоторыя измѣненія въ склонности императрицы.

Ужиналъ у Головиныхъ, и мы съ Нелединской опять разговаривали о томъ же, о чемъ и утромъ. Я ей совѣтовалъ не очень афишировать свое сближеніе съ Репнинымъ, и она со мной вполне согласилась. Она проситъ у меня совѣта по всѣмъ своимъ дѣламъ, а между тѣмъ это ее видимо огорчаетъ. Въ половинѣ перваго мы вмѣстѣ вышли отъ ея родителей, и я, въ ея каретѣ, проводилъ ее домой, причемъ, поднимаясь на лѣстницу, сказалъ: «вы печальны, матушка (matushka), и я боюсь быть причиной вашей печали» — «А зачѣмъ же вы постоянно волнуете и огорчаете меня?» — отвѣчала она. — «Въ душѣ моей идетъ борьба: мысли путаются, смѣшиваются, и я никакъ не могу сказать вамъ всего, что думаю».

Среда, 23.—Къ брату.

Пообѣдавъ у Спиридовыхъ, я заѣхалъ на часокъ къ Нелединской и засталъ у нея Репнина, а я знаю, что онъ былъ и утромъ. Дѣла подвигаются быстро; Нелединская точно разочарована, представленія друзей на нее не дѣйствуютъ. А друзья ея находятъ эту интригу смѣшною, и всѣ вмѣстѣ возстали противъ князя, котораго въ домѣ никто терпѣть не можетъ. Молодой Нелединскій, который видѣлъ его въ Константинополѣ, говоритъ, что онъ высокомѣренъ и наглъ. Вообще никто его не любитъ.

Я узналъ, мой другъ, одну новость, которая очень меня удивила. Говорятъ, императрица косится на Брюля за его прежнюю близость къ Разумовскимъ, которой даже и не было. Они никогда не были друзьями, потому что гр. Андрей завидовалъ искусству Брюля играть на скрипкѣ и ревновалъ его къ великому

князю, а Брюль вообще былъ недоволенъ Разумовскимъ. Говорятъ еще, что Бемеры очень жалѣютъ о гр. Андрей и хорошо относятся къ Брюлю именно во имя общей привязанности къ изгнаннику. Я не понимаю, кто могъ сочинить такую исторію! Разумовскій даже никогда не бывалъ у Бемеровъ, которые знали его только по моимъ, а можетъ-быть еще чѣмъ-нибудь разсказамъ. А Брюль у Бемеровъ бываетъ очень рѣдко. Такъ что вся эта исторія неосновательна и невѣроятна. Къ несчастію, здѣсь много сочиняютъ такихъ исторій. Императрица Екатерина II, подобно покойному королю Людовигу XV, очень любитъ слушать всякія сплетни и анекдоты. Она знаетъ обо всѣхъ любовныхъ интригахъ въ городѣ, для чего, говорятъ, на почтѣ ей дѣлаютъ выписки изъ частныхъ писемъ. Въ прошлую пятницу, во время спектакля, когда я разговаривалъ съ Трубецкою и Бемерами, я замѣтилъ, что императрица пристально на меня смотритъ. Шарлотта тоже это замѣтила.

Не знаю, упоминалъ ли я тебѣ объ одной исторіи, которую мнѣ передали нѣсколько дней тому назадъ, и которая окончилась только вчера. Вотъ въ чемъ дѣло:

Великій князь — шефъ кирасирскаго полка, которымъ командуетъ полковникъ Паткуль, ливонецъ, изъ рода тѣхъ Паткулей, о которыхъ говорится въ «Исторіи Карла XII». Въ числѣ подчиненныхъ этого жестокаго и несправедливаго, какъ говорятъ, полковника находился майоръ Готцъ или Котцъ (Hotz ou Cotz), швейцарецъ по происхожденію, храбрый молодой человекъ и хорошій офицеръ. Разными кривыми путями Паткуль ухитрился выжить его изъ полка, вслѣдствіе чего, майоръ, по праву всякаго порядочнаго человека и по законамъ чести, рѣшился отомстить за себя. Паткуль былъ при полку и долженъ былъ вернуться вчера; Котцъ его ждетъ, а въ ожиданіи весело и съ аппетитомъ обѣдаетъ, какъ прилично храброму человеку. Ему доносить о прибытіи Паткуля; онъ летитъ на квартиру послѣдняго, а тамъ уже ждутъ его заранѣе подговоренные офицеры: баронъ Шинкенъ, подполковникъ того же полка, майоръ Перре, изъ кадетскаго корпуса. Вмѣстѣ съ ними вхо-

дять онъ къ Паткулю и говорить ему: «Я пришелъ не для того, чтобы поздравить васъ съ прїѣздомъ, а для того, чтобы просить удовлетворенія за тѣ недостойныя порядочнаго человѣка средства, при помощи которыхъ вы заставили меня выйти изъ полка». Прижатый къ стѣнѣ, Паткуль отвѣчаетъ, что никакого удовлетворенія давать не намѣренъ, и рекомендуетъ обратиться къ суду. Котцъ настаиваетъ; Паткуль отказывается. Тогда Котцъ говоритъ ему: «Такъ какъ вы отказываете мнѣ въ удовлетвореніи, то я заявляю, что вы негодяй, и всякій разъ, какъ васъ встрѣчу, буду говорить вамъ это, и бить васъ палкой!..» и проч. и проч. въ такомъ же родѣ. Паткуль, вмѣсто всякаго отвѣта, дѣлаетъ шагъ назадъ, схватываетъ пистолетъ и цѣлится въ Котца. Последний, не отступая, вынимаетъ шпагу и бросается на Паткуля. Шинкенъ и Перре схватываютъ ихъ, обезоруживаютъ и совѣтуютъ Котцу уйти. Разъяренный Паткуль приказываетъ часовымъ стрѣлять, но Шинкенъ запрещаетъ имъ это и уводитъ Котца съ собою.

Оставшись наединѣ съ Паткулемъ, Перре совѣтуетъ ему принять вызовъ Котца; «это порядочный человѣкъ,—говоритъ онъ,—которому вы не можете отказать въ удовлетвореніи». Паткуль вновь отказывается и требуетъ, чтобы Перре былъ свидѣтелемъ, что Котцъ приходилъ его убить. «Нѣтъ, этого не было,—отвѣчаетъ Перре.—Я скажу то, что видѣлъ, и повторю тѣ слова, которые слышалъ».—«Если я не дерусь съ майоромъ Котцемъ,—говоритъ Паткуль,—такъ покажу другимъ, что умѣю драться». Говорятъ, что эти слова относятся къ Шинкену. Котцъ вернулся отъ Паткуля во дворецъ, а я, выходя оттуда, услышалъ всю исторію отъ Перро, которому разсказалъ ее Перре. Кстати, фамилія Шинкенъ (Schinken) пишется Шанксъ (Shanks).

Четвергъ, 24.—Къ брату.

Все утро, дорогой братъ, я занимался своимъ дневникомъ, который беретъ у меня довольно много времени, хотя и пишется исподволь. Я жалѣлъ бы объ

этомъ времени, если бы меня не утѣшала мысль, что въ будущемъ дневникъ мой доставитъ намъ обоимъ много удовольствія. Когда-нибудь я прочту его въ семейномъ кружкѣ, тебѣ и твоей женѣ. Вы узнаете всю мою жизнь, переживете со мною всѣ мои мысли и чувства.

Говорилъ со Щербатовымъ о кн. Репнинѣ, котораго, мнѣ кажется, никто не любитъ. Это человѣкъ возмутительно высокомерный, съ невозможными претензіями и безъ всякихъ талантовъ, которыми бы эти претензіи оправдывались. Обладая довольно живымъ, но поверхностнымъ умомъ, онъ нравится женщинамъ, но зато и подчиняется имъ всецѣло; удовольствіе есть единственный мотивъ всѣхъ его поступковъ. Работой его въ Польшѣ здѣсь всѣ недовольны, такъ какъ онъ только запуталъ дѣла къ невыгодѣ Россіи. Онъ былъ влюбленъ въ жену Адама Чарторыжскаго *), самаго страшнаго врага русскихъ. Подчинившись этой женщинѣ, онъ, говорятъ, заплатилъ ей за ночь покровительствомъ Барской конфедерации, вопреки интересамъ своего двора. Эта крупная ошибка произвела здѣсь такое дурное впечатлѣніе, что возникалъ вопросъ, не отозвались ли Репнина подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ сошелъ съ ума. Связи его въ высшемъ обществѣ обусловили, однако же, иное рѣшеніе этого вопроса. Репнинъ былъ произведенъ въ генераль-аншефы и поэтому долженъ былъ вернуться въ Петербургъ. Увѣряютъ, что Императрица его не любитъ. А между тѣмъ, мой другъ, послѣ всѣхъ его неловкостей и ошибокъ, послѣ невольной поѣздки за границу (въ Парижъ, при Чарторыжской), онъ ухитрился во время войны съ турками прибыть въ армію и сдѣлаться тамъ необходимымъ при заключеніи мира **), а потомъ былъ сдѣланъ посланникомъ въ Константинополь. Ты видишь, мой другъ, что и здѣсь, какъ повсюду, великіе таланты не пробиваютъ себѣ дороги, а ловкость, нахальство, интрига всегда добьются, чего хотятъ.

*) Изабеллу, урожденную Флеммингъ, которая потомъ была любовницей герцога Лозена.

**) Кучукъ-Кайнарджійскаго, договоръ котораго подписанъ Репнинимъ.

Пятница, 25.—Къ брату.

При дворѣ было торжество по поводу дня рожденія великой княгини.

Дѣло Котца принимаетъ неблагоприятный оборотъ. Противъ него вооружили великаго князя, и можно думать, что онъ будетъ наказанъ. Паткуль показалъ, что былъ въ халатѣ, когда Котцъ пришелъ требовать отъ него удовлетворенія, что онъ первый обнажилъ шпагу и что свидѣтельства Шанкса и Перре ничего не стоятъ, такъ какъ эти господа—друзья Котца и враги Патеуля.

Обѣдалъ у адмирала Спиридова. При дворѣ былъ балъ, на которомъ я много танцевалъ. Ужиналъ у Головиныхъ. Была тамъ княжна Трубецкая съ теткой своей Барятинской. Я говорилъ съ ней, стоя сзади ея стула, что теткѣ должно быть не понравилось, такъ какъ она сказала, что не видитъ меня изъ-за перьевъ на головѣ своей племянницы, и пересѣла на кресло, стоявшее рядомъ съ послѣднею. Затѣмъ я велъ Трубецкую къ ужину и хотѣлъ сѣсть слѣва отъ нея, но ее пересадили, подъ тѣмъ предлогомъ, что изъ двери дуетъ. Особенно забавно то, что она дала мнѣ поддержать свой вѣтеръ, а сама взяла другой — вѣроятно у сосѣдки—и когда я послѣ ужина сказалъ ей, что ея вѣтеръ у меня въ карманѣ, то она, смотря на тотъ, который былъ у нея въ рукѣ, сказала: «да, вѣдь, и этотъ очень милъ». Эти маленькія сценки очень забавны, мой другъ, и женское кокетство чрезвычайно приятно, когда мы не бываемъ имъ обмануты! Но гдѣ же такіе мудрецы, которыхъ нельзя бы было поймать на эту удочку? Я такихъ не знаю.

Суббота, 26.—Къ брату.

Видѣли мы, наконецъ, знаменитый фейерверкъ, заканчивающій брачныя торжества. Онъ оказался далеко не такъ хорошъ, какъ я ожидалъ. Послѣдняя декорация была, впрочемъ, недурна; она представляла храмъ Гименея, горящій синими огнями, и продолжалась 6—7 минутъ. Весь фейерверкъ тянулся минутъ 25 и стоилъ 6000 р., т. е. около 30000 фр. Я сидѣлъ рядомъ съ Дерперомъ, секретаремъ Митавской ложи строгаго наблюденія, и мы о многомъ переговорили.

Воскресенье, 27.—Къ брату.

Сегодня состоялся обыкновенный куртажъ, на которомъ я не былъ. Теперь ихъ, кажется, нѣсколько недѣль не будетъ, такъ какъ Императрица ѣдетъ въ Царское Село, гдѣ, говорятъ, долженъ объявиться новый фаворитъ.

Пюссегюръ долженъ немедленно ѣхать. Онъ хотѣлъ сегодня же откланяться Императрицѣ, но Остерманъ съ кислой миной заявилъ, что это невозможно, такъ какъ Императрица не предупреждена. А настоящая-то причина состоитъ въ томъ, что вице-канцлеръ желалъ бы, чтобы ходатайство объ аудиенціи дошло до него черезъ маркиза. Это жалкая мелочность, другъ мой, но въ такой мелочной странѣ нельзя и ожидать ничего другого.

Былъ на Васильевскомъ островѣ у Зиновьевой, а ужиналъ у Бемеровъ, гдѣ встрѣтилъ Котца. Дѣла его дѣйствительно плохи—великій князь покровительствуетъ Паткулю и подарилъ ему на дняхъ золотую табакерку.

Понедѣльникъ, 24.—Къ брату.

Говорятъ, будто всѣ науки, искусства и таланты соединились въ Петербургѣ, но говорятъ это только тѣ, которые видѣли Россію поверхностно, или судятъ о ней по словамъ Вальтера, да журналистовъ, состоящихъ на жалованьи у Екатерины II. Правда, что здѣсь много различныхъ учрежденій, еще больше громко высказываемыхъ предположеній на будущее, но вѣдь это только предположенія. Петербургъ—оглавленіе ненаписанной книги; онъ содержитъ въ себѣ заглавія несуществующихъ статей. Во Франціи вамъ говорятъ о петербургской Академіи Художествъ; но пріѣзжайте въ Петербургъ и посмотрите, что такое называется этимъ именемъ. Я былъ и видѣлъ нѣчто въ высшей степени жалкое. Понадѣлали академикомъ изъ людей, которые едва ли годились бы у насъ въ академію св. Луки. Но это еще не бѣда—надо же какъ-нибудь начать—а самое смѣшное это та накрахмаленная пышность, которою они обставляютъ свои пустяковыя начинанія. Секретарь академіи изъ силъ выбивался, чтобы пронести по-нѣмецки рѣчь, которая, одна

кожъ, никакого впечатлѣнія не произвела; затѣмъ онъ прескверно прочелъ по-французски благодарственное письмо одной нашей провинціальной академіи, которой здѣшняя подарила коллекцію мѣстныхъ камней. Бѣдкій — великій человекъ на малыя дѣла — съ величественнымъ видомъ побѣдителя, раздающаго имперіи, роздалъ нѣсколько медалей. А въ заключеніе это ребяческое засѣданіе закончилось еще ребяческимъ балетомъ и комедіей, которыми насъ угостили. И какъ бы ты думалъ, мой другъ, кто игралъ въ комедіи и плясалъ въ балетѣ? Ученики, мой другъ, ученики! Не обладая талантами въ живописи, скульптурѣ и проч., они тратятъ время на изученіе танцевъ и ролей. Что же изъ этого выходитъ? Да то, что изъ нихъ не выходятъ ни художники, ни танцоры, ни актеры, а люди, ко всему одинаково мало пригодные.

Среда, 30. — Къ брату.

Здѣсь совершаются вещи, которыхъ во Франціи не увидишь или, по крайней мѣрѣ, которыя тамъ всѣхъ бы возмутили. И что всего непріятнѣе такъ это то, что отвѣтственность за нихъ падаетъ на нашу націю. Она такъ плохо здѣсь представлена! Сюда ѣдутъ только подонки нашего общества, а потому я и не удивляюсь результатамъ, къ которымъ это приводитъ. Еще надо отдать справедливость мягкости Екатерины II: законы здѣсь строги, и только доброта императрицы спасаетъ иностранцевъ.

Вчера, въ полночь, высланы отсюда за границу, въ кибиткѣ (kibick), м-мъ Шампаньало, ея мать и братъ. Вотъ ихъ исторія:

Шампаньало пріѣхала сюда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ кучеромъ гр. Петра Чернышова, возвращавшагося съ посольства. Этотъ кучеръ случайно утонулъ, сходя съ корабля, и вдова его, очень хорошенькая, вышла вторымъ бракомъ за нѣкоего Тульи. Вдовство ея было очень непродолжительно и не особенно тяжело. Говорятъ, она даже въ ту минуту, когда мужъ тонулъ, воскликнула: «ахъ бѣдный! Если бы можно было спасти хоть его часы!». Но ни часовъ, ни мужа не спасли. Черезъ нѣсколько лѣтъ, м-мъ Тульи опять овдовѣла, но вкуса къ за-

мужней жизни не лишилась. Въ это время, нѣкій Шампаньало, бывший ораторіанецъ (oratorie?), а тогда — офицеръ, котораго Комбсъ когда-то знавалъ за вздорнаго малаго, но потерявъ изъ виду, явился въ Россію и получилъ какое-то мѣсто у Захара Чернышова. Наскучивъ этимъ мѣстомъ, онъ пріѣзжаетъ въ Москву, женится на вдовѣ Тульи, и начинаетъ жить вольнымъ промысломъ — то ли прелестями своей жены, которая она вынесла на рынокъ, то ли милостями жены совѣтника Банно, при которой онъ игралъ роль мужа. Въ прошломъ году, передъ нашимъ выѣздомъ изъ Москвы, этотъ господинъ, въ качествѣ француза, представился маркизу и мнѣ. Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ снялъ не то трактиръ, не то гостиницу. Весной онъ явился къ намъ за паспортомъ и черезъ нѣсколько недѣль по смерти великой княгини уѣхалъ. А надо замѣтить, что еще раньше, встрѣтивъ меня съ Комбсомъ у дверей своей квартиры, онъ попросилъ насъ зайти; пробыли мы у него съ четверть часа, но и въ это короткое время успѣли убѣдиться, что жена его — мошенница. По отъѣздѣ мужа, всякіе слухи объ этой четѣ замолкли. Но вотъ, въ одно изъ воскресеній, м-мъ Шампаньало является въ посольство къ обѣднѣ, и Сенъ-Поль приводитъ ее ко мнѣ; она разсыпается въ любезностяхъ и упрекахъ за то, что я у нея никогда не бываю. Я отвѣчаю обычными вѣжливостями, но дальше не иду. Въ августѣ вдругъ начинаютъ говорить о фальшивыхъ банковыхъ билетахъ, поддѣлываемыхъ въ Голландіи и ввозимыхъ сюда. Кн. Голицынъ, предупрежденный въ Гагъ граверомъ, своевременно даетъ объ этомъ знать. Сначала это извѣстіе надѣлало большого шума, который потомъ заглохъ. Но вотъ, нѣсколько дней тому назадъ, капитанъ одного судна, пришедшаго изъ Любека, заявляетъ, что у него есть семь тюковъ, адресованныхъ въ Петербургъ, на имя м-мъ Шампаньало. Тюки эти вскрываютъ и находятъ въ нихъ, вмѣсто кружевъ, банковые билеты, въ родѣ тѣхъ, которые поддѣлывались въ Сибири нѣкимъ Пушкинымъ. Билеты изъ четырехъ тюковъ вынимаютъ, кладутъ туда старую газетную бумагу, и просятъ капитана доставить ихъ по адресу, что онъ

и дѣлаетъ. Въ квартирѣ Шампаньало онъ застаётъ нѣкоего негоціанта, Патингона, или что-то въ этомъ родѣ, который познакомившись съ нею у французскаго консула, наканунѣ объѣдалъ у нея вмѣстѣ съ послѣднимъ, захворалъ и остался ночевать. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Шампаньало заявляетъ капитану, что тюки принадлежатъ Патингону, и что онъ уплатитъ за ихъ провозъ по полученіи остальныхъ трехъ. А негоціанту она жалуется, что получила газетную бумагу вмѣстѣ кружевъ. Но путать ей пришлось не долго: въ тотъ же вечеръ она была арестована и приведена къ генераль-прокурору Вяземскому, а черезъ день ей привязано собрать пожитки и выѣхать изъ Россіи, вмѣстѣ съ матерью и братомъ. Дамъ посадили въ карету, кавалера—въ кибитку, и отправили всѣхъ подъ конвоемъ въ Митаву. Многіе говорятъ, что имъ придется ѣхать подальше, но этому противорѣчитъ составъ конвоя: ихъ провожаютъ не линейные солдаты, а сенатскіе. Императрица простерла свою милость такъ далеко, что дала каждому изъ нихъ на дорогу по сто рублей.

Эта исторія надѣлала большого шума; говорятъ, что Шампаньало-мужъ тоже арестованъ въ Гамбургѣ или Варшавѣ. Къ несчастью, въ ея комнатѣ, во время ареста, былъ найденъ Сень-Поль, который съ ней спалъ. Подмѣчена также связь между ней и Пюисегюромъ. Все это даетъ поводъ зло остричь надъ французами.

Засѣжалъ на нѣсколько минутъ къ молодому Голицыну; говорили объ академіи художествъ, о пошлой комедіи, которую тамъ разыгрываютъ и о плохихъ успѣхахъ учениковъ. Нечему и удивляться, когда во главѣ ея стоитъ Бецкій, чловѣкъ столь дожинный! Великій князь тоже состоитъ тамъ членомъ, неукоснительно присутствуетъ на засѣданіяхъ, но скромно садится на стульчикъ, тогда какъ Бецкій возсѣдаетъ въ креслѣ.

Ужиналъ у Нелединской, вмѣстѣ съ Матюшкиной. Я ихъ засталъ лежащими на одной постели. Ужинъ прошелъ болѣе чѣмъ весело, въ самомъ дружескомъ тонѣ.

Четвергъ, 31.—Къ брату.

Сегодня былъ очень долгій и скучный объѣдъ у Нольвена; саксонскій посланникъ

сообщилъ мнѣ, что О'Дюннъ ѣдетъ въ Константинополь, и что Порта думаетъ имѣть посольство въ Варшавѣ. Послѣ объѣда былъ у Панина и Спиридовой, которая беременна и плохо себя чувствуетъ. Она рассказывала объ объѣдѣ у великаго князя, на которомъ всѣ перепились. Я не удивлюсь, если будутъ говорить, что великій князь беретъ примѣръ съ Петра III. Нѣкоторые увѣряютъ, что у него очень весело, и Бяратинская страшно сердится, что ее не приглашаютъ. Ты знаешь, мой другъ, что великій князь былъ въ нее сильно влюбленъ; поэтому-то ее и не приглашали при покойной великой княгинѣ. Должно быть и теперь не приглашаютъ по той же причинѣ.

Пятница, 1 ноября.—Къ брату.

Панинъ все хворааетъ; говорятъ, онъ скоро уѣдетъ въ свои имѣнія, въ Украйну или Смоленскую губернію, и будетъ замѣненъ кн. Репнинымъ. Г. Боскамъ (Boskam) уѣхалъ изъ Варшавы въ Константинополь, а турки пришлютъ посланника, то есть признаютъ короля польскаго. Правда ли, что О'Дюннъ уѣхалъ изъ Мангейма въ Константинополь?

Воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ, 3, 4 и 5.—Къ брату.

Во вторникъ у маркиза былъ ужинъ съ четырьмя дамами: Бяратинской, Трубецкой, Строгоновой и Нелединской. Говорятъ, было очень скучно; не могу судить, потому что самъ не былъ, но нездоровью.

Пюисегюръ нынче ночью уѣзжаетъ. Я его снабдилъ 23-мя письмами.

Среда, 6.—Къ брату.

Сегодня, въ 9 часовъ утра, меня разбудилъ Пюисегюръ, желавшій со мною проститься. Вообще я неособенно люблю эти нѣжности, тѣмъ болѣе, что онъ всегда очень печаленъ. Съ Пюисегюромъ мы никогда не были близки, но въ данномъ случаѣ тонъ его меня тронулъ. Россія ему неособенно нравилась, но повидать ее все-таки тяжело для

него, и это очень естественно! Въдь онъ ее, можетъ быть, никогда больше не увидитъ. Такъ онъ, должно быть, и думалъ, а потому былъ печаленъ. Но, въ сущности, чего бы ему горевать? Онъ свободенъ, обладаетъ талантами и 24000 ливровъ дохода. Съ этимъ, кажется можно бы быть счастливымъ!.. Немножко побольше философи въ головѣ и въ душѣ, я хочу сказать немножко побольше твердости, и ему ничего бы не оставалось больше желать. Но гдѣ же такой человѣкъ, который былъ бы доволенъ тѣмъ, что имѣетъ? Такимъ человѣкомъ можетъ быть только истинный философъ, а много ли такихъ на свѣтѣ?

Четвергъ, 7.—Есть брату.

У меня были гости. Принцъ де-Шимэ, который нѣсколько разъ уже прѣзжалъ ко мнѣ, выигрываетъ при близкомъ знакомствѣ. Ему больше сорока лѣтъ; онъ свѣтскій философъ, живущій въ свѣтѣ по привычкѣ, и удаляющійся изъ него отъ пресыщенія. Философія его, впрочемъ, гнѣздится скорѣе въ умѣ, чѣмъ въ инстинктѣ. Думаю, что наше общество ему приятно. Онъ умѣетъ поговорить, а это, по моему мнѣнію, есть драгоценный и рѣдкій теперь талантъ. Я не знаю съ какой цѣлью онъ путешествуетъ. Во Франціи есть у него очень милая жена *), состоящая при королевѣ, а онъ ѣздитъ вотъ уже почти два года. Зиму онъ провель въ Мюнхенѣ и очень хвалитъ Фолляра, который былъ тогда посланникомъ въ Баваріи, а теперь состоитъ въ отставкѣ, получая 10000 фр. пенсіи и 2000 экю пожизненной аренды (première pension viagère), изъ коихъ, однако же, послѣ его смерти, по тысячѣ ливровъ получаютъ его двѣ дочери, а остальное жена. Но Монмораномъ изъ Трира принцъ уже не такъ доволенъ, потому что этотъ Монморанъ страшно высоко мѣренъ и его никто не любитъ; а кромѣ того онъ, какъ шкельникъ, влюбленъ тамъ въ одну даму **).

Де-Грэ и де-Бомбелль, равнымъ образомъ, не заслужили особаго уваженія въ

Касселѣ и Регенсбургѣ. Первый своимъ тономъ и поступками, окончательно не нравится кассельскому двору. Онъ, на примѣръ, требовалъ себѣ преимуществъ передъ герцогомъ Виртембергскимъ, отцомъ великой княгини, на торжествахъ въ честь прѣзда послѣдняго. Въ виду этого, баронъ Виртофъ (Wirtof) получилъ приказаніе объявить г. де-Грэ, что ему не совѣтуютъ являться ко двору, потому что его присутствіе всѣхъ бы стѣснило, и онъ, пожалуй, не получилъ бы объда.

А де-Бомбелль отличается въ Регенсбургѣ тѣмъ же самодовольствомъ, которое я замѣчалъ у него въ Версали и Парижѣ. Ослѣпленный своими маленькими талантами и своимъ маленькимъ постомъ, онъ аффишируетъ роскошь, превосходящую его средства, такъ какъ онъ бѣденъ. Кромѣ того онъ увѣренъ, что водить за носъ старыхъ нѣмецкихъ политиковъ, которые смѣются надъ нимъ. Да еще влюбился въ дочь прусскаго посланника Шварцзуана (Schwartzuan), у которой ничего нѣтъ, и хочетъ на ней жениться. Вотъ каковъ, мой другъ, этотъ знаменитый ученикъ де-Бретейля! Маленькій, манерный, завистливый и рабъ этикета; однимъ словомъ человѣкъ, недостойный своего положенія.

Де-Шимэ, при своихъ поѣздкахъ по Германіи, остался очень доволенъ лицами, которыхъ наше министерство употребляетъ въ качествѣ шпионовъ: какимъ-то шевалье де-Нальякомъ, путешествующимъ по Европѣ на 10000 фр. жалованья, и посылающимъ министру вучи глуухыхъ, смутныхъ и наскоро собранныхъ слуховъ; какимъ-то де-Рюльеромъ, который дѣлаетъ тоже самое за 2000 экю и проч.

Принцъ де-Шимэ, мнѣ кажется, хороший наблюдатель, по крайней мѣрѣ, онъ любитъ наблюдать, а такіе люди пріобрѣтаютъ привычку не вѣрить первому впечатлѣнію и исправлять его въ послѣдствіи. Теперь онъ немножко предубѣжденъ въ пользу Россіи, потому что его здѣсь хорошо приняли. Онъ воображаетъ, что обязанъ этимъ приемомъ своей простотѣ въ обращеніи. Сама императрица сказала ему, что видитъ въ его лицѣ второго француза, обладающаго такой простотою. А я думаю, что тутъ дѣло

*) Лаура-Августа Фицъ-Джеймсъ, придворная дама королевы Маріи-Антуанеты.

***) Въ г-жу Меттернихъ.

не въ простотѣ: порядочность принца, красная лента Св. Гумберта, и комплименты, которые онъ наговорилъ императрицѣ рѣшили его участь. Дворъ далъ тонъ, а по его примѣру и весь городъ хорошо принимаетъ принца. Только ужъ никакъ не за простоту въ обращеніи, которой и нѣтъ въ сущности, потому что де-Шимэ принадлежитъ къ числу людей, претендующихъ на отсутствіе претензій и щеголяющихъ простотою.

Заходилъ нѣсколько разъ Перро. Каролина говоритъ, что я его одобряю. Онъ мнѣ рассказалъ исторію покушенія на жизнь португальскаго короля *). Всего удивительнѣе въ этой исторіи продолжительная безнаказанность заговорщиковъ, недостигшихъ своей цѣли. Перро былъ въ ихъ числѣ, и говоритъ, что они были арестованы, при выходѣ съ бала, только шесть недѣль или два мѣсяца спустя послѣ происшествія. Говорятъ, что кучеръ короля узналъ ихъ руководителя, герцога д'Авейро, при свѣтѣ вспышки пороха на полкѣ пистолета, который, однако-жь, не выстрѣлилъ. Всѣ неуспѣвшіе бѣжать, потомъ были казнены, не исключая лакеевъ. Товарищъ Перро, Поликарпъ (Polycarpe)?, тоже бѣжалъ и неизвѣстно гдѣ находится.

Четвергъ, 14.—Къ брату.

Я еще боленъ и не выхожу, мой другъ, причемъ постоянно окруженъ избраннымъ обществомъ, такъ какъ ты знаешь, что я принимаю лишь тѣхъ лицъ, которыхъ люблю. Принцъ Шимэ, мой теперешній сосѣдъ, заходитъ очень часто, и мнѣ его общество нравится. Онъ оригиналъ, но порядочный человекъ, повидимому, довольно образованный и обладающій собственными идеями, что придастъ разговору великосвѣтскій тонъ. Онъ замѣтилъ предпочтеніе, оказываемое нашими маркизомъ Чернышовымъ вообще и женѣ Ивана, въ которую онъ влюбленъ насколько можетъ; въ особенности поразилъ его также тонъ

*) Иосифа I; заговорщики, недовольные имъ и его министромъ, Помбалеиъ, 3 сент. 1758 г., покушались на его жизнь. Король былъ раненъ двумя пулями, но остался живъ. Слѣдствіемъ этого покушенія было изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи.

первенства надъ всѣми посланниками, принятый маркизомъ, и очень всѣхъ стѣсняющій. По примѣру гр. Лясси и кн. Лобковича, маркизъ всюду старается быть первымъ, а за это его во многіе дома и не пускаютъ. Онъ не получаетъ приглашеній въ Эрмитажъ, напримѣръ, и на другіе интимные вечера императрицы, на которыхъ она не допускаетъ этикета. Это очень неловко, и де-Шимэ это замѣтилъ.

Сегодня, въ монастырѣ былъ спектакль; принцъ туда не поѣхалъ въ виду легкаго нездоровья (насморкъ, боль въ горлѣ и проч.), поэтому мы все послѣ обѣда, до 7 часовъ, провели вмѣстѣ. Пришелъ Перро, и мы разговаривали объ очень интересныхъ вещахъ. Перро рассказывалъ объ Эйлерѣ, знаменитомъ геометрѣ, составляющемъ гороскопы. Составилъ онъ таковыя, между прочимъ, для своихъ дѣтей, и отдалъ имъ запечатанными, совѣтуя не читать до поры до времени. Это доказываетъ, что и самъ онъ и его дѣти вѣрятъ въ гороскопы, что составляетъ хотя и терпимую, но все же слабость. Въ Берлинѣ онъ дѣйствительно славился своимъ талантомъ, которымъ однако же никогда не хотѣлъ наживать деньги, что легко могъ бы. Мы съ Перро рѣшили обратиться къ нему за гороскопами.

Пятница, 15.—Къ брату.

Послѣ обѣда былъ у меня кн. Щербатовъ-отецъ. Три четверти часа толковали объ американцахъ и о формѣ правленія. Князь допускаетъ только республиканскую форму, даже для большихъ государствъ. Ты скажешь что это довольно послѣдовательно для русскаго, но онъ вполнѣ искрененъ и принадлежитъ здѣсь къ числу самыхъ порядочныхъ людей.

Суббота, 16.—Къ брату.

Все утро я пробылъ или у себя, или у принца де-Шимэ. У него большое семейное горе, которое и заставило его путешествовать. Не знаю, чтобы это могло быть, но онъ мнѣ рассказывалъ, что въ молодости бѣжалъ изъ семинаріи, гдѣ

былъ иподьякономъ (sousdiacre de séminaire), а затѣмъ ѣздилъ въ Римъ просить разрѣшенія, но что этому препятствовали его родители и кардиналъ де-Ротшваръ, тогдашній французскій посланникъ въ Римъ. Вообще мнѣ кажется, что де-Шимэ—очень страстный чело-вѣкъ.

Я ему рассказывалъ о своемъ пребы-ваніи въ Касселѣ, гдѣ онъ пробылъ бы подольше, если бы нашъ посланникъ, де-Грѣ, былъ повѣжливѣе. Послѣдній от-казался представить его ко двору, нахо-дившемуся тогда въ Веймарѣ, такъ что де-Шимэ пришлось самому просить Вир-тофа, который его и представилъ. Правда, де-Грѣ былъ тогда въ ссорѣ съ дворомъ, но онъ могъ бы воспользоваться удоб-нымъ случаемъ помириться. Въ общемъ это было неловко, что меня и не уди-вляеть, такъ какъ де-Грѣ плохо велъ себя въ Касселѣ. Онъ жилъ тамъ, напри-мѣръ, съ одной танцовщицей, приче-мъ это со-вершалось съ согласія мужа. Такое по-веденіе, вмѣстѣ съ его глупыми претен-зіями, какъ можешь себѣ представить не могло заслужить ему уваженія. Раз-сказавъ мнѣ объ этомъ, де-Шимэ при-бавилъ: «желаю чтобы вы не измѣни-лись когда будете посланникомъ; этотъ постъ вкружитъ голову молодымъ людямъ, которые на него попадаютъ». Мы обѣ-щали другъ другу встрѣтиться тогда, и вспомнить объ этомъ разговорѣ. Былъ у Нелединской, засталъ у нея Кошелева. Когда онъ уѣхалъ, мы перешли въ ма-ленькій салонъ и долго разговаривали. Она просила меня никогда не смѣяться надъ ней при постороннихъ: «наединѣ, говорите мнѣ все, что хотите и что ду-маете». Вообще она отнеслась ко мнѣ дружески-нѣжно. Кн. Репнинъ недоволенъ, что она съ нимъ много говоритъ обо мнѣ а она отвѣчала, что находить удоволь-ствіе въ разговорѣ со мною. Однако, вся эта болтовня, въ которую я вкладываю много веселости, и на которую смотрю какъ слѣдуетъ, становится для меня опас-ною. Нелединская положительно очарова-тельна. Она просила меня остатьсяужи-нать, и я охотно бы это сдѣлалъ, если бы не далъ обѣщанія Шарлоттѣ.

Императрица пожаловала 1000 р. нѣ-мецкой комедіи, гдѣ ее ждали.

Съ 25 по конецъ мѣсяца.—Къ маркизѣ Бреанъ.

На зиму у насъ составляются проекты новыхъ удовольствій, хотя здѣсь эти проекты рѣдко исполняются и еще рѣже удовлетворяютъ кого-либо когда испол-нились. Болѣе всего насъ занимаютъ проекты спектаклей и частныхъ вече-ровъ. Эти проекты, еще очень далекіе отъ осуществленія, уже успѣли возбу-дить много неприятностей, въ которыя и я замѣшался. Но прежде всего надо вамъ сообщить о впечатлѣніи, произведенномъ здѣсь одной русской дамою, которую вы намъ вернули изъ Парижа.

Княгиня Барятинская, тридцатилѣт-няя женщина, красивая, изящная и лю-безная, привезла съ собою всѣ моды, ма-неры и смѣшныя замашки, которыя вы въ Парижѣ имѣете даръ сдѣлать прият-ными, и подражаніе которымъ никогда не удастся, особенно внѣ свойственной имъ обстановки. Здѣсь Барятинская не особенно понравилась, потому что много говорить о Парижѣ, а мы не любимъ неприятныхъ сравненій. Императрица на-шла: всѣ ея моды смѣшными, а потому и дворецъ, и весь городъ принялись кри-тиковать ихъ. Выплыли на свѣтъ Божій любовныя похождения Барятинской; бу-дучи замужемъ за дурнымъ чело-вѣкомъ—однимъ изъ сподвижниковъ Петра III—она взяла себѣ въ любовники гр. Андрея Разумовскаго и уѣхала въ Парижъ бере-менной отъ него. Въ Парижѣ она роди-ла, прикрывъ свое приключеніе припад-комъ водяной болѣзни. Мужъ, однако же, подозрѣвалъ ее и узнавъ всю правду отъ одной изъ горничныхъ, поставилъ во-просъ ребромъ. Слезы смыли однако же слѣды проступка и заставили позабыть его, но въ Польшѣ начались новыя по-хожденія, вновь поссорившія супруговъ. Дано было обѣщаніе прекратить всякія интриги; но перехваченное мужемъ письмо доказало, что обѣщаніе это не только не исполняется, а что надъ нимъ еще смѣ-ются. Это сдѣлалось поводомъ къ пол-ному разрыву.

Есть здѣсь нѣкая Зубова, женщина низ-каго происхожденія, злая, нахальная интриганка, втиравшаяся въ лучшіе дома для того чтобы поддерживать въ нихъ

темныя дѣлишки и пользоваться денежными выгодами, продавая семейныя тайны. Во всемъ, что касается ея ремесла, она очень не глупа. Разойдясь съ мужемъ, за котораго вышла будто бы по любви, и которому по слабости приставила рога на другой день послѣ свадьбы, она сдѣлалась присяжной покровительницей влюбленныхъ дѣвицъ и женщинъ легкаго поведенія, довѣрїе которыхъ дало ей большую силу въ многочисленныхъ кружкахъ лицъ, интересующихся такими дѣлами. Зубову презирають, но ея пользуютя, а разъ попользовались, то начинаютъ и бояться. Бяратинская скоро попала въ лапы этой женщины, и теперь ужъ изъ нихъ не вырвется. Именно Зубова поссорила ее со всѣмъ обществомъ, передавая въ преувеличенномъ видѣ разныя сплетни, ходившія на ея счетъ въ городѣ. Между тѣмъ у Бяратинской есть прїятельница, нѣкая Зиновьева, урожденная Меньшикова (Menzikoff), очаровательная женщина, мужъ которой состоитъ посланникомъ, въ Испаніи. Эта Зиновьева благодаря разнымъ несчастьямъ и превратностямъ жизни, должна была удалиться отъ двора и отъ свѣта, а потому вмѣстѣ съ Бяратинской рѣшилась основать свое маленькое общество друзей, среди которыхъ и я долженъ былъ получить мѣсто. Этотъ проектъ осуществился, общество собралось впервые у Бяратинской и въ весьма претенціозной обстановкѣ. Я тогда былъ боленъ, и на открытіи этого общества, названнаго литературнымъ, не присутствовалъ. Лекторомъ и главнымъ столпомъ его вызвался быть молодой кн. Голицинъ, желающій слыть умнымъ человѣкомъ. Въ свѣтѣ надъ обществомъ стали смѣяться, прозвали его «клубомъ любви», «академіей», и проч. Узнавъ объ этихъ насмѣшкахъ, я также смѣялся, и это теперь поставлено мнѣ на счетъ кн. Бяратинской, которой Зубова представила меня какъ человѣка хитраго и опаснаго. Потребовали, чтобъ я оправдался; я отвѣчалъ, что не вижу въ томъ надобности; меня за это исключили изъ числа членовъ новаго отела Рамбулье. Но съ княгиней мы продолжаемъ встрѣчаться. Въ сущности, главная моя вина состоитъ въ томъ, что я другъ Пелесинской, соперницы Бяратинской, которую я нахожу болѣе любезной

и которую никогда не пожертвую въ пользу княгини, уже хотя бы потому только, что она самая старая моя знакомая.

Спектакли также повели къ ссорамъ. У жены фельдмаршала, кн. Голицинной, играютъ *le Roi et fermier*, причѣмъ у меня отняли роль Люрбеля и дали роль Рюсто. Эта мелочность показала мнѣ, что не слѣдуетъ быть любезнымъ съ людьми, необладающими деликатностью. Я это высказалъ открыто и хотя сыгралъ роль Рюсто, которая мнѣ не по голосу, но далъ себѣ слово впередъ брать только тѣ роли, которыя мнѣ подходятъ, или совсѣмъ не играть. Подозрѣваю, что душою этихъ мелочныхъ интригъ является молодой Голицинъ, который желаетъ не допускать меня въ кружокъ Бяратинской, гдѣ самъ хочетъ преобладать. Думаю, однако-жъ, что участіе его въ этомъ кружкѣ повредитъ ему въ глазахъ многихъ, а между прочимъ и въ глазахъ двора, отъ котораго онъ ждетъ назначенія на должность камеръ-юнкера. Все это доказываетъ, что Голицинъ не обладаетъ ни умомъ, ни деликатностью, ни тактомъ, а съ однимъ здравымъ смысломъ да честностью, которые я за нимъ признаю, онъ блестящей карьеры не сдѣлаетъ, и навсегда останется ниже своего положенія въ обществѣ.

Воскресенье, 1 декабря.—Къ брату.

Съ нѣкотораго времени, мой другъ, манія самоубійствъ вошла въ моду. Со смерти несчастнаго Паскье, перерѣзавшаго себѣ горло, одинъ поваръ, французъ, послѣдовалъ его примѣру; одинъ англичанинъ, котораго хотѣли арестовать за долги, размозжилъ себѣ черепъ выстрѣломъ изъ пистолета; наконецъ, 20-го ноября, одинъ берлинскій негоціантъ, по имени Бахманъ, отравился. Этотъ послѣдній, человѣкъ лѣтъ сорока отъ роду, учредилъ фабрику зеркалъ на деньги короля Прусскаго, но дѣла пошли плохо, король прислалъ нѣкоего Гергарда обривизовать ихъ, и Бахманъ, боясь попасть въ Шпандау, написалъ пять писемъ разнымъ лицамъ и отравился мышьякомъ.

Понедѣльникъ, 2.—Къ брату.

Новая трагическая исторія, мой другъ, заставившая забыть Бахмана и возбудо-

ржавившая весь городъ. Проѣздивши весь день, пообедавъ, между прочимъ, у голландскаго резидента, Зюарти, который сообщилъ мнѣ, что гр. Нессельроде—шпионъ Прусскаго короля, что выяснилось изъ дѣла Бахмана, я отправился ужинать къ Бемерамъ. Тамъ находились гр. Вахмейстеръ и Хюттель (Huttel), секретарь прусскаго посольства, большой сплетникъ, какъ мнѣ говорили. Если ты когда-нибудь встрѣтишься съ этими двумя господами, то остерегайся ихъ. Нессельроде не глупый человѣкъ, очень ѣдкій и остроумный разсказчикъ, но онъ очень искусно выпрашиваетъ у людей то, что желаетъ знать. Хюттель — холоденъ и медлителенъ; онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не слышитъ, а потомъ передаетъ все подслушанное гр. Сольмсу, къ числу сторонниковъ котораго, однако-жъ, не принадлежитъ *).

Послѣ ужина, мы заговорили о Биландѣ (Vuland), голландцѣ, состоявшемъ въ русской морской службѣ, изъ которой онъ теперь вышелъ. Это — порядочный шалопай, не пользующійся уваженіемъ. Пока мы смѣялись надъ различными его выходками, Хюттель толкнулъ меня и показалъ записочку, въ которой ему сообщали, что несчастный Биландъ дрался на дуэли за Екатеринбургомъ и кажется убитъ. Это извѣстіе насъ огорчило, но не удивило, такъ какъ Биландъ пользовался репутациею бреттера. Между прочимъ, мы старались отгадать, кто бы могъ быть его противникомъ, причемъ, конечно, о русскихъ и не думали, такъ какъ они не любятъ такихъ крайностей; почти единогласно остановились мы на одномъ итальянцѣ, гр. Робазони, кавалеръ ордена св. Георгія, недавно вышедшемъ въ отставку. Гр. Биландъ, задолжавшій всему міру, по словамъ Хюттеля, былъ долженъ 800 р. и Робазони. Вернувшись домой, я хотѣлъ пройти къ маркизу, чтобы сообщить ему эту новость, но уже на лѣстницѣ встрѣтилъ лакея, котораго маркизъ послалъ за мною. Съ

перваго же слова послѣдній сообщилъ мнѣ, что сегодня вечеромъ Робазони отыскалъ его у Ивана Чернышова и просилъ позволенія скрыться во французскомъ посольствѣ, потому что дрался съ Биландомъ и подлежитъ ответственности. Маркизъ отвѣчалъ, что не можетъ помѣстить его у себя, и совѣтуетъ обратиться ко мнѣ. — Онъ, вѣроятно, ждетъ уже васъ,—прибавилъ маркизъ,—что же вы думаете дѣлать?—Оставить его ночевать у себя,—сказалъ я,—онъ военный человѣкъ, мы, стало быть, товарищи, и не могу же я выгнать отъ себя его ночью.—Какъ хотите; но завтра мы его попросимъ уйти. Придя въ свою квартиру, я дѣйствительно нашелъ тамъ Робазони. Онъ очень печаленъ, но покоенъ, и разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности своего дѣла:

«Вчера я узналъ, отъ одного изъ друзей, что гр. Биландъ готовится потихоньку уѣхать, а такъ какъ онъ долженъ мнѣ 800 р., то я долженъ былъ принять свои предосторожности. Сегодня утромъ я послалъ ему съ лакеемъ записочку, которой Биландъ не взялъ, приказавъ мнѣ сказать, что онъ никого не принимаетъ. Я послалъ лакея въ другой разъ; Биланда не оказалось дома, онъ пошелъ обѣдать въ одинъ трактиръ на Милліонной. Тогда я одѣлся и поѣхалъ въ этотъ трактиръ самъ. Какъ только Биландъ меня увидѣлъ, такъ сказалъ своей компаніи: «Господа, гр. Робазони пришелъ ко мнѣ». Я отвѣчалъ, что дѣйствительно пришелъ поговорить съ нимъ. Тогда всѣ присутствовавшіе ушли и оставили насъ однихъ, я показалъ Биланду мою записку, прибавивъ: «Вы можете ее прочесть, въ ней нѣтъ ничего оскорбительнаго». Биландъ отвѣчалъ мнѣ то же, что и лакею, то есть, что онъ записки не приметъ, да и вообще не желаетъ имѣть со мной никакихъ сношеній, причемъ наговорилъ столько дерзостей, что мнѣ пришлось его вызвать. Онъ принялъ вызовъ и заявилъ, что желаетъ драться около дома Перро, потому что хорошо знаетъ эту мѣстность. Вышли мы вмѣстѣ, разсѣлись по своимъ экипажамъ, и оставивъ ихъ около саксонскаго посольства, пошли пѣшкомъ, подъ деревьями, влѣво, къ дому Визена. «Здѣсь есть тропинка, сказалъ Биландъ, пойдемъ ее». Найдя

*) Позднѣе Корберонъ, въ письмѣ къ Герцу, прусскому послу въ Петербургѣ, очень хвалитъ Хюттеля, какъ честнаго, талантливаго и образованнаго человѣка, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и которому многимъ обязанъ. Корберонъ говоритъ, что сначала они другъ друга не любили, но потомъ сошлись.

тропичку, Биляндъ сталъ утапывать снѣгъ на разстояніи двухъ или трехъ туазовъ, причемъ сказалъ мнѣ:—Если я васъ убью, то легко спасусь по этой дорожкѣ; а если вы меня убьете, то доставите мнѣ большое удовольствіе и окажете услугу, такъ какъ тогда мнѣ не придется платить долги.—Не желалъ бы оказывать вамъ такой услуги,—отвѣчалъ я,—но разъ вы сами этого хотите, то пусть будетъ по вашему, судьба рѣшитъ за насъ. Затѣмъ, мы стали драться, и такъ какъ я нѣсколько разъ отступалъ слишкомъ далеко, то онъ спросилъ, не боюсь ли я. Наконецъ, онъ высоко поднялъ руку, чтобы нанести мнѣ ударъ въ лицо, и при этомъ открылся; отпаривавъ этотъ ударъ, я проткнулъ Билянду грудь. «Это ничего», сказалъ онъ, зажимая рану рукою, но въ то же время сталъ харкать кровью и запатался отъ слабости. Я бросился его поддерживать и сталъ звать его лакея съ извозчикомъ, но они уѣхали. Тогда я сѣлъ въ свой экипажъ и поѣхалъ въ городъ искать хирурга, но не нашелъ. Поэтому я написалъ въ Сакену, что около его дома лежитъ раненый, нуждающийся въ помощи. Племянникъ Сакена прочелъ записку, но отослалъ ее назадъ, говоря, что не можетъ будить дядю для этого. Между тѣмъ дѣло происходило часовъ въ шесть вечера, такъ какъ мы дрались между четырьмя и пятью. Второе письмо къ Сакену также осталось безъ результата. Тогда я поѣхалъ къ Румянцову, который меня успокоилъ, обѣщалъ свое покровительство и посоветовалъ обратиться къ маркизу де-Жюинье, что я и сдѣлалъ, а остальное вы знаете».

Разсказъ этотъ очень меня заинтересовалъ, хотя неприятно было думать, что молодой, сильный и ловкій Робазоми рѣшился драться на шпагахъ съ Биляндомъ, такимъ слабымъ и изношеннымъ. Пистолеты, въ данномъ случаѣ, были бы болѣе умѣстны. Выслушавъ Робазоми, я сказалъ ему: «Погода прекрасная, и если можете удовольствоваться кресломъ у каминна да туфлями, то я съ удовольствіемъ окажу услугу порядочному человѣку. Ваше дѣло очень простое, хотя и неприятное. Вамъ слѣдуетъ поскорѣе уѣхать, такъ какъ немедленной опасности, по словамъ Румянцова, вы ожидать не можете, а

маркизь де-Жюинье не имѣетъ права дозволить вамъ оставаться въ посольствѣ надолго». Пожелавъ ему, затѣмъ, доброй ночи, я легъ спать. Гарри потомъ сказалъ мнѣ, что часовъ въ 10 вечера, желая помочь несчастному Билянду, онъ взялъ мою карету и поѣхалъ, вмѣстѣ съ де-Кюсси, на мѣсто поединка. Билянда они нашли распростертымъ на снѣгу, уже похолодѣвшимъ, безъ шпаги, безъ шляпы, безъ парика,—совершенно обокраденнымъ; только портфеля воры не посмѣли взять, потому что онъ лежалъ подъ тѣломъ, которое надо было для этого перевернуть. Гарри и де-Кюсси попробовали вдводемъ перенести Билянда въ карету, но онъ оживленъ, и когда стали власть, то испустилъ вздохъ, вѣроятно, послѣдній. Они испугались, поняли, что все кончено, и оставивъ его на снѣгу, вернулись. Мужики, которые были съ ними, такъ же какъ и какой-то офицеръ, тряслись отъ страха.

Вторникъ, 3.—Къ брату.

Утромъ мнѣ сказали, что приходилъ полицейскій и справлялся у Комбса, тутъ ли гр. Робазоми. Комбсъ отвѣчалъ что не знаетъ и что вообще полиціи незначѣмъ являться во Французское Посольствѣ. Ему очень вѣжливо отвѣчали, что пришли только справиться. Когда полицейскій уходилъ, Робазоми имѣлъ неосторожность съ нимъ встрѣтиться, причемъ тотъ сказалъ, что бояться ему нечего. Я тотчасъ же спряталъ Робазоми и Комбса, а самъ пошелъ къ маркизу. Маркизь потребовалъ, чтобы Робазоми былъ немедленно удаленъ изъ посольства, но я замѣтилъ, что это лучше сдѣлать ночью, тѣмъ болѣе что Робазоми ждетъ отвѣта отъ кн. Орлова, къ которому послалъ нарочнаго. Черезъ часъ маркизь опять прислалъ за мною, потому что къ нему явился секретарь гр. Панива спросить, отъ имени Императрицы и этого министра, дѣйствительно ли Робазоми находится въ посольствѣ. Маркизь, при мнѣ, отвѣчалъ, что въ его помѣщеніи Робазоми нѣтъ, «а вотъ спросите шеваляе де-Корберона». Я отвѣчалъ, что не скрываю, что Робазоми ночевалъ у меня, такъ какъ я не рѣшился выгнать, въ полночь, на улицу военнаго офицера,

но что въ настоящую минуту у меня его нѣтъ, въ чемъ даю слово. «Но, милостивый Государь,—сказалъ секретарь—мнѣ нуженъ положительный отвѣтъ: находится ли гр. Робазоми въ этомъ домѣ или нѣтъ?»—«Ни маркизь, ни я не можемъ сказать чего не знаемъ; домъ великъ, и мы во всё его уголки не заглядывали»,—отвѣчалъ я.—«Объщаю сегодня же узнать доподлинно—сказалъ маркизь—вотъ и г. Корберонъ объ этомъ позаботится. Въ одномъ могу васъ увѣрить, что не намѣренъ скрывать незнакомаго мнѣ человѣка противъ воли Ея Величества». Затѣмъ я отправился къ себѣ, но секретарь догналъ меня и сказалъ: «А вотъ полицейскій видѣлъ здѣсь гр. Робазоми». Я вспылилъ и отвѣтилъ довольно рѣзко: «Развѣ вы не изволили слышать, что маркизь и я имѣли честь сказать вамъ?»—«Но вѣдь и маркизь говоритъ то же».—«Совѣмъ нѣтъ; будьте добры не перетолковывать слова маркиза и понимать меня буквально. Я вамъ повторяю, что гр. Робазоми ночевалъ въ моей квартирѣ, но что его теперь тамъ нѣтъ; я не знаю, находится ли онъ въ этомъ домѣ, но общаю узнать объ этомъ. Не угодно ли вамъ будетъ войти ко мнѣ? Секретарь сталъ шолковымъ и сказалъ: «Въ мои обязанности не входитъ производить у васъ обыскъ».—«Я это знаю такъ же какъ и вы, но не угодно ли вамъ погрѣться, а я пока прикажу навести справки о томъ, что вы хотите знать».

Мы съ нимъ вошли въ мой кабинетъ, причемъ я сказалъ: «Вы видите, что г. Робазоми здѣсь нѣтъ, и что если я чтонибудь говорю, то это правда». Затѣмъ я позвалъ Гарри и сказалъ ему, въ присутствіи этого господина, который оказался секретаремъ вице-канцлера Остермана Алопеусомъ: *) «Ступайте къ Комбсу и попросите его справиться, здѣсь ли г. Робазоми». А надо замѣтить, что я еще раньше заходилъ къ Комбсу, чтобы посоветовать Робазоми тотчасъ же уйти, потому что въ политикѣ, мой другъ, ремеслѣ часто очень трудномъ, слѣдуетъ всегда прибѣгать къ ловкости, а отнюдь не ко лжи. Черезъ четверть часа Гарри явился донести, что Комбсъ не думаетъ,

чтобы г. Робазоми находился въ Посольствѣ. Понявъ изъ этого отвѣта, что онъ еще не ушелъ, я сказалъ Алопеусу, собравшемуся уходить: «Подождите немножко, я сейчасъ постараюсь вамъ дать болѣе положительный отвѣтъ», но Алопеусъ сказалъ, что этого достаточно и что онъ хотѣлъ бы поговорить со мной наединѣ—съ нами былъ де Кюсси. Когда мы вышли въ другую комнату, Алопеусъ сказалъ: «Надѣюсь, вы повѣрите, что мнѣ непріятно исполнять такое порученіе, но это мой долгъ. Прошу васъ, скажите мнѣ положительно, тутъ ли г. Робазоми или нѣтъ?»—«Да вѣдь я же вамъ сказалъ, что домъ великъ и я не знаю, не спрятался ли Робазоми въ какомъ-нибудь уголкѣ».—«Но это отвѣтъ формальный, а я обязанъ сказать гр. Панину да или нѣтъ».—«Ну такъ скажите нѣтъ, если хотите; но только замѣйте, что я не могу вамъ сказать ничего, кромѣ того, что вы отъ меня уже слышали, то есть что г. Робазоми ночевалъ у меня, что теперь его въ моей квартирѣ нѣтъ, что я не знаю, находится ли онъ въ домѣ посольства, но что я вамъ общаю, согласно намѣреніямъ м. де Жоюинье, не укрывать его въ этомъ домѣ, если онъ въ немъ еще находится. Кромѣ того, милостивый государь, я очень сожалѣю, что не сдержалъ своего раздраженія при обсужденіи этого вопроса, но такъ какъ я всегда откровененъ и всегда говорю правду, то былъ очень удивленъ, что вы усомнились въ моихъ словахъ». Послѣ этого Алопеусъ, наговоривъ мнѣ множество комплиментовъ и любезностей, уѣхалъ и мы стали ждать ночи, чтобы выпроводить Робазоми. Между тѣмъ черезъ нѣсколько минутъ по отъѣздѣ Алопеуса, мнѣ доложили объ италіанцѣ, по имени Амати, который явился справиться о судьбѣ Робазоми. Я ему сказалъ, что не знаю, гдѣ теперь Робазоми находится. «А я пришелъ его увѣдомить—сказалъ Амати,—что кн. Орловъ здѣсь, а не въ Царскомъ Селѣ, и что надо ему адресовать письмо въ Петербургъ. Я на это ничего не хотѣлъ сказать человѣку, котораго не знаю, такъ что онъ тотчасъ же ушелъ а я велѣлъ сказать Робазоми, чтобы онъ немедленно писалъ другое письмо къ князю. Затѣмъ, чтобы не выказатъ слишкомъ большого интереса къ этому дѣлу

*) Максимилианъ Алопеусъ впоследствии былъ русскимъ посланникомъ въ Дрезденѣ и Берлинѣ,

и послушать что объ немъ говорятъ въ свѣтъ, я отправился съ визитами.

Обѣдалъ у Нелединской, потомъ былъ на спектаклѣ и кончилъ день у Бемеровъ. По возвращеніи, узналъ отъ маркиза, что гр. Панинъ очень недоволенъ и что всѣ обвиняютъ въ этомъ дѣлѣ меня, хотя не могутъ правильно построить своихъ обвиненій. А я думаю, мой другъ, что если бы маркизъ выказалъ побольше твердости, то у другихъ было бы ее поменьше. Они, и главнымъ образомъ полицмейстеръ, сердятся на себя за то, что оказались очень неловкими въ этомъ дѣлѣ. Полицмейстеръ сдѣлалъ Императрицѣ фальшивый докладъ, чтобы выгородить себя и свалить все на насъ.

Р. S. Забылъ тебѣ сказать, что маркизъ, вернувшись въ половинѣ шестого отъ Панина, велѣлъ удалить Робазоми, если онъ еще тутъ, и запереть всѣ двери. Двери были заперты раньше удаленія Робазоми, но Гарри нашелъ средство вывести его изъ дома. Онъ дѣйствовалъ прямо, твердо и гуманно—три качества, которыя я считаю главными въ человѣкѣ. Сначала онъ вышелъ на набережную, и убѣдившись, что она пуста, вывелъ туда Робазоми. Затѣмъ онъ отнесъ письмо послѣдняго къ Рабасу, который, будучи, соотечественникомъ и другомъ Робазоми, отправился хлопотать за него передъ вн. Орловымъ. Орловъ далъ записку къ Робазоми, но такъ какъ этотъ послѣдній отъ насъ ушелъ, то я не знаю что было въ этой запискѣ и куда она дѣвалась. Въ общемъ, все идетъ хорошо; всѣ вели себя какъ слѣдуетъ и я вполнѣ покоенъ.

Среда, 4.—Къ брату.

Сегодня у Вице-Канцлера былъ обѣдъ, по поводу именинъ Императрицы. Меня тоже пригласилъ и гр. Остерманъ былъ даже очень любезенъ со мною, но изъ этого ничего не слѣдуетъ, такъ какъ здѣсь все фальшиво. Я слышалъ, что родственникъ Остермана, вн. Щербатовъ, отнесся ко мнѣ очень холодно. Послѣ обѣда былъ у гр. Петра и у вн. Лобковича, такъ какъ желалъ знать его мнѣніе о дѣлѣ Робазоми, но у него были гости и потолковать намъ не удалось. Разговоръ шелъ насчетъ обѣда у Вице-Канцлера, всѣ нашли его очень хорошимъ

и роскошнымъ. Не знаю сколько онъ получаетъ отъ двора на званые обѣды, но, будучи посланникомъ въ Швецію, онъ, говорятъ, получалъ на это по 500 р. въ мѣсяцъ.

Дѣло Робазоми надѣлало шума въ городѣ. Объ немъ разсказываютъ на сто разныхъ манеръ и очень обвиняютъ Робазоми. Признаюсь что этотъ человѣкъ, котораго я прежде не зналъ, сдѣлался теперь для меня очень интереснымъ, потому что несчастіе и преслѣдованія располагаютъ къ себѣ нашу душу!.. Робазоми обвиняютъ въ томъ, что онъ, будто бы, убилъ Биланда безъ дуэли; маркиза и меня упрекаютъ за то, что мы его уверили да еще и признались въ этомъ. Хюттель, секретарь прусскаго посольства, тоже порицаетъ меня, и говоритъ, что еслибы дѣло шло о Бенонѣ, исторію котораго ты знаешь, такъ съ нимъ поступили бы не такъ легко. Всѣ эти толки нисколько меня не беспокоятъ.

Четвергъ, 5.—Къ брату.

Робазоми, говорятъ, по совѣту вн. Орлова, явился къ Панину. Министръ его не принялъ, а выслалъ секретаря сказать, чтобы онъ отправился къ полицмейстеру, что Робазоми и сдѣлалъ. Полицеймейстеръ велѣлъ его арестовать при полиціи, гдѣ съ нимъ хорошо обращаются. Не думаю, чтобы его наказали. Правда, мѣстные законы не признаютъ дуэлей, за это назначается тюрьма или Сибирь. А между тѣмъ, въ Москвѣ, дрался на дуэли одинъ Голицинъ и его даже не привлекали къ отвѣтственности.

Пятница, 6.—Къ брату.

Буря, собравшаяся надъ моею головою, отчасти разразилась. Я являюсь, въ нѣкоторомъ родѣ, маленькимъ Меньшиковымъ, то есть не достигнувъ такой высоты какъ онъ, я и упалъ не такъ низко. Тѣмъ не менѣе однакожъ гр. Панинъ сказалъ маркизу, что Императрица не желаетъ меня видѣть при дворѣ! Маркизъ отвѣчалъ, что это его удивляетъ и огорчаетъ; что Императрица получила, вѣроятно ложныя донесенія на мой счетъ; что я ничего не сдѣлалъ такого,

чего бы и онъ самъ, маркизь, не могъ сдѣлать; что онъ настоятельно просить Панина убѣдить Ея Величество въ ложности полученныхъ ею донесеній. Панинъ общалъ, но все же настаивалъ на томъ, чтобы я, пока, не показывался при дворѣ. Незнаю что изъ этого выйдетъ, но если дворъ выкажетъ упрямство, то дѣло можетъ стать серьезнымъ политическимъ. Надѣюсь, что насъ не принудятъ къ этому. Маркизь очень огорченъ, и я это глубоко чувствую, такъ какъ его огорченіе доказываетъ прочную и сердечную привязанность его ко мнѣ. Что касается сущности дѣла, то она меня не беспокоитъ. Я ничего дурного не сдѣлалъ, на меня разсердился потому, что сами были въ плохомъ расположеніи духа, а такой мотивъ слишкомъ легковѣсенъ, чтобы вызвать серьезныя послѣдствія.

Суббота, 7.—Къ брату.

Извѣстіе, сообщенное мнѣ вчера маркизомъ относительно неудовольствія Императрицы, разсердило меня, но не встревожило; спалъ я покойно. Сегодня день Св. Георгія Побѣдоносца и при дворѣ празднество. За невозможностью присутствовать на немъ, я рѣшилъ, что съ моей стороны будетъ лучше и совѣмъ въ свѣтъ не показываться; поэтому я не пойду и на балъ къ Теплову, на который получилъ приглашеніе. Думаю провести вечеръ у Бемеровъ и написалъ по этому поводу записку къ Шарлоттѣ, увѣдомляя ее, что ни ко двору, ни на балъ не пойду.

Обѣдалъ дома, и въ пять часовъ говорилъ съ маркизомъ, передъ его вторичнымъ отправленіемъ во дворецъ. Онъ говоритъ, что утромъ Императрица видимо была въ дурномъ расположеніи духа и не разговаривала ни съ нимъ, ни съ другими послами.

У маркиза обѣдалъ Гриммъ. Ты знаешь, мой другъ, въ какой онъ милости у Ея Величества. Она съ нимъ часто разговариваетъ и принимаетъ въ своемъ интимномъ кружкѣ. Видя, что онъ ничего не знаетъ о моемъ дѣлѣ, маркизь рѣшилъ его предупредить и сказала между прочимъ: «Я не прошу васъ разговаривать объ этомъ, но если разговоръ самъ собою возникнетъ, то вы можете сказать

Императрицѣ, что ей неправильно доложили о поведеніи де-Корберона. Не скройте отъ нея также, что и меня это очень огорчаетъ». Я поблагодарилъ маркиза, да и въ самомъ дѣлѣ очень тронуть его ко мнѣ участіемъ.

Маркизь просилъ меня зайти къ нему по возвращеніи отъ Бемеровъ. Нового при дворѣ, однакожь, ничего не оказалось. Панинъ сказалъ только, что не забудетъ поговорить обо мнѣ съ Императрицей.

Воскресенье, 8.—Къ брату.

Дѣло мое все еще не кончилось и причина тому—нездоровье Панина. Онъ не выходитъ, и поручилъ вице-Канцлеру Остерману поговорить обо мнѣ съ Императрицей, а Остерманъ не торопится или плохо старается, что и не удивительно, такъ какъ онъ терпѣть не можетъ французовъ! Сегодня вечеромъ Панинъ сказалъ маркизу, что не знаетъ еще намѣреній Императрицы на мой счетъ. Маркизь представилъ ему, что мое положеніе становится затруднительнымъ, особенно въ виду необходимости участвовать въ спектаклѣ у жены фельдмаршала, гдѣ будетъ Великій Князь, но что я не желалъ бы, чтобы мои оправданія были выслушаны только по этой причинѣ, такъ какъ они и сами по себѣ достойны вниманія. Панинъ отвѣчалъ, что мнѣ бы слѣдовало, изъ уваженія къ Императрицѣ, отказаться отъ участія въ спектаклѣ, что я и сдѣлаю, сославшись на боль въ горлѣ. Маркизь видѣлъ кн. Голицину, которая справлялась обо мнѣ. Онъ отвѣтилъ, что я не совѣмъ здоровъ. «Дѣйствительно, я вчера не видала его при дворѣ», замѣтила Голицина. Кажется она въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, почему я тамъ не былъ, если бы знала, то спросила бы, могу ли я играть въ субботу. А она, напротивъ того, просила напомнить мнѣ о томъ, что во вторникъ будетъ репетиція.

Шарлотта и Альбертина ѣздили сегодня къ Визену, чтобы узнать новости. Визенъ сказалъ имъ, что слышалъ разговоръ обо мнѣ между маркизомъ и Панинымъ, но онъ, повидимому, не знаетъ о мѣрахъ, принятыхъ противъ меня Императрицею. Это всеобщее незнаніе я

объясняю въ свою пользу. Говорятъ, у Императрицы новый любовникъ — генералъ Румянцовъ *), очень глупый, но хорошо откормленный человекъ. Говорятъ также о первомъ актерѣ нѣмецкой труппы. Это было бы неудивительно, но я пока не вѣрю.

Р. S. Узналъ, что кн. Барятинскій, русскій посолъ во Франціи, получаетъ всего 8000 р. Въ Стокгольмѣ Остерманъ получалъ не больше, но ему давали еще 6000 р. на столъ и экстраординарные расходы. Онъ и здѣсь получаетъ ту же сумму для той же цѣли и даетъ три-четыре обѣда въ годъ.

Гувернантка (?) фрейлинъ получаетъ 1000 р. въ годъ. Теперь эту должность исполняетъ баронесса Мальтицъ (Maltitz), очень достойная женщина, сынъ которой, красивый малый, тоже, говорятъ, будто бы былъ намѣченъ въ фавориты Императрицы, но не понравился, потому что блондинъ. Мнѣ это рассказывалъ гувернеръ пажей, Ростанъ (Rostaing), которому она сама говорила (?).

Понедѣльникъ, 9.—Къ брату.

Послѣ нашего вчерашняго разговора съ маркизомъ я написалъ графинѣ Матюшкиной, чтобы предупредить ее о моемъ нездоровьи и невозможности играть въ субботу. Въ это письмо надо было вложить веселость человекъ, не придающаго значенія опалѣ, твердость мужчины, ничего дурного не сдѣлавшаго и не намѣревающагося дѣлать.

Маркизь видѣлъ сегодня Остермана, который сказалъ, что Императрица ничего не имѣетъ противъ него, но сердита на меня. Неужели ея неудовольствие можетъ мнѣ повредить? Альбертина увѣряетъ, что меня бояться и говорить, что я вмѣшиваюсь въ дѣла. Надѣюсь, что скоро все распутается. Вице-канцлеръ обѣщалъ повидаться съ Панинымъ и сговориться съ нимъ насчетъ меня.

Вторникъ, 10.—Къ брату.

Опять ничего новаго, мой другъ! Принцъ де-Шимэ былъ вчера на балу у великаго князя, который сказалъ, что очень радъ,

что принцъ не замѣшанъ въ дѣло Рабазоми. «Говорятъ, во всемъ виноватъ г. де-Корберонъ; а что такое г. де-Корберонъ? Вы его знаете?» На такой вопросъ самъ великій князь могъ бы отвѣчать лучше, чѣмъ де-Шимэ, такъ какъ зналъ меня черезъ графа Андрея. Поэтому принцъ не далъ ему опредѣленнаго отвѣта, а великій князь прибавилъ: «Де-Корберонъ напрасно вмѣшался въ это дѣло; онъ слишкомъ молодъ. А впрочемъ, ему уже 26—27 лѣтъ, хотя этого и не кажется».

Австрійскій и прусскій посланники пошло поступили по отношенію ко мнѣ. На этихъ дняхъ они давали обѣды и меня не пригласили. Удивляться нечему: политическій вихрь всегда приводитъ къ низости и подлому страху, потому что производится малѣйшими дуновениями со стороны двора, а не собственной своей силою; дипломатами править страхъ или надежда на милости. Саксонскій посланникъ Сакенъ также говорилъ колкости насчетъ моего поведенія. Такъ и должно было быть; я этому очень радъ, по крайней мѣрѣ, выучусь познавать людей.

Среда, 11.—Къ брату.

Сегодня большой праздникъ при дворѣ. Опала съ меня еще не снята, и я сижу дома.

Заѣзжали ко мнѣ князя Иванъ Щербатовъ и Голицынъ. Послѣдній увѣряетъ, что въ обществѣ мнѣ отдають справедливость и что мое дѣло, когда выяснится, послужитъ только къ моему возвышенію въ глазахъ свѣта и самой Императрицы, которая дастъ мнѣ это почувствовать. Я ничему не вѣрю, мой другъ, такъ какъ подозреваю, что Императрица сердится на меня еще за мою близость къ Андрею Разумовскому. Остерманъ показывалъ Марвизу рапортъ, поданный Императрицѣ по дѣлу Робазоми. Обо мнѣ тамъ нѣтъ ни слова. Маркизь спросилъ, говорилъ ли Остерманъ съ Императрицей, а тотъ отвѣтилъ, что просить избавить его отъ такого порученія, такъ какъ онъ не знаетъ, какими мотивами руководствовалась Императрица, да и вообще лучше поручить это дѣло Панину, черезъ котораго было передано касающееся меня распоряженіе. Маркизь просилъ у Панина

*) Сынъ фельдмаршала съ красной лентой.

аудиенці на завтра. До меня дошли слухи, что въ обществѣ теперь обвиняють больше Маркиза, чѣмъ меня. Его обвиняють въ слабости, податливости; но я очень доволенъ образомъ его дѣйствій по отношенію ко мнѣ. Немножко больше или немножко меньше твердости ничего не мѣняютъ въ положеніи дѣла, особенно когда противъ меня существуетъ предубѣжденіе. Я только жалѣю, что самъ не могу повидаться съ Панинымъ и поговорить съ нимъ о моемъ дѣлѣ, но Маркизь этого не желаетъ. Если предубѣжденіе Императрицы противъ меня очень сильно, то почему же она меня не вышлетъ? Почему она публично не воспретилла мнѣ появляться ко двору? Въ свѣтѣ никто, вѣдь, этого не знаетъ, такъ какъ Панинъ сказалъ только прусскому посланнику Сольму, который самъ въ опалѣ по поводу самоубійства бѣднаго Бахмана.

Сегодня вечеромъ видѣлъ Хюттеля, который ничего мнѣ не сказалъ. Между тѣмъ я знаю, что онъ сообщилъ Бемерамъ о томъ, что мнѣ запрещено бывать при дворѣ, и совѣтовалъ имъ поосторожнѣе выбирать знакомства, давая понять, что моя опала можетъ отразиться и на нихъ. Они такъ плохо приняли эту инсинуацію, всѣ три барышни такъ напустились на Хюттеля, что онъ вскочилъ и ушелъ, даже забывъ свою табакерку.

Четвергъ, 12.—Къ брату.

Вернувшись, видѣлъ де-Шимэ, который, желая оказать мнѣ услугу, видѣлся съ Панинымъ и говорилъ съ нимъ о дѣлѣ. Панинъ не оправдываетъ Маркиза, а меня обвиняетъ только въ опрометчивости, свойственной туристу. Но это потому, что онъ судитъ по первому впечатлѣнію, которое не вѣрно. Де-Шимэ, такъ же какъ и всѣ мои друзья, негодуетъ, что мнѣ самому не удастся поговорить съ министромъ. Панинъ сказалъ де-Шимэ, что онъ не желаетъ, чтобы я показывался на глаза Императрицѣ.

Это очень странно, и заставляетъ меня подозрѣвать, что онъ самъ выдумалъ запретъ появляться ко двору, а Императрица объ немъ ничего не знаетъ. Тайна, которую дѣлаютъ изъ этого запрета, подтверждаетъ мои подозрѣнія,

такъ же какъ и совѣтъ Остермана обратиться за разъясненіемъ дѣла къ Панину. Надо это распутать, мой другъ.

Маркизь былъ у Панина. Послѣдній сказалъ ему что не забываетъ о моемъ дѣлѣ, но что нужно дать Императрицѣ время успокоиться, такъ какъ она женщина и очень вспыльчивая. Къ этому онъ прибавилъ: «Я уже поручилъ кое кому сдѣлать нѣкоторые намеки, да и Остерманъ, несмотря на свой отказъ, долженъ будетъ поговорить». Все это только подтверждаетъ мои подозрѣнія, а Маркизь вполне всему вѣритъ. Онъ думаетъ что Панинъ поручилъ дѣйствовать къ Рѣпнину, и спрашивалъ меня, захожу ли я выгоднымъ и приличнымъ обратиться къ послѣднему съ просьбой о содѣйствіи, я отвѣчалъ что лучше подождать. Мнѣ очень хотѣлось бы выяснитъ вопросъ о томъ, кто собственно наложилъ на меня запретъ. Комбъ навелъ меня на одну мысль по поводу Рѣпнина. Ты знаешь, мой другъ, мои отношенія къ Нелединской; она мнѣ говорила что эти отношенія не беспокоятъ Рѣпнина, ея новаго любовника, а между тѣмъ теперь она не присылаетъ узнать о моемъ здоровьѣ. Надо подождать, да посмотрѣть что будетъ дальше. Можно воспользоваться услугами де-Шимэ; онъ окажетъ ихъ мнѣ отчасти по сочувствію, а отчасти изъ самолюбія, такъ какъ недоволенъ небрежностью Маркиза, не общившаго ему подробностей моего дѣла, тогда какъ онъ то именно и могъ бы помочь.

Понедѣльникъ, вторникъ и Среда, 16, 17 и 18.—Къ брату.

Мое дѣло все въ томъ же положеніи; можно сказать даже что оно усложняется, такъ какъ Императрица имѣетъ очень дурное обо мнѣ мнѣніе. Но публика, мало-по-малу узнающая въ чемъ дѣло, отдаетъ мнѣ полную справедливость. Говорятъ, что это дѣло послужило лишь предлогомъ чтобы высказать мнѣ неудовольствіе. Предубѣжденіе Императрицы противъ меня вызвано, по видимости, моимъ легкомысліемъ, чисто французскими манерами, свѣтской жизнью, и проч. Къ этому прибавляютъ, что она считаетъ меня опаснымъ, потому что я захожу въ

сношенія со всѣми недовольными ея правительствомъ, и дѣлаю что я хочу изъ Маркиза. Но дѣйствительной причиной этого предубѣжденія является моя близость съ гр. Андреемъ Разумовскимъ, а также сношенія съ Пьетэ и Леруа, которые помогли мнѣ во многомъ здѣсь разобраться. Императрица дѣлаетъ мнѣ много чести, считая опаснымъ человѣкомъ.

Панинъ интересуется моимъ дѣломъ; онъ отдаетъ мнѣ справедливость и порицаетъ Маркиза, который кончилъ тѣмъ, что пожертвовалъ мною, хотъ я на него за это и не въ претензи. Панинъ порицаетъ также Императрицу: «Она не разъ уже попала бы въ просакъ—сказалъ онъ—если бы я не устраивалъ дѣло». Онъ вполне стоитъ за меня, но встрѣчаетъ противодѣйствіе, а такъ какъ онъ боленъ и не выходитъ, то дѣло и движается очень медленно. Отчаяваться, впрочемъ, нельзя. Маркизь говоритъ, что Бяратинскому передавали мое дѣло въ очень мрачномъ свѣтѣ, а Визенъ говорилъ Альбертинъ, что въ послѣднихъ трехъ депешахъ не было ни слова обо мнѣ. Надо подождать; можетъ быть я попробую повидаться съ кн Орловымъ. Потомъ дамъ тебѣ отчетъ, мой другъ, о результатѣ моихъ хлопотъ. Это дѣло можетъ ускорить мое повышение и наше съ тобой свиданье; но какъ бы послѣднее ни было мнѣ приятно, а покинуть Шарлотту будетъ очень тяжело.

Четвергъ, 19.—Къ брату.

Дѣло мое принимаетъ плохой оборотъ. Маркизь, вмѣсто того чтобы признать его своимъ, воспользовался случаемъ отретироваться и свалить все на меня, говоря что онъ не зналъ что я дѣлаю, тогда какъ я исполнилъ только его распоряженія. Но я его не обвиняю; онъ такъ поступаетъ не съ дурными намереніями, а просто по слабости. Желаю чтобы онъ вышелъ сухъ изъ воды, но не надѣюсь на это. Онъ во всякомъ случаѣ испытаетъ то неприятное чувство, которымъ сопровождается недостатокъ твердости и которое онъ долженъ испытывать уже не въ первый разъ, такъ какъ всегда былъ слабъ и лишенъ увѣренности въ себѣ; здѣсь это знаютъ всѣ

и французы и русскіе, которые называютъ его простакомъ. Что касается меня, котораго они упрекаютъ въ недостаткахъ совершенно противоположныхъ, то мнѣ это все равно, я уже рѣшился. Я уѣду отсюда уже нѣсколько познакомившись со страню. Смѣю думать что это знакомство можетъ быть полезнымъ для обохъ Дворовъ. Эти люди думаютъ противное; но я ихъ жалѣю, а мнѣнія ихъ презираю. Какъ бы ни хотѣлось быть объ нихъ лучше мнѣнія, а поневолѣ приходится возвратиться къ печальной истинѣ: это настоящіе дикари, не обладающіе даже качествами, свойственными народамъ еще не цивилизованнымъ; они только грубы. Въ нихъ совмѣщается рабское одичаніе съ испорченностью, которую несетъ съ собою слишкомъ скороспѣлая цивилизація. Наклонные ко всѣмъ порокамъ, обусловливаемымъ роскошью, испорченные не успѣвши созрѣть, они напоминаютъ собою тѣ плоды, которые сняты въ незрѣломъ видѣ, не обладаютъ ни запахомъ ни вкусомъ, и никогда не будутъ обладать ими. И не почва въ этомъ виновата—Россійская Имперія богата всякими сокровищами; не виноваты и садовникъ—Екатерина II, хотя я и не представляеть собою того, чѣмъ хочеть казаться, а все же не плохая правительница. Она только женщина въ полномъ смыслѣ этого слова, женщина, не имѣющая никакого понятія о философіи; дѣйствующая исключительно надъ вліяніемъ самолюбія; желающая скорѣе пользоваться эфемерной репутаціей въ Европѣ, чѣмъ благими дѣлами завоевать себѣ прочную въ своей странѣ.

Вообще, есть, пожалуй, одно только идеальное средство помочь этой странѣ достигнуть величія, зародышъ котораго она въ себѣ хранитъ, это—совершенно отдѣлать будущія поколѣнія отъ существующаго, для того чтобы избавить ихъ отъ гангрены, которая разѣдаетъ послѣднее. Когда эта оздоровительная операція будетъ произведена, и нація вернется къ своей первобытной простотѣ, къ своимъ естественнымъ началамъ, тогда два-три послѣдовательно царствую

ших монарха—философа могут постепенно, безъ кризисовъ и потрясеній, довести ее до возможнаго совершенства. Нужно, однакожь, чтобъ эти монархи были русскіе по происхожденію, и имѣли неоспоримое право на престолъ, ими занимаемый, а не приобрѣли его убійствомъ или другими злодѣяніями; нужно, чтобы ихъ власть, основывающаяся на справедливости, была любима и уважаема народами, которыми они управляютъ *).

Пятница и суббота, 20 и 21.—Къ брату.

Дѣла мои не двигаются. Маркизь полагаетъ что онъ отдѣлался, а я этого не думаю. Всѣ упрекаютъ его въ томъ, что онъ мною пожертвовалъ. Онъ увѣряетъ, что Барятинскому писали изъ Парижа, требуя отъѣзжающаго запрета, а я увѣренъ что не писали, потому что Визенъ, видѣвшій послѣднія депеши, не нашелъ въ нихъ упоминанія о моемъ дѣлѣ. Маркизь старается, повидимому, увѣрить себя, что конечно, такъ какъ теперь его меньше тербятъ; но сами коллеги его находятъ позорнымъ, что онъ оставилъ меня сидѣть въ ямѣ. А въ глазахъ публики, отдающей мнѣ справедливость, я сталъ даже интересной жертвой. Сегодня я не не выходилъ, такъ какъ мигрень, заставляющая меня сильно страдать, все еще продолжается.

Днемъ я узналъ, что нашъ домъ подвергнуть полицейскому надзору и продается. Говорятъ даже что аббатъ состоитъ шпиономъ Чичерина. Я давно уже подозрѣваю его и Антона; говорилъ объ этомъ Маркизу.

Воскресенье, 22.—Къ брату.

Въ полдень былъ у Зиновьевой. Она приняла меня дружески и много говорила о моемъ дѣлѣ, и о томъ, что она сказала вчера де-Шимэ, убѣждая его хлопотать за меня у кн. Орлова. Онъ отвѣчалъ, что Маркизь ничего ему объ этомъ не говорилъ, что онъ изъ всего дѣлаетъ тайны и пр. Ты видишь, мой другъ, что и онъ не особенно одобряетъ

моего патрона, котораго я больше жалю чѣмъ порицаю.

Обѣдалъ у Шербатовыхъ; княгиня мать тоже удивлялась, что Маркизь не старается меня вызволить. Она мнѣ посоветовала отправиться къ Остерману, что я тотчасъ же и сдѣлалъ. Этотъ министръ принялъ меня превосходно и сказалъ: «Мнѣ очень досадно, что все это отозвалось на васъ, тогда какъ мы бы должны имѣть дѣло съ французскимъ посланникомъ, а не съ вами; онъ свалилъ все на ваши плечи, вы и отдѣлываетесь». Я отвѣчалъ: «Разъ Маркизь де-Жюанье донесъ куда слѣдуетъ, такъ ужъ мнѣ теперь дѣлать нечего; я подчююсь волѣ Императрицы, но желалъ бы имѣть право разсчитывать на ваше заступничество, и надѣюсь, что вы отдадите мнѣ справедливость и повѣрите, что я велъ себя согласно своему долгу». Онъ наговорилъ мнѣ множество любезностей, и далъ понять, что недоволенъ поведеніемъ Маркиза не только въ дѣлѣ Рабазони, но и въ другихъ прочихъ. Затѣмъ разговоръ нашъ сталъ болѣе интимнымъ; Остерманъ разсказалъ мнѣ объ одномъ своемъ столкновеніи съ Маркизомъ и спросилъ, что я объ этомъ думаю. Я отвѣчалъ, что не мнѣ быть судьей между ними, тѣмъ болѣе, что я не знаю подробностей дѣла, но что все, имъ сказанное, кажется мнѣ весьма простымъ и справедливымъ.

Понедѣльникъ, 23.—Къ брату.

У Маркиза были гости, а между прочимъ прусскій полковникъ Коцей (Сосеу), прѣбывшій поздравить ихъ Высочества съ законнымъ бракомъ. Голландскій резидентъ много болталъ о моемъ дѣлѣ, говорилъ, что оно скоро кончится, что Императрица вчера улыбалась Маркизу, и что на нее подѣйствовали разговоры о запрещеніи мнѣ прѣзда ко двору. Не знаю желалъ ли онъ что-нибудь изъ меня вытянуть, но во всякомъ случаѣ недостигъ цѣли—я ему ничего не сказалъ. Онъ былъ сегодня у меня, вмѣстѣ съ Комбсомъ.

Что касается дѣла, то я думаю, что если оно благополучно не кончится, то Маркизу не сдобровать. Сегодня уже, при дворѣ, говорили объ его отъѣздѣ и назначали ему преемника. Положительно

*) Курсивъ нашъ. (Прим. пер.).

не знаю, чѣмъ это кончится. Ужиналъ у фельдмаршала Голицина, гдѣ меня прѣ красно привяли. Нужно терпѣніе, мой другъ.

Вторникъ, 24.—Къ брату.

При дворѣ былъ спектакль, я, конечно, не показывался. Ничего новаго, мой другъ. Сдѣлалъ много визитовъ, ужиналъ у Бемеровъ, гдѣ были гости, и между прочимъ Марковъ, очаровательный членъ изъ Константинопольскаго посольства. Ему предлагаютъ сопровождать Остервальда на Мальту, но онъ говорилъ, что мой примѣръ открылъ ему глаза, доказавъ что не слѣдуетъ быть вторымъ лицомъ при человѣкѣ малаго ума и необладающимъ твердостью. Таковъ Остервальдъ да и многіе на него похожи!

Среда, 25.—Къ брату.

Не знаю, мой другъ, какимъ образомъ можетъ кончиться моя ссора съ дворомъ. Увѣряютъ, что Панинъ далеко не на моей сторонѣ, но говорятъ также, что онъ не въ задахъ съ Императрицей, которая недавно намегнула ему письмомъ объ отставкѣ. Она, дѣйствительно, не любитъ его. Изъ трехъ отставныхъ фаворитовъ, Орлова, Потемкина и Завадовскаго, Потемкинъ теперь въ большемъ фаворѣ чѣмъ когда-либо, и недѣли черезъ три должны произойти, событія, доказывающія насколько этотъ фаворъ великъ. Маркизъ безпокоится о мѣемъ дѣлѣ, послѣдствія котораго отзовутся скорѣе на немъ чѣмъ на мнѣ.

Четвергъ, 26.—Къ брату.

Мы съ Комбсомъ обѣдали у Бильо. Она, по обыкновенію, много говорила о Маркизѣ, о томъ, что въ публикѣ смотрятъ на мою ссору съ дворомъ благоприятно для меня, и что мнѣ не слѣдуетъ выказывать особеннаго желанія поскорѣе примириться. Я и безъ совѣтовъ Бильо, которой нельзя вѣрить, держусь того же мнѣнія, и думаю, что мнѣ, ни въ чемъ не провинившемуся, слѣдуетъ держаться твердо и индифферентно по отношенію къ русскому двору, до котораго мнѣ нѣтъ дѣла. Кромѣ того съ удо-

вольствіемъ узналъ, что Фонсколомбъ (Fonscolombe), нашъ посланникъ въ Генуѣ, выходитъ въ отставку. Ахъ если-бъ мнѣ дали это мѣсто! Вотъ было бы хорошо! Какъ пріятно было бы жить при этомъ маленькомъ дворѣ и какое наслажденіе повинуть Россію при такихъ условіяхъ.

Воскресенье, 29.—Къ брату.

Повѣришь ли ты, чтобы въ 45 лѣтъ, не обладая ни красотой, ни умомъ, ни богатствомъ, ни именемъ, ни талантами, доставляющими иногда счастье, можно было сводить съ ума всѣхъ молоденькихъ женщинъ города? Повѣришь ли ты, чтобы смерть такого человѣка, отличавшагося только простотою и добродушіемъ, могла произвести цѣлую революцію въ кружкѣ молодыхъ женщинъ? Этого многіе не могутъ себѣ представить, а я это видѣлъ въ Петербургѣ!

Трагическій случай, происшедшій здѣсь нѣсколько дней тому назадъ, повергъ въ отчаяніе большую часть нашихъ здѣшнихъ красавицъ. Въ ночь съ четверга на пятницу умеръ Небушъ (Nébouch), бѣдный Небушъ, о которомъ я тебѣ такъ часто говорилъ. Онъ былъ очень полновроменъ, и потому страдалъ удущьемъ и вообще плохо себя чувствовалъ. Какой-то шарлатанъ увѣрилъ его, что это зависитъ отъ полипа, и далъ рвотнаго. Хирургъ, съ которымъ онъ потомъ совѣтовался, предложилъ тотчасъ же пустить ему кровь, угрожая въ противномъ случаѣ дурными послѣдствіями. Небушъ отложилъ кровопусканіе на завтра, а ночью задохся отъ кровавой рвоты. Всѣ наши хорошенькія женщины захворали по этому поводу. Этотъ Небушъ, нѣмецъ по происхожденію, но родившійся въ Россіи, былъ бѣденъ, занималъ въ обществѣ довольно низкое положеніе и не блисталъ ни умомъ, ни талантами. Но онъ былъ честенъ, простъ и добръ. Мужчины обвиняли его въ безхарактерности, но я находилъ его слишкомъ хорошимъ для этой страны, такъ какъ онъ отличался прямою, говорилъ правду и фаворитамъ и самой Императрицѣ. Эта прямота казалась мнѣ драгоцѣнною и достойною почитенія чертою характера. Я съ удовольствіемъ ухаживалъ за г-жей Зиновьевой,

которая действительно заболѣла отъ горя по поводу смерти Небуша. Эта Зиновьева, какъ я уже тебѣ говорилъ, одна изъ самыхъ милыхъ и естественныхъ женщинъ въ Петербургѣ. Она выказала мнѣ гораздо участіе въ дѣлѣ Рабазоми.

Понедѣльникъ, 30.—Къ брату.

Не хочешь ли немножко политики, мой другъ, давно ужъ я съ тобою объ ней не говорилъ. Ты долженъ знать прежде всего, что уже съ мѣсяца какъ на всѣхъ трехъ фаворитовъ дуются: на Орлова—за то, что онъ влюбленъ въ Зиновьеву и хочетъ на ней жениться; на Завадовскаго—за участіе, которое онъ принималъ въ отставкѣ Пикте, такъ какъ въ ней уже раскаяваются съ тѣхъ поръ какъ послѣдній получилъ мѣсто во Франціи. Говорятъ даже, что и Воронцовъ не получилъ ленты за то же самое. На Потемкина тоже дулись за что-то, но теперь онъ вынырнулъ, въ большой чести, и ждетъ какихъ-то необыкновенныхъ милостей въ скоромъ времени; этотъ человекъ обладаетъ большимъ умомъ—тѣмъ тонкимъ умомъ, который даетъ успѣхъ при дворѣ. Ты знаешь, что онъ родился въ бѣдности и самъ предсказалъ свою судьбу прямо, объявивъ Императрицѣ, что если захочетъ быть любимымъ ею то достигнетъ своей цѣли; онъ не ошибся, какъ видимъ. Эти слова мнѣ передавала Зиновьева, слышавшая ихъ отъ самого Потемкина, еще ранѣе его фавора, въ кружкѣ Строгонова, Бяратинскихъ, Загряжскихъ и проч., къ которому онъ тогда принадлежалъ и изъ котораго былъ даже исключенъ за злость и сварливость.

Дѣла Брюля повидимому налаживаютъ. Великій князь, отъ имени Императрицы, предложилъ ему жениться на Левшиной (Lofchin), или Алымовой (Alimof), съ правомъ отказаться, что онъ и сдѣлалъ по отношенію къ первой, въ чемъ я его вполне оправдываю. Левшина не умна, безхарактерна и, должно быть, надѣла Императрицѣ, которая желаетъ отъ нея отдѣлаться, что, въ сущности, дѣлаетъ отказъ отъ нея затруднительнымъ. Алымова—нѣчто совсѣмъ иное; да она и нравится Брюлю. Великій князь и великая княгиня, при которой она состоитъ, съ большимъ интересомъ отно-

сятся въ ея замужеству. Переходя на русскую службу, Брюль сохраняетъ чинъ генераль-лейтенанта, а потому можетъ сдѣлаться гофмаршаломъ великокняжескаго двора, что ему уже обѣщано когда уйдетъ Салтыковъ, получающій мѣсто генераль-губернатора. Все это говорилъ мнѣ самъ Брюль, и я ему этого желаю.

Прекрасно провелъ вечеръ у Зиновьевой, гдѣ были Бемеры и Фрейлина, графиня Ефимовская, много говорившая со мною о непостоянствѣ французовъ и о моихъ личныхъ привязанностяхъ.

Вторникъ, 31.—Къ брату.

Вотъ уже годъ какъ я въ Петербургѣ, мой другъ, и мы съ тобою больше года уже не видались. Не думалъ я, что мое отсутствіе такъ долго протянется и не знаю, когда наступитъ ему конецъ. Пожалуй что и скоро, въ виду моего здѣсь положенія, но я этого боюсь, такъ какъ ты знаешь, что меня связываетъ съ Петербургомъ.

Ѣздилъ къ Остерману поговорить о моемъ дѣлѣ; принялъ онъ меня хорошо, но изъ за множества гостей говорить мнѣ не удалось. Затѣмъ я написалъ еи. Орлову и вернулся ужинать въ посольство. Тутъ тоже оказалось много гостей. Гр. Брюль говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ; они идутъ не совсѣмъ такъ, какъ ему хочется: Великій Князь желаетъ кончить ихъ поскорѣе, а Алымова не приняла предложенія. Эта дѣвица видитъ въ замужествѣ только желаніе отдалить ее отъ Ихъ Высочества. Она плачетъ при всякомъ упоминаніи о свободѣ; Великій Князь весьма милостиво сообщилъ объ этомъ Брюлю, хотя самъ очень сердится. Брюль просилъ содѣйствія г-жъ Ляфонъ—онѣ обѣщали постараться.

Годъ 1777.

Пятница, 3 Января.—Къ брату.

Вчера у насъ было торжественное собраніе массоновъ, въ память несчастнаго Бахмана, который принадлежалъ къ числу членовъ. Ложа была затянута чернымъ сукномъ, какъ полагается по смерти мастера. Подъ звуки печальной музыки, гробъ съ куклой, изображающей покой-

наго, былъ перенесенъ въ другую комнату и поставленъ въ разукрашенную могилу. Церемонія довольно красивая, но зачѣмъ она? Я бы предпочелъ что-нибудь иное, но со сборомъ денегъ въ пользу сиротъ покойнаго, которые находятся въ крайней бѣдности. Но здѣсь форма всегда преобладаетъ надъ сущностью, здѣсь любятъ казаться, а не думать о существенномъ.

Суббота, 4.—Къ брату.

Сегодня канунъ Рождества по старому стилю: въ русскихъ семьяхъ этотъ день празднуется играми. Я явился къ Спиридовымъ съ коротенькимъ визитомъ, но они задержали меня ради этихъ игръ, такъ что я у нихъ и ужиналъ. Несмотря на опалу, адмиралъ и его жена, добрые люди стариннаго покроя, приняли меня очень хорошо, что мнѣ доставило большое удовольствие.

Воскресенье, 5.—Къ брату.

Празднество, о которомъ я тебѣ говорилъ, мой другъ, совершается собственно сегодня. По-русски оно называется праздникомъ цвѣтв *)). Прозвѣдивъ цѣлый день съ визитами (здѣсь это обязательно, такъ же какъ въ Новый Годъ и на Пасхѣ), я ужиналъ у Щербатовыхъ, гдѣ собрались и Спиридовы съ семьею. Играли въ разныя русскія игры. Сначала собралась вся женская прислуга дома, и самая старая изъ женщинъ обошла всѣхъ присутствующихъ съ блюдомъ, на которое мы клали какой-нибудь предметъ, въ видѣ фанты; затѣмъ всѣ женщины выстроились у стѣны въ рядъ и запѣли по-русски длинную пѣсню, а во время этого пѣнія самое почетное лицо изъ присутствующихъ брало фанты съ блюда, покрытаго салфеткой. При каждомъ фантѣ, старшая пѣвица переставала пѣть и предсказывала судьбу владѣльца этого фанты, согласно смыслу того куплета пѣсни, который только что былъ пропѣтъ. Предсказано было много свадебъ, а мнѣ—большое счастье въ этомъ году. Жен-

щины здѣсь вообще очень любятъ гадать, и на Рождествѣ многія крестьянки ходятъ по домамъ и гадаютъ на картахъ за деньги.

Поигравъ въ разныя игры, въ полѣздѣ у въ Кіевѣ, въ guéte à la g o m a i e (?) и проч. мы сѣли ужинать, причѣмъ стали загадывать загадки. Щербатовъ спросилъ меня: что такое, будучи прибавлено къ тяжелому грузу, дѣлаетъ его легче?.. Оказалось — колеса кареты, которыя облегчаютъ ея движеніе. Мнѣ такъ понравилась эта загадка, что я общалъ изложить ее въ стихахъ. Разошлись мы въ полночь, и я былъ очень доволенъ днемъ.

Понедѣльникъ, 6.—Къ брату.

Обѣдалъ у Голицыныхъ, а послѣ обѣда былъ у Бильо. Она много говорила о моемъ дѣлѣ. Талезинъ (Talésin) рассказывалъ ей, что по уходѣ моемъ отъ гр. Панина, послѣдній сказалъ: «Маркизь Жюнье ведетъ себя какъ дуракъ; онъ не знаетъ ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей. Если онъ на военной службѣ не велъ себя лучше чѣмъ теперь, въ качествѣ дипломата, то значить совсѣмъ ужъ никуда не годится». Очень печально, мой другъ, что въ публичкѣ уваженіе къ моему патрону видимо падаетъ. Говорятъ, что онъ уходитъ, переводится въ Швецію, но онъ самъ меня увѣрилъ, что это не правда. Задержка съ наймомъ другого дома для посольства подрѣзываетъ эти подозрѣнія и слухи.

Есть слухи и еще болѣе непріятныя—говорять о его связи съ женой Ивана Чернышова. Ты знаешь, что онъ у нихъ чуть не живетъ; я бы тоже считалъ его влюбленнымъ, если бы не зналъ, что онъ неспособенъ къ горячей привязанности. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, нѣкій грекъ Ласкарисъ, состоявшій при Чернышовѣ, и привезшій знаменитый камень для пьедестала статуи Фальконэ, уѣхалъ во Францію. Корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, потерпѣлъ крушеніе. Мѣстная хроника говоритъ, что жена Ивана Чернышова, надѣлавшая долговъ при своемъ отъѣздѣ изъ Парижа, поручила Ласкарису расплатиться съ ними. А Ласкарисъ, будто-бы, ссылается на то,

*) Надо думать, что авторъ перемѣшалъ слова: «Святки» и «цвѣтки». (Прим. пер.).

что всё съчета, инструкціи и деньги потонули при крушеніи. Между тѣмъ всѣхъ долговъ было на 16000 р.; теперь говорить, что ихъ уплатилъ Маркизь. Ты понимаешь, мой другъ, какой эффектъ произведетъ это извѣстіе, если распространится. При всѣмъ извѣстной скупости Маркиза, онъ могъ уплатить эти деньги только изъ суммъ министерства, ссылаясь на то, что сношенія съ графиней Чернышовой полезны для службы. Но вѣдь я писалъ уже тебѣ, что эта женщина совсѣмъ глупа и вполнѣ подчиняется своему мужу, безсовѣстному плуту, который могъ пользоваться ослѣпленіемъ Маркиза не только для того чтобы вытягивать изъ него деньги, но и для того чтобы снабжать его, черезъ свою жену, фальшивыми извѣстіями. А Маркизь, недостаточно тонкій чтобы провести мужа, и недостаточно любезный чтобы подчинить жену, могъ сдѣлаться игрушкой ихъ обоимъ. Дай Богъ, чтобы мои предположенія не оправдались!

Вторникъ, 7.—Къ брату.

Маркизь поручилъ мнѣ сегодня депешу въ Копенгагенъ, и дозволилъ прибавить нѣсколько словъ отъ меня лично къ маркизу де-Вераху, чѣмъ я и воспользовался, написавъ ихъ въ самомъ дружескомъ тонѣ. Я описалъ ему мою здѣшнюю жизнь, удовольствія, которыми пользуюсь, семьи, съ которыми знакомъ празднества, и проч. и проч. Между прочимъ, я воспользовался случаемъ похвалить Императрицу и ея любезность въ частной жизни, рассказать, какъ эта Государыня проводитъ время въ тѣсномъ кружкѣ, играя въ тѣ же игры, въ которыя играютъ и всѣ ея подданныя. Въ этомъ году, впрочемъ, при Дворѣ игра не было, а вмѣсто того танцевали. Причина, по которой я писалъ все это де-Вераху, состоитъ въ томъ, что здѣсь вѣдь всѣ письма распечатываются и экстрактъ изъ нихъ—особенно все то, что говорится объ Императрицѣ—ежедневно посылается Ея Величеству. Мнѣ совѣтовали даже нарочно описать мою исторію, въ письмѣ въ Парижъ. Я это и сдѣлалъ, но только не послалъ письма, думая что въ то время никого нельзя было этимъ обмануть. А вотъ теперь я вос-

пользовался подходящимъ случаемъ. Посмотримъ что выйдетъ. Я, признаться, не люблю такихъ кривыхъ путей: если руль когда-нибудь окажется въ моихъ рукахъ, то я, столько же по гордости сколько и по свойственной мнѣ прямотѣ, никогда не буду пользоваться такими мизерными средствами, которыя доказываютъ только слабость и недостатокъ изобрѣтательности. Не правда ли—и ты такъ же думаешь?

Продолжаютъ говорить о будущемъ возвышеніи Потемкина, которое скоро должно объявиться. Орловы падаютъ. Гр. Алексѣй уѣхалъ въ Москву, и уѣхалъ недовольный. Нѣкоторые говорятъ, что свадьба вн. Григорія съ его двоюродной сестрой, Зиновьевой, скоро состоится и что молодые тотчасъ же потихоньку уѣдутъ. Подозрѣваютъ, что Императрица смотритъ на эту свадьбу сквозь пальцы, для того, чтобы сдѣлать Орлова ненавистнымъ народу, такъ какъ женитьба на двоюродныхъ здѣсь не въ обычаѣ и считается преступленіемъ. Она давно уже ищетъ случая отмстить Григорію Орлову за дурное съ ней обращеніе. Онъ часто бивалъ ее, и Пиктэ, бывшій свидѣлемъ ихъ интимной жизни, говоритъ, что Екатерина жаловалась ему на Орлова и плакала. Мнѣ говорили, что имущество семьи Орловыхъ принадлежитъ, собственно говоря, коронѣ, и что монархъ можетъ отнять у нихъ это имущество.

Новый годъ долженъ принести много новыхъ назначеній, между прочимъ, посланниковъ въ Неаполь, Туринъ, Португалію и проч. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ стоитъ здѣсь отъ семисотъ до семисотъ пятидесяти тысячъ рублей, помимо секретныхъ расходовъ.

Бреланъ-де-ля Бреландьеръ, этотъ кропатель плохихъ стиховъ, сосланъ въ Сибирь, такъ какъ участвовалъ въ поддѣлкѣ банковыхъ билетовъ.

Среда, 8.—Къ брату.

Видѣлъ Фальконэ-сына, только что пріѣхавшаго изъ Франціи. Это закоренѣлый англomanъ, что меня предрасположило въ его пользу, а для него это нелишнее, такъ какъ, по вѣншиности, его можно принять за слабоумнаго. Многіе такъ къ нему и относятся, но я не вѣ-

рю. Онъ привезъ изъ Парижа новую пьесу, надѣлавшую тамъ шума: Le Beau d'esprit. Это комедія въ пяти актахъ и въ прозѣ, представляющая собой сатиру на m-me Жофрэнъ и энциклопедистовъ. Приписываютъ ее многимъ, но настоящій авторъ кажется неизвѣстенъ. Единственный ея экземпляръ находится у великаго князя. Прочту когда достану.

Четвергъ, 9.—Къ брату.

О моемъ дѣлѣ—никакихъ слуховъ, милый другъ! Маркизь въ него уже больше не вѣрится, что и не удивительно, такъ какъ у него своихъ хлопотъ много.

Провелъ вечеръ и ужиналъ у Спиридовыхъ, гдѣ было много гостей, играли во всевозможныя игры и танцевали, но я отъ танцевъ отказался, изъ приличія.

Молодая Спиридова, которой я сказалъ, что по той же причинѣ не буду завтра въ маскарадѣ, замѣтила, по поводу моей исторіи: «И по дѣломъ вамъ! Но я васъ хоть и браню, а все-таки жалѣю». Мнѣ ужасно нравится наивность этой молодой особы. Ей пятнадцать лѣтъ; глаза у нея черные и вѣжныя, видъ простодушный и свѣжестъ здоровой юности. Была тамъ и моя Шарлотта за ужиномъ, я хотѣлъ сѣсть рядомъ съ нею, но Спиридова насъ разлучила, посадивъ около себя. По глазамъ было видно, что Шарлоттѣ это не понравилось. Ужинъ прошелъ довольно весело, но меня опечалило извѣстіе, что молодая княжна Щербатова, кузина Спиридовой, страдаетъ падучей болѣзью. Ужасно будетъ, если она не вылѣчится, ей всего восемнадцать лѣтъ, и притомъ она считается одною изъ красивѣйшихъ дѣвушекъ въ Петербургѣ.

Пятница, 10.—Къ брату.

Я не говорилъ тебѣ о вчерашнемъ засѣданіи Академіи Наукъ, по поводу полувекового юбилея ея существованія. Король Прусскій состоитъ въ числѣ ея членовъ и отъ него было получено приѣздѣ, въ которомъ сказано, что въ борьбѣ его оправдывается глубокимъ его

почтеніемъ къ Академіи. Празднованіе юбилея было отложено въ виду отсутствія директора, Домашнева, который былъ посланъ въ Берлинъ для сообщенія о женитбѣ великаго князя. Онъ вернулся лишь недавно и, говорятъ, самъ хлопоталъ о томъ, чтобы празднованіе было отложено, для того, чтобы самому на немъ предсѣдательствовать. Это порусски, мой другъ. Выбрали нѣсколько французскихъ ученыхъ, какъ на примѣръ: Бюффона, Добантона, Вольмонъ-де-Бамара, Сто-де-Ляфона и проч.

Ты помнишь, мой другъ, барона д'Юбена, шведа, пріѣхавшаго сюда съ поздравленіемъ по поводу свадьбы. Говорятъ, онъ—внукъ лакея, но теперь—кавалеръ Польскаго ордена Станислава и обладаетъ претензіями, свойственными не особенно умному человѣку. Впрочемъ, добрый малый, танцоръ, пѣвецъ и воловита. Смѣшныя стороны его характера очень потѣшаютъ здѣшнихъ насмѣшниковъ, не упускающихъ случая покуражиться надъ иностранцами, которыхъ ненавидятъ и которымъ завидуютъ. Недавно, праздность, завела нашего ухаживателя къ одной русской актрисѣ, притомъ—безъ приглашенія: она ему понравилась, онъ и рѣшился дѣйствовать наскокомъ. Но это не удалось, нимфа надѣлала шума, сосѣдъ прибѣжалъ къ ней на помощь. Тогда баронъ попробовалъ ее умилюстить предложивъ свои часы, красавица бросила ему ихъ въ лицо, и бѣдный рыцарь принужденъ былъ ретироваться съ расцарапанной физиономіей. Исторія быстро разошлась по городу, надъ барономъ смѣются, а онъ считаетъ долгомъ, изъ политики, рассказывать ее всѣмъ женщинамъ, отрицая, однако, свое въ ней участіе. Отъ этого онъ, конечно, становится еще смѣшнѣе, но не унываетъ—поетъ и танцуетъ всюду, гдѣ бы ни появился. Говорятъ, онъ скоро ѣдетъ.

Говорятъ о новыхъ назначеніяхъ въ посольства. Какъ хотѣлось бы мнѣ, чтобы Разумовскій попалъ куда-нибудь!

Суббота, 14.—Къ брату.

Сегодня—последній день русскаго года, мой другъ; вечеромъ родственники дѣлаютъ другъ другу подарки. Я ѣздилъ по лавкамъ и дѣлалъ закупки, потому

что, какъ ты можешь себѣ представить, желаю чтобы у Бемеровъ на меня смотрѣли какъ на родного. Я у нихъ ужиналъ, въ полночь мы все перецѣловались и я роздалъ свои приношенія.

Вообще я больше влюбленъ и больше счастливъ чѣмъ когда-либо и страшно боюсь какъ бы обстоятельства не измѣнили моего положенія. Маркизъ ведетъ себя такъ мягко со всѣми и такъ дурно по отношенію ко мнѣ, что я могу сдѣлаться несчастной жертвой, хотя и оплакиваемой даже русскими, сочувствіе которыхъ не мало меня утѣшаетъ. Вотъ что значитъ, мой другъ, имѣть дѣло съ дюжиннымъ и нерѣшительнымъ человѣкомъ.

Воскресенье, 12.—Къ брату.

Вотъ и Новый Годъ прошелъ, а меня ко двору не пригласили, что очень обидно; я ожидалъ что къ этому дню запретъ будетъ снятъ.

Узналъ новость, доставившую мнѣ большое удовольствіе: гр. Андрей Разумовскій назначенъ русскимъ посланникомъ въ Неаполь. Онъ давно желалъ перейти на дипломатическую карьеру, а опала только усилила его желаніе путешествовать. Еще хорошо, что опала не помѣшала ему получить такое назначеніе. Императрица выказала много такта и милосердія избирая такого подходящаго къ дѣлу человѣка, потому что немногіе обладаютъ достоинствами Разумовскаго. Вообще, эта женщина совмѣщаетъ въ себѣ тактичность способнаго монарха съ тактичностью, свойственной ей полу. Между прочимъ, говорятъ, что Потемкинъ много содѣйствовалъ этому назначенію,

Принцъ де-Шимэ, который всѣмъ здѣсь нравится, не исключая Императрицы и Великаго Князя, сталъ предметомъ зависти для иностранныхъ посланниковъ. Говорятъ, что онъ будетъ назначенъ на мѣсто Маркиза, котораго отзываютъ; но въ этихъ слухахъ нѣтъ ничего правдоподобнаго. Говорятъ, что онъ самъ этого добивается косвенными путями, но я повторяю, что де-Шимэ вполне честный человѣкъ и не способенъ на такую низость.

Понедѣльникъ, 13.—Къ брату.

При дворѣ былъ маскарадъ, и я на немъ не присутствовалъ въ силу запрета. Просилъ Маркиза донести де-Верженну, что, несмотря на опалу двора, я прекрасно принялъ во всѣхъ русскихъ домахъ; дѣйствительно, ко мнѣ все относятся съ дружной и довѣрливой, за что я, конечно, очень благодаренъ.

Передавали мнѣ одну черту характера Императрицы, которою я остался очень доволенъ. Принимала она депутацію изъ Новгорода, въ которомъ вводится новая форма администраціи, и пригласила депутатовъ къ интимному обѣду. Новгородскій губернаторъ, графъ Сиверсъ*), котораго она очень любитъ, узнавъ объ этомъ сказалъ: «Но вѣдь эти господа—не особенно богатые люди». — «Извините, г. губернаторъ, отвѣчала Императрица, они очень богаты усердіемъ». Этотъ прекрасный отвѣтъ вызвалъ слезы на глаза депутатовъ и порадовалъ ихъ больше чѣмъ денежные подарки. Вотъ какъ дѣйствуютъ, мой другъ, способные правители, къ числу которыхъ принадлежитъ Екатерина II.

Вторникъ, 14.—Къ брату.

Собираясь ужинать у Голицинныхъ, но Сперидовы меня задержали, хотя это мнѣ и было неудобно, такъ какъ я намѣревался, при помощи Матюшкиной, покончить свою ссору съ Нелединской. Отложу это на другое время. Спиридова показала намъ опытъ: намочивъ нитку въ кислыхъ щахъ (kislich) съ солью, она сдѣлала ее нервушейся даже послѣ сгорания, — кольцо, привязанное къ этой ниткѣ, не упало, несмотря на то, что нитка была сожжена.

Маркизъ послалъ депешу по моему дѣлу, но она такъ безцвѣтно и неловко составлена, что я сомнѣваюсь въ успѣхѣ; должно быть онъ хочетъ избавиться отъ

*) Яковъ Ефимовичъ. гоштинецъ на русской службѣ. По словамъ Валишевскаго (Autout d'un trone), Екатерина употребляла его „на такія худыя дѣла, подробности которыхъ не желала знать, и на которыя не могла найти ни одного русскаго“. Въ 1792 г. онъ былъ посланъ въ Польшу насиліемъ способствовать второму раздѣлу королевства.

меня, но я желаю этого еще больше чѣмъ онъ.

Нѣтъ никакой выгоды, мой другъ, состоятъ при людяхъ очень ограниченныхъ, особенно когда они не довольствуются ролью добраго человѣка. Къ счастью, де-Шимэ можетъ быть свидѣтелемъ всего, что тутъ происходило. Онъ говоритъ, что у Маркиза есть проекты, которыхъ онъ намъ не сообщаетъ. По правдѣ сказать—меня это беспокоитъ, но не пугаетъ.

У датскаго посланника, Асфельда, былъ сегодня обѣдъ; меня онъ не пригласилъ. Асфельдъ подражаетъ другимъ своимъ коллегамъ. Маркизь не оправдываетъ такой полтички по отношенію ко мнѣ, но я думаю, что онъ зналъ это заранее, что его предупреждали, такъ какъ иначе это было бы невѣжливо по отношенію къ нему. Впрочемъ мой патронъ не отличается дальновидностью, да и не претендуетъ на нее.

Среда, 15.—Къ брату.

Вотъ уже двѣ недѣли, мой другъ, какъ я въ ссорѣ съ Нелединской по поводу самыхъ невинныхъ шутокъ моихъ надъ нею и ея пасынкомъ, который особенно снабжалъ пишей мое остроуміе. Нелединская заговорила со мной такимъ тономъ, котораго я не потерплю даже отъ женщины. Я тотчасъ же ушелъ, но на другой день написалъ ей письмо, въ которомъ сказалъ, что если мои отношенія ко двору заставляютъ ее не желать меня видѣть, то я подчиняюся ея рѣшенію, не признавая, однакожъ, за собою никакихъ провинностей по отношенію къ ней лично. Къ этому я добавилъ, что не осмѣлюсь явиться иначе какъ по особому приглашенію. Отвѣта не послѣдовало и я у Нелединской не былъ. Сегодня мы встрѣтились за ужиномъ, у Головиныхъ, и отнесли другъ къ другу вѣжливо, но холодно.

Четвергъ, 16.—Къ брату.

Продолжаю беспокоиться по поводу моего дѣла, особенно въ виду отношенія къ нему Маркиза. Несмотря на то, что всѣ непріятности обрушились на меня

только потому, что я слѣдовалъ его инструкціямъ, онъ не считаетъ этого дѣла своимъ, а всегда называетъ его дѣломъ шевалье де-Корберона. Это просто возмутительно! Ты знаешь, мой другъ, до какой степени сердце этого человѣка неспособно къ нѣжнымъ чувствованіямъ: справедливо говорится, что у скупыхъ душа бываетъ сухая и черствая. А у него нѣтъ даже любви къ порядку и справедливости, такъ какъ иначе онъ высказалъ-бы истину въ моемъ дѣлѣ и тѣмъ оправдалъ меня. Это нечто иное какъ слабый, глупый, нерѣшительный, человѣкъ, который навсегда останется дюжиннымъ. Еще разъ повторяю — тяжело подчиняться такимъ машинамъ. Де-Верженъ — думалъ сдѣлать мнѣ добро, прикомандировавъ къ Маркизу, а между тѣмъ изъ этого выйдетъ, пожалуй, худо, то есть по отношенію къ карьерѣ, такъ какъ философія даетъ мнѣ возможность жить внутренней жизнью совершенно самостоятельно, и я даже не хотѣлъ-бы, подобно Маркизу, сознавать себя прежде всего королевскимъ посланникомъ, а потомъ уже—человѣкомъ. Я, мой другъ, дорожу болѣе послѣднимъ званіемъ, и это предпочтеніе вноситъ, можетъ быть, въ мою жизнь крупную счастья, несмотря на множество непріятностей, которыми мнѣ угрожаетъ излишняя впечатлительность.

Пятница, 17.—Къ брату.

Я говорилъ уже тебѣ, мой другъ, о церемоніи благословенія Невы *), по этому теперь повторять не стану. Надо только замѣтить, что за послѣдніе 18 лѣтъ въ этотъ день ни разу не было такъ тепло какъ теперь. Вообще большихъ морозовъ въ эту зиму не было.

Обѣдалъ у Щербатова, былъ очень грустенъ, что всѣ замѣтили и приписали моему дѣду. Говорили объ этомъ по-русски, но я знаю что въ сочувственномъ ко мнѣ тонѣ. Маркизь — единственный человѣкъ въ Петербургѣ, мнѣніе котораго на этотъ счетъ меня не утѣшаетъ. Кн. Щербатовъ вчера говорилъ о моемъ дѣлѣ съ вице-консуломъ, который отвѣ-

*) Крещенскій парадъ. (Прим. пер.)

чалъ, что сдѣлать все, что могъ. Передавая мнѣ этотъ отвѣтъ, Щербатовъ прибавилъ: «Не можетъ-ли вамъ помочь гр. Иванъ Чернышевъ»? — «Если-бы и могъ, такъ я бы къ нему не обратился!» отвѣчалъ я шопотомъ. — «Вы его знаете»: сказалъ Щербатовъ пожимая мнѣ руку. Онъ его тоже знаетъ, мой другъ, и презираетъ, какъ большая часть порядочныхъ русскихъ. Я разсказалъ объ этомъ де-Шимэ и хотѣлъ разсказать Маркизу, но принцъ меня отговорилъ. «Не слѣдуетъ, сказалъ онъ, бесполезно обострять свои отношенія съ такими людьми. Онъ не избавится отъ своего ослѣпленія, а вамъ это можетъ повредить».

Ты видишь, мой другъ, до чего меня довели; но за меня разумъ, здравый смыслъ, принцъ де-Шимэ, мои друзья, и даже русскіе. Чего-же мнѣ больше?

Воскресенье, 19.—Къ брату.

Сегодня одинъ человѣкъ принесъ мнѣ добрую вѣсточку о моемъ дѣлѣ. Это—баронъ Мейеръ (Maueg), состоящій на службѣ и большой музыкантъ. Онъ далъ мнѣ понять, что, по отвѣздѣ Робазоми, я получу позволеніе являться ко двору. Не знаю откуда онъ получилъ такія свѣдѣнія, хотя онъ часто бываетъ у кн. Потемкина.

Вечеръ провелъ у Голицинныхъ. Новаго ничего не узналъ, такъ какъ мы занимались только осужденіемъ новой пьесы: *Viveau d'esprit*. Собственно говоря, эта пьеса есть критика на общество кн. Бярятинской. Подозрѣваю, что авторомъ ея былъ Катюльянъ (Catuellan).

Вторникъ, 28.—Къ брату.

Мои отношенія къ двору не измѣнились. Зиновьевой кто-то говорилъ, что отсюда писали Бярятинскому, чтобы онъ потребовалъ отъ французскаго двора моего удаленія, выбравъ такой моментъ когда шансы де-Верженна будутъ падать. Между тѣмъ бар. Майеръ продолжаетъ увѣрять, что дѣло мое кончится благополучно, и скорѣй чѣмъ я думаю. Кн. Потемкинъ будетъ говорить объ этомъ съ императрицею; онъ это обѣщалъ де-Шимэ, о чемъ передавалъ Майеру, который

переходитъ въ русскую службу чтобы состоять при Потемкинѣ.

Молодой господинъ провелъ у меня вечеръ. Мы говорили объ исторіи, и я показалъ мою записку о вторженіи варваровъ въ Европу. Думаю, что онъ хочетъ изложить тоже самое по русски, по крайней мѣрѣ онъ выразилъ такое намѣреніе прочитавъ мою записку, которая очень ему понравилась. Его ожиданія такъ же не исполнились какъ и мои—камеръ-юнкеромъ онъ не назначенъ.

Мнѣ сказали, что сибирскому Нарышкину отрубили голову въ крѣпости (?), но это не правда—онъ въ Москвѣ, куда, по его дѣлу ѣдетъ фельдмаршалъ Голицинъ. Нарышкина, говорятъ, признали сумасшедшимъ и засадили въ монастырь. Разсказываютъ, что Тобольскій губернаторъ Чичеринъ (Sitcherin) совершаетъ такія ужасныя вещи, что его бы слѣдовало казнить, но Императрица не рѣшается на это, сколько по гуманности, столько же изъ за страха. Этотъ страхъ, мой другъ, всегда живетъ въ сердцахъ деспотовъ.

Въ воскресенье, оберъ-гофмаршалу Голицину дана отставка, съ пенсіей въ 4000 р. Генералъ Сиверъ, Новгородскій губернаторъ, получилъ въ подарокъ 20000 р. Это очень хорошій человѣкъ, который, будучи ливонцемъ, заслужилъ уваженіе русскихъ; это большая похвала.

При дворѣ составляется кадрилъ изъ 16 человѣкъ, въ томъ числѣ Бярятинская, Нелединская, Трубецкая, Матюшкина и гг. Понятовскій, ¹⁾ Голицинъ, д'Юбенъ и проч. Но Великій Князь, который не выноситъ Понятовскаго ни Бярятинской, старается помѣшать составленію кадрили. Онъ сказалъ де-Шимэ: «Я очень радъ, что васъ тамъ не будетъ; между нами говоря, все это шуты гороховые» (*polissons*). Со стороны Великаго Князя, мнѣ кажется, глупо и различно было говорить такія вещи иностранцу, котораго онъ знаетъ всего два мѣсяца. Кадрильныя дамы въ бѣшенствѣ, но онѣ не смѣютъ ничего сказать.

¹⁾ Станиславъ, племянникъ короля Польскаго Станислава - Августа.

Въ понедѣльникъ я былъ на репетиціи италянскон оперы, на сюжетъ Метастазіо (Nitelli), сочиненной новымъ капельмейстеромъ, два мѣсяца тому назадъ прѣхавшимъ изъ Неаполя—г-нъ Паззіелло¹⁾. Музыка мнѣ понравилась. Я отправился на репетицію, потому что на придворный спектакль не попаду, но и отсюда долженъ былъ скоро уѣхать, такъ какъ въ театрѣ, неожиданно, прибылъ Великій Князь. Но онъ все-таки знаетъ, что я былъ тамъ; де-Шимэ боится, какъ бы это не произвело дурного впечатлѣнія. А я нисколько не боюсь, и, на ужинѣ у Щербатовой, при Остерманѣ, прямо заявилъ, что былъ на репетиціи и уѣхалъ съ нея по причинѣ прибытія Великаго Князя.

Среда, 29.—Къ брату.

Я еще тебѣ ничего не говорилъ, мой другъ, о Датскомъ посланникѣ, Асфельдѣ, и о слухахъ, которые здѣсь про него ходятъ. Репутація его не лучше чѣмъ другихъ, прочихъ; надъ нимъ всё смѣются. Говорятъ онъ такъ скупъ, что сидитъ съ женой и компаньонкой, при одной сальной свѣчкѣ. Послѣ обѣда, онъ самъ осматриваетъ сколько вина осталось въ бутылкахъ. затыкаетъ ихъ мякишемъ бѣлаго хлѣба и запираетъ у себя въ кабинетѣ. Самъ ходитъ на рынокъ за мясомъ; нигдѣ не бываетъ и жену никуда не пускаетъ, изъ скупости. А между тѣмъ этотъ человѣкъ получаетъ 25000 р. въ годъ. Можешь судить насколько его мозгъ способенъ производить великія идеи.

Императрица сдѣлала прекрасные подарки артистамъ итальянскон оперы: мужчины получили золотыя табакерки, а Бонафини—брилліантовую брошку. Въ тотъ же день, Гриммъ получилъ табакерку съ портретомъ Императрицы, а Домашневъ—5000 р., 1000 р. прибавки къ жалованью. и табакерку въ 2500 рублей.

Ты знаешь, мой другъ, что де-Шимэ, благодаря Лобковичу, не пустили въ театральную ложу, предназначенную для

лицъ дипломатическаго корпуса, а между тѣмъ Понятовскаго приняли. Это не очень пріятно для де-Шимэ, хотя надо замѣтить что Понятовскій играетъ здѣсь роль польскаго посланника, такъ какъ прислалъ благодарить Императрицу за границы. Онъ не представилъ, однакоже, вѣрительныхъ грамотъ, а потому его слѣдовало бы разсматривать только какъ племянника Польскаго Короля. Кромѣ того онъ не въ большихъ ладахъ съ дворомъ, особенно Великокняжескимъ.

Де-Шимэ имѣлъ сегодня большой разговоръ обо мнѣ съ гр. Панинымъ, который совершенно откровенно высказался насчетъ Маркиза. Онъ прекрасно знаетъ, такъ же, какъ Императрица, что именно Маркизъ послалъ Рабазоми въ посольскій домъ прежде чѣмъ я узналъ объ этомъ; что вернувшись домой въ полночь, я уже засталъ его въ своей комнатѣ, и оставилъ ночевать только по приказанію Маркиза. Панинъ прибавилъ также что въ нему, отъ имени Маркиза, приходилъ аббатъ Дефоржъ, который далъ честное слово, что Рабазоми въ посольствѣ нѣтъ, тогда какъ послѣдній былъ тамъ. Вотъ это то честное слово, сказалъ Панинъ, и было причиною того, что де-Корберона наказали вмѣсто его патрона. «Не люблю я этого аббата, замѣтилъ Панинъ, и манеры его, и рѣчи мнѣ нравятся». Но противъ меня существуютъ другія обвиненія. Этимъ лѣтомъ, въ Петербургѣ, какіе то путешествующіе французы надѣлали грязныхъ шалостей; Остерманъ получилъ отъ Императрицы приказаніе просить Маркиза принять противъ нихъ строгія мѣры. Вотъ и меня замѣшали въ эту исторію, хотя ты, мой другъ, видѣлъ изъ моего дневника что я въ это время хворалъ лихорадкой, и никакихъ сношеній съ безобразниками имѣть не могъ.

Четвергъ, 30.—Къ брату.

Боже мой, какъ растутъ сплетни! Какъ онѣ распространяются, усиливаются, видоизмѣняются!

Нормандецъ рассказывалъ сегодня у Бемеровъ, что Императрица читала вчера нешифрованную депешу де-Верженна къ маркизу, въ которой онъ будто бы потѣшается надъ дѣломъ Рабазоми, и проч.

¹⁾ Джиованни Паззіелло восемь лѣтъ прожилъ въ Россіи, гдѣ, между прочимъ, сочинилъ свою знаменитую оперу Севильскій цирюльникъ.

А де-Верженнъ, напротивъ того, въ своей депешѣ, дѣйствительно нешифрованной, одобряетъ благоразумное поведеніе маркиза въ этомъ дѣлѣ и выражаетъ убѣжденіе, что оно не можетъ повредить ему въ глазахъ такой мудрой и просвѣщенной монархини, какова Императрица.

Я всегда думалъ, что дѣло Рабазони не было настоящей причиной моего удаленія отъ двора, а теперь, узнавъ въ какомъ видѣ оно было представлено Императрицѣ, и въ этомъ окончательно убѣдился, и полагаю, что узнать настоящіе мотивы моей опалы. Я тебѣ говорилъ о Пиктѣ, прожившемъ здѣсь около тринадцати лѣтъ. У меня были съ нимъ сношенія, и когда Императрица его выслала, то я не могъ отказать ему въ рекомендательномъ письмѣ къ де-Верженну. Онъ, въ свою очередь, тоже имѣлъ неблагоприятное письменное благодарить меня за пріемъ, оказанный ему министромъ, да и самъ министръ написалъ мнѣ по этому поводу нешифрованное письмо. Все это было прочтено и поставлено мнѣ на счетъ. Ну, конечно, мой другъ, они могли меня упрекать за такую переписку, но если бы я былъ здѣсь посланникомъ, то и тогда старался бы пользоваться своими знакомствами на благо обѣихъ странъ. Таковъ, по моему, главный принципъ политики: посланникъ не долженъ пользоваться своимъ знаніемъ страны, въ которую посланъ, къ ея невыгодѣ, иначе онъ будетъ содѣйствовать не сближенію странъ, а къ усиленію вражды между ними.

Мнѣ приписываютъ еще другіе проступки, въ которыхъ я уже рѣшительно невиновенъ; таковы, напримѣръ, сношенія Сень-Поля и Пюсегюра съ Шампаньоло, у которой я, всего одинъ разъ, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, провелъ четверть часа, да и то противъ воли. Готовъ въ этомъ поклясться чѣмъ угодно, Между тѣмъ, изъ намековъ Нессельроде видно, что именно сношенія съ Шампаньоло являются главнымъ противъ меня обвиненіемъ. Этимъ я, должно быть, обязанъ фальшивому доносу Ивана Чернышова, который, будучи низкимъ, лживымъ и злымъ человѣкомъ, способенъ на все, а меня терпѣть не можетъ.

Пятница, 31.—Къ брату.

Шарлотта говоритъ, что Императрица дается на генерала Бауэра*), за то, что онъ намѣревался перейти на французскую службу, какъ это выяснилось изъ нешифрованного отвѣта де-Верженна маркизу. Посылать такое письмо нешифрованнымъ было, разумѣется, весьма неблагоприятнымъ поступкомъ со стороны версальскихъ канцелярій. Дочь Бауэра, фрейлина, тоже заслужила неблагоприятное Императрицы тѣмъ, что привезла изъ Дармштадта письма къ покойной великой княгинѣ и не заставъ уже ея въ живыхъ, отправила эти письма обратно, вмѣсто того, чтобъ передать ихъ Императрицѣ.

Ты видишь, другъ мой, какъ здѣсь относятся къ свободѣ и чужимъ секретамъ. При такой формѣ правленія это и не удивительно. Бауэры не хотятъ здѣсь оставаться и въ текущемъ году уѣдутъ.

Суббота, 1 февраля.—Къ брату.

Сегодня я обѣдалъ по-русски, въ полномъ смыслѣ этого слова. Это былъ чисто военный обѣдъ у полковника Вяземскаго. Говорили о военномъ сословіи и согласились, что въ Россіи оно не пользуется такимъ уваженіемъ какъ во Франціи. Здѣшніе офицеры не обладаютъ корпоративнымъ духомъ, потому что свободно могутъ переходить изъ одного полка въ другой, что и мѣшаетъ развитію прочныхъ связей.

Молодой Нелединскій, немножко подвыпившій, принялся горячо толковать о политикѣ и морализировать. Жаль, что этотъ молодой человѣкъ начинаетъ кутить. Онъ много читалъ, и голова у него хорошая, но онъ можетъ погибнуть для родины и общества, если будетъ предаваться кутежамъ, даже и въ нихъ внося резонерство.

Дѣло мое не двигается. Спиридова говорить, что де-Шимэ значительно его подвинулъ; не знаю. Кстати о де-Шимэ: графъ Панинъ, разговаривая съ нимъ

*) Дармштадтецъ на русской службѣ; говорить, онъ много содѣйствовалъ побѣдамъ Румянцева.

о Лясси и о вліяніи послѣдняго на маркиза, сказалъ: «Если бы кто-нибудь собрался разрушить Имперію, то не могъ бы лучше приняться за это дѣло». А между тѣмъ не только Лясси былъ оракуломъ для нашего маркиза, но и Нормандецъ—тяжелый Нормандецъ—наслѣдовалъ ему въ этой роли *). Они по два, по три часа нѣсколько разъ въ недѣлю просиживаютъ вмѣстѣ; одинъ только Богъ знаетъ, какую они тамъ политику дѣлаютъ.

Воскресенье и понедѣльникъ, 2 и 3.—
Къ брату.

Толки о моемъ дѣлѣ продолжаются, но какіе толки? Кн. Щербатовъ, напримѣръ, рассказываетъ что я танцевалъ, на придворномъ балу, въ военной формѣ. Да хоть бы и такъ! Что-жъ тутъ необыкновеннаго въ странѣ, гдѣ нетолько всѣ военные танцуютъ въ мундирахъ, но и большинство иностранныхъ посланниковъ не носятъ другого костюма.

Затѣмъ де-Верженнъ отвѣтилъ на вторую депешу по поводу моихъ отношеній ко двору. Онъ ясно и категорически меня оправдываетъ, что даетъ мнѣ возможность не бояться гнѣва моего правительства. Но Комбсъ говоритъ, что для Маркиза такой отвѣтъ не можетъ считаться благоприятнымъ. И онъ правъ: Маркизу отвѣтили на рапортъ, написанный съ цѣлью самооправданія, обвиняющей Императрицу и ея министровъ въ предубѣжденіи. Будетъ ли здѣшній дворъ доволенъ такой постановкой вопроса? не захочетъ ли онъ оправдать свое поведение? Что касается меня, то мнѣ обѣщаютъ скорое окончаніе дѣла въ мою пользу; говорятъ, Императрица обѣщала вернуть меня ко двору когда уѣдетъ Робизоми. По правдѣ сказать—не ожидалъ чтобы мною такъ много занимались. Комбсу писали изъ Риги, что я уѣзжаю.

Вторникъ, 4.—Къ брату.

Наше положеніе здѣсь, мой другъ, съ каждымъ днемъ становится затрудни-

тельнѣе, потому что Маркизь подаетъ поводы къ толкамъ, весьма для него благоприятнымъ, а это падаетъ на всю націю. Его вѣчныя, таинственныя совѣщанія съ бѣднымъ Нормандцемъ, возвеличивающія этого ничтожнаго повѣреннаго въ дѣлахъ (чѣмъ онъ уже хвастается), никого, конечно, не пугаютъ, но они даютъ поводъ смѣяться надъ нами. Маркизь дѣйствуетъ непослѣдовательно и неловко, является игрушкой въ рукахъ Ивана Чернышева и Лобковича, наконецъ стѣсняетъ рѣшительно всѣхъ. А въ домашнихъ дѣлахъ имъ руководить аббатъ Дефоржъ, пользующійся здѣсь дурной славою. Все идетъ къ черту, а Маркизь только радуется. Де-Шимэ видитъ, что дѣло идетъ плохо, и сердится, но это ничему не помогаетъ.

Принцъ де-Шимэ оригинальный человекъ. Если я до сихъ поръ не очертилъ тебѣ его характера, такъ только потому, что это не легко. Не получивъ хорошаго образованія, и не обладая отъ природы, стойкимъ и цѣльнымъ характеромъ, онъ, вѣроятно, выработывалъ различныя убѣжденія, противоположныя наслѣдственнымъ предразсудкамъ и неподходящія къ его положенію, а кончилъ тѣмъ, что ничего стойкаго и послѣдовательнаго не выработалъ—въ его-то годы, когда люди уже перестаютъ мѣняться. Съ одной стороны, онъ очень высоко ставитъ свое происхожденіе, а съ другой, по привычкѣ къ придворной жизни, способенъ унижаться; рѣзкій, въ тѣхъ случаяхъ когда не встрѣчаетъ препятствій своимъ мнѣніямъ, онъ становится мягкимъ, когда не чувствуетъ за собою силы поддержать ихъ, или когда надѣется выиграть промѣнявъ ихъ на чужія. Не обладая большимъ самолюбіемъ и не имѣя опредѣленныхъ цѣлей, онъ постоянно колеблется между крайностями, смотря по вліянію окружающихъ обстоятельствъ. Многообразіе формъ, въ которыхъ онъ, такимъ образомъ, является, заставляетъ предполагать отсутствіе у него и характера и ума; между тѣмъ онъ не глупъ и не фальшивъ, а просто крайній эгоистъ. притомъ слѣпой. Непослѣдовательность и неопредѣленность его поведения заставляетъ иногда предполагать въ немъ отсутствіе сердца и даже честности, а между тѣмъ онъ не жестокъ и не безчестенъ.

*) Нормандецъ, въ это время, завѣдывалъ испанскимъ посольствомъ, за отсутствіемъ Лясси, получающаго отпускъ.

Исключительный эгоизмъ, заставляющій его все относить къ самому себѣ, доводитъ его иногда до ребячества, дѣлаетъ мелочнымъ и смѣшнымъ. Прибавьте къ этому отсутствію душевной твердости, слабость физическую, и вы не удивитесь, что принцъ де-Шимэ то является слишкомъ высокомернымъ, то чрезчуръ скромнымъ; то очень доверчивымъ, то очень замкнутымъ; то подозрительнымъ, то слѣпымъ—веселымъ, печальнымъ, философомъ, мизантропомъ, беззаботнымъ, скупымъ, ищущимъ удовольствій—однимъ словомъ самымъ непоследовательнымъ, самымъ неуравновѣшеннымъ, а потому, безъ сомнѣнія, и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Вторникъ, 25.—Къ брату.

Я тебѣ часто говорилъ, мой другъ, что любовь и дружба утѣшаютъ меня въ несчастіи. Во главѣ моихъ здѣшнихъ друзей стоятъ Бемеры, а за ними слѣдуютъ Шербатовы, Головины и Нелединская. Я только и живу въ ихъ обществѣ, приятно удивленный постоянствомъ русскихъ къ дружбѣ, и съ своей стороны культивируя это постоянство.

Въ четвергъ 6-го я ѣздилъ, со Спиридовыми кататься на саняхъ. Добѣхали мы до Фарфороваго завода, который я уже знаю. Нѣтъ тамъ ничего особенно хорошаго и замѣчательнаго. Фаянсовый заводъ лучше: тамъ есть рисовальная школа, очень хорошо поставленная. Она учреждена для мужицкихъ дѣтей (petits poijiks), которые живутъ въ очень чистенькихъ дортуарахъ, гдѣ у каждого своя постель (?). Рядомъ съ дортуарами находится большой залъ, въ которомъ они ѣдятъ, работаютъ и разыгрываютъ пьесы—благодаря лишенному смысла Бецкому, театральная манія проникла всюду.

Въ воскресенье я обѣдалъ у тѣхъ же Спиридовыхъ, а затѣмъ мы смотрѣли бѣга на саняхъ, устраиваемые на Невѣ, въ Галерной (Galernhof)*). На этихъ бѣ-

гахъ всегда бываетъ много народа и онѣ довольно красивы.

Въ среду, 12-го (по здѣшнему 1-го), захворалъ Гарри. На другой день болѣзнь его усилилась. Я ужиналъ въ этотъ день у Головиныхъ и старая графиня гадала мнѣ на картахъ, причемъ предсказала переѣзъ къ лучшему въ моемъ положеніи. Кромѣ того она объявила что особа, которую я люблю, въ свою очередь нѣжно меня любитъ; что проектамъ нашимъ, на счетъ брака, не суждено сбыться въ близкомъ будущемъ; что я, тѣмъ не менѣе, вполнѣдствіи буду счастливъ; что скоро я узнаю новость, которая меня очень обрадуетъ и удовлетворитъ; что этой радостью я буду обязанъ челоѣку, котораго я мало знаю, но который мною очень интересуется и что, по окончаніи моего дѣла, этотъ челоѣкъ уѣдетъ въ Москву.

Въ воскресенье, 16-го, я ухаживалъ за Гарри, слабость котораго меня очень беспокоила. Зубной врачъ, Дюбрейль, его другъ, видимо началъ отчаяваться, а Комбсъ, по своему обыкновенію, ничего не говорилъ. Вошелъ Маркизъ съ саксонскимъ посланникомъ, барономъ Сакеномъ. Я ихъ встрѣтилъ довольно холодно, особенно послѣдняго, потому что не до нихъ было. Погрѣвшись немножко, Маркизъ сказалъ: «Вы можете поблагодарить барона. Благодаря его дружескимъ стараніямъ, ваше дѣло благополучно кончилось—можете вернуться ко двору». Признаюсь, мой другъ, я не былъ ни удивленъ, ни обрадованъ этой новостью; даже не нашелъ подходящихъ выраженій чтобы поблагодарить Сакена и общалъ сдѣлать это послѣ. Сообщивъ мнѣ, что опала снята черезъ кн. Орлова, поѣтители удалились. А какъ только они вышли, то невозможность сообщить принесенную ими новость бѣдному Гарри, его тяжелое состояніе, ожиданіе дурнаго исхода, до такой степени потрясли меня, что я разразился слезами. Комбсъ сталъ меня уговаривать; актеръ Дюгъ, бывший тутъ же, подумалъ, что мнѣ приказано вернуться во Францію, и всѣ мы повѣсили носы, вмѣсто того чтобы радоваться. Долженъ отдать справедливость Маркизу—въ этомъ случаѣ онъ оказалъ мнѣ услугу не ради блеска, а изъ дружбы.

*) Какъ видно будетъ ниже, слово Galernhof обозначаетъ именно Галерную улицу, или лучше сказать Англійскую набережную, а не Галерную гавань. (Прим. перев.).

На другое утро Гарри стало лучше и у насъ родилась надежда спасти его отъ страшной болѣзни, потому что у него была холера (*cholera morbus*).

Въ среду я долженъ былъ ужинать у Спиридовыхъ, такъ какъ мать и двѣ дочери собирались, на другой день, ѣхать въ Москву. Въ десять часовъ вечера я вернулся посмотрѣть Гарри, обѣщавъ Спиридовымъ пріѣхать завтра обѣдать и проститься съ ними. Новость о моей реабилитаціи при дворѣ уже распространилась по городу; Спиридовы поздравили меня съ такой простотой и наивностью, которая сохранилась только въ провинціи. Я былъ отъ нея въ восторгѣ. Особенно старшая Спиридова, которой, всего 16 лѣтъ, свѣжая какъ роза, наговорила мнѣ любезностей и даже пропѣла въ полголоса: «Какое счастье! Онъ прощенъ! Значитъ всё мы прощены!.. И въ особенности—я», добавила она попомотъ. Ты понимаешь, мой другъ, какое впечатлѣніе должны были произнести эти слова, сказанныя молодой и хорошенькой дѣвушкой потихоньку, на такого шалопака какъ твой братъ! Я былъ тогда шалопаемъ въ душѣ, мой другъ, и сталъ-бы имъ на дѣлѣ, при случаѣ... но... надо же быть нравственнымъ.

Моей реабилитаціи недоставало однакожь официальнаго признанія. Вечеромъ я его получилъ, или, лучше сказать, получилъ Маркизъ, въ формѣ письма отъ Панина, увѣдомлявшаго, что императрица дозволяетъ мнѣ, попрежнему, бывать при дворѣ.

На утро я отправился благодарить Орлова, Панина, Остермана и проч. Благодарность была необходима, но я постарался сократить мою благодарность, потому что, въ сущности, мнѣ только отдали должное. Бемеры дали мнѣ знать, что кн. Орловъ говорилъ обо мнѣ съ генераломъ Бауэромъ, и очень меня хвалилъ за благоразуміе и деликатность. Бауэръ, именно, и посовѣтовалъ ѣхать благодарить его.

Воскресенье, 23, было для меня великимъ днемъ—я вновь появился при дворѣ, хотя ты понимаешь, мой другъ, что это не особенно великая милость. Я туда пріѣхалъ вмѣстѣ съ Маркизомъ, получилъ множество поклоновъ—это

единственные комплименты, которые я допускалъ, такъ какъ всякій разъ когда собирались меня поздравлять, я переставалъ слушать. Вышла императрица, я подѣловалъ ея руку какъ обыкновенно, безъ всякой аффектаціи. Она видимо избѣгала моихъ взглядовъ, для того-ли чтобы меня не сконфузить или для того чтобы самой не сконфузиться. Я потомъ узналъ отъ Сакена, которому много обязанъ въ этомъ дѣлѣ, что въ первый разъ, когда Орловъ заговорилъ обо мнѣ съ императрицей, она молча отвернулась и заговорила съ кѣмъ-то другимъ. Всякій другой, на мѣстѣ Орлова, не сталъ-бы настаивать и даже измѣнилъ-бы, можетъ быть, свое собственное мнѣніе, но князь, напротивъ того, сталъ смотрѣть на нее съ холоднымъ вниманіемъ, и съ той настойчивостью, которую разумъ имѣетъ право употреблять противъ слабости.

Такая твердость заставила императрицу вновь къ нему обратиться, причемъ онъ вернулся къ прежнему разговору и заставилъ ее сказать наконецъ: «Ну, пусть онъ вернется ко двору; теперь все забыто». А между тѣмъ она писала къ Панину, спрашивая, не компрометируетъ-ли ее такая снисходительность. Министръ отвѣчалъ, что напротивъ, эта снисходительность сдѣлаетъ ей честь. Такимъ образомъ, дѣло мое благополучно кончилось *)

Эту черту, въ характерѣ кн. Орлова, тебѣ полезно знать, мой другъ. Онъ откровененъ, прямодушенъ, честенъ и обладаетъ твердой волей. Если-бы онъ обладалъ государственными знаніями, да постоянствомъ, которое необходимо для общественнаго дѣятеля, такъ это былъ-бы великій государственный человѣкъ, онъ спасъ-бы Россію.

Вчера утромъ, мой другъ, въ 9 часовъ, я отправился къ кн. Орлову. Онъ живетъ въ огромномъ домѣ, на Мойкѣ (Москва), гдѣ и я живу. Кабинетъ князя былъ полонъ людьми, ожидающими его выхода. Это былъ настоящій дворъ, о которомъ у насъ, въ европейскихъ странахъ, не имѣютъ понятія. Наши министры и даже принцы крови припи-

*) По этому поводу Нормандецъ сообщалъ испанскому королю, что Маркизъ де-Жюнье получилъ выговоръ отъ своего правительства за дѣло Корберона, и долженъ былъ довольно униженно оправдываться.

мають вполнѣ одѣтые, и относятся къ публикѣ съ уваженіемъ. А здѣсь азіатскіе нравы оставили еще за собою деспотическую небрежность, вслѣдствіе которой высокопоставленные люди обращаются съ публикой довольно нахально. Князь вышелъ къ намъ изъ своей комнаты въ халатѣ, съ растрепанными волосами и съ длинной трубкой во рту. Всѣ стали подходить и раскланиваться. Когда пришла моя очередь, то я сказалъ, что нѣсколько разъ уже заѣзжалъ къ нему, но не заставалъ. Князь не далъ мнѣ договорить, взялъ за руку и сказалъ, что очень радъ былъ исполнить мое желаніе и впередъ проситъ пользоваться его услугами. Затѣмъ онъ сѣлъ въ кресло, велѣлъ парикмахеру дѣлать папильотки, а самъ продолжалъ курить и разговаривать. Со мной онъ, однакожъ, говорилъ не долго. Спросивъ о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, онъ приказалъ показать мнѣ свою картинную галерею. Когда я проходилъ черезъ толпу, всѣ меня привѣтствовали—такую власть надъ людьми имѣеть фаворъ сильнаго человѣка! Осмотрѣвъ картины, среди которыхъ есть хорошія, преимущественно фламандской школы, я вернулся опять къ князю, простился съ нимъ, и ушелъ очень довольный своимъ визитомъ. Орловъ, въ тотъ же вечеръ, уѣхалъ въ Москву. Говорятъ, что онъ уже женатъ на своей кузинѣ, Зиновьевой, и ѣдетъ мириться съ ея родителями.

Ужиналъ у Голицыныхъ, гдѣ Матюшкина рассказала мнѣ въ чемъ состоятъ оскорбленія, нанесенныя Андреемъ Разумовскимъ Нелединской. Ты знаешь, что несмотря на свою связь съ нею, онъ ухаживалъ за всѣми женщинами, даже въ ея присутствіи. Въ день отъѣзда изъ Петербурга, онъ, вмѣстѣ съ Матюшкиной, ужиналъ у Нелединской. За ужиномъ послѣдняя плакала, а онъ ѣлъ за троихъ и требовалъ, чтобы Матюшкина ѣхала провожать его до Екатерингофа, а когда та стала отговариваться, то онъ заявилъ, что побѣдетъ одинъ, что онъ ни въ комъ не нуждается. Бѣдная Нелединская уже сама стала упрашивать Матюшкину ѣхать, чтобы и самой какъ-нибудь за ними увязаться. Наконецъ, выѣхали; Андрей не захотѣлъ въ каретѣ сѣсть рядомъ съ Нелединской, а сѣлъ

противъ Матюшкиной, которая попросила только довести ее до дому. Передъ тѣмъ какъ ей выходить, Разумовскій залился слезами, сталъ цѣловать ея руки и говорить, что только съ нею ему жаль разстаться, только она привязываетъ его къ Петербургу, и проч. Можешь себѣ представить положеніе бѣдной Нелединской! Она его проводила, однако, до Екатерингофа. Признаюсь, я никогда не могъ понять поведенія Андрея въ качествѣ любовника и волокиты: въ первой роли ему не хватаетъ порядочности, а во второй—ловкости. Но его ослѣпляетъ тщеславіе, котораго, я полагаю, служить главнымъ двигателемъ его поступковъ. Надо надѣяться, что годы, а также хорошее сердце, въ которое я не перестаю вѣрить, исправятъ его современемъ и возвратятъ къ естественности.

Пятница, 28.—Къ брату.

Обѣдалъ у Лобковича. Говорили о его замѣстителѣ, Кауницѣ. «Это — фать», сказалъ мнѣ, на ухо, сидѣвшій рядомъ со мной Нессельроде; «онъ будетъ дѣлать всѣ глупости; какія ему прикажутъ». Потомъ я былъ у Бомеровъ, у Остермана, и наконецъ на придворномъ маскарадѣ, гдѣ очень скучалъ.

Понедѣльникъ, 3 марта.—Къ брату.

Давно не видалъ ни Щербатовыхъ, ни Спиридовыхъ, а сегодня обѣдалъ у послѣднихъ. Молодая Спиридова показывала мнѣ свои рисунки, которые очень недурны, если только дѣйствительно она ихъ сама рисовала. Опять мнѣ говорили объ исторіи Брюля и Дугни, объ ихъ проектированной и несостоявшейся свадьбѣ. Спиридова видѣла дядю молодой дѣвушки, который говоритъ, что Брюль приходилъ къ нему и плавался на невозможность въ данную минуту жениться на его племянницѣ, причѣмъ заявилъ, что готовъ сдѣлать для нея все, чего можно ждать отъ него. Не понимаю я этой исторіи.

Вторникъ, 4.—Къ брату.

Сегодня обѣдалъ у Щербатова, съ Архаровымъ, московскимъ полиціймей-

стеромъ. Его прїездъ сюда вызываетъ толки. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ будетъ любовникомъ Императрицы.

Баронъ Строгоновъ, котораго вы намъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, прислали изъ Парижа, расшибъ голову, при паденіи, и умеръ. Это былъ человекъ, по меньшей мѣрѣ, бесполезный.

Пятница, 7.—Къ брату.

Сегодня писалъ къ де-Верженну, мой другъ, въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ говоритъ о моихъ сношеніяхъ съ Рабазоми. Я отвѣчалъ, что такихъ никогда не было.

Былъ на придворномъ маскарадѣ. Масса народу собралась, чтобы посмотреть испанскую кадрилъ изъ двѣнадцати паръ, съ великимъ княземъ и его женой во главѣ. Все было одѣты въ бѣлое и голубое. Ничего особеннаго однакожь; мнѣ этотъ маскарадъ не понравился: стѣсненіе и манерность, царствующія при Дворѣ, отняли у него всю прелесть. Съ полчаса пробыли мы у фрейлины Бауэръ, помѣщеніе которой, по мебелировкѣ, напоминаетъ квартиру уличной дѣвицы—главнымъ образомъ диваны и альковы. Въ половинѣ перваго я уѣхалъ.

Суббота, 12 апрѣля.—Къ брату.

Пишу тебѣ два слова, мой другъ, только для того, чтобъ увѣдомить о нашемъ переѣздѣ въ другой домъ. Завтра мы уже будемъ ночевать на Галерной, гдѣ у меня прекрасная квартира, которую я тебѣ потомъ опишу. Точно также скажу тебѣ тогда, почему молчалъ съ 7 марта, а пока—прощай.

Воскресенье, 13.—Къ брату.

Я тебѣ обѣщалъ сказать, почему не писалъ цѣлыхъ пять недѣль. Сначала помѣшала карнавальная суета, а потомъ—нездоровье. Я простудился, а здѣсь вѣдь все болѣзни происходятъ отъ простуды.

Дѣло въ томъ, что на первой недѣлѣ я катался съ ледяныхъ горъ (partie de glisser) въ Галерной гавани (Galler haven). Это—маленькій городокъ въ 3 верстахъ отъ Петербурга. Мы были на дачѣ Ивана Чернышова,

на дворѣ которой устроены прекрасныя горы (glissoire?). Совершенно новое ощущеніе! Сначала быстрота движенія пугаетъ, а потомъ начинаетъ нравиться. Стоялъ большой морозъ; я былъ въ шубѣ, да еще согрѣлся отъ движенія, а потомъ должно быть и простудился. Дня черезъ два начались боли во всемъ тѣлѣ, съ лихорадкою, а потомъ страшный кашель, который и теперь продолжается. Прощай, мой другъ, ложусь спать впервые на новой квартирѣ.

Понедѣльникъ, 14.—Къ брату.

Прекрасно выспался, но проснувшись подумалъ, что нахожусь въ Англии. Для того, чтобы ты могъ понять какъ это случилось, опишу тебѣ мою келью. Она состоитъ изъ четырехъ комнатъ, изъ коихъ самую большую, въ три окна, я отдалъ Гарри; рядомъ съ нею находится моя спальня, въ одно окно, выходящее на дворъ; передъ спальней—небольшая приемная, изъ которой, черезъ коридорчикъ, заставленный шкафами, я прохожу въ свой кабинетъ. имѣющій два окна на Неву—нашъ домъ стоитъ на Галерной набережной. Такъ вотъ, изъ оконъ кабинета, я вижу почти однихъ только англичанъ, такъ какъ въ нашемъ кварталѣ живутъ преимущественно английскіе купцы.

Пятница, 18.—Къ брату.

На этихъ дняхъ здѣсь окончился оригинальный процессъ: умеръ нѣкій графъ Ефимовскій, вдовецъ, имѣющій двухъ дочерей, изъ коихъ одна замужемъ за гр. Минихомъ, а другая—фрейлина. Все его состояніе перешло, по наслѣдству, къ этимъ дочерямъ. Между тѣмъ, мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ его смерти, одна бывшая его любовница, крестьянка освобожденная дочерью, начала противъ нихъ процессъ, доказывая что была замужемъ за покойнымъ и имѣетъ отъ него законнаго сына. Она выиграла этотъ процессъ и завладѣла состояніемъ Ефимовскаго. Императрица которой дѣлали представленія по этому поводу, ничего не хотеть слышать.

Суббота, 19.—Къ брату.

Повѣдка Гарри рѣшена, мой другъ, и я думаю, что она скоро состоится. Я ска-

заль Маркизу что хочу послать де-Верженну подробную записку о положении Россіи, и что я ему эту записку покажу. «Вы можете мнѣ ее и не показывать, но хорошо сдѣлаете если напишите», отвѣчалъ онъ. Я хочу дать общій очеркъ нравственныхъ и матеріальныхъ ресурсовъ Россійской Имперіи. Недостаточно обладать богатствами да солдатами, нужно еще имѣть государственныхъ людей, нужна національная связь для того чтобы науки, искусства и добродѣтели процвѣтали въ странѣ. Прежде чѣмъ пустить въ ходъ машину, нужно подумать о принципахъ, которые бы ею двигали. Въ центрѣ Имперіи, мой другъ, я вижу Монархиню, женщину, стоящую выше своего пола, но ниже своей репутаціи; а вокругъ нея толпятся слабые, низкопоклонные и лишенные геніальности министры, да рабскій народъ, не обладающій ни энергіей, ни характеромъ. Въ результатъ—великіе проекты и плохіе планы для ихъ выполнения. Заглядывая въ будущее, я вижу Наслѣдника престола, чловѣка слабого, безхарактернаго, лишеннаго той высоты душевной и того жара, которые обуславливаютъ сильную страсть и крупныя таланты. Поверхностный умъ при сильно развитомъ самолюбіи заставитъ его въ качествѣ монарха плохо выбирать людей, точно также какъ и теперь онъ плохо выбираетъ лицъ, облекаемыхъ его довѣріемъ. да изъ кого же ему и выбрать способныхъ, просвѣщенныхъ министровъ? Лѣнивая, необразованная, тщеславная молодежь не общается даъ ему современемъ толковыхъ и надежныхъ подданныхъ. Нѣсколько яркихъ проблесковъ ума, нѣкоторыя поверхностныя знанія въ современномъ русскомъ обществѣ могутъ броситься въ глаза иностранцу, при первомъ взглядѣ на это общество, но при внимательномъ наблюденіи въ немъ нельзя увидѣть ни силы, ни геніальности, ни энергичныхъ и опредѣленныхъ вкусовъ, никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, даже ничего постояннаго и послѣдовательнаго. Это—люди, которые, по словамъ Неселъроде, носятъ прекрасныя манжеты, но не имѣютъ рубашекъ. Если вы будете искать въ наукахъ и художествѣ тѣхъ чертъ, которыхъ недостаетъ имъ въ политической и общественной жизни, то и тамъ ничего не найдете. Ксть у нихъ академіи,

но нѣтъ ученыхъ, есть фабрики, но нѣтъ выдающихся фабрикантовъ. Вотъ что представляетъ собою, мой другъ, эта блестящая, по газетнымъ отзывамъ, нація, если заглянуть въ ея сущность. Она бѣдна цивилизаціей, но богата—конечно богата!—ресурсами: народонаселеніемъ, качествомъ почвы, рудами и проч. Если бы она не старалась казаться старше чѣмъ она есть, если бы не допускала необузданной роскоши, которая погубитъ ее тѣмъ вѣрнѣе что предметовъ этой роскоши она сама не производитъ, то богатство послужило бы ей на пользу; а продолжая какъ начала она неминуемо должна сдѣлаться данницей иностранныхъ государствъ.

Вотъ объ этомъ я и хочу написать де-Верженну, чтобы доказать ему, что не ограничиваюсь наблюденіемъ только тѣхъ лицъ, которыя меня обвужаютъ, а начинаю глубоко понимать страну, съ которой мнѣ придется имѣть дѣло, если обстоятельства поставятъ меня во главѣ посольства.

Понедѣльникъ, 28.—Къ брату.

Сегодня мы были на большомъ торжествѣ во Дворцѣ. Въ ночь съ субботы на Пасхальное воскресенье, въ дворцовой церкви, совершается богослуженіе, а потому въ это Воскресенье выхода не бываетъ. Но за то сегодня мы цѣловали руку Императрицы и Великой Княгини. Эта продолжительная церемонія не испѣлила моей простуды, такъ что я вернулся домой съ сильной голодной болью. Новыхъ назначеній не было, но ихъ ждутъ въ будущую пятницу, въ день рожденія Ея Величества.

Расскажу тебѣ геніальную мысль Бецкаго. Кто-то сожалѣлъ о томъ, что у великой княгини до сихъ норъ нѣтъ дѣтей, и приписывалъ это слишкомъ горячему ея темпераменту, такъ какъ вообще пылія женщины начинаютъ родить лишь тогда, когда похолодѣютъ немножко. Великій Бецкій, самымъ серьезнымъ образомъ, тотчасъ же предложилъ непогрѣшимое средство противъ временнаго бесплодія великокняжеской четы: облить ихъ холодной водою въ самую горячую минуту. Ты примешь это за глупую шутку стараго развратника по

если бы ты зналъ этого человѣка какъ я его знаю, то увидалъ бы, что это одна изъ чертъ его гениальности. И вотъ такой-то человѣкъ стоитъ во главѣ воспитательныхъ учреждений Россіи, завѣдуетъ образованіемъ юношества обоихъ половъ, проводитъ ежедневно два часа въ самомъ близкомъ общеніи съ Императрицей, такъ какъ состоитъ при ней чтецомъ!

Съ часу на часъ ждемъ вскрытія Невы. Запозданіе его причиняетъ большія бѣдствія жителямъ столицы, потому что, несмотря на страшную опасность перехода по льду въ это время, безпрестанно находятся люди, готовые пренебречь этой опасностью во имя вѣры въ Николая Чудотворца, во имя котораго и тонуть безпрестанно. Я спросилъ: почему же не разставить сторожей по берегамъ рѣки, мнѣ отвѣтили, что это средство уже испробовано, но оно только увеличило число несчастій, такъ какъ простой народъ, стараясь обмануть сторожей, переходитъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Меня это не убѣдило; я думаю, что хорошей охраной и штрафами можно спасти очень многихъ отъ гибели. Да наконецъ нельзя ли завести какія-нибудь сѣти для спасенія погибающихъ? Должно быть всѣ эти средства слишкомъ просты и принесутъ только невинную пользу, а мы хотимъ блеска, шума, славы: надо помнить, что мы живемъ въ Россіи и нами править женщина!

Вторникъ, 29.—Къ брату.

Весна вноситъ нѣкоторыя измѣненія въ составъ нашего общества: уѣзжаетъ кн. Лобковичъ, который будетъ замѣненъ Кауницемъ; уѣзжаетъ Сольмсъ, но только въ отпускъ. Ляси вернется только черезъ три недѣли; намъ его очень недостаётъ для ремонта дипломатическаго корпуса. Ты, должно быть, видѣлъ его въ Парижѣ, говорятъ, онъ тамъ былъ хорошо принятъ. Не знаю, говорилъ ли онъ обо мнѣ съ де-Верженномъ, но надѣюсь на это, такъ какъ они были знакомы еще въ Швеции. *) Думаю, что могу узнать отъ него что-нибудь отно-

сительно настроенія министра на мой счетъ.

Говорятъ, Нолькенъ будетъ отозванъ въ іюнь; отъѣздъ его не произведетъ особаго впечатлѣнія, такъ какъ ни онъ, ни жена его никакой роли въ обществѣ не играли, хотя м-мъ Нолькенъ и молодая, и очень хороша. Одинъ русскій, на ужинѣ у Голициныхъ, сравнилъ ее со статуей Пигмалиона, до оживленія.

При Дворѣ новаго ничего нѣтъ. На будущей недѣлѣ Императрица ѣдетъ въ Царское Село, и не будетъ показываться въ публикѣ до іюня, то есть до переезда въ Петергофъ. Слухи о войнѣ продолжаютъ; артиллерію перевозятъ отсюда въ Кіевъ, а изъ Кіева не знаю куда то на берега Чернаго Моря. Думаютъ, что въ концѣ концовъ произойдетъ открытый разрывъ съ турками, чего очень желаетъ Австрійскій Императоръ, но о немъ вамъ лучше знать, такъ какъ онъ теперь въ Парижѣ. *)

Среда, 30.—Къ брату.

Наконецъ, Нева вчера въ 3 часа дня, разошлась. Комендантъ крѣпости, стоящій на томъ берегу, тотчасъ спустилъ шлюпку и отправился донести объ этомъ Императрицѣ. Во все время его переезда съ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, а комендантъ получилъ, говорятъ, тысячу рублей.

Обѣдалъ я, съ принцемъ де-Шимъ, у себя въ кабинетѣ, чтобы любоваться рѣкою. Несчастный принцъ постоянно хвораетъ и вотъ уже пятьдесятъ девять дней какъ не выходитъ на воздухъ. Ему уже надоѣло лѣчиться; собирается ѣхать въ Карлсбадъ, куда его посылаютъ врачи, а оттуда тоже на воды, въ окрестности Неаполя.

Ты знаешь, мой другъ, что я рекомендовалъ ему секретаря, нѣкоего Кюсси де-Маратрѣ, но онъ имъ недоволенъ и съ собою не возьметъ. Маркизь желалъ бы навязать ему Сень-Поля, отъ котораго старается почему то отдѣлаться. Онъ говоритъ мнѣ по поводу разговоровъ относительно связи Сень-Поля съ

*) Гдѣ де-Верженнъ былъ посломъ при Людовикѣ XV.

*) Въ 1777 г. Іюль II, подъ именемъ гр. Фалькенштейна, шесть недѣль прожилъ въ Парижѣ.

Шампаняло, но мнѣ кажется, что разговоры эти уже прекратились. Я думаю, что маркиз просто не любилъ Сень-Поля за его лѣнь, неаккуратность и черзчуръ свободныя манеры. Надѣюсь, что онъ не возьметъ себѣ другого секретаря, если прогнать Сень-Поля—скудость тому помѣшаетъ.

Воскресенье, 1 июня.—Къ брату.

Вотъ уже мѣсяцъ какъ я тебѣ ничего не писалъ, мой другъ, и ты можешь упрекать меня въ лѣности; но если бы ты зналъ, сколько, за этотъ мѣсяцъ, совершилось интересныхъ происшествій, какъ мало у меня оставалось времени на размышленіе, и въ какомъ возбужденномъ состояніи я находился, то ты бы меня извинилъ. Я тебѣ расскажу все по порядку, и тогда ты увидишь насколько я виновата.

Въ пятницу, 2-го мая по нашему стилю, или 21 апр. по старому, при Дворѣ было празднество по поводу рожденія Императрицы. Ей исполнилось 48 лѣтъ. Приложившись къ ея рукѣ, мы, согласно этикету, отправились поздравлять великаго князя. Я ушелъ изъ Дворца однимъ изъ первыхъ, и поѣхалъ къ Бемерамъ. Мы съ моей милой Шарлоттой покойно разговаривали, когда вошла старшая ея сестра, Каролина, и съ испуганнымъ видомъ сообщила, что согласно письму, которое она держала въ рукахъ, старикъ Бемеръ захворалъ во Дворцѣ. Это меня удивило, такъ какъ я самъ видѣлъ какъ онъ тамъ читалъ газету, сидя у камина, въ ожиданіи выхода Императрицы. Вся семья, конечно, перепугалась. Но испугъ и горе несчастныхъ женщинъ еще болѣе усилились, когда отца семьи привезли въ каретѣ, поддерживаемого солдатами. Сначала всѣ сочли его мертвымъ, но я, выбѣжавъ на дворъ, тотчасъ же убѣдился, что онъ живъ, а только пораженъ апоплексическимъ ударомъ, заставившимъ его упасть въ одной изъ залъ Дворца. Мы перенесли несчастнаго старика въ его спальню. Онъ вообще былъ очень тяжелъ, толстъ и апоплексическій ударъ угрожалъ ему уже давно. Но моментъ его перенесенія былъ прямо ужасенъ; я никогда не видывалъ такой тяжелой,

трогательной сцены: четыре женщины, въ страшномъ горѣ, съ плачемъ и рыданіями бѣгали по комнатамъ до тѣхъ поръ пока больной не былъ уложенъ на кровать, когда всѣ столпились вокругъ него, стараясь такъ или иначе уменьшить его страданія.

Бѣда, однакожъ, оказалась далеко не такъ велика: старикъ могъ говорить и сохранилъ свои умственные способности. Приѣхалъ Хюттель, а я, будучи: приглашенъ на торжественный обѣдъ къ вице-канцлеру, долженъ былъ уѣхать, такъ какъ уже пробило два часа. Въ четыре я опять вернулся къ моимъ друзьямъ: старику пустили кровь, онъ чувствовалъ себя лучше и сидѣлъ въ креслахъ, только правая рука оказалась парализованной, но онъ уже нѣсколько времени передъ тѣмъ чувствовалъ въ ней тяжесть.

На другой день, у бѣднаго Бемера, ударъ повторился, и даже съ эпилептическими явленіями. Съ этого дня положеніе его стало серьезнымъ; надежда на полное поправленіе исчезла, и все заставляло опасаться смерти или чего-нибудь еще хуже. Періоды кажущагося улучшенія дѣлали положеніе бѣдныхъ женщинъ еще болѣе печальнымъ, возбуждая въ нихъ безплодную надежду. Вечеромъ, въ понедѣльникъ, однакоже, онъ убѣдился, что дѣло непоправимо. Я просидѣлъ съ ними до часу ночи. Всѣ четыре были въ страшномъ горѣ. Предполагая, что больной не переживетъ ночи, и боясь тяжелаго вліянія послѣднихъ его минутъ на семью, я пошелъ къ Хюттелю и пробылъ у него до трехъ часовъ, безпрестанно посылая къ Бемерамъ справляться о положеніи больного. Такъ какъ все пока обстояло сравнительно благополучно, то въ 3 часа я уѣхалъ домой, гдѣ до 6 часовъ писалъ, а потомъ заснулъ на софѣ. Проснувшись черезъ полчаса, я опять отправился къ Бемерамъ и засталъ ихъ въ надеждѣ на улучшеніе. Несмотря на страшную слабость, онъ не хотѣлъ прилечь. Только въ среду, въ 7 часовъ вечера, эта трагедія кончилась, какъ я и ожидалъ, смертью старика Бемера. Я сдѣлалъ, что могъ, чтобы помѣшать имъ быть свидѣтельницами этой смерти, такъ какъ для больного это было не нужно—онъ долго до того потерялъ сознание.

Похоронили Бемера въ субботу, и я не съ тѣмъ, чтобы ее видѣть, а, чтобы присутствовать при отпѣваніи въ протестантской церкви на Невскомъ проспектѣ. Покойному было 54 года; вся семья жила его трудомъ—Бемеры не богаты. Онъ получалъ въ Берлинѣ 6000 германскихъ эку за свой трудъ, испытанную честность и рѣдкое знаніе дѣла. Императрица пригласила его работать надъ своимъ кодексомъ, и онъ пріѣхалъ въ Россію только послѣ вопіющей несправедливости, испытанной въ Берлинѣ. Здѣсь онъ былъ вице-президентомъ юстицъ-коллегіи и получалъ двѣ съ чѣмъ-то тысячи рублей. Смерть его лишила семью всякаго дохода, да еще остались кое-какіе долги. Я, вмѣстѣ съ другими друзьями, помогъ имъ устроить дѣла: составилъ просьбу къ Императрицѣ и проч. Ея Величество приняла просьбу очень милостиво, но до сихъ поръ ничего еще для семьи Бемеровъ не сдѣлала, такъ что я начинаю за нихъ бояться. Здѣсь вѣдь немного дѣлаютъ изъ чистой гуманности по требованію сердца, а все больше изъ-за тщеславія.

Связь Нелединской съ Репнинымъ кончилась. Нелединская промѣняла князя на Льва Разумовскаго, брата Андрея, и хорошо сдѣлала, такъ какъ первому сорому съ чѣмъ-то лѣтъ, а послѣднему—двадцать. Никакихъ колебаній быть не могло.

Отъѣздъ Гарри задержался изъ-за противнаго вѣтра. Онъ уѣхалъ отсюда въ Кронштадтъ еще 22 мая. Принцъ де-Шимэ—самый необыкновенный человекъ—сначала влюбился въ моего лакея и хотѣлъ завести такого же, а при отъѣздѣ Гарри горько жаловался на то, что онъ избаловалъ всю прислугу. Этотъ бѣдный принцъ совѣтъ не имѣетъ характера, всѣми недоволенъ и претендуетъ на какую то особенную философію, которою не обладаетъ. Онъ очень любить роль опекуна молоденькихъ актрисъ, которую игралъ въ Парижѣ и хотѣлъ играть здѣсь, но безъ успѣха. Есть у насъ одна актриса, нѣкая Мишлэ, съ которою Левъ Разумовскій былъ въ связи. Какъ только узналъ объ этомъ де-Шимэ, такъ написалъ ей письмо, предлагая свои услуги и прося это письмо сжечь; а она отослала его къ Разумовскому. Затѣмъ де-Шимэ отправился къ Мишлэ самъ, но

только поговорить съ горничной, которую засыпалъ вопросами. Вообще онъ даетъ много пиши сплетнямъ въ этомъ городѣ, гдѣ иностранцевъ не падаютъ; уѣдетъ онъ отсюда пробывъ слишкомъ долго для того, чтобы оставить по себѣ хорошія воспоминанія. Я узналъ, что онъ долго выпрашивалъ себѣ Мангеймскую ленту, которую носить, и даже поссорился изъ-за этого съ женой, упрекавшей его за мелкое тщеславіе. А между тѣмъ онъ дѣлаетъ видъ, что не придастъ ордену никакого значенія, и принявъ его лишь потому, что не могъ отказать.

Графъ Лясси уже пятнадцать дней какъ пріѣхалъ, но онъ не привезъ мнѣ ни одного письма отъ моей семьи, хотя отецъ и обѣщалъ прислать съ нимъ многое.

На этихъ дняхъ мнѣ показывали портреты, писанные однимъ русскимъ, Мятлевымъ (Miatolef). Недурно для русскаго. Этотъ Мятлевъ не глупый молодой человекъ. Мнѣ говорили, что онъ фальшивъ, и этому можно повѣрить судя по его поступку съ ген. Мелисино, котораго Мятлевъ старался поссорить съ Кошелевымъ, лучшимъ его другомъ, потому только, что приревновалъ, такъ сказать, Мелисино къ послѣднему. Кошелевъ, между прочимъ, очень хорошо себя велъ въ этой исторіи и выказалъ прямоту характера, которая внушила мнѣ уваженіе къ нему.

Князь Потемкинъ собирается учредить въ Петербургѣ и другихъ городахъ школы для солдатскихъ дѣтей (сe g r s des cadets), подготовляющія образованныхъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ такъ не достаетъ русской арміи. Это очень хорошая мысль, такъ какъ русскіе солдаты не умѣютъ ни читать, ни писать. Осуществить ее поручено генералу Мелисино и я постараюсь добыть у него письменное сея изложеніе. Точно тоже хотѣлъ устроить и для казаковъ. Я хочу собрать всѣ постаговленія Екатерины II.

Въ іюнь сюда пріѣдетъ, на четырнадцать дней, Шведскій король, и будетъ называться графомъ Готландскимъ.

Съ недѣлю тому назадъ къ намъ пріѣхалъ нѣкій шевадье де-Тейссоньеръ, человекъ очень достойный, рекомендован-

ный Г. Г. де-Кастри, *) де-Бретейлемъ и другими, которые объ немъ хорошо отзываются. Этотъ человекъ, капитанъ въ отставкѣ, въ 1774 г. путешествуетъ пѣшкомъ. Онъ прошелъ всю Германію, намѣревается обойти сѣверъ, а затѣмъ вернется во Францію и вновь поступить на службу. **) Былъ онъ и въ Америкѣ. Онъ не глупъ и хорошій наблюдатель, какъ кажется. Мнѣ очень нравится отвѣтъ, который былъ имъ данъ одному прусскому офицеру. Присутствуя на парадѣ прусскихъ войскъ, онъ на всѣ вопросы объ ихъ эволюціяхъ отвѣчалъ: «Очень хорошо!» Одинъ офицеръ, подѣхавъ къ нему верхомъ (Тейссоньеръ стоялъ въ толпѣ), насмѣшливо спросилъ: «Такъ вы, сударь, находите, что наши полки маршируютъ хорошо?»—«Да, очень хорошо»—«не такъ, какъ вы маршировали при Россбахѣ?»—«Да, не такъ, потому, что мы тогда маршировали такъ же, какъ вы, при Франкфуртѣ-на-Одерѣ.» Этимъ отвѣтомъ разговоръ покончился.

Кн. Лобковичъ уѣхалъ. Ждемъ гр. Кауница, который долженъ его замѣстить. Гаррисъ (Harris) *) тоже долженъ скоро прѣхать; говорятъ, онъ очень милый человекъ.

У маркиза опять началась лихорадка. Въ Петербургѣ вообще много больныхъ и особенно скарлатиной.

Въ среду, 28-го, я очень боялся за Гарри, такъ какъ въ 10 часовъ вечера разразилась сильная буря, съ громомъ и молніей. Не знаю, въ какомъ мѣстѣ моря находится теперь мой камердинеръ; не знаю даже въ какой день онъ выѣхалъ изъ Кронштадта. Впрочемъ, одинъ прѣзжій изъ этого города сообщилъ мнѣ вчера, что тамъ урагана не было.

*) Губернаторъ Фландрій, впоследствии маршалъ.

**) Онъ остался въ Россіи, при Потемкинѣ и оказалъ большія услуги Франціи.

*) Джемъ впоследствии графъ Мальмборга. Былъ посланъ въ Россію пять лѣтъ. Страшный интриганъ, не разбиравшій средствъ, чтобы достигнуть цѣли—заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Екатериной II, въ чемъ не успѣлъ. Корберонъ былъ самымъ яркимъ его противникомъ. Впоследствии оба они упрекали другъ друга въ неразборчивости по отношенію къ средствамъ б рѣбы, уасти взглядовъ и пр. ч. Въ сороковыхъ годахъ XIX ст. вышелъ въ свѣтъ его «Дневникъ».

Понедѣльникъ, 2.—Къ брату.

Предстоящее прибытіе Шведскаго короля производитъ впечатлѣніе. Говорятъ, къ нему назначили двухъ камергеровъ, и проч. А между тѣмъ онъ путешествуетъ пикогнито. Императрица не очень довольна его визитомъ, такъ какъ это влечетъ за собою расходы, а наша старушка становится скуповата.

Вчера пришелъ въ Петербургъ голландскій, трехмачтовый корабль. Такъ какъ онъ является сюда впервые, то салатовалъ Адмиралтейству четырьмя выстрѣлами; ему отвѣчали тремя, а онъ потомъ отблагодарилъ еще однимъ.

Говорятъ о свадьбѣ княжны Трубецкой съ молодымъ ливонцемъ, графомъ Менгденомъ (Mingden).

Ужиналъ у Щербатовыхъ, говорили о морскихъ приготовленіяхъ въ Кронштадтѣ. Одни думаютъ что это дѣлается въ честь прѣзда Шведскаго короля, а другіе—что флотъ будетъ отправленъ въ Архипелагъ.

Вторникъ, 3.—Къ брату.

Бѣдили гулять на Каменный островъ—очаровательное мѣстечко, принадлежащее великому князю. Онъ тамъ выстроилъ, въ лѣсу, большой танцевальный залъ съ нѣсколькими другими комнатами. Залъ этотъ съ большимъ вкусомъ убранъ пальмовыми деревьями, разставленными вдоль стѣнъ въ разныхъ кадкахъ. По концамъ зала—четыре маленькихъ камина, съ зеркалами. Вообще все очень красиво. Проведя тамъ время очень приятно, мы вернулись, вечеромъ, на шлюпкѣ такъ же какъ и прѣехали.

Среда, 4.—Къ брату.

Я говорилъ тебѣ о семи военныхъ корабляхъ, приготовляемыхъ къ плаванію; ихъ будетъ всего шестнадцать, да четыре фрегата, да гильоты съ бомбами. Но это все ничего не значитъ—дѣло идетъ о простыхъ эволюціяхъ, какъ въ прошломъ году.

Спектакли наши отложены, не знаю, что изъ нихъ выйдетъ. Нелединская нездорова, я ее вчера видѣлъ. Она меня

упрекаетъ за то, что я постоянно бываю у Бемеровъ, но вѣдь это мнѣ не мѣшаетъ посѣщать и моихъ русскихъ друзей. Обѣдалъ у Спиридовыхъ, они завтра выѣзжаютъ на дачу.

Бѣдная Протасова, фрейлина императрицы *), сошла съ ума. Во всякомъ случаѣ она страдаетъ меланхоліей. Нѣкоторые думаютъ, что это отъ любви къ Орлову и ревности къ Зиновьевой, на которой онъ женился.

Четвергъ, 5.—Къ брату.

Обѣдалъ сегодня вдвоемъ съ маркизомъ. Здоровье его плохо и силы не возвращаются. Послѣ обѣда былъ у Панина, у Ивана Чернышева и у баронессы Нолькенъ, которая, недавно, во второй разъ выкинула. Затѣмъ я ѣздилъ гулять въ Екатерингофъ и ужиналъ у Голицыныхъ. Матюшкина была очень мила и красива; я сидѣлъ рядомъ съ ною и мы много говорили. Она дала мнѣ понять, что можетъ быть выйдетъ замужъ, но продолжаетъ любить Мальтища и другого любовника себѣ не возьметъ. Они уже давно любятъ другъ друга; Матюшкина отказала многимъ женихамъ по этому поводу и думала даже оставаться въ дѣвцахъ до тѣхъ поръ пока ее не отдадутъ за Мальтища. Родители, однакожъ, запретили ей и думать о немъ; поэтому она хочетъ выйти замужъ, для того чтобы потомъ жить съ Мальтищемъ.

Понедѣльникъ, 9.—Къ брату.

Маркизь серьезно боленъ. Не успѣвъ избавиться отъ лихорадки, онъ вышелъ слишкомъ рано, схватилъ колики, ему пустили кровь, но лихорадка вернулась и если она продолжится, то можетъ выйти плохо. Къ счастью, его лечитъ превосходный докторъ, англичанинъ Роджерсонъ, врачъ императрицы. Въ городѣ говорятъ что у маркиза гангрена въ желудкѣ; это одна изъ сплетенъ, которыми такъ богатъ Петербургъ.

Вернувшись, отъ Бемеровъ домой я засталъ у себя Комбса. Онъ мнѣ разсказалъ очень забавную исторію, кото-

рая можетъ показаться невозможной для тѣхъ, кто не знаетъ этой страны. Я не говорилъ тебѣ что въ тотъ день, когда мы ѣздили на Каменный островъ, императрица обѣдала на Невскихъ островахъ (îles de Negoski), у Потемкина, въ палаткѣ, устроенной по казачьи. Этотъ фаворитъ, который теперь сильнѣе чѣмъ когда-либо и играетъ роль, подобную той, которую играла Помпадуръ въ концѣ своей жизни, представилъ Ея Величеству нѣкоего Зорича (Zoritz), гусарскаго майора, котораго сдѣлали подполковникомъ и инспекторомъ легкой кавалеріи. Этотъ новый фаворитъ обѣдалъ тутъ-же. Говорятъ, онъ получилъ 1800 душъ крестьянъ за свой первый опытъ! Послѣ обѣда Потемкинъ, стоя на колѣняхъ, пилъ за здоровье императрицы. Послѣ обѣда она, въ болѣе веселомъ расположеніи духа (говорятъ, что старушка подвыпила) отправилась на Фарфоровый заводъ. А тамъ, въ это время, въ одной изъ мастерскихъ былъ новоприбывшій французъ, который не успѣлъ еще представить императрицѣ своихъ рабочихъ и потому спрятался отъ нея въ какую-то комнату, изъ которой, сквозь раскрывшую дверь, видѣлъ Ея Величество и слышалъ слѣдующій разговоръ. Какой-то князь, судя по описанію—Репнинъ, взявъ неуспѣвшій еще затвордѣть сосудъ, сплющилъ его въ рукахъ, чтобы сдѣлать отверстіе овальнымъ, поднесъ къ императрицѣ, въ присутствіи фрейлинъ и спросилъ: «на что это похоже»? Императрица сейчасъ-же отвѣтила: «на три вещи: на ночной горшокъ, на колпакъ и на 24.99.330.30.50.11.60.30 *). Затѣмъ повернувшись она прибавила потише но все же довольно внятно: 76.60.300.81.68.66.95.99». Французскій рабочій, отдѣливавшій сосудъ, взявъ его обратно и спросилъ какъ съ нимъ поступить. «Какъ прикажете, Ваше Величество?» спросилъ тотъ-же князь. «Ну—отвѣчала императрица—разъ онъ сдѣлалъ 300.30.5.11.60.30, то остается только сдѣлать 300.30.18.64.81». Всѣ расхохотались, но, конечно, не привели этого въ исполненіе. Французъ, слышав-

*) Первая камеристка и доверенное лицо Екатерины II. Ей была поручена надзоръ за дѣвнцей Алексѣевой, дочерью императрицы и Григорія Орлова.

*) Издатель «Дневника» приводит слова императрицы въ цифрахъ, какъ написалъ ихъ и Корберонъ (прим. перев.).

шій разговоръ, передалъ его Комбсу, а Комбсъ—мнѣ. Не знаю посовѣтоваль-ли ему Комбсъ держать языкъ за зубами, но желаю чтобы такъ было, а то вѣдь немудрено и въ Сибирь прогуляться. Я тебѣ рассказываю эту исторію по секрету, въ своемъ дневникѣ, который ты прочтешь только вмѣстѣ со мною.

Четвергъ, 12.—Къ брату.

Сегодня былъ у меня баронъ Гейкингъ. Онъ поступилъ на русскую службу, майоромъ 1 Кирасирскаго полка. Этимъ путемъ онъ думаетъ вознаграждать себя за лишеніе старосты въ Курляндіи. Онъ хочетъ, между прочимъ, заняться торговлей и удовлетворить свою любознательность путешествіями. Если это не удастся, то онъ выпроситъ себѣ назначеніе каноникомъ въ Германіи, гдѣ и будетъ жить на покой, развиваясь и работая для своего образованія. Проектъ очень похвальный; я его одобрилъ. Затѣмъ я прочелъ Гейкингу нѣкоторыя мѣста изъ моего дневника, которыя такъ ему понравились, что онъ самъ теперь хочетъ писать дневникъ. Уѣзжая въ свой полкъ, онъ обѣщавъ сообщить мнѣ замѣтки о Польшѣ. Гейкингъ не глупъ, многое знаетъ и я очень буду радъ вступить съ нимъ въ сношенія.

Шведскаго короля ждутъ сегодня или завтра.

Пятница, 13.—Къ брату.

Маркизъ продолжаетъ хворать. По вечерамъ у него лихорадка, хотя и не очень сильная, но все-таки изнурительная. Онъ худѣетъ и блѣднѣетъ.

Шведскій король прислалъ курьера увѣдомить, что противный вѣтеръ задерживаетъ его прибытіе.

Обѣдалъ у Бемеровъ и встрѣтилъ тамъ итальянца, маркиза Кавалькадо, который былъ русскимъ повѣреннымъ на Мальтѣ. Этотъ сорокалѣтній человекъ кажется очень порядочнымъ и разумнымъ. Какъ и у всѣхъ итальянцевъ, у него страсть къ картинамъ; онъ даже сюда привезъ одну, не съ собою, такъ какъ не хотѣлъ подвергать ее риску морскаго путешествія, а сухимъ путемъ. Одинъ купецъ давалъ ему за нее тысячу дукатовъ, а

король прусскій—даже 2.000 германскихъ пистолей, то есть 40.000 франковъ, а Кавалькадо все-таки не продалъ. Ни климата, ни общества, ни женщинъ Мальты онъ не хвалитъ.

Суббота, 14.—Къ брату.

Утро прошло у меня съ пользой, мой другъ, такъ какъ мнѣ выпалъ случай оказать услугу хорошему человѣку и я, можетъ быть, успѣю въ этомъ.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ моего пребыванія въ Парижѣ, меня осаждали просьбами лица, имѣющія какія нибудь дѣла въ Россіи. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я поручилъ работу обѣихъ дѣлахъ нашему консулу, Лессенсу. Консулъ, весьма глупый человекъ, ничего по нимъ не сдѣлалъ, и я, послѣ многихъ безплодныхъ хлопотъ, въ виду плохой репутаціи французовъ, долженъ былъ оставить эти дѣла безъ всякаго движенія. Случай привелъ ко мнѣ одного актера, нѣкоего Добекура. У этого Добекура есть старый процессъ съ Демарэ, котораго я знаю за негодяя; онъ даже бѣжалъ отсюда, будучи подозрѣваемъ въ поддѣлкѣ таможенной печати. Между тѣмъ Добекуръ—другъ Перро, и принесъ мнѣ письмо отъ него. Я выслушалъ его дѣло, вполне справедливое, и обѣщавъ помочь.

Между прочимъ, Добекуръ рассказалъ мнѣ о жестокостяхъ и гадостяхъ, совершаемыхъ директоромъ театра, Елагинымъ, который, съ прирожденной глупостью и злостью, соединяетъ слѣпое отвращеніе къ французамъ, проявляющееся всякаго рода несправедливостями, что и служить помѣхой къ улучшенію здѣшней, никуда негодной, французской труппы. Этотъ Елагинъ не имѣетъ никакого понятія о дѣлѣ, а между тѣмъ во все вмѣшивается. Императрица ясно видитъ его неспособность и хотѣла дать ему другое мѣсто, но онъ упросилъ Ея Величество оставить его директоромъ театра, такъ какъ очень любить это дѣло. Удивительно, мой другъ, до какой степени Императрица подчиняется капризамъ этого человека! Былъ здѣсь французскій актеръ, Дельпи, прекрасно игравшій лакеевъ и очень нравившійся Государынѣ. Елагинъ, не испросивъ ея разрѣшенія, прогоняетъ этого

актера; мѣсяца два спустя, Императрица справляется объ немъ и остается очень недовольна самоуправствомъ Елагина, а все-таки не рѣшается смѣнить его, да и никогда не рѣшится. Я подозреваю, что довѣрие къ нему опирается на 14. 24. 11. 200. 300. 66. 68. 66. 38. 24. 80. 66.

Обѣдать у Бильо, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ, но должно быть придется побывать у нее еще разъ по тому же дѣлу. Состоить оно вотъ въ чемъ: есть здѣсь французъ Готье, очень хороший человекъ, перенесшій много бѣдствій, и между прочимъ пожаръ трактира, который онъ держалъ на Каменномъ Островѣ. Этотъ Готье собирался вернуться во Францію, чтобы занять мѣсто метрдотеля при аббатѣ де-Бурбона, но Бильо помѣшала, обѣщавъ устроить его здѣсь. И дѣйствительно, она успѣла собрать въ его пользу, между русскими, пятьсотъ рублей. Теперь она поручила мнѣ вытянуть сколько-нибудь у Маркиза; но ты знаешь, мой другъ, что это дѣло не легкое. Я попробовалъ взяться за де-Шима, съ которымъ все можно сдѣлать подстрекая его тщеславіе. Онъ просилъ сказать ему когда придетъ Готье; изъ этого я заключаю, что онъ что-нибудь сдѣлаетъ.

Г-жа Рибась больна, вслѣдствіе трудныхъ родовъ. А иные говорятъ, что у нея была жестокая сцена съ братомъ, по поводу ихъ матери. Эту исторію приходится начать издалека.

Происхожденіе г-жи Рибась всѣмъ здѣсь извѣстно, хотя одни думаютъ, что она дочь Бецкаго, другіе—что она его любовница, и это послѣднее вѣроятнѣе. Хотя легко можетъ быть, что она имѣетъ право на оба эти почетные титула: въ Россіи все возможно, и Бецкій не лучше другихъ. Фактъ тотъ, что отцомъ г-жи Рибась слыветъ казакъ, женившійся на бѣдной французенкѣ, дочерью которой и является Анастасія, которая сама уже теперь не молода. Два года спустя послѣ свадьбы чета ея родителей поступила на службу къ Бецкому, отецъ—конюхомъ, а мать—служанкой. Анастасія родилась и воспитывалась въ его домѣ. Воспитаніе ей было дано не соответствующее положенію. Закончилось оно въ Парижѣ, подъ руководствомъ м-ель Клэронъ, причемъ воспитанница набралась рѣзкаго,

рѣшительнаго, даже рыночнаго тона, который многими считается доказательствомъ ума, а мнѣ всегда казался очень дурнымъ. По возвращеніи въ Россію Бецкій помѣстилъ ее камеристкой къ Ея Величеству, гдѣ она пользовалась такимъ довѣріемъ, какое только можетъ быть оказано горничной. Бецкій, замѣнившій ей отца, и которому она, по словамъ многихъ, замѣняла нѣчто другое чѣмъ дочь, очень за нею ухаживалъ уже въ виду того, что черезъ нее можно было вліять на Императрицу. Сама Настя предпочитала слыть незаконной дочерью незаконнаго сына, и отказывалась отъ родства съ бѣднымъ конюхомъ и его женой, служанкой. Рибась, смѣсь итальянца, испанца и ирландца, хитрый, фальшивый, самолюбивый, безпринципный и ничѣмъ не стѣсняющійся, сталъ низкопоклонничать передъ Бецкимъ, доставившимъ ему мѣсто въ Кадетскомъ корпусѣ (гдѣ онъ завелъ карточную игру, шпіонство и содомію), и началъ ухаживать за Настей, думая что за ней будетъ много приданнаго. Будучи молодъ и довольно красивъ, онъ безъ особаго труда покорилъ сердце горничной Императрицы, тѣмъ болѣе что они сходились по наклонностямъ, характеру и стремленію обобрать Бецкаго. Но ихъ тщеславіе возмущалось тѣмъ, что мать одной и теща другого состояла на положеніи служанки въ томъ самомъ домѣ, гдѣ они являлись хозяевами. Такъ какъ мужъ матери г-жи Рибась давно умеръ, то рѣшено было удалить эту мать изъ дома, давъ ей небольшую сумму денегъ, не какъ матери, а какъ прислугѣ, прогоняемой за ненужность. Купили ей маленькій деревянный домикъ, и дали триста рублей, за претивъ показываться на глаза. Послѣ этого, г-жа Рибась стала уже открыто говорить, что она—дочь Бецкаго. Выселеніе бѣдной старушки доставило послѣдней много горя, тѣмъ болѣе что ей угрожала нищета, такъ какъ трехсотъ рублей ей не выплатили. Надо замѣтить, что кромѣ Насти у нея было еще два сына, изъ коихъ одинъ служилъ въ таможенѣ и не нуждался, но другой—лакей великаго князя, уволенный по смерти первой его жены—находился въ это время безъ мѣста и жилъ, съ большой семьей, на счетъ матери и брата-таможеннаго. Од-

нажды, когда послѣдній былъ въ гостяхъ у матери, она сообщила ему, что Рибасы не отдають условленныхъ трехсотъ рублей, подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ денегъ. Тогда взбѣшенный братъ бѣжитъ къ Рибасамъ и дѣлаетъ сестрѣ страшную сцену. Вотъ эта-то сцена, вмѣстѣ съ опасеніями упустить Бедаго, въ виду его страсти къ Алышевой, и была причиною болѣзни г-жи Рибасы. Я даже думаю, мой другъ, что вторая причина была главною, такъ какъ грязныя души болѣе страдаютъ отъ нарушенія ихъ матерьяльныхъ расчетовъ чѣмъ отъ сердечныхъ ранъ.

Ты знаешь, мой другъ, что Бильо вообще много болтаетъ; но я этимъ пользуюсь, такъ какъ она хорошо знаетъ дѣшнее общество: отъ нея всегда можно узнать какіе нибудь секреты и меня это забавляетъ. Сегодня утромъ она была у Ивана Чернышова, по дѣлу Готье; князь готовъ хлопотать за него. Но на это есть тайная причина, которую я тебѣ сейчасъ объясню.

Готье пользовался покровительствомъ Великаго Князя, который его, собственно говоря, и водворилъ здѣсь, заставивъ предпочесть содержаніе трактира на Каменномъ Островѣ мѣсту у аббата де-Бурбонъ. Графъ Панинъ понялъ, что отъѣздъ Готье въ Парижъ можетъ повредить репутаціи Великаго Князя, который могъ бы допустить этотъ отъѣздъ благодаря влиянію нѣкоего Бюфура, врага Готье. Рѣшено, поэтому, задержать Готье, для чего Панинъ уговорилъ Репнина предложить ему мѣсто, но Готье отказался. Тогда Иванъ Чернышовъ взялся устроить его судьбу, и на этотъ разъ дѣло будетъ сдѣлано.

Кстати, по поводу Чернышовыхъ. Бильо мнѣ разказала слѣдующую легенду, всѣмъ здѣсь извѣстную: Когда умерла ихъ мать, любимица Императрицы Елизаветы, то она позвала всѣхъ трехъ своихъ сыновей, Петра, Ивана и Захара, разорвала на три части фланелевую кофту, которую долго носила, раздѣлила имъ клочки и сказала: вотъ вамъ самое дорогое отъ меня наслѣдство; я носила эту кофту все то время, когда была въ милости; сохраните ея кусочки. Они принесутъ вамъ счастье. Два переднихъ куска достались, при

этомъ, Ивану и Захару, а задній— Петру. Первые двое действительно были очень счастливы, а Петръ умеръ отъ пьянства.

Воскресенье, 15.—Гь брату.

Сегодня былъ въ Куртоѣ въ лѣтнемъ саду, или лучше сказать въ лѣтнемъ дворцѣ. Императрица пріѣхала изъ Царскаго Села на праздники Измайловскаго полка. Въ этотъ день она носитъ мундиръ полка, обѣдаетъ вмѣстѣ съ офицерами и сама наливаетъ имъ вино.

Послѣ церемоніи цѣлованія руки, и послѣ того, какъ Императрица представили молодого графа Потоцкаго *) и какого то англичанина, имя котораго я позабылъ, она дала отдѣльную аудіенцію новому австрійскому послу, гр. Кауницу, смѣнившему Лобковича. Этотъ нашъ новый коллега молодъ, подвиженъ, малъ ростомъ, но, говорятъ, очень богатъ и любить пожить. Отецъ его, канцлеръ въ Вѣнѣ, далъ ему тридцать тысячъ рублей на обзаведеніе. Говорятъ, онъ очень уменъ.

Изъ дворца я вернулся съ гр. Нессельроде, который обѣдалъ у маркиза. Онъ увѣряетъ, что кн. Бѣлозерскій отзывается изъ Дрездена и больше туда не поѣдетъ, потому что очень задолжалъ и вообще имѣетъ тамъ какія-то грязныя, денежныя дѣла. Нессельроде узналъ это отъ какого-то бригадира.

Маркизъ при Дворцѣ не былъ въ виду своей болѣзни. Онъ спрашивалъ у Комбса, цѣловалъ ли я руку у Императрицы и справлялась ли она о его здоровьѣ. На первый вопросъ Комбсъ отвѣчалъ утвердительно, а на второй отозвался незнаемъ, что очень огорчило Маркиза.

Послѣ обѣда было обычное катанье въ Екатерингофѣ, черезъ который, возвращаясь въ Царское Село, прѣхала и Императрица. Народу было множество.

Король Шведскій, иначе—гр. Готландъ, пріѣхалъ сегодня въ 10 часовъ утра. Галера его стоитъ противъ нашихъ оконъ; въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Самъ Король сошелъ съ нея въ Ораніен-

*) Станислава, впоследствии Министра Народнаго Просвѣщенія и Президента Сената въ Польшѣ.

баумъ и пріѣхалъ оттуда, съ Нолькеномъ, въ каретѣ. Вечеромъ онъ отправился въ Царское Село.

Былъ у гр. Брюля, который, вотъ уже два дня, хвораеть, но теперь ему лучше. Я у него справлялся зачѣмъ сюда пріѣхалъ молодой Потоцкій: оказалось—просить староства въ Польшѣ. Этотъ молодой человекъ довольно красивъ по внѣшности, но, говорятъ, большой фатъ. Да и очень онъ еще молодъ. Проживеть онъ здѣсь недѣль шесть—не знаетъ, очевидно, что въ такое короткое время здѣсь ничего нельзя добиться. Но отецъ выдалъ ему 1600 дукатовъ на эту поѣзду.

Часа два провелъ въ Екатерингофѣ, у бар. Гейкинга. Онъ скоро ѣдетъ въ Варшаву и вернется только зимой. По его словамъ, Деболи *) происходитъ изъ очень хорошей польской фамилии и вообще человекъ весьма порядочный. Обо мнѣ онъ говорилъ, что плохо меня знаетъ, что я, по слухамъ, очень общителенъ, но что по личному опыту онъ этого сказать не можетъ, такъ какъ въ обществѣ товарищей по дипломатическому корпусу и бываю рѣдко. Я понималъ, что это значитъ и побываю у Деболи, который, по словамъ Гейкинга, посвященъ во всѣ здѣшнія интриги. Очень можетъ быть; но ты знаешь какую цѣну я придаю подпольной политикѣ. Я не изъ-за этого къ нему поѣду; я хочу побывать у Деболи, чтобы онъ не думалъ, что я его избѣгаю появляясь въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ онъ не бываетъ, и которыми я самъ не придаю особаго значенія.

Ужиналъ у Голицыныхъ; было много народа. Я хотѣлъ предложить руку княжнѣ Трубецкой и сѣсть за столъ рядомъ съ нею, но гр. Сергѣй Румянцовъ отбилъ у меня ее. Думаю, что его послала тетка княжны, Барятинская, которая не любить, чтобы я говорилъ съ ея племянницей.

Вторникъ, 17.—Къ брату.

Ужиналъ у Щербатовыхъ и узналъ тамъ новую исторію про нашего аббата Дефоржа.

У Щербатовыхъ уже десять или двѣнадцать лѣтъ живетъ аббатъ де-Л'Иль (de l'Isle), очень хорошій человекъ, весьма знающій, прекрасно воспитавшій ихъ дѣтей и служившій капелланомъ (aumonier) у князя Лобковича, пока тотъ былъ здѣсь. Этотъ аббатъ заболѣваетъ; нашъ Дефоржъ, очень любящій исповѣдывать, идетъ къ нему, предлагаетъ свои услуги, ухаживаетъ и проч., а потомъ говоритъ одному изъ друзей де-Л'Иля, что послѣдній очень плохъ, что ему бы надо было привести въ порядокъ свои дѣла, исповѣдоваться, приобщиться, но что едва ли въ Петербургѣ найдется священникъ, которому можно бы было поручить все это, а потому онъ предлагаетъ себя. Другъ де-Л'Иля ничего не отвѣтилъ, но передалъ слова Дефоржа самому больному. На другой день этотъ послѣдній заявляетъ Дефоржу, что самъ знаетъ, къ кому обратиться, что не любить людей, которые набрасываютъ тѣнь на лицъ, имъ мало извѣстныхъ, и что просить Дефоржа впредь его не посѣщать. Несмотря на эту горькую пилюлю, Дефоржъ черезъ день опять является. Тогда больной ему говоритъ: «Должно быть, у васъ очень мало самолюбія, если вы рѣшаетесь приходить туда, откуда васъ только-что попросили удалиться!» А подкладка всей этой исторіи та, что Дефоржу хотѣлось получить наслѣдство отъ де-Л'Иля.

Четвергъ, 19.—Къ брату.

Обѣдалъ у маркиза и рано ушелъ, чтобы сдѣлать визитъ г. Франку (F r a n c), первому секретарю шведскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, который вчера росписался у меня. Былъ также у Панина, котораго засталъ за интимнымъ разговоромъ съ гр. Шуваловымъ, уѣзжающимъ на этихъ дняхъ за границу. Говорятъ, что шведскій король принялъ его въ Царскомъ Селѣ очень хорошо, несмотря на его поведеніе въ Швеции.

Узналъ, что Завадовскій, бывшій второстепеннымъ фаворитомъ Екатерины II, получилъ отъ Ея Величества 50.000 р. одновременно, 5.000 р. пенсія и 4.000 душъ на Украинѣ. Согласись, мой другъ, что ремесло фаворита здѣсь, безвыгоднѣе

*) Польскій резидентъ при Петербургскомъ Дворѣ, впоследствии женившійся на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Голицыной.

но *). Недавно онъ получилъ ленту, и далъ при этомъ понять, что состояніе его слишкомъ недостаточно, чтобы съ честью поддерживать свое положеніе. Намекъ этотъ былъ понятъ. Не понимаю, мой другъ, какимъ образомъ шатула Императрицы выдерживаетъ такіе расходы. Еще недавно Ея Величество дала 30.000 р. новгородскому губернатору Сиверсу на уплату долговъ, да говорятъ, что онъ еще получить столько же.

Вчера въ Царскомъ Селѣ, въ присутствіи шведскаго короля, состоялась свадьба княжны Бѣлозерской съ Салтыковымъ. Завтра или послѣзавтра Алымова выходитъ замужъ за президента Медицинской Коллеги Рѣжновскаго (Rejnoski?).

Шведскій король всѣмъ здѣсь нравится, такъ какъ очень любезенъ. Иногда позволяетъ ему замѣнить королевское величіе привѣтливостью частнаго человѣка. Два дня тому назадъ онъ былъ у Ивана Чернышова вмѣстѣ съ Нолькеномъ, который очень близорукъ. Не разсылавъ какой-то фразы, сказанной княгиней, Нолькенъ попросилъ ее повторить; тогда графъ Готландъ сказалъ шутя: «Король шведскій прислалъ къ вамъ посла, сударыня, который, какъ кажется, и глухъ, и слѣпъ». Шутка монарха всѣмъ очень понравилась и надъ ней много смѣялись. Очень желаю узнать его покороче, мой другъ, потому что людямъ въ его положеніи рѣдко и съ большимъ трудомъ удается быть добрыми. Думаю, что завтра буду ему представленъ.

*) Многіе (Кастери, Гаррисъ, Иабычъ и пр.) считывали, сколько стоятъ Россіи фавориты Императрицы Екатерины, и насчитали около 100.000.000 р. Завадовскій за 18 мѣсяцевъ получалъ 6.000 душъ на Украйнѣ, 2.000—въ Польшѣ, 1.800 въ Россіи, на 80.000 р. драгоценностей, 150.000 р. деньгами, на 30.000 р. посуды и 10.000 пенсін; Зоричъ получалъ землю въ Польшѣ, стоящую 50.000 р., землю въ Ливоніи, стоящую 100.000 р., 500.000 деньгами, на 200.000 р. драгоценностей и командорство въ Польшѣ, дающее 12.000 р. дохода. Все это—въ одинъ годъ. Но что значать эти суммы по сравненію съ тѣмъ, что получили Орловы (17.000.000 р.), Потемкинъ (50.000.000 р.), Ланской (7.200.000 р.) и Зубовы (3.500.000 р.). Въ депешѣ своей отъ 14 іюля 1778 г. Корберонъ исчисляетъ всѣ суммы, издержанныя до того времени на фаворитовъ, въ 48.000.000 р. (Архивъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, АЕ, Россія, т. 101, л. 244).

Пятница, 20.—Къ брату.

Намъ слѣдовало сегодня представляться шведскому королю; онъ вернулся изъ Царскаго Села послѣ обѣда, и пока мы ждали извѣстій, когда ему будетъ угодно насъ принять, онъ самъ, вмѣстѣ съ Нолькеномъ, пріѣхалъ къ маркизу и пробылъ съ четверть часа. Маркизь говоритъ, что король былъ очень любезенъ, заявилъ, что въ качествѣ графа Готланда считалъ долгомъ сдѣлать первый визитъ, а когда ему замѣтили, что это долгъ фиктивный, то онъ отвѣтилъ: «Разъ планъ составленъ, то надо его выполнить, тѣмъ болѣе, что передо мною великій примѣръ, которому я долженъ слѣдовать». Подъ этимъ великимъ примѣромъ онъ подразумѣвалъ, вѣроятно, императора австрійскаго, путешествующаго съ величайшей простотою.

Въ нашемъ домашнемъ обиходѣ безпрестанныя перемѣны. Благодаря скупости маркиза и интригамъ аббата, многіе уже отъ насъ ушли. Послѣдній больше чѣмъ когда-либо оправдываетъ мои дознанія: это лежецъ и грязный интриганъ. Теперь его жертвою сдѣлался Сень-Поль. Это двадцати-двухъ-лѣтній молодой человѣкъ, вполне порядочный, не лишенный ни ума, ни образованія, ни сердца. Ему можно сдѣлать упрекъ только въ лѣни и недостаткѣ характера—порокахъ очень важныхъ, конечно, для его будущей карьеры, но исполнѣ испѣлимыхъ въ его возрастѣ. Я убѣжденъ даже, что Сень-Поль, при своемъ умѣ, порядочности и тѣхъ наклонностяхъ, которыя я въ немъ замѣтилъ, современемъ совсѣмъ исправится и будетъ прекраснымъ человекомъ. А теперь онъ отъ насъ уходитъ благодаря интригамъ аббата, который никогда его не любилъ. Маркизь самъ не знаетъ, за что гонитъ его, а въ сущности только за то, что такъ угодно Дефоржу, забравшему маркиза въ руки. Я боюсь, мой другъ, за послѣдствія такой слабости маркиза; какъ бы ему не пришлось каяться въ томъ, что онъ позволилъ управлять собой Тартюфу, вліяніе котораго опирается на лесть и низкія услуги, оказываемыя чисто изъ выгоды, а не изъ преданности маркизу. Въ разговорахъ съ посторонними лицами аббатъ не щадитъ послѣдняго.

Король шведскій ужиналъ сегодня у Ивана Чернышева; присутствовало десять женщинъ и двадцать мужчинъ. А я ужиналъ у Бемеровъ, вмѣстѣ съ майоромъ Перрѣ. Онъ вышелъ изъ Кадетскаго Корпуса благодаря интригамъ, которыхъ здѣсь больше чѣмъ гдѣ-либо. Я тебѣ расскажу, въ краткихъ словахъ, его исторію.

Въ концѣ 1775 года, Перрѣ, вернувшись изъ Крыма, гдѣ онъ съ честью дрался въ рядахъ русскихъ войскъ, былъ представленъ Рибасомъ Бецкому и получилъ мѣсто майора въ Кадетскомъ Корпусѣ. Спустя годъ, Рибасъ, будучи негодяемъ и боясь Перрѣ, какъ честнаго человѣка, задумалъ отъ него избавиться и успѣлъ склонить къ тому Бецкаго. Затрудненіе состояло только въ томъ, чтобы найти благовидный предлогъ. Предложить Перрѣ выйти въ отставку добровольно, причемъ Бецкій обѣщалъ ему чинъ полковника или значительное вознагражденіе. Перрѣ принялъ эти условія и ждалъ ихъ выполненія, но ему дали понять, что прежде слѣдуетъ подать въ отставку; онъ не согласился, и тогда, несмотря на его качества, на безпорочное поведеніе, былъ, безъ всякой церемоніи, выгнанъ. Ты понимаешь, мой другъ, что помириться съ этимъ онъ не могъ. Онъ подалъ Военному Министру, кн. Потемкину, мемуаръ, въ которомъ, требуя справедливости, рассказываетъ обо всѣхъ темныхъ дѣлахъ Рибаса и прилагаетъ письмо послѣдняго, написанное передъ выпускомъ кадетъ перваго класса. Въ этомъ письмѣ Рибасъ открыто признался, что училъ кадетъ «пускать пыль въ глаза». Письмо это должно произвести неблагоприятное для Рибаса впечатлѣніе, да такъ слѣдуетъ, потому что, за уходомъ Перрѣ, этотъ низкій, грязный, фальшивый игрокъ, развратникъ и мерзавецъ остался единственнымъ майоромъ кадетъ, единственнымъ распорядителемъ ихъ воспитанія. Ты можешь судить, мой другъ, до какой степени это несправедливо. Безобразія, производимыя Рибасомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, извѣстны всѣмъ, и я знаю многихъ лицъ изъ учительскаго персонала, которые не захотѣли тамъ оставаться въ виду этихъ безобразій.

Доброй ночи, мой другъ. Ты удивишься, вѣроятно, прочитавъ то, что мною

написано. Большая разница судить на основаніи слуховъ и быть очевидцемъ. Если вѣрить газетчикамъ, состоящимъ на жалованьи, то можно придти въ восторгъ, а присмотрись поближе и придешь, пожалуй, въ отчаяніе.

Суббота, 21.—Къ брату.

Наше представленіе Шведскому Королю отложено на завтра. Сегодня онъ обѣдаетъ на дачѣ у оберъ-шталмейстера Нарышкина, вмѣстѣ съ Императрицей, Великимъ Княземъ и Великой Княгиней. Ея Величество прекрасно къ нему относится. Недавно она спросила долго ли онъ у нея прогоститъ; «сколько можно дольше и все-таки не такъ долго какъ бы хотѣлъ», отвѣчалъ король. Затѣмъ, послѣ разныхъ любезностей, онъ сказалъ, что останется на три недѣли. «А я думала что вы мнѣ подарите два мѣсяца», сказала Императрица.—«Это невозможно, сказалъ король, и вы сами не похвалили бы меня еслибъ я остался дольше». Въ лицо Императрица всегда называетъ его Вашимъ Величествомъ, но за глаза—графомъ Готландомъ. Король очень мило и весело выдерживаетъ свою роль. Нѣсколько дней тому назадъ, садясь играть въ вистъ съ Императрицей, онъ вынулъ короля. «Вашему Величеству выбирать мѣсто», сказала Императрица «Моему трефовому величеству», отвѣчалъ король смѣясь и показывая свою карту. Эти маленькія шуточки, мой другъ, устраиваютъ невыносимую натянутость, водворяющуюся тамъ, гдѣ сходятся два величества вмѣстѣ. Русскихъ король очаровываетъ своей вѣжливостью, многие думаютъ, что онъ пріѣхалъ сюда не даромъ. Мнѣ рассказывали что недавно, за однимъ интимномъ ужиномъ, когда рѣчь зашла о Шведскомъ Королѣ, то многие говорили: «Онъ пріѣхалъ сюда посмотрѣть, нельзя ли чего-нибудь отнять у насъ. Да и хорошо бы было—мы не были бы въ претензіи, потому что этотъ Государь лучше нашей Императрицы». Правда, эти слова, были ли они сказаны или нѣтъ, принадлежатъ скорѣй ливонцамъ чѣмъ русскимъ, но я передаю тебѣ что слышалъ, и ты самъ знаешь въ какой мѣрѣ можно вѣрить слухамъ. Но тѣмъ не менѣе увѣряютъ, что король пріѣхалъ

сюда не безъ цѣли. Маркизь, подь большимъ секретомъ, сказалъ мнѣ, что король желаетъ сгладить нѣкоторыя недоразумѣнія возникшія между нимъ и Императрицею, но я не вѣрю, чтобъ изъ-за такой ничтожной причины можно было препринимать цѣлыя путешествія. Политическій опытъ маркиза не великъ, мой другъ, а соображенія у него еще меньше; потому то я на его сужденія не особенно и полагаюсь.

Говорятъ, что кн. Орловъ дѣйствительно женатъ. Свадьба состоялась, будто бы, въ прошлый поведѣльникъ, въ деревнѣ. Князь задалъ праздникъ крестьянамъ, угостилъ ихъ, далъ каждому по рублю и сказалъ: «Веселитесь, ребята, сколько можете и все-таки не будете такъ счастливы какъ я: у меня теперь есть княгиня». Способъ, которымъ онъ сообщилъ Императрицѣ о своей женитьбѣ, весьма оригиналенъ и вполне въ его характерѣ. Говорятъ онъ вполне развязно вошелъ въ ея кабинетъ, съ прехорошенькой маленькой собачкой. «Чья такая собачка?» спросила Императрица.—«Моей жены», покойно отвѣчалъ Орловъ. Эта странная манера сообщить Государыцѣ о своей женитьбѣ, вполне соответствуетъ характеру князя, вся жизнь котораго выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Нѣкоторые русскіе осуждаютъ его, но рано или поздно будутъ хвалить, потому что этотъ народъ не имѣетъ твердыхъ и прочныхъ убѣжденій. Дѣлаютъ видъ, что вся нація оскорблена поступкомъ Орлова, и что въ Москву онъ не осмѣлится показаться. Но я этого не думаю. Кромѣ того шведскій король, говорятъ, будетъ просить у Императрицы прощенія супругамъ, она проститъ, а за нею проститъ Синодъ, и новоявленная княгиня Орлова будетъ сдѣлана статсъ-дамой и получить ленту ордена Св. Екатерины.

Я говорилъ тебѣ мой другъ, объ отставкѣ Завадовскаго, получившаго 5000 р. единовременно, 5000 р. пенсін, 4000 душъ, серебряную посуду и 4000 р. на уплату долговъ, а между тѣмъ этотъ идіотъ, говоритъ, рветъ на себѣ волосы съ досады—недоволенъ!

Съ другимъ бывшимъ фаворитомъ, Васильчиковымъ, также хорошо обошлись. Три недѣли тому назадъ, собирались ѣхать за границу, онъ откланялся Императри-

цѣ, которая тотчасъ же написала Панину, чтобы онъ повидался съ Васильчиковымъ и спросилъ, что тотъ желаетъ получить отъ нея въ знакъ дружбы, чинъ или орденъ? Васильчиковъ отвѣчалъ Панину, что поговорить съ Императрицею лично, а она, при новомъ свиданіи, дала ему анненскую ленту и повисила на два чина сразу. Можно ли дѣлать добро другимъ въ боѣе деликатной формѣ? Женщины вообще отличаются такимъ талантомъ, а Екатерина II—въ особенности.

Сомнѣваюсь, чтобы ея сынъ и невѣстка унаслѣдовали отъ нея этотъ рѣдкій талантъ. Говорятъ, великій князь ужасно конфузился передъ шведскимъ королемъ, а жена его, не будучи особенно умной женщиной, постоянно вертится около высокаго гостя и говоритъ ему пошлыя фразы, въ родѣ: какъ вы себя здѣсь чувствуете, графъ? Не вредитъ ли вамъ здѣшній климатъ? и т. п.

Говорилъ ли я тебѣ, что у Императрицы пять новыхъ адъютантовъ: Заричъ, Левашовъ ¹⁾, Уваровъ, кн. Меньшиковъ ²⁾ и Энгельгардъ? ³⁾. Производить въ адъютанта стоитъ не такъ дорого, какъ давать отставку фаворитамъ. Эти отставки, должно быть, не очень нравятся великому князю, который, говорятъ, всегда нуждается въ деньгахъ, такъ какъ мать даетъ ему очень мало.

Воскресенье, 22.—Къ брату.

Наконецъ, сегодня въ четыре часа, графъ Готландъ приметъ насъ навѣрно. Это разстраиваетъ мои планы: я собирался обѣдать и ужинать на дачѣ, у Голицыной, вмѣстѣ со Львомъ Разумовскимъ и Нессельроде. Обѣщалъ постараться. Гр. Левъ поссорился съ де-Шимэ и съ Пелединской. Она навѣрное беременна, благодаря Репнину. Какъ мнѣ эту бѣдную женщину, которая состоитъ на положеніи дѣвицы, такъ какъ мужъ ея... плохъ. Что касается ея здоровья, то послѣ родовъ она окончательно поправится или погибнетъ.

Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда прочелъ де-Шимэ печатное посланіе Лэнге (Lin-

¹⁾ Василий Васильевичъ.

²⁾ Сергій Александровичъ, ввукъ сподвижника Петра I.

³⁾ Левъ, племянникъ Потемкина.

g u e t) въ де-Верженну, очень зло написанное. Де-Шимэ скоро ѣдетъ. Передъ отъѣздомъ онъ обѣщалъ поговорить съ Дефоржемъ о Сентъ-Полѣ. Но слабость маркиза меня положительно возмущаетъ! Расскажу тебѣ еще одну скверную исторію про него.

Въ числѣ нашей прислуги былъ нѣкій Фенэнъ (Féniп), французъ, служившій прежде садовникомъ у Захара Чернышова. Принявъ его тоже на должность садовника, маркизъ требовалъ, чтобы онъ, въ торжественные дни, наряду съ другими служителями, надѣвалъ парадную ливрею. Сначала и вся его служба только въ томъ состояла, но впоследствии, когда мы прогнали одного лакея, онъ исполнялъ обязанности послѣдняго. Когда маркизъ рѣшилъ уволить и его, то Фенэнъ отказался возвратитъ ливрею, ссылаясь на то, что ему не уплачено за манжеты, буikli и шелковые чулки, которые онъ завелъ, не имѣя въ томъ надобности, такъ какъ былъ приглашенъ на должность садовника, а не лакея. Ливрею эту онъ даже передалъ полиціи, какъ залогъ за неуплаченныя ему деньга. А когда маркизъ сталъ настойчиво се требовать, то этотъ Фенэнъ явился къ нему и представилъ письмо, наполненное самой оскорбительной бранью, упреками въ скупости, мелочности и проч. Маркизъ, конечно, разорвалъ это письмо и бросилъ его въ лицо нахалу, приказавъ немедленно убраться вонъ. Фенэнъ прехладнокровно собралъ кусочки письма, положилъ ихъ въ карманъ и пошелъ показывать всѣмъ желающимъ, такъ что я узналъ эту исторію отъ постороннихъ. Ливрею пришлось выкупить отъ полиціи, заплативъ 50 рублей. Такимъ образомъ, за свое скряжничество и мелочность маркизъ заплатилъ, въ данномъ случаѣ, не только деньгами, но и грязной сценой, которая, къ несчастію, стала всѣмъ извѣстна. Вотъ что значить плохо поставить свой домъ, нанимая, изъ-за дешевины, плохихъ людей, которые только шпионять за хозяиномъ и никакой привязанности къ нему имѣть не могутъ. Я не могу упрекать себя въ индифферентизмъ, такъ какъ часто доказывалъ маркизу необходимость относиться къ прислугѣ иначе. А въ чему это послужило?

Ровно въ четыре часа мы съ марки-

зомъ были въ Лѣтнемъ дворцѣ, у графа Готланда, вмѣстѣ со многими другими, представлявшимися его величеству. Онъ отличается благородной и величественной внѣшностью. Послѣ представленія мы осматривали дворецъ и прилегающіе къ нему цвѣтники, которые нашли очаровательными, а затѣмъ вышли въ Лѣтній садъ, въ которомъ набралась большая толпа народа. Графъ Вахмейстеръ, состоящій, въ качествѣ камергера, при особѣ короля, сказалъ мнѣ, что послѣдній спрашивалъ у него вчера, въ какомъ родствѣ я нахожусь съ де-Верженномъ. А маркизъ, по своему обыкновению, опять меня не представилъ. Увы! Онъ неисправимъ. Но я не могу обижаться его неловкостями по отношенію ко мнѣ, такъ какъ онъ неловокъ и во всемъ, что касается его самого.

Представленіе королю измѣнило мои планы на этотъ день. Вернувшись домой въ 7^{1/2} часовъ, я успѣлъ только переодѣться и поѣхалъ къ Спиридовымъ, за 12 верстъ. У нихъ тамъ прехорошенькій деревянный домикъ, съ садикомъ и огородомъ, но къ этой усадьбѣ принадлежитъ большое пространство земли, съ которой они получаютъ около 1.000 р. дохода, тогда какъ, при покупкѣ, вся она стоила 4.000.

Спиридова говоритъ, что Орловъ несомнѣнно женатъ. Двѣ дочери, которыхъ онъ имѣетъ отъ Зиновьевой, теперь узаконены. Надъ Зиновьевой вѣнецъ держалъ ея братъ, а надъ Орловымъ—ординарецъ, простой солдатъ. Рассказъ о собачкѣ не вѣренъ. Спиридова, которая была въ этотъ день дежурною, говоритъ, что Императрица давно знала, что эта собачка принадлежитъ Зиновьевой, а потому ничего объ ней и не спрашивала. Она только рассказала Орлову свой сонъ и спросила его, что онъ видѣлъ во снѣ, а Орловъ отвѣчалъ: «Я видѣлъ, что я женился». Императрица сказала, что не ожидала такого отвѣта. Но вѣрно ли все это, мой другъ? Не могу ручаться, хотя и слышалъ отъ людей, близкихъ къ Императрицѣ.

Говорятъ, что Олсуфьева бѣжала, два дня тому назадъ, со своимъ возлюбленнымъ, камеръ-юнкеромъ, кн. Голицынымъ, взявшимъ заграничный отпускъ. Они двоюродные между собою и потому

но могут обвиняться, но Голицинъ говоритъ, что женится, во что бы то ни стало, а это можно сдѣлать только за границей.

Понедѣльникъ, 23.—Къ брату.

Трудно маркизу поправиться; его мучать послѣдствія лихорадки: боли въ желудкѣ и общее недомоганіе, которое мѣшаетъ выздоровленію. Здоровье де-Шимэ тоже не вполне восстановилось, но онъ все-таки рѣшилъ уѣхать.

Быль у графа Лясси, который принялъ меня очень хорошо. Говорили о де-Вержоннѣ, кредитъ котораго, по словамъ графа, растетъ. Затѣмъ перешли къ пяти новымъ адъютантамъ императрицы. Говорить, что ихъ выбиралъ Потемкинъ, чтобы доставить удовольствіе ея величеству. Вотъ трогательная заботливость!

Заѣзжалъ съ визитомъ къ Зиновьевой, братъ которой тоже адъютантъ, но не засталъ ихъ дома, а встрѣтился съ Леруа, который далъ мнѣ мемуаръ о финансахъ Россіи, написанный кажется Бахманомъ, для графа Герца (Görz *)).

Вторникъ, 24.—Къ брату.

Дѣла становятся интересными, мой другъ: гр. Панинъ выходитъ въ отставку, и говоря съ кѣмъ-то о своихъ безплодныхъ попыткахъ, сказалъ: «Погодите, дѣла не могутъ оставаться въ такомъ положеніи». И дѣйствительно, при дворѣ всѣ недовольны. Великій связь, у котораго нѣтъ денегъ, со злобою смотритъ на безумную щедрость матери къ ея фаворитамъ. Его полкъ готовъ произвести государственный переворотъ, но для того, чтобы задумать и выполнить этотъ переворотъ нуженъ человекъ, обладающій хорошей головою. Одинъ только кн. Репнинъ годился бы на это дѣло—онъ тоже очень недоволенъ. Мы будемъ смотреть на происходящее безъ особеннаго интереса, потому что я недостаточно политикъ, чтобы желать совершенія большихъ преступленій и жить за малыхъ выгодъ.

*) Вслѣдствіи замѣнившій Сольмса въ Петербургѣ.

Среда, 25.—Къ брату.

Мы были правы, мой другъ, опасаясь аббата Дефоржа и его промисловъ: онъ уже успѣлъ добиться изгнанія Сень-Поля. Впрочемъ, это большое счастье для послѣдняго, такъ какъ онъ только терялъ здѣсь время, и ничего-бы не получилъ черезъ маркиза, подозрительность котораго охлаждаетъ и умъ и душу. Сень-Поль надѣется найти мѣсто у де-Ля-Хуза (de-la-Houze *), въ Гамбургѣ, а это постъ очень интересный въ торговомъ отношеніи.

Принцъ де-Шимэ собирается ѣхать на воды, въ Карлсбадъ. Мнѣ кажется, что онъ недоволенъ маркизомъ, такъ какъ говоритъ, что ничего не понимаетъ въ его политикѣ; да это и не удивительно. Поведеніе аббата и довѣріе къ нему маркиза сердитъ де-Шимэ, и не одного его конечно.

Увѣряютъ, что шведскій король, въ сопровожденіи Бецкаго, былъ съ визитомъ у г-жи Рибасъ. Съ трудомъ вѣрю такой странной выходкѣ, но считаю ее возможною. Рибасъ все болѣе и болѣе купается въ грязи. Съ тѣхъ поръ какъ Перре вышелъ изъ кадетскаго корпуса, его всѣми мѣрами стараются очернить. Распространился слухъ, что одинъ изъ учителей видѣлъ его ночью, въ саду корпуса; но этотъ самый учитель, на совѣсть, публично отрекся отъ такого показанія, и подалъ въ отставку. Нѣкій Греа (Grea), правая рука Рибаса, предлагалъ даже этому учителю 600 р. за свидѣтельство противъ Перрэ. Скажи, мой другъ, въ какой еще странѣ можно видѣть подобные ужасы? И этому Рибасу вѣрится воспитаніе молодыхъ дворянъ Россіи! Хорошія надежды на будущее! Если-бы всѣ подвиги этого поганнаго итальянца стали извѣстны императрицѣ, вотъ была-бы буря! Но у низкихъ, грязныхъ негодяевъ есть своя звѣзда.

Вечеромъ, я былъ въ одномъ городскомъ саду, который почему-то называется итальянскимъ (?), хотя въ немъ нѣтъ ни зданій, ни станцій, вообще ничего итальянскаго. Просто

*) Французскій посланникъ въ Саксонію.

нѣсколько аллеекъ, расходящихся лутами, небольшая оранжерейка и цвѣтнички, а на самомъ концѣ—маленькій домикъ, въ которомъ продаются стеклянные вещи, очень плохенькія.

Четвергъ, 26.—Къ брату.

Сегодня праздникъ, мой другъ, и аббатъ Дефоржъ, по обыкновенію, заохотѣлъ служить обѣдню. Назначена она была къ 10¹/₂ часовъ, а начали въ 11. Де-Шимэ, раздосадованный опозданіемъ и продолжительностью богослуженія, ушелъ недождавшись конца, а за обѣдомъ сдѣлалъ довольно рѣзкую сцену аббату. Послѣдній промолчалъ, но онъ это припомнить и отсматить за себя марвизу, который продолжаетъ хворать, что меня во многихъ отношеніяхъ беспокоитъ. Если онъ не поправится, то долженъ будетъ просить отпуска или выйти въ отставку; тогда я остаюсь повѣреннымъ въ дѣлахъ. Но въ такомъ случаѣ я боюсь, что останется и аббатъ, такой любитель писать доносы, сплетничать и интриговать. Кромѣ того принцъ де-Шимэ тоже не хочетъ уѣзжать до выздоровленія маркиза и я думаю, что онъ мѣтитъ на мѣсто посланника. Вотъ будетъ забавный посланникъ!

Графъ Панинъ завтра положительно уѣзжаетъ и не вернется раньше конца осени. Думаю, что онъ неособенно повоенъ. Графу Брюлю, который, не получая никакого назначенія, собирался уѣхать, онъ сказалъ: «Подождите, подождите, дѣла должны измѣниться, они не могутъ такъ идти». Изъ пяти новыхъ адъютантовъ одинъ подаетъ большія надежды; это—Левашовъ, онъ очень уменъ.

Князь Орловъ недавно возилъ свою жену ко двору, но они въ тотъ-же вечеръ вернулись, изъ чего можно заключить, что приняты были плохо.

Въ Петергофъ, ради праздника, было вызвано нѣсколько придворныхъ дамъ: Голицина, Матюшкина, Чернышова, Репнина и проч. Баронесса также получила приглашеніе. Великая княгиня беременна на четвертомъ мѣсяцѣ.

Послѣ обѣда, мы съ Бемерами ѣздили кататься по Царскосельской дорогѣ, въ новоустроенный загородный домъ Импе-

ратрицы, въ 6 верстахъ отъ Петербурга. Онъ построенъ въ древнемъ вкусѣ, съ башнями. Комнаты довольно велики, но замѣчательнаго ничего не представляютъ. Сада еще нѣтъ, а церковь будетъ построена рядомъ; модель ея мы видѣли въ домѣ. Тамъ же висятъ портреты всѣхъ монарховъ Европы, но очень плохіе.

Р. S: графъ Готландъ ужиналъ у Лясси, который пригласилъ также и маркиза. Завтра король долженъ бы обѣдать у насъ, но болѣзнь маркиза этому помѣшаетъ. Я немножко удивленъ что Лясси не пригласилъ меня. Должно быть тутъ есть какая нибудь политическая причина, которой я не знаю.

Пятница, 27.—Къ брату.

Ужиналъ у Бемеровъ, вмѣстѣ съ Нессельроде. Онъ увѣряетъ, что изъ займа въ два милліона экю, сдѣланнаго Швеціей у Голландіи, только 800000 разошлись по странѣ, а остальное забралъ король, на свои надобности.

На довольно веселомъ ужинѣ у гр. Лясси было 35 человекъ. Графъ Готландъ сидѣлъ рядомъ съ женой Ивана Чернышова, а Барятинская—между испанскимъ и австрійскимъ послами. Говорятъ, что первый за нею ухаживаетъ, а я думаю, что это было дѣломъ политическаго расчета съ его стороны.

Суббота, 28.—Къ брату.

Болѣзнь маркиза начинаетъ меня беспокоить. Онъ ужасно ослабъ и похудѣлъ. Роджерсонъ недоволенъ имъ, повидимому, тѣмъ болѣе что къ болѣзни примѣшивается меланхолія; боюсь, чтобы съ ними не было то же, что съ Лясси.

Вечеръ я провелъ съ маркизомъ, чтобы его развлечь, какъ совѣтуетъ докторъ. Говорятъ, что Лясси уже успѣлъ похудѣть и съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ. Здѣшній климатъ ему вреденъ—меланхолю наводитъ. Маркизъ боится какъ бы не пришлось ему подавать въ отставку.

Что касается меня, то я не знаю даже что желать: оставаться ли здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ или искать другого мѣста. Но какъ бы то ни было, мнѣ нужно имѣть 30000 ливровъ жалованья.

Простой секретарь прусскаго посольства, находящійся здѣсь далеко не въ такомъ положеніи какъ я, и вообще очень плохо оплачиваемый, получаетъ до 500 р. въ годъ (?); а когда онъ становится повѣреннымъ въ дѣлахъ, то ему даютъ 100 рублей въ мѣсяць отъ двора, да столько же отъ министерства, что, все вмѣстѣ, составляетъ около 3000 р. въ годъ, да еще безъ всякихъ расходовъ на представительство. Сабатье, *) жившій здѣсь хотя и хорошо но очень скромно, получаетъ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей. Правда, онъ, въ то же время былъ посланникомъ короля въ Люттихъ, такъ что занималъ два мѣста.

Хюттель, съ которымъ мы говорили о его положеніи и жалованьи, будучи секретаремъ посольства, не имѣетъ, однакоже, форменныхъ патентовъ, а назначенъ простымъ письмомъ на имя посланника. Онъ говоритъ, что Прусскій король почти всегда самъ пишетъ депеши, и его посланники при иностранныхъ дворахъ сносятся съ нимъ лично. Нерѣдко, приказавъ шифровать свою депешу, онъ собственноручно дѣлаетъ къ ней открытую приписку, которая важнаею самой депеши. Посланниковъ онъ выбираетъ слѣдующимъ образомъ: приказавъ представить себѣ трехъ кандидатовъ на вакантное мѣсто, онъ дѣлаетъ имъ устный экзаменъ и, выбравъ одного, оставляетъ его жить въ дворецѣ въ продолженіе двухъ недѣль, чтобы хорошенько узнать характеръ избраннаго и его общеніе. Посламъ, возвращающимся съ своихъ постовъ, онъ также дѣлаетъ строгій экзаменъ — спрашиваетъ ихъ о малѣйшихъ подробностяхъ, касающихся политики, причемъ надо держать ухо остро отвѣчать опредѣленно, безъ излишней сухости и не размазывая, потому что король не любитъ ни болтуновъ, ни тупыхъ людей. Мнѣ очень нравится эта манера; согласись, мой другъ, что гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ просвѣщеннымъ монархомъ чѣмъ съ его министрами.

Воскресенье, 29.—Къ брату.

Сегодня я былъ въ Петергофѣ, гдѣ живетъ дворъ. Дорогой останавливался

обѣдать у Спиридовыхъ, въ 12 верстахъ отъ города. Спрашивали почему рѣдко бываю; сослался на болѣзнь маркиза. Въ 4 часа выѣхалъ далѣе, такъ какъ до Петергофа оставалось 18 верстъ. На Куртасѣ было много народа и царствовала скука, хотя танцевали. Шведскій король игралъ въ карты съ Императрицей; на ней была лента ордена Серафимовъ, а на немъ—Андрея Первозваннаго. Графъ Шепферъ (Shepfer) здѣсь преуспѣваетъ, его находятъ очень умнымъ человѣкомъ. Императрица его хвалитъ и говоритъ, что онъ далеко не такъ печаленъ какъ ожидали. Онъ дѣйствительно очень веселъ и любезенъ въ разговорѣ. Показали ему толстую г-жу Талызину, которая была любовницей Панина и осталась его другомъ «Это дѣлаетъ честь старику, сказалъ Шепферъ, у меня, пожалуй, не хватило бы добродѣтели».

Я не хотѣлъ танцевать, потому что былъ въ мундирѣ. Послѣ Куртаса, вмѣстѣ съ однимъ пажомъ и съ морякомъ, вернулся къ Спиридовымъ. Они думаютъ, что въ день отъѣзда Шведскаго короля будетъ устроено морское празднество. Спиридовъ пригласилъ меня, на будущей недѣлѣ, на свой корабль, стоящій въ Кронштадтѣ; тамъ есть интересный пожарный насосъ, стоящій 70000 рублей и всякій разъ, при дѣйствіи, пожирающій на три тысячи угля (?).

Великій князь очень занятъ своимъ полкомъ, который теперь въ Царскомъ Селѣ и хорошо выполняетъ маневры. Онъ ѣздитъ туда всякую недѣлю и выѣзжаетъ изъ Петергофа въ 3 часа утра. Обыкновенно онъ встаетъ въ пять, и ложится въ девять. Онъ при мнѣ это рассказывалъ гр. Лясси, который, вопреки увѣренія въ де-Шамэ, очень хорошо принять при дворѣ. Правда, Лясси—свѣтскій человѣкъ и прекрасно говорить.

Ужиналъ у Спиридовыхъ и вернулся домой очень поздно ¹⁾.

Понедѣльникъ, 21 июля.—Къ брату.

Пребываніе шведскаго короля произвело здѣсь большую сенсацію. Деликат-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ, рукопись „Дневника“ прерывается множествомъ чистыхъ листочковъ, на которыхъ Корберонъ хотѣлъ, вѣроятно, записать происшествія съ 30 іюня по 20 іюля.

*) Сабатье-де-Кабръ, французскій повѣренный въ

ность и вѣжливость приобрѣли ему сторонниковъ въ той странѣ, которая обращаетъ вниманіе только на внѣшность. Я думаю, что онъ, въ сущности, далеко не является такимъ совершенствомъ, какимъ его здѣсь считаютъ. Мнѣ кажется что въ немъ мало той глубины и твердости духа, которая такъ необходима монархамъ, да и какъ человѣкъ онъ мнѣ не особенно нравится. Всѣ здѣшніе вельможи наперерывъ за нимъ ухаживали давая обѣды. Изъ иностранныхъ пословъ удостоились принять его только Лясси да маркизъ. Лясси живалъ въ Швеціи, гдѣ былъ хорошо принятъ; онъ даже, вмѣстѣ съ де Верженномъ, былъ посвященъ въ тайны революціи.¹⁾

Императрица сдѣлала крупные подарки королю шведскому. Между прочимъ, трость, съ набадашникомъ, осыпаннымъ бриллиантами и лента, вышитая крупнымъ жемчугомъ, оценяваются въ 65.000 р. Кроме того Императрица поднесла королю орденскіе знаки, которые сама носила, и шубу въ 15000 р. А онъ, въ свою очередь, выписалъ для нея изъ Швеціи наилучшіе во всей Европѣ рубины, цѣны которыхъ я не знаю.

Маркизъ далъ ужинъ королю шведскому одинъ разъ, а Лясси—два раза. Во второй разъ, когда изъ секретарей всѣхъ посольствъ былъ приглашенъ только одинъ я, послѣ ужина была дана сцена изъ Пигмалиона Руссо, въ которой играли Лямери и м-мъ Понлявилль, самая красивая изъ нашихъ актрисъ.

На другой день, въ понедѣльникъ, я прощался съ королемъ, уѣзжавшимъ изъ Петербурга въ 11 часовъ. Въ Среду, 16-го, послѣ ужина, онъ исчезъ изъ Петергофа, не простившись съ Императрицею, сѣлъ на свою галеру въ Ораніенбаумъ, и оттуда написалъ Ея Величеству письмо. Она послала къ нему своего теперешняго фаворита, Зорича, пожелать добраго пути. Король украсилъ посланца орденомъ Меча. Онъ раздалъ много подарковъ. Домашневъ, президентъ Академіи, получилъ орденъ Вазы, но не первой степени, что дало поводъ смѣяться надъ

новымъ кавалеромъ. Нолькенъ получилъ ленту Полярной Звѣзды, а Ингельманъ, секретарь посольства, сдѣланъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, съ 3000 р. жалованья, а кромѣ того получилъ золотую табакерку съ пятьюстами дукатами. Оригинально, что это было скрыто отъ Нолькена, такъ что онъ даже не вѣрилъ, когда узналъ.

Я ничего тебѣ не говорилъ о празднованіи дня Св. Петра въ Петергофѣ. Былъ маскарадъ и иллюминація сада. Это празднованіе стоитъ посмотреть. Я былъ вмѣстѣ съ Хюттелемъ, секретаремъ Прусскаго Посольства. Мы говорили объ алхиміи, и оба страстно желаемъ работать надъ нею. Должно быть правда, что кладноковные люди любятъ чудесное.

За нѣсколько дней раньше мы говорили о томъ же съ Левецаномъ (Levetzan), идя къ Вельденамъ. Левецанъ—датскій офицеръ, 28-ми лѣтъ и очень высокаго роста. Съ перваго взгляда онъ мнѣ не понравился, такъ какъ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ тѣмъ болѣе любишь чѣмъ короче знаешь, въ чемъ я убѣдился личнымъ опытомъ. Это—очень порядочный человѣкъ, и мы съ нимъ сошлись. Онъ мнѣ говорилъ о химіи, и о бумагахъ, которыя передалъ ему отецъ за семь лѣтъ до твоей смерти, и которыя самъ получилъ будучи 25-ми лѣтъ отъ роду.

Четвергъ, 24.—Къ брату.

Мы съ Левецаномъ осматривали въ Кронштадтѣ прекрасное сооруженіе, начатое Петромъ I: каналъ, выложенный камнемъ, и ведущій изъ порта въ громадный бассейнъ. Въ немъ устроено четыре шлюза, для задержанія воды. Благодаря этому каналу, можно вводить въ бассейнъ военные корабли и тамъ, выпустивъ воду, оставлять ихъ на сухомъ мѣстѣ, для починки и окраски. Вода удаляется при помощи насоса, сдѣланнаго въ Англіи и стоящаго 72000 рублей. Очень сильный насосъ—вытягиваетъ въ день миллионъ восемьдесятъ тысячъ бочекъ (shuids) воды.

Пятница и суббота, 25 и 26.—Къ брату.

Прочелъ ли ты Вертера, мой другъ? Это—очаровательный по чувству и интим-

¹⁾ При помощи которой Густавъ III завладалъ диктатурой. Де-Верженъ помогалъ ему въ видѣ ревизора Франціи за раздѣлъ Польши, такъ какъ Россія выгодно было бы ослабить Швецію безпорядками.

ности романъ Гетэ, а въ сущности подлинная исторія нѣкоего Жерюзалема, сына одного ученаго аббата въ Лейпцигѣ. Этотъ молодой человѣкъ, очень пылкій, влюбился въ нѣкую Шарлотту, невѣсту другого, и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился. Къ сожалѣнію, прекрасный романъ достойный Ричардсона(!), плохо переведенъ на французскій языкъ, хотя, по моему, онъ отъ этого выигралъ, такъ какъ полонъ германизмами, передающими оригинальную красоту подлинника.

У маркиза, мой другъ, опять появилась лихорадка. Онъ уже пятнадцать дней думалъ, что отдѣлался отъ нея, хотя все это время по ночамъ у него бывали маленькіе ознобы. Ужъ лучше бы болѣзнь опять приняла трехдневный типъ, тогда бы она, пожалуй, кончилась прочтѣе. Похудѣлъ онъ отчаянно, и я боюсь, что съ нимъ будетъ то же, что съ гр. Лясси. Какъ бы то ни было, я еще подожду писать къ графу Эгмонту. Не хочу я, мой другъ, чтобы меня считали заботящимся только о своей выгодѣ, хотя долженъ признаться, что охотно бы остался здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ, за отсутствіемъ маркиза.

Воскресенье и Понедѣльникъ, 27 и 28.—
Къ брату.

Императрица вчера вернулась изъ Петергофа ради приема Крымскихъ татаръ. Публичная аудіенція была имъ дана въ той залѣ, которая налѣво отъ обычной аудіенцъ-залы. Ея Величество сидѣла на тронѣ, а сзади нея стояли оберъ-штальмейстеръ и оберъ-шенкъ. Румянцовъ тоже стоялъ около нея.

Вечеромъ мы у маркиза подписывали брачный контрактъ Фальконэ-сына съ м-едъ Колло. Признаюсь, мой другъ, я это дѣлалъ не охотно, но разъ написалъ маркизъ, то и я не могъ отказать. Дѣло въ томъ, что Фальконэ былъ женатъ въ Англи; бракъ его расторгнуть, но мнѣ этого мало. Ужъ если онъ женился добровольно, то зачѣмъ же отказываться отъ обязательства, которое должно оставаться священнымъ на всю жизнь? Для честнаго и простодушнаго человѣка, разница религій ничего не значитъ: разъ дано слово—дѣло кончено. Если я когда-нибудь попаду въ такое положеніе, что семья моя захочетъ ра-

сторгнуть мой бракъ, то общаю тебѣ, что это ей не удастся. Маркизъ, которому я сообщилъ свои сомнѣнія, старался ихъ разсѣять. Я подписалъ контрактъ, но все-таки не оправдываю того, чему не могъ помѣшать. Подозрѣваю, что тутъ замѣшанъ аббатъ Дефоржъ, устроившій этотъ корыстный бракъ—они женятся чисто изъ-за денегъ—только для того, чтобы имѣть удовольствіе ихъ обвѣнчать. За Колло, говорятъ, дано 40,000 р. приданого. Не знаю сдѣлано ли было оглашеніе въ католической церкви; постараюсь справиться и вообще узнать подробности дѣла, которое кажется мнѣ не совсѣмъ чистымъ, что бы ни говорилъ маркизъ.

Вѣнчаніе Фальконэ происходило въ нашей капеллѣ. Присутствовали дѣвицы Кронцъ (Cronz), изъ нихъ старшая, отъ перваго брака, по фамили Ломанъ, недурна и любезна. Послѣ вѣнца, обвѣдали, и затѣмъ, въ 4 часа, вся компанія уѣхала.

Генераль Мелиссино, присутствовавшій на обѣдѣ, говорилъ мнѣ о желаніи аббата попасть въ его ложу. Ужъ не хочетъ ли онъ посвятить его въ седьмую степень, такъ какъ предложилъ, чтобы церемонія посвященія происходила у меня? А впрочемъ—какое мнѣ дѣло. Этотъ аббатъ становится все болѣе и болѣе мнѣ противенъ: дрянной человѣкъ.

Вторникъ и среда, 29 и 30.—Къ брату.

Свадьба Фальконэ, мой другъ, состоялась не вчера, а сегодня, во вторникъ. Я скоро узнаю все, что касается перваго его брака и если Фальконэ окажется не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ, то я не дамъ своей подписи подъ другимъ актомъ.

Обѣдалъ у Кауница, гдѣ видѣлъ шведскаго офицера, привезшаго Зоричу орденъ Меча. Онъ получилъ отъ Императрицы табакерку и часы съ прекраснымъ камнемъ. Цѣпочка къ этимъ часамъ сдѣлана изъ крупныхъ сердоликовъ, на каждомъ вырѣзанъ амуръ—очень красиво и оригинально.

Въ среду обѣдалъ у барона Асфельда. И онъ и жена производятъ тяжелое впечатлѣніе, такъ какъ послѣдняя постоянно больна. Она просила меня дать ей *Эмиля Руссо*; дамъ, но съ неудоволь-

ствіемъ. Есть люди, которыхъ нельзя снабжать книгами, если не желаешь протереться съ ними.

Воскресенье, 21 сентября.—Къ брату.

Этакая лѣнь! Этакая ужасная лѣнь, скажешь ты, мой другъ! И ты будешь правъ. Вотъ уже два слишкомъ мѣсяца какъ я не написалъ къ тебѣ ни строчки, ни почтой, ни въ дневникѣ. Удовольствія и дѣла помѣшали; но они не вытравили изъ моего сердца воспоминанія о тѣхъ, кого люблю.

За время моего молчанія произошло много интереснаго. Лихорадка у маркиза продолжается и онъ рѣшился взять отпускъ. Если отпускъ этотъ будетъ данъ, то бразды правленія посольствомъ перейдутъ въ мои руки, причѣмъ, какъ ты можешь себѣ представить, я буду радъ скорѣе работѣ, которая выпадетъ на мою долю, чѣмъ новому титулу, которыми буду украшенъ. Мнѣ уже 29 лѣтъ, мой другъ, и я болѣе цѣню существенную подкладку славы чѣмъ ея блестящую внѣшность. Строя всѣ эти проекты, я боюсь, однакоже, чтобы интрига не помѣшала ихъ осуществленію и не увѣренъ, чтобы этой интриги не было. Аббатъ Дефоржъ и консулъ подъ меня подкапываются. Первый вообще меня не любитъ а послѣднему самому хотѣлось бы быть повѣреннымъ въ дѣлахъ, что можетъ случиться лишь тогда, когда меня отзовутъ или назначатъ посланникомъ при какомъ-нибудь дворѣ. Я уже рѣшилъ: если меня отзовутъ, обѣщая въ скорости дать мѣсто, то я буду ждать этого мѣста или здѣсь или въ Даніи у Левеана: а если мнѣ мѣста не дадутъ, то я сейчасъ-же уѣду. Черезъ двѣ недѣли все будетъ извѣстно.

Гарри вернулся въ воскресенье, 15, но, къ несчастію, корабль на которомъ онъ ѣхалъ находится въ морѣ. Боюсь, какъ бы съ нимъ не произошло какого-нибудь несчастья въ виду сегодняшней погоды.

Я вчера легъ спать въ 11 часовъ. Вѣтеръ, за которымъ я наблюдаю съ тѣхъ поръ какъ Гарри выѣхалъ въ обратный путь, былъ свѣжій и попутный. Поэтому я заснулъ съ надеждой на скорое прибытіе желаннаго судна.

Но въ четыре часа утра меня разбудилъ страшный шумъ урагана и крикъ матросовъ; почти тотчасъ-же ко мнѣ вбѣжалъ Комбсъ, въ одной рубашкѣ и страшно испуганный. «Вставай скорѣе!—кричалъ онъ—Боже мой, какое несчастье! Я, хоть и не сразу повѣрилъ въ какое то особенное несчастье, но сейчасъ-же всталъ и, подойдя къ окну, убѣдился, что на нашемъ дворѣ люди по поясъ въ водѣ. Бѣгу въ кабинетъ, выходящій окнами на набережную Невы и вижу передъ собою разъяренное море. Волны бѣшено бьютъ въ стѣны дома, какъ бы вздрагивающаго отъ ихъ ударовъ и отъ сильнаго вѣтра. Множество судовъ, сорвавшихся съ якорей, сталкиваются другъ съ другомъ и со страшнымъ трескомъ разбиваются. Юго-западный вѣтеръ, дующій съ небывалой силою, поднялъ воды залива и рѣки на двѣнадцать футовъ выше обыкновеннаго уровня. Этому наводненію предшествовало необычайное паденіе барометра до 29°. Въ настоящее время вода какъ бы кипитъ. На дворѣ одного негоціанта, на Васильевскомъ островѣ, она вдругъ забила фонтаномъ.

Когда вода начала сбывать, то бѣдствія, ею причиненныя, стали еще ощутительнѣе. Наша набережная совершенно испорчена и завалена разбитыми судами; мосты всѣ сломаны; погибло много скота: многія лица и въ томъ числѣ генераль-Бауэръ, принуждены были ввести своихъ лошадей въ комнаты. По улицамъ плаваютъ на лодкахъ. Одинъ французскій парикмахеръ-гасконецъ, вѣроятно выловилъ на Милліонной шуку. Бѣдный Гарри очень беспокоился о своемъ кораблѣ, капитаномъ котораго состоитъ нѣкій Боссъ изъ Гавра. Если корабль потерпитъ крушеніе, то Гарри потеряетъ 12—15 тысячъ ливровъ а я—всѣ свои костюмы, книги и проч., которые выпилсалъ изъ Париза. У Гарри есть и еще причина беспокоиться: четыреста ливровъ табаку, сложенные имъ въ погребѣхъ Бемера, могутъ быть залиты водою.

Понедѣльникъ, 22.—Къ брату.

Сегодня мы съ Комбсомъ объѣхали городъ. Смотрѣть тяжело. Вся наша

Галерная набережная завалена обломками. Изъ разбитыхъ деревянныхъ судовъ образовались громадная кучи бревенъ и досокъ, которыя растаскиваются и продаются русскими, по натурѣ склонными къ воровству. Даже вельможи занимаются этимъ дѣломъ столько же къ выгодѣ своихъ людей сколько и ради своей собственной. Сегодня дрова продавались по семидесяти копѣекъ за сажень, обыкновенно стоящую полтора рубля. Миллионная набережная во многихъ мѣстахъ разбита и опрокинута. На ней стоятъ большія парусныя суда, перекинутыя водою черезъ паранетъ. Передъ дворцомъ набережная завалена такими судами. Императрица, говорятъ, не спала всю ночь, наблюдая изъ оконъ дворца за ужасами наводненіями. Благодаря ей заботливости, часовые, повсюду, были во время сняты, а то бы они потонули. Говорятъ, что въ крѣпости и въ погребахъ разныхъ тюремъ залито водою до 2000 преступниковъ. Даже стѣны самой крѣпости пострадали.

Въ окрестностяхъ Петербурга наводненіе тоже надѣлало большихъ бѣдъ. Снесены водою загородные дома Нарышкинскихъ, полицеймейстера Чичерина, Головинскихъ (на Каменномъ островѣ) и проч. Красная яхта герцогини Кингстонъ *) оставлена на мель. Но ужаснѣе всего положеніе Калинкинскаго предместья (faubourg de Kalinka—Коломна?), гдѣ всѣ дома разрушены и повсюду лежатъ трупы мужчинъ, женщинъ, дѣтей!..

Ужасное бѣдствіе! Посреди печальныхъ его подробностей встрѣчаются и забавныя. Такъ, посреди одной улицы въ подгородной деревушкѣ, Коломнѣ, стоитъ, говорятъ, большое, трехмачтовое судно. Другое судно, въ тотъ же день прибывшее изъ Любека, было невредимо перенесено водою черезъ какой-то лѣсъ. Когда вода сбыла, то пассажиры сошли съ него, какъ въ оперѣ, прямо на травку.

*) Знаменитой авантюристки, въ дѣвчествѣ Елисаветы Чудлей (Chudleigh) Будучи фрейлиной принцессы Уэльской, она вышла замужъ за капитана Гервеза, и на другой день свадьбы уѣхала отъ него, съ любовникомъ, въ Германію, гдѣ при живомъ мужѣ, вышла еще разъ замужъ за герцога Кингстона, скоро умершаго и оставившаго ей большое состояніе. Въ Петербургѣ она жила очень широко и давала балы на своей яхтѣ, которая, послѣ крушенія, была исправлена на счетъ Императрицы.

Надо думать, что въ газетахъ появится множество рассказовъ о еще болѣе странныхъ подробностяхъ наводненія. Часть ихъ будетъ, конечно, придумана, хотя и вѣрныхъ свѣдѣній было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать газеты интересными.

Вторникъ и среда, 23 и 24.—Къ брату.

По приказанію Императрицы, спектакли запрещены, что и слѣдовало сдѣлать въ виду общественнаго бѣдствія. Ея величество приказала также, чтобы всякій, потерпѣвшій какіе нибудь убытки отъ наводненія, заявлялъ о томъ полиціи. Намѣреваются, должно быть, выдавать вознагражденіе за убытки, но я думаю, что этимъ вознагражденіемъ воспользуются только богатые люди, а бѣднымъ ничего не достанется. Общія потери еще не опредѣлены, но людей погибло 1444, да еще половину, говорятъ, скрываютъ.

Де-Шимэ наконецъ уѣхалъ, и мы всѣ очень рады. Причины этой радости я легко могъ бы тебѣ сообщить если-бы не избѣгалъ злословія. Скажу только, что жалѣю этого человека и смотрю на него какъ на больного. Объ немъ и такъ говорятъ много дурного, потому что онъ со всѣми перессорился.

Я ближе чѣмъ когда либо сошелся съ принцемъ Ангальтомъ; это очаровательный человекъ, обладающій благороднымъ и впечатлительнымъ характеромъ. Онъ просилъ у меня мое Путешествіе въ Ярославль, для того чтобы прочесть своей невѣстѣ, принцессѣ Сольмсъ, на которой скоро женится. Мы общались писать другъ другу, и онъ далъ мнѣ свой адресъ.

Консулъ нашъ продолжаетъ дѣлать глупости. Маркизь его поддерживаетъ, потому что онъ, видите-ли, добрый человекъ. Но французы страдаютъ отъ его доброты, а русскіе надъ ней смѣются, и торговья дѣла падаютъ.

Пятница, 26.—Къ брату.

Сегодня обѣдалъ у Кауница, по особому приглашенію. Ничего интереснаго, впрочемъ, не было. Рассказывали объ одномъ англійскомъ суднѣ, которое, еще

до наводнонiя, сѣло на моль недалеко отъ берега; матросы стали было его разгружать, но видя что вода поднимается, вновь наскоро нагрузили и онъ, въ цѣлости и сохранности, вошелъ въ портъ.

Ужиналъ у Голицинныхъ. Говорили объ отъѣздѣ де-Шимэ и о посылкѣ имъ аквупорки къ княгинѣ Грузинской, сестрѣ Зиновьевой. Былъ также разговоръ о любви маркиза къ женѣ Ивана Чернышова. Я думаю, что всѣ эти сплетни распускаетъ Нессельроде.

Чичерину становится лучше. Апоплексическiй ударъ сдѣлался у него, говорить, послѣ выговора, полученнаго отъ Императрицы за наводненiе. Эти люди до такой степени дорожатъ властью, что одинъ взглядъ Императрицы можетъ ихъ убить или вознести до небесъ.

Вернувшись домой, узналъ о приходѣ какого то французскаго корабля. Желалъ бы, чтобы это былъ тотъ, на которомъ прiѣхалъ Гарри; я съ нетерпѣнiемъ жду своихъ книгъ.

Суббота, 29.—Къ брату.

Сегодня утромъ получилъ приглашенiе отъ генерала Мелиссино, желаетъ передать мнѣ очень многое. Я отправился къ нему въ половинѣ второго, рассчитывая тамъ пообѣдать, но вмѣсто обѣда мнѣ дали только чашку шоколада. А передать онъ мнѣ хотѣлъ только свою просьбу о написанiи для него трехъ рекомендательныхъ писемъ: къ Потемкину, къ Панину и къ Зоричу. Онъ хлопочетъ о мѣстѣ въ Митавѣ, оставшемся вакантнымъ за смертью Симолина. Я обѣщалъ написать эти письма къ завтрашнему дню, но не знаю добьемся ли мы желаемаго, такъ какъ братъ покойнаго, который теперь въ Стокгольмѣ, тоже мѣтитъ на это мѣсто, тогда какъ кн. Белозерскiй хочетъ ѣхать въ Швецію. Онъ вѣдь отозванъ изъ Дрездена и больше туда не вернется. Онъ очень беззаботенъ насчетъ денегъ, что служитъ признакомъ чловѣка очень ординарнаго.

Воскресенье, 28.—Къ брату.

Не знаю откуда маркизъ взялъ, что я никогда не бываю у Петра и Ивана Чернышовыхъ. Просилъ заглядывать къ

нимъ отъ времени до времени, чтобы встрѣчаться съ министрами, которые у нихъ бываютъ. Не желаетъ ли онъ просто помѣшать мнѣ бывать у Бемеровъ? Можетъ быть, но я этого не думаю.

Былъ сегодня на куртагѣ; великiй князь какъ-то особенно со мною раскланялся. Я не обратилъ бы никакого вниманiя на эту мелочь, еслибъ не находился въ критическомъ положенiи, въ виду предстоящаго отъѣзда маркиза. Надѣюсь, что я здѣсь не на плохомъ счету, со мною всѣ любезны. Посмотримъ.

Много говорятъ о поведенiи капитана яхты герцогини Кингстонъ. Графъ Иванъ, англоманъ до мозга костей, увѣряетъ, что онъ сдѣлалъ во время шторма непростительную ошибку, срубивъ бизань, благодаря чему корма поднялась кверху и руль сдѣлался бесполезнымъ. Онъ сдѣлалъ еще и другую, бросивъ якорь на мелкомъ мѣстѣ, такъ что, когда вода сошла, корабль сѣлъ на мель и стащилъ его оттуда будетъ стоить большого труда. Помощникъ капитана, англичанинъ, тоже ни о чемъ не подумалъ. Но все это рассказываютъ Чернышова, а имъ нельзя вѣрить.

Ужиналъ, вмѣстѣ съ маркизомъ, у Щербатовыхъ; много говорили о моей женитбѣ на Шарлоттѣ. Я отдѣлывался шуточками, что въ такихъ случаяхъ самое подходящее.

Вторникъ, 30.—Къ брату.

По просьбѣ маркиза, я сегодня три часа проскучалъ у Чернышовыхъ и уѣхалъ къ Мелиссино вмѣстѣ со Львомъ Разумовскимъ уже передъ самымъ обѣдомъ. Представъ себѣ, мой другъ, компанiю изъ семи или восьми дамъ, холодныхъ, натянутыхъ, молчаливыхъ, которыя только и дѣлаютъ, что играютъ въ карты: вотъ тотъ кружокъ, въ которомъ маркизъ совѣтуетъ мнѣ бывать почаще. Не могу я быть сообщительнымъ и веселымъ тамъ, гдѣ и то и другое качества являются неумѣстными.

Вообще весь этотъ день прошелъ у меня утомительно скучно. Разсердила меня еще Барятинская, которую я встрѣтилъ у Загряжской. Говоря о Нессельроде и о его продолжительномъ визитѣ, она прибавила: «Онъ на мнѣ женится». Такой тонъ мнѣ положительно противенъ.

Среда, 1 октября. — Къ брату.

Слухъ объ отъѣздѣ маркиза распространяется здѣсь кѣмъ бы ты думалъ? Нашей прислугой. Вотъ уже два года, какъ ей сшиты ливреи, и эти ливреи стало теперь уже стыдно носить, до того онѣ истрепались. Въ запасѣ есть другія, но маркизь не даетъ ихъ въ виду своего отъѣзда. Эту тайну открылъ нашъ портной. Впрочемъ, и самъ маркизь открыто готовится къ отъѣзду: запретилъ дѣлать запасы, укладываетъ гардеробъ, рассказываетъ всѣмъ, что ждетъ писемъ, и проч. Будучи очень скрытнымъ по натурѣ, не принимаетъ теперь никакихъ предосторожностей противъ лаксеевъ, которые хвастаются, что могутъ читать его письма, пока онъ съ ними разговариваетъ. Данетуанъ хвастался въ кухнѣ даже тѣмъ, что онъ знаетъ наши шифры. Придется мнѣ съ нимъ поговорить, когда будетъ рѣшено мое дѣло и бразды правленія попадутъ въ мои руки.

Былъ парадный куртажъ по поводу дня рожденія великаго князя. Я много танцевалъ, а ужинать отправился къ Головинымъ. Они потерпѣли большіе убытки отъ изводненія. Такъ какъ Каменно-островская дача великаго князя очень недалеко отъ нихъ, то съ Каменнаго острова приходили къ нимъ, отъ имени его высочества, какіе-то люди требовать лѣсныхъ материаловъ, унесенныхъ будто бы водою. Между тѣмъ великій князь предупредилъ Головина, что если такія требованія появятся, такъ чтобы онъ никому ничего не давалъ, для избѣжанія мошенничества. Это очень хорошо съ его стороны, такъ какъ частные люди, даже вельможи, нисколько не стѣсняются присваивать себѣ чужія вещи, унесенныя водою.

Мы много разговаривали съ Головинными, которыхъ я очень люблю; они милые люди. Старшій, графъ Степанъ, съ перваго взгляда не внушаетъ симпатіи, но выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ. Онъ недостаточно внимателенъ къ своей внѣшности — недостатокъ, свойственный людямъ небрежнымъ и лишеннымъ такта. Слѣдуетъ замѣтить, мой другъ, что такіе люди всегда, съ перваго взгляда, кажутся несимпатичными

деликатному человѣку, котораго неприятно поражаютъ маленькіе ихъ недостатки, за которыми, однакожъ, скрываются крупныя достоинства. Можно быть прекраснымъ человѣкомъ и не обладая деликатностью; но деликатность дѣлаетъ людей любезными и составляетъ главную прелесть общенія, особенно въ женщинахъ.

Четвергъ, 2. — Къ брату.

Я общалъ Потемкину, племяннику князя, дать прочесть Вертера; любопытно знать, къ какому заключенію онъ придетъ. Потемкинъ претендуетъ на большой умъ; сегодня я послалъ ему книгу при своемъ письмѣ. Посмотримъ, каковъ будетъ отвѣтъ.

Часть вечера провелъ у Щербатова, съ которымъ велъ очень курьезный разговоръ. Русскіе обладаютъ особенностью безгранично хулить свою родину.

Ужиналъ у Бемеровъ, гдѣ узналъ о прибытіи корабля капитана Босса; Гарри самъ прибѣжалъ сообщить мнѣ это извѣстіе.

Пятница, 3. — Къ брату.

Сегодня при дворѣ большое торжество, мой другъ. Празднуется годовщина коронаціи Екатерины II, а стало быть и годовщина смерти Петра III. Все, значить, зависитъ отъ положенія, занимаемаго актеромъ на мировой сценѣ. Воронство, измѣна, убійство могутъ считаться и преступленіями и великими государственными подвигами, смотря по обстоятельствамъ. Простой убійца становится великимъ человѣкомъ, если убійство надѣло корону на его голову; въ первомъ случаѣ его проклинаютъ, а во второмъ — ему поклоняются. Порокъ и добродѣтель очень часто являются попятіями относительными.

Состоялось нѣсколько новыхъ назначеній. Фаворитъ Зоричъ сдѣланъ поручикомъ кавалергардовъ, что даетъ ему чинъ генераль-майора арміи. Младшіе Щербатовы назначены сенаторами; Зиновьевъ и молодой Голицинъ — камеръ-юнкерами. Послѣдній обязанъ этимъ пріѣзду своего дяди, Шувалова. Но что произвело большое впечатлѣніе, такъ это дарованіе ленты ордена Св. Екатерины

княгини Орловой. Статсъ-дамы, изъ коихъ она младшая, очень этимъ огорчены, какъ и слѣдовало ожидать, въ виду мелочности, зависти и жадности, царствующихъ при дворѣ.

Суббота, 4.—Къ брату.

Вчера я былъ приглашенъ на политическiй обѣдъ къ гр. Остерману. Были только посланники, повѣренные въ дѣлахъ и простые иностранцы; секретарей не пригласили, за исключенiемъ меня, вѣроятно въ качествѣ простаго иностранца. Я явился немножко поздно, вмѣстѣ съ гр. Брюлемъ и молодымъ Потоцкимъ, которые прiѣхали одновременно. Насъ уже ждали, и Остерманъ справлялся у маркиза прiѣду ли я, получилъ ли я приглашенiе, почему не прислалъ отказа и проч. Сольмсъ замѣтилъ, что это невѣжество, что я все-таки долженъ бы былъ хоть поблагодарить за приглашенiе, и проч., вообще онъ нападалъ на меня съ замѣтной аффектацiей. Маркизь послѣ сообщилъ мнѣ все это и прибавилъ, что напрасно я явился вмѣстѣ съ Потоцкимъ, очень легкомысленнымъ человѣкомъ; а между тѣмъ мы съ нимъ только случайно сѣхались. Вотъ какъ легко и охотно на меня набрасываются. Я смѣюсь надъ этимъ, конечно, но боюсь, какъ бы такое неприязненное ко мнѣ отношенiе не повредило мнѣ, когда останусь здѣсь повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Сегодня мнѣ пришлось быть угр. Панина, гдѣ мы встрѣтились съ Остерманомъ и я воспользовался случаемъ объяснить относительно вчерашняго обѣда. Оба сановника выслушали мои объясненiя весьма благосклонно. Подозрѣваю, что шумъ по этому поводу былъ поднятъ мелкими людшкками, которые завидуютъ моему здѣсь положенiю, такъ какъ я здѣсь принялъ иначе чѣмъ они — танцу, напимъбръ, на придворныхъ балахъ, куда не только секретари посольствъ но и повѣренные въ дѣлахъ не приглашаются почему-то. Я потому такъ думаю, мой другъ, что Хюттель, по секрету, просилъ Шарлотту передать мнѣ, чтобы я не танцевалъ при дворѣ, что русскiе смѣются надо мною по этому поводу, и проч. Признаюсь—я не вѣрю Хюттелю, не потому, чтобы русскiе не были спо-

собны на это, а потому что они смѣются только надъ двумя крайностями: надъ хорошимъ—изъ зависти, и надъ дурнымъ—по злобѣ, а я стою между тѣмъ и другимъ. Всѣ эти мелкiя сплетни нисколько мнѣ не страшны и я дѣлаю слишкомъ много имъ чести, обращая на нихъ вниманiе. Въ подобныхъ случаяхъ не слѣдуетъ ими стѣсняться.

Воскресенье, 5.—Къ брату.

Сегодня опять былъ на куртагѣ, мой другъ, а оттуда поѣхалъ обѣдать къ Лясси, гдѣ сидѣлъ между Львомъ Разумовскимъ и шведскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Ингельманомъ; мы много смѣялись.

Отъѣздъ маркиза сталъ извѣстенъ всему городу. Кауницъ спрашивалъ меня объ этомъ, а я принужденъ былъ отвѣчать уклончиво, чего терпѣть не могу.

Воскресенье, 12.—Къ брату.

Маркизь очень заинтересованъ отвѣтомъ, который долженъ получить отъ нашего двора по вопросу объ отпускѣ. Ты можешь себѣ представить что и я не мало заинтересованъ этимъ отвѣтомъ, такъ какъ не обращаю вниманiя на интриги и другiя спены. Между тѣмъ я узналъ, что жена Ивана Чернышева рассказала мужу объ участии, которое я принималъ въ интригѣ ея съ Порталисомъ. Эта недотрога (*béguéule*) не замѣтила услуги оказанной ей мною въ данномъ случаѣ, и возстановила противъ меня графа Чернышева, чѣмъ объясняется холодность, съ которою меня тамъ принимаютъ. Пользуясь этою холодностью, маркизь всегда покровительствовавшiй Пюисегюру—вѣроятно вслѣдствiе одинаковой ограниченности разума—склонилъ Чернышова хлопотать о назначенiи своего протежѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ, на время своего отсутствiя. Этотъ проектъ, о которомъ я ничего не зналъ, былъ разрушенъ отъѣздомъ Пюисегюра, сильно здѣсь соскучившагося. Съ тѣхъ поръ благоволенiе Чернышевыхъ къ Пюисегюру исчезло, благодаря гадости или по меньшей мѣрѣ неловкости, которую онъ сдѣлалъ. При отъѣздѣ, графиня поручила ему передать нѣкоей м-ль Мартэнъ, модисткѣ, которой она задолжала 3.000,

различные мѣха, тысячи на полторы рублей; а Пюисегюръ захватилъ въ свою пользу больше чѣмъ три четверти этихъ мѣховъ, на что м-ель Мартэнъ жаловалась графинѣ, и что очень повредило Пюисегюру во мнѣніи Чернышевыхъ вообще.

Изъ того же источника я узналъ, что маркизъ отправилъ отсюда Порталиса и Ласкариса на свой счетъ; что онъ это тщательно отъ меня скрывалъ; и что онъ, наконецъ, повредилъ мнѣ во мнѣніи Чернышевыхъ, сообщивъ имъ, что пересталъ принимать Ласкариса, тогда какъ принималъ его до самаго отъѣзда. Между тѣмъ я то гораздо раньше заперъ передъ послѣднимъ свою дверь, и не изъза Чернышовыхъ, а потому что увидалъ насколько фальшиво онъ поступаетъ. Мое поведеніе всегда было прямодушнымъ и безупречнымъ; но къ сожалѣнію, мнѣ приходилось имѣть дѣло съ дюжинными, глупыми и безхарактерными людьми, которые хитрили изъ страха и нерѣшительности. Уѣзжая, я говорилъ тебѣ, мой другъ, что маркизъ мнѣ не нравится, и, что можетъ быть, я изъ-за него сломаю себѣ шею; но если онъ меня погубитъ, то ужъ обмануть-то меня ему не удастся *). Это меня утѣшаетъ. Да и Чернышovy ужъ переѣмили свое мнѣніе обо мнѣ и теперь принимаютъ хорошо.

До насъ дошли слухи, что Пюисегюръ живетъ въ Парижѣ, съ Шампаньоло, въ меблированныхъ комнатахъ; что она поссорилась его съ родителями и быстро ведетъ къ раззоренію. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ бывшій его лакей, вернувшійся сюда съ Шуваловымъ, **) бывшимъ фаворитомъ Елисаветы, который теперь опять въ большой силѣ при Дворѣ. Ты понимаешь, что этотъ слухъ разоидется по городу и не прибавитъ доброй славы любимцу маркиза, связавшемуся съ женщиной, хорошо здѣсь извѣстной, изъ-за которой маркизъ прогналъ даже Сэнъ-Поля.

*) Черезъ нѣсколько времени Корберонъ измѣнилъ свое мнѣніе о маркизѣ, такъ какъ въ депешѣ отъ 24 ноября того же года пишетъ де Верженну слѣдующее: „Маркиза здѣсь всѣ жалуютъ. Его пріюта и мажорсть заслужили ему всеобщую любовь.“

**) Иванъ Ивановичъ.

У Императрицы, въ Эрмитажѣ, играли на дняхъ старую пьесу: *Le Medecin par occasion*. Тамъ идетъ дѣло о влюбленныхъ женщинахъ и, въ одномъ мѣстѣ, авторъ говоритъ: «Если женщина, въ тридцать лѣтъ, влюбится—это еще ничего, но въ шестьдесятъ!.. непростительно!» Императрица тотчасъ же встала и ушла, сказавъ: «Какая скучная пьеса!» Брошаръ—актеръ, произнесшій вышеприведенную фразу, попалъ въ глупое положеніе, такъ какъ занавѣсь, тотчасъ же по уходѣ Императрицы, опустили. Изъ этого ты видишь, мой другъ, насколько эта великая монархія сдѣлалась рабою своихъ вкусовъ, такъ какъ нельзя же назвать страстями теперешніе ея капризы. *)

1779 годъ.

Суббота, 2 января.—Къ М-ель Каролинѣ Бемеръ. **)

Съ тѣхъ поръ какъ сестра ваша, дорогая Каролина; живетъ въ домѣ старика Эйлера, она не перестаетъ доказывать доброту и стойкость своего характера. Находясь среди скучныхъ людей, она сохранила свою веселость, свою мягкость, и не испытываетъ, повидимому, никакой скуки. Работа и чтеніе наполняютъ ея время. Хозяева любятъ ее, какъ родную дочь, а прислуга любитъ больше, чѣмъ хозяевъ.

Сегодня мы съ нею катались въ саняхъ. Остановка была назначена въ томъ самомъ крестьянскомъ домикѣ, на Аптекарскомъ островѣ, въ которомъ мы, прошлымъ лѣтомъ, ужинали вмѣстѣ съ вами. Выѣхали мы въ полдень: Шарлотта, со мной и маленькой Эйлеръ, въ моихъ саняхъ; Хюттель съ добрымъ

*) «Дневникъ Корберона, въ этомъ мѣстѣ, прерывается на пятнадцать четьридесятъ мѣсяцевъ. Вероятно продолженію его помѣшались заветія, дипломатическія и свѣтскія, официальные и неофициальные. Маркизъ де-Ланьонъ дѣйствительно уѣхалъ изъ Петербурга 23 ноября 1777 г., оставивъ Корберона повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ качествѣ какового онъ и представлялъ его Императрицѣ 10 ноября, когда получалъ прощальную аудиенцію.

**) Г-жа Бемеръ, съ двумя дочерьми, уѣхали, въ это время по гѣламъ въ Берлинъ, а Шарлотта Бянеръ оставалась въ Петербургѣ, у своихъ соотечественниковъ, Эйлеровъ.

Аземой, съ которымъ вы, я надѣюсь, скоро познакомитесь, и съ маленькимъ Жоржемъ,—въ другихъ; старикъ Эйлеръ съ двумя дочерьми—въ третьихъ. На Аптекарьскомъ островѣ мы прекрасно пообѣдали по способу Гарри, а потомъ гуляли по свѣгу, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ была такая великолѣпная трава. Въ пять часовъ мы поѣхали обратно, и дорогой видѣли знаменитый вѣрнопостной рынокъ, на которомъ собрано все мороженое мясо, привозимое въ Петербургъ изъ провинціи. Цѣлая армія свиныхъ и бараньихъ тушъ, разной птицы, и проч. производитъ большое впечатлѣніе, но можетъ вылѣчить отъ любви хорошо покушать.

Ужинать мы вернулись къ Эйлерамъ и я весь вечеръ провелъ съ вашей милой сестрою.

Воскресенье 3.— Къ брату.

Давно я тебѣ не писалъ, мой милый, и съ удовольствіемъ возвращаюсь къ разговору съ испытаннымъ другомъ.

Въ моемъ теперешнемъ положеніи, мнѣ часто приходится скучать съ моими знаменитыми сотоварищами. Сегодня, напримѣръ, утромъ я былъ при Дворѣ; обѣдалъ у австрійскаго посла (Кауница), гдѣ выслушивалъ разныя пошлости, такъ какъ на этихъ обѣдахъ рѣдко собираются люди мыслящіе; затѣмъ присутствовалъ на плохомъ концертѣ у голландскаго резидента (Сюарта), и наконецъ, разочаровавшись въ собственной жизни и въ жизни моихъ ближнихъ, поспѣшилъ спастись въ свою квартиру, гдѣ надѣлъ халатъ и сѣлъ поближе къ камину! Вотъ тебѣ картина моей обѣденной жизни. Правда, что я живу такимъ образомъ, насколько могу меньше, что стараюсь жить по своему, не обращая вниманія на моду, этикетъ и обычаи. находя такую жизнь болѣе пріятной, Таково мое правило; я знаю, что не всѣ его признаютъ, но это то и служить ему похвалою, такъ какъ лучшее въ этомъ мѣрѣ не всѣмъ доступно.

Понедѣльникъ, 4.— Къ брату.

Въ виду правила, о которомъ я говорилъ тебѣ вчера, я хорошо себя чув-

ствую только дома, или у друзей, которыхъ у меня здѣсь очень мало. Но я, тѣмъ не менѣе, выполняю и тѣ мелочныя обязанности, которыя, будучи сами по себѣ ребяческими, входятъ въ составъ моего дѣла и помогаютъ мнѣ достигать цѣлей.

По этой-то причинѣ, я отправился сегодня обѣдать къ Панину, но не засталъ его дома, что меня нисколько не огорчило. Отъ Панина я поѣхалъ къ французскому негодяю, Кронпу (Cronp), человѣку очень умному, знающему свое дѣло и, по временамъ, старающемуся вмѣшиваться въ мое, что меня очень забавляетъ. Я черпаю отъ него свѣдѣнія относительно торговли, и смѣюсь надъ его политическими идеями. Моя политическая система далеко не всѣми раздѣляется, обязываетъ меня видаться съ людьми, которые мнѣ нравятся, если бы даже мои къ нимъ отношенія и скандализировали кого бы то ни было. Отъ этого я вижу пользу даже для политики. Къ числу лицъ, которыя мнѣ нравятся и у которыхъ я бываю, принадлежить, между прочимъ, секретарь прусскаго посольства, Хюттель. Наши съ нимъ сношенія всѣхъ удивили, а я не обратилъ на это никакого вниманія; мнѣ стали намекать на ихъ неприличіе, а я продолжалъ поступать неприлично, и теперь ужъ мнѣ никто ничего не говоритъ, и моя настойчивость оказалась лучшей критикой мнѣній моихъ критиковъ, такъ какъ служилъ мнѣ на пользу. Благодаря ей, я заслужилъ довѣріе тѣхъ, которые мнѣ недоувѣряли, уваженіе постороннихъ зрителей, увидавшихъ что я не придаю значенія формальностямъ, и наконецъ—успѣлъ отдалить отъ себя дураковъ. Ахъ, мой другъ! Свѣтъ—преинтересная книга, чѣмъ больше ее читаешь тѣмъ больше читать хочется, и тѣмъ большому научаешься.

Вторникъ, 5.— Къ брату.

Сегодня Рождество, по старому стилю, и здѣсь всѣ другъ друга поздравляютъ, какъ въ Новый годъ. Я былъ при дворѣ, гдѣ встрѣтилъ Кауница, и, на его поздравленіе съ праздникомъ, отвѣчалъ: «вы мнѣ дѣласте много чести, графъ, принимая меня за русскаго вельможу; я вамъ такого комплимента не сдѣлаю». Эти слова

были услышаны многими русскими, на что я и рассчитывалъ. Здѣсь вѣдь только тѣхъ и любятъ, которые ни на кого не обращаютъ вниманія; здѣсь уважаютъ только тѣхъ, кого боятся.

Обѣдалъ у голландскаго резидента, Сюрта. Это большой сплетникъ, немножко ограниченный, немножко недобрымъ, немножко пристрастный, грубоватый, довольно честный, но такой, которымъ, благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, пренебрегать нельзя. Кроме того, въ немъ есть оригинальность, которая мнѣ нравится, и онъ поитъ меня хорошимъ виномъ, что я очень люблю. Вообще, я хожу къ нему какъ въ ресторанъ, и это очень удобно.

Вотъ секретарь у него, такъ тотъ—человѣкъ умный, знающій и любознательный. Отъ роду ему лѣтъ тридцать; онъ довольно красивъ и состоитъ въ чинѣ капитана голландской службы. При всѣхъ этихъ качествахъ, у него есть и порокъ, который иностранцы заимствовали у насъ: это—женская философія, заставляющая отрицать то, чего не знаешь; то есть, въ некоторомъ родѣ дѣтство разума. Мы съ нимъ много говорили и я убѣдился, что онъ—человѣкъ дѣйствительно свѣдущій, но могущій расширить свои знанія только путемъ большаго сомнѣнія въ томъ, что знаетъ, и меньшаго въ томъ, чего не знаетъ.

Среда, 6.—Къ Шарлоттѣ.

Обѣдалъ сегодня у Панина; было много народа. Послѣ обѣда, Нессельроде сообщилъ мнѣ, что король прусскій *) далъ понять французскому двору, что онъ не желалъ бы назначенія де-Бретейля **) медиаторомъ по германскому ***) дѣлу, и что причиной этого нежеланія служатъ отношенія его къ женѣ Штатгальтера, прусской принцессѣ *).

*) Фридрихъ II.

**) Тогдашняго посла въ Вѣнѣ, отправленнаго для заключенія Тешенскаго мира.

***) Скорѣе по Баварскому, такъ какъ дѣло шло о конфликтѣ между Австріей и Пруссіей по поводу баварскаго наслѣдства. Война уже началась, когда дворы Россіи и Франціи предложили свое посредничество. Миръ былъ подписанъ въ Тешенѣ, 13 мая 1779 г., причемъ медиаторамъ со стороны Россіи былъ Репнинъ, а со стороны Франціи де-Бретейль.

****) Голландскій Штатгальтеръ Вильгельмъ V былъ женатъ на Фредерикѣ Софіи, принцессѣ прусской.

Имѣлъ совѣщаніе съ Панинымъ, который сообщилъ мнѣ, что Репнинъ уже ведетъ предварительные переговоры съ прусскимъ королемъ, но что ничего еще не рѣшено. Я было заговорилъ объ Англии, и о судахъ, которые она забрала у Россіи и Даніи *), но онъ увлонился, и я отложилъ разговоръ до другого раза. Относительно Константинополя **), я тоже отвѣта не добился.

Вернувшись домой, получилъ изъ Вѣны, депеши доставившія мнѣ большое удовольствіе. Дѣла идутъ—таки, какъ видишь, моя милая.

Четвергъ, 7.—Къ брату.

Прибытіе курьера, изъ Вѣны, съ очень важными депешами, прибавило мнѣ занятій. Посылая его, де-Бретейль рекомендовалъ какъ де-Верженну такъ и мнѣ представить здѣсь, отъ имени короля, планъ соглашенія между германскими державами. Ты можешь себѣ представить, насколько мнѣ пріятно такое порученіе. Курьеръ привезъ также изъ Бреслава пакеты отъ кн. Репнина къ гр. Панину, которыя тотчасъ же по его прибытіи и отослалъ. Этотъ курьеръ—одинъ изъ охотниковъ барона—прискакалъ довольно быстро для даннаго времени года. Изъ Вѣны онъ выѣхалъ 23 декабря, 26 былъ уже въ Бреславлѣ и выѣхавъ оттуда 27, прибылъ сюда 6-го, то есть вчера.

Посылая пакеты Панину, я ему написалъ письмо; но ни министра и никого изъ его секретарей не оказалось дома. Пришлось послать еще разъ, часовъ въ 12 ночи; тогда пакеты были приняты, а мнѣ приказано сказать, что ждутъ меня сегодня, въ одиннадцать часовъ утра. Я, конечно, поспѣшилъ явиться въ назначенный часъ и засталъ стараго папашу еще въ халатѣ, но былъ принятъ имъ

*) Корберонъ успѣлъ воспользоваться этими силами Англии, во время войны ея съ Америкой, для того чтобы ковеннымъ образомъ подготовить знаменитый вооруженный нейтралитетъ.

**) Со времени Кучукъ Кайнарджирскаго мира, объявившаго крымскихъ татаръ независимыми, Крымъ сдѣлался ареной борьбы, между Россіей и Турціей, за право инвеституры хановъ. Въ данное время дипломаты обѣихъ странъ собрались на конференцію для улаженія конфликта, угрожавшаго войною. Франція являлась примирительницей въ этомъ дѣлѣ.

весьма любезно. Документы находились у меня въ карманѣ, но я сначала сталъ зондировать почву, освѣдомить ли о содержаніи депешъ Репнина. Панинъ отвѣчалъ, что рекомендовалъ Репнину обратиться ко мнѣ лично, а что самъ онъ получилъ карту, на которой показаны границы *). Тогда я ему прочелъ депешу де-Верженна и планъ примиренія. Благодарство и деликатность, съ которыми ведется дѣло, доставили ему большое удовольствие повидимому. Мы вмѣстѣ разсмотрѣли карту и Панинъ сообщилъ мнѣ, что королю прусскому хотѣлось бы предвинуть границу къ сѣверу, но что разъ Франція стоитъ за теперешнее ея направление, то и надо этого держаться. Затѣмъ Панинъ просилъ дать ему депешу де-Верженна, обѣщая не читать ее никому кромѣ Императрицы. Хотя обычай повелѣваетъ намъ давать въ такихъ случаяхъ только копію, но такъ какъ графъ уже одѣвался чтобы ѣхать во дворецъ, то я безпрекословно далъ ему подлинникъ. Надѣюсь, что такое довѣріе будетъ мнѣ зачено въ заслугу. Между прочимъ я сообщилъ Панину, что мнѣ предписано дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Кауницемъ, на что я ограничу, насколько возможно, это согласіе, чтобы избѣгать нескромности. На этомъ наше совѣщаніе кончилось. Отъ Панина я поѣхалъ къ Кауницу, котораго тоже засталъ за туалетомъ. Мы съ нимъ имѣли конфиденціальный разговоръ, въ которомъ выяснилось, что онъ очень доволенъ оборотомъ дѣлъ, хотя они идутъ и не по системѣ его отца.

Вечеромъ былъ балъ при дворѣ. Тамъ я узналъ что Императрица одобрила предложенный планъ, такъ что все идетъ хорошо.

Понедѣльникъ, 11.—Къ брату.

Вотъ что значитъ быть всеѣмъ полезнымъ, мой другъ,—всѣ за тобой ухаживаютъ, всѣ тебя ласкаютъ, и это какъ въ свѣтской жизни, такъ и въ дѣловыхъ сферахъ. Вліяніе Франціи на германскія дѣла отозвалось на мнѣ: въ субботу сдѣлалъ мнѣ визитъ гр. Сольмсъ, а сегодня

*) Областей, прирѣзанныхъ къ Австріи, на Дунаѣ, Иннѣ и Зальцѣ.

былъ Кауницъ. Я еще ничего тебѣ не говорилъ о немъ, а потому попробую нарисовать его портретъ.

Можно сказать, что гр. Кауницъ—молодой, богатый, сынъ перваго министра Австріи,—не забываетъ о своемъ положеніи. Австрійская спѣсь, не идущая къ его молодымъ годамъ, маленькому росту и враждебной живости, проявляется у него въ иной формѣ. Онъ желалъ бы быть любезнымъ вельможей, но не обладаетъ ни достаточной для этого непринужденностью, ни достаточной представительностью. Хорошо поставленное хозяйство, щедрость, вѣжливость Кауница ослѣпляютъ здѣсь людей, которыхъ легко поймать на вѣшній блескъ. Сначала ему удалось ослѣпить всѣхъ, но впоследствии любезная непринужденность у него не вытанцовалась. Государственные люди нашли его слишкомъ легкомысленнымъ, а дамы—недостаточно галантнымъ и потому насмѣшники оказались не на его сторонѣ. Въ дѣловыхъ сношеніяхъ, въ которыя Кауницъ внесъ рѣзкость, мелочность и высокомѣріе своего отца, ему повезло еще хуже. Недостатки его—непоследовательность и отсутствіе того холоднаго достоинства, которое приличествуетъ посланнику—скоро всеѣмъ были замѣчены. Вотъ, мой другъ, тотъ человекъ, съ которымъ мнѣ теперь приходится имѣть дѣло. Окружаютъ его люди самые посредственные, въ числѣ коихъ есть нѣкій Карти—шутъ итальянскаго происхожденія, специалистъ по части сочиненія грязныхъ стиховъ. Для того чтобы взять верхъ надъ этимъ человекомъ—Кауницею—нужно обладать тою любезной непринужденностью, которой ему недостаетъ; онъ тогда самъ пойдетъ къ намѣченной другими цѣли.

Вторникъ, 12.—Къ брату.

Новый годъ и здѣсь проходитъ такъ же безстолково, какъ повсюду. Визиты да визиты—разговыванье карточекъ во всѣ стороны.

Былъ куртажъ, какъ ты можешь себѣ представить, очень многолюдный, но только всего. Я видѣлъ подносъ, на которомъ подавали Императрицѣ десертъ: развалины Пальмиры изъ фарфора. Очень хорошо выполнено. Вечеромъ состоялось

производство по военному и морскому вѣдомствамъ; вновь произведенные дѣловали руку Императрицы стоя на колѣнахъ—восточный обычай, который мнѣ всегда не нравился,

Вернувшись домой къ обѣду, я засталъ у себя Банафона, *)), съ которымъ и дѣлалъ потомъ визиты. Этотъ Банафонъ—бѣдный и честный французъ, сдѣлавшійся, благодаря обстоятельствамъ, несчастнымъ мизантропомъ. Смѣсь большихъ внутреннихъ достоинствъ съ вѣшними недостатками, въ родѣ подозрительности и рѣзкости, вообще создаетъ себѣ больше враговъ чѣмъ друзей, хотя я принадлежу къ числу послѣднихъ. Дѣлая визиты, мы много разговаривали. Онъ сообщилъ мнѣ одну особенность великаго князя, которая меня почему-то очень удивила. Ты знаешь, мой другъ, что я думаю объ этомъ слабому и безхарактерному принцѣ. Вдаваوکъ къ другимъ своимъ недостаткамъ онъ, говорятъ, любитъ еще самымъ пошлымъ образомъ играть словами. Недавно онъ спросилъ у Банафона, который служитъ суфлеромъ въ театрѣ, зачѣмъ онъ поступилъ на такое мѣсто; «для того чтобы суфлировать», отвѣчалъ Банафонъ. «А! для того чтобы давать пощечины **)», воскликнулъ великій князь... Вотъ каковъ, мой другъ, наследникъ престола русскихъ цезарей! А супруга его, высокая и красивая (я не говорю—хорошенькая), пользуется прерогативою всѣхъ такихъ женщинъ—она глупа. А кромѣ того, говорятъ, еще и скряга: найдя старые башмаки своей предшественницы, она велѣла ихъ починить и носить! Такой пошлости даже вѣрить трудно,

Суббота, 20 марта.—Къ брату.

Девятнадцато февраля, мой другъ, я—единственный изъ повѣренныхъ въ дѣлахъ—былъ приглашенъ къ Потемкинымъ на праздникъ данный имъ въ оранжереѣ своего дома на Невскомъ, который весь былъ превращенъ въ превосходный садъ. Передъ самой восточной дверью былъ устроенъ маленькій храмъ башни Дружбы,

державшей бюстъ Императрицы. Внутреннія комнаты дома не велики, но очаровательны; одна, на примѣръ, вся отдѣлана японскимъ лакомъ, другая, въ которой ужинала Императрица, меблирована какъ палатка, сдѣланная изъ превосходной росписной тафты. По стѣнамъ ея стояли маленькіе диваны на пять или шесть человѣкъ. Въ ней же я видѣлъ превосходную хрустальную люстру, сдѣланную на собственной фабрикѣ Потемкина. Одинъ маленькій кабинетъ отдѣланъ богатой матеріей, вышитой самой Императрицею.

Праздникъ былъ настолько хорошъ, насколько это возможно при господствѣ этикета. Изъ пословъ съ Императрицей ужиналъ только одинъ Кауницъ, да и то потому, что очень разсердился, когда его не пригласили—пришлось, среди ужина, нарочно посылать за нимъ оберъ-штальмейстера. Такое ребячество показалось мнѣ тѣмъ болѣе смѣшнымъ, что Кауницъ не можетъ претендовать на то, чего не получили всѣ другіе. Но что меня особенно позабавило, такъ это поведеніе прусскаго посла, гр. Сольмса. Увидавъ, что Кауница ведутъ ужинать съ Императрицей, онъ не остался въ большой залѣ, а вышелъ въ сосѣдную, гдѣ ужинали придворные и дамы. Сочтя такую выходку очень политической, я послѣдовалъ его примѣру и ужиналъ отдѣльно какъ это иногда дѣлается въ подобнаго рода случаяхъ.

Очень печально, что въ политикѣ часто приходится встрѣчаться съ оскорбительными пустяками, которымъ нельзя не придавать значенія, но которые, благодаря этому, ставятъ васъ въ смѣшное положеніе. Въ этотъ день, на примѣръ, по странной небрежности, забыли пригласить графа Гильденстольпе шведскаго генерала, пріѣхавшаго сюда съ извѣстіемъ о разрѣшеніи отъ бремени шведской королевы. Баронъ Нолькенъ, шведскій посланникъ, боясь или не желая въ свою очередь отказаться отъ приглашенія, письменно наполнилъ Потемкину о Гильденстольпе, которому тогда послали простой билетъ, но онъ обидѣлся и не пріѣхалъ, такъ что Нолькенъ представлялъ собою очень печальную фигуру за ужиномъ. Я, на его мѣстѣ, не сталъ бы напоминать, но и самъ бы не пріѣхалъ.

*) Сначала былъ суфлеромъ а потомъ—инспекторомъ въ Смольномъ Монастырѣ.

**) Souffler—souffleter.

Это уже не въ первый разъ я замѣчаю что Нольвенъ недостаточно рѣшителенъ: пошлое высокомеріе, соединенное со слабостью, характерно какъ для него, такъ и для его государя. Ты вѣроятно слышалъ о томъ, какъ жена австрійскаго посланника отказалась поцѣловать руку шведской королевы, ссылаясь на то, что она имперская графиня, и какъ великій Густавъ, разсерженный этимъ отказомъ, велѣлъ ее вывести съ одного платнаго, публичнаго бала. Въ Вѣнѣ эта пошлость очень не понравилась, посланникъ подалъ въ отставку, и хорошо сдѣлалъ.

Понедѣльникъ, 22.—Къ брату.

Какъ бы я ни высказывался противъ этой страны, мой другъ, какъ бы она ни была мнѣ неприятна, но все же я стараюсь въ ней ужиться, потому что это мнѣ во многихъ отношеніяхъ полезно. Я нашелъ здѣсь друзей въ средѣ иностранцевъ, нашелъ нѣжную и милую подругу жизни и пользуюсь не малымъ вліяніемъ. Вниманіе, съ которымъ я отношусь къ дѣламъ, мнѣ порученнымъ, составило мнѣ хорошую репутацію и пребываніе мое здѣсь не останется безплоднымъ.

Я не стану тебѣ повторять того, что говорилъ уже двадцать разъ, а изложу только результаты моихъ наблюденій и ты увидишь насколько я былъ правъ.

Въ началѣ моего здѣсь пребыванія, я старался проникнуть во всѣ кружки здѣшняго общества и не имѣлъ поводовъ на него жаловаться. Французскіе манеры, всегда заключающія въ себѣ немножко кокетства, направленного къ тому чтобы всѣмъ понравиться, доставили мнѣ успѣхъ и репутацію любезнаго человѣка, которая меня однакоже не вполне удовлетворяла. Тогда я перемѣнилъ систему и не переставая вращаться въ большомъ свѣтѣ, сталъ исключительно придерживаться только нѣсколькихъ кружковъ, причемъ выказалъ много прямодушія, твердости и послѣдовательности, завоевавшихъ мнѣ вообще уваженіе. Меня перестали считать слабымъ и начали даже преувеличивать мою твердость. Безъ шарлатанства вѣдь не обойдешься въ этомъ мірѣ, но оно должно быть наиболѣе простымъ и послѣдовательнымъ.

Эта система примирила меня съ самыми интересными изъ здѣшнихъ лицъ: Панинымъ, Потемкинымъ, Иваномъ Чернышевымъ и двумя посланниками—Сольсомъ и Гаррисомъ. Всѣ они относятся ко мнѣ дружески и съ уваженіемъ; сама императрица одобряетъ мое поведеніе. Многие думаютъ, что я останусь здѣсь посланникомъ и гр. Чернышовъ, у котораго я сегодня обѣдалъ, говоритъ, что желалъ-бы видѣть меня на мѣстѣ маркиза де-Жюинье. Чѣмъ кончатся всѣ эти благія пожеланія? Посмотримъ.

Англійскій посланникъ, по письменной просьбѣ короля, получилъ изъ рукъ императрицы орденъ Бани. Это здѣсь въ обычаѣ и Ея Величество подарила новому кавалеру шпагу, осыпанную брилліантами, цѣною въ 1500 р.

Сегодня я обѣдалъ у Ивана Чернышова, который принялъ меня прекрасно. Я спросилъ его на счетъ слуховъ, ходящихъ по городу, о дозволеніи англичанамъ строить, въ Архангельскѣ, военные корабли изъ знаменитаго дерева, называемаго листовницей (*listwinno*). Онъ увѣряетъ, что это не правда, что позволеніе дано лишь нѣскольکو частнымъ лицамъ на постройку мортирныхъ судовъ (*bâtimens de pierres?*), и что впредь оно не будетъ даваемо никому, въ чемъ далъ мнѣ даже честное слово, котораго я не требовалъ. Мы, дипломаты, не особенно вѣримъ въ слова и потому никогда ихъ не требуемъ.

Маркизь де-ля-Валь сегодня отъѣзжалъ императрицѣ. Этотъ молодой человѣкъ, состоящій на пьемонтской службѣ, былъ мнѣ рекомендованъ де-Бретейлемъ. Прибылъ онъ сюда недавно, да и вообще ничѣмъ особенно не замѣчателенъ.

Вотъ есть тутъ одинъ несчастный и всѣми порицаемый человѣкъ, который рѣшительно не заслуживаетъ ни мнѣнія, объ немъ сложившагося, ни печальной судьбы, его постигшей. Это нѣкій Куранъ (*Courant*) изъ Невшателя. Обстоятельства привели его въ Россію для того чтобы искать здѣсь примѣненія своимъ способностямъ къ рисованію и другимъ талантамъ, которыхъ онъ не успѣлъ проявить благодаря недостатку терпѣнія и пронируемости. Въ 1776 г. онъ познакомился съ нѣкимъ Шампаньоло, предложившимъ ему войти въ одно пред-

приятіе, которое должно было принести 40000 р. и честь подполковника польской службы (?), но требовавшимъ чтобы онъ не спрашивалъ о цѣли предпріятія и не сходилъ съ лицами, держащими сторону Польши Пруссіи (?). Такое предложеніе очень удивило Курана и заставило его конфиденціально изложить свои сомнѣнія Хюттелю, своему соотечественнику. Хюттель разсказалъ объ этомъ Сольмсу, а Сольмсъ—Панину, который самъ захотѣлъ поговорить съ Кураномъ и посоветовалъ ему принять предложеніе Шампаньало, съ цѣлью открыть настоящіе намѣренія послѣдняго. Шампаньало попался въ разставленную ловушку: онъ сообщилъ Курану, что дѣло идетъ о проектѣ великаго Гетмана (grand-ge-néral) польскаго свергнуть съ престола короля и къ тоже время повредить насколько можно Россіи. Для послѣдней цѣли рѣшено было сжечь Кронштадтъ и надѣлать фальшивыхъ бумажекъ. Все это Куранъ узналъ на военномъ суднѣ, на которомъ онъ, вмѣстѣ съ Шампаньало, ѣхалъ въ Кронштадтъ. Письменно сообщивъ гр. Панину планъ заговорщиковъ, онъ получилъ приказаніе требовать немедленнаго выполненія этого плана, за что ему обѣщали вознагражденіе, превышающее то, которое было обѣщано заговорщиками. Куранъ, поэтому, тотчасъ же составилъ рисунки, сдѣлалъ машину для поддержки банковыхъ билетовъ и, напечатавъ ихъ на 250.000, представилъ Г. Грау (Graw), русскому резиденту въ Гамбургѣ (вмѣсто того чтобы переслать женѣ Шампаньало, въ Петербургѣ). Кромѣ того онъ же завлекъ Шампаньало въ Варшаву, гдѣ послѣдній былъ арестованъ Штапельбергъ, а затѣмъ перевезенъ въ Петербургъ, посаженъ въ крѣпость и, по всей вѣроятности, казненъ, хотя говорили, что онъ самъ, съ отчаянія, зарѣзался.

Вернувшись сюда, Куранъ не получилъ, однакоже, обѣщаннаго вознагражденія; ему выдали только 1000 дукатовъ и, по повелѣнію Императрицы, приказали выѣхать изъ Россіи. Бѣднякъ уѣхалъ на родину, но въ минувшемъ октябрѣ вернулся чтобы хлопотать о выдачѣ такъ хорошо заслуженнаго вознагражденія. Хлопоты его, однакожъ, успѣха не имѣли; вотъ и служи, послѣ этого, монархамъ!

Прежде чѣмъ кончить это письмо, сообщу тебѣ, что ѣздилъ смотрѣть оружейный заводъ въ Сестрорѣцкѣ (Tusterberg-Sisterbeck?) въ 27 верстахъ отъ Петербурга. Во главѣ завода стоитъ одинъ изъ Эйлеровъ; работаютъ тамъ довольно плохо, благодаря дурному веденію дѣла.

Р. С. Великій Гетманъ Польскій, о которомъ я говорю въ этомъ письмѣ, есть гр. Броницкій, упрямый человекъ, лишенный ума и таланта.

Понедѣльникъ, 9 апр.—Къ брату.

Получилъ хорошія извѣстія изъ Константинополя: мирный договоръ съ Россіей подписанъ *) и ты можешь понять мой другъ, какъ это всѣхъ здѣсь радуешь. Я очень счастливъ что маркизъ не спѣшитъ возвращаться—для меня это прекрасный случай показать свои способности къ веденію дѣлъ. Сень - При **) съ честью выпутался изъ затрудненій, хотя ему много мѣшало русскій посоль при Портѣ, Стахѣвъ, человекъ подозрительный и неуживчивый, вообразившій что Сень-При подъ него подкапывается. Правда, что послѣдній не особенно хорошо отозвался о Стахѣвѣ, въ своей нотѣ, попавшей въ руки Репнина. По настоящему, это маленькое недоразумѣніе не должно бы мѣшать дѣламъ, но оно до такой степени мѣшало, что Сень-При просилъ меня даже похлопотать объ отозваніи Стахѣва.

Сдѣлаю что могу, но надо быть очень осторожнымъ и, главное, не высказывать большого интереса къ этому дѣлу. Завтра повидаемъ съ Панинымъ и напишу тебѣ чѣмъ кончатся наши переговоры.

Вторникъ, 20 апр.—Къ брату.

Въ политикѣ, недостаточно предвидѣть, а нужно еще дѣйствовать ловко и благоразумно, между тѣмъ каллеги мои далеко не всѣ обладаютъ этими качествами, довольно таки рѣдкими. Сегодня утромъ былъ у меня Нормандецъ, которому я вчера переслалъ письмо Неаполитанскаго

*) Али Кавказская конвенція, служившая дополненіемъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

**) Французскій посоль въ Константинополь.

посланника въ Константинополь; не знаю какъ зовуть этого господина, но, судя по слогу, онъ далеко не орелъ. Нормандецъ, также къ числу орловъ не принадлежащій, прочелъ мнѣ это письмо, въ которомъ авторъ—родственникъ Сенъ-При—жалуется на Стахъева. Нормандецъ собирался поговорить объ этомъ съ Панинымъ, но я предложилъ ему подождать, такъ какъ самъ рассчитывалъ сдѣлать это сегодня же. И дѣйствительно, сегодня я обѣдалъ у Панина, который наговорилъ мнѣ много хорошаго о Сенъ-При и нашемъ министерствѣ; пользуясь этимъ, я слегка намекнулъ ему о недостаткахъ Стахъева и, отнюдь не жалуясь на послѣдняго, все таки сказала достаточно, чтобы быть понятымъ. Старикъ согласился, что Стахъевъ дѣйствительно неловокъ, а на дальнѣйшемъ я не настаивалъ: это останется на другой разъ. Въ политикѣ вообще не слѣдуетъ ярко высказывать свои желанія, такая метода мнѣ всегда удавалась.

Отъ Панина я поѣхалъ къ Сольмсу, которому и рассказалъ все, что не было договорено у Панина. Они—друзья, и Сольмсъ конечно передать ему мои слова, такъ какъ самъ былъ очень возмущенъ поведеніемъ Стахъева и предлагалъ мнѣ дѣйствовать настоятельно. Хорошо я сдѣлалъ, что былъ очень остороженъ съ Панинымъ, это принесетъ свои плоды... Покончивъ съ дѣлами, я провелъ вечеръ у моей Шарлотты, которая посоветовала мнѣ поговорить съ Визеномъ, а Хюттель, съ своей стороны, настроить Алопеуса поговорить съ Остерманомъ, и я, такимъ образомъ, достигну цѣли.

Четвергъ, 22.—Къ брату.

Рано утромъ я отправился къ Визену и засталъ его еще въ халатѣ, такъ какъ вошелъ безъ доклада. Мы долго говорили, и я, подъ секретомъ (что очень ему польстило) пересказалъ своему собесѣднику всѣ жалобы Сенъ-При на Стахъева, а въ концѣ концовъ заставилъ его признаться, что въ Константинополь нужно имѣть человѣка мягкаго и сговорчиваго, а Стахъева слѣдуетъ отозвать. Визенъ спросилъ, желаю ли я чтобы онъ сказалъ объ этомъ Панину, а я отвѣчалъ, что это было бы очень хорошо, такъ какъ

самъ я жаловаться не умѣю, да мнѣ, собственно говоря, и нѣтъ никакого дѣла до Стахъева, я говорю лишь въ интересахъ русскаго правительства. Визенъ остался очень доволенъ моимъ объясненіемъ, спросилъ о здоровьѣ маркиза и увѣрилъ меня, что послѣдній больше не вернется въ Россію. «Вы должны остаться у насъ посланникомъ—прибавилъ онъ—и на вашемъ мѣстѣ я поговорилъ бы объ этомъ съ гр. Панинымъ, который васъ особенно уважаетъ и будетъ очень доволенъ если вы останетесь». Я отвѣчалъ, что мнѣ это было бы очень пріятно, но что я, изъ деликатности, говорить съ Панинымъ не стану, такъ какъ не знаю намѣреній маркиза.

Буду держаться твердо, мой другъ; надо оставаться честнымъ человѣкомъ. Какъ бы маркизъ ни былъ виноватъ передо мною, я передъ нимъ виноватымъ быть не хочу.

Затѣмъ я былъ у Нормандца. Оказалось, что я не ошибся въ его способностяхъ къ политикѣ: онъ надѣлалъ глупостей и признался мнѣ въ этомъ. Движимый желаніемъ вмѣшаться не въ свое дѣло, онъ поговорилъ таки съ Панинымъ и былъ принятъ очень плохо. Вотъ какъ онъ передавалъ мнѣ свой разговоръ:

«Поздравляю ваше превосходительство съ полученіемъ хорошихъ извѣстій изъ Константинополя».—«А вы ужъ узнали объ этомъ?»—«Да, ваше превосходительство, мнѣ писали».—«Мы дѣйствительно надѣмся, что дѣла будутъ улажены, благодаря стараніямъ г. де-Сенъ-При».—«Знаю, ваше превосходительство, что г. де-Сенъ-При много поработалъ и даже, кажется, безъ содѣйствія г. Стахъева, который, напротивъ того...» Но тутъ Панинъ повернулся къ нему спиной и заговорилъ съ кѣмъ-то другимъ.

Вотъ, мой другъ, насколько вредна въ дѣлахъ всякая неловкость. Недостаточно умѣть шифровать депеши, нужно еще смотрѣть въ оба, да умѣть помолчать во время и внушать другимъ то, объ чемъ прямо просить не хочется. Выходка Нормандца очень меня обезпечила; я испугался какъ бы она не разсердила Панина. Надо было тотчасъ же принять мѣры, поэтому я, прямо отъ Нормандца, отправился къ Алопеусу, который заходилъ ко мнѣ утромъ и ве-

лѣлъ сказать, что въ пять часовъ будетъ дома. Тутъ я вновь разсказалъ всю исторію и съ большимъ успѣхомъ: Алопеусъ общалъ разъяснить дѣло Панину. Но для того, чтобы заручиться и со стороны Остермана, я просилъ Алопеуса представить послѣднему, что я вовсе не жалуюсь, а просто излагаю дѣло какъ оно есть, въ расчетѣ на его справедливость и ради общей пользы. Такимъ манеромъ я всѣхъ ихъ очаровалъ и теперь вполне увѣренъ въ успѣхъ.

Пятница, 23.—Къ брату.

Семь разъ примѣръ и одинъ разъ отрѣжь—говоритъ пословица. Я пріѣхалъ къ Панину для того, чтобы подробно изложить ему то, о чемъ предварительно долженъ былъ поговорить Визенъ, какъ вдругъ встрѣчаю самого Визена, который, какъ оказалось, не могъ говорить съ Панинымъ о Стахѣвѣ, да и мнѣ совѣтуетъ помолчать пока. Меня это удивило, и, заподозривъ какіе-нибудь корни, я отвѣчала Визену, что по его же прежнему совѣту я намѣренъ во всемъ открыться Панину. Онъ, однакожь, сталъ настаивать и я, чтобы не выказывать упрямства, обещалъ помолчать о Стахѣвѣ. Панинъ самъ заговорилъ со мной о Константинополѣ, но я не нарушилъ своего обещанія, чѣмъ послѣ и похвастался Визену. Отъ Панина я, тѣмъ не менѣе, отправился къ Сольмсу, которому сказалъ, что не рѣшился говорить съ Панинымъ о Стахѣвѣ, боясь рассердить его, тѣмъ болѣе, что это и не мое вовсе дѣло. Сольмсъ вновь сталъ убѣждать меня воспользоваться какимъ-нибудь случаемъ для откровеннаго разговора, и я надѣюсь самъ создать такой случай, вопреки желанію Визена, который, говорятъ, очень друженъ съ Стахѣвымъ.

Суббота, 24.—Къ брату.

Я, мой другъ, весьма удачно нашелъ средство заинтересовать въ моемъ дѣлѣ весьма многихъ, такъ что они теперь принимаютъ его за свое собственное. Сегодня былъ у меня Хюттель, и сказалъ, что Алопеусъ недоволенъ тѣмъ, что я еще не поговорилъ съ Панинымъ, что Остерманъ уже предупрежденъ и вчера

былъ у Панина по моему дѣлу, и что мнѣ слѣдовало бы поговорить хоть съ Остерманомъ. Я, поэтому, отправился обѣдать къ послѣднему и, за кофе, имѣлъ съ нимъ разговоръ, въ которомъ передалъ все, что знаю о Стахѣвѣ, изложивъ и причины той деликатности, какую считалъ долгомъ соблюдать по отношенію къ нему. Вице-канцлеръ спросилъ, можетъ ли онъ говорить отъ моего имени, а я предоставилъ ему это право. Такимъ образомъ разговоръ нашъ кончился вполне удовлетворительно. Вотъ послѣ этого-то я и написалъ къ Алопеусу то письмо, о которомъ говорилъ выше. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы показать полное мое безпристрастіе и личную неизинтересованность въ этомъ дѣлѣ. Надо замѣтить, что Остерманъ сказалъ мнѣ, что отозваніе Стахѣва надо отложить до подписанія трактата съ турками, а я ему отвѣчалъ на это, что ни я, ни Сень-Пририве вовсе не желали бы сдѣлать что-либо непріятное Стахѣву, но заботимся только о томъ, чтобы предупредить всякіе поводы къ раздраженію Порты.

Среда, 28.—Къ брату

Сегодня я былъ очень удивленъ визитомъ Кауница, такъ какъ, надо тебѣ сказать, что онъ немножко сердитъ на меня за участіе въ заключеніи мира съ турками, чего Вѣнскій дворъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, совсѣмъ не ожидалъ *). Эти самыя обстоятельства заставили и меня быть сдержаннѣе съ Кауницомъ, а чтобы онъ не обидѣлся, я употребилъ всѣ усилія быть съ нимъ любезнымъ во всемъ, что не касается политики. Поэтому-то онъ и пріѣхалъ. Мы было съ нимъ разговорились о дѣлахъ Германіи, когда мнѣ доложили о прибытіи Страхова, секретаря Панина. Кауницъ успѣшилъ раскланяться, а Страховъ заявилъ мнѣ, отъ имени министра, что изъ конгресса **) получены добрыя вѣсти и что надо ожидать немедленнаго подписанія мирнаго договора. Страховъ сказалъ мнѣ также, что Императрица пожаловала Сень-Приривенъ

*) Въ Вѣнѣ думали, что затрудненія съ Турціей помѣшаютъ Россіи заниматься германскими дѣлами.

**) Тешенскаго, открытаго 10 марта.

Андрея Первозваннаго съ брилліантами, а женѣ его—перстень, въ 10 — 12 тысячъ рублей. Я хоть и ожидалъ этого, а все-таки порадовался, тѣмъ болѣе, что и самъ нѣсколько содѣйствовалъ назначенію такой награды. Кн. Потемкинъ справлялся у меня о происхожденіи Сенъ-При, его общественномъ положеніи, чинѣ и проч., на что я отвѣчалъ, что онъ изъ хорошей фамиліи, маршалъ, можетъ быть министромъ и получить голубую ленту (Св. Духа). Надо тебѣ знать, мой другъ, что здѣсь надо быть генераль-лейтенантомъ, чтобы получить Св. Андрея; здѣсь все по чинамъ. Такииъ образомъ мой отзывъ много содѣйствовалъ назначенію такой высокой награды.

Былъ сегодня у Панина, который разъяснилъ мнѣ подробности относительно конгресса, а также вновь говорилъ, что Императрица очень довольна заключеніемъ мира и желала бы оказать намъ ту же услугу, какую получила отъ насъ, такъ что если ея посредничество *) будетъ пріятно королю, то она готова взять его на себя, сохраняя необходимую тайну и соблюдая полное безпристрастіе.

Думаю, мой другъ, послать Гарри курьеромъ въ Версаль и уже просилъ порученій отъ кн. Потемкина. Онъ передалъ, черезъ шевалье де-ля-Тейссоньера, что съ удовольствіемъ принимаетъ мое предложеніе и проситъ меня пріѣхать къ нему въ Царское Село. Мы съ Гарри тотчасъ же туда и выѣхали. Прибыли часовъ въ десять вечера, такъ что де-ля-Тейссоньеръ уже легъ, но это не помѣшало намъ разговаривать. Князь посылаетъ его въ Константиноль. Если-бъ мы пріѣхали пораньше, то ужинали бы съ княземъ, а теперь пришлось провести ночь на диванѣ, въ плохой гостиницѣ.

Четвергъ, 29. — Къ брату.

Я всталъ въ 9 часовъ и, прогулявшись по прекрасному англійскому парку, отправился къ Потемкину. Онъ привялъ меня одного и мы проговорили около трехъ четвертей часа. Сначала князь расхваливалъ Францію, а потомъ разго-

воръ коснулся Россіи и тутъ ужъ я принялся ее расхваливать, причеиъ, конечно, сдѣлалъ что могъ. Я особенно напиралъ на то, что Россія выигрываетъ при ближайшемъ съ нею знакомствѣ, и это очень понравилось моему собесѣднику. Я воспользовался удобнымъ моментомъ, чтобы выпросить у него очень рѣдкую и неизданную карту новооткрытыхъ острововъ, лежащихъ между Россіей и Америкой, составленную нѣкимъ Очерединымъ (Otschérdin), которую желалъ бы послать королю. Князь обещался испросить у Императрицы дозволеніе на выдачу мнѣ этой карты. Послѣ довольно продолжительнаго разговора, я собрался откланяться, но князь сталъ меня удерживать. Не желая, однако же, надоесть ему, я все-таки простился и ушелъ, провожаемый имъ до дверей и очень довольный. Письма и порученія въ Версаль князь общалъ мнѣ прислать. Прощай, мой другъ. Поѣздка моя надѣлаетъ шума, конечно, но чтожъ изъ этого? Игрокъ долженъ пользоваться благоприятными шансами.

Суббота, 1 мая. — Къ брату.

Сегодня работалъ цѣлое утро, что мнѣ и помѣшало писать къ тебѣ. Съ удовольствіемъ возвращаюсь къ разсказу о своихъ дѣлахъ. Фаворъ здѣсь подверженъ большимъ превратностямъ. Четырнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ на французовъ смотрѣли здѣсь косо, а константинопольскій миръ поставилъ насъ въ лучшее положеніе. Двадцать восемь мѣсяцевъ тому назадъ меня не пускали ко двору, а теперь, говорятъ, получу Анненскую ленту и Государыня такъ хорошо обо мнѣ отозвалась *), что я, благодаря этому отзыву, буду гдѣ-нибудь посланникомъ. Сегодня мы отправляемъ курьера въ Константинополь, а въ понедѣльникъ—въ Парижъ.

Воскресенье, 2. — Къ брату.

Сегодня у Остермана большой обѣдъ по случаю рожденія Императрицы. Впервые мы обѣдали въ его галлерей, очень

*) Въ войнѣ Франціи, Испаніи и Соединеннымъ Штатамъ съ Англійей.

*) Въ письмѣ Панина къ Барятинскому, русскому послу въ Парижѣ.

красивой, хотя и черезчуръ переполненной скульптурными украшениями. Кауницъ говорилъ мнѣ о мѣстѣ посланика, на которое я будто бы назначенъ (чего, однакожь, не знаю) и которымъ не могу быть доволенъ въ виду здѣшней моей работы. Для меня, мой другъ, подошли бы только два мѣста—или въ Петербургъ или въ Берлинъ. Но нужно еще знать какъ поступитъ маркизь де-Жюинье. Не вѣрю въ его возвращеніе, и во Франціи такъ же думаютъ. Впрочемъ, ручаться ни за что нельзя.

Алопеусъ говорилъ мнѣ за обѣдомъ, что Стахѣевъ навѣрно будетъ отозванъ.

Сегодня получилъ письмо, но отъ маркиза ни слова. Вотъ уже скоро три мѣсяца какъ онъ мнѣ не пишетъ.

Среда, 5.—Къ брату.

Сегодня, въ 3½ часа, уѣхалъ Гарри. Онъ везетъ съ собою интересную депешу, успѣхъ которой я буду ждать съ нетерпѣніемъ. Гарри уѣхалъ бы дня два тому назадъ, если-бъ не пришлось ждать писемъ отъ Потемкина, который очень лѣнивъ писать. Я велѣлъ Гарри спѣшить, но боюсь, что онъ не обгонитъ русскаго курьера, выѣхавшаго въ понедѣльникъ. Два часа спустя послѣ его отъѣзда, я замѣтилъ, что онъ забылъ свой паспортъ, послалъ Сень-Жана, верхомъ, въ догонку. Сень-Жанъ догналъ его за 40 верстъ отъ Петербурга, и вернулся назадъ, на той же лошади, къ 10 часамъ вечера. Какой англійскій курьеръ сдѣлаетъ тоже? Гарри велѣлъ передать мнѣ, что надѣется перегнать русскаго курьера: очень бы было хорошо.

Четвергъ, 6.—Къ брату.

Покончивъ съ письмами, отправился обѣдать къ Панину. Первый чиновникъ особыхъ порученій (сommis?), Обри, сообщилъ мнѣ, что маркизь Жюинье ни въ какомъ случаѣ не вернется сюда, и что въ Парижѣ ходитъ слухъ о назначеніи на его мѣсто г. д'Антрѣга изъ Дрездена. Это меня огорчило, потому что разстраиваетъ мои планы. Панинъ относится ко мнѣ хорошо, но этого мало: нужно дѣйствовать, а я знаю, какъ онъ лѣнивъ. Онъ хочетъ, что-

бы я самъ просилъ нашъ дворъ оставленіи меня въ Петербургѣ, а это невозможно. Между тѣмъ у меня есть доказательства довѣрія и уваженія, съ которыми относится ко мнѣ Панинъ. Вотъ суди самъ.

Мѣсяца два тому назадъ русскій дворъ сдѣлалъ представленія дворамъ шведскому и датскому относительно корсаровъ, которые могутъ плавать по сѣвернымъ морьямъ; я во время получилъ копію съ этого представленія, потребовалъ себѣ аудіенціи у министра и говорилъ съ нимъ весьма твердо. Многие думали, что мы изъ-за этого поссоримся, а онъ сталъ только больше уважать меня. По этому дѣлу я добился большаго, чѣмъ всѣ остальные посланники, и получилъ удовлетворительный отвѣтъ. Правдивость и твердость, мой другъ, никогда не повредятъ. Это еще не все: я послалъ копію съ представленія нашему двору; тамъ очень удивились, но увидали, что я былъ правъ и одобрили мои дѣйствія. Меня удивило, что и Сольмсъ объ этомъ знаетъ. Король прусскій, по приглашенію нашего двора, приказалъ ему сдѣлать серьезныя представленія по этому поведи, а онъ спросилъ у меня, имѣю ли я основанія бояться какихъ-нибудь новыхъ осложненій дѣла. На основаніи слова, даннаго Панинымъ, я ему положительно сказалъ, что не имѣю и просилъ его даже сказать Панину, что не заподозрѣваю чистоты его намѣреній.

Возвращаюсь, мой другъ, къ назначенію д'Антрѣга. Переговоривъ съ Комбсомъ, мы рѣшили, что онъ отправится завтра въ Царское Село и попроситъ деля-Тейссоньера позондировать на этотъ счетъ князя Потемкина. Я уже говорилъ тебѣ, что мнѣ совѣтовали написать къ нашему двору предвѣстительно заручившись согласіемъ Панина, но деликатность помѣшала мнѣ сдѣлать это не узнавъ объ участи маркиза. Теперь участь его рѣшена и я долженъ дѣйствовать.

Перейду теперь къ другому вопросу. Ты знаешь что слишкомъ умѣренное приданое, полученное отъ маркиза Комбсомъ по поводу свадьбы, заставило его искать здѣсь мѣста, которое могло бы обезпечить покойную и счастливую жизнь. По протекціи Раджерсона, Рибасъ общалъ Комбеу мѣсто инспектора въ кадетскомъ

корпусъ, съ девятью стами рублей жалованья, квартирой и содержаніемъ, а кромѣ того женѣ его 400 р. въ годъ, что въ общемъ составило бы 1.300 р. на всемъ готовомъ. Комбсу оставалось только принять это предложеніе, но по свойственной ему нерѣшительности, или лучше сказать беззаботности и лѣности, заставляющихъ его отступать передъ необходимостью встать зимю въ пять часовъ утра, онъ отложилъ свое поступленіе на службу до весны, а тѣмъ временемъ предупредилъ маркиза о своемъ уходѣ, надѣясь, что тотъ его удержитъ, предложивъ условія столь же выгодныя. Жена Комбса принуждена была, однако же, принять мѣсто немедленно. Маркизь промолчалъ и къ 1-му апрѣля пришлось давать рѣшительный отвѣтъ, причемъ произошло именно то, что я раньше предсказывалъ. Я говорилъ Комбсу, чтобы онъ спѣшилъ занять мѣсто съ цѣлью связать Рибаса, которому, по всей вѣроятности, хотѣлось только завладѣть его женою, такъ что въ случаѣ если послѣдняя не сойдется съ Рибасомъ то и ей самой будетъ отказано, а ужъ не то что ей мужу. Точно такъ и вышло. Въ апрѣлѣ Рибасъ объявилъ Комбсу, что генералъ Пурпръ желаетъ имѣть въ корпусѣ двухъ инспекторовъ и что если Комбсъ хочетъ занять одно изъ этихъ мѣстъ, то долженъ удовольствоваться половиннымъ жалованьемъ, то есть 450-ю рублями вмѣсто 900. Ты понимаешь, что Комбсъ не могъ на это согласиться, особенно въ виду безобразій, совершающихся въ корпусѣ. Оказалось что объ единственномъ инспекторѣ съ жалованьемъ въ 900 р. генералъ Пурпръ никогда и не думалъ, а Рибасу просто хотѣлось завладѣть женою Комбса. Въ концѣ концовъ послѣдній долженъ былъ отказаться отъ мѣста, а жена его получила отставку. Таковы-то дѣла!

Пятница, 7.—Къ брату.

Комбсъ былъ сегодня въ Царскомъ Селѣ, мой другъ, и видѣлся съ де-ля-Тейссоньеромъ, который не вѣрится назначенію д'Антрэга, чиновника ограниченнаго и лѣниваго. Онъ общался поговорить обо мнѣ съ княземъ и скоро сообщить результаты этихъ переговоровъ.

Комбсъ узналъ, что князь любитъ живопись и самъ рисуетъ. Я воспользуюсь этимъ новымъ средствомъ услужить ему, такъ же, какъ и секретомъ Шарпантье (новый способъ уговариванія), который я купилъ. При первой возможности поговорю объ этомъ съ княземъ, чтобы поближе сойтись съ нимъ.

Суббота, 8.—Къ брату.

Великая княгиня ведетъ себя лучше, чѣмъ наша королева *): сегодня, въ 9 часовъ утра, она родила сына, котораго назвали Константиномъ. Вотъ имя, возбуждающее толки въ средѣ политиковъ; думаютъ, что Императрица предназначила своего второго внука къ тому, чтобы возстановить печальной памяти Византийскую имперію, рухнувшую въ 1453 г. при Константинѣ Палеологѣ. Романтическія идеи здѣсь въ большомъ ходу. Роды великой княгини были вполне благополучны. Въ полночь она почувствовала боли, которыя къ утру прошли; такъ что дали ей время написать письмо къ Панину и позавтракать. Въ восемь часовъ онъ возобновились, а въ девять великая княгиня уже родила.

Воскресенье, 9.—Къ брату.

Сегодня былъ во дворцѣ приемъ — поздравляли Императрицу и великаго князя. Я тоже ѣздилъ, а такъ какъ еще утромъ получилъ записку отъ де-ля-Тейссоньера, въ которой онъ сообщаетъ, что говорилъ обо мнѣ съ княземъ, и что мнѣ бы слѣдовало поговорить съ нимъ самому, то я и рѣшилъ остаться въ Царскомъ Селѣ.

Провелъ ночь въ трактирѣ, на диванѣ, и не могъ сомкнуть глазъ, потому что въ сосѣдней комнатѣ, съ 9 ч. вечера до 10 утра, шла игра на биллардѣ.

Понедѣльникъ, 10.—Къ брату.

Въ одиннадцать часовъ утра отправился къ князю Потемкину, который принялъ меня наединѣ и спросилъ, чѣмъ

*) Марія-Антуанета, выйдя замужъ въ мѣѣ 1770 г., родила перваго ребенка только въ 1778 г., да и то дѣвочку. Первый сынъ у нея родился въ 1781 г.

можетъ служить. Я отвѣчалъ, что являюсь поздравить его съ рожденіемъ великаго князя Константина, затѣмъ поблагодарилъ за хорошій отзывъ на мой счетъ, съ де-ля-Тейссоньеромъ. На это онъ тотчасъ же отвѣчалъ: «Императрица была бы довольна, если бы вы остались здѣсь, но есть маленькое препятствіе — говорятъ, что къ намъ назначатъ д'Антрага». Я отвѣчалъ, что не думаю этого, и что если Императрица захочетъ, то все устроится. «Она-то этого хочетъ», сказалъ князь, и затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ. «Поговорите съ Панинымъ и пусть онъ мнѣ доложитъ.—Прикажете сказать ему это отъ вашего имени?—Нѣтъ, такъ не годится, пусть онъ доложитъ по вашей просьбѣ, только не теряйте времени.

Отъ князя я прямо отправился къ Панину и, поздравивъ его съ разрѣшеніемъ великой княгини, сказалъ:—Вы всегда были такъ добры ко мнѣ, графъ, что я рѣшаюсь быть съ вами вполнѣ откровеннымъ. Совмѣстная съ вашимъ снѣательствомъ работа, которую я веду съ нѣкоторыхъ поръ, до такой степени мнѣ пріятна, что я желаю бы продолжать такимъ образомъ и далѣе. Если правда, что маркизъ де-Жюинье рѣшилъ остаться во Франціи, то я съ большимъ бы удовольствіемъ занялъ его мѣсто. До настоящаго времени я не смѣлъ выразить этого желанія изъ деликатности по отношенію къ маркизу, такъ какъ не зналъ его намѣреній, но разъ они выяснились, и если Императрицѣ будетъ угодно... Графъ прервалъ меня, сказавъ, что маркизъ положительно не вернется.—Здоровье его плохо, да вѣдь онъ ужъ и старъ?—Ему пятьдесятъ три года,—отвѣчалъ я.—Ну, пожалуй и за шестьдесятъ,—сказалъ графъ улыбаясь.—Едва ли; въ 1775 г. ему было сорокъ девять...—Повѣрьте, за шестьдесятъ; онъ не любитъ поминать о своихъ годахъ, но мнѣ сообщилъ это Лясси *). Буду очень радъ, если ваше назначеніе состоится и поговорю объ этомъ съ Императрицей, которая васъ очень уважаетъ. Вообще ваша манера вести дѣла дѣлаетъ вамъ честь и Ея Величество намѣрена особеннымъ образомъ выразить вамъ свое

удовольствіе.—Я отвѣчалъ, что счастливъ работать при такихъ условіяхъ, и прибавилъ:—говорятъ однакоже, что сюда назначается д'Антрагъ.—Это только предположеніе,—отвѣчалъ графъ,—будьте увѣрены, что мы желали бы имѣть дѣло съ вами, такъ какъ знаемъ васъ и привыкли къ вашей манерѣ работать.

Затѣмъ я ушелъ отъ Панина, заручившись самыми любезными общаніями *).

(Опять надо было отправляться къ Князю. Подождавъ его довольно долго, я узналъ что онъ садится обѣдать и хотѣлъ было уйти, какъ вдругъ онъ велѣлъ меня позвать. «Ну что, были вы у Панина?» спросилъ онъ.—Былъ, ваша свѣтлость, онъ меня принялъ очень хорошо и общалъ доложить Императрицѣ.—Ну, значить дѣло сдѣлано, если только Панинъ напишетъ во Францію, вы знаете какъ онъ лѣнивъ.—Если вамъ, князь, будетъ угодно, и если Императрица прикажетъ...—Императрица ничего лучшаго не желаетъ; дѣло кончено, прибавилъ князь, будете покойны». Я поблагодарилъ и затѣмъ мы стали говорить о гравюрахъ и рисункахъ.

Шевалье де-Корберонъ продолжалъ вести свой дневникъ до 15 мая 1779 г. но послѣдніе его листки, какъ не представляющіе интереса для публики вообще, не помѣщены и во французскомъ изданіи, въ которомъ дневникъ возобновился только съ іюля 1780 г. Мы же, съ своей стороны, беремъ изъ этого продолженія лишь нѣкоторыя письма, такъ какъ остальные, будучи посвящены чисто личнымъ дѣламъ де-Корберона и отношеніямъ другъ къ другу членовъ французскаго посольства, не представляютъ интереса для публики русской.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что ожиданія де-Корберона не сбылись: французскимъ посланникомъ въ Петербургъ былъ назначенъ не онъ, а старый его знакомый, по Басселю, маркизъ де-Веракъ пріѣхавшій сюда 4-го іюля 1780 г. Въ

*) Панинъ ошибается, маркизу дѣйствительно было тогда 52 года.

*) Которыхъ онъ, по своей безопасности, не исполнилъ. Онъ не написалъ во Францію о желаніи Императрицы оставить де-Корберона въ Петербургъ и потому прислалъ маркиза де-Веракъ.

октябрь 1880 г. шевалье де-Корберонъ, назначенный посланникомъ въ Цвейбрикенъ, вернулся во Францію.

боткѣ, проходить черезъ тридцать двѣ различныхъ операціи.

Суббота, 19.—Къ брату.

Пятница, 11.—Къ брату.

Сегодня я нарочно остался въ городѣ чтобы осмотрѣть Манежный дворъ и Мраморный Дворецъ, построенный княземъ Орловымъ, которому, кажется, не привелось въ немъ жить. Этотъ дворецъ снаружи очень красивъ. Фасадомъ онъ выходитъ на маленькій дворикъ съ садикомъ, сжатый между двумя неровными крыльями зданія и, по своимъ миниатюрнымъ размѣрамъ, неподходящій къ такому большому строенію. Одно изъ крыльевъ дворца теряется вдоль берега Невы и прорѣзано множествомъ оконъ, между которыми помѣщены мраморные пилястры. Внутреннее расположеніе комнатъ удивительно неудачно. Главная лѣстница не дурна, но кажется очень тяжелою благодаря узости ступеней и тѣсной клѣткѣ. Въ стѣнахъ послѣдней сдѣланы ниши, въ которыхъ размѣщены весьма плохія мраморныя статуи, работы француза Фаландэ (Phalands), ученика Фалькона, и нѣмца Фукса. Первые нѣсколько лучше. Рамы въ окнахъ мѣдныя, вѣсомъ по девяносто пудовъ, а каждое стекло стоитъ 28 рублей.

Затѣмъ я перешагалъ, на лодкѣ, на противоположную сторону рѣки, гдѣ осмотрѣлъ крѣпость, стоящую на островѣ. Она занимаетъ очень большое пространство, среди котораго стоитъ церковь, вмѣщающая гробницы Петра I, Екатерины I, Елизаветы. Гробницы эти каменные и очень простыя. Сама церковь недурна; надъ нею возвышается шпигъ съ шаромъ на вершинѣ, на которомъ поставленъ ангелъ и все сплошь вызолочено. Трудно понять какимъ образомъ можно было установить тамъ фигуру. Говорятъ, что тотъ, кто догадался какъ это сдѣлать и смѣло выполнилъ свой планъ, былъ вознагражденъ четырьмястами рублями.

Изъ церкви я прошелъ на монетный дворъ, которымъ завѣдуетъ одинъ нѣмецъ. Замѣчательно, что императрица не довѣряетъ русскимъ денежнымъ дѣламъ и она исполнѣ права. Я видѣлъ, какъ выбираютъ монету. Каждый рубль, при обра-

При дворѣ очень озабочены устройствомъ новыхъ губерній, что очень нелегко, такъ какъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ буржуазіи, не откуда взять персонала для множества новыхъ должностей. Императрицу это очень сердитъ; она хотѣла блага, хотѣла чтобы объ ней говорили, а дѣло можетъ кончиться смѣхомъ: задумать-задумала, а выполнить не сумѣла.

Кромѣ того и въ деревняхъ неспокойно: помѣщики, недовольные повѣстками, въ которыхъ видятъ стремленіе къ освобожденію народа, возбуждаютъ этотъ народъ противъ нововведеній и: дѣйствительно неумѣтныхъ, такъ какъ русскіе столь же пригодны пользоваться свободою, сколько ребенокъ спиртными напитками. Съ другой стороны, въ городѣ накопилось множество безпаспортныхъ людей, которые, оставаясь безъ работы, грабятъ проходящихъ. Такихъ безработныхъ теперь отъ восьми до десяти тысячъ и вмѣсто того, чтобы послать войска, да захватить зачинщиковъ, пробуютъ обойтись одними указами. Въ результатъ — число негодяевъ растетъ. Я не удивлюсь, если положеніе станетъ серьезнымъ. Говорятъ даже, императрица боится одна гулять по саду; она уволила Волкова отъ должности директора полиціи, за плохую его распорядительность.

Пятница, 25.—Къ брату,

Я уже говорилъ тебѣ, мой другъ, о неудовольствіи императрицы по поводу безчинствъ, совершаемыхъ въ городѣ и его окрестностяхъ бродягами, которыхъ здѣсь зовутъ tawlinski (?). Это разные безпаспортные, безработные и бѣлые люди, соединившіеся вмѣстѣ ради грабежа. Правительство сначала не обращало ни на нихъ никакого вниманія и даже пользовалось ими для разныхъ работъ, причѣмъ платило весьма щедро. Благодаря такому отношенію, многіе крестьяне, недовольныя помѣщиками, бѣжали въ Петербургъ, на что правительство смот-

рѣдо сквозь пальцы. Весь этотъ народъ, оставшись теперь безъ работы и боясь разойтись по домамъ, вернуться къ помѣщикамъ, образовалъ шайку. По словамъ однихъ, эта шайка состоитъ изъ четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ, а по словамъ другихъ—изъ тринадцати тысячъ. Дѣло можетъ стать серьезнымъ.

Есть и еще одно неприятное обстоятельство: верстахъ въ шестидесяти отъ города, крестьяне четырехъ селеній, раздраженные жестокостями своихъ помѣщиковъ, полковника Альбрехта, бригадира Жердева (Gerdoff) и Беркмана, пришли жаловаться петербургскому губернатору, Волкову, который сказалъ имъ, что они теперь, по новымъ законамъ, свободны. Это вызвало такія буйства со стороны крестьянъ, что пришлось послать противъ нихъ войска!

Сегодня вечеромъ, возвращаясь въ городъ послѣ ужина у Бемеровъ, я подвергся нападенію четырехъ или пяти разбойниковъ, причѣмъ моему лакею едва не перешибли руку дубиною. Спаслись мы только тѣмъ, что кучеръ погналъ лошадей. По бѣлой масти послѣднихъ, меня приняли, должно быть, за Толстого, на котораго разбойники злы за то, что онъ изъѣлъ изъ ихъ компаніи своего бѣлаго двороваго человѣка, добровольно рѣшившагося вернуться къ барину, обѣщавшему простить его.

Воскресенье, 27.—Къ брату.

Еще вчера, съ вечера, начался въ городѣ пожаръ и до сихъ поръ не потушенный. По разсказу моего лакея, смотрѣвшаго съ набережной, загорѣлись около биржи, деревянные амбары и суда, изъ коихъ многія совершенно сгорѣли, а другія успѣли уйти изъ порта.

Утромъ, мы съ Ариберомъ пошли смотреть пожарище. Сначала были на биржѣ, потомъ перѣхали, по водѣ, къ лѣснымъ складамъ. На рѣкѣ пахло табакомъ какъ въ казармахъ—горѣлъ амбаръ со складами табака. За ночь выгорѣло пространство въ сорокъ или пятьдесятъ шаговъ. Видъ пожарища ужасенъ; повсюду валяются люди, уставшіе отъ ночной работы. Но рѣзкихъ проявленій горя не

видать: здѣшній народъ одинаково инертенъ какъ въ горѣ такъ и въ радости. Это—рабы, отягощенные цѣпями.

Проходя далѣе, мы видѣли другой пожаръ: горѣли склады пеньки, притомъ такъ сильно, что помочь ничѣмъ было нельзя. Да и нечѣмъ было заливать: изъ трехъ трубъ работала только одна...

До настоящаго времени потери опѣнены въ четыре милліона рублей. Пожаръ начался, говорятъ, съ барки, нагруженной пенькою, отъ свѣчки, поставленной передъ образомъ. Многие подозреваютъ, однакоже, поджогъ со стороны англичанъ, тѣмъ больше что нѣкоторые изъ послѣднихъ очень довольны пожаромъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ впрочемъ, что англичане сами много потеряли на этомъ пожарѣ.

По поводу подозрѣній противъ англичанъ (притомъ такихъ сильныхъ, что многіе русскіе говорятъ, что они, на мѣстѣ Императрицы, заковали бы Гарриса въ кандалы), мнѣ передавали случаи, доказывающіе, какъ англичане ненавидятъ всякаго торговца, не принадлежащаго къ ихъ національности. Нѣкій Смитъ, американецъ, явился сюда для того чтобы завязать торговля сношенія Россіи съ Америкой. Въ компаніи съ однимъ русскимъ онъ сталъ строить корабль на мѣстѣ, арендованномъ у одного пивовара, около Галернаго моста. Во время постройки корабля, къ пивовару является одинъ англичанинъ, имя котораго я скоро узнаю, и предлагаетъ ему нарушить арендный контрактъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, раззорить его, предъявивъ ко взыскаію какіе то векселя. Пивоваръ обѣщаетъ сдѣлать что возможно и упрашиваетъ компаньоновъ добровольно отказаться отъ контракта, тѣ, конечно, не соглашаются, и въ результатѣ, нѣсколько дней спустя, какъ строящійся корабль такъ и самая пивоварня, сгораютъ несмотря на нарочно поставленныхъ сторожей.

Вотъ, мой другъ, одинъ за другимъ дѣлалъ три пожара, если считать еще и неудавшійся поджогъ военнаго флота, который сгорѣлъ бы, если-бъ огонь не былъ во время замѣченъ. Назначена была комиссія для изслѣдованія причинъ это-

ковъ, потому что послѣдніе недовольны монополіей Толстого, присвоивающаго себѣ деньги и товары, предназначенные для солдатъ. Боялись, какъ бы гвардія не пристала къ разбойникамъ вмѣсто того чтобы драться съ ними.

Вторникъ, 29.—Къ брату.

Продолжаютъ толковать о пожарѣ, тѣмъ болѣе что онъ еще не потушенъ. Одни говорятъ что сгорѣло товаровъ на 5 милліоновъ, другіе—на 10, а есть и такіе, которые доводятъ цифру потерь до 30 милліоновъ, но я знаю отъ Бильо, что эта послѣдняя не превышаетъ двухъ милліоновъ, что тоже не мало. Вотъ подробности, которыя мнѣ сообщилъ Бильо: сгорѣло 700 тысячъ пудовъ пенки, двѣсти тысячъ пудовъ льна, и девяносто тысячъ пудовъ табаку, на двѣсти тысячъ рублей пшеницы и проч.

Бильо говорилъ мнѣ, что Рэмберъ потерялъ, отъ пожара, всего 15 или 20 тысячъ рублей, но де-Веракъ онъ сообщилъ о пожарѣ 50-ти тысячъ, и маркизъ писалъ уже объ этомъ и де-Верженну и Морена. А Перровъ, позавчера, горько жаловался на то, что у Рэмбера сгорѣло товаровъ на 200.000. Вотъ если-бы они, вмѣсто того чтобы такъ безстыдно жаловаться на небывалыя потери, поступали бы такъ же энергично какъ молодой Бильо, такъ ничего бы не потеряли. Бильо, еще наканунѣ пожара, перевелъ свое судно за мостъ и оно осталось цѣло. А корабль Рэмбера, ставшій на его мѣсто, сгорѣлъ. Между тѣмъ племянники Рэмбера, видя какъ горитъ его судно, чуть не радовались, думая что это горитъ Бильо. По этому образчику ты можешь судить, какъ сердечно относятся здѣсь другъ къ другу французскіе негодіанты.

Обѣдалъ у де-Верака, гдѣ опять говорили о пожарѣ. Всѣ рѣшительно обвиняютъ англичанъ, да и въ самомъ дѣлѣ огонь сразу показался въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ что скорѣе всего надо предположить поджогъ. Голландскій резидентъ увѣряетъ, что видѣли, какъ, во время пожара, изъ амбаровъ выбѣжалъ сенатскій курьеръ съ обожженными волосами и съ видомъ чловѣка, только что совершившаго дурное дѣло. Курьера этого тотчасъ же арестовали и отвели

въ крѣпость, гдѣ вчера въ первый разъ допрашивали.

Среда, 30.—Къ брату.

Часа въ два ночи меня разбудилъ стукъ трещотокъ, которыя, въ Петербургѣ, вмѣсто набата, возвѣщаютъ о пожарѣ. Признаюсь, я испугался, всталъ, открылъ окно, но ничего не увидаль, хотя на улицахъ было много народа и слышались очень подозрительные разговоры. Тѣмъ не менѣе, я рѣшился лечь спать до утра.

Часовъ въ восемь отправился смотрѣть новый пожаръ, но сначала зашелъ къ графу Герцу, который рассказалъ мнѣ, что курьеръ, о которомъ вчера говорили, былъ взятъ, на одной изъ барокъ близъ амбаровъ, пьянымъ. Но странно, что его ждала кибитка, запряженная парой, во весь опоръ ускакавшая, когда курьера арестовали. Герцъ такъ же, какъ и Панинъ, подозрѣваютъ англичанъ.

Сегодняшній пожаръ, къ счастью, былъ скоро потушенъ. Горѣли амбары съ лѣпными. Говорятъ, что загорѣлось въ купальнѣ, стоявшей въ близости, но не знаю, правда ли это.

Четвергъ, 31.—Къ брату.

Меня особенно удивляетъ здѣшняя манера работать. Графъ Панинъ—и при- министр—живетъ какъ вельможа дворянинъ, интересующійся только баромъ. Онъ встаетъ очень поздно, занимается разсмотрѣніемъ эстамповъ и выхъ книгъ, затѣмъ одѣвается, принимаетъ просителей, обѣдаетъ, послѣ обѣда или спитъ или играетъ, а вечеромъ у него гости и опять игра до глубокой ночи. Поэтому онъ совсѣмъ не знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ, и когда я ему сказалъ о пожарѣ на кораблѣ Сейра, то онъ даже не повѣрилъ. Главные его помощники тоже ничего не дѣлаютъ и проводятъ время въ игрѣ, причемъ проигрываютъ много денегъ, иногда до 600 р. въ вечеръ. Такъ было съ Визинимъ, Марковымъ, Бакунинимъ и другими. Одинъ Алопеусъ работаетъ и живетъ по средствамъ. А между тѣмъ, дѣло движается понемножку, благодаря неслышанной снисходительности Императрицы.

Heyking, K. H.
"

Дни императора Павла.

Записки курляндскаго дворянина.

(СЪ НѢМЕЦКАГО).

Издание О. И. Бугакова.

СПБ.

Типо-литографія К. К. Стефанскаго. Гороховая, 12/23.

1907 г.

Предисловіе къ русскому изданію.

Въ 1886 г. въ Лейпцигѣ появилась книга, изданная безъ обозначенія имени автора и носившая заглавіе: „Aus den Tagen Kaiser Pauls“. Влискимъ знакомствомъ съ дворомъ, живымъ изложеніемъ, наконецъ, обиліемъ мелкихъ подробностей, иногда дающихъ событіямъ кратковременнаго царствованія Павла совершенно новое освѣщеніе, книга эта привлекла къ себѣ вниманіе историковъ-спеціалистовъ. Но для обыкновеннаго читателя она была до послѣдняго времени совершенно недоступна. Содержа рассказъ о послѣднихъ часахъ императора Павла, она, конечно, подверглась запрещенію въ Россіи. Перевести ее до 17 октября прошлаго года было немислимо, а сослаться на нее можно было глухо, безыменно.

Теперь мы имѣемъ возможность предложить вниманію читателя любопытныя записки съ незначительными сокращеніями, касающимися нѣкоторыхъ мелкихъ и неинтересныхъ подробностей. Можемъ и снять таинственную завѣсу съ ихъ автора и назовемъ его настоящимъ именемъ. Это — баронъ Карлъ Генрихъ Гейкингъ.

Курляндскій дворянинъ по рожденію, баронъ Карлъ Генрихъ Гейкингъ воспитывался въ Варшавѣ. Здѣсь же поступилъ онъ и въ военную службу въ качествѣ офицера польской арміи. Въ Варшавѣ положеніе его было довольно трудное. Съ одной стороны запутан-

ная дѣла его отца сильно стѣсняли его въ матеріальномъ смыслѣ, а съ другой и потому, что Россія, получившая уже значительное вліяніе на польскія и курляндскія дѣла, нашла нужнымъ удалить изъ Курляндіи герцога Карла (сына польскаго короля Августа III), которому Гейкингъ былъ безгранично преданъ. Нашъ авторъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и послѣдовалъ за Карломъ въ Саксонію. Въ Тешенѣ онъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ тайной польской конфедераціи въ качествѣ негласнаго депутата герцога Карла. Затѣмъ мы застаемъ Гейкинга на службѣ у брата Карла, герцога Трирскаго, но тутъ онъ оставался недолго. Послѣ пятилѣтняго отсутствія онъ снова вернулся въ Варшаву и поступилъ въ военную службу. Въ 1777 г. онъ перевелся въ русскую армію, но вскорѣ перешелъ въ гражданскую службу. Дальнѣйшую карьеру его читатель узнаетъ изъ предлагаемаго перевода.

Въ 1897 г. въ Берлинѣ вышло еще одно извлеченіе изъ мемуаровъ Гейкинга, занимающихъ въ подлинникѣ, написанномъ на французскомъ языкѣ, четыре рукописныхъ тома, подъ заглавіемъ „Изъ послѣднихъ дней Польши и Курляндіи“. Сокращенный переводъ этой книги былъ напечатанъ А. Гирсомъ въ „Русской Старинѣ“ за 1897 г.

ГЛАВА I.

На высотѣ фавора.

Извѣстіе о неожиданной кончинѣ императрицы Екатерины II пришло прежде всего къ генераль-губернатору Палену, когда мы сидѣли у него за столомъ. Онъ измѣнился въ лицѣ, прервалъ разговоръ и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Скоро однако онъ возвратился, занявъ свое мѣсто и пытался казаться спокойнымъ. Но, несмотря на всѣ его усилія, видно было, что онъ взволнованъ и встревоженъ.

Послѣ обѣда онъ тотчасъ же удалился къ себѣ. Вечеромъ его уже не видно было въ кружкѣ его жены. Только на третій день событіе это нѣсколько подтвердилось: къ эстляндскому, лифляндскому и литовскому генераль-губернатору князю Решнину прибылъ курьеръ. Паленъ отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ эту величайшую новость подъ секретомъ, такъ какъ прямыхъ извѣстій ни отъ императора, ни отъ сената онъ еще не получалъ.

Смерть императрицы, которая должна была вызвать во всей имперіи огромныя перемѣны, сильно взволновала меня и хотя у меня и были основанія ожидать для себя милостей, которыя императоръ оказывалъ мнѣ еще въ бытность великимъ княземъ, но, откровенно говоря, смерть великой государыни меня огорчила. Это удивило Палена.

— Вы должны быть отъ этого въ восторгѣ, — сказалъ онъ, — я знаю, какъ васъ любилъ великій князь, и увѣренъ, что, ставъ императоромъ, онъ вамъ это докажетъ“.

— Государь, правда, въ теченіе двухъ лѣтъ отличалъ меня самымъ лестнымъ образомъ, но, теперь са-

жденный со всѣхъ сторонъ дѣлами, онъ и не вспомнить обо мнѣ. У меня нѣтъ на его вниманіе ни права, ни охоты. .

Наконецъ изъ Риги пришла эстафета съ циркуляромъ, въ которомъ извѣщалось о восшествіи на престолъ Павла I и приказывалось приносить обычную присягу на вѣрность.

Дня черезъ два вечеромъ, только что мы собрались у генерала Палена на партію въ бостонъ, какъ мнѣ принесли съ почты письмо за императорской печатью и вызвали меня лично. Я попросилъ позволенія прервать на минутку бостонъ, чтобы прочесть письмо. Оно было отъ моей тещи Де-ЛаФонъ (начальницы петербургскаго Смольнаго института) и гласило: „Нашъ несравнимый Императоръ назначилъ свою супругу шефомъ нашего института и Ея Величество прибыла къ намъ сама, чтобы сообщить объ этомъ приказѣ. По этому случаю я назначена *dame d'honneur* и получила отъ обожаемой государыни ея портретъ. Я слишкомъ еще взволнована, чтобы писать вамъ болѣе, мои дорогія дѣти. Императрица завершила свою милость тѣмъ, что соизволила сама позаботиться, чтобы вы какъ можно скорѣе получали это письмо“.

Прочитавъ это письмо, моя жена сказала генеральшѣ Паленъ: „Зная участіе, которое вы въ насъ принимаете, позволю себѣ удовольствіе сообщить вамъ, что намъ пишетъ моя мать“. Всѣ подвинулись ближе, чтобы лучше слышать, и можно было уловить различныя впечатлѣнія, которыя волновали присутствующихъ.

Хотя милости, оказанныя моей матери, и сами по себѣ возбуждали низ-

кую зависть, но какъ разгорѣлась она, когда генераль-губернаторъ получилъ указъ, который освобождалъ меня отъ арендной платы за Брандесбургъ и прививалъ за моей женой право собственности на это имѣніе!

Такіе знаки благоволенія государя обязывали насъ къ всеподданнѣйшему выраженію благодарности. Но мое положеніе предсѣдателя суда связывало меня. Поэтому моя жена взялась отправиться въ Петербургъ и тамъ повергнуть къ подножію нашего высокаго благодѣтеля нашу глубочайшую благодарность. За это время я намѣревался перемѣнить квартиру, рассчитывая приготовить моей женѣ сюрпризъ. Я уже сталъ готовиться къ переезду, какъ вдругъ генераль Паленъ вызвалъ меня къ себѣ съ мѣста моей службы, чтобы сообщить мнѣ нѣчто очень важное.

— Видите ли, — воскликнулъ онъ, — обнимая меня, случилось то, что я вамъ и предсказывалъ. Императоръ приказалъ вамъ прибыть въ Петербургъ. Вотъ указъ, наготовленный генераль-прокуроромъ княземъ Куракинымъ.

Указъ гласилъ: „Вы должны сообщить статскому совѣтнику и предсѣдателю суда барону повелѣніе Е. И. В. безотлагательно прибыть въ Петербургъ“.

Лестная перспектива скорѣе потрясла, чѣмъ оживила меня.

Я вернулся назадъ въ судъ, чтобы объявить тамъ объ указѣ императора и приказалъ секретарю изготovitъ списокъ оконченныхъ и еще находящихся въ производствѣ дѣлъ, съ указаніемъ причинъ, по которымъ задержался приговоръ. Къ счастью, я пользовался уваженіемъ всѣхъ чиновъ суда. Они откровенно сожалѣли, что мнѣ приходится уѣзжать, и увѣрили меня, что я получу мѣсто въ Петербургѣ...

16 Декабря я тронулся въ путь и 20 былъ уже на мѣстѣ. Между Дерптомъ и Ригой встрѣтились мы съ нѣсколькими поляками, которымъ императоръ возвратилъ свободу. Между ними былъ и знаменитый сапожникъ Клиновскій.

Было уже около 7 часовъ вечера,

когда я явился съ докладомъ къ Е. В. Я нашелъ во дворцѣ большія перемѣны *); не останавливаясь я прошелъ во внутренніе покои, гдѣ находились дежурные камергеры. Здѣсь съ изумленнымъ лицомъ меня начали спрашивать, что мнѣ угодно. „Е. В. изволилъ вытребовать меня въ Петербургъ, и я явился для доклада“.

Пройдя нѣсколько разъ туда и сюда, явился наконецъ генераль-аdjutantъ графъ Раstopчинъ, спросилъ мое имя, чинъ и освѣдомился о дѣли моего прибытія. На два первые вопроса я отвѣчалъ отчетливо, но затѣмъ прибавилъ: „Что касается причинъ, то онѣ мнѣ неизвѣстны, ибо государь не поставилъ меня въ нихъ въ извѣстность. Вотъ мой паспортъ. Вы изволите здѣсь усмотрѣть приказаніе Его Величества“.

Онъ отправился къ императору и вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ: „Его Величество уполномочилъ меня передать вамъ, баронъ, что онъ очень радъ вашему прибытію. Государь черезъ генераль-прокурора назначилъ вамъ часъ, въ который завтра утромъ вы можете его видѣть“.

Я поспѣшилъ въ Смольный къ своей женѣ, гдѣ нашелъ около нея всѣхъ ея подругъ. Мы уже позавтракали, когда изъ дворца прибыла фрейлина Нелидова. Она самымъ любезнымъ образомъ выразила свою радость, видя меня у нашей „боппе тата“.

Это было прозвище, которымъ всѣ питомки института продолжали именовать мою тещу и по своему выходѣ изъ института. Она поцѣловала „мамъ“ руку и сказала:

— Ихъ Величества поручили мнѣ поздравить васъ съ радостнымъ для васъ прїездомъ барона. Императоръ приметъ его завтра утромъ. Будетъ не худо, прибавила она, обращаясь ко мнѣ, если вы пораньше зайдете къ

*) Прибывъ во дворецъ, я увидѣлъ, что первые его комнаты покрыты чернымъ. Кроме гр. Зубова, который не могъ скрыть своего горя, всѣ придворные, казалось, настолько успѣли забыть о государынѣ, какъ будто съ ея смерти прошло лѣтъ двадцать. Между ними были и такіе, которые были осыпаны милостями императрицы Екатерины. Эта низкая неблагодарность просто возмущала меня.

генераль-прокурору—только до 8 часов, добавила она съ улыбкой.

— Да, сказала это-то изъ присутствующих, въ Петербургѣ все перемянилось. Теперь встаютъ рано и въ 11 часовъ всё расходятся по домамъ.

До 8 часовъ я былъ уже у князя. Его приемная была уже полна. Я приказалъ доложить о себѣ и черезъ нѣсколько минутъ входилъ уже въ кабинетъ.

Князь Алексѣй Куракинъ—красивый мужчина. Живые, глаза, большія черныя красиво расположенныя брови придавали бы ему суровый видъ, если-бы это впечатлѣніе не смягчалось подкупающими манерами и вѣжливостью.

Придя въ кабинетъ, я передалъ ему рекомендательное письмо отъ Палена.

— Вамъ баронъ это письмо совершенно не нужно. Императоръ много говорилъ о васъ самъ. Онъ приказалъ мнѣ сегодня вечеромъ доставить васъ ко двору и представить Ихъ Величествамъ. Это даетъ вамъ право присутствовать на малыхъ выходахъ и кушать вмѣстѣ съ императоромъ. Къ этой милости государь присоединяетъ и другую: онъ предоставляетъ вамъ право свободного выбора болѣе крупнаго поста, чѣмъ тотъ, который вы теперь занимаете.

— Я слишкомъ глубоко тронуть милостями Е. В., чтобы выразить вамъ, князь, всю мою признательность. Моя жизнь и дѣятельность принадлежатъ моему государю. Пусть онъ рѣшитъ мою судьбу.

— Но вѣдь императоръ приказалъ вамъ сдѣлать выборъ. Я не смѣю дать ему неопредѣленный отвѣтъ. Онъ этого не любитъ.

— Если ужъ можно мнѣ объяснить, возразилъ я, немного подумавъ, то не стану скрывать отъ васъ, князь, что дипломатическое поприще я предпочитаю всякому другому. Если не ошибусь, мѣсто въ Неаполѣ свободно.

— Кажется, на него кто-то уже назначенъ. Полагаю, что императоръ намѣренъ удержать васъ при себѣ въ столицѣ.

— Какъ ни лестно такое намѣреніе, но при дворѣ я не могъ бы занять ни одной должности. У меня нѣтъ ни

средствъ, ни здоровья, чтобы держатся тамъ съ подобающимъ блескомъ. Я занимался общественнымъ и гражданскимъ правомъ и только въ одной должности такого рода могъ бы оправдать ожиданія нашего возвышеннаго государя.

Тутъ я неожиданно вспомнилъ о назначеніи фонъ-деръ-Ходвена сенаторомъ, остановился на этой идеѣ и далъ понять генераль-прокурору, что это было бы единственное, чѣмъ я могъ бы соблазниться, въ случаѣ, если придется остаться въ Петербургѣ.

Не пускаясь въ разговоръ, князь отвѣчалъ: „Благоволите сегодня въ 7½ часовъ вечера прибыть ко двору. Я васъ представлю Е. В., если вы не предпочтете, чтобы я васъ сопровождалъ“.

Я принялъ предложеніе, сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, стараясь разобратъ въ этомъ мірѣ, гдѣ въ пять недѣль перемянилось все.

Вечеромъ во внутреннихъ покояхъ я встрѣтилъ очень мало лицъ и мое появленіе замѣтно произвело сенсацію. Понять не могли, какимъ образомъ провинціалъ получилъ право присутствовать на малыхъ выходахъ, не будучи зачисленъ въ третій классъ или прямо въ придворное званіе.

Князь Репнинъ передъ этимъ смотрѣлъ на меня сверху внизъ. Теперь онъ, погоривъ сначала съ генераль-прокуроромъ, направился прямо ко мнѣ и наговорилъ всяческихъ любезностей. Я отвѣчалъ вѣжливо, но довольно сухо. Онъ становился все любезнѣе и послѣ нѣсколькихъ банальныхъ фразъ спросилъ дружескимъ тономъ:—Позвольте бароль, узнать, почему императоръ призвалъ васъ?

— Не знаю, право, князь, черезъ полчаса это, вѣроятно, будетъ известно.

Графъ Николай Румянцевъ, всегда отмѣчавшій меня, приближался дружелюбно ко мнѣ, какъ появился мой старинный знакомый графъ Вельгорскій, котораго я не засталъ дома, чтобы въ качествѣ гофмаршала доложить императору списокъ тѣхъ, кто желаетъ остаться на обѣдъ. Наша встрѣча вышла самой сердечной. Почти вслѣдъ

за этимъ изъ кабинета вышелъ князь Куракинъ. „Пойдемте къ Ихъ Величествамъ“, сказалъ онъ мнѣ. Вы должны преклонить колѣна и поцѣловать руку сначала у императора, затѣмъ у императрицы“.

Въ глубочайшемъ молчаніи и болѣе чѣмъ съ почтительнымъ выраженіемъ лица вступили мы въ залъ, гдѣ была вся вкупѣ императорская семья. Императоръ находился недалеко отъ двери, черезъ которую мы вошли. Каждый дѣлалъ глубокій поклонъ и отходилъ влѣво, чтобы дать мѣсто слѣдующему. Войдя со мною, князь Куракинъ отвѣсилъ низкій поклонъ и назвалъ меня. Я опустился на колѣни, чтобы поцѣловать руку императора, но онъ быстро поднялъ меня, обнялъ какъ обыкновенно, и только что я хотѣлъ поблагодарить его, сказалъ: „За что вамъ меня благодарить? Я еще ничего для васъ не сдѣлалъ, прибавилъ онъ, взявъ меня за руку. Теперь я васъ удержу и вы отъ меня не ускользнете“.

Эти громко произнесенныя слова возвѣстили всему двору о чувствахъ ко мнѣ императора. Я подошелъ къ императрицѣ. Когда я поцѣловалъ ей руку, она сказала привѣтливо: „Не приходите ли вы, что наша добрая мамаша Де ла-Фонъ помолодѣла?“

„Вашему Величеству чудеснымъ образомъ преопредѣлено оживлять людей и возвращать имъ молодость“.

„Въ самомъ дѣлѣ, продолжала императрица, ей было очень плохо“.

„Во всѣхъ отношеніяхъ“, добавилъ я вполголоса.

Императрица улыбнулась и довольно подробно стала говорить объ институтѣ. Между тѣмъ императоръ обмѣнивался словами то съ тѣмъ, то съ другимъ. Императрица сѣла за бостонъ съ княземъ Репнинымъ, вице-канцлеромъ Куракинымъ и графомъ Николаемъ Румянцевымъ. Она сѣла на софѣ, по правую руку отъ нея находился императоръ, рядомъ съ нимъ на креслѣ сидѣлъ великій князь Александръ, немного далѣе наследникъ Константинъ, а затѣмъ всѣ остальные по рангу. Взрослыя княжны были подружку сторону матери, съ г-жей фонъ-Ливенъ

вокругъ круглаго стола, занимаясь разнымъ рукодѣліемъ.

Императоръ одинъ велъ бесѣды: ему отвѣчали просто или сообщали подробности того, о чемъ онъ спрашивалъ. Но разговоръ вращался на довольно безразличныхъ вещахъ.

Изъ иностранцевъ на этотъ вечеръ получили доступъ лишь гр. Дитрихштейнъ и Брюло, командированные Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами для принесенія поздравленій, шведскій генералъ Клингспортенъ и вѣкій графъ Штольбергъ. Ни одинъ иностранный посолъ не имѣлъ доступа къ этому маленькому кружку.

Усѣвшись на мѣста, всѣ старались не двигаться, и это натянутое состояніе было прервано лишь возгласомъ, что обѣдъ готовъ. Столъ былъ накрытъ приборовъ на двадцать: 8—9 членовъ императорской семьи и дежурныхъ придворныхъ, 2—3 иностранца и 5—6 лицъ, имѣвшихъ право присутствовать на малыхъ выходахъ.

Послѣ стола всѣ вышли въ сосѣдную комнату, гдѣ императоръ еще разъ сказалъ съ каждымъ нѣсколько словъ. Затѣмъ онъ приблизился ко мнѣ съ тѣмъ обязательнымъ выраженіемъ лица, которое такъ противорѣчливо всей его вѣщности, когда онъ бывалъ въ раздраженіи, и очень любезно заговорилъ со мною. Я остался совершенно очарованнымъ имъ. Каждый старался оказать мнѣ какую-нибудь любезность. Вы, которые хорошо знали Павла за два первые годы его царствованія, скажите, развѣ не было у него чувствительнаго сердца, благожелательства, просвѣщенной души? Если онъ бывалъ несправедливъ, то развѣ это не вытекало изъ его слишкомъ сильной любви къ правосудію, и развѣ всегда, когда у него слаталось убѣжденіе, что онъ ошибся, не выказывалъ онъ мужества, исправить эту ошибку? Но низкіе льстецы, люди, которые живутъ на счетъ правды, испортили эти добрые задатки и мало-помалу заглушили зерно его добродѣтелей, потворствуя ему во всѣхъ порокахъ.

Въ воскресенье 26 декабря только что я хотѣлъ отправиться къ гене-

раль-прокурору, какъ получилъ отъ него письмо: „Князь Куракинъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнiя барона, что государь императоръ только что подписалъ указъ, которымъ онъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначается сенаторомъ. Князь совѣтуетъ явиться сегодня утромъ ко двору поблагодарить Его Величество, что нужно сдѣлать по указанiямъ дежурныхъ камергеровъ“.

Можно представить себѣ радость мою и моей жены, которая теперь на всегда была неразлучна съ своей обожаемой матерью. Мы поспѣшили къ ней, чтобы подѣлиться съ нею этой новостью. Та заплакала отъ радости при мысли, что теперь она можетъ умереть въ кругу своихъ дѣтей. Весь институтъ принялъ участiе въ этой царской милости, которая произвела такъ большее впечатлѣнiе, что явилась внезапно, и при повышеиiи я долженъ былъ перескочить черезъ одинъ чинъ.

Прежде чѣмъ явиться ко двору, я счелъ долгомъ засвидѣтельствовать свое почтенiе князю. Сознаюсь, что я почувствовалъ къ нему искреннюю симпатiю, независимо отъ его высокаго служебнаго положенiя. Онъ показалъ мнѣ указъ. Увидѣвъ, что я назначенъ въ 1 Департаментъ, тогда какъ Курляндскiя дѣла находились въ вѣдѣнiи 3 Департамента, я сказалъ объ этомъ князю, но тотъ далъ мнѣ почувствовать неудобство измѣнять высочайшiй указъ. Побѣжденный моими доводами, онъ посоветовалъ мнѣ безотлагательно написать ему официальное письмо. Я такъ сдѣлалъ, и на слѣдующiй день Е. В. перевелъ меня въ 3 Департаментъ. Я принесъ государю благодарность передъ всѣмъ дворомъ. Когда мы шли, генераль-прокуроръ посоветовалъ мнѣ явиться къ высочайшему столу, такъ какъ весьма возможно, что императоръ захочетъ о чемъ-нибудь со мною побесѣдовать.

Я принялъ этотъ совѣтъ. Когда мы вошли, императоръ приблизился ко мнѣ, и оставивъ все общество, сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. „Скажите откровенно, спросилъ онъ, какъ идутъ дѣла въ Курляндiи?“ „Смѣю

увѣрить, В. В., что въ Россiи не много найдется губерний, гдѣ былъ бы такой порядокъ и быстрота въ разрѣшенiи дѣлъ!“

— А какъ Палень? Имъ довольны?, продолжалъ государь, пристально глядя на меня.

— Да, В. В., имъ всѣ довольны.

— Говорите по чистой совѣсти, я ожидаю отъ васъ только правды.

— Я никогда не скрывалъ бы ее отъ моего государя, если-бы даже глубочайшая признательность не вмѣняла мнѣ это въ обязанность. Осмѣлюсь повторить, В. В., что значительное большинство жителей довольны. Чрезвычайно подвижныя черты императора выдавали, что онъ не совѣмъ удовлетворенъ моимъ отвѣтомъ.

— У васъ тамъ есть одинъ полякъ Гурко, продолжалъ государь. Что это за человѣкъ.

— Вице-губернаторъ Гурко очень усерденъ къ службѣ и не безъ способностей.

— Онъ пригодится добрѣйшему графу Ламсдорфу (губернатору). Я его знаю, онъ человѣкъ почтенный.

Черезъ день послѣ этого, когда я сидѣлъ за обѣдомъ у своей тещи, мнѣ подали слѣдующее письмо генераль-прокурора: „Баронъ! Е. В. приказалъ учредить при сенатѣ комиссiю и издать указъ, назначающiй ваше превосходительство ея членомъ. Засѣданiе назначено сегодня въ 6 часовъ пополудни въ 1 Департаментѣ сената. Я буду имѣть честь доложить собранiю дѣло, которое сегодня должно слушаться“ и т. д.

Новый знакъ монаршаго довѣрiя сильно тронулъ меня. Въ 5 часовъ я отправился въ сенатъ, гдѣ нашелъ только старика Соймонова, дядю сенатора 3 Департамента и Завадовскаго, которые чрезвычайно удивились, видя меня въ комиссiи величайшей важности, когда еще даже не былъ опубликованъ указъ о моемъ назначенiи въ сенатъ. День былъ праздничный и потому очереднаго засѣданiя сената не было.

Наконецъ собрались всѣ члены. Въ нѣкоторомъ отдаленiи были поставле-

ны сторожа, чтобы ни чиновники, ни другія лица не могли слышать докладъ о дѣлахъ, порученныхъ секретной комиссіи. Генераль-прокуроръ самъ прочелъ указъ, которымъ учреждалась наша комиссія и прибавилъ: „Такъ какъ его превосходительство сенаторъ баронъ Гейккингъ уже принесъ присягу, какъ статскій совѣтникъ и предсѣдатель суда, то Е. В. нашелъ, что онъ имѣетъ право принять участие въ засѣданіи, не возобновляя присяги, которая отъ него требуется только какъ отъ тайнаго совѣтника, а не какъ отъ судьи“.

Затѣмъ онъ очень толково изложилъ комиссіи докладъ маіора И. на вице-адмирала Мордвинова ¹⁾. Пригласили статскаго совѣтника Макарова и г. Фукса, секретаря секретной комиссіи. Первый доложилъ о словесныхъ показаніяхъ, сдѣланныхъ маіоромъ И., и предъявилъ всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги. Второй прочелъ документы: Комиссія распорядилась ввести подавшаго докладъ, который повторилъ почти тоже самое, что было подробно изложено имъ письменно.

Членами комиссіи были: сенаторъ гр. Сиверсъ, прежній посланникъ въ Польшу, честность котораго пользовалась большою извѣстностью, графъ Завадовскій, старикъ Соѣмоновъ, Васильевъ, Тарбѣевъ, генераль-губернаторъ Архаровъ, генераль-прокуроръ и я.

Этотъ Архаровъ, котораго императрица не задолго до своей смерти перевела изъ Москвы, гдѣ онъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ, пользовался репутаціей знатока по дѣламъ высшей полиціи. Энергичный, вкрадчивый, съ открытой фізіономіей, съ поддѣльной откровенностью, онъ вышелъ изъ среды придворныхъ лакеевъ и пользовался покровительствомъ множества глупцовъ и шутовъ, которые во всѣхъ классахъ

общества составляютъ большинство и превозносятъ всякаго, кто бываетъ въ силѣ. Таковъ былъ петербургскій генераль-губернаторъ, входившій по своей должности въ прямое соприкосновеніе съ государемъ, которому онъ искусно могъ внушать безпокойство при помощи имѣвшихся въ его распоряженіи полицейскихъ средствъ, затѣмъ уничтожать его сообразно своимъ видамъ и такимъ образомъ сдѣлаться важной особой.

Засѣданіе продолжалось до 11 часовъ ночи. На другой день я вступилъ въ сенатъ, принявъ присягу и занявъ мѣсто рядомъ съ фонъ-дербъ-Ховеномъ, назначеніе котораго сперва было для меня загадкой, такъ какъ мнѣ было извѣстно, что императоръ еще въ бытность великимъ княземъ, составилъ себѣ о немъ очень дурное мнѣніе. Наконецъ ключъ къ этой загадкѣ былъ найденъ. Среди бумагъ императрицы нашелся списокъ лицъ, которые должны были получить къ новому году повышеніе. Императоръ счелъ своимъ долгомъ исполнить волю матери и вотъ фонъ-дербъ-Ховенъ попалъ въ сенатъ. Но императоръ никогда не вступалъ съ нимъ въ разговоръ и вообще не показывалъ ему знаковъ личнаго вниманія.

Старшимъ въ 3 Департаментѣ былъ гр. Строгановъ, извѣстный своей любезностью и за границей, человѣкъ проницательный и благороднаго образа мыслей, страстный любитель искусства, обладавшій значительнымъ состояніемъ. Но при всѣхъ этихъ качествахъ ему недоставало силы и энергіи. Его приговоръ всегда былъ нерѣшительный, хотя въ погонѣ за удовольствіями, развлеченіями и влѣдствіе лежавшихъ на немъ придворныхъ обязанностей ему не оставалось времени думать и углубляться.

Благодаря этому недостатку, который онъ, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, въ 3 Департаментѣ приобрѣлъ вліяніе младшій Соѣмоновъ, ставшій здѣсь своего рода диктаторомъ. Дряхлый Стрекаловъ, безпечный Пастуховъ и добрейшій гр. Мвнихъ были въ полномъ смыслѣ нулями и не имѣли своего мнѣнія. Штадмейстеръ Ребиндеръ

¹⁾ Докладъ этотъ былъ, повидимому, результатомъ интриги противъ Мордвинова, извѣстнаго основателя Одессы Де-Рибаса. Мордвиновъ обвинялся въ злоупотребленіяхъ по службѣ въ Николаевѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота и порта.

См. Иконниковъ. Гр. Н. С. Мордвиновъ.
Прим. переводчика.

попалъ въ сенатъ невѣстно зачѣмъ. Хотя ему недоставало образованія, но, по крайней мѣрѣ, у него былъ здравый природный умъ и характеръ, благодаря чему онъ умѣлъ заставить себя уважать. Графъ Потоцкій, не смотря на чувства человека высокаго положенія, страдалъ отсутствіемъ связи въ своихъ мысляхъ. Удивительно было еще то, что Голохвастовъ, повышенный изъ оберъ-прокуроровъ въ сенаторы, былъ совершенно лишенъ логики. Когда ему по выслушаніи дѣла предстояло дать заключеніе, онъ путался, терялъ исходную точку, цѣплялся за какое-нибудь формальное упущеніе и не могъ вернуться къ поставленному вопросу, чтобы сформулировать рѣшеніе. О ф.-д. Ховенъ я не говорю: его умъ и знаніе извѣстны изъ исторіи Курляндіи.

Въ возмѣщеніе всего этого, нашъ первый прокуроръ Козодавлевъ былъ какъ разъ на своемъ мѣстѣ. Онъ учился въ Лейпцигѣ, зналъ языки французскій и нѣмецкій, понималъ немного по латыни и превосходно владѣлъ своимъ роднымъ языкомъ. При всемъ этомъ онъ былъ вѣжливъ, выслушивалъ всѣ мнѣнія безъ предубѣжденія и старался привести всѣхъ къ соглашенію, анализируя безъ оскорбленія чьего-либо самолюбія всѣ точки зрѣнія. Къ довершенію всего, онъ былъ тонкимъ придворнымъ.

Въ 12 часовъ всѣ департаменты собирались въ большомъ залѣ, гдѣ происходили открытыя засѣданія. Здѣсь у верхняго конца стола стояло подъ роскошной сѣнью кресло государя, который считался предсѣдателемъ сената. По обѣ стороны стола стояли кресла малиноваго бархата съ золотой бахромой, на которыхъ сидѣли сенаторы по старшинству въ чинѣ тайнаго совѣтника. Обивка залы была такая же. Генераль-прокуроръ сидѣлъ за небольшимъ отдѣльнымъ столомъ, а для прокуроровъ ставились четыре стула, на случай, если онъ ихъ позоветъ.

Здѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ фактѣ, въ которомъ обнаруживается желаніе императора ускорить ходъ правосудія въ интересахъ его подданныхъ. Услыхавъ, къ своему удив-

ленію и неудовольствію, что въ сенатѣ скопилось около 10 тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ, онъ назначилъ временной сенатъ для окончанія старыхъ процессовъ и такимъ образомъ облегчилъ разсмотрѣніе новыхъ дѣлъ. Для этого онъ пожертвовалъ болѣе 100 тысячъ рублей. Хотя это и было важно для счастья его народа, но никто не призналъ этого акта доброты и справедливости ¹⁾.

Гофмаршалъ гр. Вельгоскій предложилъ мнѣ обѣдать за высочайшимъ столомъ два раза въ недѣлю. Въ среду по окончаніи засѣданія тайной комиссіи, которое продолжалось только полтора часа, я былъ во дворцѣ. Въ залѣ уже было нѣсколько лицъ. Съ удовольствіемъ замѣтилъ я гр. Штакельберга, бывшаго прежде посломъ въ Польшу. Я выразилъ ему свою радость, но онъ казался мнѣ печальнымъ и угнетеннымъ. Я освѣдомился, что могло его до такой степени разстроить, и узналъ, что императоръ съ нимъ холоденъ, что онъ не предоставилъ ему даже право присутствовать на малыхъ выходахъ, которое у него было при императрицѣ. Эта немилость мучила меня. Я опять подошелъ къ нему, чтобы удвоить свою внимательность къ нему, и онъ пригласилъ меня къ себѣ поболтать часокъ-другой. Въ это время дали знакъ входить.

Какъ только государь меня увидѣлъ, онъ сейчасъ же отвелъ меня въ уголь.

— Что вы думаете по поводу дописа майора И.?

— Государь, мы успѣли выслушать пока одного обвинителя. Но такъ, по первому впечатлѣнію, кажется, что доносъ ложный.

— Почему?

— Въ датахъ оказываются противорѣчія, рассказы страдают преувеличеніями. И если мнѣ будетъ позволено заранѣе высказать мое мнѣніе, я могу увѣренно сказать, что вице-адмиралъ невиновенъ.

¹⁾ Даже Сиверсъ упоминаетъ объ этомъ: «Въ царствованіе Екатерины дѣла на засѣданіяхъ докладывалъ Вяземскій, не обращая вниманія на текущій ихъ номеръ. Оттого ко времени восшествія на престолъ Павла надо было перевозить черезъ Неву около 11 тысячъ номеровъ.» (Ein russischer Statmann).

— Вы съ нимъ, конечно, не знакомы?

— Простите, В. В., я его никогда не видалъ.

— Между тѣмъ.. сказалъ императоръ и перешелъ къ нѣкоторымъ подробностямъ доноса.

Я рѣшился опровергнуть ихъ простыми соображеніями и отвѣчалъ: „Можетъ быть, обвиняемый еще укажетъ на тѣ или другія побудительныя причины. Необходимо выслушать его самого“.

Я былъ пораженъ, какъ справедливо и человѣчно судилъ объ этомъ дѣлѣ императоръ. „Видите ли, сказалъ онъ между прочимъ, такое же хорошее мнѣніе составилось и у генералъ-прокурора. Но я не хочу, чтобы онъ одинъ рѣшалъ дѣло, которое касается жизни или чести одного изъ моихъ подданныхъ. Я тщательно подобралъ членовъ комиссіи и, прибавилъ онъ, повышая голосъ, я спокоюсь, видя васъ среди нихъ“.

Я никогда не осмѣлился бы повторить эту фразу, въ которой было столько преувеличенія, если бы гр. Шуазель-Гуффрие, гр. Николай Румянцевъ и кн. Александръ Куракинъ не сознались потомъ, что они ее слышали. Первый по этому случаю сдѣлалъ мнѣ самый любезный complimentъ. Вслѣдствіи, когда, неизвѣстно почему, мы очутились въ сѣнѣхъ, эта фраза неоднократно приходила намъ, на память.

Послѣ стола государь спросилъ меня: — Будутъ ли ваши земляки рады возстановленію ихъ прежнихъ учрежденій?

— Они съ восторгомъ примутъ эту милость, В. В. Ихъ сердце лежитъ къ прежнимъ учрежденіямъ, если даже разумомъ они и будутъ осуждать нѣкоторыя злоупотребленія въ нихъ.

— Чтобы удовлетворить сердечную склонность курляндцевъ, вы можете оповѣстить ихъ, что я возвращаю имъ прежнія судебныя установленія. Возвратить имъ самое Курляндію я теперь уже не могу, сказалъ государь съ улыбкой. Я ни у кого ничего не возьму, но хочу знать, что есть у меня самого.

Легко угадать мой отвѣтъ. Я имѣлъ счастье дать ему такой оборотъ, что

по лицу императора я прочелъ его лестное дѣйствіе.

Удивительно, что этотъ государь, передъ которымъ всѣ трепетали, никогда не внушалъ мнѣ страха. Потому ли, что его обращеніе со мной съ самаго начала устранило всякое чувство стѣсненія, или потому, что откровенно выраженная мною любовь къ нему внушила мнѣ нѣкоторую увѣренность въ себя—все равно, я могу удостовѣрить, что всякій мой отвѣтъ шелъ отъ сердца и можетъ быть поэтому вызывалъ согласіе со мною монарха.

Когда государь объявилъ мнѣ о возстановленіи нашихъ старыхъ судебныхъ учрежденій, мнѣ стало ясно, что необходимо уничтожить монополію восьми курляндскихъ адвокатовъ, которой они пользовались вопреки законамъ и во вредъ публикѣ. На другой день я написалъ генералъ-прокурору официальное и подробно мотивированное письмо, которое онъ доложилъ Е. В. 10 января я былъ чрезвычайно удивленъ, прочитавъ въ сенатѣ именной указъ, отмѣнявшій ограниченіе числа адвокатовъ (8) и разрѣшавшій такъ называемымъ помощникамъ адвокатовъ вести дѣла во всѣхъ учрежденіяхъ края. Сенаторъ Ховенъ, ревностный защитникъ адвокатовъ, былъ изумленъ, что въ указѣ говорится объ адвокатахъ и Курляндіи, не зная, въ чемъ собственно было дѣло.

— Что тамъ такое, спросилъ онъ меня.

— Выслушаемъ, и тогда я вамъ скажу, въ чемъ дѣло, и сдѣлать видъ, что прислушиваюсь къ чтенію, какъ будто дѣло шло о совершенно неизвѣстномъ мнѣ дѣлѣ. „Принесемъ черезъ генералъ-прокурора благодарность Е. В. за этотъ патриотическій указъ, уничтожающій въ Курляндіи монополію на отправленіе правосудія.“ Онъ весь поблѣднѣлъ, но тѣмъ не менѣе подошелъ къ князю и сказалъ: „Всякій знакъ вниманія государя къ намъ преисполняетъ насъ признательностью!“ „Особенно этотъ“, подхватилъ я, ибо онъ наноситъ смертельный ударъ гидрѣ кляузничества.“

Е. В. приказалъ мнѣ работать вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ надъ ре-

организацией прежнихъ учреждений въ Курляндіи. Я просилъ князя привлечь къ этому дѣлу Ховена, чтобы всё, у кого былъ поводъ плакаться на это, не обрушилось на одного меня. И дѣйствительно Ховенъ былъ привлеченъ къ работѣ, а Тихоміровъ, которому я доставилъ мѣсто въ канцеляріи генералъ-губернатора, былъ сдѣланъ дѣлопроизводителемъ.

Посѣтили бывшаго посла гр. Штакельберга. Онъ жаловался на отношеніе двора, которое онъ испытываетъ послѣ 25-лѣтней службы. „Государь гнѣвается на меня за то, что я былъ въ сношеніяхъ съ Зубовымъ. Но вѣдь князь пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ императрицы, а развѣ можно было вести дѣла, не сблизившись съ тѣмъ, у кого была ея душа? Я хотѣлъ бы разсѣять несправедливое обо мнѣ мнѣніе, и это могла бы сдѣлать только одна Нелидова. Сдѣлайте милость поговорите объ этомъ съ этимъ ангеломъ кротости и доброты.“

Я не сталъ скрывать отъ графа трудностей склонить Нелидову вмѣшаться въ дѣло, которое совершенно ея не касалось. Но всё-таки я обѣщаль исполнить его желаніе и сдержаль свое слово. Нелидова наотрѣвъ отказалась отъ такого порученія, а генералъ Б., съ которымъ я говорилъ по этому поводу, далъ мнѣ понять, что государь не можетъ просить Штакельбергу пресмыкательства, съ которымъ тотъ ухаживаль за фаворитомъ. „Не будь этого, добавилъ онъ, гр. Штакельбергъ былъ бы назначенъ вице-канцлеромъ.“

Тотъ былъ въ отчаяніи отъ отказа Нелидовой, какъ ни старался я его утѣшить, и сообщилъ мнѣ по секрету о другой попыткѣ, которую онъ хотеть сдѣлать у государя. Я заранѣе видѣлъ ея бесплодность и она вызвала только quasi—совѣтъ графу „ѣхать въ свое имѣніе отдохнуть отъ усталости, которую онъ нажилъ себѣ въ передней кн. Зубова.“ Бѣднаго експосланника едва не хватилъ ударъ, и онъ серьезно заболѣлъ. Я отправился утѣшить его, ибо его болѣзнь была просто отчаяніемъ придворнаго, который принужденъ сойти со сцены, на

которую не вступилъ бы человѣкъ честный и съ болѣе твердымъ характеромъ.

— Съ какимъ удовольствіемъ я поѣхалъ бы съ вами мѣстами, графъ! сказалъ я.

— Вы, конечно, шутите.

— Нѣтъ, честное слово. Только отъ васъ зависить водвигнуть себѣ болѣе прочный памятникъ, чѣмъ эта незначительная слава, которой вы могли бы добиться при дворѣ. Ваша репутація, какъ дипломата, известна всей Европѣ. Будьте русскимъ Тацитомъ и нишите у себя въ имѣніи ваши мемуары о безсмертной Екатеринѣ.

Изъ скромности ли, или изъ боязни, а, можетъ быть, и по лѣни графъ не принялъ моего совѣта¹⁾.

Черезъ день я былъ при дворѣ. Послѣ стола государь отвелъ меня въ сторону, взглянулъ на меня пристальнымъ, свойственнымъ ему въ нѣкоторые моменты, взглядомъ и сказалъ:

— Вы, конечно, знакомы съ гр. Потockимъ (Игнатиѣмъ)?

— Да, В. В., я его знаю болѣе десяти лѣтъ. Онъ человѣкъ умный, знающій и любезный въ обществѣ. (Я особенно подчеркнулъ послѣднее обстоятельство, зная, какъ много значенія государь придаетъ любезности).

— Но, говорятъ, онъ опасенъ?

— При просвѣщенномъ, твердомъ, благотѣльномъ и справедливымъ правленіи никто, В. В., не опасенъ.

— Надѣюсь, продолжалъ государь довольнымъ тономъ, что господа подьяки довольны мною. А propos! Прибылъ вице-адмиралъ Мордвиновъ. Посмотрѣмъ, какъ онъ будетъ защищать себя.

— Это очень легко, В. В.

— Я тоже этого желаю, но, прибавилъ онъ съ строгимъ выраженіемъ лица, надѣюсь, что все дѣло будетъ разобрано до малѣйшихъ подробностей.

Я отвѣтилъ низкимъ поклономъ.

¹⁾ Графъ состоялъ при дворѣ съ самаго вступленія Екатерины на престолъ. Какъ умный человѣкъ, онъ слѣдилъ за всѣми мѣропріятіями императрицы и такъ же хорошо зналъ тайные планы правительства, какъ и придворные анекдоты.

Внезапныя переѣзды, во введенныхъ Екатериною генераль-губернаторствахъ, произведенныя государемъ по всей имперіи, вызвали бы повсюду путаницу, если бы чрезвычайная поспѣшность, съ которою дни и ночи работалъ генераль-прокуроръ, не устранила вредныхъ послѣдствій этой дезорганизациі.

Генераль Паленъ потерялъ мѣсто курляндскаго генераль-губернатора и долженъ былъ довольствоваться командованіемъ кирасирскимъ полкомъ въ Ригѣ. Замѣшательство, которое всегда бываетъ при такихъ переѣздахъ, выпало на долю губернатора гр. Ламсдорфа.

Императоръ приказанъ генераль-прокурору спрашивать моего письменнаго совѣта при всѣхъ необходимыхъ распоряженіяхъ.

Пока я долженъ былъ отвѣчать на вопросы государя, комиссія по поводу вице-адмирала Мордвинова продолжала свои занятія. Маіоръ И. пытался запутать дѣло и довольно грубо потребовалъ допроса новаго свидѣтеля, чтобы выиграть время. Я позондировалъ судей, и только Архаровъ показался мнѣ не совсѣмъ надежнымъ. Онъ пытался добиться признанія адмирала виновнымъ въ небрежности и легкомысленномъ злоупотребленіи въ служебныхъ дѣлахъ.

Наконецъ прибылъ и обвиняемый. Но нежеланіе быть обвиненнымъ по доносу такого субъекта, какъ И.—было въ немъ такъ сильно, что въ его объясненіяхъ не было откровенности и ясности, которыя были необходимы, чтобы побѣдоносно опровергнуть злыя и искусно придуманныя обвиненія. Его тонъ всѣмъ почти не понравился и, когда онъ удалился, всѣ стали его бранить. Я ваялъ смѣлость его защищать, чувствуя, что я и самъ ваялъ бы въ ту же ошибку, еслибъ меня принудили состязаться съ такимъ презрѣннымъ существомъ, какъ маіоръ И. Было постановлено, чтобы вице-адмиралъ далъ письменный отвѣтъ по пунктамъ и далъ ему на это восемь дней срока. Его отвѣты были неопредѣленны, запутаны и требовали личной ставки съ маіоромъ. Я чувствовалъ, что дѣло все болѣе и болѣе запутывается, и рѣшилъ

свести главные обвиненія къ восьми пунктамъ, на которые Мордвиновъ долженъ былъ отвѣчать просто, и такимъ образомъ положить конецъ процессу, который, въ случаѣ новыхъ осложненій, запуталъ бы множество ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Я работалъ до поздней ночи и, такъ какъ процессъ велся секретно, мнѣ пришлось самому переписать составленный мною актъ, который я тотчасъ же и послалъ, сказавъ генераль-прокурору, что вслѣдствіе сильнаго утомленія не могу быть на засѣданіи.

Коммиссія приняла восемь обвинительныхъ пунктовъ; переслала ихъ для возраженій вице-адмиралу и дня черезъ два получила ихъ обратно. Я присутствовалъ на рѣшающемъ засѣданіи. Маіоръ И. былъ изобличенъ въ ложномъ доносѣ. Онъ все ссылался на показанія свидѣтелей и кончилъ сознаніемъ, что онъ все это выдумалъ, чтобы отомстить вице-адмиралу за то, что тотъ уволилъ его отъ должности за растрату нѣсколькихъ сотъ рублей изъ вѣреннаго ему кассы. Я былъ очарованъ, что невинность Мордвинова была доказана, съ одной стороны потому, что онъ казался мнѣ челоуѣкомъ честнымъ, а съ другой и потому, что съ самаго начала я усвоилъ себѣ такую точку зрѣнія на это дѣло. Архаровъ сталъ настаивать на необходимости вставить во всеподданнѣйшій докладъ замѣчаніе, что вице-адмиралъ заслуживаетъ порицанія за злоупотребленія по службѣ и за нарушеніе формальностей, а маіоръ И. за свое сознаніе заслуживаетъ смягченія законной кары.

Я горячо выступилъ противъ выраженія „заслуживаетъ порицанія“ и настаивалъ на смертной казни за ложный доносъ.

— Всякая снисходительность, говорилъ я, будетъ въ этомъ случаѣ преступленіемъ, если имѣть въ виду хладнокровно обдуманную кляузу, имѣвшую цѣлью опозорить и подвести подъ жестокое наказаніе честнаго челоуѣка, посѣять около трона подозрительность и встревожить сердце монарха. И кто изъ насъ можетъ считать себя въ без-

опасности отъ такого же гнуснаго и опаснаго доноса?

Я закончилъ рѣчь указаніемъ на статьи закона о ложныхъ донощикахъ и далъ понять, какъ несправедливо выраженіе „заслуживаетъ порицанія“ относительно заслуженнаго челоуѣка, который по своему поведенію болѣе чѣмъ невиновать.

Архаровъ и еще двое настаивали на помѣщеніи этихъ словъ, остальные примкнули къ моему мнѣнію. Васильевъ и гр. Завадовскій поддерживали меня открыто. Въ концѣ концовъ я рѣшила формулировать въ двухъ строкахъ все, на чемъ вертѣлся вопросъ, и испросилъ разрѣшеніе прочесть ихъ. Всѣ согласились и дѣло было навсегда окончено.

Въ ближайшій день я видѣлъ государя, который бесѣдовалъ со мною съ безграничной добротой и наговорилъ мнѣ много лестнаго о томъ, что съ первыхъ же шаговъ я сумѣлъ такъ правильно разрѣшить дѣло. Вице-адмиралу была дана отдѣльная аудіенція. Государь обнял его, поручилъ ему управленіе Одессой и подарилъ ему брилліантовую табакерку съ своимъ портретомъ. Такъ поступалъ Павелъ въ началѣ своего царствованія съ тѣми, кому приходилось пострадать невинно¹⁾.

¹⁾ Иначе рассказываетъ дѣло со словъ отца дочь адмирала Мордвинова гр. Н. Н. Мордвинова: «Отецъ мой по приказанію государя отправился изъ Николаева къ нему въ Петербургъ и ожидалъ себя ласкаго пріема. Не дожидая заставы, когда было уже довольно темно, онъ въ каретѣ задремалъ. Вдругъ слышитъ около своего экипажа топотъ лошадей. Вообразилъ себѣ, что это былъ знакъ почетной встрѣчи. При самомъ вѣздѣ его въ городъ, офицеръ подѣхалъ къ окну кареты и почтительно спросилъ, куда онъ прикажетъ его везти. Тогда мой отецъ удивился и спросилъ, что это значитъ, и получилъ въ отвѣтъ, что по волю государя онъ арестованъ.

«На другой день явился къ нему посланный съ объявленіемъ, что назначена коммиссія его судить, куда и просить его явиться.

«Когда отецъ мой явился въ коммиссію, на столѣ лежала куча бумагъ, по которой ему дѣлали такіе странные и неясные вопросы, что онъ ничего не могъ понять, въ чемъ его обвиняли и просилъ довѣрить ему бумаги рассмотреть у себя, на что и согласился.

«Пріѣхавъ домой, отецъ мой раскрылъ пакетъ, и маленькая записка, которая, вѣроятно, по нечаянности была тутъ, разъяснила ему все дѣло. Едва онъ успѣлъ прочесть ее, какъ прискакалъ посланный изъ коммиссіи, требуя отъ

При восстановленіи прежнихъ судебныхъ учрежденій въ Лифляндіи и Курляндіи предстояло возвратитъ въ учрежденную Петромъ I юстицъ-коллегію часть дѣлъ, которыя въ апелляціонномъ порядкѣ дошли до сената. Вслѣдствіе установленнаго Екатеринной порядка инстанцій за этой коллегіей осталось рѣшеніе дѣлъ по расторженію браковъ лютеранъ, калвинистовъ и католиковъ. Она была въ такомъ пренебреженіи, что 15 лѣтъ оставалась безъ предсѣдателя, ибо Симоничъ, получившій постъ министра-резидента сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ въ Парижѣ, не показывалъ въ нее и носа¹⁾, а вице-президентовъ избирали изъ юристовъ, которые были совершенно неизвѣстны двору. Недовольный такимъ пренебреженіемъ, Павелъ пожелалъ поставить эту коллегію на одинъ уровень съ другими коллегіями имперіи, куда предсѣдателями назначались сенаторы²⁾. Вслѣдствіе этого кн. Курнего бумага послѣдно обратна. Онъ закрылъ пакетъ, вручилъ его посланному и сказалъ: «Возьмите, мнѣ больше ничего не нужно: я все понялъ».

«На другой день явился къ нему кн. Куркинъ и, проливая слезы, уговаривалъ его просить прощенія у государя. Отецъ мой отвѣчалъ ему: «Никогда я этого не сдѣлаю, потому что ни въ чемъ не признаю себя виновнымъ; но знайте, князь, что если я даже буду сосланъ въ Сибирь, я оттуда бойтесъ меня».

«Отецъ мой, не бывъ виновнымъ, оправдался, и враги его не достигли своей цѣли. Но зная неустранимую открытость его и любовь Павла Петровича къ нему съ дѣтства, уговорили государя не призывать его къ себѣ, будто бы по той причинѣ, что онъ можетъ по горячности своей сказать что-нибудь неприятое и тѣмъ подвергнуться немилости. Государь согласился не видать его, подарилъ ему при этомъ тысячу душъ, предоставивъ выборъ имѣнія, гдѣ онъ пожелаетъ, и уволивъ его отъ службы». (Воспоминаніе о гр. Н. С. Мордвиновѣ. Спб. 1873).

¹⁾ Его хотѣли вытѣснить изъ департамента вѣшнихъ сношеній и потому назначили президентомъ этой коллегіи. Но онъ написалъ императрицѣ, что онъ никогда не занимался юриспруденціей и не можетъ принять этого поста. Вслѣдствіе этого онъ получилъ лишь званіе предсѣдателя, но обязанностей его не исполнялъ.

²⁾ Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ предсѣдателемъ въ это время былъ великій канцлеръ и сенаторъ гр. Остерманъ; въ военной коллегіи—фельдмаршалъ и сенаторъ гр. Николай Салтыковъ; въ адмиралтейской коллегіи—гр. Чернышевъ, въ коммерцъ-коллегіи—сенаторъ Соимоновъ.

решить спросить меня однажды въ сенатѣ, не пожелалъ ли я взять на себя обязанности председателя Диффандской и Эстляндской юстицъ-коллегіи. „Императоръ, прибавилъ онъ, желаетъ вернуть этому высшему судебному учрежденію подобающее ему достоинство и считать бы вашу добровольно усиленную работу за новое доказательство вашего усердія“.

— Воля государя для меня законъ, и если я могу рассчитывать на вашу, князь, поддержку въ необходимыхъ перемѣнахъ, то я съ удовольствіемъ возьму на себя эти обязанности. Генераль-прокуроръ сталъ горячо меня увѣрять, что всѣ мои желанія будутъ исполнены, насколько это будетъ отъ него зависеть. Черезъ день въ сенатѣ былъ прочтанъ указъ о моемъ назначеніи. Онъ больше всѣхъ изумилъ сенаторовъ Ховена, Миниха и Ребиндера, которые всѣ были старше меня по службѣ.

Въ тотъ же вечеръ я благодарилъ государя. Когда я преклонилъ колѣна, Е. В. сказалъ громко: „Я бы долженъ васъ благодарить, что вы берете на себя еще работу. Даю вамъ самыя большія полномочія относительно вашихъ пасторовъ. Вы будете смотрѣть во всѣ глаза и доносить мнѣ. Я знаю, что многіе изъ лютеранскихъ пасторовъ заражены духомъ новшества и обнаруживаютъ взгляды, которые сложились подъ вліяніемъ новаго французскаго ученія. Я всегда буду защищать въ моей имперіи законно существующія религіи и ихъ служителей, но пусть они не отступаютъ отъ долгаго повинованія, иначе я накажу примѣрно, такъ какъ они будутъ виновны вдвойнѣ“.

Около четверти часа говорилъ со мною императоръ и говорилъ умно, со знаніемъ жизни и справедливо. Въ заключеніе онъ сказалъ: „Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ потребуется мое личное рѣшеніе, вы можете обратиться прямо ко мнѣ“.

Растроганный столькими знаками милости и уваженія, я, чтобы оправдать ихъ, черезъ день отправился въ коллегію, хотя была суббота—неприсутственный въ судахъ день. Она помѣщалась въ обширномъ зданіи на Ва-

сильевскомъ островѣ, построенномъ Петромъ I для двѣнадцати коллегій. На доскѣ, висѣвшей въ воротахъ, былъ обозначенъ по русски и по нѣмецки входъ въ каждую коллегію. Главная спускающаяся внизъ лѣстница вела въ довольно большую переднюю, гдѣ была кухня старыхъ солдатъ, которая открывала входъ въ святилище правосудія ѣдкимъ чадамъ.

Оттуда попадаешь въ канцелярію и въ залъ засѣданій. Все носило на себѣ печать обветшанія, разрушенія, запустѣнія. Кресло президента, изъѣденное молью, повидимому, было когда-то крыто краснымъ сукномъ. Я пробѣжалъ нѣкоторые протоколы и бумаги, валавшіяся на столѣ секретаря: во всемъ сказывался безпорядокъ и небрежность.

Это открытіе огорчило меня. Передо мной открылась какъ будто берлога кляузничества, а не храмъ правосудія. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я, придя домой, набросалъ для генераль-прокурора вѣрную картину видѣннаго мною и умолялъ его убѣдиться самому въ печальномъ положеніи коллегіи. Онъ потомъ устно просилъ меня исследовать это положеніе во всѣхъ мелочахъ и представить ему официальный отчетъ для доклада государю.

Занявъ въ слѣдующій понедѣльникъ свое президентское мѣсто, я сталъ наблюдать лицъ, изъ которыхъ состоялъ этотъ трибуналъ.

Вице-президентъ Акимовъ былъ 70-ти лѣтній старикъ, разбитый параличемъ. Кромѣ нѣкоторыхъ элементарныхъ вещей, которымъ онъ научился, будучи прокуроромъ, онъ рѣшительно не имѣлъ никакого понятія объ основныхъ началахъ права. Старѣйшій членъ, отставной пѣхотный маіоръ, не зналъ сносно ни одного языка. Впрочемъ онъ былъ честнымъ человѣкомъ и отличался здравымъ умомъ. Въ этомъ же родѣ были и другіе. Секретаря нельзя было упрекнуть въ невѣжествѣ и въ отсутствіи рутинны, но за деньги онъ былъ на все способенъ.

Представлялись мнѣ и чиновники. Между ними я замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, которые были одѣты по-лучше. Одинъ изъ нихъ былъ цѣлмян-

никъ перваго члена, второй—сынъ умершаго вице-президента. Я спросилъ ихъ, гдѣ они учились. „Въ Петербургѣ у родителей“. Имѣя чинъ титулярнаго совѣтника, они занимались перепиской бумагъ и хотя не могли написать двухъ строкъ безъ ошибки, тѣмъ не менѣе получали тройной окладъ, какъ будто они были отличными работниками. Непотизмъ царилъ здѣсь не хуже, чѣмъ въ Римѣ. Но не смотря на отсутствіе у меня протекціи и различныхъ покровителей, я завелъ здѣсь надлежащій порядокъ.

Прокуроръ Брискорнъ показался мнѣ интеллигентнѣе другихъ. Такъ какъ князь отзывался мнѣ о немъ хорошо, то я пригласилъ его къ себѣ на слѣдующій день въ 7 часовъ утра и сталъ спрашивать его о канцеляріи и злоупотребленіяхъ, которыя ему приходилось замѣчать. Онъ отвѣчалъ обстоятельно и посвятилъ меня во множество подробностей. Чтобы не судить по заявленіямъ одного лица, я на слѣдующій день спросилъ секретаря и устроилъ опросъ и другихъ, чтобы такимъ путемъ добиться отъ служащихъ коллегіи вѣрныхъ указаній. Что ни говори, но всегда есть вѣрное общественное мнѣніе, и я въ скоромъ времени зналъ уже, чего мнѣ держаться, особенно относительно секретаря.

Едва принялся я за водвореніе въ коллегіи порядка, какъ государь скасалъ мнѣ: „Я со всѣхъ сторонъ получаю жалобы какъ на епископовъ, такъ и на старшихъ духовныхъ лицъ. Это заставляетъ меня прибавить къ коллегіи еще второй департаментъ, спеціально для католиковъ. Такимъ образомъ вамъ предстоитъ еще трудъ. Среди польскаго и литовскаго духовенства есть горячія головы, которыя твердо держатся прежняго духа неповиновенія и безначалія. За этими господами нужно слѣдить внимательно“.

— Но, В. В., едва ли католики желаютъ имѣть во главѣ этого учрежденія не католика и притомъ лицо не духовное.

— Тѣмъ хуже для нихъ. Я тоже не имѣю чести быть духовнымъ и надѣляю васъ полномочіями, полагая, что я здѣсь господинъ. Впрочемъ, вы мо-

жете для образованія департамента взять католиковъ, но вы лично должны мнѣ поручиться за этихъ господъ.

— Разрѣшите мнѣ, В. В., представить ихъ вамъ, безъ этого я не могу взять на себя ручательства.

— Конечно. Уладьте это дѣло съ генералъ-прокуроромъ.

26 Января государь подписалъ указъ, 27 онъ былъ уже прочтенъ въ сенатѣ и я оказался съ огромной тяжестью на шеѣ, при огромной отвѣтственности, но безъ увеличенія моего содержанія и даже безъ столовыхъ денегъ, которые выдавались въ другихъ департаментахъ. Я бы ихъ получилъ, если бы принялся хлопотать объ этомъ, но за этотъ шагъ меня не пощадили бы.

Указъ объ учрежденіи Департамента по дѣламъ католиковъ былъ разосланъ по всѣмъ губерніямъ, а я сообщилъ циркуляромъ съ приложеніемъ копій именнаго указа архіепископу Могилевскому, начальнику всѣхъ униатскихъ и другихъ епископовъ въ Россіи, объ официальномъ открытіи Департамента.

Всѣ епископы приняли это распоряженіе съ должнымъ монарху повиновеніемъ, кромѣ архіепископа Могилевскаго. Хотя мы почти не были знакомы, онъ прислалъ мнѣ длинное частное письмо, написанное по нѣмецки, для того ли, чтобы приобрести этимъ мое расположеніе, или для того, чтобы показать, что письмо не имѣетъ официального характера.

Я былъ въ большомъ затрудненіи, ибо было ясно, что цѣль архіепископа состоитъ въ томъ, чтобы изъять себя отъ дѣйствія указа. Павелъ очень ревниво оберегалъ свою власть и не могъ равнодушно смотрѣть на такое принципиальное объясненіе духовнаго главы католической Россіи. Я опасался, какъ бы не подвести архіепископа подъ его гнѣвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не надѣлать вреда всему духовенству, если я официально доложу о посланіи архіепископа. Съ другой стороны я не рѣшался допустить исключительное положеніе, занятое архіепископомъ. Наконецъ я довѣрительно сообщилъ о полученномъ по-

славян кн. Куракину и спросилъ его совѣта. Обдумавъ зрѣло всё послѣдствія, которыя можетъ повлечь за собой поведеніе архіепископа, генераль-прокуроръ доложилъ императору о положеніи вещей, и Е. В. приказалъ мнѣ объявить архіепископу формальный выговоръ съ предупрежденіемъ, что онъ будетъ наказанъ со всею строгостью законовъ, если не будетъ повиноваться императорскому указу и повелѣніямъ, которыя будутъ приходить къ нему изъ юстицъ-коллегии.

Тѣ, кому извѣстна гордыня этихъ прелатовъ, могутъ себѣ представить всю силу его ярости. Тотчасъ же сталъ онъ хлопотать разрѣшеніе явиться въ Петербургъ, но это разрѣшеніе получилъ не такъ-то скоро. Явившись наконецъ, онъ прежде всего старался скрыть свою ненависть подъ маской покорности и лѣтливости. Но мало-по-малу она стала обнаруживаться и противъ меня, послѣ того, какъ онъ тысячу разъ увѣрялъ меня въ своемъ расположеніи ко мнѣ.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ со своей очаровательной женой лейтенантъ русской службы Лобарчевскій. Онъ умолялъ меня, во что бы то ни стало опредѣлить его на гражданскую службу. Я предложилъ ему первое послѣ вице-президента мѣсто въ департаментѣ. Майору Дюгамелю, служившему въ гренадерскомъ полку, который также просилъ меня объ этомъ, я предложилъ второе мѣсто. Оба согласились. Е. В. утвердилъ назначеніе ихъ и департаментъ получилъ хорошій составъ. Государь зналъ Лобарчевскаго, который въ Польшѣ исполнялъ обязанности комиссара, судьи и посланника. Такимъ образомъ у него былъ навыкъ въ гражданскихъ дѣлахъ и въ обращеніи съ закономъ. Дюгамель получилъ очень хорошее образованіе въ Варшавѣ; онъ владѣлъ нѣсколькими языками и состоялъ при генералѣ Кассаловскомъ и при князѣ Репнинѣ для вѣшной переписки по русски и по польски. Кромѣ того, я зналъ его за человѣка высокой честности и рѣдкой нѣжности. Поэтому мнѣ было важно привлечь его въ департаментъ, которому

была существенно необходима репутация безпартійности и безпристрастія.

Въ это время (въ февралѣ 1797 г.) прѣзжалъ черезъ Ригу кн. Зубовъ, получившій разрѣшеніе выѣхать за границу. Генералъ Паленъ, а также лифляндскій губернаторъ Кампентаузенъ посѣтили его. Полицейскій шпионъ, который слѣдилъ за Зубовымъ по распоряженію петербургскаго генераль-губернатора Архарова, сдѣлалъ ложный доносъ о необыкновенномъ приѣмѣ, сдѣланномъ въ Ригѣ Зубову. Между прочимъ онъ сообщилъ, что Паленъ сопровождалъ Зубова до Митавы, за предѣлы полковой командиръ. Императоръ, котораго хотѣли возстановить противъ Зубова, впалъ въ страшный гнѣвъ, услышавъ объ этой почетной встрѣчѣ, устроенной его подданному. Не давая себѣ труда провѣрить доносъ, онъ исключилъ Палена изъ военной службы. Паленъ пытался оправдаться письмомъ, которое государь, какъ говорятъ, бросилъ, не прочитавъ. Кампентаузенъ, вслѣдствіе этого ложнаго доноса, также потерялъ мѣсто. Но ихъ очевидная виновность заставила князя Репнина и генерала Бенкендорфа съ такою горячностью приняться за ихъ защиту, что государь наконецъ простилъ ихъ обонъ.

Передъ своимъ отъѣдомъ въ Москву государь еще разъ приказалъ мнѣ строго слѣдить за правосудіемъ въ дѣлахъ протестантскихъ, а кн. Куракинъ обѣщалъ мнѣ, что дѣла, ввѣренныя моему производству, будутъ рѣшаться самымъ скорымъ образомъ.

Едва прошло дней восемь, какъ прокуроръ юстицъ-коллегии Брискорнъ обратилъ мое вниманіе на одного шведскаго пастора, который уѣхалъ въ Швецію, избѣгая нашихъ пограничныхъ постовъ. Поручителемъ за вѣрность сообщенія былъ пасторъ Шк.

Дѣло было слишкомъ щекотливо, чтобы доводить объясненія до свидѣнія генераль-прокурора только на основаніи словеснаго заявленія. Поэтому я потребовалъ отъ Брискорна письменнаго заявленія и посоветовалъ при этомъ, прежде чѣмъ начи-

вать дѣло, хорошенько обдумать этотъ шагъ. Тотъ отвѣчалъ мнѣ, что если я буду чинить ему препятствія, то онъ свой доносъ подастъ прямо генераль-прокурору. Послѣ этого объясненія, я только настаивалъ, чтобы заявленіе было сдѣлано письменно за подписью его и пастора Шк. Получивъ этотъ документъ, я пригласилъ къ себѣ послѣдняго и убѣдившись, что въ его заявленіи нѣтъ ни противорѣчій, ни слѣдовъ личной ненависти, подалъ официальный докладъ, причемъ просилъ генераль-прокурора пощадить пастора Цигнеуса отъ непріятной огласки и уполномочить меня произвести разслѣдованіе этого дѣла на мѣстахъ, черезъ которыя пройдетъ Цигнеусъ на возвратномъ пути изъ Финляндіи.

Генераль-прокуроръ однако возложилъ на меня исполненіе высочайшаго повелѣнія арестовать на ночь всѣ письма, адресованныя пастору Цигнеусу, и прислать ихъ въ сопровожденіи полнейскаго офицера въ Москву, а также и сдѣлавшаго доносъ пастора Шк.

Такъ какъ было чрезвычайно опасно не исполнить тотчасъ же повелѣніе, непосредственно полученное отъ государя, то я рѣшился послать одного Цигнеуса, такъ какъ иначе многочисленныя финскія и шведскія церковныя общины въ Петербургѣ остались бы безъ пастора, тѣмъ болѣе, что наступала Пасха, когда всякій желаетъ причаститься.

Генераль Буксгевденъ, на котораго было возложено управленіе Петербурга на время отсутствія Архарова, разрѣшилъ Цигнеусу воспользоваться хорошимъ экипажемъ и далъ ему въ провозатые одного кроткаго и образованнаго полицейскаго изъ нѣмцевъ. Я далъ ему для устройства его дѣлъ 24 часа срока и доложилъ генераль-прокурору о причинахъ, заставившихъ меня отложить отправку пастора Шк., который къ тому же не могъ ничего прибавить къ своему доносу и своимъ отъѣздомъ только лишилъ бы финскую колонію возможности исполнять духовныя требы, что вызвало бы скандалъ и ненужную огласку. Выѣстъ съ

тѣмъ, я просилъ государя отнестись милостиво къ пастору Цигнеусу, который, по всему вѣроятію, сдѣлалъ важный шагъ скорѣе по разсѣянности, чѣмъ по злему умыслу.

Генераль-прокуроръ, человекъ гуманный и добрый, вседѣло присоединился къ содержанію моего письма. Пастору Цигнеусу удалось оправдаться относительно чистоты своихъ намѣреній. Императоръ отпустилъ его обратно и 2 апрѣля 1797 года изъявилъ мнѣ свое особенное благоволеніе за веденіе этого дѣла.

Коронованіе совершилось наконецъ 2 апрѣля. Дарованныя по сему случаю государемъ награды были безпримѣрны и безграничны. Графъ Везбородко былъ сдѣланъ княземъ и получилъ 30 тысячъ крестьянъ. Оба брата Куракины получили по 12 тысячъ и богатѣйшія въ имперіи рыбныя промыслы. Никто же былъ обойденъ помѣстьями и орденами. Камердинеръ Кутайсовъ, бывший уже статскимъ совѣтникомъ, вздумалъ просить у государя орденъ св. Анны 2 степени. Павелъ пришелъ въ гнѣвъ, обошелся съ нимъ грубо и послѣдовалъ къ императрицѣ, у которой вѣшалъ Нелидову. Онъ сказалъ, что онъ сейчасъ прогналъ Кутайсова за его нахальство. Напрасно старалась императрица успокоить его: его кровь бурлила и только послѣ обѣда Нелидовой посчастливилось выпросить прошенія Кутайсову, который въ знакъ благодарности бросился ей въ ноги. Впослѣдствіи его благодарность обѣимъ своимъ защитницамъ подверглась испытанію.

Черезъ нѣсколько дней императоръ отличилъ на балу дѣвицу Лопухину. Онъ говорилъ о ней вечеромъ съ Кутайсовымъ и этотъ разговоръ безъ всякой задней мысли сдѣлался основаніемъ широко задуманнаго плана. Но планъ этотъ осуществлялся медленно.

ГЛАВА II.

Затруднительное положеніе.

Желая на обратномъ пути изъ Москвы осмотрѣть и другую половину

своей имперіи, государь направился черезъ Литву, Курляндію и Лифляндію. Генераль-губернаторъ Архаровъ прибылъ прямо въ Петербургъ и, рассчитывая приготовить государю пріятный сюрпризъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы выкрасить всѣ ворота и заборы въ черный, оранжевый и бѣлый цвѣтъ. Это смѣхотворное распоряженіе, стоившее большихъ денегъ, было немедленно исполнено: пользауою случаемъ маляры запрашивали за работу, сколько хотѣли.

Со всѣхъ сторонъ неслись громкіе крики недовольства, такъ что императрица, прибывшая ранѣе своего супруга, была чрезвычайно смущена этимъ приказомъ. Она ли обратила на это вниманіе императора, или онъ самъ былъ изумленъ смѣхотворнымъ смѣшеніемъ въ одну кучу частныхъ и казенныхъ зданій, но при вѣздѣ онъ спросилъ, что значить эта нелѣпная затѣя. Отвѣтъ былъ, что полиція принуждала обывателей безотлагательно исполнить волю государя. „Нужно быть дуракомъ, воскликнулъ Павелъ въ гнѣвъ, чтобы издать такой приказъ“. Этотъ случай, самъ по себѣ незначительный, повлекъ за собою паденіе Архарова. Его смѣнилъ гр. Буксгевденъ. Узнавъ, съ какой мягкостью и тактомъ Буксгевденъ исполнялъ обязанности генераль-губернатора, пока дворъ былъ въ Москвѣ, Павелъ пожаловалъ его осыпанной брилліантами табакеркой съ своимъ портретомъ, а его супруга получила орденъ св. Екатерины второй степени.

Эта перемена для меня была вдвойнѣ пріятна, такъ какъ съ одной стороны я былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Буксгевденомъ, жена котораго воспитывалась въ Смольномъ институтѣ, а съ другой и потому, что по своему положенію я долженъ былъ постоянно входить въ сношеніе съ генераль-губернаторомъ.

Я сообщаю объ этомъ для того, чтобы характеризовать стремленіе государя къ справедливости. Какъ только такой осыпанный милостями человекъ, какъ Архаровъ, проявилъ жестокость, двойственность и несправедливость, онъ наказалъ его сейчасъ же. Говоря

вообще, ни одинъ смертный не проявлялъ въ себѣ такихъ контрастовъ свѣта и тѣни, какъ Павелъ. Его умъ и страсти, воспримчивость и жестокость, добродѣтели и пороки, энтузіазмъ въ дружбѣ, переходившій потомъ въ ненависть, его признательность за все, что, по его мнѣнію, дѣлалось для него отъ всего сердца, и его ярость при малѣйшей оплошности, которую онъ замѣчалъ относительно себя, все это проявлялось въ немъ въ высшей степени. И это нагроможденіе въ немъ противоположныхъ и враждебныхъ одно другому качествъ должно было привести къ гибели.

Его добротой и справедливостью злоупотребляли, портили его хорошія качества и испытывали на немъ вѣрность поговорки: *conruptio optimi pessima* (самая худшая порча самого лучшаго).

Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, государь далъ очень вѣское доказательство хорошаго обо мнѣ мнѣнія и указомъ 31 мая назначилъ меня членомъ комиссіи по составленію государственныхъ законовъ.

У Екатерины II было намѣреніе, достойное ея духа, опубликовать новое гражданское и уголовное уложеніе. Впослѣдствіе она написала депутатамъ свой „Наказъ“. Когда труды депутатовъ по разнымъ причинамъ были прерваны, императрица спустя нѣсколько лѣтъ снова вернулась къ своему любимому проекту и назначила другую комиссію, которая работала довольно долго, пока смерть Екатерины не лишила счастья ея народа.

Жажда славы законодателя, Павелъ поручилъ тремъ сенаторамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, рассмотреть эту работу, какъ только она будетъ окончена, вмѣстѣ съ генераль-прокуроромъ, внести въ нее нужныя поправки и привести въ исполненіе.

Это увеличеніе работы поглощало почти всѣ мои силы. Обремененный обязанностями сенатора и президента въ двухъ департаментахъ юстиціи-коллегии, я, желая какъ можно ближе освоиться съ порученной мнѣ задачей, былъ вынужденъ погрузиться въ матеріалы и работать на дому.

На первомъ же засѣданіи я поднялъ вопросъ объ общемъ планѣ уложенія. Мнѣ отвѣчали, что его нѣтъ. Тогда я написалъ генераль-прокурору, чтобы имѣть возможность, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ конспектомъ отдѣльныхъ частей, его и получилъ этотъ конспектъ съ большимъ трудомъ. Съ этого момента мои сочлены были возстановлены противъ меня.

Прежде всего дѣло шло о процессуальной сторонѣ суда. Я составилъ двадцать существенныхъ пунктовъ и направилъ ихъ къ кн. Куракину съ просьбою поддержать мои указанія о мѣрахъ къ сокращенію процесса. Этими указаніями судьямъ ставилось въ обязанность стараться примирить тяжущихся, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до разбирательства. Это правило, примѣнявшееся уже въ Пруссіи, Швеціи и Даніи, встрѣтило полное сочувствіе генераль-прокурора. Но введеніе его въ Россіи представляло нѣкоторыя трудности. Послѣ того какъ я заявилъ, что лично обращаюсь къ государю по этому поводу, предложенный мною пунктъ былъ принятъ. Но все это не способствовало тому, чтобы члены комиссіи стали по мнѣ благосклоннѣе.

Всегда готовый загладить несправедливость, какъ скоро онъ пойметъ ее, Павелъ принялъ Палена обратно въ армію съ зачетомъ времени, проведеннаго имъ въ отставкѣ, а Кампенаузену назначилъ сенаторомъ въ 3 департаментъ. Новый сенаторъ понравился мнѣ и я былъ въ восторгѣ, что нашъ департаментъ усилился лифляндскимъ дворяниномъ, соединившимъ въ себѣ познанія съ прямою и честностью. Онъ слылъ анатомомъ дѣла и это обстоятельство увеличивало довѣріе публики къ 3 департаменту, которому новопріобрѣтенныя провинціи отдавали явное и можетъ быть небезосновательное предпочтеніе. Хочу прибавить здѣсь двѣ-три черточки, чтобы обрисовать духъ партійной розни, царившій тогда и продолжающійся еще и теперь между старинными русскими и новопріобрѣтенными провинціями.

Однажды Соймоновъ вздумалъ взять диктаторскій тонъ, чтобы поставить на своемъ по одному лифляндскому дѣлу,

которое намъ, конечно, было извѣстно лучше, чѣмъ ему. Онъ заручился предварительно содѣйствіемъ Стрекалова, Пастухова и Голохвастова и склонилъ ихъ на свою сторону. Обмѣнъ мнѣній былъ самый оживленный. Миннихъ не могъ подать своего голоса, такъ какъ дѣло касалось его родственниковъ. Гр. Строгановъ былъ нездоровъ. Такимъ образомъ большинство составилось изъ Ребиндера, Потоцкаго, Ильинскаго, фонъ-деръ-Ховена, Кампенаузена и меня. Но такъ какъ для рѣшенія дѣла требовалось единогласіе, иначе дѣло должно идти въ общее собраніе, то оберъ-прокуроръ дѣлалъ всѣ возможныя попытки, чтобы склонить насъ къ соглашенію. Но Соймоновъ упорно стоялъ на своемъ, мы также упорствовали. Наконецъ онъ сказалъ: „Вы, господа, придерживаетесь своей нѣмецкой юриспруденціи“. „Конечно, возразилъ ему фонъ-деръ-Ховенъ, ибо она держится на принципахъ права и здѣсь дѣло идетъ о провинціи, пользующейся привилегіей и имѣющей свои собственные законы“. „Вѣчно вы съ вашими привилегіями!“ продолжалъ Соймоновъ. „Онъ такъ же священны, какъ и всякій законъ“.

Увидѣвъ, что всѣ начинаютъ горячиться, я сталъ говорить: „Господа, мы уклоняемся отъ дѣла. Вернемся къ нему и резюмируемъ, что въ немъ сказано за и противъ“. Далѣе я изложилъ самую суть дѣла, прочелъ законъ ясный и понятный и снова повторилъ свое мнѣніе. „Въ такомъ положеніи, сказалъ я оберъ-прокурору, находится дѣло. Я становлюсь на сторону большинства и не отступаюсь ни отъ одного слова моего заявленія, которое опирается на долгій опытъ“.

Оберъ-прокуроръ отвелъ Соймонова въ сторону и тотъ счелъ за лучшее уступить. Такимъ образомъ все устроилось благополучно.

Черезъ нѣсколько дней у меня снова разыгралась сцена съ прежнимъ диктаторомъ, по поводу одного курляндскаго дѣла. Онъ пытался противопоставить авторитету закона софизмъ. Въ раздраженіи, которое было вызвано его мудрствованіями, я сказалъ: „Я полагаю, что курляндскія дѣла на-

столько не знакомы для васъ, что вы даже не знаете, на какомъ языкѣ онѣ писаны“. „Ну это я знаю отлично, отвѣтилъ онѣ въ гнѣвъ, они конечно, ведутся на вашемъ милостивомъ нѣмецкомъ языкѣ“.

— Ваше превосходительство ошибаетесь: они ведутся на латинскомъ языкѣ и у насъ не всегда даже бываетъ повѣренный переводъ.

Чтобы подтвердить свои слова, я всталъ, взявъ оводъ курляндскихъ законовъ и торжественно показалъ ему заглавіе, напечатанное на латинскомъ языкѣ безъ всякаго подстрочнаго перевода: *Formula Regiminis et Statuta*. Но Соймоновъ, нисколько не смутившись, отвѣчалъ: „Мы въ сенатѣ принимаемъ только русскіе документы и мнѣ дѣла нѣтъ, сдѣланъ ли русскій переводъ съ латинскаго или съ нѣмецкаго, а вы, в. пр., не имѣете никакого преимущества, не смотря на ваше латинское образованіе“. „Я имѣю уже то преимущество, отвѣчалъ я, что переводчикъ не можетъ меня обмануть“.

Пререканія кончились, и дѣло было рѣшено такъ, какъ должно было.

Департаментъ католическихъ дѣлъ не давалъ мнѣ покоя. Въ это время случилась еще въ юстицъ-коллегіи неприятная исторія, печальное послѣдствіе которой я чувствую и до сихъ поръ.

Какъ-то въ праздникъ, когда я рассчитывалъ отдохнуть, по крайней мѣрѣ до того часа, когда нужно было являться во дворецъ, мнѣ доложили о коллежскомъ совѣтникѣ Эйлеря и пасторѣ Коллинеѣ. Я не зналъ ни того, ни другого и принялъ ихъ съ тою любезностью, съ которою обыкновенно принимаютъ людей, попадающихъ не во-время. Первый изъ нихъ сказалъ: „Мы являемся депутатами отъ нѣмецкой реформатской общины и привосимъ вамъ жалобу на старшинъ французской общины, которые безъ нашего вѣдома сдали въ наймы домъ, который находится въ нашемъ общемъ владѣніи“.

— Я удивленъ, господа, что для принесенія жалобы вы избрали праздничный день.

— Я не могу принять отъ васъ словесную жалобу, да еще у себя въ домѣ. Составьте обычную докладную записку и подайте мнѣ ее на общемъ приѣмѣ.

— Мы желали-бы избѣгнуть огласки и пришли васъ просить уладить это дѣло какимъ-нибудь соглашеніемъ.

— Съ удовольствіемъ, господа. Но кто эти старшины французской общины?

— Графъ Петръ Головкинъ, швейцарскій купецъ Фюрсъ и маклеръ Бузанке.

— Я сегодня-же переговорю съ гр. Головкинымъ и лщу себя надеждой, что мнѣ удастся уладить это дѣло. Но въ чемъ же суть дѣла?

Посѣтители предъявили мнѣ засвидѣтельствованную копію съ указа 1778 г., подлинникъ котораго хранился въ юстицъ-коллегіи за подписью императрицы Екатерины и съ приложеніемъ государственной печати. Статья I гласила, что реформатская церковь въ С.-Петербургѣ должна разсматриваться какъ общая обѣимъ народностямъ, а ст.—4, что всѣ дѣла должны идти не иначе какъ съ согласія церковнаго совѣта изъ обѣихъ народностей. Посѣтители изложили мнѣ всѣ подробности.

Дѣло мнѣ показалось совершенно яснымъ и справедливымъ и я предложилъ имъ свои услуги.

Прибывъ ко двору, я поспѣшилъ отыскать гр. Головкина. Но едва я произнесъ слова два, какъ онъ прервалъ меня: „Эти нѣмецкіе мошенники обманули васъ. Указъ 1778 г., который они выманили у императрицы, уничтоженъ теперешнимъ государемъ и такъ какъ церковь основала французская община, то мы отберемъ наше захваченное имущество“. Братъ его церемоніймейстеръ подошелъ къ намъ и также прибавилъ съ рѣшительнымъ видомъ: „Нужно образумить этихъ нѣмцевъ. Такъ какъ наша семья стоитъ во главѣ французской общины, то мы надѣемся, баронъ, что вы какъ можно скорѣе приведете къ концу это дѣло“.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ выходомъ двора, который прошелъ мимо насъ къ обѣднѣ. На другой день я потребовалъ отъ архиваріуса юстицъ-коллегіи весь относящійся къ этому

дѣлу матеріалъ, въ особенности. подлинныя указы Екатерины и повелѣніе нынѣшняго государя. Велико было мое изумленіе, когда въ указахъ Павла не нашлось никакихъ перемѣнъ, кромѣ перемѣнъ часовъ богослуженія, ни одного слова, которое затрогивало бы указъ Екатерины. Вслѣдствіе этого я письменно просилъ камергера гр. Головкина пріѣхать ко мнѣ, но письмо было мнѣ возвращено обратно, такъ какъ Головкинъ былъ въ это время въ Гатчинѣ.

Между тѣмъ старшины нѣмецкой общины успѣли побывать у пастора французской общины Мансбенделя, который обошелся съ ними свысока и заявилъ, что никакое соглашеніе не мыслимо. Когда они подали официальную жалобу въ коллегію, которая по принятому порядку сообщила ее старшинамъ французской общины съ обязательствомъ дать свое объясненіе въ теченіе восьми дней. Тѣ потребовали еще десять дней отсрочки, которая имъ и была дана въ видѣ крайняго срока. Когда этотъ срокъ истекъ и нужно было рассмотреть жалобу, они прислали наконецъ свой отвѣтъ въ канцелярію. Онъ былъ занумерованъ, подшитъ къ дѣлу и на другой день секретарь доложилъ мнѣ объ немъ вмѣстѣ съ другими входящими бумагами.

Я приказалъ доложить его коллегіи. Чтеніе его было встрѣчено единодушнымъ выраженіемъ неудовольствія. Это было скорѣе васьквилъ на истцовъ, юстицъ-коллегію и саму императрицу Екатерину, чѣмъ возраженіе по существу жалобы. Я хотѣлъ возвратитъ этотъ дерзкій документъ, какъ неприличный памфлетъ. Но такъ какъ онъ былъ уже занумерованъ, то это оказалось возможнымъ, развѣ въ томъ случаѣ, если-бы на немъ была резолюція съ мотивами, по которымъ онъ возвращается подателямъ. Но этому воспротивился прокуроръ. Нельзя было, по его мнѣнію, мотивировать обратную отсылку, не коснувшись нападокъ на указъ 1778 г. и оскорбленій по адресу цѣлой коллегіи.

Смыслъ податной докладной записки клонился къ слѣдующему: Реформатскую церковь построили французы и

сначала они одни владѣли ею. Затѣмъ они позволили нѣмцамъ собираться въ этой церкви, не предоставляя имъ однако правъ сочленовъ. Поэтому совершенно несправедливо дѣлили съ ними средства и доходы, а теперь они снова вступаютъ во владѣніе тѣмъ, что имъ принадлежать“.

Нѣмцы же возражали: „Французская община дѣйствительно является основательницей первой изъ реформатскихъ церквей въ Россіи. Но, когда эта деревянная церковь была повреждена пожаромъ, французы и нѣмцы устроили совѣстный сборъ, который и былъ предназначенъ для постройки церкви, которая съ этого момента сдѣлалась общою. Когда въ 1772 г. по этому вопросу возникъ споръ и объ этомъ узнала императрица, она повелѣла прекратить этотъ споръ при помощи самаго тщательнаго судебного разслѣдованія и собственноручно подписала указъ съ приложеніемъ къ нему государственныхъ печатей. Такимъ образомъ вопросъ этотъ есть res judicata и теперь уже нельзя по этому поводу возбуждать споръ, не навлекая на себя обвиненія въ оскорбленіи высочайше утвержденныхъ законовъ.“

Вся коллегія была того же мнѣнія. Мнѣ, какъ президенту, оставалось только отложить на другой срокъ это дѣло подѣ предлогомъ, что другія болѣе старыя дѣла ждутъ своей очереди. Я успѣшилъ поставить въ извѣстность генераль-прокурора о неумѣстномъ тонѣ въ отвѣтъ старшинъ французской общины. Такъ какъ онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ гр. Головкинымъ, то я просилъ его хорошенько его проучить и предложить взять этотъ документъ обратно, подчистить въ немъ всѣ мѣста, оскорбительныя для Е. В. и для законодательной власти и непочтительныя по отношенію къ цѣлому учрежденію.

Князь Куракинъ въ тотъ же день долженъ былъ ѣхать въ Гатчину и обѣщалъ исполнить мою просьбу. Но, возвратившись обратно, онъ сказалъ мнѣ: Я говорилъ съ обоими братьями, они утверждаютъ, что документъ вполне корректенъ и въ немъ незначимъ мнѣ-

нять ни одного слова. Такимъ образомъ идите своимъ законнымъ путемъ“.

Такъ какъ я ничего не могъ сдѣлать въ дѣлѣ, которое могло печально кончиться какъ для графа Головкина, такъ въ особенности для пастора Мансбенделя, который велъ все дѣло и редактировалъ этотъ документъ, то я пригласилъ къ себѣ прокурора Брискорна и мы вновь нѣсколько разъ прочитывали его, находя на каждой страницѣ рискованныя утверждения, неприличные нападки и грубыя оскорбления. Князь Куракинъ не достаточно владелъ нѣмецкимъ языкомъ, чтобы понять всѣ эти выходы. Поэтому я приказалъ перевести заявленіе французомъ на русскій языкъ и поручилъ Брискорну официально представить этотъ переводъ съ краткимъ изложеніемъ всего дѣла по начальству. Но потому ли, что генераль-прокуроръ былъ необычайно заваленъ работой, или потому, что онъ былъ убѣжденъ, что дѣло кончится наказаніемъ одного пастора, словомъ, онъ, не долго думая, пустил дѣло обычнымъ порядкомъ.

Начался формальный процессъ и такъ какъ съ одной стороны нужно было отдѣлать истцовъ отъ отвѣтчиковъ, а съ другой тѣхъ, которые по своему положенію не могли не знать, что дѣлаютъ, то слѣдовательно, прежде всего за редакцію докладной записки приходилось отвѣчать пастору Мансбенделю. Очевидно, ее писалъ не графъ Головкинъ. Писалъ ее нѣмецъ и составленіе ея могло быть приписано только купцу Фюрсу или пастору Мансбенделю. Бузанке на первомъ же засѣданіи по этому дѣлу заявилъ, что онъ подписалъ записку, не прочитавъ ее, повѣривъ на слово пастору, увѣрявшему, что она составлена согласно закону. Бузанке прибавилъ, что онъ не принималъ участія ни въ составленіи записки, ни въ возбужденіи самого иска, такъ какъ дѣла этого онъ со всѣмъ не зналъ.

Какъ пасторъ Мансбендель находился въ непосредственномъ подчиненіи у коллегіи. Онъ былъ вызванъ въ нее и когда онъ явился, отвѣты на вопросы, на которые ему нужно было отвѣчать, были у него готовы. Во-

образите себѣ наше изумленіе, когда онъ явился, словно шутъ, во фракѣ, тогда какъ обычай и законъ предписывали пасторамъ въ такихъ случаяхъ являться въ установленномъ для нихъ санѣ одѣяніи.

— Кто вы такой?—спросилъ я.

— Но, баронъ, полагаю, что имѣю честь быть съ вами знакомымъ.

— Здѣсь нѣтъ барона. Здѣсь отъ лица нашего государя засѣдаетъ президентъ и онъ-то и спрашиваетъ васъ о вашемъ имени и аваніи.

— Мое имя Мансбендель. Я состою пасторомъ французской реформатской церкви.

— Вы пасторъ. Какое же вы имѣете право являться въ такомъ нарядѣ въ присутственное мѣсто, которое для васъ является высшимъ судебнымъ учрежденіемъ?

— Но... я полагалъ, что мой костюмъ самъ по себѣ приличенъ.

— Вы совершенно напрасно такъ думали. Извольте отправиться и дождитесь, пока васъ вызовутъ снова.

Затѣмъ я спросилъ членовъ коллегіи, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть этого нахала? Дѣло въ томъ, что государь строго запретилъ носить фракъ, и кромѣ того, пасторъ въ силу своего сана долженъ былъ явиться въ установленномъ для него одѣяніи.

Всѣ члены соглашались, что нужно поступить съ нимъ по всей строгости законовъ и отправить его въ полицію. Но я успокоилъ ихъ и удовольствовался штрафомъ въ пользу больницы для бѣдныхъ въ размѣрѣ 5 рублей. Его снова привели и объявили ему это рѣшеніе. Онъ закусилъ губы и, казалось, потерялъ самообладаніе.

Затѣмъ секретарь передалъ ему докладную записку и спросилъ, извѣстенъ ли ему этотъ документъ, присланный въ коллегію отъ французскій общины? Онъ долго его разсматривалъ и вмѣсто отвѣта прибѣгъ къ разнымъ уловкамъ. „Вы удалитесь отъ вопроса“, сказалъ я. „Отвѣчайте прямо: да или нѣтъ“. „Ну хорошо, я зналъ о немъ“. „Секретарь, запишите, что онъ зналъ о документѣ. А если вы о немъ знали, то почему оставили вы въ немъ невѣжество и грубость его состави-

теля?“. „Грубость! Это сильно сказано. Но я работаю над запискою не один: ее подписал граф Головкин“. „Слѣдовательно, вы сознаетесь, что вы составляли записку. Запишите объ этомъ, г. секретарь“. „Т. е. я хотѣлъ сказать, что мы составляли ее вмѣстѣ“. „Одобряете ли вы ея основныя положенія?“. „Основныя положенія? Да, я считаю ихъ закономѣрными и разумными“. „Вы изучали право, стало быть? Но знаете ли вы, что ни одинъ подданный не имѣетъ права объявлять ничтожнымъ высочайшее повелѣніе, уже обнародованное въ должномъ порядкѣ? И если императрица, соизволивъ по рѣдкой добротѣ своей разобратъ дѣло, въ первыхъ строкахъ указа прибавила: по арѣловымъ обсужденіямъ дѣла признали мы за благо, для пользы обѣихъ общинъ и устраненія между ними прежнихъ пререканій, покончить этотъ споръ и т. д., то какъ же осмѣливаетесь вы опровергать намѣренія этой великой государыни, самому становиться судьей и отвергать указъ, хранящійся въ юстицъ-коллегіи для сообразованія съ нимъ? Подумайте хорошенько. Вы, должно быть, введены въ заблужденіе. Вотъ подлинный указъ за подписаніемъ императрицы и съ приложеніемъ государственной печати“. „Все это я знаю, но теперешній государь отмѣнилъ этотъ указъ“. „Это невѣрно. Вотъ его указъ, онъ касается только времени богослуженія. Если отмѣняется только одинъ пунктъ закона, а о прочихъ не говорится, то значить ли это, что отмѣняется законъ цѣликомъ? Гдѣ вы учились логикѣ?“. „Очевидно тамъ же, гдѣ и графъ Головкинъ, и она у меня не хуже, чѣмъ у другихъ“. „Не забывайте, что вы подчинены сему присутственному мѣсту, что вы давали обѣтъ послушанія правиламъ церкви и что вы можете понести наказаніе, если будете упорствовать въ своихъ мысляхъ“. „Я не боюсь наказанія, я знаю, что сама коллегія подчинена сенату“. „Итакъ вы настаиваете на всѣхъ выраженіяхъ, которыя содержатся въ докладной запискѣ?“. „Да, настаиваю“. „И признаете всѣ оскорбленія по адресу юстицъ-коллегіи?“. „Въ запискѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго“. „Кто ее составлялъ?“. „Не знаю“. „Можете показать это подъ присягой?“. „Т. е. я не могу точно сказать, кто ее составлялъ, такъ какъ надъ нею работали многіе?“. „Но кто именно ее редактировалъ?“. „Всѣ по немногу“. „Но по слогу видно, что ее писалъ кто-нибудь одинъ. Гдѣ черновикъ?“. „Вѣроятно, у Фюрса“. „Такъ какъ вы были однимъ изъ редакторовъ записки и присоединяетесь ко всѣмъ высказаннымъ въ ней положеніямъ, то почему вы ее не подписали? Понимаете ли вы послѣдствія такого шага?“. „Я не подписалъ ее потому, что мнѣ объ этомъ ничего не говорили“. „Но вы согласились бы подписаться подъ такимъ документомъ?“. „Я полагаю, что онъ составленъ законнымъ образомъ и подписать все, что подписано гр. Головкинымъ, я считалъ бы за честь для себя“. „Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ подписаться?“. „Съ большимъ удовольствіемъ“. Онъ взялъ перо и подписался.

Мы просто оцѣпнѣли отъ удивленія при видѣ такой наглости. Когда онъ подписался, я приказалъ секретарю прочесть протоколъ засѣданія и спросилъ Мансбенделя, не имѣетъ ли онъ прибавить чего-нибудь? „Нѣтъ“, отвѣчалъ тотъ. „Въ такомъ случаѣ подпишитесь“. „Развѣ мнѣ нужно подписываться?“. „Судь приказываетъ вамъ, ибо этого требуетъ законъ“.

Онъ подписался, и я отпустилъ его. Согласно церковнымъ законамъ, онъ единогласно былъ приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности. Но это рѣшеніе я задержалъ на три дня.

Между тѣмъ прокуроръ Брискорнъ настаивалъ на необходимости обнаружить составителя записки на томъ основаніи, что онъ гораздо виновнѣе, чѣмъ тѣ, которые по неразумію попали въ это дѣло. Была сдѣлана очная ставка Фюрса и Бузанке. Первый сознался, что черновикъ записки находится у него. Онъ хотѣлъ его принести, но такъ какъ жилъ далеко, то за нимъ послали одного изъ канцелярскихъ служителей. Порывшись въ своей комнатѣ, Фюрсъ сказалъ ему: „Я и забылъ, что отдалъ подлинникъ гр.

Головкину. Пойдите къ нему. Онъ вамъ дастъ". Писецъ, которому было поручено только отправиться съ Фюрсомъ, былъ такъ глупъ и пошелъ къ Головкину, который, подумавъ съ минуту, сказалъ: „Я испортилъ черновикъ и не могу вамъ дать его“.

Я былъ уже въ сенатѣ, когда писецъ вернулся съ командировки. Я узналъ обо всемъ лишь на другой день и сдѣлалъ ему выговоръ за превышеніе своихъ полномочій. Для дѣла это было впрочемъ безразлично, и во всякомъ случаѣ поступокъ писца не былъ противнымъ закону. Тѣмъ не менѣе, пустили въ ходъ невидимыя пружины, чтобы надѣлать неприятностей: писца превратили въ полицейскаго офицера, а простую просьбу показать документъ, съ которой обращались черезъ Фюрса, въ инквизиціонный обыскъ въ бумагахъ графа Головкина.

Я предвидѣлъ такой оборотъ дѣла и написалъ объ этомъ генераль-прокурору, который призвалъ меня къ себѣ. Взвѣсивъ все обстоятельства, я пришелъ къ мысли, что слѣдуетъ обратить вниманіе только на то обстоятельство, которое вытекаетъ изъ самого характера преступленія или проступка, т. е. что виновникомъ всего слѣдуетъ признать пастора, а старѣйшинъ, въ виду ихъ незнанія законовъ, объявить неспособными въ дальнѣйшемъ исполненіи ими своихъ обязанностей.

Мансбенделю удалось однако увѣрить гр. Головкина, что тутъ задѣта его честь, и убѣдить его подать апелляціонную жалобу въ сенатъ. Тотъ такъ и сдѣлалъ, и скоро при дворѣ и въ городѣ только и говорили, что объ этомъ. Оба Головкина по всѣмъ переднимъ кричали о юстицъ-коллегіи и въ особенности о ея предсѣдателѣ. Ложь и клевета разрослись все болѣе и болѣе, переходя изъ устъ въ уста, такъ что, не зная я именъ дѣйствующихъ лицъ, я не понялъ бы, о комъ именно идетъ рѣчь.

Въ концѣ концовъ эта исторія дошла до государя и Е. В. однажды вечеромъ спросилъ меня съ улыбкой:

— Какъ ведутъ себя ваши пасторы?

— Отлично, В. В.

— Всѣ?

— Всѣ.

— Это невозможно. Нѣтъ ли между ними и такихъ, которые нуждаются въ исправленіи?

— Они уже исправляются.

— Кстати, кому это недавно дали урокъ?

— Одному здѣшнему реформатскому пастору.

— Какъ его зовутъ?

— Мансбендель.

— Какъ же его наставили на путь истины?

— Устранивъ его отъ должности. Но такъ какъ законъ разрѣшаетъ ему подать апелляціонную жалобу въ сенатъ, то онъ воспользовался своимъ правомъ.

— Какъ онъ осмѣлился апеллировать на юстицъ-коллегію?

— В. В., онъ имѣлъ право, и коллегія очень рада этому.

— Я приказывалъ вамъ непосредственно докладывать мнѣ о проискахъ этихъ господъ. Отлично. Я буду апеллировать къ самому себѣ. Отправляйтесь сейчасъ же къ генераль-прокурору и скажите ему, чтобы онъ посадилъ господина Мансбенделя въ тюрьму, ибо онъ обнаружилъ непочтительность, позоря учрежденіе, которому онъ, какъ пасторъ, подчиненъ.

Я былъ въ отчаяніи отъ такого приказанія, но государь уже повернулся къ кому-то другому. Я былъ обязанъ исполнить его, какъ можно скорѣе. Генераль-прокуроръ сообразилъ, что дѣло принимаетъ весьма серьезный оборотъ. Я долженъ былъ задержать дѣло въ 3 Департаментѣ, гдѣ Соймоновъ открыто сталъ на сторону Мансбенделя, такъ какъ гувернантка его дочери состояла съ пасторомъ въ родствѣ или въ дружбѣ.

Гросмейстеръ Мальтійскаго ордена прислалъ съ кавалеромъ ордена Рачинскимъ крестъ Ла-Валетта ¹⁾. Посланникомъ назначенъ былъ гр. Литта и шутовское торжество его прибытія прошло съ большой серьезностью 27 ноября 1797 ч., 29-го числа была торжественная аудіенція. Я присутствовалъ на ней въ качествѣ сенатора, а

¹⁾ Крестъ этого знаменитаго гросмейстера сохранялся въ сокровищницѣ Мальтійскаго ордена, какъ драгоценный памятникъ.

не въ качествѣ кавалера ордена. Сѣнать въ полномъ составѣ занималъ мѣсто по правую сторону трона, на которомъ Павелъ возсѣдалъ въ полномъ торжественномъ одѣяніи, окруженный великимъ канцлеромъ кн. Безбородко, вице-канцлеромъ кн. Александромъ Куракинымъ и другими. Литта въ широкой чернаго бархата мантии, въ сопровожденіи императорскаго комиссара и оберъ-церемоній-мейстера и секретаря своего посольства, приближался, предшествуемый тремя рыцарями, которые несли на расшитыхъ золотомъ подушкахъ прекрасный императору одѣяніе и древній крестъ Ла-Валетта, и еще нѣсколько крестовъ для членовъ царской семьи.

Литта сказалъ рѣчь по французски съ гасконскимъ акцентомъ очень яственно и подобающимъ случаю голосомъ, затѣмъ онъ передалъ свои вѣрительныя грамоты государю, который отдалъ ихъ кн. Безбородко, и этотъ послѣдній по русски произнесъ: „Государь Императоръ съ удовольствіемъ принимаетъ званіе защитника ордена и крестъ Ла-Валетта“. Послѣ этого Литта передалъ государю крестъ и сказалъ: „Это дань храбрости отъ добродѣтели“. Когда посланникъ приблизился къ Павлу, чтобы надѣть на него одѣяніе, Кутайсовъ завязалъ на немъ банты. Хитрый итальянецъ нарочно далъ этому камердинеру, который въ это время былъ уже гардеробъ-мейстеромъ, возможность выдвинуться, хотя было бы естественнѣе, чтобы это дѣло при императорѣ было поручено камергеру.

Я умолчу о церемоніяхъ, имѣвшихъ мѣсто у императрицы, о посвященіи великаго князя и принца Конде, который получалъ большой крестъ и былъ сдѣланъ великимъ пріоромъ для Россіи.

Въ тотъ же день послѣ обѣда императоръ пожаловалъ большимъ крестомъ кн. Безбородко и кн. Куракина и многихъ возвелъ въ рыцарское достоинство. Такъ какъ согласно уставу ордена потомки евреевъ и магометанъ не могли получать мальтійскаго креста, то Кутайсовъ былъ

возведенъ въ рыцари нѣсколько позвнѣе.

Потомъ онъ получилъ большой крестъ и сдѣлался савонникомъ ордена къ стыду всѣхъ тѣхъ, кто дорожилъ благородными принципами этого установленія. Скоро орденъ совсѣмъ упалъ вслѣдствіе низости однихъ и непослѣдовательности другихъ. Я держался въ сторонѣ, я тоже могъ бы получить званіе, но для этого нужно было бы входить въ сношенія съ Литтой и его креатурами, а я былъ настолько гордъ, что не принялъ бы отъ него и тѣни одолженія.

Если вспомнить событія во Франціи, разыгравшіяся къ концу 1797 г., то не покажется удивительнымъ овладѣвшее Павломъ безпокойство, какъ бы онъ получилъ широкаго распространенія печальныя принципы, которые повсюду пріобрѣтали себѣ безчисленныхъ сторонниковъ. Тщательно освѣдомленный въ этомъ направленіи своими посланниками и многочисленными комиссарами, онъ съ особеннымъ подозрѣніемъ относился къ иностранцамъ, которые, подъ предлогомъ просвѣщенія юношества, только раабрацали его и вселяли въ немъ презрѣніе ко всему, что требовало послушанія, долга и выдержки. Разрушить старыя идеи и перестроить все по новому — вотъ что внушали не только учителя изъ нѣмцевъ и французовъ, но и нѣкоторые пасторы.

— Имѣете ли вы свѣжія новѣстія о переполохѣ и духѣ новшествъ вашихъ пастырей въ Лифляндіи? — спросилъ меня однажды государь.

— Нѣтъ, В. В.

— Ну такъ я долженъ сообщить вамъ, что нѣкоторые изъ этихъ господъ измѣнили даже молитву при крещеніи и стараются ввести въ церковный обиходъ много новшествъ.

— Затѣмъ онъ указалъ мнѣ не одинъ случай въ лифляндскомъ семействѣ, гдѣ пасторъ, управляющій и учитель стали говорить всѣмъ ты по принципу равенства, и приказалъ мнѣ принять этотъ случай къ свѣдѣнію. — Я буду охранять лютеранскую церковь, продолжалъ онъ съ жаромъ, но если каждому пастору придеть въ голову вводить новшества

по своему вкусу, то придется водворить порядокъ. Понимаете?

— Влодѣй, В. В. Но ни случайно, ни по своему служебному положенію я не получалъ полюбившихъ свѣдѣній изъ этихъ провинцій. Я могу судить о дурныхъ вещахъ, которыя тамъ совершаются, только по жалобамъ, которыя въ законномъ порядкѣ подаются въ юстицъ-коллегію. Единственной мѣрой, къ которой я могъ бы прибѣгнуть, это разослать циркуляръ всемъ лютеранскимъ пасторамъ и строго запретить имъ всякія новшества, которыя не согласуются съ Аугсбургскимъ повѣданіемъ и выочайше утвержденными каноническими правилами.

Государь одобрилъ мое предложеніе. Невозможно себѣ и представить, какой поднялся противъ меня вольъ отъ Петербурга до самаго Архангельска. Приведу здѣсь два случая.

Пасторъ Вольфъ, обѣдая какъ-то съ сенаторомъ Ребиндеромъ и Кампенгаузенемъ, воскликнулъ подъ конецъ обѣда: „Великій Боже! Неужели президентъ юстицъ-коллегіи, какъ онъ ни уверяетъ, чтобы не сказать хуже, можетъ разсылать намъ свои деспотическія приказанія, словно якобинцамъ, съ цѣлю насъ унижить и связать насъ старыми, отжившими формами, которыя Лютеръ только принужденъ былъ терпѣть. Но мы въ просвѣщенный вѣкъ не можемъ уже ихъ поддерживать, не дѣлая смѣшными въ глазахъ простыхъ рабочихъ“.

Добрѣйшій Ребиндеръ, взиравшій на пастора, какъ на оракула, воспылалъ противъ меня священнымъ гнѣвомъ, а Кампенгаузенъ хладнокровно освѣдомился:

— Но развѣ циркуляръ такъ ужъ нецѣль?

— Мы говоримъ здѣсь между нами, возразилъ пасторъ, по формѣ и содержанию онъ приводить всякое вѣроятіе.

— Президентъ, продолжалъ Кампенгаузенъ, вчера далъ мнѣ одинъ экземпляръ. Онъ со мной. Я его еще не читалъ и потому, съ вашего позволенія, я его сейчасъ вамъ прочту.

— Онъ довольно длинень. Прочтемъ его лучше послѣ обѣда.

Но Кампенгаузенъ вынулъ уже циркуляръ и принялся читать. Собесѣдники—ихъ было человекъ 7—8, были чрезвычайно удивлены, не найдя въ немъ ни проявленій деспотизма, ни абсурда. Но пасторъ разбиралъ документъ съ горечью человека, котораго обидели.

Я страдалъ душою и тѣломъ за эти вздорныя выходки, которыя для простоватыхъ любителей новшества могли кончиться очень печально. Они не понимали, что, выражаясь суровымъ языкомъ, я хотѣлъ подавить въ нихъ развивающуюся дерзость, но что съ другой стороны я напрягалъ всѣ силы, чтобы скрыть ихъ мятежный духъ отъ Павла, который наказалъ бы ихъ съ крайней жестокостью.

Можно представить, какъ онъ говорилъ о нихъ, давъ мнѣ однажды совершенно неожиданно приказаніе, не принимать болѣе пасторовъ изъ иностранцевъ, особенно изъ шведовъ.

— Я не хотѣлъ бы, сказалъ однажды государь, чтобы посвящались въ духовное званіе лица, которые возвращаются къ намъ изъ нѣмецкихъ университетовъ.

— Но, В. В., откуда же взять проповѣдниковъ, богословски образованныхъ. У насъ нѣтъ такихъ университетовъ.

— Можно открыть семинаріи.

— На это нужно время.

— При усердіи можно ускорить все. Я рассчитываю на васъ и поручаю вамъ выработать соотвѣтственный проектъ.

— У католиковъ, В. В., есть университеты и семинаріи въ Вильнѣ, Кіевѣ, Могилевѣ, есть и средства. Но у лютеранъ и кальвинистовъ ихъ нѣтъ. Правда, безъ особенныхъ расходовъ можно было бы завести въ Митавѣ профессора богословія и расширить ревальскую гимназію.

— Дѣлайте, какъ знаете.

— Благоволите разрѣшить мнѣ затребовать отъ епископовъ и губернаторовъ прибалтійскихъ губерній нужныя свѣдѣнія отъ имени Вашего В—ва.

— Хорошо. Позволю вамъ это и

совѣту ю немножко понажать на этихъ господъ.

Вслѣдствіе этого я написалъ официальное и настоящее письмо митавскому генералъ-губернатору вн. Репнину, губернаторамъ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи и разослалъ черезъ юстицъ-коллегію католическимъ епископамъ высочайшее повелѣніе.

Я потребовалъ отъ епископовъ, чтобы они ясно и подробно доложили мнѣ о состояніи семинаріи при нихъ, а также свѣдѣнія относительно свѣтскаго духовенства, многіе члены котораго связаны съ воспитаніемъ юношества. Я намекалъ, что у меня имѣются свѣдѣнія о нѣкоторыхъ фондахъ, которые были назначены на семинаріи, но затѣмъ получали другое назначеніе, что государь желаетъ знать о ихъ размѣрѣ и о томъ, на что они расходуются.

Затронуть эти струны значило оскорбить святилище. Въ одинъ мѣсяць все прежде враждовавшее духовенство соединилось. Архіепископъ могилевскій добился разрѣшенія пріѣхать на нѣсколько недѣль въ Петербургъ подъ предлогомъ необходимости посѣтить столичныя церкви и совершить нѣкоторыя архипасторскія требы. Онъ сейчасъ же посѣтилъ меня, на другой день я отдалъ ему визитъ. Мы имѣли продолжительный разговоръ, во время котораго онъ все уваливалъ. Онъ говорилъ умѣренно и осторожно и ни разу не выдалъ своей гордыни, скрытой подъ маской смиренія. Онъ попенялъ мнѣ за высочайшій выговоръ, подъ который я его подвелъ. Но я добродушно рассказывалъ ему объ этомъ фактѣ. Тотъ только поднялъ глаза къ небу: „Повиноваться безропотно государю—первый долгъ христіанина. Онъ всегда будетъ для меня священнымъ“.

Потомъ мы стали говорить о департаментѣ католическихъ дѣлъ, и архіепископъ чрезвычайно былъ удивленъ моимъ знаніемъ мелкихъ подробностей духовной дисциплины католической церкви. Самъ онъ началъ свою карьеру гусарскимъ офицеромъ и лютераниномъ. Перемѣнивъ религію и состояніе, онъ могъ набраться знаній въ этой области только самымъ повер-

хостнымъ образомъ, а я, воспитывавшись въ Польшѣ, приобрѣлъ особенную склонность къ исторіи церкви и даже занимался изслѣдованіями по исторіи Тамплиеровъ, Меченосцевъ и Иоаннитовъ. Крімъ того, не мало свѣдѣній о католическомъ духовенствѣ и католическомъ правѣ римской церкви вынесъ я изъ бесѣдъ съ епископомъ лифляндскимъ.

Черезъ нѣсколько дней архіепископъ прислалъ мнѣ официальную докладную записку о семинаріи, которую я передалъ въ юстицъ-коллегію, и частное письмо, въ которомъ излагалъ свои соображенія по поводу основанія семинаріи.

Съ этого времени начинается тайная интрига противъ меня, которая заставила меня удалиться изъ юстицъ-коллегіи и такимъ образомъ съ одной стороны лишила меня возможности всесторонне выяснить употребленіе назначенныхъ на семинаріи средствъ, съ другой стороны воспрепятствовала мнѣ разбраться въ разныхъ поборкахъ, которые шли въ пользу монашескихъ орденовъ и епископовъ.

Здѣсь я расскажу объ одномъ случаѣ, оставившемъ во мнѣ самое пріятное воспоминаніе.

На Ревельскій магистратъ была подана жалоба, обвинявшая его въ растратѣ городскихъ доходовъ. Павелъ, по первому впечатлѣнію, приказалъ 3 департаменту сената поступить съ виновными членами магистрата по всей строгости законовъ.

Многіе сенаторы взглянули на этотъ указъ, какъ на уже высочайшее утвержденное рѣшеніе дѣла, такъ что намъ оставалось лишь исполнить необходимыя формальности. Я былъ сильно противъ такого взгляда и утверждалъ, что государь въбрилъ производство этого дѣла намъ и приказалъ поступить противъ членовъ магистрата со всей строгостью въ томъ случаѣ, если они окажутся виновными. Послѣ долгихъ споровъ къ моему мнѣнію присоединился и гр. Строгановъ, это воплощеніе чловѣколюбія и честности.

Того же мнѣнія оказались ф.-д. Ховенъ и Каменгаузенъ. Послѣ долгой борьбы съ Соймоновымъ и другими мы

наконецъ взяли верхъ. Докладъ былъ составленъ такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать не только на милосердіе государя, но и на чувство справедливости. При случаѣ, когда Павелъ говорилъ со мною по поводу текущихъ дѣлъ въ сенатѣ, я рѣшился сказать ему прямо: „Завтра 3 департаментъ будетъ взывать къ милосердію и справедливости В. В.“

— За кого?

— За несчастныхъ членовъ Ревельскаго магистрата, которые виноваты скорѣе по формальнымъ причинамъ, чѣмъ по существу.

— Магистратъ долженъ соблюдать формальности.

— Просимъ милосердія В. В.

Я былъ взволнованъ. Государь смотрѣлъ на меня пристально.

— Итакъ вы не признаете здѣсь злой воли?

— Нѣтъ, В. В.

— Хорошо, продолжалъ онъ удаляясь, посмотримъ.

На другой день всѣ получили прощенье.

Не извѣстно, по какимъ причинамъ Павелъ разгнѣвался на гвардейскій конный полкъ. Командовавшій имъ гр. Паленъ исполнялъ все, что государю было угодно, но Павелъ все-таки былъ недоволенъ. Съ каждымъ парада онъ посылалъ подъ арестъ нѣсколькихъ офицеровъ и наконецъ такъ разгнѣвался на самого командира, что на другой день всѣ ожидали его отставки. Но мало-по-малу буря улеглась и Паленъ самъ мнѣ говорилъ: „Я въ родѣ тѣхъ маленькихъ фигурокъ, которыя ставятъ на голову и опрокидываютъ и которыя тѣмъ же мнѣ становятся на ноги“. Легко понять секретъ, при помощи котораго онъ держался. Онъ никогда и никого не порицалъ, но и не защищалъ тѣхъ, на кого падала клевета, храня умное, но осуждающее молчаніе, или ронялъ какую-нибудь остроуту, которая казалась только забавной, а на самомъ дѣлѣ была очень опасной, такъ какъ при дворѣ насмѣшливость и напыщенность прощались труднѣе, чѣмъ настоящий порокъ, который прикрывался соблазнительной оболочкой. Такимъ образомъ онъ при-

вязалъ къ себѣ всѣхъ, сталъ любимцемъ придворной камарилы, честнымъ людямъ казался не опаснымъ и двигался потихоньку по дорогѣ, которая должна была привести его къ высшему неограниченному довѣрію.

Однажды императоръ совершенно несласлуженно отправилъ на гауптвахту сына Палена. Онъ надѣялся, что отецъ будетъ просить за него или выкажетъ по этому поводу раздраженіе. Но ничуть не бывало. Паленъ рапортовалъ спокойно и весело.

— Я сердитъ на вашего сына,— сказалъ ему Павелъ.—Онъ виноватъ.

— Наказавъ его, В. В. совершили актъ справедливости, который научилъ молодого человѣка быть осмотрительнѣе.

Павелъ при его страшномъ стремленіи къ справедливости былъ въ восторгѣ отъ такого отвѣта. Онъ уже думалъ, что поступилъ съ молодымъ человѣкомъ несправедливо.

Какъ сильно было въ государѣ желаніе поступать съ каждымъ по справедливости, показываетъ слѣдующій случай. Однажды утромъ—это было, кажется, 10 ноября, меня будятъ въ 6 часовъ и передаютъ собственноручное письмо государя. Я вообразилъ, что дѣло очень важное, поспѣшно распечаталъ, посмотрѣлъ на подпись: „Павелъ“. Вотъ что гласило письмо: „Господинъ тайный совѣтникъ. Посылаю вамъ нѣсколько бумагъ по жалобѣ бригадира Подлацкаго на маіора Гермейера и объясненіе послѣдняго. Поручаю вамъ разобрать ихъ взаимныя обвиненія и постановить рѣшеніе по закону. Благосклонный къ вамъ Павелъ.“

Дѣло оказалось не важнымъ, но запутаннымъ. Я скоро разрѣшилъ его и когда доложилъ о немъ непосредственно государю, онъ казался очень довольнымъ. Не могу понять, почему Е. В. заинтересовался этими двумя никому неизвѣстными лицами. Но этотъ случай доказываетъ, съ какимъ усердіемъ Павелъ старался водворить законность.

Во время разговора по поводу рѣшенія этого дѣла, государь замѣтилъ, что я пристально посмотрѣлъ на

крестъ Ла-Валетта который онъ носилъ на груди на золотой цѣпи. „Что это вы разсматриваете такъ внимательно?“ „Знаменитый крестъ Ла-Валетта.

Зная, что я близорукъ, государь милостиво далъ крестъ мнѣ въ руки, чтобы я могъ хорошенько его разсмотреть. Вѣроятно, онъ бросилъ при этомъ взглядъ на мой орденъ Станислава. Затѣмъ онъ удостоилъ меня разговоромъ еще нѣсколько минутъ, а потомъ обратился къ другому.

Когда я на другой день явился въ коллегію, генераль-прокуроръ прислалъ за мной секретаря капитула ордена св. Анны, говоря, что имѣетъ мнѣ кое-что сообщить по порученію государя. Я отправился въ сенатъ, тамъ сенаторъ ф. д. Ховенъ сказалъ мнѣ, что генераль-прокуроръ просилъ явиться и его. Это приглашеніе насъ обоихъ, переданное черезъ секретаря капитула орденовъ, не оставляло въ насъ сомнѣнія, что государь желаетъ перемѣнить наши польскіе ордена на русскіе.

Это подтвердилъ и генераль-прокуроръ, когда мы явились къ нему.

— Е. В. повелѣлъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы сегодня ровно въ 5 часовъ были въ императорскихъ покояхъ, гдѣ государь намѣренъ пожаловать вамъ Аннинскую ленту.

— Позвольте князь, начать нашу благодарность съ васъ.

— Вы ничѣмъ не обязаны мнѣ. Я даже не говорилъ объ этомъ съ государемъ. Е. В. изволилъ сегодня утромъ спрашивать меня, какъ это могло случиться, что у васъ нѣтъ русскаго ордена, и прибавилъ: „Я ихъ сегодня же пожалую“. Такъ какъ баронъ ф.-д. Ховенъ находится въ томъ же положеніи, то я воспользовался этимъ случаемъ, и государь пожалуетъ васъ обоихъ.

Въ 5 часовъ мы были уже на мѣстѣ. Здѣсь мы нашли церемоніймейстера гр. Валуева и еще нѣсколько лицъ. Императоръ вышелъ сейчасъ же и подошелъ прямо къ намъ. Не говоря ни слова, онъ надѣлъ свою шляпу и обнажилъ шпагу. Оберцеремоніймейстеръ, державшій на золотомъ подносѣ

два ордена, громко крикнулъ ф.-д. Ховену, который какъ старшій стоялъ отъ меня по правую руку: „на колѣни“. Императоръ трижды ударилъ его по плечу и возложилъ на него ленту, говоря: „Примите знаки этого ордена какъ доказательство моего благоволенія“. Затѣмъ онъ поднялъ его и обнялъ. Преклонилъ колѣна и я. „Это старый долгъ, сказалъ императоръ, который я уплачиваю съ удовольствіемъ. Примите знаки моего благоволенія и моего удовольствія, которыя внушила мнѣ ваша усердная служба“.

Мы принесли государю благодарность, который удаляясь добавилъ: „Надѣюсь встрѣтить васъ вечеромъ на балѣ“.

Мы, конечно, не приминули явиться вечеромъ во дворецъ. Зависть и тщеславіе довольно ясно давали себя знать, не смотря на холодныя поздравленія, которыя намъ дѣлались по необходимости. У многихъ сенаторовъ этихъ орденовъ еще не было. Поднялся ропотъ, но потихоньку, чтобы какъ-нибудь не услышалъ Павелъ, который заставилъ бы замолчать недовольныхъ. Тѣмъ не менѣе ненависть была. Скоро нашелся для нея и поводъ обнаружиться.

Процессъ старѣйшинъ реформатской церкви разбирался въ 3 департаментѣ сената. Почти единогласно было рѣшено на основаніи словъ указа 1778 г. утвердить рѣшеніе юстицъ-коллегіи, чтобы спасти Головкина, Мансбенделя и Фюрса отъ строгаго наказанія. Только Соймоновъ и Стрекаловъ поддерживали мнѣніе, что слѣдуетъ оправдать старѣйшинъ и пастора Мансбенделя по обвиненію въ оскорбленіи коллегіи и кассировать все дѣло въ виду формальныхъ нарушеній, допущенныхъ при производствѣ процесса. Несправедливость и партийность такого мнѣнія слишкомъ били въ глаза и другіе сенаторы не могли присоединиться къ нему. Они полагали, что юстицъ-коллегія, задѣтая такимъ рѣшеніемъ, должна апеллировать къ общему собранію сената, что я долженъ жаловаться непосредственно императору и обратить его вниманіе на

докладную записку и содержащаяся въ ней нападки на законную власть и что члены 3 департамента, которые открыто поддерживают ихъ, должны быть устранены отъ должности.

Я, конечно, не присутствовалъ на засѣданіяхъ департамента, когда разбиралось это дѣло. Но я зналъ о всѣхъ подробностяхъ, о которыхъ былъ осведомленъ и государь.

— Я знаю, сказалъ онъ однажды, что въ 3 департаментѣ идутъ горячіе дебаты. Но о чемъ?

— В. В., вопросы обсуждаются самымъ тщательнымъ образомъ прежде, чѣмъ рѣшаются.

— По какому дѣлу возгорѣлись эти пренія?

— По дѣлу старѣйшинъ реформатской церкви.

— И, кажется, имѣю честь быть съ ними знакомымъ? Какъ ихъ зовутъ?

— Графъ Головинъ и купецъ Фюрсъ.

Я нарочно назвалъ графа Головкина тихо и поднимая голосъ на словахъ: купецъ Фюрсъ. Императоръ заставилъ меня повторить и воскликнулъ: „А, графъ Головкинъ. Онъ хочетъ играть роль главы реформатской церкви“.

— В. В., позвольте мнѣ сдѣлать маленькое замѣчаніе, онъ какъ старѣйшина этой церкви полагалъ, что защищаетъ ея права. Но юстицъ-коллегія уже отказала ему, онъ уже заплатилъ за свое заблужденіе. По всей вѣроятности и сенатъ утвердитъ это рѣшеніе.

— Но вы рискуете навлечь на себя неудовольствіе польскаго короля, который съ ними очень друженъ.

— В. В., я вовсе не забочусь о неудовольствіи противъ меня польскаго короля.

— Какъ такъ?

— Такъ какъ я никогда не пойду больше къ его польскому величеству.

— Хорошо сдѣлаете. Тамъ образовался кружокъ ничего не дѣлающихъ туеядцевъ, которые забавляются тѣмъ, что все критикуютъ и анализируютъ. Я не хочу, чтобы польскій король забывалъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ.

Эти слова императоръ произнесъ

очень громко, такъ что они были слышны не только Нарышкину, слышавшему весь разговоръ, но и многимъ другимъ. Я молчалъ.

— Графъ Головкинъ, продолжалъ императоръ, тамъ тоже ораторствуетъ. Я знаю все и хотѣлъ бы, чтобы и король польскій зналъ объ этомъ.

Черты его лица оживились. Я старался сохранять спокойное выраженіе. Но, чувствуя приближеніе бури, я страдалъ невыносимо.

Государь сказалъ еще нѣсколько словъ о королѣ польскомъ и уходя промолвилъ, какъ бы въ раздумьи: „А, гр. Головкинъ“!

Послѣ ужина Нарышкинъ замѣтилъ мнѣ мимоходомъ: „Я видѣлъ, какъ вы страдали при сегодняшнемъ объясненіи. Мужество, съ которымъ вы старались выгородить человека дѣлаетъ вамъ честь“.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, что государь ошибается и говорить о церемоніймейстерѣ гр. Головкинѣ, тогда какъ дѣло идетъ о братѣ его Петрѣ.

На слѣдующій день въ субботу я вышелъ изъ дому, чтобы присутствовать на засѣданіи законодательной комиссіи. Когда же я въ воскресенье явился ко двору, генералъ-губернаторъ гр. Буксгевденъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ:

— Знаете ли вы, что случилось съ Головкинымъ?

— Нѣтъ.

— Императоръ сослалъ его въ его помѣстье за то, что онъ пошелъ противъ юстицъ-коллегіи, которой онъ подчиненъ въ качествѣ старѣйшины реформатской церкви.

Буксгевденъ замѣтилъ мое горестное изумленіе.

— Досадно, что государь мотивировалъ свое рѣшеніе, и теперь при дворѣ говорятъ, что этого удовлетворенія потребовали вы, чтобы отомстить Головкину за его пренебреженіе къ вашей коллегіи.

Я былъ въ большомъ горѣ и, сказавъ графу, какъ было дѣло, и обьявъ его словомъ распространять мои слова далѣе, я тотчасъ же уѣхалъ изъ дому. Съ такою же просьбой об-

ращался и къ графу Вельегорскому.

Цѣлую недѣлю я не являлся ко двору, разсчитывая, что императрицѣ и великимъ князьямъ удастся добиться прощенія Головкина. Но скоро стало извѣстно, что императоръ отказывалъ наотрѣзъ всѣмъ, кто съ нимъ объ этомъ говорилъ. Я разсказалъ всѣ подробности фрейленѣ Немидовой и представилъ ей краткую памятную записку по поводу этого дѣла. Но она сказала.

— Я не сомнѣваюсь, что вы и ваша коллегія въ сущности правы. Но при дворѣ судятъ по внѣшности, и эта исторія подняла противъ васъ большой шумъ.

Нѣсколько позднѣе, до меня дошло, что императрица говорила объ этомъ дѣлѣ, какъ о несправедливости со стороны коллегіи. Я приказалъ изготовить для нея копию докладной записки на нѣмецкомъ языкѣ, подписанной графомъ Головкинымъ. Не знаю, хватило ли у нея терпѣнія прочитать ее, но меня увѣряли, будто она нашла, что Головкинъ не уменъ, а я слишкомъ строгъ. Но почему же только я одинъ, а не все судебное мѣсто, въ которомъ я имѣю только одинъ голосъ.

Выходка императора быстро заставила Соймонова и Стрекалова перемѣнить ихъ мнѣніе, и приговоръ коллегіи былъ единогласно утвержденъ въ сенатѣ.

Наконецъ я рѣшился снова появиться при дворѣ. Но государь уже не разговаривалъ со мною объ этомъ дѣлѣ и это помѣшало мнѣ просить прощенія для Головкина. Такъ какъ не позволялось говорить съ государемъ о чемъ-нибудь, пока онъ самъ объ этомъ не заговоритъ, то я и лишился удовольствія, которое такъ сладко было бы для моего сердца и поразило бы моихъ клеветниковъ.

Какъ я потомъ узналъ, государь еще утромъ, послѣ моего разговора съ генераль-губернаторомъ, потребовалъ отъ него объясненія. Не смотря на все желаніе смягчить дѣло, Буксгевденъ не рѣшился просить государя за Головкина. Въ указѣ значилось, что государь наложилъ на него наказаніе по докладѣ дѣла генераль-прокуроромъ. Въ разговорѣ со мною Е. В.

постоянно имѣлъ въ виду другого Головкина церемоніймейстера. Чтобы выяснитъ себѣ, о комъ идетъ дѣло, онъ, конечно, долженъ былъ говорить съ генераль-прокуроромъ, которому и былъ посланъ указъ о ссылке Головкина.

Генераль-губернаторъ остзейскихъ губерній прислалъ мнѣ нужныя свѣдѣнія о гимназіяхъ и школахъ, и проектъ семинаріи для лютеранъ былъ почти готовъ. Неисправными оказались только епископы Каменецкій и Виленскій, а князь Рейнинъ писалъ мнѣ, прося его извинить. Пришлось отвѣчать князю, который въ свою очередь писалъ мнѣ, что онъ намѣренъ пріѣхать самъ въ Петербургъ.

Какъ только князь прибылъ, сейчасъ пріѣхавшій къ нему архіепископъ могилевскій, имѣвшій въ виду устранить меня изъ департамента католическихъ дѣлъ и самому сѣсть туда. Государю старались внушить, что его планъ основанія лютеранской семинаріи очень далекъ отъ исполненія, такъ какъ департаментъ ничего не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ и исполненіе его должно быть поручено духовенству. Эти нащентыванія стали понемногу оказывать свое дѣйствіе, и государь однажды спросилъ меня.

— Готовъ уже проектъ семинаріи?

— Готовъ, В. В., въ той части, которая касается лютеранъ и членовъ реформатской церкви, и даже переписанъ начисто. Но католическіе епископы еще не прислали мнѣ нужныхъ подробныхъ свѣдѣній.

— Все идетъ черезъ-чуръ медленно.

Съ этими словами онъ отвернулся отъ меня и больше со мной въ этотъ вечеръ не говорилъ.

На другой день подошелъ ко мнѣ въ сенатѣ генераль-прокуроръ и сказалъ: „Государь хочетъ освободить васъ отъ неприятой обязанности“.

— Отъ юстицъ-коллегіи?—спросилъ я съ радостью.

— Не отъ всей коллегіи, но отъ департамента католическихъ дѣлъ.

— Я чрезвычайно радъ, князь... Столкновенія безъ конца, постоянные доносы и все это ни къ чему, ибо ни пользы, ни чести я не получаю. Мое положеніе сенатора выше, чѣмъ поло-

женіе предсѣдателя коллегіи, а я не пользуюсь ни добавочнымъ содержаніемъ, ни столовыми деньгами, какъ другіе предсѣдатели.

Въ указѣ о моемъ увольненіи было сказано: Католическій департаментъ будетъ находиться подъ управленіемъ архіепископа могилевскаго, а юстицъ-коллегія остается на прежнихъ основаніяхъ. Такъ какъ подобная перемѣна была, очевидно, слѣдствіемъ интриги, то я сильно опасался, что все это плохо отзовется на лицахъ, которыхъ я опредѣлилъ въ католическій департаментъ. Съ этого времени составъ его сталъ смѣшаннымъ. Съ одной стороны архіепископъ и трое духовныхъ, съ другой—вице-президентъ и трое свѣтскихъ членовъ. Съ перваго же засѣданія обнаружился расколъ между обѣими партіями.

Внезапно скончался отъ удара король польскій и императоръ приказалъ похоронить его со всѣми почестями, подобающими коронованному лицу. Страстно любя всякія церемоніи, онъ приказалъ архіепископу служить со всею пышностью, которая допускается по обрядамъ католическаго вѣровсповѣданія. Систченцевичъ, хотя втайнѣ и былъ враждебенъ апостолическому нунцію Литтѣ, тѣмъ не менѣе, вступилъ съ нимъ въ соглашеніе съ цѣлью устроить погребеніе, какъ можно величественнѣе. Тѣло Станислава-Августа восемь дней покоилось на катафалкѣ въ Мраморномъ дворцѣ подъ багдахиномъ. Кругомъ были расположены знаки его королевскаго достоинства. Лица пяти первыхъ классовъ должны были дежурить при гробѣ и смѣнять другъ друга. Я чувствовалъ себя нехорошо и былъ освобожденъ отъ этой тяжелой обязанности. Въ день погребенія архіепископъ облачился въ дорогія ризы и надѣлъ митру, на которой красовался шифръ Павла I. Эта лесть произвела большое дѣйствіе, и съ этого момента императоръ не зналъ, чѣмъ только выразить ему свое удовольствіе. Онъ пожаловалъ ему андреевскую звѣзду и самымъ явнымъ образомъ отличалъ его при дворѣ.

Вскорѣ умеръ и отецъ императрицы герцогъ Виртембергскій. Императоръ, конечно, не приминулъ устроить и ему торжественныя похороны. Архіепископу вторично представился случай блеснуть, и

съ этихъ похоронъ чувства государя стали раздѣлять и императрица.

Не смотря на лицемеріе, заносчивость архіепископа сильно давала себя знать свѣтскимъ членамъ департамента. Но относительно меня онъ соблюдалъ величайшую осторожность.

Освобожденный отъ обязанностей по католическому департаменту, я тѣмъ усерднѣе принялся за исполненіе другихъ своихъ обязанностей, въ особенности же за составленіе свода гражданскихъ законовъ. Первая часть, въ которой вводился одинаковый процессъ для всей Имперіи, была уже готова. Но государь, замѣтивъ неудовлетворительность русскихъ уголовныхъ законовъ, приказалъ комиссіи безотлагательно заняться уголовнымъ правомъ. Такое распоряженіе было вызвано слѣдующимъ случаемъ.

Нѣсколько поляковъ были отправлены въ крѣпость по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Императоръ приказалъ разобрать это дѣло до самыхъ мелкихъ подробностей въ полномъ собраніи сената. Я не зналъ именъ обвиняемыхъ и у меня замирало отъ страха сердце, какъ бы не встрѣтить среди нихъ кого-нибудь изъ старыхъ друзей и знакомыхъ. Въ Польшѣ революціонная суматоха свирѣпствовала не меньше, чѣмъ въ Парижѣ.

Однимъ изъ обвиняемыхъ былъ ксендзъ Домбровскій, братъ генерала Домбровскаго, командовавшаго во Франціи польскимъ легиономъ. Я зналъ его еще майоромъ саксонской службы. Но съ братомъ его, ксендзомъ, я не былъ знакомъ. Такъ какъ я не могъ освободиться отъ суда по причинѣ моего знакомства съ однимъ изъ обвиняемыхъ, то я рѣшился держаться во время этого процесса подальше отъ сената. Но такъ какъ этого не было, то я надѣялся оказать имъ всѣ услуги, которыя совмѣстимы съ присягой и моей должностью.

Въ сессіи участвовало семьдесятъ сенаторовъ и почти всѣ склонялись къ тому, что поляки не виновны. Но ихъ письмо къ французскому правительству Директоріи, отъ котораго они не отрекались, и клятва ввести съ помощью Франціи республиканское устройство въ Польшѣ, въ которой они сознались, дѣлали ихъ спасеніе почти невозможнымъ. Письмо это составлялъ Домбровскій, который былъ

главою этого тайнаго общества. Центральнымъ мѣстомъ, отъ котораго шли нити съ одной стороны въ Литву, а съ другой черезъ Варшаву во Францію, былъ Львовъ. Правительства Австріи, Россіи и Пруссіи были вполне освѣдомлены о всемъ, что творилось. Но они пока не вмѣшивались, имѣя въ виду раскрыть весь этотъ планъ и запастись сильными для закона доказательствами заговора. Имѣлось даже письмо Барса *), который былъ въ Парижѣ агентомъ польской республиканской партіи. Доказательствъ было даже слишкомъ много. Всѣ обвиняемые лично присягали императору. По буквѣ закона всѣ они были приговорены къ лишенію дворянства, наказанію кнутомъ и ссылке въ Сибирь.

Между тѣмъ сенатъ представилъ государю докладъ въ 24 листа, гдѣ было указано на старость одного, молодость другого, ограниченность третьяго и т. п. Всѣ указанія должны были возбудить милосердіе монарха, такъ какъ служителя закона, покорные его буквѣ, были призваны только къ тому, чтобы установить преступный фактъ и приложить къ нему законъ.

Приговоръ былъ поднесенъ государю утромъ, а вечеромъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я очень недоволенъ вами и другими сенаторами.

— Чѣмъ заслужили мы это несчастіе, Ваше Величество?

— Какъ же вы не соразмѣрили наказаніе и постановили одинаковый для всѣхъ приговоръ!

— Позволяю себѣ доложить Вашему Величеству, что это вина русскихъ законовъ, а не судей, которые, видя жестокость и недостаточность этихъ законовъ, могутъ только вздыхать. Но въ силу своей присяги они обязаны только прилагать ихъ къ преступнику. Иначе судьи сдѣлались бы законодателями. Ваше Величество изволили уже замѣтить, что государственные законы нуждаются въ болѣе точной редакціи и повелѣли намъ заняться этимъ дѣломъ.

— Какъ же идетъ ваша работа?

*) Этотъ Барсъ былъ адвокатомъ въ Варшавѣ по курляндскимъ дѣламъ. Онъ былъ человекъ умный, но честолюбіе вскрыжало ему голову и онъ сталъ играть важную роль въ политикѣ со времени рѣши нашихъ войскъ въ Варшавѣ, въ апрѣлѣ 1794 г.

— Первая часть законовъ гражданскихъ уже готова.

— Займитесь тогда и уголовнымъ правомъ и установите градацію, соразмѣрную съ преступленіемъ и карой.

Такова была жалостливость Павла, если его не раздражали и не сердили. Онъ измѣнилъ строгій приговоръ сената. Старики онъ сослалъ на родину въ Литву безъ всякаго наказанія. Другіе же отдѣлались только страхомъ. Ихъ ввели на эшафотъ и здѣсь объявили помилованіе, т. е. они были избавлены отъ наказанія кнутомъ, а ихъ ссылка длилась очень короткое время, благодаря смерти Павла и милости Александра, который всѣхъ ихъ вернулъ въ ихъ отечество.

ГЛАВА III.

Въ ожиданіи паденія.

Точность въ отношеніи годовъ я предоставляю хронологическимъ таблицамъ. Я далекъ отъ этой точности и буду говорить о вторичной побѣдѣ Павла въ Москву, какъ объ эпохѣ, когда управленіе получило совершенно другой отпечатокъ. Эта именно эпоха и была источникомъ всякаго нездоровыхъ событій, среди которыхъ вращался этотъ несчастный государь.

Со времени его возвращенія изъ Москвы, его перемѣнчивое и капризное настроеніе давало себя чувствовать все больше и больше. Имъ овладѣло постоянное безпокойство и замѣтно было, что онъ борется съ самимъ собою. Его религиозныя убѣжденія стали, мало-по-малу, но такъ крѣпки, его приверженность къ императрицѣ превратилась въ отчужденіе отъ нея, его симпатія къ фрейлинѣ Нелидовой смѣнилась сперва равнодушіемъ, а позднѣе и открытой враждебностью. Довѣріе его къ Куракину и Буксгевдену внезапно исчезло и уступило мѣсто подозрительности и преслѣдованіямъ. Графъ Воронцовъ, графъ Вельгорскій, я и нѣкоторые другіе, которые представлялись ему партіей императрицы, мы всѣ, одинъ за другимъ, были уволены и даже сосланы. Императоръ, всецѣло попавшій подъ власть своихъ страстей, не чувствуя никакой узды, которая могла бы помѣшать или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ

взрывы, предался излишствамъ, до сихъ поръ не слыханнымъ.

Такъ какъ всѣ эти факты явились результатомъ внезапной и рѣзкой перемены идей и привычекъ императора, то будетъ совершенно естественно попробовать доискаться загадочныхъ причинъ этой перемены. Я думаю, что я могу это сдѣлать благодаря тому положенію, которое я занималъ, и связямъ, о которыхъ я говорилъ въ предшествующей главѣ.

При всякомъ дворѣ водится классъ людей, безирравственности которыхъ столь же велика, какъ и опасна. Такіе низкіе люди питаютъ непреодолимую ненависть ко всякому, кто думаетъ иначе, чѣмъ они. Представленіе о добродѣтели имъ совершенно чуждо, такъ какъ оно, между прочимъ, связано съ уваженіемъ къ законамъ, то всѣ они соединяются въ одну шайку противъ всякаго честнаго и истинно просвѣщеннаго человѣка, который нерѣдко ограничивается тѣмъ, что презираетъ ихъ, забывая, что иногда онъ долженъ и бояться ихъ.

Стремясь къ богатству, эти злые люди пускаютъ въ ходъ всевозможныя средства, чтобы добиться его. При этомъ высокое положеніе даетъ имъ большіе средства для этого, безпечивая имъ безнаказанность. Къ должностямъ они стремятся исключительно ради выгоды, о чемъ люди порядочные, конечно, не думаютъ. Сильные своей злобой, они принимаютъ свою хитрость за умъ, безумную смѣлость преступника за храбрость, а презрѣніе ко всему за знакъ своего духовнаго превосходства. Опираясь на такія мнимыя достоинства, они, не смотря на свое ничтожество, стремятся со своимъ мѣднымъ лбомъ къ почестямъ, которыя должны бы выпасть на долю только лицъ, дѣйствительно оказавшихъ услуги отечеству.

И въ Петербургѣ оказалось нѣсколько лицъ такого закала. Не уважая другъ друга, они тѣмъ не менѣе сблизились между собою, и приняли работу надъ удаленіемъ тѣхъ, къ которымъ они тяготились.

Орудіемъ ихъ интригъ всегда бывали глупцы, которыми интриганы пользовались ловко и успѣшно. Чтобы привлечь ихъ на свою сторону, они превыше мѣры стали возносить ихъ честность и въ

то время, какъ дѣйствительно честные люди гнушались ихъ общества, глупцы чувствовали себя польщенными ими.

Такимъ образомъ Кутайсовъ вдругъ превратился въ образецъ преданности. Приводились примѣры его безкорыстія; ему приписывалась необыкновенная тонкость ума. Выражали притворное удивленіе, что императоръ не сдѣлаетъ такого человѣка своимъ любимцемъ. Мало-помалу и самъ Кутайсовъ увѣровалъ, что его друзья правы, а затѣмъ далъ имъ понять, что его недолюбливаютъ и противятся его возвышенію императрица и фрейлина Нелидова. Этого только и нужно было. Его стали подзадоривать еще болѣе и дали ему понять, что отъ него самого зависитъ забрать императора въ руки, приславъ ему какую-нибудь особенно эффектную любовницу, которой онъ могъ бы предварительно поставить свои условія. Вспомнили о дѣвицѣ Логухиной и описали Кутайсову бывшій въ Москвѣ случай. Тотъ обѣщалъ сдѣлать все. Когда же ему нашептали, что и князь Безбородко также хотѣлъ бы освободить государя отъ опеки, которую наложили на него императрица, фрейлина Нелидова и братья Куракины, онъ принялъ окончательное рѣшеніе и примкнулъ къ заговору, не предвидя, конечно, его результата.

Москва принимала государя съ воодушевленіемъ. Такъ какъ сердце его отъ природы отличалось мягкостью, то проявленіе преданности и любви тронули его сильно.

Въ радостномъ волненіи государь какъ-то сказалъ вечеромъ Кутайсову:

— Какъ раскрылось сегодня мое сердце! Народъ въ Москвѣ любитъ меня гораздо больше, чѣмъ петербуржцы. Мнѣ кажется, что въ Петербургѣ меня больше боятся, чѣмъ любятъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго.

— Какъ такъ?

— Не смѣю высказаться яснѣе.

— Приказываю.

— Общайте мнѣ, Ваше Величество, не передавать этого ни императрицѣ, ни фрейлинѣ Нелидовой.

— Общаю.

Ваше Величество, это зависитъ отъ того, что здѣсь васъ видятъ въ настоящемъ свѣтѣ, добрымъ, великодушнымъ,

чувствительнымъ. А въ Петербургѣ при каждой вашей милости говорятъ: «это сдѣлала императлица», или «это Нелидова», или Куракины. Когда дѣлается добро, то дѣлаютъ его они, а когда нужно наказать, то это вы.

— Но... ты, пожалуй, правъ... Говорять. кажется, что объ эти женщины держать меня въ рукахъ?

— Да, Ваше Величество.

— Ага, тогда я вамъ покажу, можно ли меня держать въ рукахъ.

Съ этими словами онъ въ гнѣвѣ приближается къ столу и хочетъ что-то писать. Кутайсовъ бросается передъ нимъ на колѣни и заставляеть его употребить съ обѣими женщинами притворство.

На слѣдующій день государь былъ на балу, гдѣ за нимъ неотступно слѣдовала Лопухина. Она не спускала съ него глазъ. Императоръ обращался ко всѣмъ, кто находился около него какъ будто случайно. Но на самомъ же дѣлѣ окружившіе государя всѣ принадлежали къ той же кликѣ. «Ваше Величество, твердили со всѣхъ сторонъ, она потеряла отъ васъ голову». Государь замѣтилъ, что она совсѣмъ еще ребенокъ. «Скоро ей будетъ шестнадцать лѣтъ», — поторопились доложить ему.

Вдругъ Павелъ приближается къ ней и вступаетъ съ нею въ разговоръ. Онъ находитъ ее забавной и наивной. Потомъ онъ говоритъ о ней съ Кутайсовымъ, а этотъ устраиваетъ все дѣло съ мачехой Лопухиной. Они условились держать все дѣло въ глубочайшей тайнѣ и скрывали они отъ ея отца всѣ условія этого тайнаго договора, который можно было привести въ исполненіе только въ Петербургѣ. Нужно было вызвать туда отца и всю семью Лопухиныхъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Павелъ, хотя и скрывалъ свои тайные планы и даже осыпалъ подарками завѣдомыхъ креатуръ императрицы, тѣмъ не менѣе нѣсколько сорвавшихся у него словъ обнаружили, что противъ Куракиныхъ и императрицы существуетъ цѣлый заговоръ. Люди злые часто бываютъ нескромны и это, можетъ быть, благодѣяніе природы, которая надѣлила звонками самыхъ опасныхъ змій.

Скоро интрига съ Лопухиной вышла наружу, но всѣ притворялись, что ни-

чего не знаютъ. Меня поразило обращеніе государя съ супругой и фрейлиной Нелидовой, котораго онъ не скрывалъ. Я освѣдомился объ этомъ у одного лица, близко знающаго придворную жизнь, и получилъ отвѣтъ: «Это легкія облачка; дуются, но это скоро пройдетъ».

Больше всего меня поразило, что креатуры Безбородко стали подымать голову, стали постоянно получать отличія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генераль-прокурора. Его касса для дворянъ, дѣйствительно, была задумана неловко. Я рѣшился указать ему на недостатки ея организаціи, еще въ то время, когда все говорили о ней съ воодушевленіемъ. А теперь я рѣшился защищать его, такъ какъ злые языки приписывали ему низкіе расчеты личной выгоды.

Подземные кроты чувствовали, что ихъ коалиція только тогда можетъ привести ихъ къ достиженію конечной цѣли, когда имъ удастся овладѣть постомъ генераль-прокурора и с.-петербургскаго генераль-губернатора. Поэтому они повели подкопъ прежде всего подъ князя Куракина и генерала Буксгевдена. Кутайсовъ привлекъ къ заговору еще Палена и, зная всѣхъ тайныхъ шпионовъ императора, умѣлъ ловко пользоваться ихъ услугами, чтобы повидимому совершенно естественнымъ образомъ при случаѣ расхваливать того человѣка, котораго нужно было помѣстить куда слѣдуетъ.

— Странно, — сказалъ однажды въ тѣсномъ кружкѣ Павелъ, — ни о комъ и никогда не слыхалъ я столько хорошаго, какъ о Паленѣ. Я былъ о немъ плохого мнѣнія, а теперь долженъ заглазить эту несправедливость.

Подъ влияніемъ такой мысли Павелъ сталъ обращаться съ Паленомъ все лучше и лучше. Мало-по-малу льстивый, но какъ будто прямодушный языкъ Палена настолько очаровалъ Павла, что онъ сталъ считать его единственнымъ человѣкомъ, пригоднымъ на должности, гдѣ требовался вѣрный глазъ, живое усердіе и безусловное послушаніе.

Какъ ни старались заговорщики скрыть свой планъ переменить всѣхъ окружающихъ императора лицъ, но при множествѣ заинтересованныхъ въ немъ лицъ утаить его не было возможности, осо-

бенно отъ самого Лопухина, который былъ въ Москвѣ сенаторомъ. Внезапно получилъ онъ приказаніе прибыть въ Петербургъ, и это обстоятельство указывало на близкое развитіе событій огромной важности.

Однажды государь обошелся съ вице-канцлеромъ вн. Куракинымъ такъ дурно, что тотъ даже заболѣлъ. Императрица хотѣла было замолвить за него словечко, но Павелъ внезапно обрушился на нее. Гроза прошла, но неловкость императрицы ускорила развязку. Когда до оя свѣдѣнія дошло о прибытіи Лопухиной и ея мачехи, она крайне неосмотрительно написала имъ угрожающее письмо, рассчитывая тѣмъ помѣшать осуществленію ихъ замысловъ.

Письмо это было доставлено однимъ изъ заговорщиковъ императору, который впалъ въ гнѣвъ, котораго и описать нельзя. Онъ наговорилъ императрицѣ невѣроятныхъ вещей. Съ фрейлиной Нелидовой, которая пыталась ее защитить, онъ обошелся безъ всякаго сожалѣнія.

22 июля дворъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ это былъ день тезоименитства императрицы, то мнѣ пришлось отправиться съ поздравленіемъ. Императоръ явно сердился на свою супругу и давалъ каждому почувствовать свое дурное расположеніе духа. Со мною онъ держалъ себя холодно и не промолвилъ ни одного слова. Фрейлина Нелидова казалась въ глубокомъ горѣ, которое она напрасно старалась скрыть. Балъ походилъ на похороны, и каждый предсказывалъ новую вспышку.

На слѣдующій день Павелъ уѣхалъ въ Гатчину и былъ тамъ до 24-го, когда вдругъ стали доноситься изъ Петербурга выстрѣлы изъ пушекъ. Такъ какъ войскамъ было запрещено производить ученіе послѣ обѣда, то государь спросилъ великаго князя Александра: «Что значить эта канонада?»

— Это, вѣроятно, какой-нибудь корабль, который салютуетъ крѣпости.

Скоро выстрѣлы стали явственнѣе.

Внѣ себя императоръ посылаетъ адъютанта въ Петербургъ, чтобы узнать отъ гр. Буксгевдена о причинахъ непонятной канонады. Едва адъютантъ отправился въ путь, какъ Павелъ отправилъ второго съ

приказаніемъ Буксгевдену безотлагательно явиться въ Гатчину.

Было 7 часовъ вечера. Только ночью добрался первый посланникъ до Петербурга. Буксгевденъ отвѣчалъ, что это артиллерійскій генераль пробовалъ съ его разрѣшенія нѣкоторыя орудія. Онъ не могъ отказать въ своемъ разрѣшеніи, такъ какъ въ прошломъ году государь самъ сдѣлалъ исключеніе для артиллеріи и это разрѣшеніе продолжаетъ оставаться неотмѣненнымъ.

Этотъ отвѣтъ былъ доложенъ Павлу въ 5 часовъ утра, такъ какъ онъ приказалъ, чтобы ему сообщили его немедленно, въ которомъ бы часу то случилось. Хотя онъ скоро забылъ о причинахъ своей тревоги, тѣмъ не менѣе дурное настроеніе продолжалось.

На слѣдующее утро въ числѣ другихъ генераловъ явился съ докладомъ и Паленъ. Императоръ велѣлъ позвать къ себѣ Буксгевдена и лишь только тотъ вошелъ, какъ Павелъ осыпалъ его упреками за то, что онъ дозволилъ то, что имъ было запрещено. Буксгевденъ сослался на неотмѣненный прошлагодній приказъ.

— Все это отговорки для того, чтобы прикрыть вашу нерадивость, я теперь это хорошо вижу, — сказалъ на это Павелъ. — Вы больше не с.-петербургскій генераль-губернаторъ. Можете идти.

Сейчасъ же былъ приглашенъ Паленъ.

— Я вѣрю вамъ постъ генераль-губернатора. Садитесь сейчасъ же въ экипажъ и отправляйтесь къ Буксгевдену, чтобы принять отъ него дѣла.

Паленъ нашелъ вѣдомство въ полномъ порядкѣ и, какъ говорятъ, докладывая Павлу, онъ счелъ необходимымъ воздать Буксгевдену должное. Буксгевденъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Я предвидѣлъ этотъ ударъ недѣли три тому назадъ и каждую минуту ждалъ его. Исторія съ канонадой была только предлогомъ.

Такимъ образомъ важнѣйшая послѣ генераль-прокурора должность была теперь въ рукахъ заговорщиковъ и съ этого момента начинаются одна за другой внезапныя перемѣны.

Наконецъ, явился Лопухинъ, но одинъ. Императоръ сначала хотѣлъ назначить его генераль-прокуроромъ, но тотъ настойчиво просилъ уволить его отъ этого. Тотъ

да Павелъ предложилъ этотъ постъ барону Васильеву, но тотъ наотрѣзъ отказался, такъ какъ, занимая весьма ответственное мѣсто по государственному казначейству, не хотѣлъ увеличивать свою отвѣтственность.

Постоянно раздражаемый противъ князя Алексѣя Куракина, Павелъ въ концѣ концовъ приказалъ Лопухину занять его мѣсто безъ отговорокъ, пока здоровье будетъ ему позволять. Князь Куракинъ былъ переведенъ въ первый департаментъ сената. Вице-канцлеръ, встрѣчая дурное къ себѣ отношеніе, также подалъ въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупреждали, приказалъ передать ему, что онъ самъ знаетъ, когда его уволить.

Съ этого времени каждый день только и говорили, что объ увольненіяхъ. Но прежде чѣмъ вести свое повѣствованіе дальше, я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Литты къ мальтійскому ордену.

Какъ извѣстно островъ Мальта 18 июня былъ сданъ французамъ не столько по трусости ордена, сколько вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ яacobинцевъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга, Литта быстро сообразилъ, какую выгоду лично для себя можно извлечь изъ этого позорнаго для ордена событія. Англійскій дворъ, въ высшей степени оскорбленный такимъ захватомъ французомъ, приказалъ своему послу лорду Витворту вести дѣло вмѣстѣ съ Литтой, чтобы заставить Павла рѣшиться на что-нибудь необыкновенное. Гомпета старались представить автоматомъ и трусомъ, который измѣнилъ ордену, сдавъ врагу безъ единого выстрѣла неприступную крѣпость. Павелъ возмущался позорной сдачей резиденціи ордена, покровителемъ котораго онъ только что себя объявилъ, и согласился на смѣщеніе несчастнаго гроемейстера Гомпета.

Съ этою цѣлью Литта заготовилъ протестъ и манифестъ, въ которомъ обращался ко всемъ рыцарямъ ордена Иоаннитовъ даже прусскимъ, которые были въ это время въ Петербургѣ. Прочитавъ письма, за подлинность которыхъ онъ же и ручался, онъ сообщилъ собранію объ новости, и получилъ полное одобреніе. Графъ Вельегорскій, которому дали знать объ этихъ двухъ актахъ уже нѣсколько

дней тому назадъ, увѣдомилъ въ свою очередь и меня, какъ рыцаря ордена. Я обратилъ его вниманіе на то, что такой поступокъ нарушаетъ всѣ законныя, обычныя даже при судѣ надъ преступникомъ формы.

— Какъ,—воскликнулъ онъ,—хотятъ переломить шпагу надъ гроемейстеромъ, даже не выслушавъ его?

— Я уже сдѣлалъ Литтѣ такое возраженіе, но мнѣ отвѣтили, что тамъ, гдѣ говорятъ факты, нѣтъ надобности въ показаніяхъ.

Все поведеніе Литты на этомъ засѣданіи и всѣ его ожесточенныя выходки противъ злосчастнаго гроемейстера обнаруживали его эгоистическія, честолюбивыя стремленія. Правосудіе спокойно, оно изрекаетъ приговоры безъ гнѣва и поспѣшности.

Князь Безбородко, кн. Алексѣй Куракинъ, австрійскій посланникъ гр. Кобенцель, гр. Вельегорскій, гр. Буксгевденъ, прусскій рыцарь ордена Иоаннитовъ, два французскихъ дворянина, о которыхъ шелъ слухъ, что они сложили съ себя обѣты ордена, два духовныхъ лица изъ русскихъ католиковъ и я—вотъ изъ кого составилъ верховный трибуналъ для суда надъ гроемейстеромъ.

Недѣйствительность всей этой процедуры и насиліе надъ всеми установленными судебными формальностями хотѣли прикрыть тѣмъ, что съ обвиненіемъ и съ декретомъ объ отрѣшеніи гроемейстера сильно спѣшили. А потому все дѣло потребовало не болѣе получаса.

Чтобы провести членовъ ордена, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ и вынудить ихъ на одобреніе столь беззаконнаго поступка, добыли отъ государя особое объявленіе, въ которомъ онъ обѣщаль охранять орденъ вообще и каждаго рыцаря въ особенности. Сдѣлавъ такой шагъ, Павелъ уже не могъ идти назадъ и быстрыми шагами двинулся впередъ и пустилъ въ ходъ всю свою власть, чтобы помочь исполненію замысловъ Литты и лондонскаго двора.

Такъ какъ окружившимъ императора флибустьерамъ было извѣстно, какъ нужно пользоваться его первымъ пыломъ, то они и постарались склонить истратить всѣ сокровища Россіи на орденъ, духъ и организація котораго не имѣли ника-

кого отношенія къ политическому устройству Имперіи. Для чего намъ орденъ Іоаннитовъ, когда для военныхъ у насъ есть орденъ св. Георгія, а для гражданскихъ чиновъ св. Владимира? Для чего тратить три милліона на бенефиціи ордена? Для чего было покупать дорогое роскошное зданіе, чтобы поселить тамъ нѣсколькихъ французовъ и итальянцевъ? Всѣ эти прекрасные замки падаютъ на второй же годъ его царствованія, т. е. какъ разъ на время его вторичнаго путешествія въ Москву.

Кутайсову было тайно обѣщано, что онъ получитъ отъ ордена большой крестъ, тогда какъ онъ могъ быть тамъ только «служителемъ».

Императоръ не удовлетворялся тѣмъ, что онъ сталъ гротмейстеромъ сувереннаго ордена Іоаннитовъ, но объявилъ себя самодержавнымъ сюзереномъ ордена. Съ этого момента всего можно было ждать и скоро все пошло вверхъ дномъ. Сдѣлавшись замѣстителемъ гротмейстера, Литта открылъ торговлю почестями, отказался въ концѣ концовъ отъ орденскихъ обѣтовъ, чтобы имѣть возможность жениться на вдовѣ графинѣ Скавронской, мужъ которой умеръ въ Итали.

Настроеніе государя замѣтно становилось все хуже и хуже. Наблюдателей приводило въ изумленіе, какъ онъ, не смотря на постоянныя свои вспышки, умѣлъ притворяться и хитрить.

На послѣднемъ докладѣ князя Курякина онъ обіялъ его, хвалилъ его усердіе, а на другой день увольялъ его отъ должности. Безпричинное недоверіе заставляло его спѣшить съ исполненіемъ его плановъ и отправлять въ ссылку всѣхъ, кого онъ удалялъ отъ себя безъ всякихъ основаній. Единственное хорошее качество, которое еще осталось въ немъ, была благотворительность.

Уволивъ Буксегвена, императоръ прогналъ и честнаго адмирала Плещеева съ безпримѣрной жестокостью. Онъ сослалъ его въ деревню и приказалъ ему отправляться безотлагательно, хотя его жена только что родила. Въ слѣдствіе этого онъ написалъ Павлу смѣлое письмо, и ему было позволено отложить свой отъѣздъ до выздоровленія жены. Воспитанный вмѣстѣ съ императоромъ, Плещеевъ сохранилъ въ себѣ мужество говорить ему

при случаѣ правду. Конечно, такой человекъ оказался опаснымъ. Его нужно было удалить какъ можно скорѣе, даже попирая законы человѣчности.

Всѣ эти событія отбили во мнѣ охоту къ службѣ и я охотно подалъ бы въ отставку, но примѣръ вице-канцлера удерживалъ меня. Оставалось дожидаться взрыва бомбы.

Буксегвенъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора, казался больнымъ и не выходилъ изъ дому, твердо рѣшивъ дожидаться сентября и тогда просить полной отставки отъ службы. Въ это время онъ еще числился командиромъ полка. Въ одно прекрасное воскресенье я встрѣтилъ у графини Буксегвенъ, кромѣ офицеровъ полка, нѣсколько незнакомыхъ лицъ и еще одну личность, образъ мыслей которой мнѣ былъ извѣстенъ. Рядомъ со многими хорошими качествами въ графинѣ было не мало и дурныхъ, между прочимъ она выбалтывала все, что думала. Такъ она позволила себѣ нѣсколько необдуманныхъ замѣчаній по поводу новыхъ порядковъ. Такъ какъ она обращалась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что я не имѣю еще опредѣленнаго мнѣнія по этому поводу, что я умѣю только повиняться... «И молчать», прибавила она. «Урокъ очень хорошъ и достоинъ исполнѣ вашей политики, господинъ сенаторъ, но я женщина и говорю, что думаю». Я пристально посмотрѣлъ на нее и показалъ ей глазами на упомянутое лицо. Она угадала меня и продолжала довольно громко: «Я не хочу принуждать себя, такъ какъ я въ кругу своихъ друзей. Неправда ли?» спросила она обращаясь къ Ц. «Конечно, разумѣется», отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ исчезъ. Я послѣдовалъ за нимъ и, вернувшись домой, рассказалъ объ этомъ случаѣ женѣ.

Для черезъ два графиня прѣѣхала къ намъ. Моя жена, которой нужно было выйти, не могла принять ее, но на слѣдующій день поѣхала къ ней. Въ передней она замѣтила приготовленія къ отъѣзду и увидала фрейлину Нелидову всю въ слезахъ и саму графиню въ страшномъ возбужденіи.

— Какъ, графиня, вы уѣзжаете? — спросила жена.

— Стало быть вы не знаете, что насъ изгоняють изъ Петербурга?

— Но за что же?

— Это неизвѣстно. Къ счастью мое имѣніе находится всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Мнѣ остается всего 24 часа, чтобы выѣхать изъ столицы.

Остальное можно, конечно, угадать: дамы, воспитывавшіяся въ Смольномъ и связанные узами дружбы, пустились плакать и жаловаться.

— Я послѣдую за моей подругой, — сказала Нелидова и удалюсь отъ двора!..

Рыданія не дали ей договорить.

Явившись домой, я узналъ подробности. На слѣдующій день мы посѣтили Нелидову, которая показала намъ письмо, только что написанное ею императору, въ которомъ она просила разрѣшенія послѣдовать за опальной подругой. Письмо было написано превосходно. На другой день императоръ прислалъ весьма любезный отвѣтъ, въ которомъ, однако, о разрѣшеніи и не упоминалось. Тогда Нелидова написала вторично письмо слѣдующаго содержания: «Считая молчаніе Вашего Величества касательно моей просьбы за знакъ согласія, я хотѣла бы воспользоваться имъ и уѣхать завтра». Вмѣстѣ съ симъ просила графа Палена дать ей подорожную. Тотъ прислалъ подорожную съ просьбою воспользоваться ею не раньше завтрашняго дня, а самъ послалъ курьера въ Гатчину, гдѣ находился императоръ. Рассказываютъ, что получивъ извѣстіе о ея твердомъ рѣшеніи, Павелъ въ ярости воскликнулъ: «Пусть ѣдетъ! Но за это она поплатится!»

Пребываніе государя на дачѣ освобождало меня отъ необходимости быть около него такъ же часто, какъ и во время пребыванія его въ городѣ. Это обстоятельство для меня было просто счастьемъ. Подъ предлогомъ нездоровья я пропустилъ два праздника, и мнѣ дали понять, что Павелъ замѣчаетъ тѣхъ, которые уклоняются отъ посѣщеній, хотя и дѣлаетъ видъ, что онъ ихъ не видитъ, когда они присутствуютъ. Все, казалось, надобно ему и тяготило его. Привыкнувъ съ двадцати лѣтъ дѣлиться своими мыслями и чувствами съ Нелидовой, онъ оказался лишеннымъ удовольствія быть

въ ея обществѣ и живо чувствовалъ эту потерю. Вмѣсто прелести безграничнаго довѣрія зяла страшная пустота и Павелъ, жаждавшій всегда общенія, теперь долженъ былъ уйти въ себя. Онъ былъ одиошенеетъ, такъ какъ у него было довольно души, чтобы искать ее еще у тѣхъ, которые его окружали. Императрица, при всѣхъ ея добрыхъ качествахъ, не обладала веселостію и любезностію, которую Павелъ нашелъ въ Нелидовой. Его положеніе было несносно и онъ винилъ въ этомъ всѣхъ, кто попадался ему на глаза. Его гнѣвъ обратился на одного изъ родственниковъ Нелидовой. Генералъ Нелидовъ, бывшій адъютантомъ у Павла, неожиданно получилъ отставку точно такъ же, какъ его двоюродный братъ Барятинскій.

Императрица аккуратно писала Нелидовой и отправляла письма по почтѣ. Сначала эти письма вскрывали, но потомъ перестали, такъ какъ въ нихъ не было ничего интереснаго. Тѣмъ не менѣе Павелъ былъ глубоко оскорбленъ постоянствомъ привязанности императрицы, которая прежде, когда Павелъ былъ еще великимъ княземъ, преслѣдовала ее, предполагая между ними связь. Его уязвленное самолюбіе обратилось противъ императрицы. Достаточно было поговорить съ ней раза два, три, чтобы подвергнуться удаленію и опалѣ. Гофмаршалъ графъ Вельегорскій, которому по должности приходилось часто быть около ней съ разными служебными мелочами, однажды заговорилъ съ ней о чемъ-то подобномъ. Замѣтивъ этотъ разговоръ, Павелъ наморщилъ лобъ и сказалъ великому князю Александру: «Опять началъ перебивать все». Великій князь бросилъ Вельегорскому взглядъ, желая дать ему понять, что ему нужно удалиться. Вельегорскій отошелъ отъ императрицы и приблизился къ столу, за которымъ играли въ бостонъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ императора.

— Посмотрите, — сказалъ Павелъ, — какъ онъ опять старается приблизиться на такое разстояніе, чтобы подслушивать за нами.

Великій князь опять сдѣлалъ графу знакъ, чтобы тотъ отошелъ дальше. Но тотъ стоялъ около игроковъ и не подозревалъ, что его подозреваютъ въ жела-

ни подслушивать за государемъ. Поэтому онъ продолжалъ оставаться на своемъ мѣстѣ, ведя непрестанно разговоръ съ игроками съ цѣлью показать, что его вниманіе всецѣло сосредоточено на картонномъ столѣ. Тѣмъ не менѣ Павелъ въ своемъ ложномъ представленіи дошелъ до того, что, ухватившись за этотъ смѣшной предлогъ, онъ на другой же день вмѣсто Вельггорскаго назначилъ Нарышкина.

Можно себѣ представить, какъ я былъ огорченъ подобнымъ обращеніемъ съ человекомъ, который былъ украшеніемъ двора и котораго я искренно любилъ. Онъ рассказалъ мнѣ о томъ, что съ нимъ случилось, и прибавилъ: «Я рѣшился жить на покоѣ. Дѣти и библиотека доставятъ мнѣ гораздо больше удовольствіе, чѣмъ всякія мелочи гофмаршальской службы».

Не прошло и трехъ недѣль, какъ Павелъ приказалъ графу отправиться въ Вильну и не выѣзжать оттуда безъ его позволенія.

Предвидя, что очередь дойдетъ и до меня, я велъ дѣла юстиціи-коллегии съ такою тщательностью, чтобы генералъ-прокуроръ могъ каждую минуту произвести имъ ревизію. Между тѣмъ какъ въ католическомъ департаментѣ архіепископъ, гордый своей протекціей, допускалъ множество неправильностей.

Такъ гр. Феликсъ Потоцкій заплатилъ тамъ 12 тысячъ рублей за разводъ съ женою, отъ которой имѣлъ десять человекъ дѣтей. Процессъ этотъ начался еще въ то время, когда я былъ президентомъ, но я не давалъ своего согласія на разводъ. Но архіепископъ, изъ любви къ деньгамъ, рискнулъ на все. Бѣдная графиня не могла пережить этой несправедливости и вскорѣ умерла. Хотя она была *duchess d'honnour* императрицы и имѣла орденъ св. Екатерины, но на ея погребеніи едва набралось четыре кареты. А между тѣмъ она оказала услуги очень многимъ: сердце у нея было предоброе, но умъ ея отличался склонностью къ сатиры. Изъ любви къ красному словцу, она иногда раздражала противъ себя людей, которые ей потомъ этого не могли простить. Графиня Паленъ, жена адмирала Кутузова и госпо-

жа Рибась—вотъ и всѣ, кто сопровождалъ ея тѣло до католической церкви.

Около этого же времени императоръ вернулъ изъ ссылки гр. Петра Головкина. Явившись ко двору, онъ напустилъ на себя такую торжественность, что опять прогнѣвилъ Павла, и тотъ черезъ нѣкоторое время отправилъ его въ Кронштадтъ въ качествѣ флотскаго капитана. Здѣсь онъ выкинулъ такую глупую штуку, что по морскому уставу его слѣдовало бы разжаловать, но при помощи денегъ онъ успѣлъ выпутаться изъ бѣды. Отъ его неудачныхъ маневровъ пострадалъ другой капитанъ, и Головкину пришлось откупиться и заплатить за поврежденіе. Оба судна такъ плохо маневрировали въ открытомъ морѣ, что произошло столкновение.

Замѣтивъ, что Павелъ скучаетъ, дѣлцы почувствовали необходимость его развлечь. Хотѣли дать ему въ любовницы французскую актрису Шевалье, а когда это не удалось, сочли необходимымъ держать около него человека, который могъ бы развлекать его своими выходками. Нужно было выбрать человека безъ строгихъ принциповъ и притомъ такого, чтобы его завѣдомая злость тайно вооружала бы противъ него и дворъ и столицу.

Такимъ человекомъ оказался генералъ Растопчинъ, недавно удаленный Павломъ отъ двора. Получившій заграничное воспитаніе, онъ блестяще нахвтался поверхностныхъ знаній во всѣхъ наукахъ. Онъ умѣлъ хорошо говорить, превосходно подмѣчалъ слабыя стороны другихъ и ловко ихъ передразнивалъ. Въ составленіи любовныхъ писемъ не было ему равнаго. Онъ могъ даже умно написать и дѣловое письмо, если при этомъ не требовалось ни подробнаго изложенія, ни глубины мысли.

Павелъ зналъ его. Когда онъ былъ еще великимъ княземъ, онъ однажды выгналъ его изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ въ качествѣ дежурнаго камергера. При восшествіи своемъ на престолъ онъ призвалъ его обратно, хотя и не чувствовалъ къ нему пріязни. Впослѣдствіи онъ много разъ показывалъ ему свое нерасположеніе, но такъ какъ онъ умѣлъ смѣшить его своими шутками, а императоръ умиралъ отъ скуки, то Растопчинъ по-

стоянно возвращался на прежнее свое мѣсто. Сверхъ всего Растопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой—еще причина, почему ему покровительствовали.

Его вліяніе быстро росло. Онъ зналъ слабыя стороны императора, умѣлъ ловко льстить ему и осыпалъ своихъ противниковъ сатирическими насмѣшками, выставляя ихъ ничтожностью и невѣжество.

— И прекрасно,—сказалъ однажды Павелъ,—это машины, которыя умѣютъ только повиноваться.

Но и Павелъ и Растопчинъ ошибались. Тотъ, кто не умѣлъ написать и двухъ строчекъ безъ ошибокъ, оказался хитрѣе ихъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Спокойный, кроткій и полный достоинства характеръ новаго генералъ-прокурора Лопухина былъ не совсѣмъ по вкусу Павлу, который сталъ чувствовать потребность разрушить то, что самъ же онъ возвелъ. Церемонить всѣхъ чиновниковъ придворнаго вѣдомства и департамента иностранныхъ дѣлъ, распатать всю армию путемъ постояннаго увольненія генераловъ и другихъ высшихъ чиновъ—все это стало казаться ему проявленіемъ силы, которое должно было убѣдить всю Европу, что для него важны только строгіе принципы порядка, справедливости и аккуратности.

Императоръ внезапно объявилъ себя противникомъ Франціи и послалъ войска на помощь Австріи, вѣривъ начальство надъ ними нѣкому генералу Розенбергу, челоуку храброму, но совершенно не обладавшему военными дарованіями. На этотъ постъ мѣтилъ Репинъ и поэтому безпрестанно унижалъ Суворова, котораго Павелъ не долюбивалъ и удалилъ отъ себя за то, что тотъ утверждалъ, будто можно выигрывать сраженія и безъ солдатъ, при помощи однихъ гамашей, толстой косички и напудренныхъ волосъ.

Назначеніе Розенберга всѣхъ изумило и привело русскихъ въ отчаяніе. Къ счастью Австрія или точнѣе эрцгерцогъ Карлъ сумѣли вымолить для себя Суворова. Павелъ не рѣшился отказать имъ и Репинъ пустился на такія низости противъ Суворова, о которыхъ я здѣсь не хотѣлъ бы и говорить. Расскажу лучше объ одномъ характерномъ случаѣ, который дѣлаетъ честь и челоуку, имѣвшему му-

жество такъ говорить, и государю, который выслушалъ безъ гнѣва.

Императоръ назначилъ генерала гр. Ферзена въ кадетскій корпусъ и подчинилъ его великому князю Константину. Тотъ не могъ долго выдерживать остроумныхъ шутокъ молодого великаго князя и подалъ прошеніе объ отставкѣ. Павелъ спросилъ о причинѣ, заставившей его просить объ этомъ.

— Я слишкомъ обидчивъ, Ваше Величество,—отвѣчалъ храбрый солдатъ. Ваше Величество желаетъ знать правду. Простите, государь, но когда составишься подъ богомъ войны, очень тяжело имѣть и подъ собою и надъ собою дѣтей.

Если бы около трона было побольше людей такого закала, то онъ стоялъ бы прочнѣе и государю меньше бы пришлось опасаться измѣны.

Усердно занимаясь вѣрными мнѣ дѣлами, я съ грустью видѣлъ, что составленіе уголовного кодекса не подвигается впередъ. Спорили о словахъ, я жаловался на такое положеніе, какъ вдругъ сорвавшееся у сенатора Колокольцева замѣчаніе освѣтило для меня все дѣло. Императоръ приказалъ ввести смертную казнь. Составъ окружавшихъ государя лицъ, а также и то, что день ото дня онъ самъ становился все болѣе недовѣрчивымъ и раздражительнымъ, дѣлали введеніе смертной казни въ высшей степени опаснымъ. Мои коллеги, безъ сомнѣнія, боялись этого еще сильнѣе, чѣмъ я.

— Можетъ быть намъ удастся,—сказалъ Колокольцевъ,—закончить нашу работу очень скоро.

И понялъ его и отвѣчалъ:

— Вы правы. Будемъ спѣшить тихо, чтобы не заслужить упрека въ томъ, что мы вслѣдствіе поспѣшности плохо справились съ своей работой.

Между тѣмъ доносы и аресты участились. Лопухинъ имѣлъ мужество не только защищать на судѣ тѣхъ, которые оказывались невинными, но давалъ удовлетвореніе и возмѣщеніе убытковъ тѣмъ, которые пострадали. Всѣ сгибались передъ нимъ съ неизмѣнной услужливостью съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ генералъ-прокуроромъ и въ нему собиралась прѣвѣхать его дочь. А князь Алексѣй Куракинъ, звѣзда котораго закатилась, былъ

покинуть всѣмъ и испытать лишь одну неблагодарность. Многие, которые теперь его избѣгали или нападали на него съ яростью, были обязаны своимъ быстрымъ возвышеніемъ именно ему. Это возмутительное отношеніе сердило меня и хотя я ничѣмъ не былъ ему обязанъ, но продолжалъ бывать и у него и у гр. Буксгевдена. Однажды Паленъ сказалъ мнѣ:

— Я видѣлъ вашу карету въ такой-то улицѣ.

— Я былъ у Буксгевдена,—отвѣчалъ я громко.—Пока онъ въ городѣ, я буду его навѣщать. И чтобы не воображали, будто я скрываю это, я буду оставлять свою карету съ моимъ гербомъ и выѣздымъ лакемъ передъ домою.

— Это не совѣтъ мудро.

— Дружба старше, чѣмъ мудрость. Онъ вѣдь не преступникъ. Надѣюсь, что и мои друзья не перестанутъ посѣщать меня, когда я не буду больше сенаторомъ.

Съ Лопухинымъ я былъ насторожѣ. Вице-президентъ Корфъ просилъ меня представить его генераль-прокурору, и я съ удовольствіемъ исполнилъ его просьбу. Онъ принялъ меня изысканно. Видя, что онъ заваленъ работой, я сказалъ ему:

— Я слишкомъ цѣню трудъ вашего превосходительства, чтобы безпокоить васъ на будущее время визитами. Я позволю себѣ являться къ вамъ только по дѣламъ службы. Минуты, которыя у васъ отнимаютъ, можетъ быть составляютъ вздыхать какого-нибудь несчастнаго, который ждетъ рѣшенія своей участи. Извините меня, если и мнѣ когда придется поступить противъ этого завленія.

Онъ очень удивился такому языку и, казалось, былъ гораздо болѣе радъ такому сердечному тону, чѣмъ низкой лести, которой его осыпали и которою его думали поддѣть.

Я сказалъ выше, что расположеніе духа у Павла становилось все мрачнѣе. Чтобы дать объ этомъ наглядное представленіе, я расскажу одинъ случай относительно графа Строганова, одного изъ самыхъ осторожныхъ людей, которые были при дворѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ сенатъ чрезвычайно грустный. Я отнесся къ нему съ живымъ участіемъ и просилъ открыть мнѣ причину его горя.

— Я изгнакъ изъ Павловска за то, что сказалъ государю, что скоро будетъ дождь. Вотъ какъ было дѣло. Императрица нѣсколько дней больна лихорадкой и сырая погода для нея вредна. Три дня тому назадъ императоръ задумалъ прогулку. Императрица, смотря въ окно, сказала: «Боюсь, что будетъ дождь». «Какъ вы думаете?»—обратился ко мнѣ императоръ.—«Небо покрыто облаками, такъ что по всей вѣроятности дождь будетъ и довольно скоро». «Ага,—закричалъ Павелъ на этотъ разъ,—вы всѣ сговорились противорѣчить мнѣ. Мнѣ надоѣло переносить это. Въ особенности я замѣчаю, что мы не сходимся съ вами, графъ. Вы никогда меня не понимаете, къ тому же у васъ есть обязанности въ Петербургѣ и я вамъ совѣтую отправиться туда». Я сдѣлалъ низкій поклонъ,—продолжалъ Строгановъ,—удалился и приготовился къ отъезду на другой день, но мнѣ шепнули, что будетъ не худо, если я уѣду сейчасъ, ибо императоръ сказалъ будто бы: «Надѣюсь, графъ Строгановъ понялъ меня».

Тяжело было старику. Онъ принадлежалъ къ кружку Екатерины и пребываніе при дворѣ обратилось у него въ потребность. Онъ былъ придворнымъ не по честолюбію или корысти, но вслѣдствіе тѣхъ машинныхъ привычекъ, которыя образуютъ вторую природу, вслѣдствіе чего придворный можетъ умереть отъ тоски, если у него отнять право скучать при дворѣ.

За нѣсколько дней до этого императоръ отправилъ въ ссылку статсъ-секретаря Нелединскаго, который былъ замѣненъ Неплюевымъ.

Нашъ оберъ-прокуроръ Козодавлевъ изъ третьяго департамента былъ переведенъ въ первый. Его мѣсто было занято нѣкимъ Дмитріевымъ. Превосходный человекъ этотъ Дмитріевъ. Когда онъ былъ еще гвардейскимъ офицеромъ, то его и его двухъ товарищей обвинили анонимнымъ письмомъ въ томъ, что они злоумышляли на жизнь государя. Генераль-губернаторомъ въ Петербургѣ былъ тогда еще Архаровъ. Онъ представилъ письмо Павлу, который приказалъ арестовать всѣхъ троихъ. Черезъ недѣлю обнаружилось, что всю эту исторію устроилъ уволенный лакей.

Убѣдившись въ ихъ невинности, Павелъ приказалъ вернуть имъ шпаги во время парада. Обыкновенно при этомъ преклоняли въ знакъ благодарности передъ императоромъ колѣни, а онъ обнималъ колѣнопреклоненнаго и поднималъ его. Дмитріевъ, однако, ограничился тѣмъ, что подошелъ къ императору и сказалъ: «Съ позволенія Вашего Величества, я не буду оскорблять васъ своей благодарностью, ибо я невиноватъ, а потому со стороны Вашего Величества нѣтъ и никакой милости ко мнѣ. Но такъ какъ ваша гвардія должна стоять выше всякихъ подозрѣній, то мнѣ невозможно дольше здѣсь оставаться. Прошу Ваше Величество принять мою отставку».

Императоръ былъ пораженъ достойнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почитательнымъ тономъ, которыми были сказаны эти слова. Онъ обнялъ Дмитріева и сказалъ:

— Я никогда не сомнѣвался въ вашей вѣрности, это была только формальность. Мнѣ было бы пріятно, если бы вы остались.

— Убѣдительно прошу Ваше Величество соизволить на увольненіе меня. Я не вполне здоровъ, чтобы оставаться солдатомъ.

— Если вы непременно этого хотите, я увольняю васъ. Скажите генераль-прокурору о мѣстѣ, которое вы желали бы занять въ гражданской службѣ.

Такимъ-то образомъ онъ и сталъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ. На этомъ посту онъ проявилъ большую доброту, безкорыстіе и тонкость чувства, которая рѣдко встрѣчалась у оберъ-прокуроровъ.

Дмитріевъ извѣстенъ въ Россіи и какъ ученый. Онъ любилъ ясность и точность и ненавидѣлъ запутанныя фразы, полныя кляузъ и неискренности. Я чувствовалъ къ нему большое влеченіе и такъ какъ онъ былъ немножко меланхоликъ, то мы сердцемъ поняли другъ друга и черезъ двѣ недѣли бесѣдовали между собою съ такою откровенностью, которая была бы опасна съ чужимъ человѣкомъ, если-бы внутреннее чутье не давало намъ взаимнаго ручательства и не дѣлало излишнимъ дальнѣйшее испытаніе другъ друга.

Онъ былъ единственный изъ русскихъ въ сенатѣ, который соглашался со мною по поводу царившихъ въ немъ злоупот-

ребленій. Всѣ другіе старались всегда оправдать ихъ по предрасудку ли, или по другимъ низменнымъ причинамъ.

Однажды, когда мы обсуждали одно довольно запутанное дѣло, Дмитріевъ хотѣлъ нѣсколько смягчить С., который заявлялъ свое мнѣніе болѣе съ упрямствомъ, чѣмъ съ умомъ. Когда же ему это не удалось, онъ сознался мнѣ, что его положеніе какъ оберъ-прокурора для него несносно и что онъ хочетъ его сложить, не смотря на скромное состояніе, которымъ онъ располагалъ. Онъ откровенно объяснилъ мнѣ свое положеніе, я безъ всякаго стѣсненія высказалъ свое мнѣніе. Драгоцѣнныя воспоминанія! Я никогда ихъ не забуду.

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ мой двоюродный братъ, который управлялъ дѣлами Палена въ Курляндіи. Онъ нашелъ, что нашъ домъ убранъ довольно хорошо.

— Жаль, — сказалъ я, — что на это ушло много денегъ.

— Почему же жаль?

— Да потому, что скоро намъ придется его оставить.

— Вы шутите, конечно. Паленъ мнѣ сказалъ по секрету, что разъ вы выдержали первый напоръ, то теперь ужъ васъ оставятъ въ покоѣ,

— Ну, не вѣрьте этому. Дойдетъ и до меня очередь и я ужъ къ этому подготавливаюсь. Впрочемъ, мнѣ будетъ пріятнѣе вернуться на родину, чѣмъ видѣть все то, что здѣсь творится.

На другой день послѣ этого разговора былъ уволенъ вице-канцлеръ, князь Александръ Куракинъ; съ нимъ обошлись впрочемъ довольно вѣжливо. Ростопчинъ бросалъ свои взоры на это мѣсто. Онъ уже перешелъ съ военной на гражданскую службу и былъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но на этотъ разъ его ожиданіе не оправдалось. Князь Безбородко, хотя и былъ очень боленъ, тѣмъ не менѣе, добился назначенія на это мѣсто своего племянника Кочубея. Уходъ князя Александра Куракина не былъ потерей для департамента, ибо у него не было ни способностей, ни усердія. Тщеславный, вѣчно занятый своимъ туалетомъ и бриллиантами, онъ зналъ толкъ только въ музыкѣ и женщинахъ. Холодный эгоистъ, онъ не дѣлалъ никому

ни добра, ни зла. Онъ прекрасно говорилъ по-русски*), по-нѣмецки, по-французски, обладалъ хорошими манерами, видной фигурой, но лицо его и тупая улыбка выдавали размѣръ его ума.

Преемникъ его былъ способѣе. Но должность вице-канцлера въ такой огромной Имперіи, какъ Россія, была не по плечу и ему. Сначала онъ былъ камергеромъ, потомъ его посылали въ Константинополь, гдѣ онъ успѣлъ прочесть нѣсколько книжекъ по вопросамъ политики и нѣсколько подучился формальной дипломатической рутинѣ. Въ связи съ легкостью, съ которою онъ могъ писать официальные письма, это показалось достаточнымъ для занятія такой должности, которая прежде была наградой за долгую и блестящую дипломатическую службу.

Послѣ того, какъ стало извѣстно объ отставкѣ кн. Куракина, я замѣтилъ, что раздраженіе противъ Нелидовой снова овладѣло императоромъ и притомъ въ такой степени, что онъ хотѣлъ нанести оскорбленіе ей путемъ несправедливаго отношенія къ ея друзьямъ. Я знаю, что скоро придетъ очередь и до меня, въ виду нѣжной дружбы между нею и моею женой.

И въ самомъ дѣлѣ, 6 сентября, когда я только-что всталъ изъ-за стола, курьеръ принесъ мнѣ слѣдующую записку, писанную по-нѣмецки рукою Палена: «Только-что получилъ приказаніе, о которомъ долженъ вамъ сообщить. Но дѣла не позволяютъ мнѣ выѣзжать изъ дому, поэтому прошу пожаловать ко мнѣ, чтобы вы могли принять свои мѣры. Преданный вамъ Паленъ».

На всѣхъ лицахъ появилось безпокойство, а жена стала спрашивать въ страхѣ, что это значитъ. Я отвѣчалъ ей спокойно: «Паленъ хочетъ сообщить мнѣ что-то о юстицъ-коллегии». Приказавъ заложить карету, я отвелъ въ сторону генерала Фромандьера, который обѣдалъ у насъ, и сказалъ ему: «Подготовьте мою жену къ извѣстію о моемъ увольненіи и къ отъѣзду изъ Петербурга. Записка довольно ясна».

*) Нужно помнить, что въ тѣ времена перѣдко попадались вельможи, не умѣвшіе сказать на родномъ языкѣ и нѣсколькихъ фразъ.

Прим. пер.

Когда Паленъ увидѣлъ меня, онъ выказалъ мнѣ много доброжелательства, пригласилъ меня въ кабинетъ и сказалъ:

— Не знаю, что могло такъ настроить императора. Онъ требуетъ, что вы подали прошеніе объ отставкѣ.

Вотъ указъ Палену, собственноручно написанный Павломъ.

«Вы скажите тайному совѣтнику и сенатору барону Гейкингу, чтобы онъ просилъ о своемъ увольненіи, такъ какъ онъ всегда жаловался на свою болѣзненность. Одновременно онъ скажетъ генераль-прокурору названіе своего имѣнія».

— Я въ отчаяніи отъ этой неприятели,—продолжалъ Паленъ.—Вамъ приходится переносить и совершенно безъ всякой вины, ибо я знаю, что вы всегда служили государю усердно и безкорыстно... Но, что прикажете дѣлать? Я также приготовился получить въ одинъ прекрасный день такой же комплиментъ. Можетъ быть, меня прогонятъ безъ всякихъ церемоній.

— Я не жалею на этотъ приказъ императора. Я смотрю на него, какъ на милость, ибо для меня невозможно служить далѣе. Позвольте мнѣ здѣсь же написать прошеніе, котораго требуетъ императоръ. По крайней мѣрѣ, ему будетъ оказано повиновеніе; а по спокойствію, съ которымъ письмо будетъ написано, вы можете заключить, какъ я жажду вернуться въ родную среду.

Онъ уступилъ мнѣ свое мѣсто, и довольно сквернымъ перомъ я написалъ прошеніе объ отставкѣ. Зная, что императоръ любитъ мгновенное послушаніе, я моментально запечаталъ письмо и просилъ гр. Палена безотлагательно отправить его въ Гатчину. Я замѣтилъ, какъ блеснуло удовлетвореніе въ его глазахъ.

Прежде чѣмъ вернуться домой, я отправился къ генераль-прокурору, чтобы объяснить ему, почему я не могу назвать ему своего имѣнія (его у меня не было), и чтобы просить его похлопотать о сохраненіи мнѣ прежней, полученной еще отъ герцога курляндскаго пенсіи или, по крайней мѣрѣ, о полученіи пенсіи сенаторской.

Генераль-прокурора не было дома, и онъ долженъ былъ вернуться для того, чтобы сейчасъ же ѣхать въ Гатчину. Поэтому я написалъ ему все, о чемъ не могъ сказать лично, и въ отвѣтъ получилъ

отъ него такое письмо: «Баронъ! Письмо, которое касается вашей отставки, я только-что получилъ, и спѣшу вамъ отвѣтить, что я, намѣреваясь ѣхать въ Гатчину, согласно вашему желанію представлю дѣло Его Величеству и употреблю всё усилія, чтобы по возможности исполнить ваши желанія. Имѣю честь быть Петръ Лопухинъ».

Такъ какъ мои разѣзды продолжались нѣсколько часовъ, то я вернулся домой уже къ вечеру и засталъ всѣхъ моихъ друзей въ сильнѣйшемъ возбужденіи.

— Успокойтесь,—сказалъ я съ улыбкой,—императоръ соизволилъ на то, чего я такъ давно желалъ; я счастливъ, имѣя теперь возможность вернуться въ отечество и освободиться отъ моей каторжной службы.

Послѣ этого я разсказалъ о всѣхъ вышеописанныхъ обстоятельствахъ. Видно было, что на разныхъ, окружающихъ насъ лицъ мой разсказъ произвелъ вполне различное впечатлѣніе.

На другой день я послалъ сказать вице-президенту Корфу, что я не здоровъ, и черезъ одного изъ моихъ коллегъ просилъ въ сенатѣ извиненія за свое отсутствіе.

На третій день генераль-губернаторъ далъ мнѣ знать, что императоръ соизволилъ разрѣшить мнѣ ѣхать въ Митаву, но отказалъ въ назначеніи пенсіи. Этотъ отказъ заставлялъ опасаться, что отставка была дана въ неприятныхъ выраженіяхъ, такъ какъ императоръ ввелъ три формы объявленія объ увольненіи.

1) «По болѣзни увольняемъ мы его отъ всѣхъ должностей». Это давало понять, что послѣ возможнаго выздоровленія можно опять получить мѣсто.

2) «По его просьбѣ соизволили мы на увольненіе».

3) «Такой-то увольняется».

13 сентября изъ сената былъ мнѣ доставленъ запечатанный конвертъ съ бумагой слѣдующаго содержанія:

«По высочайшему повелѣнію его императорскаго величества государя императора правительствующій сенатъ сообщаетъ тайному совѣтнику сенатору барону Гейкингу именной указъ за собственноручнымъ подписаніемъ государя императора, данный сенату 8 сентября въ слѣдующихъ словахъ:

«По прошенію тайнаго совѣтника и сенатора барона Гейкинга освобождаемъ

мы его отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей. Павелъ».

«Вслѣдствіе сего сенатъ распорядился о настоящемъ, официальномъ извѣщеніи. 13 сентября 1798 г.».

Изъ этого видно, что императоръ не терялъ ни минуты, чтобы меня уволить. Мое письмо, написанное 6 сентября, могло быть ему вручено 7-го, а указъ помѣченъ 8-го.

Вслѣдствіе моей отставки, я въ тотъ же день отправился къ Палену, чтобы получить отъ него паспортъ. Онъ приказалъ изготовить его безотлагательно и сказалъ: «Я сейчасъ же вечеромъ передамъ объ этомъ государю».

Жена моя осталась въ Петербургѣ, чтобы продать домъ, мебель и часть гардероба, который въ провинціи мнѣ былъ ненуженъ.

Лишь у немногихъ лицъ оставилъ я свои визитныя карточки и поѣхалъ одинъ. Впрочемъ, со мною былъ Ж. Ж. Руссо, любимый авторъ моей юности и постоянный другъ всей моей жизни. Вслѣдствіе юридической дѣятельности я было забросилъ его, но теперь опять съ наслажденіемъ возвратился къ нему.

Сознаюсь, Петербургъ оставлялъ я съ болью въ сердцѣ, хотя я здѣсь постоянно недомогалъ. Но у меня были причины думать, что больше я уже никогда его не увижу. Погода была такая же пасмурная, какъ и мое настроеніе, и мысль, что весь день я принужденъ провести въ бездѣйствіи, сильно меня угнетала.

Едва я завидѣлъ Митавскій замокъ, какъ почувствовалъ въ себѣ печаль или, правильнѣе сказать, ложный стыдъ. «Итакъ, говорилъ я себѣ, я возвращаюсь домой, заклеимленный немилостью, которую, пожалуй, будутъ считать заслуженной. Прежде я изъ третьяго департамента посылалъ курляндскому губернатору и вице-губернатору указы, а теперь я въ качествѣ простаго обывателя буду получать ихъ отъ нихъ. Теперешній губернаторъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей, онъ знаетъ дворъ, ежедневно имѣетъ случай видѣть его произвольныя рѣшенія, которыя онъ противъ воли долженъ приводить въ исполненіе. Надѣюсь, что онъ пойметъ меня. Остаются еще мои враги—адвокаты и ихъ клеветы. Но я смѣю встрѣчусь съ ними и постараюсь избѣжать и уни-

лаго вида и смѣшливой веселости». Чтобы узнать, какое впечатлѣніе произведетъ въ городѣ мое появленіе, я рѣшилъ провести, подъ предлогомъ нездоровья, нѣсколько дней дома и вести себя возможно осторожно и сообразоваться съ данными, которые будутъ получены доступными мнѣ средствами.

ГЛАВА IV.

Во время ссылки.

Въ Митаву я пріѣхалъ въ 8 часовъ утра и остановился въ домѣ моего друга Дершау, такъ какъ мой былъ еще занятъ барономъ Корфомъ, хотя срокъ найма уже истекалъ.

Прежде всего я написалъ письмо губернатору Ламсдорфу, чтобы поставить его въ извѣстность о своемъ пріѣздѣ и извиниться, что по болѣзни не могу сдѣлать ему визита. Онъ велѣлъ передать мнѣ устно, что моя невзгода его очень огорчаетъ и что онъ скоро сдѣлаетъ мнѣ визитъ. И дѣйствительно онъ пріѣхалъ ко мнѣ, завязалъ длинный разговоръ, во время котораго мы обнаружили и взаимное довѣріе, и одинаковое взаимное уваженіе. Я показалъ ему подлинный документъ о моей отставкѣ и онъ удостовѣрился, что императоръ вовсе не заклеивилъ меня своею немилостью и что я принадлежу, слѣдовательно, къ числу тѣхъ, которые могутъ спокойно проживать въ губерніи. Этотъ визитъ былъ мнѣ очень полезенъ и мало-по-малу за нимъ перебивалъ у меня весь городъ.

Пробывъ нѣсколько дней у себя въ кругу родственниковъ и знакомыхъ, я рѣшился наконецъ выйти. Прежде всего я посѣтилъ губернатора и спросилъ его, не считаетъ ли онъ нужнымъ, чтобы я представился королю Людовику XVIII, къ которому императоръ относился въ то время, какъ нельзя лучше. Онъ заставилъ его сложить съ себя имя графа Де Лилль, принять королевскій титулъ, окружить себя своей гвардіей и принимать королевскія почести. Ламсдорфъ былъ того же мнѣнія, какъ и я. Рѣшено было, что онъ представитъ меня на слѣдующій день.

Въ воскресенье я отправился въ за-

мокъ, гдѣ я впервые увидѣлъ несчастнаго Людовика XVIII. Пройдя черезъ послѣднюю приемную я встрѣтилъ двухъ старыхъ рыцарей св. Людовика со шпагами въ рукахъ, стоящихъ на часахъ. Когда мы вступили во внутреннія покои, губернаторъ представилъ меня камергеру герцогу Де Вилькиеръ. Его ростъ—немного болѣе высокій, чѣмъ у карлика соответствовалъ размѣрамъ его ума. Впрочемъ онъ былъ учтивъ и прямодушенъ. Черезъ минуту появился Людовикъ XVIII и я долженъ сознаться, что этотъ государь внушалъ мнѣ живѣйшій интересъ. Онъ хорошо говоритъ, обладаетъ хорошими познаніями въ римской, французской, итальянской и англійской литературахъ. Память у него удивительная. Географію онъ знаетъ, какъ никто. Менѣе понравился мнѣ герцогъ Ангулемскій, который имѣлъ смущенный видъ и не умѣлъ сказать самой простой вещи, хотя, повидимому, у него и не было недостатка въ веселости. Герцогъ Де Берри отличался военной осанкой и держалъ себя безъ принужденія и безъ чопорности. Мнѣ показалось, что король предпочитаетъ его своему старшему сыну.

Самымъ лучшимъ при этомъ бѣдномъ дворѣ показался мнѣ сначала гр. Аваръ. Онъ спасъ Людовика XVIII и любилъ его страстно.

Графъ Сень-При вмѣстѣ съ холоднымъ высокоуміемъ сохранилъ прежнія манеры и претензіи министра изъ Версаля и потому въ Митавѣ былъ совѣмъ не ко двору. Всѣ окружавшіе Людовика XVIII ненавидѣли его и открыто высказывали ему свое презрѣніе. Да и самъ король, какъ кажется, больше боялся, чѣмъ любилъ его.

Герцогъ Граммонъ показался мнѣ прекраснымъ человѣкомъ съ военной выправкой, герцогъ же Де-Флери мнѣ не понравился своей легкомысленной манерой держаться. Несчастія его родины и его семьи, казалось, такъ мало занимаютъ его, что подобное легкомысліе возстановило меня противъ него. Впослѣдствіи я никогда не могъ отдѣлаться отъ этого перваго впечатлѣнія.

Меня пригласили къ столу и посадили рядомъ съ герцогомъ Ангулемскимъ, который отдѣлялъ меня отъ короля. Про-

тивъ меня сидѣлъ старый кардиналъ Монморанси, который приводилъ меня въ изумленіе своей звучной фамиліей и крѣпостью своего желудка: онъ не ѣлъ, а жралъ. Такъ какъ онъ былъ очень глухъ, то я не обращался къ нему.

Лицо виконта д'Агу сразу же свидѣтельствовало о благородной и чувствительной душѣ. И это дѣйствительно такъ и было, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться позднѣе.

Бесѣда короля касалась разнообразныхъ предметовъ и текла безпрерывна. Послѣ обѣда онъ говорилъ о несчастной судьбѣ своего брата Людовика XVI. Онъ, видимо, растрогался и вынулъ изъ кармана послѣднюю записку, которую ему написала изъ Темплъ королева.

— Изъ «Journal de Cléry» вы можете узнать печальные подробности, баронъ,— прибавилъ онъ.

— Прошу извиненія Вашего Величества, я не знаю такого журнала.

Обратившись къ какому-то высокому аббату, король поручилъ ему дать мнѣ «Journal de Cléry».

— Не премину, Ваше Величество, отвѣчать аббату Мари (ибо такъ его называлъ король) и прибавилъ: «Это былъ учитель герцога Ангулемскаго».

Людовикъ XVIII показывалъ мнѣ также печать Франціи, которую постоянно носилъ съ собою его несчастный братъ и въ волненіи сказалъ: «Въ мои руки она попала чудомъ и я придаю ей огромное значеніе».

Разсказъ короля глубоко тронулъ меня. Замѣтивъ это, онъ сказалъ мнѣ: «Я раздираю ваше чувствительное сердце: сообщите теперь, что долженъ былъ вынести я».

Его глаза наполнились слезами, онъ отвернулся и отошелъ къ окну.

Какая философская поучительность для меня! «Какъ, думалъ я про себя, удаляясь изъ замка, могъ я позволить себѣ сегодня утромъ роптать на мою судьбу, въ то время какъ этотъ несчастный король изгнанъ изъ отечества, гдѣ его предки царствовали со славою почти тысячу лѣтъ, и теперь пользуется благодѣяніемъ государя, который такъ обидчивъ, непостояненъ и неустойчивъ!»

Герцогиня Гише пригласила меня къ себѣ на чай въ 8 часовъ вечера. Сильно

перемѣнившись съ 1785 г., когда я встрѣчался съ нею въ Версали, она имѣла однако здоровый видъ и была еще привлекательна. Ея миленькая 14-лѣтняя дочь не дѣлала ее старше: мнѣ даже казалось, что мать выигрываетъ при сравненіи между ними. Чай подавали въ фаянсовой посудѣ, самоваръ былъ мѣдный, словомъ все указывало на недостатокъ средствъ, только граціи не испугались нищеты и еще болѣе усиливали привлекательность.

Черезъ минуту появился и герцогъ Ангулемскій съ своимъ братомъ, герцогомъ Беррійскимъ. Вечеръ провели очень приятно. Герцогиня спѣла одну итальянскую арию, которая, впрочемъ, не повеселила меня. Послѣ этого она превосходно исполнила нѣсколько французскихъ романсовъ. Французское общество всегда притягивало меня къ себѣ: можно себѣ представить мое счастье, когда я встрѣтилъ въ Митавѣ такое количество во многихъ отношеніяхъ интересныхъ лицъ.

Если въ глазахъ благородныхъ людей несчастье даетъ право на почетное мѣсто, то тѣмъ, кто самъ только что претерпѣлъ несправедливость, несчастье другаго придаетъ только особую силу. При такомъ настроеніи каждый французъ былъ для меня существомъ священнымъ и мнѣ казалось, что настроеніе ихъ вполнѣ согласуется съ моимъ собственнымъ.

Большинство этихъ господъ очень скоро отдали мнѣ визитъ и прислали мнѣ свои визитныя карточки, за исключеніемъ аббата Мари, который принесъ мнѣ «Journal de Cléry». Я былъ въ восторгѣ отъ этого аббата. Мы проболтали съ нимъ около часу и когда разстались, то намъ показалось, что мы давнымъ давно знали другъ друга.

Аббатъ Мари въ разговорѣ проявлялъ и образованность, и пылкость. Онъ любилъ Бурбоновъ до обожанія и со всею присущей ему силой воображенія всею душой ушелъ въ политическіе замыслы, имѣвшіе цѣлью возвести на тронъ Людовика XVIII. Нашъ петербургскій дворъ онъ зналъ превосходно: всѣ анекдоты были ему извѣстны, извѣстна ему оказалась и моя исторія со всѣми подробностями постигшей меня невзгоды.

На другой день я отдалъ ему визитъ и мы провели вмѣстѣ около двухъ часовъ. Взаимное довѣріе росло и я только удивлялся, какъ хорошо онъ знаетъ о Палентѣ, Безбородко и о другихъ вліятельныхъ лицахъ. Такъ какъ онъ былъ довѣреннымъ лицомъ Людовика XVІІІ, то я не сомнѣвался, что король прекрасно осведомленъ о всемъ. Въ слѣдующій вторникъ по нѣсколько случайно брошеннымъ королемъ словамъ я догадался, что онъ знаетъ о нашемъ разговорѣ. Это обстоятельство установило идейную связь между мною и королемъ, которую принималъ только аббатъ Мари.

Намѣреваясь какъ можно пріятнѣе провести свое уединеніе въ Курляндіи, я принялся устраивать свой домъ, въ которомъ думалъ пользоваться дружескимъ обществомъ моихъ милыхъ французовъ. Въ октябрѣ стали давать себя знать морозы и я позаботился объ отопленіи дома. Я уже мечталъ о томъ, какъ радостно свижуся я съ моей женой, которая должна была скоро пріѣхать, и сидѣлъ однажды за чтеніемъ моего дорогаго Жанъ-Жака, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ губернатора Ламсдорфа.

Онъ былъ блѣденъ и смущенъ. Я думалъ, что онъ боленъ и выказалъ по отношенію къ нему, свою заботливость, попенявъ ему, что при своемъ слабомъ здоровьи онъ въ такой морозъ выходитъ изъ дома.

— Не въ томъ дѣло, — заговорилъ онъ со смущеннымъ и дѣланнымъ выраженіемъ лица, — мое здоровье не такъ плохо. Но я очень растроенъ. Моя должность становится для меня невыносимой. Ужасно неприятно, когда приходится исполнять только одни неприятныя порученія.

Эти слова бросили для меня лучъ свѣта и, воображивъ самое худшее, я спросилъ:

— Меня ждетъ фельдъ-егерь въ кибитки? Куда онъ долженъ меня отвести?

— Дѣло не такъ плохо, но императоръ приказалъ вамъ немедленно выѣхать изъ Митавы и до новаго распоряженія остановиться въ нашемъ имѣніи.

Я прочелъ предъявленную мнѣ бумагу, въ которой было сказано только то, что Ламсдорфъ передалъ мнѣ на словахъ.

— Что же я такое сдѣлалъ, — восклик-

нулъ я, — за что меня можно наказать ссылкой?

— Не знаю. Можетъ быть, вы что-нибудь написали?

— Можете ли вы думать нѣчто подобное о человѣкѣ, который долго служилъ въ Петербургѣ?

— Въ такомъ случаѣ нужно предполагать, что на васъ взведена какая-нибудь клевета отсюда. Если разсчитать время отправки фельдъ-егеря изъ Петербурга, то окажется, что онъ былъ посланъ спустя часъ или два послѣ прибытія почты изъ Митавы.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ по поводу этого непонятнаго наказанія, губернаторъ поднялся и сказалъ:

— Вы знаете, что приказы императора должны исполняться въ 24 часа. Не скрою отъ васъ, что фельдъ-егерю приказано возвращаться обратно только тогда, когда онъ убѣдится, что вы покинули уже Митаву.

Я вынулъ часы.

— Теперь четыре. Даю вамъ слово, что завтра раньше четырехъ часовъ я остановлюсь передъ вашимъ подъѣздомъ въ моемъ нагруженномъ чемоданами экипажѣ, чтобы попрощаться съ вами. Вы можете приказать фельдъ-егерю сопровождать меня, пока я не выѣду за предѣлы города.

Достойный Ламсдорфъ былъ глубоко тронутъ. Онъ сильно боялся впечатлѣнія, которое можетъ ссылка произвести на мою жену. Каждый невинный человѣкъ пойметъ мое положеніе. Легко сказать: невинность даетъ покой. Конечно это вѣрно въ смыслѣ сознанія своей правоты, но это не предохраняетъ отъ ударовъ, которые невозможно предвидѣть.

Вся кровь бушевала во мнѣ противъ низкаго клеветника. Большими шагами ходилъ я по своей милой залѣ, которую предстояло покинуть, чтобы, можетъ быть, умереть въ изгнаніи, которое каждую минуту становилось все тягостнѣе и суровѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если меня могли безъ всякой причины выслать изъ города, то могли меня и арестовать въ моемъ имѣніи и даже перевести отсюда въ крѣпость.

Я попросилъ зайти ко мнѣ одного изъ моихъ друзей, чтобы сдѣлать нѣкоторыя приготовленія къ моему отѣзду и че-

резъ него устроиться съ моей корреспонденцией. Въ счастью мое имѣніе находилось всего въ полутора верстахъ отъ Митавы, вслѣдствіе чего я могъ обезпечить за собою надежные и мало замѣтные способы для доставки мнѣ корреспонденціи.

Часть ночи я провелъ въ приготовленіяхъ къ новому переселенію и рано утромъ сообщилъ моимъ сестрамъ о происшедшей въ моей судьбѣ перемѣнѣ. Онѣ вызвались провести со мною недѣлю двѣ въ мѣстѣ моей ссылки. Старшая со мною пожелала отправиться вмѣстѣ со мною.

Мнѣ было очень жаль, что моя жена еще не пріѣхала. Мнѣ посоветовали послать ей кого-нибудь навстрѣчу, чтобы приготовить ее. Но такъ какъ это средство казалось мнѣ не особенно удобнымъ, то я рѣшился ждать ее до 3 часовъ.

Къ счастью она пріѣхала между 2 и 3 часами и чрезвычайно удивилась, видя, что мой экипажъ нагруженъ чемоданами и, видимо, приготовился къ отправленію въ дальній путь.

— Я уѣзжаю въ Бранденбургъ,—сказала я ей,—чтобы снова приняться за это имѣніе. Управляя сами, мы можемъ получить большой доходъ и, кромѣ того,—прибавилъ я, принудивъ себя улыбнуться, каждую минуту насъ можетъ постичь ссылка, какъ это уже и случилось со многими другими.

— Мы, значитъ, сосланы,—воскликнула она, блѣднѣя.

— А если бы даже и такъ, то какая разница будетъ для насъ жить въ 12 верстахъ отъ города.

— Такъ вотъ что мнѣ старался дать понять генералъ Бенкендорфъ!

Она рассказала мнѣ о загадочномъ разговорѣ, который происходилъ между нею и генеральшей фонъ-Ховенъ и смысла котораго она не могла уловить. Они, очевидно, подготавливали ее къ плохимъ вѣстямъ.

— Оставайся здѣсь,—сказала я,—ссылка тебя вѣдь не касается. Успокойся и приведи въ порядокъ наши дѣла, чтобы можно было провести зиму въ имѣніи. Время уходитъ и я долженъ ѣхать.

Я уѣхалъ въ экипажъ и вышелъ у дома губернатора, гдѣ мой фельдъ-егерь съ важной миной смотрѣлъ на часы,

зрѣлище, которое заставило меня содрогнуться.

Я поручилъ Ламсдорфу свою жену и онъ обѣщалъ мнѣ навѣстить ее, какъ только я отъѣду на нѣкоторое разстояніе отъ города, и служить ей всѣмъ, чѣмъ только можетъ. Я просилъ его передать мой нижайшій поклонъ Людовику XVIII и выразить сожалѣніе по поводу разлуки съ тѣми господами, съ которыми я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Прошло еще часа полтора—и я увидѣлъ себя сосланнымъ на вѣки въ имѣніе, которое отдано было въ аренду и въ которомъ я былъ всѣмъ чужой. Мое присутствіе здѣсь терпѣлось лишь въ силу высочайшаго повелѣнія.

Деревенская жизнь никогда не представлялась для меня привлекательной. Легко поэтому представить себѣ мое раздраженіе, которое меня ожидало здѣсь, куда я явился противъ моей воли и притомъ еще въ то время, когда поля и лѣса, лишенные своего убора, представляли печальную картину умиранія. Даже счастливый человѣкъ, если онъ только не имѣетъ привычки, едва ли долго выдержитъ при видѣ этой лишенной красокъ печальной картины. Каково же она должна была дѣйствовать на мою душу, удрученную горемъ, и на тѣло, ослабленное столькими потрясеніями. Черезъ нѣсколько дней моя жена пріѣхала ко мнѣ со свояченицей и, такимъ образомъ, насъ стало человѣкъ 5—6. Неприятное положеніе, когда у себя же не бываешь хозяиномъ, было для меня невыносимо. Поэтому я написалъ арендатору Кеттлеру и просилъ его уничтожить арендный договоръ, чему онъ былъ очень радъ, ибо обрадовываемый своимъ управляющимъ онъ почти не имѣлъ никакого дохода отъ этой аренды.

Губернаторъ рекомендовалъ моей женѣ держаться какъ можно замкнутѣе. Онъ предполагалъ, что императоръ истолкуетъ во зло необыкновенное участіе, которое мнѣ было выказано при моемъ возвращеніи. Въ самомъ дѣлѣ все дворянство оказало мнѣ огромную предупредительность и нашъ домъ никогда не былъ пустъ. Поэтому мы просили нашихъ друзей не подвергать насъ опасности и не дѣлать намъ визитовъ, которыхъ

пельзя было скрыть. Большую часть времени мы, сами того не замѣчая, проводили въ напрасныхъ попыткахъ разгадать загадку, которая измѣнила мою судьбу.

Наконецъ, я получилъ давно жданный отвѣтъ на посланное мною надежнымъ образомъ письмо къ одному изъ моихъ друзей.

«Императоръ впалъ въ неудовольствіе, узнавъ изъ письменнаго сообщенія изъ Митавы, будто вы посѣщаете балы и общественныя собранія и громко заявляете, что вскорѣ вы вернетесь ко двору еще съ большимъ блескомъ. «Онъ смѣетъ мнѣ перечить», - воскликнулъ императоръ. Хорошо, я зашлю его туда, гдѣ ему не передъ кѣмъ будетъ хвастаться».

«Паленъ, который былъ при этомъ, не сказалъ ни одного слова въ вашу пользу, между тѣмъ какъ Лопухинъ горячо держалъ вашу сторону и говорилъ такъ разумно, что совершенно смягчилъ гнѣвъ императора и тотъ сказалъ: «Напишите курляндскому губернатору, чтобы онъ отослалъ барона въ его имѣніе до новаго распоряженія. Паленъ рассказывалъ обо всемъ одному изъ своихъ друзей, который васъ не долюбиваетъ, и былъ чрезвычайно удивленъ участіемъ, которое принялъ въ васъ генераль-прокуроръ. Будьте покойны, въ скоромъ времени все можетъ переимѣниться».

Это письмо успокоило меня на нѣкоторое время; но мнѣ хотѣлось обнаружить автора письма изъ Митавы и я старался косвеннымъ образомъ опровергнуть клевету, жертвою которой я сталъ.

Моимъ друзьямъ долго не представлялось случая писать мнѣ съ безопасностью. Наконецъ, въ ноябрѣ 1798 г. получилъ я одно письмо. Вотъ одно мѣсто изъ него: «Ваша болѣзнь огорчаетъ меня больше, чѣмъ ваша ссылка, ибо въ столицѣ мы гораздо несчастнѣе васъ. Мы только и видимъ перевороты и ужасъ насъ охватываетъ насъ всѣхъ. Бѣдный генераль-фонъ-Ховенъ уволенъ потому, что его жена воспитывалась вмѣстѣ съ фрейлиной Нелидовой и всегда была съ нею въ дружбѣ. Растопчинъ перешелъ на гражданскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Паленъ получилъ Андреевскую

ленту, а его другъ Кутайсовъ орденъ св. Анны 1 степени съ брилліантами. Увѣряютъ, что онъ будетъ украшенъ еще мальтійскимъ крестомъ, ибо императоръ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался гротмейстеромъ, чувствуетъ себя абсолютнымъ властителемъ ордена. 17 октября происходила комедія объявленія Павла гротмейстеромъ Іоаннитовъ. Онъ считался уже ихъ покровителемъ, но этотъ титулъ болѣе подходилъ къ его императорскому достоинству. Всѣ гротмейстеры до сего времени выбирались изъ числа подданныхъ другихъ государей. Но Литта надѣется, что ему, въ качествѣ намѣстника, придется исполнять обязанности гротмейстера и онъ такимъ образомъ можетъ извлечь кое-какую пользу для себя.

«Между тѣмъ императоръ своимъ торжественнымъ указомъ отъ 23 ноября 1798 г. далъ намъ новаго святого. Это монахъ Θεодосій Толмскій, тѣло котораго было погребено въ 1558 г. и обрѣтено нетлѣннымъ въ 1796 г. Населяя небо святыми, а улицы Петербурга рыцарями, онъ воображаетъ, что усиливаетъ свою власть съ помощью неба и надѣется современемъ быть самому на небѣ. Шайка продолжаетъ выдерживать его въ свѣихъ идеяхъ и постоянно возрастающая плѣнительность ихъ можетъ надѣлать не мало вреда. Дризенъ только что назначенъ курляндскимъ губернаторомъ, онъ уѣзжаетъ немедленно. Онъ можетъ замѣнить Ламсдорфа, но не въ состояніи заставить его забыть. Какая разница между тѣмъ и другимъ!»

Это письмо крайне огорчило меня. Я очень уважалъ Ламсдорфа и хотя зналъ и Дризена за хорошаго человека, неспособнаго сознательно приносить вредъ; однако мнѣ было извѣстно, что онъ во время проживанія въ Курляндіи, безпрестанно просилъ то пособія, то подарковъ и что на свой постъ онъ не несетъ съ собою репутацію отзывчиваго, великодушнаго и безкорыстнаго правителя.

Лишь только онъ прибылъ въ Митаву, я поручилъ одному изъ моихъ друзей позондировать его насчетъ его намѣреній относительно меня. Мнѣ было извѣстно, что секретнымъ распоряженіемъ императоръ поставилъ всѣхъ удаленныхъ подъ надзоръ губернаторовъ. Дризенъ отвѣчалъ

моимъ друзьямъ съ таинственнымъ видомъ: «Могу вамъ только сказать, что будетъ хорошо, если его перестанутъ навѣщать въ его имѣніи. Этотъ совѣтъ я даю не какъ губернаторъ, а какъ другъ».

Этотъ совѣтъ убѣдилъ меня, что Ламсдорфа удалили только для того, чтобы имѣть въ Курляндіи креатуру Кутайсова, которая дѣйствовала бы подъ руководствомъ шайки, и что я, очевидно, значусь въ таинственномъ списокѣ лицъ, которые должны быть «подъ присмотромъ».

Однажды вечеромъ, рассказывая взадъ и впередъ по комнатѣ, я вдругъ почувствовалъ слабость и упалъ на ближайшій стулъ. Моя жена, испуганная моимъ обморокомъ, послала въ Митаву за нашимъ врачомъ, но бѣдный старикъ былъ самъ нездоровъ. Онъ явился только на другой день, и не смотря на его успокоительныя улыбочки, я понималъ, что мое положеніе опасно. На слѣдующую ночь со мной сдѣлались судороги, но, пролежившись дней восемь, я сталъ чувствовать себя лучше. Между тѣмъ нашъ докторъ объявилъ, что по своей старости и по множеству у него пациентовъ онъ не можетъ меня навѣщать такъ часто, какъ бы онъ хотѣлъ. Тогда я рѣшился написать генераль-прокурору Лопухину хлопотать у императора милость—позволить мнѣ лѣчиться въ Митавѣ. На это письмо я получилъ очень вѣжливый отвѣтъ съ копіей указа, даннаго Дризену. 28 января я получилъ официальное уведомленіе отъ губернатора и 2 марта опять былъ въ Митавѣ, гдѣ моя жена уже заранѣе все приспособила.

Въ качествѣ больного я былъ избавленъ отъ всякихъ визитовъ. Дризень получилъ орденъ св. Анны первой степени и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать ему подарокъ. У меня была массивная звѣзда этого ордена отличной берлинской работы. Ее то я и послалъ къ нему вмѣстѣ съ лентой. Это вызвало его визитъ ко мнѣ и увѣренія въ почтеніи и преданности. Онъ повторилъ мнѣ совѣтъ видаться по возможности съ немногими лицами, «ибо, прибавилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, мы окружены шпионами, и вы лучше всякаго другого знаете, какъ дѣйствуетъ императоръ, если онъ на кого-нибудь сердитъ».

Поэтому я просилъ своихъ друзей не являться ко мнѣ одновременно, но посѣщать меня по одиночкѣ, чтобы было не такъ замѣтно.

Аббатъ Мари и другіе французы явились ко мнѣ съ визитомъ утромъ, герцогиня Де-Гише и другія дамы вечеромъ. Онѣ посѣтили и мою жену, которая не была ни въ ссылкѣ, ни въ немилости.

Общество въ такой же мѣрѣ содѣйствовало моему выздоровленію, какъ и врачи. Но судороги у меня продолжались, я ослабъ и сталъ нервнымъ. Докторъ посоветовалъ мнѣ ѣхать въ Карлсбадъ и при случаѣ я рѣшилъ переговорить объ этомъ съ Дризеномъ, тотъ обиняками далъ понять, что это будетъ стоить около тысячи рублей. Я нашелъ, что это немножко дорого и такъ какъ многіе изъ моихъ знакомыхъ съ успѣхомъ лѣчились въ мѣстномъ курортѣ Балдонѣ, то я снова обратился въ Лопухину за разрѣшеніемъ отправиться на этотъ курортъ. Разрѣшеніе это могъ бы мнѣ дать и Дризень, такъ какъ курортъ находился въ предѣлахъ его губерніи. Но съ нимъ трудно было имѣть дѣло, такъ какъ онъ настаивалъ на буквальномъ смыслѣ указа «разрѣшить лѣчиться въ Митавѣ».

Лопухинъ немедленно отвѣтилъ, что императоръ дастъ мнѣ разрѣшеніе и что онъ самъ лично желаетъ, чтобы мое здоровье поправилось.

Это было много для человѣка, впавшаго въ опалу. Бумага произвела сенсацию и уже думали, что она знаменуетъ возвращеніе милости государя. Но такое мнѣніе было ошибочно: шайка слишкомъ ненавидѣла меня и старалась держать меня какъ можно дальше.

Новости изъ Петербурга гласили: Лопухинъ, которому стало въ тягость его положеніе, настойчиво требовалъ отставки. Напрасно его и его дочь осыпали титулами и богатствомъ: его душа возмущалась противъ несправедливостей, которыя совершались вслѣдствіе неуравновѣшанности Павла и злобности тѣхъ, кто его окружалъ. Благоволеніе къ Палену увеличивалось съ каждымъ днемъ. Онъ былъ сдѣланъ графомъ, точно также, какъ его другъ Кутайсовъ, которому дали званіе оберъ-егеймстера съ оставленіемъ въ должности гардеробмейстера, чтобы прикрыть его прежнюю обязан-

ность парикмахера, которая, однако, продолжала лежать на немъ.

Г. М. проѣздомъ черезъ Мятаву увѣрялъ меня, что у Палена множество враговъ. Особенно опасны для него генералъ Архаровъ, который тоже получилъ графскій титулъ, и генералъ Кологривовъ, которые и не скрываютъ своей ненависти къ нему.

Первый вышелъ изъ Гатчины и былъ превосходнымъ артиллерійскимъ офицеромъ, неутомимо-дѣятельнымъ. Императоръ любилъ его, какъ собственное созданіе, но онъ отличался желчностью, былъ плохо образованъ и въ военныхъ кругахъ навлекъ на себя всеобщую ненависть. Второй былъ наѣздникомъ, превосходно сидѣлъ на лошади и отличался красивой наружностью. Павелъ, считая его храбрцомъ, такъ какъ онъ бесовѣстно хвасталъ, быстро повышалъ его, чтобы назначить его командиромъ гвардейскаго гусарскаго полка. Боясь быть убитымъ, онъ приказывалъ ему спать съ нимъ въ одной комнатѣ, и это обстоятельство сдѣлало Кологривова настолько же наглымъ, насколько онъ былъ невѣжествененъ.

Этотъ Кологривовъ имѣлъ глупость сказать однажды грубость Палену. Не смущаясь мнимой отвагой своего противника или въ полной увѣренности, что онъ не будетъ имѣть при дворѣ никакого успѣха, Паленъ обошелся съ нимъ крайне оскорбительно и осыпалъ его бранью. Такой энергичный языкъ заставилъ нахала замолчать, но съ этого времени они симпатизировали другъ другу еще менѣе, чѣмъ прежде.

Открытая вражда этихъ двухъ лицъ пошла только въ пользу Палена въ тѣхъ кругахъ, которые ненавидѣли Архарова и Кологривова.

Что меня больше всего удивило, такъ это внезапная отставка Литты. Благоволеніе, которымъ онъ пользовался, казалось, гарантируетъ его отъ всякихъ нападковъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на его итальянскую хитрость и пронырливость, противъ него нашли средство и показали императору письма его брата нунція, который, не смотря на свое званіе папскаго посла, былъ высланъ за границу.

Мѣсяца за три до этого, на одномъ изъ парадовъ, императоръ внезапно объявилъ

во всеобщее свѣдѣніе: «Фельдмаршалъ князь Репнинъ увольняется въ отставку съ мундиромъ». При всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ князь Репнинъ обладалъ душой настоящаго придворнаго—этимъ сказано все. Онъ былъ внѣ себя отъ этой отставки и писалъ всѣмъ, кто былъ въ милости, но ни у кого не оказалось ни мужества, ни желанія ему помочь.

Не могу умолчать о поведеніи Репнина по отношеніи къ Суворову, когда тотъ получилъ отставку. Павелъ приказалъ объявить въ дневномъ приказѣ, что «фельдмаршалъ Суворовъ, который увѣряетъ, что въ мирное время онъ бесполезенъ, увольняется въ отставку». Такъ какъ императоръ не упомянулъ о разрѣшеніи ему носить мундиръ, то старый фельдмаршалъ, получивъ приказъ, велѣлъ выкопать у себя въ саду яму въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своихъ оконъ и поставить туда открытый ящикъ. Когда все было готово, онъ явился въ полной парадной формѣ, со всѣми орденами. Сбѣжались его слуги и окрестные крестьяне, среди которыхъ только-что пронеслась вѣсть о его увольненіи. Приблизившись къ краю ямы, Суворовъ началъ снимать съ себя орденъ и, поцѣловавъ ихъ, бросилъ въ ящикъ. Вслѣдъ за орденами послѣдовала шпага, шляпа и мундиръ. Затѣмъ онъ заперъ ящикъ, облачился въ крестьянскую одежду, которую держалъ наготовѣ слуга, и громко сказалъ: «Фельдмаршала Суворова больше не существуетъ; бросимъ въ землю отличіе, полученные имъ за свою службу, и похоронимъ ихъ».

Когда церемонія окончилась, онъ началъ опять: «Фельдмаршала Суворова больше нѣтъ, но живъ еще Суворовъ, вѣрноподанный Его Императорскаго Величества, чтобы молиться за своего государя». При этихъ словахъ онъ бросается на колѣни и начинаетъ молиться за государя и отечество. Поднявшись, онъ обнялъ офицера, принявъ отъ него указъ объ отставкѣ, поцѣловалъ двухъ стариковъ изъ крестьянъ и сказалъ имъ: «Вы платите мнѣ нѣсколько тысячъ рублей. Теперь мнѣ эти деньги не нужны и вы будете мнѣ давать рублей 500 въ годъ на жизнь, этого для меня хватитъ». Съ этими словами онъ пустился въ плясъ и, прыгая, вернулся домой.

Выше я говорилъ, что общество французовъ оказало благотворное вліяніе на мое настроеніе, а, стало быть, и на здоровье. Поэтому мнѣ слѣдовало бы разсказать о прибытіи въ городъ супруги Людовика XVIII и madame Royale (сестры Людовика), которое обѣщало сообщить нашему городу особый блескъ. Но день прибытія королевы ознаменовался неприятнымъ скандаломъ, который имѣлъ очень грустныя послѣдствія для Людовика.

Въ то время, какъ экипажъ королевы приближался въ ряду другихъ къ замку, всѣ съ изумленіемъ увидали, что изъ вереницы ихъ одинъ отдѣлился и направился прямо къ дому губернатора. Въ этомъ экипажѣ сидѣла камерфрау королевы. Ей предложили сойти и показали приказъ Людовика XVIII, въ силу котораго она должна быть отправлена обратно за границу съ запрещеніемъ когда-либо приближаться къ королевѣ.

Эта камерфрау подняла громкіе вопли о вѣроломствѣ, какъ она выражалась, и разсказывала передъ собравшейся толпою ужасныя вещи про Людовика. Въ то время, какъ она обращалась къ королю съ цѣлымъ потокомъ словъ, королева замѣтила, что нѣтъ ея дорогой Курвилльонъ и съ нетерпѣніемъ спрашивала о ней. Тогда ей доложили, что ея августѣйшій супругъ считаетъ эту женщину подстрекательницей и причиною возникшихъ между ними недоразумѣній и потому счелъ за лучшее отослать ее обратно. При такомъ извѣстіи королева потеряла свою сдержанность, вышла изъ себя, рѣшила сейчасъ же ѣхать обратно, жаловалась на вѣроломство и показывала подлинное письмо короля, гдѣ стояло: «Вы можете взять съ собою Курвилльонъ, если вы считаете ее для себя необходимою».

Эта исторія сдѣлалась злобою дня. Митавскіе якобинцы были отъ нея въ восторгѣ и забавлялись этимъ происшествіемъ. Это меня возмущало. Я говорилъ съ однимъ господиномъ, который мнѣ сознался, что король поступилъ неправильно, послѣдовавъ совѣту С. Приста, который склонилъ его къ такому некорректному шагу, который во всякомъ случаѣ слѣдовало бы смягчить. Между тѣмъ Курвилльонъ была отослана въ Вильну

и тамъ поселилась въ одномъ изъ монастырей съ обязательствомъ оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока король не рѣшитъ окончательно ея судьбу. Оттуда она нашла случай написать императору, который приказалъ ей явиться въ Петербургъ, гдѣ она яростно нападала на короля. Пока, впрочемъ, мы оставимъ ее въ монастырѣ.

Едва прибыла madame Royale, какъ Людовикъ XVIII получилъ согласіе императора на обрученіе ея съ герцогомъ Англемскимъ. Павелъ написалъ невестѣ любовное письмо и прислалъ ей въ подарокъ брилліантовое кольцо.

На торжество были приглашены всѣ именитые люди Митавы. Я не рѣшился туда отправиться, но моя жена была на этой церемоніи. Насколько madame впускала всѣмъ симпатію къ себѣ, настолько же капризное поведеніе королевы не нравилось никому. Она держала себя безъ достоинства и всегда была въ дурномъ расположеніи духа. Въ день представленія она не сказала ни съ кѣмъ ни слова, такъ что никто изъ дамъ не хотѣлъ являться къ ней во второй разъ. Между тѣмъ въ ея свитѣ было нѣсколько очень привлекательныхъ дамъ: герцогиня де Серранъ съ двумя дочерьми, графиня Нарбонская, госпожа Дамасъ, которая скрашивала наше уединеніе и о которой я долженъ вспомнить съ благодарностью.

Когда начался сезонъ, мы отправились въ Бальдонъ, но недѣли черезъ три бѣжали оттуда отъ скуки. Только что вернулись мы въ городъ, какъ меня разбудили въ 4 часа утра и подали письмо отъ моей племянницы, госпожи Тормасовой, слѣдующаго содержанія:

«Я въ страшномъ отчаяніи. Императоръ только что уволилъ моего мужа отъ службы и сослалъ въ крѣпость Динабургъ. Мой мужъ сегодня ночью прѣзжаетъ черезъ Митаву, а я пріѣду сюда нѣсколькими часами раньше. Я не оставлю его и, надѣюсь, не совершать варварства и не откажутъ мнѣ въ разрѣшеніи раздѣлять его участь, ибо онъ боленъ и его едва не разбилъ параличъ».

Это неожиданное событіе сильно подѣйствовало на мои нервы, ибо я очень любилъ Тормасовыхъ. Комендантъ крѣпости генераль Шиллингъ, рискуя лишиться своего мѣста, всячески старался

облегчить положеніе ссыльнаго. Онъ позволилъ госпожѣ Тормасовой остаться при мужѣ, а такъ какъ мѣстный генераль-губернаторъ Бенкендорфъ былъ въ близкой дружбѣ съ Тормасовымъ, то комендантъ смотрѣлъ сквозь пальцы на все, что могло скрасить дни опальнаго.

Невольно является вопросъ, какое же преступленіе совершилъ Тормасовъ, если его подвергли столь суровому наказанію? Императоръ поручилъ командованіе литовскимъ дивизиономъ одному генералу, который былъ моложе Тормасова. Послѣдній въ порывѣ раздраженія написалъ государю, что онъ готовъ исполнять приказы Его Величества, но не можетъ служить подъ начальствомъ младшаго сослуживца и потому проситъ уволить его въ отставку. Конечно, съ формальной точки зрѣнія онъ не правъ. Но при всей его винѣ онъ не заслуживаетъ однако тройнаго наказания: 1) у него отняли полкъ и генеральское достоинство, 2) отняли у него мундиръ и 3) заключили его въ крѣпость.

Черезъ нѣкоторое время Тормасова выпустили на свободу, но приказали ему жить у себя въ деревнѣ. Такъ какъ у его жены было имѣніе въ Курляндіи, то ему пришлось отправиться туда и проводить время недалеко отъ Митавы не безъ удовольствія.

Допухинъ получилъ, наконецъ, отставку и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Беклешовъ, бывшій сначала рижскимъ губернаторомъ а затѣмъ генераль-губернаторомъ въ Орлѣ и Курскѣ. Должность эта такова, что сила ея чувствуется во всей Имперіи и одинакова страшна какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Генераль-прокуроръ есть око государя, а прокуроры по всей Имперіи его помощники, [которые обязаны не только смотрѣть за исполненіемъ закона, но и тайно доносить своему начальнику о всемъ, что можетъ касаться безопасности государя или управленія государствомъ.

Выборъ новаго генераль-прокурора встрѣтилъ повсемѣстно одобреніе. Беклешовъ, будучи Лифляндскимъ губернаторомъ, стяжалъ себѣ репутацію честнаго человѣка, которую и сохранилъ за собою на всѣхъ должностяхъ. Онъ свободно говорилъ по-нѣмецки и хорошо владѣлъ

французскимъ языкомъ, такъ что всѣ были довольны, что съ нимъ можно объясняться безъ переводчика.

Я зналъ Беклешова въ Петербургѣ, но знакомство наше было поверхностное. Тѣмъ не менѣе я былъ очень радъ этому назначенію, будучи увѣренъ, что онъ пойдетъ по прямому пути. Паленъ, отлично знавшій его по Ригѣ, хотѣлъ сдѣлать видъ, будто онъ способствовалъ этому назначенію, но я изъ вѣрныхъ источниковъ знаю, что императоръ самъ возымѣлъ эту мысль.

Фаворъ Палена и Растопчина увеличивался со дня на день. Послѣдній получилъ въ управленіе почту и пожалованъ Андреевской звѣздой. Черезъ нѣсколько дней Кутайсовъ получилъ орденъ Александра-Невскаго.

Пока эти господа незаслуженно пользовались милостями государя и Суворовъ достигъ высшихъ почестей. 8 августа императоръ пожаловалъ его титуломъ графа Италійскаго, а 26 издалъ приказъ воздавать ему воинскія почести, какія полагаются императору, хотя бы послѣдній и былъ самъ въ столицѣ. Великій князь Константинъ, который находился при побѣдоносной арміи, получилъ титулъ цесаревича.

Растопчинъ уже давно мѣтилъ на должность государственнаго канцлера и исполнялъ его обязанности съ тѣхъ поръ, какъ былъ назначенъ членомъ департамента иностранныхъ дѣлъ. Кочубей былъ уволенъ, а вице-канцлеромъ назначенъ гр. Панинъ. Мы скоро увидимъ тайную побудительную къ этому причину и убѣдимся, что всѣ эти насильственные перемѣны, которыя ставятся насчетъ Павлу, являются только слѣдствіемъ глубоководной комбинаціи и такой искусной паутины, что для этого нужна была дьявольская ловкость.

Какъ бы сами собой пошли толки противъ Беклешова и такъ какъ онъ сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія, то его опала была рѣшена. Ему готовились тысячи неприятностей. Такъ какъ онъ имѣлъ смѣлость противорѣчить государю, когда тотъ пускался въ юридическіе вопросы и хотѣлъ рѣшать ихъ безъ всякаго разбирательства, то ему стали ставить въ упрекъ его наставительный тонъ и медленное веденіе дѣлъ.

Павель замѣнилъ его генераломъ Обольяниновымъ, справедливость котораго Паленъ провозносилъ до небесъ и о которомъ онъ говорилъ съ уваженіемъ, когда, уже послѣ смерти Павла, я прѣхалъ въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣ жалѣли и Беклепова, не смотря на рѣзкія манеры. Незадолго до своей отставки онъ былъ назначенъ курляндскимъ вице-губернаторомъ на мѣсто уволеннаго въ отставку Гурко Арсеньева.

Фрейлина Нелидова заболѣла въ имѣніи Буксгевденовъ. Такъ какъ ей грозила опасность ослѣпнуть, то она просила у государя позволенія вернуться въ ея любимый Смольный институтъ, чтобы лечиться тамъ у своего прежняго врача и вмѣстѣ съ тѣмъ просила за Буксгевдена, который хотѣлъ ѣхать съ семьей за границу.

Императоръ не только разрѣшилъ ей все это, но даже прислалъ за нею придворные экипажи. Возвращеніе Нелидовой сильно встревожило заговорщиковъ: они боялись возможныхъ послѣдствій встрѣчи Павла и Нелидовой.

Тогда пущены были въ ходъ всѣ средства, чтобы отклонить императора отъ его намѣренія посѣтить его прежнюю больную пріятельницу. Онъ уже началъ совершать прогулки по направленію къ Смольному, но Кутайсовъ, который въ своей новой должности оберъ-шталмейстера всегда его сопровождалъ, сумѣлъ возбудить самолюбіе Павла и такимъ образомъ помѣшалъ ему сдѣлать первый шагъ къ сближенію.

Съ другой стороны императрица замѣтила, что Павель колеблется и, очевидно, желаетъ повидаться съ Нелидовой, поспѣшила дать этому примиренію напрасную торжественность. Она устроила блестящій вечеръ, на которомъ общалъ быть и императоръ. Шайка уже считала себя погибшей, и графиня Лопухина и Кутайсовъ старались вызвать у императора непріятное чувство, что онъ опять попадаетъ въ сѣти императрицы и Нелидовой.

Павель долго колебался и въ 7 часовъ вечера послалъ сказать, что онъ не будетъ. Онъ сдѣлалъ больше: онъ торжественно общалъ Лопухиной никогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ живетъ Нелидова.

Какія многообразныя послѣдствія, какія счастливыя перемены могъ бы принести одинъ часъ разговора, при которомъ заговорило-бы долго сдерживаемое желаніе задушевности и дружбы, которой была нанесена такая рана. Необыкновенная впечатлительность Павла ожила бы отъ воспоминаній стараго, которое всегда дѣйствуетъ такъ сильно и та цѣль дѣятельности, которую ему указала бы безкорыстная дружба, вывела бы его на правильный путь, съ котораго его постарались совратить.

Спустя нѣкоторое время я былъ приятно изумленъ визитомъ гр. Вельегорскаго, который прѣзжалъ черезъ Митаву. Онъ сообщилъ мнѣ, что опала съ него снята и что онъ даже надѣется опять поступить на службу. Эта новость доставила мнѣ тѣмъ большее удовольствіе, что я видѣлъ здѣсь счастливое предназначеніе для самого себя.

Моя жена написала Нелидовой письмо, въ которомъ освѣдомлялась о ея здоровьи. Въ отвѣтъ послѣдняя, между прочимъ, писала: «Я поставила себѣ закономъ не видаться ни съ кѣмъ, кромѣ подругъ по институту и отъ этого твердаго рѣшенія отступать не хочу». Въ самомъ дѣлѣ она ни разу не прѣзжала въ городъ и проводила жизнь въ большомъ уединеніи.

Едва уѣхалъ Вельегорскій, какъ явился ко мнѣ старшій сынъ Шуазеля съ извѣстіемъ, что его отецъ и генералъ Ламбертъ высланы. Онъ между прочимъ сообщилъ, что его отецъ собирается насъ посѣтить. Моя жена была очень испугана этимъ посѣщеніемъ, опасаясь, что она надѣлаетъ намъ бѣдъ. Она просила его передать отцу наше извиненіе въ томъ, что мы не рѣшаемся принять его у себя, такъ какъ мы сами значимся въ списки лицъ, подвергшихся высылкѣ.

Поведеніе императора относительно Шуазеля и Ламберта встревожило меня за участь Людовика XVIII. Я говорилъ объ этомъ съ аббатомъ Мари. По всѣ эти господа до того были увѣрены въ благосклонности Павла, что я не настаивалъ на своихъ предостереженіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ императоръ предложилъ королю скрѣпить узы связавшей ихъ дружбы и братства и принялъ орденъ св. Духа и св. Лазаря, приславъ съ своей стороны королю орденъ св.

Андрея Первозваннаго и крестъ ордена Иоаннитовъ. Король воспользовался случаемъ и пожаловалъ орденъ св. Лазаря Палену, Растопчину и Панину. Съ разрѣшенія императора тотъ же орденъ былъ пожалованъ митавскому губернатору и генералу барону Ферзену. Везти въ Петербургъ орденъ св. Духа было поручено аббату де Фирмонъ, а орденъ св. Лазаря г. Коссе. Оба они были осыпаны знаками милости. Де Фирмонъ говорилъ, что невозможно быть любезнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ былъ Павелъ въ бесѣдѣ съ нимъ.

Легко понять, что со стороны Людовика XVIII и окружавшихъ его это было проявленіе новой угодливости, которая должна была увлечь Павла. Всѣ питали твердую увѣренность, которой я, однако, не раздѣлялъ, о чемъ я со своей обычной прямою и сказалъ аббату Марк. Но со свойственной французамъ учтивостью мнѣ замѣтили, что вслѣдствіе своей личной неудачи вещи представляются мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ и что можно вполне полагаться на лояльность Павла и на поддержку Растопчина.

Между тѣмъ наступилъ купальный сезонъ. Мы отправились въ Бальдонъ и встрѣтили тамъ бывшаго генераль-прокурора Беклешова, бывшаго президента академіи художествъ и бывшаго посланника гр. Шуазель - Гуффрѣ, бывшаго генерала Экеля и многихъ другихъ бывшихъ, которые всѣ искали хотя нѣкотораго облегченія своихъ физическихъ немощей, и въ этомъ находили единственное развлеченіе отъ своихъ нравственныхъ страданій.

Несчастіе сближаетъ людей въ особенности, если они испытали одинаковую несправедливость. Деревенскій храмъ Наядъ служилъ для насъ сборнымъ пунктомъ. Въ началѣ разговоры шли о болѣзни и тщательно избѣгали взаимнаго сближенія изъ опасенія шпіоновъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней мы замѣтили двѣ три подозрительныя фигуры. Но было не трудно держаться отъ нихъ подальше или направить ихъ на ложный слѣдъ.

Я былъ очень радъ, что познакомился съ Беклешовымъ поближе. Его открытое лицо, его простое, хотя нѣсколько рѣзкое обращеніе понравились мнѣ. Не говоря

про императора ни дурного, ни хорошаго, мы толковали о разныхъ мѣропріятіяхъ и я не слыхалъ отъ него ни одного несправедливаго приговора, хотя и не всегда былъ согласенъ съ нимъ относительно нѣкоторыхъ лицъ, насчетъ которыхъ у него были свои предразсудки. Однажды разговоръ зашелъ о моемъ печальномъ положеніи и онъ сказалъ мнѣ:

— Вы напрасно считаете его хуже, чѣмъ оно есть. У меня былъ списокъ лицъ, которыя должны находиться подъ надзоромъ. Могу васъ увѣрить, что вы тамъ не значились. И если дѣлаютъ видъ, будто имѣютъ относительно васъ спеціальныя распоряженія, то это просто уловки, которыя позволяютъ въ провинціи, чтобы предать себѣ больше вѣсу.

Съ этого момента онъ поразказалъ мнѣ много интереснаго и я почувствовалъ къ нему чувство истиннаго уваженія, которое во мнѣ не такъ-то легко возбудить. Онъ ни слова не говорилъ о Паленѣ, но такое молчаніе объясняло все. Избѣгалъ онъ говорить и о Кутайсовѣ, но когда произносилось это имя, презрѣніе выражалось на его лицѣ.

Съ графомъ Шуазель я видѣлся довольно часто. Мы вмѣстѣ присутствовали, бывало, при дворѣ на малыхъ выходахъ, вмѣстѣ, бывало, тамъ ужинали. Такъ какъ судьба наша была одинакова, то мы и бесѣдовали между собою съ полной откровенностью. Въ общемъ бесѣдовать съ нимъ было пріятно, но въ концѣ концовъ становилось ясно, что онъ очень образованъ, но не глубоко. Онъ отлично усвоилъ нѣсколько идей, бывшихъ тогда въ модѣ, но мало думалъ и мало размышлялъ. Его поверхностность сообщала ему свѣтскій лоскъ. Природа сдѣлала для него все, но лѣтъ и удовольствіе похитили у него слишкомъ много времени и не дали ему возможности оцѣнить какъ слѣдуетъ свои таланты.

По возвращеніи изъ Бальдона я получилъ письмо изъ столицы, помѣченное 15 сентября 1800 г. Велико было мое изумленіе, когда я прочелъ: «Паленъ только что потерялъ мѣсто генераль-губернатора, его сынъ, полковникъ коннаго полка, удаленъ изъ столицы и въ тотъ моментъ, когда я пишу, его экипажи стоять на готовѣ. Онъ ожидаетъ приказа присоединиться къ своей

визія, ибо у насъ готовится война съ Англіей, вслѣдствіе чего начинается передвиженіе войскъ. Около Гатчины будутъ большія маневры».

Черезъ нѣсколько дней мнѣ снова писали: «Положеніе Палена лучше, чѣмъ когда-либо. На маневрахъ онъ командуетъ одной арміей, а Кутузовъ другой. Императоръ внѣ себя отъ радости, что у него въ арміи два такихъ тактика. Онъ сдѣлалъ имъ подарки и наградилъ офицеровъ и генераловъ, какъ будто была одержана большая побѣда.

Тѣ, кто знаетъ подкладку комедіи, говорятъ, что войдетъ въ силу Дябичъ¹⁾. Онъ подкупилъ императора тѣмъ, что скрывалъ отъ него его малѣйшіе промахи. Пройдоха-пруссакъ каждую минуту выкрикивалъ по-нѣмецки: «О, великій Фридрихъ! Еслибъ ты только видѣлъ армію Павла! Она выше твоей!» Этотъ льстивый энтузіазмъ совершенно покорилъ сердце императора. Умѣли очень ловко возбудить его воображеніе и направить его на какую-нибудь яко-бы справедливость, которую нужно было воздать нашимъ войскамъ, которые де всѣ движенія исполняютъ съ величайшей пунктуальностью.

Ко всѣмъ своимъ должностямъ Паленъ присоединилъ еще должность Эстляндскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго генерал-губернатора. Такимъ образомъ, его власть распространилась теперь на важнѣйшія вслѣдствіе своихъ гаваней провинціи.

Дризенъ вдругъ потерялъ свое мѣсто губернатора, на которое былъ назначенъ вице-губернаторъ Арсеньевъ. А его замѣстилъ прокуроръ Брискорнъ, переведенный сюда изъ Казани.

Англія снова отняла у французовъ островъ Мальту. Павелъ потребовалъ, чтобы этотъ пунктъ пребыванія ордена, котораго онъ былъ гротмейстеромъ, былъ возвращенъ, но ему отвѣтили, что такъ какъ императоръ всероссійскій выступилъ изъ коалиціи еще до завоеванія этого острова, то вопросъ о его возвращеніи будетъ предметомъ сужденія при выработкѣ будущихъ условій мира и что до

¹⁾ Этотъ Дябичъ былъ адъютантомъ Фридриха II. Такъ какъ онъ зналъ малѣйшіе подробности жизни великаго короля, то Павелъ рѣшился подражать ему въ самыхъ смѣшныхъ мелочахъ и копчилъ тѣмъ, что сталъ обо всемъ судить съ точки зрѣнія Фридриха.

того времени Англія не можетъ дать какого-либо положительнаго отвѣта.

Не смотря на мягкую форму, въ которую Сентъ-Джемскій кабинетъ облекъ свой отказъ, Павелъ впалъ въ страшный гнѣвъ. Онъ сейчасъ-же распорядился (14 октября 1800 г.) конфисковать всѣ англійскія суда, бывшія въ нашихъ гаваняхъ, а затѣмъ (18 октября) распродалъ это распоряженіе на всякія имущества и товары, принадлежавшіе англичанамъ.

Насильственные мѣры вызвали необыкновенное возбужденіе въ Петербургѣ и въ Ригѣ, гдѣ были гавани съ миллионнымъ оборотомъ. Узнавъ объ этомъ, я сказалъ своимъ друзьямъ: императоръ затѣялъ большую игру. Французскіе яacobинцы, съ которыми онъ обращается по заслугамъ, безъ сомнѣнія, питаютъ къ нему особенную ненависть. И если теперь наши гавани закрываются для англичанъ, а ихъ имущество подвергается секвестру, то нужно опасаться, что среди людей, которые ввергнуты этимъ въ нищету, найдется человекъ, способный на все.

Между тѣмъ окружающіе Павла, казалось, съ одобреніемъ приняли подобную выходку. Геній Бонапарта замѣтилъ этотъ моментъ раздраженія противъ Лондонскаго двора. Онъ сдѣлалъ Павлу лестныя предложенія сначала черезъ Берлинъ, а затѣмъ и непосредственно отъ себя. Бумага была составлена такъ ловко и исполнена такой тонкой лести, что Павелъ забылъ свою ненависть къ Франціи и сталъ сближаться съ правленіемъ, которое онъ только что гналъ огнемъ и мечомъ.

Паленъ сдѣлался главной пружиной во всѣхъ дѣлахъ. Онъ предложилъ императору одну изъ самыхъ рискованныхъ мѣръ, которая была какъ разъ по вкусу Павлу.

— Вашему Величеству угодно было наказать исключеніемъ изъ арміи весьма значительное количество офицеровъ. Въ этомъ числѣ, безъ сомнѣнія, есть и такіе, которые исправились и могли бы усердно нести службу, если бы имъ выпало счастье снова вернуться въ армію.

— Вы правы, — отвѣчалъ императоръ, — я ихъ всѣхъ прощаю и разрѣшаю принять ихъ немедленно.

Вотъ примѣръ того, какъ охотно дѣ-

лалъ онъ добро и какъ можно было направить къ добру его черезчуръ большую впечатлительность.

1-го ноября былъ изданъ манифестъ, въ силу котораго всѣ отрѣшенные и исключенные изъ службы могли вернуться обратно, если только они не подверглись формальному судебному осужденію. Но въ манифестѣ была прибавка, которая поразила всѣхъ мыслящихъ людей. Всѣмъ отрѣшеннымъ и уволеннымъ по всей огромной имперіи отъ Иркутска до Прусской границы было приказано явиться лично въ Петербургъ.

Эта прибавка повергла въ отчаяніе тѣхъ, кому, при недостаткѣ средствъ, предстояло совершить путешествіе въ 3—4000 верстъ, а затѣмъ, пожалуй, и еще столько же и притомъ только для того, чтобы вернуться къ своимъ прежнимъ полкамъ. Было бы гораздо проще, если-бы тѣ офицеры, которые пожелали бы снова вступить въ службу, являлись бы къ военному губернатору своей губерніи, а тотъ посылалъ бы ихъ прошенія ко двору и сообщалъ бы имъ, куда имъ слѣдовало отправляться. Прибавка уничтожало все это добро, которое хотѣлъ сдѣлать императоръ.

И вотъ можно было видѣть, какъ офицеры генеральнаго штаба, многіе съ Георгіевскими крестами или съ орденомъ св. Владимира, пѣшкомъ или верхомъ на тощей лошади или въ кибиткахъ, тащились въ Петербургъ. Многіе должны были просить милостыню, чтобы добраться сюда.

Павель, конечно, могъ устранить всѣ эти затрудненія, стоило ему только вдуматься въ дѣло. Но это страшно изумило бы тѣхъ, кто посовѣтовалъ ему совершить этотъ актъ благодѣянія и безъ сомнѣнія, лучше его зналъ о положеніи офицеровъ!

Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ былъ сзывать въ столицу сразу огромное число недовольныхъ? Развѣ не было заранѣе извѣстно, что обратно примутъ не всѣхъ? Развѣ не слѣдовало опасаться, что люди, ожесточенные нищетой и голодомъ, видя, что ихъ вторично выбрасываютъ со службы, могутъ придаться всякимъ проявленіямъ отчаянія?

Теперь нѣтъ сомнѣнія, что такимъ путемъ надѣялись вызвать взрывъ—замыселъ, достойный позднѣйшаго злодѣянія.

Между тѣмъ похвалы Палену переходили изъ устъ въ уста. Чтобы обезпечить всходъ сдѣланному имъ посяву, онъ разослалъ нѣсколькимъ генераламъ, которые, по его мнѣнію, были оскорблены болѣе другихъ, частное приглашеніе воспользоваться милостью императора.

Генераль Тормасовъ все еще находился въ ссылкѣ и не попалъ подъ общую амнистію. Онъ получилъ отъ Палена дружескій совѣтъ обратиться непосредственно къ императору и дѣйствительно такъ и сдѣлалъ. Когда ему было разрѣшено прибыть въ Петербургъ, онъ представился Павлу, который почти не зналъ его въ лицо и былъ пріятно изумленъ его манерой говорить и держать себя. Онъ назначилъ его инспекторомъ кавалеріи въ Курляндіи и Лифляндіи и велѣлъ прикомандировать его къ королю шведскому, который тогда ожидался въ Петербургъ. Императоръ слишкомъ отличилъ Тормасова и тѣмъ самымъ охладилъ съ этого времени отношенія къ нему Палена. Впослѣдствіи онъ перевелъ его на весьма опасное мѣсто командира коннаго полка, шефомъ котораго былъ великій князь Константинъ Павловичъ.

Не буду рассказывать здѣсь, какъ Павель поссорился съ юнымъ шведскимъ королемъ, который высказалъ большое хлоднокрое и достоинство какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Павель забылъ, какъ онъ долженъ обходиться съ государемъ, котораго самъ такъ долго приглашалъ въ Петербургъ.

Генераль-прокуроръ Оболяининовъ добился отъ императора, чтобы оказанная милость была распространена и на военныхъ. Многіе изъ уволенныхъ снова вступили на службу, въ числѣ ихъ и гр. Вельгорскій. Онъ убѣждалъ меня также просить объ обратномъ приѣмѣ на службу или, по крайней мѣрѣ, выразить желаніе снова вернуться на службу, и выставить единственнымъ препятствіемъ мою болѣзнь. Я послѣдовалъ его совѣту и просилъ разрѣшеніе отправиться въ прусскій курортъ Фрейенвальдъ. Проситься въ Карлсбадъ или Теплицъ было невозможно въслѣдствіе раздраженія Павла противъ Вѣнскаго двора. 10 Декабря 1800 г. я получилъ въ отвѣтъ,

Зубовъ, Волконскій, Куракинъ, Долго-

рукий и множество другихъ просили объ обратномъ приѣмѣ и дѣйствительно всѣ были приняты на службу. Но съ нѣкоторыми бѣдными офицерами обошлись очень сурово и императоръ на смотрю отказалъ имъ въ ихъ просьбѣ. Не объясняя причинъ, онъ, взглянувъ на просителя, ограничивался только тѣмъ, что говорилъ своему адъютанту: «принять», или «отказать». И въ томъ и въ другомъ предстояло выѣхать изъ столицы въ теченіе трехъ сутокъ. Этого срока было бы достаточно для какого-нибудь отчаяннаго чловека, который въ порывѣ гнѣва могъ потерять власть надъ собою. Но провидѣнію было угодно устроить все иначе и недовольные оставались вѣрными своему долгу.

Между тѣмъ вся политическая система Павла вдругъ подверглась переменѣ. Онъ сблизился съ Бонапартомъ, который предлагалъ ему Мальту и возвращеніе русскихъ плѣнныхъ. Панинъ попалъ въ немилость. Графъ Карамонъ, присланный въ Петербургъ Людовикомъ XVIII въ качествѣ его посла, былъ высланъ. Король подумалъ, что его посоль въ личную немилость у Павла и счелъ за лучшее спросить у него, чѣмъ графъ могъ навлечь на себя такое несчастье. Это письмо было очень ловко представлено Павлу какъ разъ въ такой моментъ, когда онъ былъ въ очень дурномъ настроеніи. Не зная намѣренія Людовика, Павелъ въ гнѣвѣ воскликнулъ: «Онъ требуетъ у меня отчета въ моихъ дѣйствіяхъ? Надѣюсь, что онъ здѣсь еще не ходитъ».

Только что онъ успокоился отъ возбужденія, какъ его снова раздражили, и страшный результатъ этого раздраженія обнаружился 3—15 января (1801 г.). Генералъ Ферзенъ получилъ отъ Палена бумагу, слѣдующаго содержанія:

«Вы передадите Людовику XVIII, что императоръ совѣтуетъ ему снова сойтись съ его супругой въ Килъ».

Несчастный Людовикъ, какъ громомъ пораженный, написалъ Павлу трогательное письмо, которое заканчивалось такими словами: «не смотря на скорбь, которую онъ испытываетъ при такой нечести, онъ повинуется и ожидаетъ необходимыхъ паспортовъ». Что-

бы еще болѣе раздражить Павла, готовность короля къ отъѣзду постарались сдѣлать въ его глазахъ доказательствомъ того, какъ мало цѣнилъ онъ убѣжище, которое ему такъ великодушно было предоставлено. Тогда Павелъ забылъ священные законы гостепрѣимства и приказалъ сказать королю, котораго самъ же пригласилъ въ свою имперію, что если онъ желаетъ получить паспорта, то ему ихъ выдадутъ съ условіемъ, что онъ немедленно воспользуется ими какъ для себя лично, такъ и для всей своей свиты.

Этотъ страшный взрывъ уничтожилъ французовъ, которые не ожидали подобной жестокости.

Графъ д'Аварей не могъ удержаться отъ слезъ и самъ я плакалъ такъ же горько, какъ и онъ самъ, плакалъ о позорѣ, которымъ покрылъ себя монархъ, котораго я въ глубинѣ души продолжалъ еще любить.

Подъ вліяніемъ недалекихъ людей губернаторъ Арсеньевъ рѣшилъ, что высочайшій приказъ касается и лейбъ-гвардіи короля. Стоило большаго труда убѣдить его, что гвардія эта носитъ русскій мундиръ и состоитъ на жалованьи у императора. Только благодаря такимъ разъясненіямъ онъ согласился предоставить старымъ служакамъ отсрочку до полученія отвѣта изъ Петербурга. Но не прошло еще и 48 часовъ, какъ прибылъ третій фельдъ-егерь съ очень опредѣленнымъ приказомъ: «всѣ безъ исключенія французы должны уѣхать и притомъ возможно скорѣе».

Легко себѣ представить горе Людовика и особенно герцогини Ангулемской, которой императоръ подалъ столько надеждъ при ея обрученіи.

Аббатъ Мари почти не владѣлъ собою: онъ передалъ мнѣ черезъ виконта д'Агу, что у него нѣтъ силъ видѣть меня.

Еще неслыханному бѣдствію присоединилось еще приостановка въ выдачѣ обѣщанной королю денежнаго помощи, которая раньше аккуратно выплачивалась 1-го января. Между тѣмъ Паленъ еще 4 декабря писалъ Ферзену, что деньги будутъ выплачены сполна. Эстафета за эстафетой летѣла въ Ригу, гдѣ, какъ полагалъ вице-губернаторъ Брискорнъ,

задерживали деньги вслѣдствіе какого-нибудь недоразумѣнія.

Король, герцогская чета и наконецъ всё, кто жилъ въ Ригѣ, хотѣли по крайней мѣрѣ распродать съ аукціона принадлежавшую имъ мебель и вещи. Но губернаторъ нашелъ, что не соответствуетъ достоинству императорскаго двора устраивать въ немъ аукціонъ, и запретилъ его очень рѣшительно.

Узнавъ объ этомъ, я, хотя мнѣ и не здоровилось, поспѣшилъ къ Арсеньеву и поставилъ ему на видъ, что въ Петербургѣ послѣ умершихъ въ казенныхъ дворцахъ лицъ чуть не ежедневно устраиваются аукціонныя распродажи. Въ концѣ концовъ удалось его урезонить, и онъ обѣщалъ мнѣ дать соответственное разрѣшеніе. Но черезъ полчаса послѣ меня явился Брискорнъ и испортилъ все дѣло. Я приказалъ сообщить во дворецъ о результатѣ моихъ переговоровъ съ губернаторомъ, тамъ уже стали готовиться къ аукціону, но на другой день все переменялось.

Съ одной стороны отказывали въ разрѣшеніи устроить аукціонъ, а съ другой торопили отъѣздомъ.

Я былъ въ негодованіи отъ такого обмана, но скоро открыли причину столь несправедливаго отношенія: хотѣли принудить и короля и свиту оставить ихъ вещи, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ присвоить ихъ или даже сдѣлать видъ, что онѣ куплены на аукціонѣ, на который-де никто не явился.

Тогда мы съ нѣкоторыми друзьями подняли шумъ и дали понять, что общественное мнѣніе объясняетъ отказъ въ разрѣшеніи аукціона мотивами, мало похвальными. Это помогло, и распродажа наконецъ состоялась.

Никогда не забуду я отъѣзда несчастнаго Людовика и герцогини Ангулемской, на долю которыхъ выпали всѣ невзгоды злосчастной судьбы. Всѣ эти храбрые кавалеры, которыхъ принудили къ отъѣзду среди суровой зимы, должны были бы итти пѣшкомъ, если бы почтенные и сострадательные люди не сдѣлали съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить имъ незаслуженныя страданія.

Люди нашей среды вели себя по отношенію къ французамъ во всѣхъ отно-

шеніяхъ безупречно и даже курляндскіе бюргеры, тронутые ихъ судьбою, всячески старались имъ помогать.

Горестныя сцены потрясли мои и безъ того расшатанные нервы.

Послѣ прощанія съ д'Агу и графомъ д'Аварей я былъ настолько разстроены, что на поправленіе понадобилось нѣсколько недѣль.

ГЛАВА V.

Конецъ Павла.

Нужно было бы принять систему Мани, чтобы объяснить непонятное поведеніе нашего бѣднаго императора за послѣдніе мѣсяцы. Добро и зло слѣдовали у него другъ за другомъ. Доброта и варварство въ одинъ и тотъ же день диктовали ему самые противорѣчивые приказы. Въ ту самую минуту, когда всѣ расточали похвалы какой-нибудь справедливой и мудрой мѣрѣ, приходило извѣстіе, что все опять отмѣняется.

Чтобы разгадать эту загадку, я предложу читателю свою гипотезу. Онъ можетъ, конечно, не принять ее, если у него мелькнетъ разгадка, болѣе подходящая къ характеру Павла. По моему мнѣнію, каждый актъ доброты шель отъ теплаго чувства, а все то, что носило отпечатокъ жестокости, было результатомъ косвеннаго внушенія, зависти, не-зависти, желанія показать самую вѣрную преданность его особѣ и, воспользовавшись положеніемъ, ускорить кризисъ, который становился положительно необходимымъ. Благодаря своему вѣроломству и хитрости, интриганы не видѣли другого средства обезопасить себя, какъ совершить преступленіе.

Но возвратимся къ фактамъ.

Тѣ, кто не вникаетъ въ глубь вещей, были чрезвычайно довольны тѣмъ, что Румянцовъ и Державинъ снова были приближены, Нелединскій изъ ссылки былъ возвращенъ въ сенатъ и множество офицеровъ вновь вступили на службу. Но слишкомъ ужъ крута была эта перемѣна, слишкомъ многихъ безъ всякаго различія захватила эта перемѣна, такъ что всякій мыслящій человѣкъ невольно долженъ спросить себя, ради какой тай-

ной дѣли была предпринята такая удивительная мѣра.

Какимъ образомъ примирить нелѣпую смѣлость окружить себя недовольными съ тысячами разныхъ предосторожностей, которыя свидѣтельствовали объ опасеніяхъ и безпокойствѣ? Какимъ образомъ могло случиться, что Павелъ угрожалъ неминуемой войною англичанамъ, которые, по его мнѣнію, составили противъ него заговоръ, въ то же время взявъ себѣ въ поварихи англичанку, которая жила почти рядомъ съ нимъ? Если всѣ адскіе замыслы и не удались, то во всякомъ случаѣ они показываютъ настойчивость въ осуществленіи задуманнаго плана и объясняютъ непонятное поведеніе императора.

Значеніе Кутайсова, этого необходимаго для коалиціи человѣка, возрастало со дня на день, точно такъ же, какъ и Палена. Публика съ неудовольствіемъ смотрѣла, какъ простого камердинера сдѣлали оберъ-штальмейстеромъ и украсили орденомъ Андрея Первозваннаго. Его любовница Шевалье приобрѣла огромное на него вліяніе и властно подчинила его себѣ. Вскорѣ она стала торговать мѣстами, чинами и орденами. Весьма вѣроятно, что пришлось удалить Людовика вслѣдствіе ея интригъ. Но въ то время, какъ она покровительствовала французской партіи, дѣятельно работала и другая тайная партія, партія англійская.

Павелъ былъ въ это время занятъ украшеніемъ своего Михайловскаго дворца. Стѣны были еще такъ сыры, что со всѣхъ сторонъ лилась вода, не смотря на то, что онѣ были покрыты великолѣпными коврами. Враги старались уговорить императора не вѣзжать въ новый дворецъ, но онъ обошелся съ ними, какъ съ глухцами, и тогда они пришли къ заключенію, что въ немъ можно жить. Этотъ дворецъ прежде всего долженъ былъ служить убѣжищемъ для государя противъ всякаго покушенія на него. Рвы, подъемные мосты, трудно проходимые коридоры, казалось, дѣлали невозможной подобную попытку. Кромѣ того, Павелъ считалъ себя подъ непосредственнымъ покровительствомъ архангела Михаила, во имя котораго была устроена во дворцѣ церковь.

Императрица схватила простуду въ

своихъ сырыхъ апартаментахъ, но не смѣла жаловаться. Великій князь Александръ жестоко страдалъ ревматизмомъ, какъ и весь дворъ. Одинъ Павелъ чувствовалъ себя прекрасно и только и занимался, что украшеніемъ своего новаго жилища, не предчувствуя, что онъ станетъ для него могилой.

Онъ порвалъ почти со всѣми государствами Европы. Растопчинъ былъ уволенъ за попытку смягчить письмо англійскому королю, которое продиктовалъ ему Павелъ. Было ли это обстоятельство дѣйствительнымъ поводомъ или только предлогомъ для увольнения. Паленъ получилъ постъ директора почтъ и такимъ образомъ сдѣлался хозяиномъ всѣхъ государственныхъ и частныхъ тайнъ. Съ этого времени онъ получилъ возможность руководить по своему желанію, рѣшеніями императора*), который дѣйствовалъ всегда по первому впечатлѣнію. Непосредственнымъ приказомъ губернатору онъ могъ приостановить поѣздки всякаго лица, кто бы то ни былъ, и, наконецъ, достигъ такой власти, при которой все должно было удаваться.

Паленъ не терялъ времени. Онъ открылся Зубовымъ, которые сгорали отъ честолюбія и ненависти къ Павлу. Онъ воспламенилъ мстительность князя Яшвиля, котораго, какъ говорятъ, императоръ однажды въ минуту раздраженія ударилъ; вооружилъ Чичерина, Талызина, Татарина и др. Чтобы дать сильнѣе почувствовать необходимость заговора, нашли способъ внушить Павлу страхъ передъ его женой и великимъ княземъ Александромъ. Однажды, во время парада, онъ даже старался держаться подалеже отъ своихъ сыновей. Дверь своей

*) Такимъ путемъ ему удалось спасти Кутайсова, котораго императоръ вдругъ рѣшилъ удалить отъ себя. Императору обыкновенно представляли извлеченія изъ депешъ иностранныхъ пословъ, которыя вскрывались прежде, чѣмъ разрѣшали вывести ихъ за границу. Устроивъ такъ, будто шведскій посланникъ писалъ своему правительству: «Плохо ордѣвленнаго публики воображаетъ, что императоръ собирается уволить своего вѣрнаго Кутайсова. Но Его Величество слишкомъ уменъ и понимаетъ, конечно, что по силѣ его привязанности Кутайсова некимъ будетъ замѣнить». Обманутый этой хитростью, императоръ обилъ Кутайсова и удержалъ при себѣ. Объ этомъ случаѣ Паленъ рассказывалъ въ присутствіи 7—8 лицъ, въ числѣ которыхъ находился и я.

спальни, которая вела въ покои императрицы, онъ приказалъ заколотить.

Какъ ни старались скрывать всѣ нити заговора, но объ немъ, повидимому, провѣдалъ генераль-прокуроръ Оболяниновъ. Онъ косвеннымъ образомъ предупредилъ о немъ императора, который передалъ объ этомъ своему любимцу Кутайсову. Тотъ пустился увѣрять, что это лживый доносъ, которымъ просто хотѣли выслужиться. Чтобы усыпить Кутайсова, Паленъ устроилъ ему въ награду великолѣпное имѣніе въ Курляндіи и совѣтовалъ ему ни на минуту не разлучаться съ императоромъ, чтобы знать каждое его слово.

Вѣроятно, такимъ именно образомъ онъ узналъ, что императоръ приказалъ Аракчееву прибыть въ Петербургъ въ возможно непродолжительномъ времени. Боясь, что дѣло идетъ о его замѣнѣ, онъ отдалъ секретный приказъ чинить Аракчееву на пути всякія помѣхи и двумя днями ускорилъ исполненіе своего замысла, въ который посвятилъ и генерала Беннигсена. Тотъ являлся къ Палену за паспортомъ и, вѣроятно, высказалъ свое неудовольствіе на обращеніе Павла съ офицерами. Паленъ воспользовался моментомъ, чтобы привлечь Беннигсена къ заговору. Послѣ получасоваго разговора онъ возвратился въ канцелярію и заявилъ, что паспортъ ему теперь уже не нуженъ, такъ какъ онъ отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней.

Исполненіе плана было назначено въ ночь съ четверга на пятницу. Но когда Паленъ явился съ рапортомъ въ понедельникъ, императоръ сказалъ ему сердитымъ тономъ:

— Есть у васъ что-нибудь новое?

— Нѣтъ, Ваше Величество.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что что-то затѣвается.

Уткнувшись въ бумаги, которыя онъ держалъ въ руки *), Паленъ постарался овладѣть собою и сказалъ съ улыбкой:

— Если что-нибудь затѣвается, то я долженъ быть объ этомъ осведомленъ.

*) Большую часть этихъ подробностей я слышалъ изъ устъ самого Палена. «Если бы Павелъ приложилъ руку къ моему сердцу, говорилъ онъ, то онъ открылъ бы весь заговоръ. Но мое лицо оставалось веселымъ и я спасся, благодаря бумагамъ, которыя были у меня въ рукахъ.»

Я долженъ самъ быть при этомъ. Такимъ образомъ, Ваше Величество, можете быть покойны. Уполномочьте только меня арестовывать въ случаѣ необходимости всякаго, кто бы онъ ни былъ.

— Конечно, я даю вамъ это полномочіе, хотя бы то былъ кто-нибудь изъ великихъ князей или даже сама императрица.

— Сблаговолите, Ваше Величество, дать мнѣ о томъ письменный приказъ. Я уже высѣдилъ кое-что, о чемъ буду завтра имѣть возможность представить Вашему Величеству положительныя извѣстія.

Императоръ написалъ указъ и Паленъ, не смотря на свое сильнѣйшее волненіе, вышелъ съ неподвижнымъ, словно металлическимъ лицомъ. Тотчасъ же увѣдомилъ онъ заговорщиковъ, что не должно терять ни одной минуты.

Послѣ того, какъ заговорщики овладѣютъ Павломъ, графъ Зубовъ взялъ на себя объявить ему о необходимости отречься отъ престола, прочесть самый актъ отреченія и заставить Павла подписать его.

12 марта императоръ поужиналъ въ самомъ спокойномъ и веселомъ настроеніи. На ужинѣ присутствовала и графиня Паленъ. По всей вѣроятности, она не знала о заговорѣ или же думала, что онъ будетъ приведенъ въ исполненіе не такъ скоро. Во время ужина Павелъ сказалъ:

— Мнѣ снилось, будто у меня кривой ротъ, говорятъ, это дурное предзнаменованіе.

— Когда Ваше Величество проснулись, ротъ оказался на мѣстѣ, съ улыбкой замѣтилъ Нарышкинъ ¹⁾.

Императоръ засмѣялся и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Въ 10 часовъ государь по обыкновенію удалялся къ себѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго проходившій вдоль Лѣтняго сада гвардейскій баталіонъ спугнулъ стаю воронъ, которыя взлетѣли съ громкимъ крикомъ. Солдаты оробѣли и стали отказываться идти дальше. «Какъ, вскричалъ тогда Уваровъ, русскіе гренадеры,

¹⁾ Я слышалъ объ этомъ отъ графини Паленъ и графини Ливенъ. Онѣ рассказывали объ этомъ въ моемъ присутствіи одному изъ своихъ друзей и притомъ именно въ этихъ самыхъ выраженіяхъ.

которые не боятся пушекъ, вдругъ испугались воронъ? Впередь! Дѣло идетъ о нашемъ государѣ!»

Эти двусмысленныя слова сломили сопротивление солдатъ и они, ворча про себя, пошли за своими офицерами.

Другой отрядъ заговорщиковъ поднялся по маленькой лѣстницѣ въ тотъ моментъ, когда Паленъ вышелъ на дворъ, гдѣ уже были выстроены два батальона гвардіи. Онъ отослалъ гатчинца—офицера, приказавъ ему, въ качествѣ генераль-губернатора, взять съ собой двѣнадцать человѣкъ и арестовать Оболянинова, а двѣнадцать другихъ послать къ дому Нарышкина. Словомъ, онъ не переставалъ занимать караулъ исполненіемъ разныхъ мнимыхъ приказовъ, не давая ей замѣтить событій, которыя разыгрывались наверху.

Заговорщики ¹⁾ сначала запутались было въ лабиринтъ дворцовыхъ коридоровъ. Но Уваровъ, которому было известно расположеніе дворца, собралъ ихъ вокругъ себя и повелъ черезъ залъ кавалергардовъ, которыхъ Паленъ за нѣсколько дней во этого ухитрился помѣстить подалеже отъ спальни государя. Здѣсь его охраняли только два лейб-гусара, стоявшіе у двери въ спальню. Увидѣвъ, что Zubovy въ сопровожденіи деніи заговорщиковъ явились не въ урочное время, они преградили имъ путь, хотя дежурный адъютантъ и объявилъ имъ, что они являются по специальному приказанію. «Не пропущу», закричалъ довольно громко одинъ изъ гусаръ и сталъ грозить саблей. Человѣкъ 5—6 бросились на гусара. Тотъ былъ убитъ, его товарища убѣдили, что всякое сопротивление бесполезно.

Шумъ разбудилъ императора. Онъ всталъ въ одной рубашкѣ и не имѣя времени открыть дверь, ведущую къ императрицѣ, спрятался за ширмы. Вломившись, заговорщики бросились къ постели и къ ужасу своему не нашли тамъ никого. Они кинулись обратно къ двери и тутъ увидели Павла.

— Какъ,—яростно закричалъ онъ князю Zubovu.—Развѣ я вернулъ тебя изъ

сылки для того, чтобы ты меня убилъ?

Zubovy началъ читать актъ отреченія. Тогда выступилъ Беннигсенъ.

— Ваше Величество больше не можете управлять двадцатью миллионами людей. Они дѣлаютъ васъ несчастнымъ. Остаются, слѣдовательно, только подписать актъ вашего отреченія отъ престола.

Кипя отъ гнѣва, императоръ отвѣтилъ отказомъ.

— Ты поступилъ со мною, какъ тиранъ,—вскричалъ тогда князь Яшвилъ,—смерть тебѣ!—При этихъ словахъ на императора посыпались удары. Онъ былъ раненъ въ плечо, въ голову. Затѣмъ заговорщики схватываютъ его шарфъ, лежавшій около кровати и не смотря на отчаянное сопротивление... перо вываливается у меня изъ рукъ...

Павла уже нѣтъ въ живыхъ.

Пока все это происходило наверху, раненый гусаръ разбудилъ Кутайсова, крича:—Спѣшите къ государю, его убиваютъ.—Тотъ сначала бросился на верхъ, но тутъ мужество его покинуло и въ однихъ туфляхъ онъ убѣжалъ на Литейную, гдѣ жила Л., у которой онъ и скрывался.

Между тѣмъ Паленъ и Zubovy, не видя никого изъ заговорщиковъ, сильно волновались. Наконецъ тѣ появились внизу и стали кричать: «Павелъ умеръ. Да здравствуетъ Александръ!» Паленъ и сопровождавшіе его начальники подхватили этотъ крикъ, но солдаты безмолвствовали. «Стало быть, сказали имъ Уваровъ и Талызинъ, вы недовольны, что императоромъ у васъ будетъ Александръ? Павелъ заболѣлъ сегодня утромъ и умеръ. Новый государь заставить васъ забыть о его отцѣ, который былъ черезчуръ строгъ».

— Онъ уже умеръ?—спросилъ Паленъ по нѣмецки своего адъютанта, который былъ внизу.

— Я уже объ этомъ вамъ докладывалъ.

— Тогда я отправлюсь наверхъ.

Онъ направился прямо къ графинѣ Ливень, разбудилъ ее и сказалъ: «Идите къ императрицѣ и доложите ей, что Павелъ скончался отъ удара и на престолъ вступилъ Александръ».

Послѣ этого онъ явился къ Александру, разбудилъ его и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, сказалъ: «Привѣтствую васъ,

¹⁾ Это были князья Zubovy Платонъ и Николай, Беннигсенъ, Шалыгинъ, Уваровъ, князь Яшвилъ, Аргамаковъ, Татаринъ и Гардавовъ. Валеріанъ Zubovy и гр. Паленъ благодушно держались на дворѣ.

какъ моего государя. Императоръ Павелъ скончался отъ удара». Великій князь громко вскрикнулъ и едва не упалъ въ обморокъ.

— Государь, — продолжалъ Паленъ, — дѣло идетъ о вашей личной безопасности и о безопасности всей императорской фамилии. Благоволите скорѣе одѣться и выйти, чтобы успокоить колеблющихся солдатъ. Здѣсь генералъ Беннигсенъ, князь Зубовъ, и вашъ адъютантъ. Они засвидѣтельствуютъ о смерти императора Павла. Пока же я отправлюсь къ императрицѣ.

Графиня Ливенъ уже разбудила императрицу, которая, увидѣвъ ее въ ночномъ платьѣ, воскликнула:

— Боже мой! Неужели заболѣлъ кто-нибудь изъ дѣтей?

— Нѣтъ. Я должна сообщить вамъ еще болѣе печальное извѣстiе. Скончался государь.

— Его убили! — воскликнула императрица. — Мнѣ показалось, что я слышала шумъ и подавленные крики.

Графиня Ливенъ помогла ей набросить на себя одежду. Когда императрица хотѣла войти въ комнату Павла, командовавшій карауломъ Паленъ приказалъ не пропускать ее туда.

— Какъ, вы осмѣливаетесь закрывать мнѣ доступъ въ комнату моего мужа? — воскликнула императрица.

— Я дѣлаю это ради Вашего Величества и императора Александра, котораго вы можете скомпрометировать презрѣнными выраженiями горя.

Императоръ Павелъ умеръ отъ удара.

— Хочу его видѣть. Его убили.

И она стала умолять солдатъ пропустить ее.

— Запрещаю вамъ именемъ государя императора, — сказалъ имъ Паленъ, — пропускать ее теперь въ первомъ порывѣ горя.

Онъ имѣлъ въ виду выиграть время и дать возможность одѣтъ убитаго и уничтожить слѣды убiйства. Павла одѣвали на спѣхъ; на лицо нахлобучили шляпу, а шею обвязали большимъ носовымъ платкомъ.

Когда все было готово, стали поспѣшно разсылать приказанiя командирамъ полковъ и въ губернии. Къ 5 часамъ утра собрался сенатъ. Полки приводились къ присягѣ новому императору,

а къ генералъ-губернаторамъ и къ важнѣйшимъ европейскимъ дворамъ были отправлены курьеры

Генералъ-прокурора Обольянинова арестовали, чтобы помѣшать ему дѣйствовать въ пользу Павла. Послѣ манифеста Александра его освободили. Однако новый императоръ сейчасъ же назначилъ генералъ-прокуроромъ Беклешова.

Извѣстiе о смерти Павла пришло въ Ригу 15-го. Когда я на другой день сидѣлъ за столомъ, ко мнѣ прiѣхалъ одинъ изъ друзей и сказалъ: «Важная новость. Павла уже нѣтъ въ живыхъ. Царствуетъ Александръ. Только что прибылъ курьеръ».

Нечего и говорить, какъ встрепенулся я при такой новости, хотя я уже давно предвидѣлъ и предчувствовалъ катастрофу.

На другой день пришелъ ко мнѣ докторъ... и рассказалъ подробности происшествiя. Курьеръ оказался его старымъ знакомымъ и говорилъ, что заговорщики громко говорили по Петербургу о своихъ подвигахъ и хвастались ими, считая это актомъ справедливости, такъ какъ, благодаря имъ, настала конецъ страданiямъ 20 милiоновъ людей.

Полученное однимъ рижскимъ купцомъ письмо изъ Петербурга подтверждало всѣ подробности. Заговорщики были названы въ немъ по именамъ. На долю Палена отводилась главная роль въ этой ужасной сценѣ. Вотъ чѣмъ отплатилъ онъ за всѣ благодѣянiя и полное довѣрiе, которыя ему оказывалъ Павелъ!

Помилованiе, дарованное новымъ императоромъ, и любезное письмо, полученное мною отъ Беклешова, подало мнѣ мысль ѣхать въ Петербургъ и хлопотать о моей пенсiи, которая была у меня отнята вмѣстѣ съ должностью, хотя я всегда исполнял свои обязанности добросовѣстно и точно.

24 апрѣля я тронулся въ путь съ тѣмъ большимъ волненiемъ, что здоровье мое разстроилось и сомнительно было, увижусь ли я еще разъ съ моими друзьями. Наплывъ въ столицу со всѣхъ сторонъ былъ такъ великъ, что всѣ гостиницы были переполнены.

Никогда переимѣна государя не вызывала такого восхищенiя, какъ въ этотъ разъ. Въ столицѣ была страшная суматоха.

тоха, которая еще болѣе увеличивалась вслѣдствіе ежедневнаго прибытія лицъ, которыя были въ ссылкѣ или въ заключеніи.

Молодой императоръ постоянно повторялъ, что онъ будетъ управлять по законамъ. Онъ особенно старался окружить себя людьми, которые были въ силѣ во времена Екатерины. 15 апрѣля онъ отобралъ у Палена почтовое управленіе и вручилъ его сенатору Трошинскому. Немедленно же уволилъ онъ и Кутайсова, разрѣшивъ ему уѣхать изъ Петербурга.

Онъ возстановилъ Тайный Совѣтъ и назначилъ въ него фельдмаршала Салтыкова, двоихъ Зубовыхъ, вице-канцлера князя Куракина, генераль-прокурора Беклешова, упомянутаго выше Васильева, Палена, князя Лопухина, князя Гагарина, Кушелева и Трошинскаго. Онъ велѣлъ освободить всѣхъ англійскихъ матросовъ и рѣшилъ остаться покровителемъ Мальтійскаго ордена, заявивъ при этомъ, что онъ предоставляетъ ордену выбрать себѣ другого гротмейстера по соглашенію съ заинтересованными дворами. 2 апрѣля онъ уничтожилъ Тайную Канцелярію и въ тотъ же день подтвердилъ данную Екатериной Жалованную Грамоту Дворянства.

Прежде всего я посѣтилъ Беклешова, который принялъ меня очень хорошо. Затѣмъ я благодарилъ Лопухина и т. д.

Съ трудомъ рѣшился ѣхать къ Палену. Но нашъ Корфъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, увѣрилъ меня честнымъ словомъ, что Паленъ въ разговорѣ съ нимъ отзывался обо мнѣ дружелюбно и съ признательностью. Къ тому же онъ былъ курляндскимъ генераль-губернаторомъ и Корфу нужно было посѣтить его, если не какъ частное лицо, то какъ сановника. Онъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ и въ 11 часовъ мы отправились.

Комната, прилегающая къ его кабинету, была переполнена генералами, членами департамента иностранныхъ дѣлъ и вообще всевозможными сановниками. Намъ сказали, что его превосходительство занятъ съ посланникомъ графомъ Разумовскимъ, который долженъ возвращаться въ Вѣну. Мы ждали добрыхъ полчаса, пока, наконецъ, появился Паленъ. Тѣ, которые стояли ближе къ двери, окружили его

сплошной стѣной. Онъ выслушивалъ каждый, бросалъ слова два направо, слова два налево, но замѣтивъ поодаль стоявшаго незнакомаго мнѣ генерала, двинулся къ нему черезъ почтительно разступившуюся толпу, прошелъ возлѣ меня, видимо не замѣтивъ меня, и приблизился къ генералу, съ которымъ сталъ тихо разговаривать, обводя глазами залу. Наши взгляды встрѣтились и, возвращаясь въ кабинетъ, онъ остановился возлѣ меня и сказалъ: — Это вы? Какъ ваше здоровье? Вы имѣли несчастіе попасть въ опалу. Но я надѣюсь, что теперь все поправится.

Затѣмъ онъ дружески обратился къ Корфу, отвелъ его въ сторону, чтобы поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, и возвратился къ себѣ въ кабинетъ, а мы всей толпой двинулись къ выходу, довольные, что удостоились видѣть героя дня. Я слѣдилъ глазами за Паленомъ все время, пока онъ былъ въ залѣ. Мнѣ хотѣлось поймать его взоръ и угадать его душевное состояніе. Я рассчитывалъ замѣтить въ его взорахъ глубокое волненіе, а во всей его фигурѣ тотъ отпечатокъ, который выдастъ наблюдателю внутренній разладъ, прикрытый напускной смѣлостью и развязностью.

Меня ужасало то обстоятельство, что новый монархъ окружилъ себя Зубовыми, Паленами и др., которыхъ общій голосъ прямо называлъ главными участниками послѣдней трагедіи.

Всѣ эти господа, нисколько не стѣсняясь, во всеуслышаніе рассказывали о ней своимъ друзьямъ и знакомымъ. Сравнивъ рассказы столькихъ участниковъ, очень легко было отдѣлать въ нихъ то, въ чемъ всѣ сходились между собою, отъ того, что представлялось приверсами и выдумками отдѣльныхъ лицъ.

Когда я однажды утромъ явился къ Лопухину, онъ сказалъ мнѣ:

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы остались въ Петербургѣ и вернулись въ третій департаментъ, гдѣ теперь нѣтъ ни лифляндца, ни курляндца.

Прежде чѣмъ представить мою докладную записку по поводу причитающейся мнѣ пенсіи, я прочиталъ ее зятю Палена, графу Меду, который жилъ у него. Тотъ обѣщалъ мнѣ переговорить объ этомъ съ тестемъ, чтобы онъ не высказался противъ удовлетворенія моего хо-

дательства на случай, если государь спросит его объ этомъ. Графъ Медемъ передавалъ мнѣ потомъ, что Паленъ нашелъ мою просьбу совершенно справедливой и вполне умѣренной и посоветовалъ мнѣ войти въ сношеніе съ нимъ, какъ съ курляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

Съ докладной запискою и прошеніемъ въ карманѣ отправился я къ Палену. На этотъ разъ народу у него было немного. Когда онъ вышелъ изъ кабинета, я подошелъ къ нему и сказалъ:

— «Генералъ, графъ Медемъ предупредалъ васъ обо мнѣ» — и вкратцѣ сталъ излагать ему свою просьбу.

— Поидемте въ кабинетъ, — отвѣчалъ онъ, — у меня есть полчаса свободнаго времени и я хочу поговорить съ вами.

— Я знаю о всемъ, что вамъ пришлось вытерпѣть, — началъ онъ, какъ только мы усѣлись. — Новсе это ничто въ сравненіи съ тѣми ужасами, которые были продѣланы надъ людьми, преступленіе которыхъ существовало только въ воображеніи или же состояло просто въ неосторожности. Мы устали служить орудіемъ такой тиранніи. Увидѣвъ, что его безуміе возрастаетъ со дня на день и превращается въ манію жестокости, намъ оставалось на выборъ или освободить міръ отъ чудовища или же въ недалекомъ будущемъ принести въ жертву усиливающемуся безумію и себя самихъ и даже часть императорской фамилии. Патриотизмъ заставляетъ отдать себя, женъ и дѣтей на лютыя пытки, лишь бы дать счастье униженнымъ, измученнымъ, отправленнымъ въ ссылку, наказаннымъ кнутомъ. Я его впрочемъ всегда ненавиждѣлъ и ничѣмъ ему не обязанъ. Онъ мнѣ далъ только эти ордена, но и ихъ я вернулъ обратно при восшествіи на престолъ Александра. Но онъ велѣлъ мнѣ сохранить ихъ и я считаю, что я получилъ ихъ отъ него. Услуга, которую мы оказали государству и человечеству, не награждается ни чинами, ни орденами, и я заявилъ государю, что я не приму отъ него никакого подарка. Графъ Панинъ, раздѣлявшій со мною хлопоты, придерживался того же мнѣнія.

— Я не зналъ, что графъ Панинъ былъ при этомъ.

— Мы хотѣли только заставить его отречься. Первоначально у насъ была мысль воспользоваться для этого сенатомъ. Но

большинство сенаторовъ — дурачье, безъ всякой души и энергій. Теперь и сенаторы наслаждаются общимъ счастьемъ, но у нихъ никогда не хватило бы мужества сдѣлать это доброе дѣло. Быть можетъ, мы находились наканунѣ еще болѣе важнаго несчастья. Я поздравляю себя съ этимъ дѣломъ, которое вмѣняю себѣ въ самую большую заслугу, которую мнѣ только пришлось оказать государству, ибо здѣсь я рисковалъ моею жизнью.

Сказавъ вслѣдъ за этимъ нѣсколько незначительныхъ фразъ, онъ снова вернулся къ прежнему разговору.

— Меня удивляетъ, что императрица-мать въ негодованіи на меня. Она сама подвергалась огромной опасности и я оказалъ ей большую услугу. Я не требую, чтобы она отблагодарила меня за нее, но, по крайней мѣрѣ, она должна ее чувствовать и не пытаться возстановить государя противъ меня. Она безъ сомнѣнія видѣлась съ Нелидовой. Я очень ее уважаю. Что она говорила съ вами по поводу этого? *)

— Я видѣлъ ее одну минуту и притомъ она была окружена, по крайней мѣрѣ, дюжиною дамъ.

При этихъ словахъ онъ вынулъ часы.

— Прочтите, пожалуйста, мнѣ вашу докладную записку: времени намъ остается немного.

Я наскоро прочиталъ и замѣтилъ, что онъ слушалъ очень разсѣянно.

— Отлично, отлично, — сказалъ Паленъ.

Онъ очень любезно проводилъ меня до дверей, но въ лицѣ его я уловилъ нѣчто такое, что выдавало, что онъ говорить не искренно.

Почти каждый день я ѣздилъ въ Смольный къ нашей хорошей знакомой полковницѣ Пальменбахъ и нѣсколько разъ видѣлъ тамъ Нелидову. Встрѣтивъ ее въ первый разъ, я былъ пораженъ происшедшей въ ней перемѣной: волосы посѣдѣли, лицо желтоватаго цвѣта покрывалось морщинами и глубокая грусть отражалась на этомъ прежде всегда веселомъ лицѣ. Только при третьемъ посѣщеніи я засталъ ее одну. Я заговорилъ о

*) Этотъ вопросъ показавъ, что вся наша продолжительная бесѣда имѣла цѣлью разузнать о томъ, что думаетъ лицо, близкое къ императрицѣ.

моей женѣ, о прошломъ. Глаза ея наполнились слезами, когда я рассказывалъ ей, что мнѣ пришлось вытерпѣть.

— Несчастнѣйшій государь, — воскликнула она, — вовсе не такъ виновенъ, какъ они его выставляютъ. Справедливо они оба такъ не любили этого Палена.

При этихъ словахъ ея лицо оживилось и это удивило меня тѣмъ болѣе, что ея обычная осторожность доходила даже до притворства.

— Ему мало того, что онъ сталъ главою заговора противъ своего благодѣтеля и государя. Ему нужно еще поссорить мать съ сыномъ, чтобы самому управлять государствомъ въ качествѣ перваго министра. Но я сомнѣваюсь, чтобы и второй заговоръ удался ему такъ же, какъ и первый. Государь любить свою мать, а она обожаетъ его, и не Палену, при всѣхъ его ухищреніяхъ, разрушить эту связь.

Вышли двѣ дѣвицы и разговоръ на этомъ прекратился. Въ первый разъ въ жизни видѣлъ я Нелидову въ гнѣвѣ и безъ ея обычной сдержанности и осторожности.

Графъ Вельегорскій пригласилъ меня сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько визитовъ. Отправились къ Палену. Мы застали его играющимъ въ карты съ Валеріаномъ Зубовымъ, Валекимъ и Чаплицемъ. Беннигсенъ смотрѣлъ, какъ играютъ. Лицо Палена вытянулось, когда онъ увидѣлъ насъ. Но парой-другой остротъ гр. Вельегорскій вернулъ ему хорошее расположение духа. По окончаніи игры мы оба остались у Палена. Тамъ же находились секретарь департамента иностранныхъ дѣлъ и два мнѣ незнакомые господина.

Не знаю какимъ образомъ разговоръ зашелъ объ императрицѣ.

— Очевидно, — сказалъ Паленъ, — она совершенно напрасно воображаетъ, что она наша государыня. На самомъ дѣлѣ она, какъ и мы всѣ, подданная государя императора и если она занимаетъ первую ступень въ подданствѣ, то я занимаю вторую. Мое стремленіе помѣшать всему, что можетъ подать поводъ къ скандалу и бунту, само собою разумѣется, должно быть въполнѣ искренно. Слышали-ли вы исторію съ образомъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ что произошло. Императрица приказала повѣсить въ церкви новаго Ека-

терининскаго института образъ съ изображеніемъ Распятія, возлѣ котораго стояли Марія и Магдалина съ надписями, которыя намекали на смерть ея мужа и могли возбудить чернь противъ тѣхъ, кто по слухамъ этому способствовалъ. Эти надписи привлекли въ церковь уже не мало народа, такъ что даже полиція донесла мнѣ объ этомъ. Чтобы не попасть въ просакъ, я командировалъ ловкаго и образованнаго полицейскаго чиновника въ партикулярномъ платьѣ, который скопировалъ эти надписи. Тогда я приказалъ священнику незамѣтнымъ образомъ убрать куда-нибудь эту икону. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ это сдѣлать безъ непосредственнаго приказанія императрицы. И сегодня мнѣ предстоитъ говорить объ этомъ съ государемъ, который завтра ѣдетъ къ матери въ Гатчину. Я слышалъ, что она во что бы то ни стало хочетъ оставить образъ на прежнемъ мѣстѣ. Это невозможно.

Онъ еще нѣсколько разъ употребилъ относительно императрицы рѣзкія выраженія. При выходѣ, гр. Вельегорскій сказалъ мнѣ:

— Я теперь не узнаю Палена. Онъ уменьш, какъ курьеръ, чтобы не сказать хуже: какъ могъ онъ сегодня такъ рѣзко отзываться объ императрицѣ, да еще въ присутствіи свидѣтелей?

— Онъ, вѣроятно, воображаетъ, что онъ пользуется такой благосклонностью, что можетъ идти и противъ императрицы. Но онъ упускаетъ изъ виду одно: императрица женщина, въ ней много упорства, къ тому же сынъ любитъ ее. Игра слишкомъ не равна.

Къ четвергъ я поѣхалъ въ Смольный. Проходя мимо крыльца Нелидовой, я замѣтилъ приготовленія къ отъѣзду въ Гатчину. Я вошелъ и попросилъ рассказать исторію съ образомъ, которая надѣлала большаго шума и которая будто бы можетъ возбудить склонныя къ безпорядкамъ массы.

— Я очень рада, — сказала она, — что вы пришли. Я могу вамъ рассказать всѣ подробности, такъ какъ я была очевидицей всей этой исторіи и не разъ держала этотъ образъ въ рукахъ.

«Одинъ русскій иконописецъ иногда приносилъ черезъ императрицу образа въ даръ новому институту. Такъ какъ онъ не считывалъ ихъ продать, то императрица

приказала выдать ему 100, а потомъ 200 р. После этого онъ сталъ являться слишкомъ часто, и послѣдній его образъ Распятія императрица хотѣла было вернуть ему назадъ. На этой иконѣ Св. Дѣва обращается ко Христу со словами, а Онъ отвѣчаетъ ей другими. Такъ какъ эти слова написаны были мелкими славянскими буквами, то никому въ голову не пришло ихъ разобрать. Иконописецъ оставилъ икону камердинеру съ просьбою обратить на нее вниманіе императрицы, такъ какъ онъ по бѣдности своей сильно нуждается. Икона около двухъ недѣль висѣла въ комнатѣ императрицы, которая, при отъѣздѣ въ Гатчину, сказала: «Нужно повѣсить этотъ образъ на виду. Пѣть ли тутъ кого-нибудь изъ моего вѣдомства?» Оказалось, что тутъ былъ баронъ Гревеницъ. Императрица позвала его и сказала: «Куда бы помѣстить этотъ образъ?» «Одинъ образъ нуженъ въ церковь Еватерининскаго института». «Въ такомъ случаѣ, ведите его туда повѣсить и скажите иконописцу, что по возвращеніи моемъ я его не забуду». Это вамъ можетъ подтвердить весь дворъ императрицы.

«Но Паленъ, которому нужно посвятить вражду между матерью и сыномъ, усмотрѣлъ въ словахъ на иконѣ такой смыслъ, который можетъ вызвать бунтъ. Эта идея нелѣпа и преступна, если признать ее у императрицы. Нужно надѣяться, что государь прикажетъ подробно разобрать это дѣло и дать удовлетвореніе своей матери, не рассказывайте этого никому, а главное не называйте меня.

Въ воскресенье вечеромъ я получилъ отъ одного изъ моихъ друзей записку такого содержанія: «Въ 9 часовъ Паленъ со всѣмъ семействомъ уѣзжаетъ въ Ригу. Говорятъ, онъ подалъ въ отставку. Всѣ ѣдутъ къ нему. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же».

— Я не вѣрю въ эту поѣздку, — писалъ я въ отвѣтъ. — Поѣзжайте сами, а потомъ расскажите мнѣ, въ чемъ тамъ дѣло.

Въ 11 часовъ вечера получаю вторичную записку: «Онъ уѣхалъ. Притворился равнодушнымъ. Но онъ въ отчаяніи».

Все это казалось мнѣ сновидѣніемъ. Тѣмъ не менѣе я спокойно улегся спать и пожелалъ ему счастливаго пути.

Часовъ 9 утра къ гр. Вельегорскому зашло одно лицо, близкое къ государю, и подтвердило о внезапномъ отъѣздѣ Палена.

Во вторникъ утромъ онъ принесъ государю жалобу по поводу иконы и его величество, раздраженный его рѣзкими выраженіями, сказалъ:

— Но забывайте, что вы говорите о моей матери. Впрочемъ, это совершенно невозможно, что подписи были таковы, какъ вы утверждаете. Я самъ осмотрю образъ.

Паленъ сейчасъ же велѣлъ принести икону и показавъ ее императору, который, осматривъ ее, не сказалъ ничего и уѣхалъ въ Гатчину, гдѣ потребовалъ отъ матери объясненія. Какъ онъ ни старался смягчить дѣло, императрица, однако, пришлось оправдываться въ своихъ намѣреніяхъ, а это было для нея весьма унижительно. Въ заключеніе своихъ объясненій она сказала:

— Пока Паленъ въ Петербургѣ, я туда не вернусь.

Государь возвратился только въ субботу вечеромъ и не желая лично приказывать Палену отправиться въ Остзейскія губерніи, занимался съ нимъ въ воскресенье до обѣдни, а затѣмъ призвалъ генералъ-прокурора и за часъ до обѣда поручилъ передать этотъ приказъ Палену.

— Я понимаю смыслъ этого приказа, — возразилъ онъ Беклешову, — и знаю, откуда онъ идетъ. Передайте Его Величеству, что я исполню его приказаніе сегодня въ 8 часовъ вечера и выѣду изъ Петербурга.

Онъ сообщилъ объ этомъ приказѣ своей женѣ и сказалъ, что немедленно потребуетъ полной отставки. Она также написала новой императрицѣ письмо прося увольить ее отъ придворныхъ обязанностей и дать ей возможность сопровождать мужа. Письмо Палена было помѣчено Стрѣльной. Его передали государю, какъ только онъ проснулся, и въ тотъ же день на парадѣ была объявлена его отставка. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ черезъ 26 часовъ этотъ человекъ, считавшій себя столь прочнымъ и обладавшій необыкновеннымъ тактомъ и умомъ, ѣхалъ уже полнымъ ничтожествомъ въ свое имѣніе.

Наконецъ, и я рѣшился ѣхать, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ. Двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ было совершенно достаточно, чтобы вполне ознакомиться съ системой новаго курса. Мнѣ удалось получить самыя неоспоримыя извѣстия о совершенно другомъ характерѣ новаго царствованія и мнѣ, по крайней мѣрѣ, оставалось то утѣшеніе, что мнѣ не нужно было уже спрашивать чьихъ-либо указаній для того, чтобы предугадать дальнѣйшіе шаги новаго монарха.

Я вернулся въ лоно своей семьи съ двойнымъ удовлетвореніемъ: я уже успѣлъ оцѣнить прелесть независимости и досуга.

По приглашенію генераль-губернатора князя Голицина и членовъ первыхъ судебныхъ курляндскихъ установленій я принялъ участіе въ работахъ по преобразованію присутственныхъ мѣстъ и составленію новаго устава судопроизводства. Такимъ образомъ и мой досугъ пошелъ на пользу родинѣ.

По окончаніи моей работы я издалъ ее въ Кенигсбергѣ подъ заглавіемъ. *Regimen monarchicum ab ipsa natura incorrupta ratione emanatum omnibus regiminis formis praeferendum summatim demonstratur a. K. A. Ruttientae Nobili.* ¹⁾ Я посвятилъ этотъ этюдъ памяти Екате-

¹⁾ Разсужденіе о томъ, что монархическое правленіе, основанное на самой природѣ и здоровомъ смыслѣ, слѣдуетъ предпочитать всѣмъ другимъ формамъ правленія. Русскаго дворянина К. А.

рины II. Буквы К. А. означаютъ мое имя по русски—Карлъ Александровичъ. Это все, что можно было сдѣлать въ то время, когда враги трона и алтаря имѣютъ все большій и большій успѣхъ.

Какъ благославляю я провидѣніе, удалившее меня изъ Петербурга за долго до грустнаго событія. Если бы я какъ-нибудь случайно замѣтилъ хоть малѣйшіе признаки заговора, то въ силу присяги и по своимъ убѣжденіямъ, я былъ бы принужденъ открыть страшную тайну.

Многіе смотрѣли бы тогда на меня, какъ на жалкаго доносчика, и мои дѣйствія подали бы поводъ къ клеветамъ на меня. Но такъ какъ я былъ далеко отъ мѣста страшнаго происшествія, то я могъ избѣгнуть всѣхъ неприяностей, не поступившись своими принципами.

Теперь, достигши тихой пристани, я посвящаю остатокъ своихъ дней дружбѣ, обязанностямъ и прелестьмъ литературы, какъ совѣтовалъ великій римскій ораторъ:

Aptissima omnino sunt arma senectutis artes exercitationesque virtutem quae in omni aetate cultae cum multum diuque vixeris, mirificos afferunt fructus ¹⁾.

Cic. d. off.

¹⁾ Самое удобное оружіе противъ старости занятіе искусствами и упражненіе въ добродѣтели. Имъ нужно заниматься во всякомъ возрастѣ. А когда проживешь долго, то они приносятъ удивительныя плоды. Цицеронъ.

КОНЕЦЪ.

Поступило въ продажу новое
изданіе **В. И. БУЛГАКОВА:**

Японія Генриха Дюмолара.

(Политическое, экономическое и социальное положеніе страны).
288 страницъ. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Содержаніе: Предисловіе. — Историческій очеркъ. — Конституція. — Политика и политическія партіи. — администрація. — Пресса. — Государственныя финансы. — Земледѣліе. — Колоніи. — Торговое и промышленное развитіе Японіи и пресловутая желтая опасность. — Рабочій вопросъ и пауперизмъ. — Народное образованіе. — Религія. — Женскій вопросъ. — Искусство. — Свободная Японія. — Внѣшняя политика. — Японія и Корея. — Заключеніе.

Французское изданіе этой монографіи бывшаго профессора въ Токійскомъ университетѣ одобрено Французскимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ и школьныхъ библиотекъ, а также для выдачи въ награду учащимся.

Съ требованіями обращаться: **Контора изданій В. И. Булгакова, Спб., Ул. Гоголя (б. Малая Морская), 9.**

Тамъ же продается брошюра

КОРЕЯ

(исторія ея, политическое устройство, экономическое положеніе, торговля и промышленность).

Цѣна 10 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

НАПОЛЕОНЪ I ВЪ РОССІИ

въ картинахъ **В. В. ВЕРЕЩАГИНА.**

16 фотографуръ съ описаніемъ ихъ самимъ художникомъ.

(Въ форматъ изданій **В. И. Булгакова „Мейсонъ“, „Альма Тадема“, „Кнаусъ“ и „Менцель“.**

16 фотографуръ на отдѣльныхъ листахъ: Портретъ **В. В. Верещагина.** — Наполеонъ I въ ожиданіи мира. — Наполеонъ I на Бородинскихъ высотахъ. — Паредъ Москвой: ожиданіе депутаціи бояръ. — Въ Успенскомъ соборѣ. — Въ Кремлѣ пожаръ. — Зарево Замоскворѣчья. — Возвращеніе изъ Петровскаго дворца. — Въ Городнѣ — пробиваться или отступать? — На этапѣ — дурныя вѣсти изъ Франціи. — На большой дорогѣ — отступленіе, бѣгство. — Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ — «Не замай! Дай подойти!» — «Съ оружіемъ въ рукахъ — разстрѣлять!» — «Въ штыки! Ура, ура, ура!» — Ночной привалъ Великой арміи.

Цѣна 4 руб.; съ перес. 4 руб. 50 коп. За экземпляръ въ паящомъ переплетѣ добавляется 75 коп.

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія **С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9. В. И. БУЛГАКОВУ.**

Для подписчиковъ «Новаго Журнала Литературы, Искусства и Наукъ», адресующихъ въ редакцію его: **С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывшая Малая Морская), 9, уступка 10% съ 4 руб. и пересылка бесплатно. Паложенымъ платежомъ не высылается.**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ

Э. И. Булгакова:

ЗНАМЕНИТЫЕ ХУДОЖНИКИ

ХІХ-ГО ВѢКА.

(Избранныя произведенія съ подробными біографіями и характеристиками художниковъ, оставившихъ незыблемый слѣдъ въ искусствѣ яркой индивидуальностью творчества, иодымыя содержаніемъ и образцовымъ исполненіемъ).

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ МОНОГРАФІИ:

АЛЬМА ТАДЕМА
и его произведенія
Л. КНАУСЪ
и его произведенія

МЕНЦЕЛЬ
(сто иллюстрацій)
МЕЙСОНЬЕ
(картины и рисунки)

Цѣна каждаго тома 8 р. 50 к., пересылка 50 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены въ учебныя, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а монографіи: «Альма Тадема» и «Л. Кнаусъ», сверхъ того, и для выдачи учащимся въ старшихъ классахъ упомянутыхъ учебн. заведеній въ награду.

Наши Художники

(живописцы, скульпторы, ювелиры, граверы и медальеры) На академическихъ выставкахъ съ 1865 г. до 1890 г. Біографіи, портреты художниковъ и списки съ ихъ произведеній.

Въ «фавитномъ» порядкѣ именъ художниковъ.

Въ двухъ томахъ. Больше 750 фотографическихъ и автографическихъ свѣтл. коп.

Въ изданіи «НАШИ ХУДОЖНИКИ» помѣщены свѣдѣнія о дѣятельности 767 художниковъ.

Цѣна за оба тома 17 р., съ пересылкой 18 р. Отдѣльно первый томъ (А—К) 10 р., съ пересылкой 11 р., II-й томъ (Л—Я) — 12 р., съ пересылкой 13 р. Для подписчиковъ «Новаго Журнала Литературы, Искусства и Науки» цѣна за оба тома 12 р., съ пересылкой 13 р. Съ требованіями обращаться: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9. Э. И. Булгакову.

Венера и Аполлонъ

въ живописи и скульптурѣ.

40 фотографировъ in-folio, съ наилучшихъ произведеній 35 знаменитѣйшихъ художниковъ идеальныхъ школъ греческаго искусства и эпохи Возрожденія, изъ европейскихъ музеевъ. Полнотелный текстъ съ описаніемъ картинъ и скульптурныхъ произведеній и съ біографіями ихъ авторовъ напечатанъ отдѣльной книгой со множествомъ выѣтокъ. Цѣна 18 р., съ пересылкой 20 р., II. папка 2 р. съ перес. 3 р. 50 к.

И. К. Айвазовскій

и его произведенія.

(60 лѣтъ художественной славы). Текстъ: Жизнь, дѣятельность и заслуги И. К. Айвазовскаго. Иллюстраціи: Портреты и больше ста избранныхъ картинъ И. К. Айвазовскаго съ 1840 г. по 1900 г., въ автографическомъ и фототипическомъ. (Большой томъ въ альбомномъ форматѣ in-4). Цѣна 6 р., съ пересылкой 6 р. 50 к. Въ мягкой папкѣ—добавляется 50 к., а въ роскошномъ переплетѣ—1 р. 50 к.

Альбомъ Русской Живописи:

Картины В. Д. Орловскаго.

На веленовой бумагѣ. Цѣна 2 р., пересылка 50 к.

Альбомъ Академической выставки.

1889 г. (90 иллюстрацій). Ц. 1 р. 25 к., на сложенной бумагѣ 2 р. 50 к.—1896 г. Ц. 3 р., пересылка 50 к.

Адресующіеся въ контору изданій Э. И. Булгакова: Спб., Улица Гоголя (бывш. М. Морская), 9, за пересылкою не платятъ.

DK 169 .C6 A317
Intimnyi dnevnik shevela de-Ko
Stanford University Libraries

3 6105 041 481 966

DK
169
C6A317

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

JUL 10 1970

OCT 23 1978 JUN 12 1992